Максимилиан
ВОЛОШИН

Собрание сочинений

Эллис Лак

Максимиліанъ Волошинъ

Максимилиан

ВОЛОШИН

Собрание сочинений

Под общей редакцией
В.П. Купченко и А.В. Лаврова
при участии Р.П. Хрулевой

Москва
Эллис Лак
2011

Максимилиан

ВОЛОШИН

Собрание сочинений

Том десятый

Письма 1913–1917

Москва
Эллис Лак
2011

ББК 84(2Рос=Рус)-4
УДК 821.161.1-95
В68

***Издано при финансовой поддержке
Федерального комитета по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России»***

**Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований
ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой:
уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации (2009–2011 гг.)».**

**Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской академии наук**

Составление
А.В. Лаврова

Подготовка текста и комментарии
*К.М. Азадовского, В.П. Купченко,
А.В. Лаврова, Г.В. Петровой*

Художник
В.Н. Сергутин

ISBN 978-5-902152-84-2 (т. 10)
ISBN 5-902152-05-4

От составителя

В 10-м томе Собрания сочинений Максимилиана Волошина продолжается публикация его эпистолярного наследия. Основные принципы и критерии, используемые при публикации писем, сформулированы в преамбуле к тому 8 настоящего издания.

Значительная часть писем, входящих в настоящий том, отправлена адресатам после апреля 1917 г. Начиная с этого месяца, Волошин вел свою корреспонденцию преимущественно на пишущей машинке и оставлял у себя машинописные копии писем. Во многих случаях эти копии, сохранившиеся в Доме-музее М.А. Волошина и отчасти в фонде Волошина в ИРЛИ, являются единственными источниками текста. Этим объясняется отсутствие подписей и возможных других автографических компонентов в тексте ряда писем второй половины 1917 г.

Все письма, публиковавшиеся ранее в различных изданиях, проверены и исправлены по архивным первоисточникам.

В томе 10 подготовили тексты писем и составили комментарии:

К.М. Азадовский и *А.В. Лавров* (В.Я. Брюсову);

В.П. Купченко и *А.В. Лавров* (Е.Ю. Григорович, Е.О. Кириенко-Волошиной);

В.П. Купченко и *Г.В. Петрова* (А.М. Петровой, Ф. Сологубу);

А.В. Лавров (С.А. Абрамову, В.А. Амфитеатрову-Кадашеву, В.Н. Аргутинскому-Долгорукову, Л.С. Баксту, Андрею Белому, А.Н. Бенуа, в редакцию газеты «Биржевые Ведомости», К.Ф. Богаевскому, А.Н. Брянчанинову, Е.И. Васильевой, И.В. Гессену, Р. Гилю, Я.А. Глотову, Р.М. Гольдовской, Н.С. Гончаровой и М.Ф. Ларионову, И.Э. Грабарю, Н.И. Ивановской, В.О. Кан, К.В. Кандаурову, К.В. и А.В. Кандауровым, П.Б. Краснову, Г.К. Лукомскому, Ю.Ф. Львовой, С.К. Маковскому, М.А. Нестеровой, А.А. Новинскому, Ю.Л. Оболенской, Е.П. Орловой, С.Я. Парнок, А.М. Пешковскому, М.С. Пропперу, в контору газеты «Речь», В.А. Рогозинскому, в контору журнала «Русская Мысль», М.В. Сабашникову, Б.В. Савинкову, в контору фирмы «Смис-Премьер», П.Б. Струве, А.Н. Толстому, Р.С. Тумаркину, в Феодосийский го-

родской банк, М.И. Цветаевой, К.И. Чуковскому, А.А. Шемшурину, Г.А. Шенгели, военному министру Д.С. Шуваеву, Конст. Эрбергу, И.Г. Эренбургу, В.Я. Эфрон, Е.Я. Эфрон, С.Я. Эфрону);

Г.В. Петрова (М.М. Гаккебушу, А.К. Герцык, А.В. Гольштейн, Л.Я. Гуревич, Е.А. Фельдштейн, М.О. Цетлину, М.С. Цетлиной, Ан. Н. Чеботаревской).

Условные сокращения

ГЛМ – Отдел рукописей Государственного литературного музея (Москва).

ГРМ – Сектор рукописей Государственного Русского музея (Санкт-Петербург).

ГТГ – Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи (Москва).

ДМВ – Дом-музей М.А. Волошина (Коктебель).

Из лит. наследия-2 – сб. «Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. II». СПб.: Алетейя, 1999.

Из лит. наследия-3 – сб. «Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. III». СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

ИМЛИ – Рукописный отдел Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва).

ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

ЛН – Литературное наследство (серия сборников).

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

РНБ – Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

Труды и дни – *Купченко В.П.* Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб.: Алетейя, 2002.

Труды и дни-2 – *Купченко Владимир.* Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. 1917–1932. СПб.; Симферополь: Алетейя – Сонет, 2007.

ПИСЬМА
1913–1917

1913

1. С.К. МАКОВСКОМУ

21 (?) января 1913 г. Москва[1]

Многоуважаемый Сергей Константинович,

Возвращаю те корректуры «Ликов Творчества»,[2] что были мне присланы.

Из числа этих гранок я решил исключить 4 статьи, именно: «Мэтерлинк», «Реми де Гурмон», «Сезанн, Ван-Гог и Гогэн» и «Одилон Рэдон».[3] Таким образом книга значительно сократится и может быть *одним* томом. А две последних статьи я предпочитаю включить в следующую книгу «Ликов»,[4] посвященную *живописи*, издание которой я, если хотите, могу предложить Вам же. Если же нет, то издам, как мне предлагают, в Москве. Печатающаяся же книга только выиграет от этого сокращения в сжатости и законченности.

Что касается статей, мною обещанных, — то я сию минуту как-то бешено занят. Но первое, что у меня будет готово, — это статья о Сарьяне.

Посылаю Вам мой фельетон о «Репинском Иоанне».[5] Он шел настолько вразрез с мнением общества по вопросу об уничтожении этой картины, что, я думаю, он Вам не будет безынтересен. Я готовлю теперь тоже публичную лекцию «Об художественной ценности Репинской картины»,[6] т<ак> к<ак>, право, реклама, ей устроенная, грозит возрождением Передвижничества.

Максимилиан Волошин.

[1] Предполагаемая датировка письма: Труды и дни. С. 311.

[2] Корректура (гранки) книги Волошина «Лики творчества» (СПб.: Изд. «Аполлона», 1914) были получены им не позднее 14 декабря 1912 г. (см.: Т. 9 наст. изд. С. 726).

[3] Первая из указанных статей — либо неизвестная нам, либо сохраненная в составе кн. 1-й «Ликов творчества» под заглавием «Демоны Разрушения и Закона», под которым была впервые опубликована в «Золотом Руне» (1908. № 6; Т. 3 наст. изд. С. 237—259). Вторая, возможно, объединяла два отзыва Волошина о книгах Реми де Гурмона «Литературные прогулки» и «Ночь в Люксембургском саду», ранее опубликованные, соответственно, в журнале «Весы» (1904. № 11) и в газете «Русь» (30 июня 1907 г.) (см.: Наст. изд. Т. 5. С. 471—474; Т. 6, кн. 1. С. 82—92). Третья статья, впервые напечатанная под заглавием «Устремления новой французской живописи (Сезанн, Ван-Гог и Гоген)» (Золотое Руно. 1908. № 7/9), была включена Волошиным в макет кн. 2-й «Ликов творчества» под заглавием «Лики живописи. Сезанн, Ван-Гог и Гоген» (Т. 5 наст. изд. С. 46—61). Четвертая статья (см.: *Там же.* С. 397—399) впервые была опубликована в «Весах» (1904. № 4).

[4] Издание кн. 2-й «Ликов творчества», озаглавленной Волошиным «Искусство и искус», не состоялось. В архиве Волошина сохранился ее макет, предназначавшийся в 1917 г. для московского издательства «Зерна» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 159); в соответствии с ним книга напечатана в составе наст. изд.: Т. 5. С. 5—182.

[5] Статья Волошина «О смысле катастрофы, постигшей картину Репина», опубликованная в «Утре России» 19 января 1913 г. (№ 16) и позднее вошедшая в книгу Волошина «О Репине» (М.: Оле-Лукойе, 1913; см.: Т. 3 наст. изд. С. 309—313). Она представляла собой отклик на акт вандализма, происшедший в Третьяковской галерее 16 января 1913 г.: душевнобольной посетитель музея нанес ножом повреждения картине И.Е. Репина «Иоанн Грозный и сын его Иван» (1884). Волошин осмыслял происшедшее как объяснимую зрительскую реакцию на художественную природу произведения Репина.

[6] С лекцией на указанную тему Волошин выступил 12 февраля 1913 г. в Большой аудитории Политехнического музея в Москве на диспуте, устроенном обществом художников «Бубновый валет». См.: *Там же.* С. 313—335, 541—549.

2. Л.Я. ГУРЕВИЧ

Третья декада января 1913 г. Москва[1]

Многоуважаемая Любовь Яковлевна (я не ошибся в Вашем отчестве?) благодарю Вас за такой обстоятельный и дружественный ответ на мою просьбу,[2] обращенную к Ариадне Владимировне.[3] К сожалению, то, что Вы предлагаете мне,

не соответствует моим желаниям. Я, конечно, с благодарностью и радостью буду посылать Вам подходящие фельетоны для «Рус<ской> Молвы».[4] Но я ищу не это<й> возможности. У меня нет такого места, где я бы мог писать регулярно — и по тем вопросам, которые меня интересуют, независимо от того, касаются ли они театра, литературы, живописи или общественности. Мне, напр<имер>, иногда очень важно писать на ту тему, которая уже обсуждалась в газете, т<ак> к<ак> должен сказать, что (к несчастью для меня) мои мнения никогда почти не совпадают с господствующими в литературе. Потому уже давно мне приходится играть роль какого-то гастролера-престижитатора и на пространстве 150—200 стр<ок> сжимать то, что требовало бы нормально 2—3 фельетонов. У меня, поэтому, установилась репутация парадоксалиста, хотя я для себя только последователен. Те частные отдельные фельетоны, в том виде, как Вы мне предлагаете, для меня удобнее, пожалуй, не зимой, а в те месяцы, когда я живу у себя в Крыму — т. е. с апреля по ноябрь, т<ак> к<ак> 4 зимних месяца я интересуюсь решительно всем, кроме новых книг.

Что касается ближайших тем — то не заинтересует ли Вас вопрос о берлинском «Freya-Bund» (Общество физическ<ого> и нравственного оздоровления посредством наготы)?[5]

Какого размера фельетоны подходят Вам? Мне лично статьи меньше 400—450 стр<ок> мало интересны.

Позвольте мне послать Вам в этом же конверте мой фельетон о порче картины Репина,[6] который мне удалось, хотя и с трудом, поместить в «Утре России».[7] С одной стороны, он покажет Вам теперешнюю мою газетную манеру, а с другой — самый взгляд мой на это событие, идущий вразрез со всем, что писалось, будет Вам не безынтересен.

Еще раз благодарю Вас.

Максимилиан Волошин.

Москва. Криво-Арбатский 13, кв. 9.[8]

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 312.

[2] По прибытии в Москву 6 декабря 1912 г. Волошин находился в поиске регулярной работы, о чем, видимо, писал в несохранившемся письме к П.Б. Струве, который 14 января 1913 г. сообщил ему: «...Ваше письмо я передал редакторам "Русской Молвы"» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1155, л. 1). Письмо, о котором упоминает Струве, не обнаружено. Между тем, видимо, оно лежало в основе переписки Волошина и Гуревич. 4 февраля 1913 г. Гуревич ответила Волошину: «Как литератор я слишком хорошо понимаю Вашу потребность в не стесняемой числом строк свободе писания, слишком хорошо знаю на самой себе гнет заранее предустановленного, всегда слишком небольшого размера намеченной статьи. Но, по-видимому, не только газеты, а и толстые журналы в России, как и на Западе, в последнее время идут к тому, чтобы затрагивать как можно больше тем на возможно меньшем пространстве, – и не в моих силах изменить это. В частности "Р<усская> Молва" ни за что не согласится печатать фельетоны более 200–300 строк, и я тем не менее могу добиться чего-нибудь против этого, что литерат<урным> Отделом заведую только временно, за отсутствием других подходящих лиц, ибо с 1-го февраля уже вступит в силу мой договор со Струве, которому я еще до работы в "Р<усской> М<ол>ве" обещала свое помощничество в литер<атурном> Отделе "Р<усской> Мысли". Но к судьбе "Р<усской> Молвы" я все-таки не равнодушна, потому и делаю, что могу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 477, л. 1).

[3] Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (1869–1962), писатель, журналист, политический деятель, занимала одно из руководящих мест в газете, она привлекла к участию в ней видных представителей русской литературы – А.А. Блока, И.А. Бунина, Сашу Черного и др.

[4] Ежедневная газета «Русская Молва» выпускалась в Санкт-Петербурге с 9 декабря 1912 г. по 20 августа 1913 г. Всего вышло 247 номеров газеты. Официальный издатель Д.Д. Протопопов.

[5] Об обществе натуристов «Freya Bund» («Союз Фрейи», «Свободный союз»), основанном под Берлином доктором Вильгельмом Кестнером, Волошин напишет в своей статье «О наготе» (1914 г.), которая будет опубликована в 1914 г. в № 1 «Дневников писателей» (см. примеч. 2 к п. 66), а позже войдет в состав второй книги «Лики творчества». См.: Т. 5 наст. изд. С. 23–26, 659–661.

[6] См. примеч. 5 к п. 1. Гуревич отвечала в цитированном письме: «Предлагаемая Вами тема ("Freya Bund") принята в редакции, с указанной оговоркой относит<ельно> числа строк, и я рада буду, если

Вы пришлете фельетон поскорее. Благодарю Вас за присланный фельетон “Утра России”, он был тем более интересен мне, что совершенно выразил мое собств<енное> мнение, имеющее свои истоки в первых, детских еще впечатлениях от картин Репина».

[7] «Утро России» – ежедневная газета, выходила в Москве в 1907, 1909–1918 гг., издателем ее был крупный финансист П.П. Рябушинский.

[8] Московский адрес, где проживали В.Я. Эфрон и Е.Я. Эфрон и где по приезде в Москву в декабре 1912 г. поселился Волошин.

3. Л.Я. ГУРЕВИЧ

4 февраля 1913 г. Москва[1]

Москва. Криво-Арбатский 13, кв. 9.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна,

Несколько дней тому назад я получил Ваше письмо и ответил на него.[2] Сегодня же я получил письмо от С. Полякова (Литовцева),[3] которого просил спросить в «Рус<ской> Мол<ве>» о возможности моего сотрудничества. Он сообщает мне, что «Рус<ская> Мол<ва>» согласна печатать 2 моих фельетона в месяц. Ваше письмо не говорило об этом так определенно. Но раз сведение, им сообщаемое, верно – то отношение мое к работе меняется, т<ак> к<ак> это уже не гастролерство, которое, как я писал Вам, так угнетает меня, а регулярная возможность высказываться (я предполагаю фельетоны в 400–450 стр<ок>) по текущим вопросам. Будьте добры ответить мне в нескольких строках: так ли это? И каковы гонорарн<ые> условия «Рус<ской> Молвы»?[4] Я тогда сейчас же поспешу прислать Вам статью.

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: Москва. 4.2.13.

[2] См. п. 2, примеч. 2.

[3] В своем письме С.Л. Поляков сообщал Волошину: «Право, мой друг, ты совершенно напрасно благодаришь меня за “хлопоты”. Мне <...> хлопотать не пришлось, так как твое предложение, мною

формулированное, принято с искренним сочувствием редакцией. И Ариадна Влад<имировна> <Тыркова-Вильямс. — *Ред.*> и Сергей Алекс<андрович> Адрианов говорили мне решительно о 2-х фельетонах в месяц. Материалами завалены все редакции, но, будь уверен, твой материал как интересный не заваляется. Пиши и точка. Пошли свой фельетон и одновременно напиши Тырковой о 2-х фельетонах. Гуревич можешь написать тогда же. Главное — напиши статью и пошли. Послушай меня» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 991, л. 27—27 об.). Сергей Александрович Адрианов (1871—1941), юрист, литературный критик, публицист, переводчик, редактор «Русской Молвы».

[4] Ответ Гуревич на это обращение Волошина неизвестен.

4. Л.Я. ГУРЕВИЧ

25 февраля 1913 г. Москва

Многоуважаемая Любовь Яковлевна,

простите меня, пожалуйста, за молчание и за неприсылку обещанного:[1] моя критика разрезанной картины Репина, и мой ответ на его обвинение молодых художников в том, что они *подкупили* Балашева,[2] вызвали против меня целый поход со стороны московской публики.[3] Пришлось издавать лекцию отдельной брошюрой, документировать ее, она разрослась в небольшую книжку: все это так заполнило последние 2 недели моей жизни, что невозможно было подумать ни о чем другом, ни найти свободной минуты.

Брошюра моя выйдет через 2 дня.[4] И я буду свободен для других работ. Могу ли я прислать Вам фельетон о русской трагедии, которая, по моему мнению, должна возникнуть из Достоевского? (Это к вопросу о «кризисе театра»).[5] Фельетон о Фрейя-Бунд — я дня через 4 смогу выслать.[6] Еще раз извиняюсь за неаккуратность и невежливость. Брошюру о Репине вышлю Вам сейчас же по выходе, как оправдательный документ моего поведения.

Максимилиан Волошин.

Криво-Арбатский 13, кв. 9.
25/II 1913.

[1] См. п. 2.

[2] Абрам Абрамович Балашов (1884–?) – сын московского старообрядца, иконописец, душевнобольной, повредивший картину И.Е. Репина «Иоанн Грозный и сын его Иван» (см. п. 1, примеч. 5, 6).

[3] В книге «О Репине» в разделе «Психология лжи» Волошин воспроизвел многочисленные печатные отклики на свое выступление «О художественной ценности пострадавшей картины Репина» (см. примеч. 6 к п. 1). Это выступление Волошина вызвало целую кампанию в защиту И.Е. Репина (см.: Т. 3 наст. изд. С. 538–550; Труды и дни. С. 313–317) и надолго лишило его возможности печататься в русских газетах, о чем он неоднократно будет писать своим корреспондентам. См. п. 34, 61, 85, 102.

[4] Брошюра «О Репине» вышла в домашнем издательстве М.И. Цветаевой и С.Я. Эфрона «Оле-Лукойе» около 28 февраля 1913 г. См.: Т. 3 наст. изд. С. 305–362.

[5] Замысел написать статью о русской трагедии в связи с творчеством Ф.М. Достоевского связан с выступлением Волошина на диспуте «Кризис театра», организованном 14 февраля 1913 г. в Политехническом музее. См.: Труды и дни. С. 313. Откликаясь на это предложение Волошина, Гуревич писала 3 марта 1913 г. из Петербурга: «Напишите фельетон о будущей трагедии в связи с Достоевским. Так как, уйдя в работу по литер<атурному> Отделу “Русской Мысли”, я вынуждена была отказаться от литер<атурного> Отдела в “Р<усской> Молве” (хотя по-прежнему веду театральный), то во избежание недоразумений я снеслась по вопросу о Вашем фельетоне с Адриановым, и отвечаю на Ваш запрос утвердительно с его согласия. Прислать можно, как хочется, и на мое имя или *прямо в редакцию на имя Сергея Александровича Адрианова.* С интересом жду Вашей брошюры о Репине» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 477, л. 2). Статья Волошина «Русская трагедия возникнет из Достоевского» была опубликована в «Русской Молве» 15 марта 1913 г. (№ 93). См.: Т. 5 наст. изд. С. 203–220, 728–730.

[6] Фельетон о берлинском обществе «Фрейя Бунд» в «Русской Молве» так и не появился. См. примеч. 5 к п. 2. См. также оставшуюся неопубликованной при жизни Волошина его статью «Лицо, маска и нагота» (Т. 5 наст. изд. С. 264–272, 756–758).

5. С.К. МАКОВСКОМУ

Вторая половина февраля 1913 г. Москва

Простите, Сергей Константинович, что отвечаю так неаккуратно:[1] в этом году почему-то я особенно разодран между людьми, событиями и делами.

Я смогу теперь – т.е. за март (до отъезда в Крым) прислать только статью *о Сарьяне*.[2] Ее я сделаю. Другого нет физической возможности успеть.

Пересылаю Вам, кроме того, рукопись Л.И. Некрасовой о «Росетти». Эта статья написана, на мой взгляд, очень интересно и с большим знанием, хотя и без литературного блеска. Я посоветовал автору направить ее в «Аполлон», т<ак> к<ак> мне представилось, что для Вас небезынтересно было бы посвятить Россетти один из летних №№, тем более, что автор предлагает доставить богатый иллюстрационный материал.[3]

В том случае, если Вас это заинтересует – будьте добры ответить ей лично по адресу:

«Москва. Петровское-Разумовское. Сельско-Хозяйственный Институт. Лидии Ивановне Некрасовой».

До свидания.

Максимилиан Волошин.

[1] Неясно, подразумевает ли Волошин свое письмо как ответное на письмо от 6 января 1913 г. (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 462–463; приведено в извлечениях в т. 9 наст. изд. С. 724), или он отвечает на письмо Маковского, нам неизвестное. Ср. запись в регистрационном журнале «Аполлона» за 1913 г.: «11 II. Отвечено Волошину» (Архив М.Л. Лозинского, Санкт-Петербург).

[2] Напоминая Волошину в письме от 6 января 1913 г. о его обещаниях написать для «Аполлона» статьи «о творчестве Сарьяна, о кубизме, о Сапунове», Маковский добавлял: «Фотографический материал для "Сапунова" и "Сарьяна" у меня собран, и чем скорее статьи будут получены, тем скорее они пойдут, т<ак> к<ак> я придаю этим художникам большое значение и *тороплюсь* достойно представить их на страницах "Аполлона"» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. С. 463).

3 Лидия Ивановна Некрасова (урожд. Яковлева; 1873 — после 1942) — поэтесса, переводчица, искусствовед; жена зоолога, эмбриолога и историка биологии А.Д. Некрасова. Ее статья о Данте Габриеле Россетти в «Аполлоне» не появилась. 14 мая 1913 г. Некрасова сообщала Волошину: «Муж видел С.К. М<аковского> в Петербурге. Как будто он хотел взять статью, но с сокращениями, для “Аполлона”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 875).

6. М.В. САБАШНИКОВУ

Начало марта (?) 1913 г. Москва

Многоуважаемый Михаил Васильевич,

Возвращаю Вам мои корректуры.[1] Простите, что так задержал их. Но во время 3-х месяцев, проводимых мною в Москве, у меня обычно распределены все часы с 12 ч. дня до 5 ч. утра за 2 недели вперед, и я в это время еще должен успевать подготовляться к лекциям, писать мелкие статьи... А корректуры требуют именно того, чего у меня совсем нет, — времени. Если бы я не простудился и не сидел бы эти дни дома, то, право, не знаю, когда бы успел их сделать. Если бы я был в Коктебеле — то все бы исполнялось мною быстро и аккуратно — а здесь я физически не могу быть точным.

Должен сказать, что поправки Ек<атерины> Алекс<еевны>[2] меня очень огорчают. Между ними есть, конечно, такие исправления неверностей и рассеянностей, за которые я очень благодарен и которые сделал бы сам. Но рядом с этим и больше всего идет исправление моего словаря (который у меня вовсе не случаен), замена одних слов другими — нарушающими музыкальный и ритмический смысл фразы. Наконец, среди этих исправлений есть и просто искажающие смысл. Я позволял себе испра<в>лять только.

Напр<имер>: «les question ordinaires et extraordinaires» я перевожу «Допросов обычных и с пристрастием» (т<ак> к<ак> речь идет о «пытках»). Но Ек<атерина> Алекс<еевна>, не понимая, о чем идет речь, зачеркивает мой перевод и

пишет: «вопросов важных и неважных». Такие поправки я позволил себе исправлять. Также и явные грамматические неверности – напр<имер>, «ужаснувшийся», котор<ое> она исправляет на «ужаснутый».

Но другие все исправления, хотя бы они мне и очень не нравились – я, согласно выраженному Вами желанию, не исправлял.

Но это все для меня нарушает собственность моего перевода, и я буду просить Ек<атерину> Алекс<еевну>, чтобы она позволила напечатать его – с пометкой «под редакцией Ек. Ал. Бальмонт».[3]

Все это, по-моему, произошло от того, что ей попалась первая корректура набора – со всеми теми предательскими опечатками, которые обычно делают наборщики, и она, приписывая этого рода небрежности мне, исправляла их и там, где мною были поставлены слова взвешенные и продуманные. Ведь я-то очень изучал Сен-Виктора – и именно со стороны стиля. Когда я перевожу – то моя задача всегда в том, чтобы настолько усвоить себе стиль и манеру автора, чтобы не переводить, а писать так, как должен был бы писать он сам, если бы писал по-русски. Это отводит меня часто от точности буквальной, но зато дает возможность угадывать его намерения и выражать мысль больше в духе языка.

Ведь перевод предназначается не для тех, кто может прочесть эту книгу по-французски – и не для того, чтобы им пользоваться как подстрочником, – а для то<го>, чтобы *заменить* подлинник по-русски.

Если в стиль писателя входят малоупотребительные или старинные слова, то я стараюсь найти для него таковые же и по-русски и т.д. Вообще всегда стараюсь найти не *точное*, а *равносильное*; для меня это первое условие художественного перевода, который я всегда понимаю в смысле «adaptation»,* а не «traduction»**.

Если б Вы предоставили мне свободу пользоваться поправками Ек<атерины> Ал<ексеевны> как указаниями, то я был бы только очень благодарен и ей и Вам, потому что

* Приспособление *(фр.)*.

** Перевод *(фр.)*

она сделала очень большой труд, просмотрев так внимательно мой перевод.

Но когда эти поправки *обязательны* — то ведь этим уничтожается с одной стороны ценность моего перевода, как *моего* труда, и с другой стороны я оказываюсь в очень ложном положении пред Екат<ериной> Алек<сеевной>, которой очень благодарен за ее труд над моим переводом, но никак не могу подписать моим именем большинство вариантов, данных ею.

Рассудите же — как сделать.

Максимилиан Волошин.

[1] Корректуры книги Поля де Сен-Виктора (Saint-Victor) «Hommes et Dieux» в переводе Волошина, опубликованной Издательством М. и С. Сабашниковых под заглавием «Боги и люди» (М., 1914. Серия «Страны, века, народы»). См.: Т. 4 наст. изд. С. 326—645, 935—944 (комментарии Д.В. Токарева). 25 января 1913 г. М.В. Сабашников писал Волошину: «Вы меня очень обяжете, если вернете исправленными посланные Вам корректуры Сан-Виктора. <...> Особенно хотелось бы получить уже утвержденными к печати сверстанные листы» (Из переписки М.В. и С.В. Сабашниковых с авторами / Публ. С.В. Белова // Книга. Исследования и материалы. Сб. XXXVIII. М.: Книга, 1979. С. 141).

[2] Е.А. Бальмонт. Подразумеваются сделанные ею исправления в тексте перевода Волошина. 28 декабря 1912 г. / 10 января 1913 г. она писала Волошину из Парижа: «Я сейчас читаю кор<ректу>ры Вашего перевода. Вы будете читать другие. Я нашла много неточностей и есть и ошибки. Я задерживаю так долго кор<ректу>ры, справляясь о разных словах и выражениях, которые, мне кажется, надо проверить. <...> Если не согласитесь с какими-нибудь исправлениями, напишите мне, мне очень интересно. Какой неимоверной трудности этот перевод. И какая чудесная книга» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 229).

[3] Такого указания в переведенной Волошиным книге Сен-Виктора не было дано. В письме к Волошину от 3/16 февраля 1913 г. Е.А. Бальмонт сообщала, что она «с самого начала не имела претензии» редактировать его перевод и что имела дело с присланными ей «корректурными черновиками», а не с окончательной авторской версией текста перевода (письмо приведено в комментариях Д.В. Токарева: Т. 4 наст. изд. С. 939—940).

7. С.К. МАКОВСКОМУ

Середина марта 1913 г. Москва

Многоуважаемый Сергей Константинович,

Эту неделю я был занят до самой последней минуты подготовкой к моей лекции, что еду сейчас читать в провинцию.[1]

Статья о Сарьяне у меня уже внутренно готова. Днями моих разъездов я воспользуюсь, чтобы написать ее, также статью о Сапунове[2] и вернуть корректуры.[3]

В Москве я все время разодран на мелкие кусочки. Нельзя ли нам отложить издание «Ликов Творчества» на осень?

Около 1 апреля я вернусь в Москву на несколько дней, а затем уеду в Коктебель.[4] С большим огорчением прочел я в «Аполлоне» выпад по моему адресу, об «идейных защитниках Балашова».[5] Когда московские газетки устраивают на меня травлю — за мое мнение, что виновато в катастрофе искусство Репина, а не Балашов, — это в порядке вещей. Но от «Аполлона» — я ожидал совсем не этого. Получили ли Вы брошюру мою «О Репине», с описанием травли на меня?[6] Неужели я должен был бы включить туда и мнение «Аполлона»?[7]

Максимилиан Волошин.

[1] 20 марта Волошин выехал из Москвы в Смоленск, затем в Витебск и Вильно; в этих городах он выступал с лекцией «Жестокость в жизни и ужасы в искусстве» (см.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 290—320). В Москву Волошин возвратился 25 марта.

[2] Статья Волошина «Памяти Н.Н. Сапунова» была опубликована в № 4 «Аполлона» за 1914 г. (С. 5—7). См.: Т. 5 наст. изд. С. 105—108.

[3] Корректуры книги «Лики творчества».

[4] Волошин выехал из Москвы в Коктебель 7 апреля.

[5] См. примеч. 2 к п. 4. В хроникальной заметке, освещавшей это происшествие в Третьяковской галерее, А.А. Ростиславов писал: «...почему-то наши газетчики увидели в этой прискорбной катастрофе повод к самым невероятным художественно-критическим излияниям. Нашлись даже “идейные” защитники Балашова (!).

О, Русь! Впрочем, главный виновник всей этой глупейшей газетной шумихи – сам Репин, заявивший <...> что ответственны перед Россией за покушение Балашова – “художники-модернисты, не уважающие старого искусства...”» (Аполлон. 1913. № 2. С. 61).

[6] См. примеч. 3 к п. 4.

[7] Ср. запись М.Л. Лозинского в регистрационном журнале «Аполлона» за 1913 г.: «26 III. Отв<ечено> М. Волошину» (Архив М.Л. Лозинского). Это письмо, написанное, по всей вероятности, Маковским, в архиве Волошина не сохранилось. Скорее всего, в нем выражалась поддержка Волошину в его истолковании инцидента с картиной Репина. Эта поддержка недвусмысленно высказана и в обзоре Я. Тугендхольда «Московские выставки», помещенном в мартовском выпуске «Аполлона»: «Правильный (как бы мы ни смотрели на его своевременность) отпор, данный М. Волошиным Репину, трижды обвинившему молодежь в подкупе Балашова, вызвал со стороны московской прессы преувеличенно яростные нападки против “Бубнового Валета”, под флагом которого выступил Волошин... Я говорю – правильный, потому что дело шло не только о протесте против обилия крови в репинской картине <...>, но и о протесте против тех “кулачных приговоров” <...>, которыми Репин всегда расправлялся с инакомыслящими художниками» (1913. № 3. С. 56).

8. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

21 марта 1913 г. Смоленск[1]

Смоленск. 21/III 1913.

Дела плохи. Сбор 50 р. Газеты бойкотируют.[2] Гр<игорий> Спир<идонович> подавляет.[3] Публики мало. Но моральный успех безусловно был. Город очень хорош. Тенишевский музей прекрасен.[4] Познакомился с Борщевским (известн<ый> археолог),[5] провел целый день с ним. В общем очарован. Сейчас едем ночью в Витебск, где ждет наверный провал, т<ак> к<ак> Гр. Петров прочел три лекции подряд. А завтра читает их в Смоленске. Впрочем, его здесь называют «обывательский лектор». Дальше – за Витебском – в Вильне, в Лодзи – есть надежда на успех.[6] До свиданья. Целую обормотов.

МАХ.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Витебск. 22.3.13; Москва. 24.3.13. Отправлено по адресу: Кривоарбатский пер., 13, кв. 9.

[2] См. п. 7, примеч. 1. Письмо отправлено после выступления в Смоленске в Благородном собрании с лекцией «Жестокость в жизни и ужасы в искусстве». «Бойкотирование» в печати этого выступления Волошин имел основания связывать со скандальной реакцией в прессе и общественном мнении на предпринятую им в феврале 1913 г. критику картины И.Е. Репина «Иоанн Грозный и сын его Иван». См. п. 1, примеч. 5.

[3] Одновременно совершал лекционные гастроли по провинции Г.С. Петров; его выступления традиционно сопровождались шумным успехом.

[4] Музей русской старины, основанный княгиней М.К. Тенишевой в Смоленске в 1898 г.

[5] Иван Федорович Борщевский (1851–1948) – смоленский археолог, руководитель керамической мастерской в Талашкине (с 1897 г.), главный хранитель Музея русской старины в Смоленске (с 1911 г.), фотограф (в 1913 г. вышли в свет пять выпусков «Русских древностей по снимкам Борщевского»).

[6] В Вильно Волошин прочитал лекцию «Жестокость в жизни и ужасы в искусстве» 23 марта (в Железнодорожном кружке), в Витебске – 24 марта (в Гражданском клубе); поездка в Лодзь не состоялась.

9. М.В. САБАШНИКОВУ

Третья декада мая (?) 1913 г. Коктебель[1]

Многоуважаемый Михаил Васильевич,

Посылаю Вам приблизительную программу книги о Готике.

Я предполагаю назвать ее «Дух Готики» или «О ДУХЕ ГОТИКИ» – это всего вернее. Т<ак> к<ак> я предполагаю, что она будет без иллюстраций, как остальные книги серии, то хочу ее сделать возможно более литературно-образной.[2]

Главной путеводной нитью мне будут служить два громадных труда Emile Mâle «L'Art de XIII siècle» и «L'Art de la fin du Moyen-Age».[3] Я постараюсь дать их экстракт в IV и V отделах книги. Но попутно включу туда и свои обобщения и дополнения. Главная цель книги: чтобы с нею в руках

можно было прочесть Готический собор сверху донизу, как в его архитектуре, так и в его символах. Дать полный *ключ* к готике.

Но кроме Mâle'я я буду пользоваться и многими другими трудами, конечно. (André Michel, Enlart, Quicherat, Brutails, Gaston Paris, Langlois, Corroyer). Иллюстрирую всё описаниями из Гюисманса, Гюго[4] и др<угих> писателей, подходивших к готике.

Что меня приводит в некоторое смущение — это вопрос об экономической стороне готических построек. Это не моя область. Правда, вопрос о корпорациях каменщиков меня бы мог очень заинтересовать — но об этом во французской литературе нет никаких обобщающих книг, а добыть сюда, в Коктебель, различные издания, служащие источниками, конечно, невозможно. Я, конечно, коснусь условий постройки и организации корпораций, но не смогу это сделать ни слишком подробно, ни по существу.

Теперь вопрос о книгах. У меня есть довольно много из нужных книг. Но придется много и выписать. По моему подсчету, рублей на 50, на 60 (150 fr.) (т<ак> к<ак> большинство изданий дорогие по 15 fr., по 20). Не согласитесь ли Вы оплатить мне эти книги, как дополнение к гонорару (но с тем, чтобы книги эти остались мне). Мне кажется, это было бы справедливо.

Если же Вы не найдете это возможным, то дайте мне эти 60 р. авансом в счет гонорара.

Т.е. не давайте мне их, а прямо переведите их моему либрэру[5] в Париже с упоминанием, что они должны идти в мой счет. Это гораздо проще, чем посылать деньги сюда и отсюда в Париж. А я сам прямо пошлю туда список книг.

Адрес такой: «Librairie Alfonse Picard. 82. Rue Bonaparte. Paris. Pour le courtie<r> de Maximilien Volochine».[6]

Что касается плана книги, то он только приблизителен и я оставляю себе право его обработать, изменить и дополнить.[7]

Что касается срока, то я думаю всю эту работу исполнить к началу декабря, т.е. к моему возвращению в Москву, не раньше.

Напомню наши условия: Вы мне предложили гонорар 600 руб. (как за перевод) и какой-то процент со следующих изданий. Но какой %? и какие издания во сколько экземпляров, не помню?

Напоминаю тоже, что в том случае, если книга о готике не пройдет (что для меня будет весьма прискорбно, т<ак> к<ак> меня эта работа весьма захватывает), то Вы мне обещали перевод Philippe Monnier «Venise au XVIII siècle».[8]

Вы, вероятно, уже получили и корректуры и книгу?[9]

Максимилиан Волошин.

[1] Предполагаемая датировка письма: Труды и дни. С. 322.

[2] Предварительная договоренность о написании для Издательства М. и С. Сабашниковых книги о готическом искусстве была достигнута Волошиным, вероятно, в ходе встреч с М.В. Сабашниковым в Москве зимой 1912–1913 г. Работа над книгой не была завершена. В архиве Волошина сохранились несколько относящихся к этому замыслу фрагментов текста, а также планы, наброски и выписки из исследовательских источников. См.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 639–655, 963–973; *Лавров А.В.* «Дух готики» – неосуществленный замысел М.А. Волошина // Лавров А.В. Русские символисты. Этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. С. 303–329.

[3] Исследования Эмиля Маля «Религиозное искусство XIII века во Франции» («L'Art religieux du XIII-e siècle en France», 1899) и «Религиозное искусство позднего средневековья во Франции» («L'Art religieux de la fin du Moyen Age en France», 1908).

[4] Подразумеваются интерпретации готической архитектуры в романах «Собор» («La Cathédrale», 1898) Жориса Карла Гюисманса и «Собор Парижской Богоматери» («Notre-Dame de Paris», 1831) Виктора Гюго.

[5] Libraire (*фр.*) – книгопродавец.

[6] 13 июня 1913 г. Сабашников сообщил Волошину: «Я перевел Picard'у 150 fr. и написал ему, что деньги переводятся в уплату за книги, кот<орые> Вы от него выписываете. Итак, Вам остается только послать ему заказ» (Книга. Исследования и материалы. Сб. XXXVIII. М.: Книга, 1979. С. 146. Публ. С.В. Белова).

[7] Сабашников ответил Волошину 2 июня 1913 г.: «С планом Вашим мы согласны и просим изготовить текст. Прошу при этом считаться с двумя обстоятельствами: 1) книга не должна превышать объемом книги Сен-Виктора, переведенной Вами, 2) книга не должна состоять из одних впечатлений, но содержать и объективные данные, содержать "материал". Затем обо всем остальном мы уже так много с Вами беседовали, что повторяться было бы излишне. Замечу лишь еще одно. Мне не представляется возможным выпустить такую книгу без иллюстраций. Чем конкретнее, объективнее, "материальнее" будет текст, тем больше он, конечно, будет требовать иллюстраций – для уяснения читателю того, о чем говорится. Некоторое количество иллюстраций, по-моему, явится совершенно необходимым, если книга будет иметь тот характер, какого мы хотели. <...> Какое? Каких? Обдумайте и осенью сделайте предложения» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1057).

[8] О намерении перевести на русский язык книгу Филиппа Монье «Венеция XVIII века» (1908) Волошин писал Сабашникову 14 мая 1912 г. (Т. 9 наст. изд. С. 705).

[9] Имеются в виду корректуры перевода и французский оригинал книги П. де Сен-Виктора (см. примеч. 1 к п. 6).

10. КОНСТ. ЭРБЕРГУ

11 июля 1913 г. Коктебель[1]

Дорогой Константин, большою радостью для меня <было> получение Вашей книги.[2] Она пришла сегодня утром, успел только разрезать и перелистать и почувствовал, как она важна и нужна для меня. Все, что было случайным и разрозненным в журналах, в ней стройно и цельно. С радостью буду читать ее теперь.

Вы недалеко – в Анапе? Надолго ли? Нельзя ли нам привести в исполнение наш план: встретиться на наших скифских берегах? Не заедете ли Вы ко мне (Коктебель – 18 верст лошадьми от Феодосии)?[3]

Я в Коктебеле – все лето – до ноября.

Жму Вашу руку.

Максимилиан.

11/VII 1913. Коктебель (Феодосия).

[1] Открытка. Почтовые штемпели: отправления – Феодосия. 13.7.13, получения – Анапа. 16.7.13.

[2] Имеется в виду книга философско-эстетических работ Конст. Эрберга «Цель творчества» (М.: Русская Мысль, 1913), вышедшая в свет в мае 1913 г. Сохранилась в Доме-музее М.А. Волошина в Коктебеле; дарительная надпись: «Максимилиану Волошину Константин Эрберг. Анапа 1913».

[3] Эрберг приглашением приехать в Коктебель не воспользовался.

11. К.В. КАНДАУРОВУ

10 сентября 1913 г. Коктебель

10.IX.1913.

Дорогой Константин Васильевич, письмо твое я получил как раз в тот момент, когда кончал статью о Сарьяне.[1] А не писал я тебе потому, что, вернувшись из Коз,[2] я сейчас же принялся за эту статью и не хотел писать тебе раньше, прежде чем ее не окончу и не пошлю тебе ее вместе с письмом в виде оправдательного документа. Ты ее получишь одновременно с моим ответом. А когда прочтешь (покажи ее Сарьяну, если найдешь нужным), то вышли, не задерживая, Маковскому.[3]

После Коз началась новая жизнь. Вернувшись, я застал еще Веру и Лилю.[4] Но они уехали через два дня. Всё опустело и дом перешел на осеннее положение. (А погода на летнее). Теперь, кроме Оболенских, никого не осталось.[5] Я сразу принялся за работу. Сейчас пишу о Сапунове (тоже для «Аполлона» давно обещанное)[6] и читаю материалы по готике. Чувствую, что совсем другим человеком стал. Еще в Козах, несмотря на работу и тишину, не кончалась коктебельская летняя тоска и смута – как бы выходила из меня. Теперь же я снова – Я, и снова начинаю жить. Мамино настроение и состояние здоровья не хорошо. Наши отношения не так остры (т.е. я меньше реагирую), но и бывают часы и дни глубокой безнадежности. У меня вся надежда на тебя, на то, о чем ты будешь с мамой зимой говорить. Потому самому

выяснить нет никакой надежды. Иногда по несколько дней всё идет ясно, спокойно. А потом вдруг снова завязывается в безвыходный узел.

В Козах было очень хорошо и очень хорошо работалось. Ты знаешь это из писем Владимира Александровича. Кон<стантин> Феод<орович> работал много.[7] Но рисунок сепией и кистью не пригоден для гор — он годится для деревьев. Его большие рисунки сепией с холмов дали ему очень много для композиционной работы, но внешне они не интересны. В конце он перешел к карандашу, как более документальному материалу. Но очень важно то, что после стольких лет перерыва он вернулся к работе с натуры и вошел в нее. «Козы», я уверен, надолго оплодотворят его.

Теперь я часто и подолгу беседую с Юлией Леонидовной с очень большим интересом и увлечением.[8] У нее редкая начитанность по самым разнообразным вопросам. С нею очень интересно говорить.

Живопись я по приезде из Коз оставил и теперь имею дело только с книгами и чернилами.

Напиши мне, что Сарьян привез из Персии?[9] Ужасно досадно, что приходится посылать эту статью, не видавши его последней ступени. Передай ему привет.

Всё у меня было бы хорошо, если бы через два-три дня мне не приходилось бы снова бросать работу: начнутся переделки и заканчиванье моей мастерской. Работы, вероятно, будет недели на две. Работать будут в моей же комнате, а мне нельзя будет ни уйти, а, оставаясь, ничего делать. Это очень досадно. Но я рад, что покончил со статьями о Сарьяне и Сапунове. Последнюю только переписать.

Привет Анне Влад<имировне>.[10] Крепко обнимаю тебя.

MAX.

[1] В письме из Москвы от 5 сентября 1913 г. Кандауров укорял Волошина за молчание («...ты толстый лентяй, бесчувственный карадагский булыжник, сосновый пень и т.д. ... С глаз долой, из сердца вон! Ты вообще меня не балуешь письмами») и спрашивал его о текущих делах, о работе над статьей о Сарьяне (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 615).

[2] В татарскую деревню Козы, или Кок-Гез (в Козской долине в 20 верстах от Коктебеля, между Отузами и Судаком, ныне Солнечная долина) Волошин уехал для работы над этюдами 15 августа 1913 г., возвратился в Коктебель 29 августа (Труды и дни. С. 328–329).

[3] 19 сентября 1913 г. Кандауров известил Волошина: «Я получил статью о Сарьяне и отослал ее Маковскому» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 615). Статья «М.С. Сарьян» была опубликована в «Аполлоне» (1913. № 9. С. 5–21). См.: Т. 5 наст. изд. С. 149–163.

[4] В.Я. Эфрон и Е.Я. Эфрон. Они жили в Коктебеле с мая 1913 г.

[5] Имеются в виду Ю.Л. Оболенская и ее мать Екатерина Ивановна Оболенская. Они приехали в Коктебель в середине мая 1913 г., уехали 23 сентября (Труды и дни. С. 321, 332).

[6] См. п. 7, примеч. 2.

[7] В.А. Рогозинский и К.Ф. Богаевский. Они ездили в Козы вместе с Волошиным. См. примеч. 12 к п. 13.

[8] Ю.Л. Оболенская. Пребывание в Коктебеле летом 1913 г. и беседы с Волошиным отражены в ее дневниковых записях (*Оболенская Юлия*. Из дневника 1913 года // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. С. 302–310). См. также наброски ее воспоминаний «Материалы к биографии К.В. Кандаурова. Черновики» (А.Н. Толстой. Новые материалы и исследования (Ранний А.Н. Толстой и его литературное окружение). М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 201–210. Вступ. статья и публ. Г.Н. Кирьянова). В ответном письме от 19 сентября Кандауров отмечал: «Очень рад за тебя, что ты разговорился с такой интересной, какой <?> оказывает<ся> Юл<ия> Леонид<овна>. Я это знал раньше Вас всех».

[9] Поездка М.С. Сарьяна в Персию состоялась в 1913 г.

[10] А.В. Кандаурова.

12. К.В. КАНДАУРОВУ

14 сентября 1913 г. Коктебель[1]

Милый Константин Васильевич, одновременно я посылаю тебе заказною бандеролью статью «Чему учат иконы?». Мне ужасно не хочется отдавать ее Маковскому; ты говорил мне, что Муратов устраивает журнал, посвященный иконописи. Может, моя статья окажется подходящей туда? Пожалуйста – позвони ему в Румянцевский и спроси.[2] Я посылаю тебе ее, потому что хочется, чтобы ты прочел ее

раньше, потому что она принадлежит к порядку тех несвоевременных моих статей, которые обычно не находят себе места и пропадают бесследно, затерявшись в редакциях. Получил ли статью о Сарьяне?[3] Статью о Сапунове я тоже закончил.[4] Но она лежит на столе у меня и ждет оказии быть отправленной на почту, как будут ждать и это письмо и эта бандероль, ибо у нас четвертый день равноденственная буря и всемирный потоп.

[Сейчас хочу оставить пока статьи <и> занять<ся> переводом драмы «Рама» на конкурс «Дома Песни».[5] Я думал, что уже пропустил все сроки. Но оказывается, что это к 1-му ноябрю, и я смогу успеть. А это, в случае успеха, все-таки 400 руб. В месяц можно успеть.]*

А попутно читаю книги для готики, которых нужно перечесть много. Живопись оставляю. Весь день теперь мой. По вечерам подолгу беседую с Юлией Леонидов<ной>.[6] И открываю в ней всё новые неожиданные стороны и интересы. В Судак на днях приедет Маргар<ита> Вас<ильевна> и будет в Коктебеле вероятно. Она сейчас в Москве.[7] Позвони ей (33–36), у нее наверно есть новые картины, которые надо выудить для Выставок. Приветствую Анну Владим<ировну>[8] и вспоминаю наши гиппо-дельфиньи игры, когда уплываю по утрам в море.

MAX.

[1] Датировка – по кн.: Труды и дни. С. 331. Открытка; почтовые штемпели: Феодосия. 17.9.13; Москва. 19.IX.13.

[2] П.П. Муратов работал в Румянцевском музее с 1906 г., с 1910 г. – помощник хранителя, позднее хранитель Отдела изящных искусств и классических древностей (так называемого Художественного отдела). 19 сентября 1913 г. Кандауров отвечал Волошину: «Муратов уехал на месяц в Италию, а потому я ничего не знаю еще о журнале» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 615). Первый номер журнала «София» (редактор – Муратов, издатель – К.Ф. Некрасов), уделявшего преимущественное внимание древнерусскому искусству,

* *Этот абзац зачеркнут, слева на полях приписка:* Зачеркиваю, потому что раздумал. Теперь принялся за статью о Сурикове. Напишу подроб<но> ниже <?> *(Чернила смазаны).*

вышел в свет в середине декабря 1913 г. (см.: Из истории сотрудничества П.П. Муратова с издательством К.Ф. Некрасова / Вступ. статья, публ. и коммент. И.В. Вагановой // Лица. Биографический альманах. Вып. 3. М.; СПб.: Феникс-Atheneum, 1993. С. 233–234), всего вышло шесть номеров (1914). Волошин в журнале не участвовал. Статью «Чему учат иконы» Кандауров переслал С.К. Маковскому в «Аполлон», где она и была опубликована (1914. № 5. С. 26–33). См.: Т. 5 наст. изд. С. 133–138.

[3] См. примеч. 3 к п. 11.

[4] См. примеч. 2 к п. 7.

[5] «Дом песни» – организованный в Москве в 1908 г. центр концертно-лекционной пропаганды новых идей в музыке. Среди ряда конкурсов, объявленных «Домом песни», был конкурс «на перевод драмы "Рама" индусского поэта Бавабути» (*Андрей Белый.* Начало века. М.: Худож. литература, 1990. С. 427). На сюжеты из героического эпоса «Рамаяна» написаны две из трех пьес классика древнеиндийской литературы Бхавабхути (VIII–IX вв.) – «Махавирачарита» («Жизнь великого героя») и «Уттарарамачарита» («Последующая жизнь Рамы»). Волошин намеревался переводить пьесу, видимо, с французского перевода.

[6] Ю.Л. Оболенская. О содержании бесед см. в ее дневниковых записях (Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. С. 304–309).

[7] М.В. Сабашникова приехала в Москву из Мюнхена около 30 августа / 12 сентября 1913 г.

[8] А.В. Кандаурова.

13. А.М. ПЕТРОВОЙ

21 сентября 1913 г. Коктебель[1]

Милая Александра Михайловна, только что получил письмо от Нюши,[2] из которого узнал, что они с Аморей[3] уже четыре дня у Вас, а теперь уехали к Латри.[4]

Я, к моему большому сожалению, никуда не могу отлучиться из Коктебеля. Уже дня четыре, как у меня в мастерской началась работа: переделка и заканчиванье всего, что не доделал подрядчик весною.[5] Мне приходится целый день присматривать, указывать, соображать. И нельзя рабочих оставить одних в моей комнате. А тут и столяры, и печники,

и штукатуры, и маляры, и кровельщики... И это еще будет длиться дней 10. Словом, я совсем парализован, и если А<моря> с Н<юшей> не приедут сами в Коктебель – я их так и не увижу. Уговорите их не ехать в Судак. Раз они проехали к Латри – им удобнее всего было бы там и остаться. Наверно, их будут просить об этом. А затем они могли бы дня на 3 – на 4 приехать в Коктебель. Нюша пишет, что Аморя хочет немного «уединиться». Конечно, это было бы в Коктебеле удобнее всего: теперь весь дом пуст, все тихо. Душевная атмосфера тоже стихла и очистилась с наступлением осени. Мама не сердится и не волнуется.

Обед нам присылает Елена Павловна,[6] недурно, но не обильный. Если же они привезут сыра, ветчины, консервов и др., то еда совсем может не стеснять их.

Я одновременно посылаю Нюше открытку[7] (на имя Латри в Галерею) на тот случай, если они еще в Баран-Эли задержатся. Там я пишу об этом же.

Нюша пишет, что они заедут в Коктебель из Судака, возвращаясь. Это труднее всего, т<ак> что они, наверное, тогда не попадут к нам. А мне будет страшно досадно, если я их совсем не увижу, и я думаю, что маме будет (хотя она и скроет это) очень обидно, если Маргоря совсем не заедет.[8]

Пожалуйста, Алекс<андра> Мих<айловна>, отсоветуйте им ехать в Судак. Гораздо будет лучше, если они разделят свой малый срок только между Феодосией, Баран-Эли и Коктебелем.

Я мог бы в воскресенье отлучиться из Коктебеля. Но я не знаю, куда? Ведь они, наверно, еще не вернутся в Феодосию из Баран-Эли. А позже совсем невозможно оставить дом всю неделю.

Я все это время много работал. Написал статьи о Сарьяне, о Сапунове, об иконах и отправил все Конст<антину> Василь<евичу>.[9] Теперь, с началом перестройки пришлось пока оставить работу, и я только читаю да после обеда до сумерек брожу в горах.

Готовлюсь к зиме и очень радуюсь такому большому и долгому уединению. Вообще воскрес после лета. И все кругом переменилось и уравновесилось.

Козы были переломом.[10] Живописью совсем не занимаюсь — только пишу.

До свиданья. Целую Нюшу и Аморю. Ответьте мне сейчас же, пожалуйста.[11]

Max.

[1] Датируется по почтовому штемпелю получения: Феодосия. 21.9.13.

[2] 19 сентября 1913 г. А.Н. Иванова писала Волошину: «Мне страшно обидно, что я не дала Вам адреса Ал<ександры> Мих<айловны>, у которой мы остановились, и что я не написала Вам тотчас по приезде. Мы здесь вместо одного дня пробыли почти четыре. Сначала из-за усталости остались на день, а потом из-за автобуса, который не пошел, и мы должны были со всеми вещами опять вернуться к Ал<ександре> Мих<айловне>. Вообще настолько были не уверены, доедем ли и как до Судака, и что там найдем, что вчера вечером решили ехать к Латри в Баран-Эли, кот<орые> очень нас зовут на несколько дней и вышлют за нами лошадей. Думаю, что мы все же проедем на неделю в Судак, т<ак> к<ак> Маргоря страшно устала, и ей хочется побыть в полном одиночестве. К Латри сейчас она едет больше из-за меня, и потому что мы отчаялись... Мы спишемся с Вами, милый Макс, и заедем к Вам, верно, на обратном пути, т<ак> к<ак> у нас все сроки очень ограничены». В конце этого письма М.В. Сабашникова приписала: «Милый Максюточка, вполне подписываюсь под всем, что сказала Нюша. Радуюсь повидать тебя и надо о многом поговорить» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 88–89).

[3] М.В. Сабашникова.

[4] Михаил Пелопидович Латри и его супруга Ариадна Николаевна Латри (урожд. Арендт; 1876 – ок. 1943), проживали в имении Баран-Эли возле Феодосии, где была оборудована специальная керамическая мастерская.

[5] В конце 1912 – начале 1913 г. к дому Волошина в Коктебеле была пристроена двусветная мастерская с кабинетом над ней, по его собственному проекту. Подрядчиком, руководившим работами, был феодосиец, Михаил Сергеевич Сиников (?).

[6] Е.П. Паскина (урожд. Тещ; 1869–1937), содержательница столовой в Коктебеле, дочь московского врача П.П. фон Теша, гражданского мужа Е.О. Кириенко-Волошиной.

[7] Эта открытка не обнаружена.

[8] М.В. Сабашникова выехала вместе с А.Н. Ивановой в Крым из Москвы 14 сентября 1913 г., три дня они провели у А.М. Петровой в Феодосии, с 21 по 23 сентября – в Баран-Эли, 23 сентября приехали в Коктебель (см.: Летопись жизни и творчества Маргариты Васильевны Сабашниковой / Сост. В.П. Купченко // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. 2000. Т. III. № 3. С. 378; Труды и дни, 332).

[9] К.В. Кандауров. См. п. 7, примеч. 2, п. 11, примеч. 3, п. 12.

[10] С 15 по 29 августа вместе с К.Ф. Богаевским и В.А. Рогозинским Волошин занимался в Козах живописью. (См.: Труды и дни. С. 328–329). Позже в своих набросках к автобиографии он писал: «Годы перед войной я провожу в Коктебельском затворе, что дает мне возможность сосредоточиться на живописи и заставить себя снова переучиться с самых азов, согласно более зрелому пониманию искусства» (Т. 7, кн. 2, наст. изд. С. 251). О времени, проведенном Волошиным в Козах, в архиве К.Ф. Богаевского сохранилась шуточная заметка В.А. Рогозинского в рукописную газету «Коктебельское эхо», где автор писал: «Дни работы и зноя, ночи безумного сна и неожиданных пробуждений из-за сколопендр, пауков и фаланг. Виноград всюду. Молчаливое присутствие татар. <...> Проходят дни – и веселый гудок авто будит окрестности. Очарование разрушилось; Макс вновь поэт и с недоумением смотрит на 170 своих этюдов» (РГАЛИ, ф. 700, оп. 1, ед. хр. 61).

[11] 22 сентября 1913 г. Петрова отвечала Волошину: «Вы правы: я тоже уговаривала М.В. и Анну Н<иколаевну> ограничиться Баран-Эли, если им там будет хорошо; да они и сами смущались <...> ехать на неделю в Судак. Латри думают на днях поехать в Отузы и предлагали М.В. и А.Н. завезти их на целый день в Коктебель, к Вам. Так, вероятно, и решится все, а там видно будет. Я не давала Вам знать о приезде М.В., предоставив ей самой эту инициативу. Скажу Вам одно: меня глубоко радовало все ее отношение к Вам. Она вообще совершенно изменилась; окрепла. С Вами, как видно, очень желает повидаться. Мы страшно жалели, что Вы не приехали сюда. Жалели, что не дали Вам знать по приезде, так как они задержались здесь дольше, чем предполагали. <...> М.В., правда, ищет уединения, так к<а>к захватила много работы с собой» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 11–12 об.).

14. К.В. КАНДАУРОВУ

22 сентября 1913 г. Коктебель[1]

Дорогой Константин, благодарю тебя за письмо и предложение.[2] Но, к сожалению, должен ответить отказом: я никуда из Коктебеля не выеду до весны. Мне необходимо полное уединение и работа, не только внешняя, но и внутренняя. Прерывать ее нельзя. Кроме того, сейчас (завтра) приезжает Марг<арита> Вас<ильевна> и пробудет в Коктебеле недели две.[3] Это такой редкий случай, что я, конечно, не уеду. А еще сейчас идут работы по исправлению мастерской, и мне приходится неотлучно присматривать. Пока и не хотел бы выступать в Москве: пусть позабудется всё прошлогоднее. О Гончаровой я бы сейчас и не нашел, что сказать. О Головине и нашел бы, и хотел бы, но невозможно. Главное, мне надо уединиться как следует, чтобы самого себя собрать. А то ведь летом всё во все стороны полезло. Стыдно вспоминать. Ради Бога, не вызывай меня в Москву и ничем не соблазняй, пока я сам не скажу: теперь я могу. Рагозинский вчера возил нас (маму, меня и Кон<стантина> Феод<оровича>[4]) к Латри, где Марг<арита> Вас<ильевна> и Нюша.[5] Завтра они переедут в Коктебель. Рагозинск<ого> задерживают всё денежные осложнения и продажа автомобиля. Раньше чем через неделю им не выехать. Оболенские уезжают завтра, Манасеины тоже. Начнется новая полоса жизни в Коктебеле. Привет Анне Влад<имировне>.[6] Где Валетка?[7] Задержи статью об иконах пока у себя. Хоть бы слово написал — доволен ли статьей о Сарьяне или нет. С мамой все хорошо: тихо и мирно. Она очень рада приезду М<аргариты> В<асильевны>.

MAX.

[1] Почтовый штемпель отправления: Феодосия. 23.9.13.

[2] 19 сентября 1913 г. Кандауров писал Волошину: «Я устраиваю в Москве полную выставку Гончаровой. И хочу устроить на выставке в одной из зал, вместимостью до 200 человек, несколько лекций о ее творчестве. <...> Если ты будешь согласен, то вышлем тебе на про-

езд денег. Половина дохода в твою пользу. <...> Выставка откроется 29 сентября, и через неделю надо будет уже читать. После Гончаровой хочу устроить полную выставку Головина и, конечно, опять ряд вечеров с твоей лекцией о Головине» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 615).

[3] М.В. Сабашникова прожила в Коктебеле с 23 сентября до, вероятно, 8 октября 1913 г. См. п. 13, примеч. 2, 10.

[4] К.Ф. Богаевский.

[5] А.Н. Иванова. См. п. 13, примеч. 4.

[6] А.В. Кандаурова.

[7] Валетка — Валентина Владимировна Успенская, родственница А.В. Кандауровой, московская актриса и художница-прикладник (в замужестве Базарова). Умерла в Париже после 1931 г.

15. А.М. ПЕТРОВОЙ

22 сентября 1913 г. Коктебель[1]

Милая Александра Михайловна, Вы знаете, конечно, что Рагозин<ский> нас возил к Латри[2] и что завтра Марг<арита> и Нюша переезжают в Коктебель.[3] Я страшно рад этому.

Пожалуйста, пришлите мне по почте те штейнеровские «условия» для вступающих в общество, что Вам перевела Марг<арита> Вас<ильевна>.[4] Мне очень нужно их увидать. Мы вчера успели поговорить о многом, но, конечно, мало.

Они останутся в Коктебеле, а в Судак только съездят. Приезжайте, если можно, к нам вместе с Рагозинским.

Мах.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 332.

[2] Речь идет о поездке 21 сентября 1913 г. с В.А. Рогозинским в Баран-Эли. См. п. 14.

[3] См. примеч. 10 к п. 13.

[4] В январе 1913 г. вследствие расхождения взглядов Р. Штейнера и руководства Теософского общества на роль и место христианства в теософской эзотерике немецкая секция была преобразована в самостоятельное Антропософское общество. 20 января ст.ст. / 2 февраля н.ст. 1913 г. в Берлине открылось первое генеральное собрание

Антропософского общества. В недатированном письме М.В. Сабашникова отправила А.М. Петровой «Наброски основных положений Антропософского общества» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 9, л. 1—4) с пожеланиями: «Прочтите не один раз. Поймите, что дано в этой скромной форме. Взвесьте каждое слово и на свою ответственность решите, член ли Вы такого общества» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 39, л. 51 об.).

16. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

3 октября 1913 г. Коктебель[1]

Коктебель. 3.X.1913.

Посылаю Вам, Юлия Леонидовна, письмо, пришедшее на Ваше имя, и повестку.[2] Вероятно, Вы уже получили по ней, т<ак> к<ак> она дубликат, но на всякий случай посылаю.

Не могу удержаться, чтобы не сообщить Вам, что, когда, немедленно после Вашего отъезда, я зашел в запертую комнату Магды Максимилиановны,[3] то нашел там под кроватью большого черного пса, совершенно незнакомого, но который, судя по всему, поселился там уже очень давно и не хотел уходить. Его Лобко[4] очень энергично выволок за шиворот на побережье. Любопытно знать, была ли М.М. осведомлена об этом сожительстве?[5]

С Вашим отъездом началась новая полоса жизни. Приехала, спустя 2 часа, Маргарита Васильевна.[6] Мы с нею теперь рисуем Бруни, который оказался великолепным натурщиком. Осень началась ранняя. С севера несутся уже снежные дыханья. Но леса еще не заалели. Море теплое. В затишьях жарко, и солнце сверкает.

Как встретил Вас Петербург? Какие итоги подвели Вы минувшему лету? Писали ли стихи?[7]

Привет Екатерине Ивановне, Магде Максимил<иановне> и Феодору Конст<антиновичу>.[8]

Максимилиан Волошин.

P.S. Пожалуйста, если Вам представится случай добыть мулаж маски Пушкина — не забудьте меня: пришлите, а я Вам вышлю стоимость.[9] М. В.

[1] Штемпели на конверте: Феодосия. 4.10.13; Петербург. 7.10.13.

[2] Оболенская отвечала 7 октября 1913 г.: «Большое спасибо за пересылку заблудшей корреспонденции; самое лучшее в ней — адрес еще коктебельский, начинающий уже превращаться в сказку — в линии гор и тот голубой цвет, что врезается полумесяцем в вечерний берег, когда возвращаешься с прогулки» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900).

[3] М.М. Нахман. Она пробыла в Коктебеле с 27 мая по сентябрь 1913 г.

[4] Лобко (Лапка) — пес, живший в волошинском доме в 1913—1915 гг.

[5] Оболенская откликнулась в цитированном письме: «Я еще не встречалась с Магдой Макс<имилиановной> после дороги <...> придется ей позвонить, ч<то>б<ы> расследовать темное дело о черном псе и степень ее причастности к нему».

[6] См. примеч. 3 к п. 14.

[7] Оболенская отвечала в цитированном письме: «Стихов — нет, не писала еще: вся ухожу в цвет своего портрета, кот<орый> заново переписываю — он возмутителен. Писать же буду, когда на меня найдет (вот решусь ли Вам послать?). <...> А Петербург? Я от него отстранилась, сколько могла, и когда я не с людьми или не с головной болью — замыкаюсь в сфере собственных озарений».

[8] Е.И. Оболенская, М.М. Нахман и Ф.К. Радецкий.

[9] Подразумевается слепок с посмертной маски А.С. Пушкина. 7 октября Оболенская отвечала Волошину: «Сейчас получила Ваше письмо с напоминанием о маске, а она до сих пор не отправлена, хоть мое письмо о том, вероятно, уже у Вас. Я не могла подобрать ящика и заказывала его — пришлось ждать. Пожалуйста, Максимилиан Александрович, не вздумайте “высылать стоимость”, как Вы угрожаете в письме». В другом, недатированном письме, отправленном Волошину двумя или тремя днями ранее, Оболенская извещала: «Нашла и посылаю обещанную маску Пушкина <...>».

17. К.В. КАНДАУРОВУ

12 октября 1913 г. Коктебель[1]

Дорогой Константин Васильевич, как ты поживаешь и что делаешь? Из письма Юлии Леонидовны знаю, что ты бледен, болезнен и нервен.[2] Из газет <узнал?>, что выставка Гончаровой имеет большой успех, и угадываю твою руку в этом (пришли мне ее каталог с манифестом).[3] У нас две недели гостила Марг<арита> Васильев<на>.[4] В доме и в духе после нее настала такая тишина, точно всех летних бесов выгнали и молебен отслужили. Она сейчас в Москве. Очень хочет тебя видеть. Позвони ей (33-36). Картин у нее нет новых. Но она много работала над техникой (расспроси ее) и теперь едет делать рисунки танцев. В Феодосии не был целую вечность. Мои работы пока прекратились благодаря пребыванию Марг<ариты> Вас<ильевны> и работам в мастерской. Готовлюсь к зимовке и радуюсь ей. Но, кажется, и зимы не хватит, чтобы переделать все, что нужно. Что же ты мне ничего не написал о моих статьях.[5] Неужели ты ими настолько недоволен, что не знаешь, как это деликатнее выразить? Все-таки написал бы, хоть выругал. Мастерская теперь принимает такой вид, что в будущем году могу предложить тебе и Анне Влад<имировне>[6] останавливаться прямо у меня. Моя комната теперь отделена от нее стеклянной перегородкой и над Таиах[7] продолжен балкон и сделаны диваны, так что получилась совсем отдельная спальня для двух человек. Привет Анне Владим<ировне>. Где Валет?[8]

Что «Насильники»?[9] Из газет ничего не поймешь.

MAX.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю отправления: Феодосия. 12.10.13. Штемпель получения: Москва. 14.X.13.

[2] Оболенская сообщала в недатированном письме (около 4—5 октября 1913 г.): «В Москве видела К. В. — у него такой измученный вид, что больно вспомнить — неужели он в Москве всегда такой? И после того хватает у человека совести покушаться и на Ваше одиночество» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900).

[3] См. примеч. 2 к п. 14. Выставка работ Н.С. Гончаровой экспонировалась в «Художественном салоне» на Большой Дмитровке, д. 11; на ней были представлены 768 произведений художницы 1900–1913 гг. Каталог: Выставка картин Н.С. Гончаровой. 1900–1913. М., 1913.

[4] См. примеч. 3 к п. 14.

[5] Подразумеваются статьи «М.С. Сарьян» и «Памяти Н. Сапунова», присланные в рукописи для передачи С.К. Маковскому в «Аполлон».

[6] А.В. Кандаурова.

[7] Гипсовый слепок со скульптурной головы Таиах (Тайа, Тиа) – древнеегипетской царицы, жены Аменхотепа III – из собрания парижского музея Гимэ; хранится в Доме-музее М.А. Волошина в Коктебеле. Установлен в мастерской Волошина в нише с двумя деревянными диванами; обычно там ночевали гости. См.: *Купченко В.* Муза меняет имя? // Советский музей. 1985. № 3. С. 42–44.

[8] В.В. Успенская.

[9] «Насильники» (1912) – комедия в пяти актах А.Н. Толстого; впервые опубликована в журнале «Заветы» (1913. № 1). Была поставлена в Московском Малом театре (премьера – 30 сентября 1913 г.), вызвала широкий общественный резонанс (см. обзор отзывов в комментариях А.Л. Сокольской в кн.: *Толстой Алексей.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 9. С. 749–750).

18. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

12 октября 1913 г. Коктебель[1]

Дорогая Юлия Леонидовна, благодарю Вас очень, очень за маску.[2] Я ее еще не получил, но сегодня пришла на нее повестка. Я не поблагодарил Вас еще за сурик. Он великолепен – именно темный. Я им вчера малевал стену. Василий пришел, посмотрел и сказал: «Ничего. Только противно очень». Но мне совсем не противно, а наоборот. Потолок я протравил – темно-ореховым. Они удивительно вяжутся. Диваны будут такие же. Но красить стены далеко не просто. По штукатурке небеленой ложится краска хорошо и ровно. Но по беленым стенам получаются пятна. Это меня смущает

относительно предполагаемой фрески. Стена забелена. А очистить ее от белил очень сложно.

Последние дни я все малюю, травлю, крашу. Пребывание Маргар<иты> Вас<ильевны>[3] совсем перевернуло весь строй и стиль жизни. Она позавчера уехала, оставив по себе струю духовной тишины. Мы много рисовали. Позировал Бруни, полуобнаженный. Он прекрасно сложен и давал великолепные позы.

То, что Вы пишете о маске Достоевского, меня страшно взволновало.[4] Мне хочется ее иметь непременно. Трудно выразить это чувство. Хочется иногда смотреть в лицо Смерти. Череп, скелет потеряли для нас смысл «memento mori»* — в них слишком много монументальной и логической красоты построения. Я, может, ее спрячу, но мне надо ее иметь. И маску Петра тоже. Петр, Достоевский, Пушкин — ведь это вся Россия. Их надо иметь перед собой.

Ваши слова о моем диагнозе Вашей руки меня обрадовали и удивили. Удивили тем, что Вы их так вполне признали.[5] Я все время в тот день чувствовал Ваш протест, может быть инстинктивный. Чувствовал, как Вы вдруг резко закрылись для меня. Но для меня эта черта была ясна прежде всего: органическая замкнутость Вашего внутреннего мира. Мне жаль теперь, что мы не говорили с Вами обо многом другом, что лежит за искусством, но где все его корни. Мне жаль, что я ничего не говорил Вам о Рудольфе Штейнере. Мне хотелось бы, чтобы Вы познакомились с его книгами. Они (сравнительно с тем, *что* он говорит и *как* он говорит) сухи, конспективны и, для моего французского чувства формы, варварски не воплощены. Но они четки и ясны. По-русски есть его «Мистерии христианства и древности» и «Путь к Самопознанию» в изд<ании> «Духовное Знание».[6] Прочтите первую книгу. Вторая написана и переведена очень глыбисто. Мне интересно, как Вы отнесетесь к этому порядку познания. У меня есть такое чувство, что

* «Помни о смерти» *(лат.)*.

огромная сторона Вашего духа, из которой почти все творческие токи, была до сих пор лишена питающих ключей или питалась через другие области. Прежде всего надо во всем том, что мы считаем законами природы и механикой, научиться различать живую волю, страсть и мысль творящих мир существ, а все свои чувства, мысли, настроения почувствовать как реальные силы, немедленно отражающиеся на окружающих и более сильно, чем поступки.

Это так легко проверить. Попробуйте, говоря с кем-нибудь о совершенно нейтральных предметах, мысленно, независимо от темы разговора, посылать волну симпатии, как бы благословлять его, и он вдруг через несколько минут, совершенно неожиданно ответит Вам на Ваше чувство. Или наоборот, когда имеешь дело с кем-нибудь, составившим определенное о тебе мнение: как трудно не подчиняться этому мнению и не казаться самому себе именно таким.

Впрочем, все это гораздо больше относится ко мне самому, чем к Вам.

В июльском № «Art Dėcorative» появилась статья Поля Клоделя о скульптуре.[7] Предчувствую, что это очень интересно. Я выписал себе этот №. Мне кажется, что я должен предугадывать многие из мыслей Клоделя. Так он мне близок в том, что писал о цвете.

Восток... Я чувствую глубокую сыновность к Востоку. Не помню, рассказывал ли я Вам, какой переворот во мне произошел, когда я провел полгода в Среднеазиатских пустынях на берегах Сыр-Дарьи: я читал письмо Вл. Соловьева о Конце Всемирной Истории и телеграммы из Пекина.[8] Это был 1900 год. У подошвы Памира все это воспринималось иначе и цельнее, чем в Европе. Поэтому прямо оттуда я и поехал учиться в Париж на много лет. Там творческие токи — а на Западе дисциплина творчества. А Россия это Весы с неравными чашками. Азия — мать. Но «кто не оставит отца своего и мать свою...».[9]

Красочные опыты Марг<ариты> Вас<ильевны> не слишком утешительны. Пунический воск с акварелью красив, но мало пригоден для больших вещей и едва ли прочен. Растительные краски, которые она пробовала, упоительны,

но выцветают почти моментально. А маслом она больше не может писать. Теперь она писала акварелью только.

До свиданья. Привет Ек<атерине> Иван<овне>, Магде Максими<лиановне> и Феодо<ру> Константиновичу.[10]

Максимилиан Волошин.

P.S. Сколько я Вам должен за маску Пушкина и другие две, что прошу, кроме вечной благодарности?[11]

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: Феодосия. 12.10.13. Штемпель получения: Петербург. 15.10.<13>.

[2] См. п. 16, примеч. 8.

[3] См. п. 14, примеч. 3.

[4] В недатированном письме (около 4–5 октября 1913 г.) Оболенская упоминала о слепке с посмертной маски Ф.М. Достоевского: «...хотела присоединить Достоевского и не решилась: в его мертвой улыбке и реалистических бородавках такие навьи чары, что нужно это лицо закрывать, чтоб не оскорбить смерти. Лучшая из масок – таинственная, круглая маска Петра. Если Вам думается еще о комнибудь – скажите; буду рада прислать все, что найду» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900).

[5] Имеются в виду следующие слова из того же письма – реакция на выводы Волошина-хироманта: «Мне не впору в Петербурге – какой тяжелый город. В свой прежний футляр мне не вернуться – а подумать, что я так верила в него, что прочтенное Вами по моей ладони с такой абсолютной верностью, – показалось мне в первый момент нелепым». Той же темы Оболенская касалась в ответе на настоящее письмо: «Отчего Вас так удивило согласие с моей характеристикой? Тогда первыми Вашими словами было отрицание у меня упадка и отчаянья, я вышла от рождения превращающею все вещи в радость; такой я нравилась бы себе больше, но я выбила свою радость из камня – какое отчаянье было нужно, чтоб так ее пожелать. Мне странно было, как Вы не подумали, что радостный от рождения не говорит о радости, п<отому> ч<то> не замечает ее, как здоровья. Но ценю я в себе больше радости мой путь к ней и думаю все о нем. <...> Я помню, как Вы на мои слова о непроникающей в Ваши стихи радости ответили: "да, в них нет сладости, они горьки". Разве же радость – сладость? Ее вкус неизвестен как имя Бога, а запах – цветущего винограда, она труднее всех вещей и во всех вещах скрыта. Я люблю трудное и выбираю ее».

[6] Книги Рудольфа Штейнера в русских авторизованных переводах: «Мистерии древности и христианство» (М.: Духовное Знание,

1913), «Путь к самопознанию человека. В восьми медитациях» (М.: Духовное Знание, 1913).

[7] Подразумевается статья Поля Клоделя «Камилла Клодель — скульптор» (*Claudel Paul.* Camille Claudel, statuaire // L'Art décoratif. 1913. № 193. Juillet. P. 5–50).

[8] Имеются в виду «По поводу последних событий (Письмо в редакцию)» Вл. С. Соловьева (Вестник Европы. 1900. № 9. С. 302–306; см.: Т. 8 наст. изд. С. 443–444) и газетные корреспонденции со сводками событий, происходивших в ходе «боксерского» восстания в Китае и его подавления войсками европейских государств.

[9] Мф. XIX, 29: «И всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную».

[10] Е.И. Оболенская, М.М. Нахман, Ф.К. Радецкий.

[11] Оболенская отвечала в недатированном письме (середина октября 1913 г.): «...пришлю Вам Петра и Достоевского, как только узнаю, каково пришлось в дороге Пушкину — в случае повреждения нужно его возобновить и исправить возможные недочеты укладки. Несчастная пушкинская стоимость! Сообщаю Вам для Вашего спокойствия, что на Вашей душе 75 копеек и что получить вместо этого вечную благодарность гораздо более лестно».

19. А.М. ПЕТРОВОЙ

18 октября 1913 г. Коктебель[1]

Милая Александра Михайловна. Вашу телеграмму получил (и письмо)[2] и сегодня же отправил требуемое удостоверение на имя Пети Лампси,[3] чтобы он засвидетельствовал подпись и переслал Маргоре сам. Дело в том, что я давно уже дал ей такое удостоверение на вечные времена,* но полиция же отняла его у нее.[4] Прийти сам я никак не могу, т<ак> к<ак> все время идет такая работа, что не могу оставить и сам целые дни крашу, бейцую и грунтую. Как кончится все, приду. Все стало очень мирно и хорошо после Маргорин<ого> пребывания. С мамой — тишина.[5] Очень хочется Вас видеть. Но думаю, что позже — лучше. Мне теперь надо немного побыть совсем самому с собой.

Привет Марине.[6]

Мах.

* А русс<кий> паспорт у нее давно есть, ей надо разрешение на заграничный. *(Примеч. Волошина.)*

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 334.

[2] Речь идет о почтовой карточке от 18 октября 1913 г., в которой А.М. Петрова писала Волошину: «Только что послала Вам (через Отузы) телеграмму с просьбой Марг<ариты> Вас<ильевны> о свидетельстве для выезда. Ночью я получила эту телеграмму от нее. Боясь, что будет какая-либо путаница, пишу еще и открытку. Как это Вы умудрились до сих пор не выдать ей постоянного рус<ского> паспорта?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 14).

[3] П.Н. Лампси, феодосийский мировой судья, друг Волошина и Петровой.

[4] Волошин, видимо, имеет в виду ситуацию, возникшую в феврале / марте 1906 г., когда на границе у М.В. Сабашниковой возникли проблемы с паспортом, о чем она писала ему 22 февраля / 6 марта 1912 г. из Варшавы: «В Берлине у меня сделалась страшная тоска. На границе я безумно волновалась. Какая-то бесконечная канитель с паспортом, за кот<орый> придется платить очень дорого не только за просрочку, как всегда, но за этот заменный лист, как за новый паспорт, 25 руб.» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1061, л. 55–56 об.).

[5] М.В. Сабашникова уехала из Коктебеля 8 октября 1913 г. (Труды и дни. С. 333). 3 октября она писала Петровой о конфликтных отношениях, сложившихся у Волошина с матерью: «Бедные они оба. Ел<ене> От<тобальдовне> совершенно не под силу возиться с утра до вечера с хозяйством. Она ничего не умеет и не любит, точно пыль, печи, тюфяки, еда, это новые элементы жизни, с кот<орыми> она только что столкнулась; и при этом у нее ко всему глубокое отвращение, с кот<орым> она не борется. Оба они не выходят из раздражения. У обоих, как у маленьких детей, нет вовсе никакого воспитания, выдержки, мне кажется, что они какие-то дикие в некот<ором> отношении и страшно беспомощны» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 39, л. 68).

[6] Осенью 1913 г. сестры Марина Ивановна и Анастасия Ивановна Цветаевы с детьми поселились на зиму в Феодосии. В письме от 18 октября 1913 г. Петрова просила Волошина передать Е.О. Кириенко-Волошиной, «что Марина Ив<ановна> вчера приехала уже сюда» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 14). О пребывании Цветаевых в Феодосии см.: *Цветаева Анастасия.* Воспоминания. 3-е изд., доп. М.: Изограф, 2003. С. 539–564.

20. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

21–25 октября 1913 г. Коктебель[1]

21.X.1913.

Дорогая Юлия Леонидовна, хочу говорить очень много по поводу Вашего письма.[2] Мы, оказывается, только начали договариваться до главного. И стоило жить, жить вместе 5 месяцев, чтобы заговорить в последнюю неделю. Всему, конечно, виною мое нелепейшее это лето, когда я был совсем растрепан и раздерган.

Мне надо говорить с Вами о смерти, о радости, о Вас, о себе, о Штейнере и об Индии.

О смерти: конечно, о ней надо думать, «непрерывно глядя в глаза жизни».[3] Но ведь наше ощущение жизни и дано нам смертью. Будь мы бессмертны, у нас никогда бы не могло возникнуть сознания собственного я, ни сознания своего бытия. Мы были бы как драгоценные камни. Смерть пронизала нашу природу ритмом. (Всякий ритм есть умирание и воскресение). Смерть без воскресения немыслима. Этот ритм смерти и воскресения пронизывает все мгновения бытия. И только те мгновения, в которые мы умираем и воскресаем, и есть жизнь. (Поэтому: «Люби во мгновении, ибо каждая любовь, которая длится, становится ненавистью»[4] и т.д.). В законе ритма и лежит источник радости, бьющий и пульсирующий. Но вне пульсации мгновений есть пульсация жизней. Органически не в состоянии помыслить жизнь вне перевоплощений, как единичную случайность. Ненавижу скандинавские притчи о птичке, пролетающей сквозь освещенную пещеру.[5] Кто говорит *смерть* — говорит воскресение. Поэтому смерть — радость. И в этом нет ни капли пафоса самоуничтожения. Это просто любовь к жизни. Кто действительно любит жизнь в ее существе, тот всегда готов уйти. В любую минуту. У меня на руке есть очень ярко выраженная линия возможной смерти от огнестрельного оружия. Когда у меня была дуэль,[6] я знал, что это легко может осуществиться, и никогда я не чувствовал такой полноты бытия,

такого подъема любви ко всему и ко всем, такой радужной радости, как в те два дня.

Как Вы верно сказали об радости: «Она труднее всех вещей, и во всех вещах скрыта». Я всегда думал, что мы в мире вовсе не для того, чтобы путать и портить, под предлогом исправления сущего, а для того, чтобы *понять*. Первый вопрос, мне кажется, должен быть: «Что же во мне самом несовершенного и темного, раз это мне кажется безобразным или нелепым?».

Ведь искусство есть нахождение настоящих наименований для окружающих нас вещей. Назвать по имени — значит расколдовать вещь от ее плена в материи: выявить *радость,* в ней заключенную. Конечно, говоря о Вашей радости, я говорил и думал о том чувстве (подобном чувству равновесия), которое восстанавливает всякое склонение души под напором жизни. Есть радость органическая — растительная. Но она — как жизнь без смерти. Вот у меня долго такая была. Я ее потом во всех горьких травах вываривал. Ах, не знаю, выварил ли. Помните, я Вам говорил о том, что Вы точно себя заглатываете. Я не досказывал. У меня было всё время смутное впечатление проглоченного рыданья. Самое же первое впечатление (когда я Вас в день приезда повел на башню[7]) было, что Вас точно что-то сильно душевно ушибло. И ушиб не прошел. Поэтому я и начал прежде всего говорить (с удивлением увидал) об необычайно четком и правильном отвесе радости, который всё исправляет в Вашей жизни. Потому что это первое впечатление оставалось несмотря на то, что все ему после противоречило. Вот Штейнер говорит (и я внутренно всем существом чувствую правду этого), что судьба, обстоятельства, склонности и страсти и желания определяются тем, что дух человека до рождения страстно их жаждет, как необходимые для него преодоления и трудности. Чувствуете вы, как это верно? И что Ваша *радость* была изначально. А камень, из которого ее высекать пришлось, Вы сами себе пожелали.

Вот о Штейнере. Мне хочется Вам рассказать о моем отношении к нему, чтобы Вам стало понятно, почему я

вдруг стал Вам советовать читать его. Я его впервые услыхал в 1905 г.[8] Насколько это было важно и много, можете судить по тому, что русский 1905 год для меня прошел как что-то очень далекое, призрачное, почти не коснувшись меня.

В словах его меня прежде всего поразило то, что это было широкое обоснование и обобщение тем отдельным мыслям, убеждениям, к которым я в то время сам пришел, но которые находились в полном противоречии с теми научными положениями, из которых я исходил. Этот первый год дал слишком много. Но потом началась борьба и протест. Протест больше против штейнеристов, в которых я видел людей, «изнасилованных истинами», чем против него самого. Не принимал я тоже и догматизма его последователей. У него самого нет его. Он всегда повторяет: «Относитесь к моим словам как <к> художественному произведению, не больше». Потом было у меня все время то же противопоставление оккультному познанию познания художественного — символического. Но в результате выходило, что я всё же возвращался постоянно к его книгам и к его формулам. Одним словом, сейчас я почувствовал настоятельную необходимость вернуться в его школу. Все это смутно назревало в течение лета и выявилось и определилось теперь, во время приезда Маргар<иты> Васильевны.

И вот то, что я видел у Вас на руке, и то, что слышал из отдельных фраз, — всё мне говорит, что он Вам может дать очень много. По-русски его есть «Θεοσοφία» (Теософия), пер<евод> Минцловой,[9] «Путь самопознания в 8 медитациях», пер<евод> Марг<ариты> Васильев<ны>, «Мистерии Христианства и Древности».[10] Все эти книги написаны страшно сухо. Они почти конспекты. Все они об одном, но с разных точек зрения. Они абсолютно не художественны. (Лекции его, живое слово — как раз наоборот — поразительно художественно). Кроме того, есть по-французски его же «L'Initiation».[11] Если позволите — я Вам пришлю ее, т<ак> к<ак>, верно, по-французски в Петербурге ее нет. Я не знаю, как Вы владеете немецким — потому что тогда все гораздо проще.

25. X. 1913.

Сегодня я наконец получил маску Пушкина (все не с кем было выписать ее с Феодосийской почты!!). Я страшно рад, что она здесь. Нашел в ней два Ваших письма. Сперва я долго не мог понять, в чем дело с Вашей припиской.

Но потом вдруг вспомнил, что уже после того, как я Вам отправил письмо, я несколько дней мучился вопросом: «Кто такая Юлия Васильевна». И наконец припомнил одну из дальних знакомых. И успокоился. А оказывается, это я Вам бессознательно на адресе написал...[12] Не заметил, а все-таки в бессознательном осталось. Но я возвращаюсь опять к Вашему последнему письму. Конечно, в радости нет сладости. Это была неточность разговорной речи. Я ведь писал: «Нет в мире радости светлее, чем печаль».[13] Правда, у меня есть стих: «Жизни желчь и смерти мед» («Я солью в сосуде медном – жизни желчь и смерти мед, – и тебя по рекам бледным к солнцу *горечь* повлечет»[14]). Но это почти точный перифраз неоплатоников (Порфирий. «Ante de Nymfes»).[15] Когда слышишь такие слова: «Она труднее всех вещей и во всех вещах скрыта» – это звучит как пароль. Знаешь, что дальше открываются целые анфилады совпадений. Потом я еще хотел Вам сказать, как много Вы мне помогли в последнюю неделю. Вы, вероятно, сами этого не знаете. Я за это лето ужасно растерял себя и утратил. И вот тем, что Вы так внимательно меня слушали и так добросовестно перечли всё, что я Вам давал из моих писаний, Вы мне дали возможность переглядеть самого себя и собрать растерянное. (Это ответ на Ваши извинения, что Вы всё в глаза говорите).[16]

Да, еще относительно Штейнера. Если не будете знать, где достать его книги, то напишите. Я тогда Вам дам адрес... Черубины. Потому что она сейчас официальная представительница в России «Антропософического общества» (так называются штейнерианцы)[17] и сможет достать, указать или одолжить книги. (Только не надо с ней говорить о Черубине,[18] ей это, верно, будет очень тяжело). Да, я был на днях снова на рифах Синдбада-Мореходца и принес много чертей.[19] Почти всех тех, которых мы тогда видели. Они там так

и лежали. И еще прекрасного морского дракона и кишечник барана.[20]

Спасибо за Пушкина.

До свидания. Привет Екат<ерине> Иван<овне>, Магде Макс<имилиановне>, Феод<ору> Конст<антиновичу>.[21] Радуюсь фотографиям и жду.[22]

Максимилиан Волошин.

[1] Почтовые штемпели на конверте: Феодосия. 25.10.13; Петербург. 29.10.13.

[2] Имеется в виду недатированное письмо Оболенской, относящееся к середине октября 1913 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 7–9).

[3] Цитата из того же письма Оболенской; ср.: «...ненавижу тление. Смерть, как добродетель, — из тех вещей, о которых нельзя думать и говорить; и принять ее можно только непрерывно глядя в глаза жизни, только о жизни думая — чтоб она была, как живопись икон — законченной в любую минуту».

[4] Цитата из «Книги Монэль» («Le Livre de Monelle», 1896) Марселя Швоба в собственном переводе Волошина. Фрагмент, включающий эту цитату, приведен Волошиным в статье «Золотой век» (1908). См.: Т. 5 наст. изд. С. 92, 684.

[5] Источник этой метафоры скоротечности жизни не обнаружен.

[6] Дуэль с Н.С. Гумилевым в Петербурге 22 ноября 1909 г. См.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 469–471, 645–656.

[7] Подразумевается смотровая площадка на крыше коктебельского дома Волошина.

[8] Волошин слушал лекции Р. Штейнера в Берлине в начале ноября (н.ст.) 1905 г., тогда же лично познакомился с ним (см.: Труды и дни. С. 149).

[9] Книга Р. Штейнера «Теософия» (СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910). Автор перевода, А.Р. Минцлова, обозначен на титульном листе инициалами: А. М.

[10] См. примеч. 6 к п. 18. Имя М.В. Сабашниковой как автора перевода «Пути к самопознанию человека» в издании не указано.

[11] Перевод книги Штейнера «Как достигнуть познания высших миров» («Wie erlangt man Erkenntnisse der höheren Welten?», 1904).

[12] На конверте п. 16 адресат ошибочно обозначен: «Юлии Васильевне Оболенской». Упоминаемая «приписка» среди писем Оболенской к Волошину отсутствует.

[13] Заключительная строка стихотворения «То в виде девочки, то в образе старушки...» (1911). См.: Т. 1 наст. изд. С. 183.

[14] Строфа из стихотворения «Призыв» («У излучин бледной Леты...», 1908). См.: *Там же.* С. 112.

[15] По всей вероятности, подразумеваются символические подтексты образа меда, обозначенные в трактате Порфирия «О пещере нимф»; ср.: «Теологи пользуются медом для многих различных символов, ввиду множества заключенных в нем возможностей, так как мед обладает и очистительной и охранительной силой»; «...мед употребляется <...> и как средство против тления, естественного в природе, вызывает наслаждение, связанное с нисхождением в мир становления» (*Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Последние века. Кн. II. М.: АСТ, 2000. С. 471, 472. Перевод А.А. Тахо-Годи).

[16] В цитированном письме Оболенская спрашивала Волошина: «Вас не раздражает моя варварская способность говорить все это в глаза?».

[17] Е.И. Дмитриева-Васильева (Черубина де Габриак) была назначена гарантом (официальным представителем) Антропософского общества в России в августе 1913 г. См. примеч. 4 к п. 15.

[18] Подразумевается история с инспирированной Волошиным осенью 1909 г. мистификацией: Е.И. Дмитриева приняла образ загадочной поэтессы-католички Черубины де Габриак и от ее имени переписывалась с редактором «Аполлона» С.К. Маковским. См. «Воспоминания о Черубине де Габриак» Волошина (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 451–471).

[19] Подразумеваются разного рода обломки, выброшенные морем на берег и напоминавшие живые фигуры – наподобие Габриаха, давшего имя героине упомянутой мистификации («Габриах был морской черт. Он был выкинут морем на каменистую [и скалистую] отмель около мыса Мальчин в Коктебеле. Его тело маленькое и крепкое было обточено морем из виноградного корня». – *Там же.* С. 472). Ср. дневниковую запись Оболенской о беседе с Волошиным (11 августа 1913 г.): «Увидав странный корень на его полке, я спросила: “Что это?” – “Отец Черубины де Габриак, черт Габриах”, – отвечал М. А. и рассказал подробности этой фантастической истории» (Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. С. 305). «Рифы Синдбада-Мореходца» – видимо, бытовавшее в кругу Волошина обозначение рифов в Тихой бухте, к востоку от Коктебеля. См. их фотографическое изображение на открытке 1900-х гг.: *Жарков Евгений.* Страна Коктебель: Культурные очаги. Середина XIX – середина XX веков. Киев: Болеро, 2008. С. 353.

[20] Оболенская отвечала 2 ноября 1913 г.: «Мистерии Штейнера у меня на столе, но приобрела я их после двухнедельных поисков,

ожиданий, неисполненных обещаний Вольфа (т.е. книжный магазин издательского товарищества М.О. Вольф. – *Ред.*), – одним словом, в последней стадии бешенства. Поэтому адрес Черубины был бы для меня не лишним. Клянусь, у меня хватит такта не передать ей поклона от ее многоглазых морских родственников из Синдбадовой бухты. По-немецки я читаю довольно двусмысленно <...> на Штейнера не рискну: и так мне придется сражаться с его языком или переводом – и с неискоренимым внутренним протестом против всех учителей жизни – из них только один никогда не угнетает меня».

[21] Е.И. Оболенская, М.М. Нахман, Ф.К. Радецкий.

[22] Речь идет о фотографиях, сделанных Ф.К. Радецким в 1913 г. в Коктебеле. В дополнении на отдельном листе к утраченному, вероятно, письму Оболенская сообщала Волошину: «Ф.К. испортил лаконизм этой записки, п<отому> ч<то> стоит за дверью и кричит, что у него сильно подвинулось печатанье фотографий, о чем просит сообщить Вам, как одному из главных абонентов. Итак, Вы можете скоро получить их <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 6). «Пользуясь посылкой Юлии Леонидовны, посылаю Вам часть снимков, – сообщал Радецкий Волошину в недатированном письме. – Посылаю по нескольку отпечатков одного и того же негатива, так как в разнообразии способов печатания хотел достигнуть возможно разнообразных результатов. <...> Чрез некоторое время пришлю отпечатки видов. В общем я разочарован в своих снимках; составление из них альбома, как я хотел, для характеристики Коктебеля, было бы с моей стороны страшным нахальством; так эти снимки бедны, эпизодичны» (*Там же*, ед. хр. 1011).

21. Е.А. ФЕЛЬДШТЕЙН

25 октября 1913 г. Коктебель

25/X 1913 Коктебель

Милая, милая Ева, как мне благодарить за твое письмо?[1] Оно принесло такую радость. Оно пришло так неожиданно. Мне казалось почему-то, что ты писем не пишешь и не умеешь писать. И что теперь я долго, пока снова не попаду в Москву, не смогу тебя видеть и чувствовать. Я ведь даже почерка твоего не знал и не мог понять сначала долго, кто это пишет.

Да, правда. Для меня это лето было очень плохое. Оно было каким-то одним страшным переутомлением. Но тут вина не во внешних обстоятельствах. Причины были во мне самом. Мне мучительно стыдно сейчас вспоминать самого себя летом. Мне давно надо было полного одиночества. Его не было. Оно все отодвигалось. Я в конце концов и запутался, и изневростенился. Середина лета была для меня надрывом и кошмаром. Я боюсь, что Миша[2] увез из Коктебеля слишком неблагоприятные впечатления. Я очень прошу его не вспоминать о них, извинить меня, что я был летом такой. Я сейчас не только ради литературной работы остаюсь в Коктебеле; нужно в самом себе создать внутреннюю дисциплину. Надо во что бы то ни стало перешагнуть на другую ступеньку по отношению и к самому себе, и к внешнему миру. Это уже давно стало надо, но внешние дела и события задерживали. Вот и случился такой кризис... После отъезда Миши я почти сейчас же уехал в Козы.[3] Ты, вероятно, уже видела (а если не видела, то увидишь) Рагозинского, он тебе подробно расскажет о нашей жизни в винограднике на краю пустыни. Там я начал постепенно приходить в себя. Потом скоро приехала Маргарита Васильевна,[4] и от ее появления все черти разбежались. Как я рад, что ты с нею увидалась.[5] Я так хотел, чтобы вы встретились и полюбили <друг> друга. Тебе очень нужно то, что она с собой несет, мне кажется. Видела ли она твои работы? Успела ли поговорить?

Мне даже неловко говорить тебе о моих несчастьях этого лета, когда я знаю, что у тебя несколько лет так вся жизнь идет, не оставляя ни минуты, чтобы самой с собою. То, что у меня было несколько месяцев — то у тебя тянется годы. Я и этих несколько месяцев не смог с честью перенести, а ты сама всюду, куда приходишь, вносишь тишину, гармонию и радость, которых, может, сама в себе не чувствуешь, но другим даешь. Ты ведь сама не знаешь, сколько ты вносишь равновесия в жизнь людей одним своим присутствием. Конечно, живописью ты не занималась все это время. Но теперь, когда переборка кончилась, ты будешь?[6] И не только портрет Майи? Мне кажется, тебе нужно было бы выделить для работы несколько обязательных часов в день, и их уже

ни за что ничему другому не отдавать. Ведь все мучительности нашей московской жизни в том, что ни на что определенных сроков нет.

Сейчас в Коктебеле хрустальная осень. По горам золото и пурпур. Тишина и безлюдье. Тишина и внутри. Мои работы пока прерваны разными переустройками в мастерской[7] и ее подготовлением к зиме. Я тоже развешиваю, прибиваю, крашу, байцую и т.д. Но это приятный перерыв, потому что моя раковина приобретает живой и интимный характер. Зимой можно будет войти и слиться с нею. Целыми днями я молчу, но что бы я ни делал, внутри прислушиваюсь к себе. В природе осень всегда совпадает с душевными побегами в духовном мире...

Я живописью не занимаюсь с Коз. Сейчас я с книгами. Я написал несколько статей,[8] а теперь жду, все в мастерской придет окончательно в порядок и установится. Но это несколько дней. Живем мы с глазу на глаз с Пра.[9] (Даже в Феодосии я со дня отъезда Миши не был!) Пра тебя любит и вспоминает. Она была охвачена к тебе необычайной нежностью, такою, как у нее, на моей памяти и была только к трем людям: к Марг<арите> Вас<ильевне>, к одной (теперь уже умершей девушке)[10] и к тебе. О болезни Миши я знаю от Майи.[11] Знаю стихи, что она написала тебе и Раш<ель> Мир<о>новне.[12] Дошло ли до Раш<ель> Мир<оновны> мое письмо, которое я написал в Bad Wildungen?[13] Твой Коктебельский (начатый) пейзаж стоит против меня на полке. В красках есть немного твоего. Как мне хотелось бы иметь какую-нибудь твою работу, в которой было бы больше тебя. Напиши что-нибудь для меня. А тебе пришлю зимой из моих пейзажей, когда начну синтезировать. Хорошо? Ах, как бы мне хотелось, чтобы ты много и непрерывно занималась живописью. Во всем, что ты сделала, столько *твоего* и настоящего. Живопись должна быть твоим главным долгом перед самой собой.

Это письмо я начал утром. Весь день сегодня я чувствовал радость от твоего письма, радость о тебе. Неужели может

так быть, чтобы человек с такой силой распространял гармонию и радость вокруг себя и в то же время сам был в безысходном пленении земных уз... Впрочем, ведь солнца видят вокруг себя только тьму, а темные планеты пьют свет. И вот ты пишешь, что перестала понимать человеческую судьбу и видишь только одиночество... Все это верно так и должно быть.

Крепко жму руку Мише. Приветствую Рашель Мироновну, Матильду Иван<овну>[14] и Онисима Борисов<ича>.[15]

MAX.

P.S. Знаешь: Марина и Ася с мужьями поселятся на зиму в Феодосии.[16]

P.P.S. Напиши Пра. Это ее страшно обрадует. Она верно в конце ноября будет в Москве.[17]

[1] Речь идет о письме Е.А. Фельдштейн от 18–20 октября 1913 г., в котором она признавалась: «Милый Макс! Мне очень грустно было думать, что эта зима может пройти без тебя, но сейчас я немного утешилась. Правда ли это? Если правда, то я с радостью тебя подожду. Из всего, что дошло до меня о коктебельской жизни, я поняла, что тебе было очень плохо. Лето вышло такое же скверное, как прошлая зима. Я очень за тебя огорчилась. Как будто какие-то скверные тени за тобой потянулись и сделали Коктебель не твоим. Я рада твоему желанию там остаться подольше, и почти уверена, что тебе только нужно побыть одному, чтобы началась опять *твоя,* настоящая жизнь. И если это правда, что о тебе слышно – то вот это уже случилось» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 1222, л. 1–1 об.).

[2] М.С. Фельдштейн, муж Е.А. Фельдштейн, с перерывом был в Коктебеле с 11 мая по 7 августа 1913 г., Е.А. Фельдштейн – с 11 мая по 5 июня 1913 г. О пребывании Фельдштейнов в Коктебеле сохранилась запись Р.М. Гольдовской, матери М.С. Фельдштейна: «От Миши и Евы – глупейшие письма. Миша <...> уже млеет в коктебельском обормотнике» (см.: Труды и дни. С. 322).

[3] Об этом см. примеч. 12 к п. 13.

[4] О пребывании М.В. Сабашниковой в Коктебеле см. п. 14, примеч. 3.

[5] Е.А. Фельдштейн сообщала Волошину: «Макс! Письмо пролежало два дня – а за эти дни уже многое случилось. У нас были

Кандауровы <...>. Затем Майя познакомилась с Бальмонтом и так пламенно к этому отнеслась, что втянула в это событие и своих друзей. <...> Я познакомилась с Маргаритой Васильевной. Мне жаль, что она уезжает. Мне бы хотелось ее повидать хотя бы еще несколько раз. Она произвела на меня неотразимое впечатление» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1222, л. 4–4 об.). Майя Кювилье, поэтесса, переводчица, будучи гимназисткой 8-го класса, познакомилась в Москве в январе 1913 г. с Волошиным, который приблизил ее к кругу своих знакомых. М. Кювилье некоторое время переживала бурную влюбленность в Волошина. Летом 1913 г. приезжала в Коктебель. О ней см.: *Аракелова М.П., Городницкая А.А.* «Очарованная душа»: М.П. Кудашева-Роллан // Российская интеллигенция на родине и в зарубежье. Новые документы и материалы. Сб. научных статей. М., 2001. С. 161–175, *Герцык Е.К.* Лики и образы. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 230–232; *Обатнин Г.В.* Кювилье, Иванов и Беттина фон Арним // Россия и Запад. Сб. статей в честь 70-летия К.М. Азадовского. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 345–402. О пребывании М. Кювилье в Коктебеле летом 1913 г. см. в воспоминаниях Эмилия Миндлина и Ю.Л. Оболенской (Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., Сов. писатель,1990. С. 302–310, 410–440).

М.В. Сабашникова уехала из Москвы в Дюссельдорф 27 октября 1913 г. (Летопись жизни и творчества Маргариты Васильевны Сабашниковой / Сост. В.П. Купченко // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. 2000. Т. III. № 3. С. 378).

[6] О своем намерении восстановить занятия живописью и начать писать портрет Майи Кювилье Е.А. Фельдштейн сообщала Волошину в письме от 18–20 октября (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1222, л. 3).

[7] Об этом см. примеч. 5 к п. 13.

[8] Об этом см. п. 11, 12 и примеч. к ним.

[9] Пра – «обормотское» прозвище Е.О. Кириенко-Волошиной. С лета 1911 г. постоянных обитателей своего дома в Коктебеле, составлявших ближайший круг его друзей, Волошин называл «обормотами», для которых свойствен был игровой стиль общения с присвоением шутливых прозвищ. См.: *Купченко В.* «Стройтесь в роты, обормоты» // Крымский альбом. Феодосия; М.: Изд. дом «Коктебель», 1998. С. 175–183.

[10] По предположению В.П. Купченко, речь идет об Ольге Владимировне Фредерикс (1877–1900), падчерице Н.А. Маркса.

[11] М.П. Кювилье в письме от 1 сентября 1913 г. сообщала Волошину: «У короля желтуха. Я видела его на другой день его приезда, давно что-то. <...> Он себя уже скверно чувствовал. Говорила раза два по телефону с Эвой <так!>, “женой короля”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1033, л. 75 об. Король — коктебельское прозвище М.С. Фельдштейна.) В свою очередь Е.А. Фельдштейн писала Волошину: «У Миши была желтуха!! Он похудел и ослабел, от Крыма остался один загар на худых плечах. Но он все-таки довольно бодр» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1222, л. 3).

[12] Р.М. Гольдовская. Стихотворение на французском языке «A’Eva Feldstein» М. Кювилье выслала Волошину в письме от 27 августа 1913 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1033, л. 72).

[13] Bad Wildungen (Бад-Вильдунген) — бальнеологический курорт в Германии. Указанное Волошиным письмо не обнаружено.

[14] Возможно, ошибка Волошина и речь идет о Надежде Ивановне Ивановской (1867—1956), компаньонке Р.М. Гольдовской.

[15] О.Б. Гольдовский.

[16] Об этом см. п. 19, примеч. 5.

[17] Е.О. Кириенко-Волошина выехала на зиму в Москву 23 ноября 1913 г. (Труды и дни. С. 336).

22. А.М. ПЕТРОВОЙ

26 октября 1913 г. Коктебель

26/X 1913.

Дорогая Александра Михайловна,

мой вопрос об вступлении в Антропософическое общество разрешился: меня гарантирует Трапезников.[1] Могу ли

я обратиться к Вам с просьбой: у Вас, верно, находятся мои деньги (я просил Рагозинского перед его отъездом их получить с почты, сделать два перевода и остаток (70–75 р.?) оставить у Вас). Если все это так, то, пожалуйста, отправьте из них по прилагаемому переводу 11 марок (5 р. 50 к.) взноса Трапезникову. Наверно, кто-нибудь от Дуранте ходит на почту,[2] и Вы, конечно, не будете затруднять себя. Хорошо? Пожалуйста. А остальные деньги, если будет оказия — перешлите в Коктебель. Впрочем, я сам, может, скоро прибегу, наконец, в город. Работы у меня в мастерской оканчиваются наконец. Я теперь занят исключительно перечитыванием всех книг Штейнера,[3] что есть у меня, а сверх того малярным и обойным ремеслом. До свиданья.

Max.

[1] Вероятно, под влиянием М.В. Сабашниковой, посетившей Коктебель осенью 1913 г. (см. примеч. 3 к п. 14), Волошин решил стать членом Антропософского общества, образованного в январе 1913 г. (Об этом см. примеч. 4 к п. 15). Не случайно он запрашивал А.М. Петрову об условиях вступления в Антропософское общество (см. п. 15). Сама Петрова вступила в Антропософское общество в сентябре 1913 г. М.В. Сабашникова поздравляла ее с этим событием в письме от 30 сентября 1913 г.: «...глубоко радуюсь, ибо Вы “окрещены”. Чувствую внутреннее значение этого внешнего акта» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 39, л. 65). В этом же письме Сабашникова сообщала Петровой: «Макс уже написал Лиле и тоже будет член» (*Там же*, л. 66 об.). В несохранившемся письме к Е.И. Дмитриевой-Васильевой Волошин просил ее, как официально назначенного гаранта, выступить его поручителем при вступлении в члены Антропософского общества, но, как следует из ответного письма от 1 октября 1913 г., она ему отказала: «Прости меня заранее, что не исполню твоей просьбы, не смогу поручиться. Ведь я не знаю тебя, Макс, теперь, и не смогу с полной чистой совестью сказать “да”. — Я верю в тебя, как и раньше, но не вижу тебя теперь. Начинать с тобой переписку длинную, чтобы узнавать, — это слишком долго для тебя ждать <...>. Я советую тебе обратиться прямо в Берлин, где знают тебя <...>» (*Черубина де Габриак*. Из мира уйти неразгаданной: Жизнеописание. Письма 1908–1928 годов. Письма

Б.А. Лемана к М.А. Волошину / Сост., подгот. текстов и примеч. В.П. Купченко и Р.П. Хрулевой. Феодосия; М.: Изд. дом «Коктебель», 2009. С. 62). После этого Волошин обратился с письмом к активному члену Антропософского общества Т.Г. Трапезникову, который 28 октября (н.ст.) ответил ему из Мюнхена: «...конечно, очень охотно буду твоим поручителем. Посылаю тебе Устав Об<щест>ва, с которым прошу тебя познакомиться до подписания бланка, который также прилагаю. Очень рад, что ты решился вступить в Антропософское Об<щест>во. Если ты хочешь быть приписанным к русскому Отделу Об<щест>ва, то обратись в Москву по следующему адресу: Борис Павлович Григоров, Арбат, Б. Николо-Песковский пер., д. 13. Он состоит нашим представителем. Можно одновременно принадлежать и к немецкой, и к русской секции. Взнос при вступлении в Об<щест>во 11 мк, а годичный 6 мк. Подписанный тобой бланк ты можешь или прямо послать в Берлин <...> или послать мне обратно, и я его тогда пришлю. То же самое сделай и со взносом» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1190, л. 5–5 об.). Упоминается Борис Павлович Григоров (1883–1945), экономист, антропософ, гарант московского отделения Русского Антропософского Общества.

14 ноября 1913 г. (н.ст.) Трапезников писал Волошину: «Получил твое письмо и бланк. Можешь считать себя принятым в Об<щест>во. <...> С посылкой членского взноса не торопись – я все устрою <...>» (*Там же*, л. 6). 4 декабря (н.ст.) 1913 г. он же сообщил Волошину: «Открытку твою и членский взнос получил» (*Там же*, л. 7).

[2] Дуранте – родственники А.М. Петровой, многочисленное семейство итальянского происхождения (давшее имя улице, на которой жила Петрова, – Дурантевская). Согласно почтовым штемпелям, это письмо Волошинапосле прибытия в Феодосию (штемпель: 26.10.13) было переправлено в Одессу (штемпель: 29.10.13). Вновь доставлено в Феодосию только 1.11.13. 2 ноября Петрова подтверждала, что исполнит просьбу Волошина: «Милое дитя! Ваше письмо прогулялось в Одессу и только вчера я получила его. Исполню Вашу просьбу с пересылкой денег Трапезникову. Очень не хорошо, что Вас так долго не видно, довольно сидеть и малевать <...> Ваших денег у меня хранится 74 руб. 85 коп. Придете и возьмете; послать не знаю с кем» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 15).

[3] По утверждению В.П. Купченко, в то время у Волошина в Коктебеле находились книги Р. Штейнера: «Мистерии древности и христианство» (М., 1912), «L'Initiaton» («Посвящение») (Paris, 1909),

«Die Gehemwisenschaft im Umriss» («Очерк тайноведения») (Leipzig, 1913). Об отношении Волошина в этот период к антропософии см. п. 20. Отзывы Волошина о прочитанных книгах Р. Штейнера см. п. 18, примеч. 6, п. 20.

23. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

10 ноября 1913 г. Коктебель[1]

Сегодня я вернулся из Феодосии, где пробыл три дня, и нашел Ваше письмо, Юлия Леонидовна.[2] Я не был в Феодосии со дня отъезда Майи.[3] Это кажется бесконечно давно! Богаевский работает не отрываясь. Сделанного не показывает. Мучится. Недоволен собой. Не находит выхода. В Феодосии поселились Марина и Сережа.[4] Устроились они на горе у дяди и тетки Рогозинского. Те их уплемяннили. Их точно под крыло курице, вместо ее яиц, подложили. И об них там заботятся трогательно. Мама еще в Коктебеле пробудет недели две, а там я останусь совсем один, со снежными ураганами за всеми четырьмя окнами. Вот все, что касается событий. А теперь буду отвечать Вам.

Нет, я не уничтожаю растительной радости.[5] Я преображаю. Бессознательной она бывает, пока не замечает себя. А когда заметит – замутится. Тогда ей надо стать сознательной, а для этого закалиться во всех горьких и едких огнях. Вот о чем я говорил. Впрочем, Вы это лучше меня знаете, как это делается. А вот динамики радости у меня мало. Это правда. Она возникает у меня только уже по ту сторону сознания. Я ведь, в сущности, не люблю и не хочу «Чуда». Потому что больше всего люблю закон. Не поймите меня ложно: дионисическое претворение воды в вино и христианское – вина в кровь я принимаю не как чудо, а как выявление высшего порядка закона. Но чувствую это как личную свою ограниченность. Мне не хватает личного отношения к Христу. (А без факта его быть не могу никак). Ваше виде-

ние пути в Эммаус меня волнует глубоко. Но сам я по этой дороге не ходил.[6] А такого Георгия Победоносца на иконе видел и запомнил навсегда. Мне хочется еще точнее сказать, *что* Вы мне дали осенью. У Вас был непосредственный интерес к человеку. Вы дали в своей душе отпечатлеться оттиску его лика обобщенному, облагороженному, но верному. (Как те портреты, которым чужда карикатурность подобия, но которые отражают реального, но лучшего человека. Этот дар у Маргар<иты> Васильевны[7] есть в портретах). Такие отпечатки дают очень, очень много. Наоборот, неверная и произвольная идеализация так же тяжела, как и денигрирование[8] лика, если только не тяжелее. (Вот с Майей ужасно тяжело было летом).

Такое принятие человека ради него, а не ради себя, одна из величайших услуг, которые можно оказать. И делая это — Вы в то же время даете реально очень много себя. Я эту способность очень ценю, б<ыть> м<ожет>, потому, что у меня ее мало. Мне все кажется, что словами и теориями можно больше дать. И знаю, что не так, а ничего не выходит.

Знаете, как важно положить себя как бы на сохранение в душу друго<го> человека. И знать, что никакая рябь жизненных событий на том лике не отразится. Вот Ваш глаз видит человека обще, реально и благородно. За этим к Вам и идут.

Вот адрес Черубины: Вас<ильевский> остр<ов>. 5 линия, д. 66, к<о>м<ната> 34. А зовут ее Елисаветой Ивановной Васильевой. Мне очень хочется, чтобы Вы познакомились с ней. Напишите ей, когда ее можно видеть? А я ей в свою очередь напишу одновременно с этим письмом о Вас. Она Вам укажет, а может, одолжит книги Штейнера.[9] Я не знаю совсем, какая она теперь. Я не видал ее четыре года почти. Напишите мне, какое она произведет на Вас впечатление. Сейчас она, кажется, очень плохо себя чувствует физически. Но физическая боль ее не покидала почти с рождения. Поговорите с ней подробнее о штейнерианстве. Она им всецело живет теперь.

Пушкин пришел в полной исправности.[10] Я Вам не написал, вероятно, потому, что очень волновался. У него удивительное лицо. Я его пропитал маслом, слегка сгустив тень во впадинах, и он стал поразителен. Очень жду Дост<оевского> и Петра.

Попросите у Лили (Черубины — она тоже Лиля), чтобы она Вам дала «Путь познания сверхчувственных миров» («L'Initiation» — во франц<узском> переводе).[11] Там очень широкий, последовательный и обоснованный план духовной дисциплины. Я чувствую в Вас внутреннюю любовь к самодисциплине, и Вам эта книга будет важнее всего. А те заповеди из «Голоса Молчания» («Если душа твоя купается» и т.д.[12]), которые не могут «разделиться на Вас без остатка» — это ведь дисциплина другой расы и другого порядка душ. Я тоже этого никогда не мог принять и, чувствуя конечную истинность индусской теософии, против воли и желания отвергал эти пути. И был вполне прав, потому что пути европейские, пути христианские совсем иные. Штейнер дает именно христианский путь. И что меня всегда поражает глубоко и в его книгах и в лекциях, что каждое его слово чувствуешь обращенным лично к себе и всегда о главном. Его дисциплина всегда дисциплина мысли и *понимания*, а не дисциплина чувств и страстей. Он всюду устанавливает связь и преемственность научным европейским знаниям, т<ак> к<ак> сам предварительно прошел естественно-научную и философскую дисциплины и был учеником Геккеля.[13] Поговорите об нем подробнее с Лилей (Череб<иной>). Прочтя «Мистерии Христианства»,[14] Вы будете уже отчасти в курсе дела. Что отвращает часто от Штейнера людей мистически настроенных, это то, что он всякое чувство и порыв проводит сквозь дисциплину познания. Но это именно меня и привлекает к нему. Он борется против скептицизма и недоверия, но требует здравого критического чувства.

Я заканчиваю письмо.

Ах, еще просьба (простите!): спросите в каком-нибудь книжном магазине (лучше всего еврейском) «Учебник систематического изучения еврейского языка. Е.А. Решаль»

(изд<ание> 1904. Варшава). (Я, право, не знаю, в каком магазине это может быть.) И попросите, чтобы мне его послали наложенным платежом. Можно?[15]

Ради Бога простите, что я Вам всё поручения даю.

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: Феодосия. 10.11.13. Штемпель получения: Петербург. 13.11.13.

[2] Имеется в виду письмо от 2 ноября 1913 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 10–11 об.).

[3] М.П. Кювилье выехала из Коктебеля в Москву 7 августа 1913 г. (Труды и дни. С. 327).

[4] М.И. Цветаева и С.Я. Эфрон. Цветаева приехала в Феодосию из Ялты вместе с сестрой А.И. Цветаевой и няней 17 октября (Труды и дни. С. 334).

[5] Отклик на слова из письма Оболенской от 2 ноября, ответные на признания Волошина в п. 20: «А что это у Вас проскользнуло о растительной радости в Вашей жизни, — я боюсь, что против обыкновения не поняла: мне показалось, что Вы ее уничтожаете — что это Вам в голову пришло? <...> Разве Вы знаете, в каком отношении к сознательной радости стоит то совершенство материи, которое Вы называете радостью растительной? <...> Неисчерпаема радость: Вы назвали ее хорошо — подобием равновесия, ну а ее динамика, то, что превращает воду в вино и заставляет бредить наяву? Радость идет за спиной идущих в Эммаус. Я помню и вижу землю в сумерках и два выжженных скорбью лица, видевших смерть Бога. А сзади идет и улыбается еще неузнанный путник. Сейчас он подымет глаза, и радость их тронет за плечо.

Это сводит меня с ума Георгий Победоносец с темно-золотым неулыбающимся лицом. Вокруг него беззвучно вьются, как острое пламя, алые складки плаща — позади изумруд Земли и небо фиолетового Марса. Это тоже радость».

[6] См.: Лк. XXIV, 13–35. Отклик на эти размышления Волошина — в письме Оболенской от 14 ноября 1913 г.: «Проклинаю неточность собственных выражений: чувствую, что Вы что-то не так поняли. Под словом "чудо" я и понимаю вскрытый закон в противоположность случайности, на кот<орой> основаны "будни" <...> каждая понятая вещь для меня чудо. И не христианская — это не Христос идет за мной по Эммаусской дороге, а в данном случае — возврат невозможного — чудо и закон. Переживаю я их в этом образе, вероятно, потому, что он детски прост, но растяжимость его неизме-

рима. Не верится поэтому, чтобы Вы по этому пути не ходили — каждый должен — “страдать, искать и вновь найти”». (Процитирована заключительная строка стихотворения Волошина «Второе письмо»; см.: Т. 1 наст. изд. С. 69).

[7] М.В. Сабашникова.

[8] От *фр.* dénigrer — поносить, хулить, чернить, шельмовать, дискредитировать.

[9] Одновременно Волошин написал Е.И. Васильевой об Оболенской. 13 ноября 1913 г. Васильева ответила ему: «Сейчас пишу Ю.Л. Оболенской. К нам можно приходить и направлять, не стесняясь. Мы ведь рады» (*Черубина де Габриак.* Из мира уйти неразгаданной: Жизнеописание. Письма 1908–1928 годов. Письма Б.А. Лемана к М.А. Волошину / Сост., подгот. текстов, примеч. Вл. Купченко и Р. Хрулевой. Феодосия; М.: Изд. дом «Коктебель», 2009. С. 68). 14 ноября Оболенская известила Волошина: «Только что собиралась поблагодарить Вас за адрес и письмо Ел. Васильевой, и написать ей, как уже получила от нее открытку».

[10] О высланном ею в Коктебель слепке с посмертной маски Пушкина Оболенская писала Волошину 2 ноября: «Вы так и не сообщили мне о состоянии здоровья Пушкина <...> пока дубликат оставляю у себя, а поедут в Коктебель Петр и Достоевский, напрасно прождавшие у меня на полке этих известий в теч<ение> 2-х недель».

[11] См. примеч. 11 к п. 20.

[12] Ср.: «Если твоя душа улыбается, купаясь в солнечном сиянии твоей жизни, если она поет внутри своей оболочки из плоти и материи; если она рыдает в своей крепости, построенной иллюзиями; если она силится оборвать серебряную нить, которая привязывает ее к Учителю, — знай, ученик, твоя душа из праха» (Голос Безмолвия. Семь Врат. Два Пути: Из сокровенных индусских писаний. Обнародовано Еленой Петровной Блаватской / Пер. с англ. Е. Писаревой (Е. П.). Калуга, 1912. С. 15).

[13] С Эрнстом Геккелем Р. Штейнер познакомился в 1894 г., серию статей о Геккеле опубликовал в 1899 г. (отд. изд.: «Haeckel und seine Gegner». Minden i. W., 1900). См. в русском переводе: *Штейнер Р.* Геккель, мировые загадки и теософия // Вестник Теософии. 1908. № 11. С. 56–74.

[14] Имеется в виду книга Р. Штейнера «Мистерии древности и христианство» (см. примеч. 6 к п. 18).

[15] В письме от 14 ноября 1913 г. Оболенская сообщила Волошину: «Решаль будет Вам выслан нал<оженным> пл<атежом> через 5 дней магазином Эзро». Эту книгу («Учитесь по-еврейски. Учебник систематического изучения еврейского языка». Сост. д-р Е.А. Решаль) рекомендовала Волошину Е.И. Васильева в письме

от 15 октября 1913 г.; в письме от 8 ноября добавляла: «Садовая, 52 “Эзро” — евр<ейский> магаз<ин>, оттуда ты можешь выписать Р<еша>ля» (*Черубина де Габриак.* Из мира уйти неразгаданной. С. 65, 67).

24. К.В. КАНДАУРОВУ

15 ноября 1913 г. Коктебель

15.XI.1913. Коктебель.

Дорогой Константин Васильевич,

так ты мне ни строчки и не написал... Впрочем, знаю и понимаю, как тебе трудно и некогда. Вот у меня теперь весь день в моем распоряжении, и то нехватает времени, чтобы переделать за день все, что хотелось бы. А я теперь не выхожу из мастерской — даже живописью не занимаюсь, а только книгами и писаньем. Знаю о тебе, что ты опять был болен. Как раз твое письмо было получено К<онстантином> Ф<еодоровичем>, когда я был в Феодосии.[1] (В первый раз с начала августа). На днях буду снова — поеду провожать маму, которая собралась уже в Москву.[2] Верно, останусь в городе несколько дней. Когда я был, Костенька работал, упорно, много, но трудно. Не удавалось. Ничего не показывал. Не знаю, как теперь. Я советовал ему пока ничего для выставок не делать. Но он на эти разговоры не шел и говорил: всё равно.

Из письма Евы Фельдшт<ейн> знаю, что ты был у них.[3] Скажи, что относительно работ ее погибшей сестры[4] — ты ничего не устраивал? Она ничего об этом не пишет, а ее самою спрашивать об этом не хочется, т<ак> к<ак> знаю, что она этого слишком сильно хочет. Видал ли ты ее собственные работы? Вот кого следует не переставать толкать к искусству: в ней, по-моему, очень много, очень много данных. А все ее отвлекает от искусства. Главное, совсем чуждая атмосфера. Пожалуйста, обрати на нее с этой стороны внимание. Ей непременно надо дать возможность быть в обществе художников и как-нибудь ее самое толкнуть к работе.

Нельзя ли ее заставить написать портрет к выставке. Она, кажется, собиралась писать Майю.[5] Эта «petite Vierge folle»* мне давно ничего не пишет. Бывает ли она у тебя?

Очень мне было интересно знать, как ты нашел Маргар<иту> Васильев<ну> в это свиданье?[6]

Все, что доходит до меня из московских событий по газетам, — меня только радует, что я не в Москве. Думаю, что я, может, и совсем не приеду даже весной: теперь, когда я остался один, раскрывается так много недоделанного и необходимого как в смысле внешней, так и внутренней работы, что самое важное теперь быть одному. Эта потребность была уже давно — мне еще прошлую зиму надо было остаться в Коктебеле, а я поехал в Москву. Поэтому и летом я так позорно вел себя. Когда я теперь вспоминаю наши разговоры летом, мне глубоко стыдно моего малодушия. В отношениях с мамой, конечно, я сам больше всего виноват, и ей гораздо тяжелее от меня, чем мне. Этого нельзя исправить сразу. Но думаю, что теперь, когда я проведу всю зиму в Коктебеле и буду хозяйничать, то, когда она вернется, всё станет гораздо проще и яснее. Но относительно хозяйства и ведения дел — я очень, очень многого жду от твоего разговора с нею.

Сейчас я живопись оставил. Занимаюсь исключительно литературн<ой> работой — именно работой по готике. Кроме того, начал читать по-немецки — хочу за зиму овладеть языком — это мне необходимо во многих отношениях (в частности, и для литературы по искусству). Кроме того, очень много читаю — столько давно намеченных книг необходимо перечесть! После отъезда мамы начну собирать мои статьи по искусству, чтобы увидеть, какая из этого книга может выйти.[7]

Мне кажется, что теперь мне совсем нельзя выступать ни с газетн<ыми> статьями, ни с лекциями. Все будет искажено. Вот во время процесса Бейлиса[8] у меня был громадный материал, чтобы написать о ритуальн<ых> убийств<ах> по

* «Маленькая безумная дева» *(фр.)*.

существу – исторически, как раз то, что никто не писал и не высказывал. Но я удержался от этого соблазна.

Передай Анне Влад<имировне>,[9] что вчера имел удовольствие купаться под первым снегом и вспоминал ее. До свиданья. Крепко целую тебя. Не болей.

МАХ.

[1] К.Ф. Богаевский. Волошин был в Феодосии, видимо, между 5 и 8 ноября 1913 г.

[2] См. примеч. 17 к п. 21.

[3] В письме к Волошину от 18–20 октября 1913 г. Е.А. Фельдштейн сообщала: «У нас были Кандауровы, которым я ужасно обрадовалась и с которыми только еще не успела наговориться» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1222).

[4] Сведения о сестре Е.А. Фельдштейн установить не удалось.

[5] М.П. Кювилье.

[6] М.В. Сабашникова находилась в Москве с начала второй декады октября 1913 г., 27 октября выехала в Дюссельдорф.

[7] Речь идет о кн. 2-й «Ликов творчества», которая была смакетирована Волошиным, но осталась при его жизни неопубликованной. См.: Т. 5 наст. изд. С. 7–182, 650–655.

[8] Вызвавший широчайший общественный резонанс судебный процесс над евреем М. Бейлисом по ложному обвинению в ритуальном убийстве русского мальчика, проходивший в Киеве в 1913 г. Суд присяжных оправдал Бейлиса (28 октября 1913 г.).

[9] А.В. Кандаурова.

25. К.В. КАНДАУРОВУ

17 ноября 1913 г. Коктебель.

Одна просьба: когда будешь около Журавлева,[1] купи мне холста для картин (это для больших панно). Мне надо шириною в *2 аршина*, всего аршин 10 (десять). Очень плотного и хорошего – не стоит. – Недорого. Может, они и выслать могут. А мама с тобою рассчитается. (Она из Коктебеля выезжает 19<-го>, если закончится ливень, затопляющий нас эти дни. Да в Феодосии еще пробудет дня два).

Другая просьба: когда увидишь Грабаря — попроси, чтобы он мне выслал, как обещал когда-то, фотографии всех картин Сурикова и их детали. Тогда я смогу закончить всю монографию зимой.[2] Потому что я, верно, не выеду совсем в этом году из Коктебеля.

До свиданья.

МАХ.

17.XI.*1913.

[1] Имеется в виду московский магазин В.В. Журавлева, торговавший полотном, холстом и парусиной (Ильинка, Б. Черкасский пер., д. 10, Воскресенского подворья).

[2] Речь идет о монографии о В.И. Сурикове, заказанной Волошину (видимо, в декабре 1912 г.) И.Э. Грабарем для руководимой им серии «Русские художники» в Издательстве И.Н. Кнебеля.

26. В.Я. ЭФРОН

17 ноября 1913 г. Коктебель

Милая Вера,

очень захотелось написать тебе. Я часто о тебе думаю. (Чаще, чем летом, когда ты была здесь).[1] Я так тебя мало видел в этом году и совсем не чувствовал, когда ты была здесь. Верно потому, что не «диктовались».[2] Впрочем, для меня все это лето было одним наваждением. Теперь, когда оно миновало, я сознаю его причины. Но мне больно, что у тех, кого я люблю, могла бы остаться тень. Мне так нужно было быть совсем одному и уже очень давно. И все не давалось. Теперь я коктебельское уединение как холодную воду пью. День мелькает как одно мгновенье. Жизнь идет страшно полно и сосредоточенно.

Послезавтра мама уезжает.[3] Пойду провожать ее в Феодосии, и вернусь потом уже в полное уединение.

Как ты живешь? Впрочем, не стоит спрашивать — ты все равно не напишешь ни строчки, и я сам могу себе тебя

* *В автографе описка:* VI.

представить <?> полумертвой от переутомления. Хотелось бы видеть, что делается в школе. Разучивают ли «Акселя»?[4] Что Инна?[5]

Крепко жму твою лапу. Будь радостна.

МАХ.

17/XI 1913.

Целую Лилю.[6]
Благодарю за пересланные книжки.

[1] В.Я. Эфрон жила в Коктебеле с 28 мая до 1 сентября 1913 г. (Труды и дни. С. 322, 329).

[2] Ранее В. Эфрон помогала Волошину в работе — записывала под диктовку его статьи.

[3] Подразумевается отъезд в Феодосию для дальнейшего следования в Москву (см. примеч. 17 к п. 21). О совместной жизни с Е.О. Кириенко-Волошиной в Москве В. Эфрон писала Волошину в ответном недатированном письме (видимо, начало января 1914 г.): «С Прой живем оч<ень> дружно. Она в этом году изумительно не раздражительна. И ласкова страшно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1345, л. 18–19 об.).

[4] Имеются в виду театральная школа-студия Е.И. Рабенек (см. о ней: *Сироткина Ирина.* Свободное движение и пластический танец в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 46–48) и рукопись переведенной Волошиным драмы Вилье де Лиль-Адана «Аксель» (см.: Т. 4 наст. изд. С. 84–233, 932–933). В. Эфрон отвечала в упомянутом письме: «Ты как-то спрашивал, работают ли над “Акселем”. Но у нас совсем уничтожен академический класс и никаких работ нет. У кого рукопись, не знаю. <...> Всё со скандалами, истериками и т.д. Дух школы немного переменился».

[5] И.В. Быстренина.

[6] Е.Я. Эфрон.

27. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

25 ноября 1913 г. Коктебель[1]

25.XI.1913.

Дорогая Юлия Леонидовна, в прошлый вторник (19), уезжая с мамой в Феодосию, я получил письмо Ваше[2] и повестку на посылку. Ее пришлось тотчас же с почты отпра-

вить с обратным возницей в Коктебель, не вскрывая, а сам я вернулся третьего дня пешком в совершенно пустой на этот раз дом. Большое, большое спасибо за маски и за Решаля, которого я тоже получил.[3]

Как это ни странно — но мое впечатление этих трех мертвых лиц у меня совершенно расходится с Вашим. Для меня самое близкое — нестрашное лицо Достоевского, а самое жуткое — Пушкина.

В Петре поразила прежде всего эта мягкость линии при переходе от щеки к подбородку: нежная, юная, как у деревенского парня. У него лицо — точно идет с закрытыми глазами, или, скорее, точно его несут торжественно, высоко поднявши на руках. У Достоевского же что-то экстатически блаженное, точно он созерцает, нет, видит — увидел пламенные круги ангельских иерархий вокруг Св. Троицы и слышит «радостные взвизги серафимов».[4] (Вот слово, которое всегда жалило своим реализмом и точностью!). Маска же Пушкина — самая элегантная, выточенная, но в ней под успокоением бесконечное неутоленное страдание. Мне только на нее жутко смотреть.

Я объясняю себе разность наших впечатлений тем, что белый гипс, пока его не покроешь патиной, страшно скрадывает все линии и меняет выражение.[5]

Эти три лица дают мне бесконечно много. Как раз еще до получения масок, я у Богаевского просматривал воспоминания Кони, и наткнулся на описание похорон Достоевского. Он говорит о необыкновенно просветленном лице его, «совсем не похожем на то успокоение, которое бывает на лицах самоубийц или погибших насильственной смертью»,[6] прибавляет он почему-то (точно видит рядом маску Пушкина).

Скажите, Юлия Леонидовна, там есть еще маски? Чьи? Существует ли, напр<имер>, маска Влад<имира> Соловьева? Лермонтова? Нет, наверно их нет совсем.[7]

Страшно мне интересно, как Вы встретились с Лилей (Васильевой) и о чем говорили. Я очень жду Вашего рассказа.

Теперь я совсем один. В той комнате, где Вы жили, у меня трапезная. Там я варю, жарю и принимаю пищу вместе с газетными известиями. Но это занимает малое время. От живописи я далек (делал обложку для изд<аний> «Тропинки»[8] — но почувствовал полную свою бездарность). Теперь мой день распределяется между тремя вещами: готикой (для книги), циклами Штейнера[9] и немецким языком, за который я принялся вплотную (даже с грамматикой!) — и всё для того, чтобы читать то, что не переведено из Штейнера. Сейчас живу исключительно этим.

По долине мечется Nord-Ost с комками размокших туч. Выхожу гулять только в сумерках по пляжу до могилы и обратно. Выходя, читаю надпись, начинающую приобретать ритуальное и таинственное значение: «Юля, мы пошли вдоль берега. Запри и иди за нами. Захвати жакет». А приготовляя обед, читаю напоминание: «Сливки здесь».

В мастерской у меня всё выкрашено, вычищено, завешано, тепло и накурено бензоем и миррой.

Богаевский еще больше изнурен бессонницами и работой. Не разговаривает и никуда не выходит. Кое-что из сделанного показывал: три большие акварели (на ватмане, натянутом на подрамки). В одной из них есть совершенно новый подход к пейзажу, если хотите, отчасти кубический, скорее кристаллический — представляете, как это у него? Он их пошлет в Москву на «Мир Искус<ства>».[10] Почему в этом году нет ни Вас, ни Магды Максимилиановны?[11] Я сейчас же справился в каталоге.*

Портрет Штейнера в «Мистериях Христианства» очень неверный.[12] Он немножко «Сила внутри Вас». Вы не видали фо<то>графии, что есть у меня? Впрочем, его лица невозможно передать, потому что оно все — пламя воли, но не неподвижной, и не внешней, а горящей изнутри и каждый миг меняющейся.

Я понимаю это чувство, что нельзя принимать чужого, когда растет свое. Оно долго у меня было. Теперь оно мне кажется неверным. Теперь у меня только одно желание:

---

* *Следовавший далее абзац вымаран (3 строки рукописного текста).*

сперва изучить и как можно скорее всё, что известно уже, или, скорее, то, что дано из известного. Это также, как предварительная работа в искусстве или в науке: надо знать всё, что сделано до сих пор, чтобы не открывать Америк, как Колумб после норвежцев,[13] или не сочинять самому эвклидовских геометрий, как Паскаль в отрочестве. Это всё, конечно, показатели талантливости, но лучше ее показывать во всеоружии.

А относительно того, что можно дать человеку: своей истины – никакой. Мастер Янус в «Акселе» говорит: «Я не учу – я пробуждаю».[14]

Нельзя подарить *цветка*, а только *семя*. Это и в искусстве так.

До свиданья. Спасибо за всё.

Максимилиан Волошин.

[1] Почтовые штемпели на конверте: Феодосия. 27.11.13; Петербург. 30.11.13.

[2] Письмо от 14 ноября 1913 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 14–15 об.).

[3] См. п. 23, примеч. 9, 15.

[4] Слова чёрта из «Братьев Карамазовых» (ч. 4, кн. 11, гл. IX): «...я слышал радостные взвизги херувимов, поющих и вопиющих: “Осанна”, и громовый вопль восторга серафимов, от которого потряслось небо и всё мироздание» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 15. С. 82).

[5] 1 декабря 1913 г. Оболенская отвечала Волошину: «Ну где же, Максимилиан Александрович, Вы видите разность наших впечатлений от масок – я вижу лишь разность *отношения* к впечатлению почти одинаковому. “Почти” – оттого, что в маске Пушкина не хочу и не вижу вообще лица: она дорога мне лишь отдаленным прикосновением к тому, что было Пушкиным; с точки зрения смерти я на нее не посмотрю, п<отому> ч<то> не хочу мертвого Пушкина. К Петру и Достоевскому у меня не такое личное отношение, и я вижу в них буквально то же, что и Вы. О Петре Вы сказали странно и великолепно. О Достоевском каждый должен сказать то же самое – это же мне и ненавистно, что Вас утешает эта победная улыбка смерти на распадающейся материи. Мне-то не жутко от нее: я думаю, Вы заметили, что мое отвращение к смерти – принципиально».

[6] Очерк «Ф.М. Достоевский», впервые опубликованный в «Вестнике Европы» (1908. № 5), входил во все три издания сборников А.Ф. Кони «На жизненном пути» (Т. 2. СПб., 1912). Подразумевается следующий фрагмент из него: «Какое лицо! Его нельзя забыть... На нем не было ни того как бы удивленного, ни того окаменело-спокойного выражения, которое бывает у мертвых, окончивших жизнь не от своей или чужой руки. Оно говорило — это лицо, оно казалось одухотворенным и прекрасным» (*Кони А.Ф.* Воспоминания о писателях. М.: Правда, 1989. С. 247).

[7] Оболенская отвечала в письме от 1 декабря: «Масок, о кот<орых> Вы спрашиваете, в магазине не видала — на днях съезжу в Академию и узнаю — есть ли такие». (Подразумевается Академия художеств).

[8] Петербургское издательство «Тропинка», издававшее одноименный детский журнал и книги для детей; им руководили Н.И. Манасеина и П.С. Соловьева, с которыми Волошин постоянно общался в Коктебеле.

[9] Подразумеваются записи лекционных курсов Р. Штейнера, полученные Волошиным от М.В. Сабашниковой.

[10] Выставка «Мира Искусства» открылась в Москве в декабре 1913 г. в «Художественном салоне» на Большой Дмитровке.

[11] М.М. Нахман. Оболенская сообщала в ответном письме от 1 декабря: «...Вы спрашивали о выставке: нас четверых прокатили на жюри — кроме одной моей вещи. Я тогда ее сама сняла — в наказание мне не прислано приглашения в Москву (Нахман же там, вероятно, будет). Общее мнение — что причиною решения жюри — ссора Судейкина с Водкиным». (Оболенская — ученица К.С. Петрова-Водкина).

[12] Имеется в виду книга Р. Штейнера «Мистерии древности и христианство» в русском переводе (см. примеч. 6 к п. 18). Волошин откликается на слова Оболенской в письме от 14 ноября 1913 г.: «Штейнера до с<их> п<ор> не прочла — когда нахожу сама — не могу принять чужих слов. <...> Вы знаете, мне его лицо не нравится на этом портрете: в глазах не глубина, а отражение — не знание, а воля, и притом воля в смысле напряженного стремления — тяжелый отраженный взгляд».

[13] Имеются в виду морские походы викингов (IX–X вв.), в ходе которых были освоены Гренландия и другие области Северной Америки.

[14] Цитата из 3-й части драмы Вилье де Лиль-Адана «Аксель» в переводе Волошина (Т. 4 наст. изд. С. 191).

28. А.М. ПЕТРОВОЙ

26 ноября 1913 г. Коктебель[1]

Дорогая Александра Михайловна, я убежал, так и не простившись с Вами...[2] Простите. Получил письмо от Маргариты.[3] Она в Дюссельдорфе (адрес: Rheinland. Düsseldorf. Poste rath. Ahornweg. Haus meer, bei Frau Smitz). Она слушала Д<окто>ра в Берлине – о V-м Евангелии.[4] Теперь танцует по $2\frac{1}{2}$ часа в день. А остальное время спит от усталости.

Получил тоже письмо от Рагозинского:[5] он пишет про Конст<антина> Вас<ильевича>,[6] что ему исследовали внутренности рентгеновскими лучами: ничего органического – все нервное. Передайте это Богаевским,[7] а то они получили тревожное письмо от Ан<ны> Влад<имировны>.[8]

Я получил маски Петра и Достоевского,[9] лицо Д<остоевского> поразительно: глубокий внутренний экстаз, лицо человека, видящего внутри, застывшее в улыбке бесконечного блаженства и страдания.

Вы должны непременно приехать, чтобы увидеть. Жду Вас на этой неделе, тем более что барометр подымается и дождь, очевидно, скоро окончится.

Кончаю «Иерархии»[10]. Голова кружится – каждое слово откровение.

Привет Нине Алекс<андровне>.[11]

Мах.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 336.

[2] Волошин ездил в Феодосию, чтобы проводить Е.О. Кириенко-Волошину в Москву. В Феодосии он останавливался у Богаевских. (См.: Труды и дни. С. 336.) В Коктебель вернулся 23 ноября.

[3] Речь идет о письме М.В. Сабашниковой от 13/26 ноября 1913 г., в котором она сообщала, в частности, о своих занятиях эвритмией.

[4] Доклад для членов Антропософского общества «Пятое Евангелие» Р. Штейнер прочитал в Берлине 5/18 ноября 1913 г.

[5] Имеется в виду недатированное письмо В.А. Рогозинского, в котором он сообщал Волошину: «Константин Васильевич одно время хворал. Делали рентгеновские снимки у врача и нашли, что все нервное. Он очень успокоился. Теперь лечится гипнозом у одного студента-гипнотизера и хорошо чувствует после сеансов (без усыпления)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1026, л. 9).

[6] К.В. Кандауров. В ответном недатированном письме А.М. Петрова откликалась на сообщение Волошина: «Относительно Кандаурчика передала. Рада, что ничего органического, но нервы — тоже вещь не важная. Как его излечить, с его натурой?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 23).

[7] К.Ф. и Ж. Г. Богаевские.

[8] А.В. Кандаурова.

[9] Гипсовые слепки посмертных масок Петра I и Ф.М. Достоевского Волошин получил из Петербурга от Ю.Л. Оболенской. См. примеч. 4, 11 к п. 18, примеч. 10 к п. 23. О его впечатлениях см. п. 27.

[10] В это время Волошин читал работу Р. Штейнера «Духовные иерархии и их отражение в физическом мире», которую составили 10 лекций, прочитанных в Дюссельдорфе 12–18 апреля (н.ст.) 1909 г. Волошин читал конспект их в переводе М.В. Сабашниковой (см. п. 31).

[11] Н.А. Айвазовская.

29. М.В. САБАШНИКОВУ

27 ноября 1913 г. Коктебель

27/XI 1913. Феодосия. Коктебель.

Многоуважаемый Михаил Васильевич,

пишу Вам для того, чтобы, с одной стороны, осведомиться о судьбе «Богов и Людей» Сен-Виктора,[1] а с другой стороны, сообщить Вам о ходе моей работы над книгой о готике.

Лето у меня сложилось весьма неблагоприятно для работы, а также и одесская цензура почти два месяца (!!) задерживала нужные книги. Словом, я мог начать работать только в октябре. Но т<ак> к<ак> я никуда зимой из Коктебеля не выеду, то надеюсь сделать ее к весне. (Я предупреждал, что для такой работы не смогу назначить точного срока). План работы моей все разрастается (не в смысле размеров книги, а в смысле того материала, который я туда вложу).[2]

Посылаю Вам в качестве оправдательного документа счет от книжного магазина Альф<онса> Пикар.[3] Я там, как Вы видите, несколько книг вычеркнул и вписал другие, что

были выписаны позже. Посылаю счет, чтобы указать, на что были истрачены авансированные Вами 150 франков. Впрочем, я потом и еще выписывал за свой счет.

Мне хотелось указать Вам еще несколько новых книг, весьма пригодных для Вашей коллекции «Страны, века и народы». Именно:

Robert de La Sizeranne. Quelques portraits de Florence et de Louvre. (Ed. Hachette).[4]

Книга, дающая очень полную живую и прекрасную картину конца XV – начала XVI века в Италии. Написана очень талантливо и дает массу сведений.

Christian Beck. Le Trésor du Tourisme (Ed. Mercure de France).[5]

Это опыт путеводителя по Северной Италии, составленный из отрывков классических путешествий. (Самая форма могла бы быть очень полезна для Ваших изданий).

Marcel Poëte L'Enfance de Paris
Le Promenade de Paris } A. Coline
Formation de Paris (Jouveu)[6]

Эти книги интересны как дающие *общую* историю Парижа как города. В Вашем издан<ии> ведь по истории Парижа книга необходима.

Marcel Reymond. De Michel-Ange à Tiepolo. (Hachette).[7]

История Барокко. Общих историй XVI и XVII ве<ков> очень мало. Эта написана дельно, сжато.

Кроме того, я бы рекомендовал стар<ые> книги Сизерана «La miroire de la Vie» (2 тома) и «Questions d'Esthetique contemporaines».[8]

Кроме того, из книг по современному искусству Камиля Моклэра, которых много, можно было бы составить одну исчерпывающую.

Если что-нибудь из серии вышло – пришлите посмотреть. Пожалуйста.

Максимилиан Волошин.

P.S. Вот если бы этой зимой мне нужно было бы править корректуры, я бы их задерживать не стал!

[1] См. п. 6, примеч. 1. Сабашников отвечал 2 декабря 1913 г.: «П. де Сен-Виктор вышел только недавно. Задержала выход забастовка в типографии Кушнерева. Вам посланы в Коктебель Ваши экземпляры. Вы их, вероятно, если не получили, то получите до этого письма» (Книга. Исследования и материалы. Сб. XXXVIII. М.: Книга, 1979. С. 146. Публ. С.В. Белова). См. п. 30.

[2] Сабашников отвечал в том же письме: «Что касается Вашей книги о готике, то мне приходится мириться с задержкой в выпуске этой книги и буду рассчитывать получить от Вас рукопись весной 1914 года. Желательно, чтобы рукопись была вполне готова к печати (окончательно отредактирована) и чтобы иллюстрации были намечены заблаговременно. <...> Придаю особое значение тому, чтобы книга о готике не была больше установленного нами размера. Большая книга совершенно не годилась бы для наших целей» (*Там же*).

[3] См. п. 9, примеч. 6.

[4] Правильное заглавие этой книги Ла Сизерана — «Les Masques et les Visages à Florence et au Louvre» (Paris, 1913). Благодаря Волошина «за сообщение о новых подходящих <...> книгах», Сабашников отмечал в цитированном выше письме: «Robert de La Sizeranne (Portraits de Florence et au Louvre) мы уже имели в виду, равно как и другие книги этого автора. Указанная для нас переводится» (Книга. Исследования и материалы. Сб. XXXVIII. С. 146. Исправлено по автографу). Перевод этой книги, однако, в Издательстве М. и С. Сабашниковых опубликован не был.

[5] См.: *Beck Christian.* Le Trésor du tourisme. Sous la direction de M.C. Beck. 3 sér. Paris, 1913. Книга включает разделы: «L'Italie septentrionale», «Rome et l'Italie méridionale», «La Suisse».

[6] Книги Марселя Поэта: «L'enfance de Paris» (Paris, 1908), «Le Promenade à Paris au XVIIe siècle» (Paris, 1913), «Formation et évolution de Paris» (Paris, 1911).

[7] Указанная книга Марселя Реймона вышла в свет в Париже в 1912 г.

[8] Первая книга Ла Сизерана вышла в свет в Париже в 1902 г., вторая — в 1904 г. (заглавие: «Questions esthétiques contemporaines»).

30. М.В. САБАШНИКОВУ

1 декабря 1913 г. Коктебель[1]

Многоуважаемый Михаил Васильевич,

Когда третьего дня я отправлял Вам письмо, я и не подозревал, что экземпляры уже вышедшего Сен-Виктора

ждут меня на почте в Феодосии.[2] Благодарю. А я думал, что еще получу корректуры....

По каталогу в конце книги вижу, что вышел уже целый ряд книг той же серии. Т<ак> к<ак> многие из них были рекомендованы мною, могу ли я просить Вас мне прислать и их переводы (2 т<ома> Диля, Морэ, Бёмера) — ?[3]

Я был бы очень благодарен Вам, если бы Вы не отказались прислать мне тоже «Асвагошу» и «Марка Аврелия».[4]

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Феодосия. 2.12.13; Москва. 4.XII.1913.

[2] См. п. 29, примеч. 1.

[3] Краткие сведения о книгах, вышедших в Издательстве М. и С. Сабашниковых в серии «Страны, века и народы», были помещены на третьей странице обложки книги П. де Сен-Виктора «Боги и люди». Имеются в виду издания: *Бёмер Г.* Иезуиты / С введением и примеч. Г. Моно. Перевод Н. Попова. М., 1913; *Диль Ш.* По Греции. Археологические прогулки / Перевод М. Безобразовой. М., 1913; *Диль Ш.* Византийские портреты / Перевод М. Безобразовой под ред. и с предисл. П. Безобразова. Вып. 1–2. М., 1914; *Морэ А.* Во времена фараонов / Перевод Е. Григорович. М., 1913.

[4] Книги серии «Памятники мировой литературы» в Издательстве М. и С. Сабашниковых: *Асвагоша.* Жизнь Будды / Перевод К. Бальмонта со вступ. статьей Сильвэна Леви. М., 1913; *Марк Аврелий Антонин.* Наедине с собой. Размышления / Перевод с греческого и примечания С. Роговина. Вступ. очерк С. Котляревского. М., 1914.

31. А.М. ПЕТРОВОЙ

2 декабря 1913 г. Коктебель

2/XII 1913.

Дорогая Александра Михайловна!

Феодосийская почта никак не может найти дороги из Феодосии в Коктебель. Ваше письмо проехало в Отузы (вероятно, направля<ло>сь в Одессу!).[1] Но было там пере-

хвачено коктебельским лавочником и, переходя из рук в руки, добралось-таки до меня, вопреки почтовому ведомству. Совсем не понимаю, почему Вы не можете приехать в Коктебель.

Раз «племяннику» надо еще 1½ года готовиться, то, право, Вы успеете и приехать сюда, и вернуться вовремя. А что касается «полос»,[2] то их здесь будет еще удобнее делать: к Вашим услугам и мастерская, и краски, и мои живописные таланты.

С хозяйством я справился: это не труднее, чем в Париже. Буду Вас кормить борщами и кашами.

А что я тогда удрал:[3] ведь останься я дольше — это был бы не один день, а 3—4 — я не мог бы выбраться. Два дня я провожу в Феодосии с наслаждением, а потом начинаю томиться.

Кончаю сейчас «Иерархии» — второй раз с конспектом.[4] Когда составишь конспект, все ясно, четко и наглядно. Но когда читаешь в первый раз, кажется ужасно трудно. Ужасно я не привык, чтобы мне разжевывали и объясняли все постепенно. Тогда я сразу глупею. А этот цикл как раз весь с ужасно долгими растолковываньями, а Аморин[5] перевод еще отяжеляет его. Читая его, все мысленно спорю с ней: о «Lunaria», о ее словах, что там много напутано.[6] Да, из цикла о Иерархиях мне раскрылась совсем иная картина звездного мира и Луны, в частности. Но в то же время явилась возможность посмотреть со стороны на написанное мною. И меня удивляет там не напутанное, а то, что многое было угадано. Ведь если писать стихи, *зная* все, то тогда только адепты имеют право писать стихи. И это тайная мысль Амори. Но для адептов раскрыты более важные виды творчества. Стихи пишутся не о том, что *знаешь*, а о том, что чувствуешь, о чем догадываешься. Они говорят не об объективной истине, а о том, что переживает и познает мое «Я» на одной из промежуточных ступеней.

Вот я теперь *знаю* об устройстве вселенной больше. Но ведь *этого* знания я не могу вложить в стихи. Я знаю из учебника (потому что этот цикл — учебник — первоосновы, кото-

рые Д<окто>р[7] должен объяснять слово за слово). Но нельзя же учебник перекладывать в стих. Когда это приобретенное знание принесет плоды — тогда явится новое творчество — но и оно будет стучаться туда, в ту область, которой я еще не знаю.

Мое представление о Луне в «Венке» — люциферическое.[8] И иным оно и не могло бы быть. И как таковое я нахожу, что оно более верно, чем я бы мог думать. И даже Иошуа бен-Пандира[9] с этой точки зрения уместен и необходим. Я понимаю, что мне нужно преодолеть это состояние сознания, самому выйти из него. Но как художественное произведение оно может быть иным, и никак нельзя сказать «напутано». Вот. И мне очень интересно, что Вы сами об этом думаете.

Я послал в магазин Сидорова на имя Костеньки[10] два экземпляра моего перевода «Боги и Люди» Сен-Виктора[11] для него и для Вас. И написал ему, чтобы он послал их взять оттуда.[12] Так что Вы еще получите. Интересно, что Вы скажете о книге и о моем переводе. Прочтите там о «Марке Аврелии» и «Испания при Карле II»[13] раньше всего.

Когда на Людвига так нападают[14], мне хочется защищать его. Надо *верить* ему. Доверие и издали всегда помогает. А недоверие ужасно тяжело. Он в этом и путается. Впрочем, я так понимаю, что им можно возмущаться. Понимаю и его, мне кажется, отчасти. У меня было в Париже несколько таких лет, когда я не знал, что я буду делать, и *ничего* не делал.[15] А взял я от этих лет ужасно много. «J'ai grandi a ne rien faire» (Я возмужал благодаря тому, что ничего не делал), говорил Бодлер.[16]

Итак, не ждите, Алекс<андра> Мих<айловна>, еще 1½ года, пока освободитесь, а приезжайте в Коктебель теперь же и с работой. Хорошо? А я приду в Феодосию, когда наступит погода получше и посуше. На письмах пишите: *Феодосия*. Коктебель. И вообще пишите мне. Хорошо?

Max.

[1] Речь идет о недатированном письме А.М. Петровой, в котором она сообщала: «...все мои планы разбились, когда Миша привез мне племянника, и, к моей досаде и горю, его нельзя будет определить в гимназию в этом году, а лишь через 1½ года. Он так слабо и несистематично подготовлен, что придется отдавать его во 2 отделение подготов<ительной> школы. Благодаря тому, что на мои тревоги не обращали внимания, мальчик потеряет 1½ года. Надеюсь на то, что удастся прочно его подготовить, я очень против спешной работы, против попугайного "развития". Итак, озабочена в новой роли тетушки. А еще вот какие дела: очень важничаю, получив заказ на 2 полосы. Нужно работать, т<ак> к<ак> 40 рублей меня раздразнили. Ваше исчезновение, конечно, заставило меня сильно поворчать. Экое дитю, — одного дня ему жалко было. Впрочем, угадали, т<ак> к<ак> погода резко переменилась» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 22–22 об.). Упоминается М.М. Петров — брат Петровой, кадровый военный.

[2] Видимо, речь идет о заказе, полученном Петровой на оформление «полос» по материалам образцов орнамента крымских татар, которые она собирала долгие годы.

[3] См. примеч. 2 к п. 28.

[4] См. примеч. 10 к п. 28. Конспекты некоторых теософских и антропософских сочинений содержатся в одной из тетрадей Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 459).

[5] М.В. Сабашникова. Петрова писала Волошину 9–10 декабря 1913 г. по поводу его теософских занятий: «Вот тебе и история с "Иерархиями". Подписываюсь обеими руками под Вашими корчами. Ведь вот же ядовитая штука эта Теософия: дохнуть не дает. Что хотите — говорите, а ведь в ледяшки превращает» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 19).

[6] «Lunaria» — венок сонетов Волошина, написанный с 16 июня по 1 июля 1913 г., в котором, в частности, изложена оккультная интерпретация Луны, как одной из форм развития, через которую прошла Земля. См.: Т. 1 наст. изд. С. 208–215, 502–503. По-видимому, в период своего пребывания в Коктебеле (см. примеч. 10 к п. 13), М.В. Сабашникова высказалась критически в адрес венка сонетов Волошина.

[7] Р. Штейнер.

[8] Люцифер (*миф., букв.:* «носитель света», *лат.*) — ангел, восставший на Бога и низвергнутый им, Сатана. В антропософии подчеркивалась объективно положительная роль Люцифера как пробудителя в «атлантическую» эпоху сознания в человеке, его личности.

В венке сонетов «Lunaria» у Волошина образ Люцифера возникает на пересечении мифологического и антропософского истолкования:

Зане из сонма ангельского клира
На Бога Сил, Творца бездушных сфер,
Восстал в веках Денница-Люцифер,
Мятежный князь Зенита и Надира.

Ваяя смертью глыбы бытия
Из статуй плоти огненное «Я»
В нас высек он: дал крылья мысли пленной...

Но в бездну бездн был свергнут навсегда.
И, остов недосознанной вселенной, —
Ты вопль тоски, застывший глыбой льда!
(Т. 1 наст. изд. С. 213—214).

Позже подобные воззрения были изложены Волошиным в поэме «Мятеж» (Из цикла «Путями Каина»). (См. Т. 2 наст. изд. С. 7—12).

[9] Имя Иисуса Христа в талмудическом толковании. Этот образ, возникающий в венке сонетов «Lunaria», появлялся и в цикле лекций Р. Штейнера «От Иисуса к Христу» (1911), законспектированном Волошиным (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 459). См. также п. 65, примеч. 21.

[10] К.Ф. Богаевский.

[11] Книга-эссе «Боги и люди» («Hommes et Dieux») Поля де Сен-Виктора была переведена Волошиным летом 1912 г. (См.: Т. 4 наст. изд. С. 326—645, 935—944). См. примеч. 1 к п. 6.

[12] Это письмо Волошина не обнаружено.

[13] Волошин называет отдельные эссе Сен-Виктора, вошедшие в книгу «Боги и люди». Петрова в письме от 9—10 декабря 1913 г. восторженно отозвалась об этой работе Волошина: «Дитя мое! Тронул меня и книгой, и надписью на ней: — “*работа лета 1912 г.*” <...> В восторге от Вашей книги, — Сен-Виктор. Я не хотела Вам писать, пока не прочла: “Марка Аврелия”, предисловия Вашего, и начала “Испанию”. Впечатление такое, будто Вашу личную книгу читаешь, так великолепен перевод, язык органически связался с языком автора. Радуюсь и приветствую этот Ваш труд. <...> На ночь смакую “Богов и людей”. Удивительнейшая книга. Прекрасно Ваше предисловие к ней. Только что это за старчество, — приводить все чужие слова, хотя и удивительные? Знаю, что скажете на это. Но это уже

давно где-то царапало меня по “мозгам” и в Ваших прежних статьях. Будто Вам-то нечего сказать. Я за Вас обижаюсь. Вы у нас умница, с бога<ты>ми, образами и языком. И непременно мы, русские, киваем на “заграницу”, рекомендуя. Там, мол, сказали» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 18–19).

[14] Л.Л. Квятковский. В недатированном письме Петрова сообщала Волошину: «Сегодня получила очень интересное письмо от Марг<ариты> Вас<ильевны>. <...> Зато о Людвиге она пишет <...> *опять* не доволен школой. Марг<арита> Вас<ильевна> просто не знает, что с ним делать. Я бы выругала его от всей души, да боюсь за глаза. Он разнуздался, что ни говорите. Мне стыдно перед Ал<ександрой> Алекс<еевной> <Андреевой. – *Ред.*> и Марг<аритой> Вас<ильевной>. У него нет уважения к ним и к их вниманию. Если бы это не было повальной болезнью нашей молодежи, то тогда только можно было бы отнести это за счет Людвиговой оригинальности. Но теперь ведь целая тьма таких “самобытностей”. Тошно и горестно. Мне противно ему писать. От его писем несет миндалем и враньем. Трус, боящийся правде в глаза смотреть! Не знаю, что делать. Марг<арита> Вас<ильевна> говорит мне, что Ал<ександра> Алекс<еевна> уже сильно тяготится им, не видя устойчивости и проку. Марг<арита> – тоже!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 23 об.). М.В. Сабашникова в недатированном письме действительно жаловалась на Квятковского, которого опекала: «Людвиг поступил в ремесл<енную> художественную школу и опять недоволен. Но пусть уже что-нибудь кончит. Я буду посылать ему больше денег, чтобы он наряду с этой школой работал в мастерской Hol<l>ősy. Но вот будет ли он ходить туда? Не знаю, что и придумать для него» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 39, л. 72). Л.Л. Квятковский – художник-феодосиец из бедной семьи, в юности подававший большие надежды. С апреля 1913 г. Квятковский находился за границей под патронажем М.В. Сабашниковой и ее тетки, А.А. Андреевой. В марте 1914 г. был оправлен в Феодосию. Об этом см. п. 75.

[15] Вероятно, 1901–1902 гг., когда Волошин находился в Париже.

[16] Видимо, имеется в виду фраза из фрагмента XXXII дневника Ш. Бодлера «Мое обнаженное сердце»: «Я вырос, отчасти, благодаря тому, что имел время для досуга» (*Бодлер Шарль*. Цветы Зла. Обломки. Парижский сплин. Искусственный рай. Эссе, дневники. Статьи об искусстве. М.: Рипол-классик, 1997. С. 447. Пер. Г. Мосешвили).

32. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

6–7 декабря 1913 г. Коктебель

6. XII. 1913.

Сегодня одновременно с Вашим письмом, Юлия Леонидовна,[1] я получил маленькое письмо от Лили (Черубины). Она пишет: «Оболенская была у меня два раза. Я не знаю, было ли ей хорошо со мной. На меня же она произвела глубокое и радостное впечатление».[2]

И мне все-таки страшно хотелось бы знать, о чем Вы с ней говорили... Нет, в ней есть и хрупкость и надломленность. Они всегда были скрыты – раньше особым жизненным (очень талантливым) юмором, который создавал иллюзию равновесия на краю безумия и полной потери себя в своей фантазии. Теперь... Вы очень хорошо определили: «индивидуальность, заслоненная истиной».[3] Я это так чувствую в ее письмах. Чувствую это постоянно и в Маргарите Васильев<не>,[4] и страшно протестую всем существом против этого. Видите, когда человек говорит вещи, абсолютно не согласуемые с научным познанием и по существу не доказуемые иначе, как личной проверкой, – я ему верю, потому что он ссылается на свой опыт. Но когда эти же вещи слышу я от другого, который не сам узнал – а принял их, – я чувствую себя пойманным в клетку. Мне трудно с ними говорить. Ах, а есть еще люди не заслоненные, но изнасилованные истиной. Впрочем, среди штейнерианцев их меньше, чем среди теософов. Но в то же время – как иначе? Представьте себе, что человек приносит – не истину – а новую систему познания мира, которая расходится со всеми ныне существующими дисциплинами науки. И не то чтобы он его открыл и сам постигал – нет, он приносит окончательные результаты огромного опыта, совершенного в других сферах и мирах познания. С чего ему начать? С азбуки – потому что никто из его слушателей иначе не поймет и первых слов. Поэтому все его книги – только грамматика. В них нет ни капли художественности, лиризма. Ведь подумайте – одно сопоставление с Ницше или Шопенгауером кажется бес-

смысленным. А между тем его лицо, его голос говорят о равносильном, если не большем. Чувствуешь, что ему все время приходится обучать грамоте, прежде чем начать говорить. Его лекции (циклы) вводят глубже, но это всё же продолжение той же грамматики — синтаксисические правила языка, но еще не речь.

И характер его убедительности странен. Помните, я говорил Вам, что меня вначале же поразило подтверждение разных моих собственных, казавшихся чуждыми всему современному познанию мыслей. Это не вполне так. Это не было подтверждением: он давал системы, из которых, как следствие, вытекали те, мои мысли. Т.е. давал логическую стройность закона тому, что являлось личной интуицией. Я должен сказать, что ужасно не люблю учебников, а когда мне начинают что-нибудь толково и подробно объяснять, я сразу глупею; и, кроме того, у меня какая-то врожденная (верно, от примеси немецкой крови) антипатия к немецкому языку. И вот я теперь со страстью читаю по-немецки и разбираюсь в книгах и лекциях Штейнера, которые все написаны именно так, как я не люблю. Но есть сознание, что во что бы то ни стало надо пройти сквозь учебники, чтобы заговорить. А Америки нужно иметь мужество открывать, имея в кармане билеты Trans Atlantic Hamburg—America Linien. Мне тоже в «Мистериях Христианства» в первый раз больше всего дали цитаты — только не Плотина, а Гераклита. Именно потому, что они были не учебник, а уже фраза для перевода.[5]

«Землю целуй неустанно»... и еще «Каждый пред всеми за всех и за всё виноват» — это самое жгучее, пронзительное, что есть в Достоевском.[6] И я как раз думал об этом, когда читал у Шт<ейнера> подробное объяснение того, что, как в предыдущем планетном цикле земля вырабатывала ту *мудрость*, которую мы находим теперь повсюду в сочетаниях и соотношениях внешнего мира, так теперь задача земли — *Любовь*, которая должна проникнуть всё, как проникла уже Мудрость, то от этих подробных, долго объясняющих и толкующих слов, когда они замолкали, зажигалось то, что

горит у Достоевского. В этом есть что-то сначала оскорбляющее: по-школьному изъяснять то, что у другого высочайший порыв интуиции сердца. Но ведь антропософия и есть человекопознание — анатомия души и духа, т.е. выявление высшей мудрости, заложенной в формы жизни. Но вскрытие цельных форм кажется всегда оскорбительным в первый момент. (Вспомните анализ стиха, ритма!).

И в конце концов — именно в этой исключительной деловитости и ясности, чуждой всякого художествен<ного> образа и лиризма, лежит то, что вызывает глубокое доверие. Человек говорит не для себя и не о себе, а только для тех, к кому обращается. А раз принятое — прорастает и пафосом и образами. Но вот этот-то период обучения грамоте и внутренного прорастания — он и закрывает истиной индивидуальность. Но от этой школы никак не уйдешь, раз ее коснулся. Значит, нужно пройти, как можно скорее (C'est mon cas*).

Мне бы очень хотелось, чтобы Вы прочли «Путь к познанию сверхчувственных миров».[7] Там более ясна вся программа и система.

Только не подумайте, что я лично стремлюсь <к> ясновидческому познанию и опыту. Это мне (т.е. стремление) глубоко чуждо, если оно не вытекает из гармонического развития всего существа, если не является необходимостью. Нет, только понимать алфавит вещей — *signatura rerum*, как прекрасно называет Як<ов> Бёме,[8] именно на живых лицах уметь читать живую жизнь, и уметь вписывать в жизнь своё без орфографических ошибок. Ах, орфография морали! Это у нас так сложно...

«Люби Бога, и тогда делай, что хочешь»? А тому, у кого нет постоянного экстаза и ясновиденья Любви, — тому нужно *знать*.

Ой! два часа ночи. Надо спать. На море шторм с юга. Ущербный месяц, Сатурн с Марсом по бокам и Сириус захлебывается от света, точно Венера. Покойной ночи!

* Это мой случай *(фр.)*.

7/XII. Я, кажется, вчера еще не успел сказать о смерти... Да, вот. Всё по поводу лица Достоевского и Вашего отношения «принципиального» к смерти. Принимаете ли Вы воскресение «во плоти»? В этом ведь весь смысл человека на земле. Конечно, нельзя считаться с Леонидом Андреевым, — но меня глубо<ко> оскорбил в свое время «Елеазар».[9] Ведь мы должны просветить, одухотворить плоть, т.е. тот поток материи, который проходит через нас. Все преходящее — *собою* сделать вечным и спасти от разрушения. Именно то, что на Суд мы предстанем со всею тою материей, что прошла сквозь нас. И вот Штейнер прекрасно отвечает на это. Ведь Вы знаете теософс<ко>-индусское деление на семь тел, т.е. планов?

физическое
эфирное
астральное
Я
Манас (у неоплатоников лучше: RUTHMEIA
Будди THUMEIA
Атма[10] THEIA)

Из них у нас развиты первых три — «Я» работает над созданием трех следующих. Астральное (страстное) переработанное «Я» становится Манасом — сознанием. Это наша эпоха.

Эфирное переработанное «Я» станет Будди (θυμὸς — дерзание), а физическое — станет Атма (θεῖα — божественное). Разве в этом Вы не чувствуете глубокой истины — что именно наше материальное тело должно быть переработано в божественное? Поэтому в выражениях повседневных лиц так много божественного откровения, о котором сами носители их не знают. Луч истины разлагается человечеством на радугу... нет, не лжи, а приблизительной правды. Мне радужность индивидуальных лиц дороже. А индивидуальности, заслоненные истиной, меня мучают. Впрочем, ведь это не истиной, а только грамматикой. Но нужно пережить сначала грамматику...

Получили ли С<ен->Виктора?[11] Ах, Юлия Леонидовна, я вовсе не для того спросил о масках Вл. Соловьева

и Лерм<онтова>, что<бы> Вы ехали опять узнавать. Ради Бога, не надо! Мне и так стыдно, что я Вас совсем засыпал поручениями. Ведь это был почти реторический вопрос.[12]

Кончаю письмо. Привет Екат<ерине> Ив<ановне> и Феод<ору> Кон<стантиновичу>.[13]

Пишите мне больше.

Максимилиан Волошин.

[1] Имеется в виду письмо Оболенской от 1 декабря 1913 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 16–19 об.).

[2] Цитата (с отдельными неточностями) из письма Е.И. Васильевой от 30 ноября 1913 г. (*Черубина де Габриак.* Из мира уйти неразгаданной. Феодосия; М., 2009. С. 69).

[3] Отклик на слова о Васильевой в письме Оболенской от 1 декабря 1913 г.: «Теперь о Черубине – она очень добра ко мне, я была у нее уже 2 раза, подолгу сидела <...> Я сильно волновалась, идя впервые к ней: из Ваших рассказов создался какой-то хрупкий и надломленный образ, которому страшно повредить. А мое впечатление – что она по натуре уравновешеннее меня. Впрочем, глубоко я в ней не видела: когда индивидуальность заслонена истиной (Лицо Штейнера), труднее смотреть через нее. <...> Вы сидите и бранитесь: столько болтовни и ни слова – о чем мы с ней говорили. Видите – у нее, вероятно, от меня дикое впечатление. Я думаю, она ждет вопросов по существу, а я, как ни странно, умею спрашивать лишь о том, что я уже знаю».

[4] М.В. Сабашникова.

[5] Волошин откликается на суждения Оболенской о Р. Штейнере в цитированном письме – ответные на его высказывания в п. 27: «...книги Штейнера останавливаются во мне, точно я глотаю камень; я, стиснув зубы, даю им проходить через себя, и это причиняет страдание, которое не сразу объяснить: Штейнер требует не чувства, а мысли, за что я сразу его приветствую – но то, что он дает, моя мысль не берет, это хаос какой-то. Ведь вот: как радостно я провела через себя когда-то Шопенгауэра (которого не принимаю) только за то, что форма, в которой он построил свой Мир, – подобна истинной форме мира, звенела и пела во мне. Но результат мне противен, я его зачеркнула.

И вот посмотрите – какая дикость: теософским устроением мира я давлюсь, в нем какое-то дилетантство – а вместе с тем я Штейнеру верю просто оттого, что зачем же ему меня обманывать?

Того, что называется шарлатанством, я никогда не воспринимаю: если человек здоров и говорит искренне, значит, знает. Вот и начало всех Америк <...> что же делать, если чье-нибудь прекрасное лицо или душа, или жизнь открывают мне глубже, чем слова о несвойственной мне форме ясновидения. Так в "Мистериях" меня оживила одна фраза — Плотина! Так последние дни много узнавала о бессмертии, глядя на живое незакрытое Лицо — а прикрытые истиной лица отвлеченны <...> Так глубоко-нежная и властная жизнь Ницше мне дала не меньше его творчества. Я до смерти моей, а, м<ожет> б<ыть>, и дольше ее не забуду, п<отому> ч<то> после осуществления такой жизни мне стыдно потерять радость. Разве это не светильник и пламя вместе?

Это — относительно других Ваших слов, но также относится и к Америке и к восторгу от вещей, и даже к маске Достоевского, пот<ому> что: "Землю целуй и неустанно, ненасытимо люби, всё люби, всехлюби, ищи восторга и исступления сего". За Штейнера на меня не сердитесь: я, вероятно, приду к нему, если того захочет моя странная жизнь, а она, кажется, этого хочет <...> стою перед совершенно новыми внутренними событиями со всем моим путем — как ничего не знающий ребенок, — а вокруг ученики Штейнера.

Как же не прислушиваться к жизни непосредственно — в ней какие-то циклы, она сама говорит так внятно. Разве это значит открывать Америку? Я не смею не слушаться».

[6] Первая цитата (в более полном объеме приведенная в цитированном выше письме Оболенской) — из «Братьев Карамазовых» (ч. 2, кн. 6, гл. III); вторая цитата — из того же романа (ч. 2, кн. 6, гл. II), приведена неточно; в оригинале: «...воистину всякий пред всеми за всех виноват <...>» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 292, 270).

[7] Имеется в виду книга Штейнера «Как достигнуть познания высших миров» (см. примеч. 11 к п. 20). Варианты заглавия в русских переводах: «Как достигнуть познания высших (сверхчувственных) миров» (<1911?>), «Путь к посвящению и как достигнуть познания высших миров» (Калуга, 1911).

[8] «De signatura rerum (Von der Geburt und der Bezeichnung aller Wesen)» (1622) — заглавие одного из философско-мистических сочинений Якоба Бёме («О рождении и обозначении всех сущностей»).

[9] Рассказ Л.Н. Андреева «Елеазар» был впервые опубликован в журнале «Золотое Руно» (1906. № 11/12. С. 59–67). Критический отклик Волошина на него — статья «"Елеазар", рассказ Леонида Андреева» (см.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 43–53).

[10] Ср. толкование этих понятий у Е.П. Блаватской: «*Манас* (санскр.). Буквально, "ум", ментальная способность, превращающая человека в разумное и нравственное существо»; «*Буддхи* (санскр.). Вселенская Душа или Разум»; «*Атма* или *Атман* (санскр.). Вселенский Дух, божественная Монада, так называемый седьмой принцип в семеричном строении человека. Высшая Душа» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М.: Сфера, 1994. С. 269, 100, 69). В интерпретации Анни Безант: «Человеческая Монада и есть *Atmâ-Buddhi-Manas* или, выражаясь иначе, *Дух*, *Духовная Душа* и *Душа человеческая* <...> все три являются лишь аспектами Божественного Я <...>» (*Безант Анни.* Древняя мудрость. СПб.: Изд. журнала «Вестник Теософии», 1913. С. 128).

[11] Волошин, видимо, выслал Оболенской книгу П. де Сен-Виктора по получении авторских экземпляров в Феодосии. См. п. 30.

[12] См. п. 27. Оболенская отвечала 14 декабря: «На реторический вопрос не могу сейчас дать ответа, п<отому> ч<то> была в Академии, да не вовремя попала туда. Мне это ничуть не трудно».

[13] Е.И. Оболенская и Ф.К. Радецкий.

33. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

9 декабря 1913 г. Коктебель

Милая мама, вот теперь, когда провожу совсем один эти длинные ночи и короткие дни в Коктебеле, я все время, постоянно возвращаюсь мысленно к тебе. И теперь, когда ничего из мелочей и необъяснимых психологических препятствий не стоит между нами, я чувствую, когда думаю о тебе, как я тебя люблю глубоко, до слез. И мне вспоминается теперь с такою болью все мое внешнее отношение к тебе: и то, что мне постоянно некогда быть с тобой, и то, что я скрываю постоянно от тебя свое интимное (стихи, чувства к людям), и мою раздражительность и мою грубость к тебе. И вот я все это вспоминаю, и мне мучительно стыдно всего этого — всех слов, поступков, самых чувств, вызывающих это, и я чувствую, что все они неверны, и сам не знаю, как быть, как отбросить их, побороть то, что встает между нами, когда мы вместе.

Я так не умею любить — у меня нет ни слова, ни жеста. И «самый простой знак внимания» мне вдруг становится недоступен. И вот ты вернешься и опять будет то же самое. Мама милая, я ведь вижу и знаю, как тебе тяжело со мной и от меня. И я знаю, как ты меня любишь. Когда я теперь, думая о тебе, представляю себе все твое одиночество столько лет, здесь, в Коктебеле, доходившее до отчаяния, и твои мысли обо мне, и то, что ты всегда делала и делаешь для меня, ради меня... то мне становится так горько и больно.

И мне захотелось тебе хотя бы написать, потому что сказать и показать я не умею, верь мне, что я тебя глубоко, сильно люблю. Милая мама, когда ты вернешься домой — помоги мне быть с тобой настоящим, верным. Потому что ведь я, правда, как маленький в твоем присутствии. И твой гнев и твоя насмешка ведь правда действуют так на меня, что всё останавливают. Ведь мои протесты и раздражения на тебя — ведь они совсем детские, разве ты не видишь этого? И это так странно быть взрослым, а в некоторых областях духа уже совсем зрелым, и в то же время чувствовать в себе маленького ребенка, который вдруг пробуждается во мне от твоего слова. И мучительно и смешно это.

Я пишу это тебе сегодня, потому что мысль о тебе сегодня у меня весь день не выходит из головы, и я не могу ни работать, ни читать, ни сосредоточиться. А когда мыслью я иду к тебе, то становится так надрывающе грустно за тебя и за то, как мало, ничего, я тебе не давал в жизни. Но мне хочется, чтобы ты хоть издали поверила, что я действительно люблю тебя. И прости меня за всё.

Мне сейчас так хочется обнять тебя и долго плакать, потому что ничем иным я сказать не могу, милая мама.

Целую тебя крепко, крепко.[1]

9/XII 1913.

[1] Приводим весь текст ответного (недатированного) письма Е.О. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 655, л. 42—43 об.):

Милый мой мальчик, мой маленький, ты совсем ни в чем не виноват передо мной, и нечего мне прощать тебя. Ты верно говоришь, что я гневом своим, насмешкой вызываю в тебе протест и раздражение сердитого ребенка, значит, могла бы лаской, словом

нежным будить в тебе такого ребенка, которого не мучительно, не смешно и не стыдно сознавать в себе взрослому человеку. — В нас обоих при взаимной любви нехватает какой-то крупицы чего-то очень нужного, драгоценного, и что-то связывает простоту и любовность наших отношений. В обоих какой-то недохват, и кроме того, с моей стороны, большая требовательность к тебе: мне мало, что ты умен, талантлив, добродушен, незлоблив; я хочу всех лучших качеств, всех совершенств человеческих и обаяний в тебе, для тебя; для себя же немножко внешних знаков твоей любви и внимания ко мне. Мне горько и радостно было читать письмо твое, и я не дала его Лиле <Е.Я. Эфрон. — *Ред.*>, несмотря на все просьбы ее прочесть хоть кусочек, сказав, что все письмо один кусочек, но только для меня.

Макс мой милый, я радостно обнимаю тебя, целую глаза твои, верю, что любишь, и любя думаю, что когда опять вернусь в Коктебель, все у нас пойдет по-новому, по-хорошему. Я не буду сердиться, смеяться над тобой, и ты станешь добрым, простым мальчиком, будешь и умным <?> взрослым человеком.

34. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

10 декабря 1913 г. Коктебель

Феодосия. Коктебель. 10/23 дек<абря> 1913 г.

Дорогая Александра Васильевна,

Вот два года, как я уехал из Парижа[1] и два года не писал Вам. И теперь, когда еще один год оканчивается, у меня явилось невольное желание написать Вам, так, чтобы хотя бы мое письмо пришло к Вам ко дню встречи Нового Года. Потому что я как-то не могу себе представить встречу Нового Года иначе, чем с Вами. А теперь как раз коктебельская обстановка зимою мне ежеминутно напоминает мою последнюю с Вами встречу Н<ового> Г<ода> (1912-го) в Монфоре.[2] Глядя на холмы и поля, тронутые морозом, и на безлюдную пустынность наших долин, я невольно вспоминаю Ваш дом в Галлюи[3] и мои блужданья с Яксом[4] по окрестным дорогам в тот день.

Я сейчас совсем один зимую в Коктебеле. Мама уехала в Москву,[5] а я остался работать... и быть одним... Верно, я

никуда и не уеду отсюда в этом году. Москва и Петербург утомляют бесплодной суетой, и я все-таки чувствую себя там в чужой стране. О том, что делается и о чем доходят слухи, хочется не слышать и не знать. Вы ведь это понимаете. А когда, будучи там, приходится самому во всем этом волей-неволей принимать участие, высказываться, переживать это и регулярно раз в два года самому становиться объектом всегазетной ругани, то окончательно теряется желание быть там. У меня было раньше относительно Петербурга чувство, что я там «не ко двору». Теперь то же к Москве... А может, и вообще к России...

Только жаль одного: тот остракизм, которому я подвергнут в прессе, мне не дает возможности в ближайшем будущем попасть в Париж.[6] Впрочем, сейчас я так счастлив своим уединением, которое мне так нужно, что я и не хотел бы никуда уезжать. Если только на одну ночь Нового Года к Вам в Галлюи.

Сейчас я живу вот как: у меня большая мастерская, как в Париже. В прошлом году, когда перестраивался дом, я устроил ее себе по моему вкусу. Она в два этажа — с полатями и галереей для книжных полок. Четыре окна во всю ее высоту, из которых видно только море. Рабочий кабинет у меня на полатях, отсюда ход на балкон и на террасу на крыше.

Сейчас морозная ночь. Северный ветер гонит волну от берега. А сквозь стеклянную дверь временами сверкает Сириус. Потрескивает железная печь. Внизу весь наш белый дом теперь запертый, пустой и холодный. На другом его конце, в кухне, рабочий — и больше ни здесь, ни поблизости ни одной живой души.

Сейчас я работаю над большой книгой, заказанной мне, — о Готике,[7] полукомпилятивной, полуоригинальной. Этот заказ очень мне приятен, потому что он-то и позволил мне остаться на зиму в Коктебеле. Кроме того, пользуюсь свободным временем и занимаюсь усердно немецким языком: уже начинаю немного читать без словаря.

Сам себе готовлю, как в Париже, получаю *только* французские журналы. Каждое утро купаюсь в море, несмотря на зиму. Когда слишком сильный ветер, ухожу в горы. День так

распределен, что кажется совсем коротким, и время мчится с непостижимой быстротой.

Эти годы я снова много занимался живописью. Образчик ее я послал Вам с Нюшей.[8] Но теперь некогда. Новых стихов накопилось за эти годы довольно много. Но я давно уже ничего не печатаю. И не хочется, и негде. Посылаю Вам Венок Сонетов «Lunaria»,[9] написанный этим летом. Если присутствующие при встрече Нового Года ничего не будут иметь против — прочтите их вслух — тогда я тоже буду немного с Вами, и когда будете гадать — раскройте книгу стихов и на мое счастье.

Привет Владимиру Августовичу, Каролине, Лоло и Тата, и тем, кто встречает Н<овый> Г<од> с Вами — Марья Серг<еевна>? Якс?[10] Вадим?[11]

С Новым Годом!

Максимилиан Волошин.

[1] Волошин покинул Париж 30 января / 12 февраля 1912 г. (Труды и дни. С. 292).

[2] Монфор-л'Амори (Montfort-l'Amaury) — коммуна во Франции в департаменте Ивелин региона Иль-де-Франс. 18/31 декабря 1911 г. вместе с М.С. Безобразовой и Я.А. Глотовым Волошин ездил в Монфор к Гольштейнам на встречу Нового года (Труды и дни. С. 288). В периоды пребывания за границей он традиционно встречал Новый год с семьей А.В. Гольштейн. См.: Т. 9 наст. изд. С. 270—273, 327—330.

[3] Галлюи — деревня, расположенная приблизительно в 50 верстах от Парижа по Брестской дороге.

[4] Я.А. Глотов.

[5] См. примеч. 2 к п. 28.

[6] См. примеч. 5, 6 к п. 1, примеч. 3 к п. 4.

[7] См. п. 9, примеч. 2.

[8] А.Н. Иванова, кузина М.В. Сабашниковой. Выехала из Коктебеля 17 октября 1913 г.; видимо, с ней была послана картина А.В. Гольштейн, которая в ответном письме от 20 декабря 1913 / 2 января 1914 г. благодарила Волошина: «Дорогой друг, с большой радостью получила еще будучи в Париже Ваш *этюд,* а здесь уже Ваше письмо и “венок”. Этюд Ваш мне очень, очень и очень нравится. Если бы мне надо было характеризовать его одним словом, я бы сказала — *благородно.* Большое за него спасибо. Сделаю хорошую рамку — м<ожет>

б<ыть>, белую – и повешу с акварелью Лансере <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438).

[9] См. п. 31, примеч. 6. А.В. Гольштейн отвечала Волошину 20 декабря 1913 г. / 2 января 1914 г.: «Но представьте себе, что я совсем не люблю Вашего венка. *Прекрасен* 15-й сонет, хорош 9-й, но в общем – не люблю. Главным образом не люблю в нем влияния Вяч<еслава> Ив<анова>. Зачем писать стихи с комментариями к некоторым словам? Ведь стих это песнь. Остановка для прочтения комментария нарушает ритм, разбивает настроение. Если же комментария не читать, все равно совершенно непонятное слово разрушает душевный <...> ритм читателя. Не люблю эрудиции в поэзии. Не надо ее, не надо у Иванова, где она спонтанна, не надо у Вас, где она противна, по-моему, Вашей природе... Не было <бы> ни страшных слов, ни славянских "зане" в "Костер мой догорал..." или "Это осень..." и во многом другом, что чарует, и то было бы лучше, и сильней. <...> Не сердитесь? Не думаю, слишком мы близки, чтобы сердиться друг на друга. <...> Письмо Ваше получила в Galluis, где мы встречали Новый год. Встречали с Яксом, с Мар<ьей> Флор<овной> Селюк, которую Вы, кажется, знаете, и с Марьей Сергеевной <Безобразовой. – *Ред.*>. Читала Ваше письмо, а Якс, приготовившись, читал Ваш "венок". Итак, Вы с нами были, и многие еще были, как всегда, в моей душе в эту ночь... <...> Рада, что Вы в Коктебеле. Хорошо уйти в свою душу и там найти новизну и не раскидывать эту новизну по ветру, а сосредоточенно вложить в новое созидание. <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438).

[10] В.А. Гольштейн, муж А.В. Гольштейн, Каролина – служанка в доме А.В. Гольштейн, Лоло и Тата – внуки А.В. Гольштейн: А.Ю. Семенов и Н.Ю. Семенова; М.С. Безобразова, Я.А. Глотов.

[11] Неустановленное лицо.

35. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

17 декабря 1913 г. Коктебель

17/XII 1913.

Милая мама, по обыкновению я застрял в Феодосии на несколько дней и только вчера вернулся домой, на лошадях Н.А. Айвазовской,[1] с Александ<рой> Мих<айловной>,[2] которая тотчас же и уехала обратно. В Феодосии было очень хорошо. Т<ак> к<ак> Марина[3] собиралась тебе напи-

сать подробный отчет обо всех моих беседах с Петей Л.[4] и Потапенкой,[5] то я об этом не буду писать. Я каждый вечер проводил с Мариной и Асей,[6] и говорили мы часов до 2-х до 3-х ночи, очень дружно и хорошо. С Алекс<андрой> Мих<айловной> и с Богаевск<им> был сравнительно мало, потому что оба были заняты очень. Алекс<андра> Мих<айловна> делает «дорожки» на заказ к Рождеству и страшно торопится, а К.Ф.[7] продолжает работать, не так лихорадочно и мучительно. Теперь, когда он послал вещи для выставок, он принялся за работу для себя, и теперь у него выходят совсем новые и оригинальные вещи. Я за эти 3 недели полного уединения после твоего отъезда точно совсем переродился, точно какой-то камень внутри разошелся, по отношению к внешнему миру и людям. Я ведь все лето и осень был какой-то омертвелый. Я понимаю, почему это: уже год (перед нашим отъездом в прошлом году в Москву)[8] начал во мне назревать внутренний перелом (по отношению к творческ<ой> работе), и он был внешними обстоятельствами жизни приостановлен на целый год. Понятно, что мне было невыносимо мучительно, а теперь, как только я остался совсем один, сейчас же все пошло своим порядком, и я наслаждаюсь и работой, когда работаю, и людьми, когда иду в Феодосию. Я ведь все это время был как каменный, и когда мы в Козы ездили,[9] и когда Маргарита жила у нас,[10] и когда мы оставались вдвоем.

Вернувшись в Коктебель, нашел целую кипу книг и писем. Якс[11] прислал мне «Anthologie des poètes russes», где есть статья обо мне и переводы 10 стихотв<орений>.[12] Переводы очень приблизительные. Статья лестная. Я у́ж так привык, чтобы меня ругали, что было как-то дико читать ее и даже неловко.

Было письмо от Кандаурова. Но он *ничего* не пишет об издании моей книги статей.[13] Но я во всяком случае сейчас же займусь ею и просмотрю весь накопившийся материал.

Совершенно не понимаю, откуда на моем письме к Марье Петровне Плетневой взялась «траурная рамка»[14] — у меня ни бумаги, ни конвертов таких и нет. Пририсовал кто-нибудь по дороге? Майя мне ничего не пишет с того самого

письма о первом неудачном знакомстве с Бальмонтом,[15] что я получил еще при Нюше.[16] Так что я совсем не знаю, хочет ли она попадать к Дальгеймам.[17] Была ли она сама у Мар<ьи> Петр<овны>? Спроси ее об этом, когда увидишь. А о том, почему мне не пишет, не спрашивай — пусть сама как ей хочется делает.

О смерти Людм<илы> Никол<аевны> узнал еще раньше от Василия. Что будет с «Сонечкой»?[18] Ведь дом и земля принадлежали Людм<иле> Никол<аевне>.

Я послал тебе С<ен->Виктора одновременно, когда были сданы экземп<ляры> Вере, Кандаур<ову>, Фельдшт<ейнам> и Раш<ели> Мир<оновне>. Получили ли они?[19]

Целую Лилю и Веру.[20]

MAX.

Получил «Словарь» и «Альманах Шиповн<ик>».[21] Рассказов Алехана еще нет.[22] Получил два письма от *Мирры Свободиной*, она пишет, что ждала тебя раз у Кандауровых, но ты не пришла. Пожалуйста, встреться с нею и напиши мне, какая она, а то ее письма очень милы, но совсем несуразны.[23] Сережи в Феодосии не видал: в больницу пускают только Марину.[24] Они все собираются приехать ко мне встречать новый год. Сейчас солнечные дни и теплынь. Ходил в горы сегодня.

[1] Волошин прибыл в Феодосию, видимо, 12 декабря.

[2] А.М. Петрова.

[3] М.И. Цветаева.

[4] Петр Николаевич Лампси.

[5] Елена Николаевна Потапенко (1864 — ок. 1927), сестра П.Н. Лампси, в 1880-х гг. была женой писателя И.Н. Потапенко. Письмо М.И. Цветаевой к Е.О., содержавшее «подробный отчет» о вечере у Лампси, не сохранилось; о его получении Е.Я. Эфрон сообщила Волошину 15 декабря: Цветаева описала «и ваш спор, и твое бешенство, и его колоссальную глупость» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1346).

[6] А.И. Цветаева.

[7] К.Ф. Богаевский.

[8] Волошин и Е.О. выехали из Феодосии в Москву 6 декабря 1912 г.

[9] См. примеч. 2 к п. 11.

[10] См. примеч. 3 к п. 14.

[11] Я.А. Глотов.

[12] Имеется в виду издание: *Chuzewille Jean*. Anthologie des poètes russes. Paris, 1914. См. характеристику этого издания в публикации Т.Г. Динесман в кн.: ЛН. Т. 85. Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 200–201.

[13] Письмо К.В. Кандаурова – от 12 декабря 1913 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 615). 10 декабря Е.О. сообщала Волошину: «Я забыла тебе написать во вчерашней открытке о желании Кандаурова издать книгу твоих статей; на это предприятие есть желающие, и между прочими m-me Гольдовская» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 655, л. 29).

[14] Отклик на слова из того же письма Е.О.: «Я была на днях у Плетневых. Она была очень испугана получением твоего письма в траурной рамке». Мария Петровна Плетнева (в первом браке Досекина, урожд. Андриевич; ок. 1874–1940?) – жена врача-терапевта, профессора Д.Д. Плетнева. В архиве Волошина хранятся пять ее писем к нему, первое – от 4 ноября 1913 г. из Москвы (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 977).

[15] М.П. Кювилье. О неудачном визите в Москве к К. Бальмонту с письмом Волошина (не была принята) она сообщила Волошину 15 октября 1913 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1033).

[16] А.Н. Иванова была в Коктебеле с 23 сентября (приехала вместе с М. Сабашниковой) по 17 октября 1913 г.

[17] Мария Алексеевна Оленина-д'Альгейм (1869–1970), камерная певица, и ее муж барон Пьер (Петр Иванович) д'Альгейм (1862–1922), французский журналист и романист, музыкальный деятель.

[18] Василий (?–1915) – наемный работник при доме Волошиных в Коктебеле. 10 декабря 1913 г. Е.О. писала Волошину: «Сегодня в "Рус<ском> Слове" прочла извещение о смерти Людмилы Ник<олаевны> Баженовой». Л.Н. Баженова скончалась 7 декабря, похороны состоялись 9 декабря. Извещение о кончине появилось в московских газетах 8 декабря. Сонечка – Софья Георгиевна Попова (урожд. Катрухина; ?–1920), подруга Баженовой, также отставная певица. Их дача «Отрада» в Коктебеле существовала с 1900 г. См.: *Жарков Евгений*. Страна Коктебель: Культурные очаги. Середина XIX – середина XX веков. Киев: Болеро, 2008. С. 63–64.

[19] Книга Поля де Сен-Виктора «Боги и люди» в переводе Волошина вышла в свет во второй половине ноября 1913 г.; Волошин получил 30 авторских экземпляров в Феодосии около 30 ноября. Упоминаются М.С. и Е.А. Фельдштейны, Р.М. Гольдовская.

[20] Е.Я. и В.Я. Эфрон.

[21] Имеются в виду «Полный немецко-русский словарь» (Сост. Н.П. Макаров, А.Н. Энгельгардт, В.В. Шеерер. СПб., 1885) (Е.О. купила его в Москве для Волошина 1 декабря) и кн. 22 «Литературно-художественных альманахов издательства "Шиповник"» (СПб., 1914), вышедшая в свет в декабре 1913 г.

[22] Алехан – А.Н. Толстой. Речь идет о его книге «Рассказы. Т. III» (М., 1913), вышедшей в свет в ноябре 1913 г.

[23] Мирра Яковлевна Готфрид (сценический псевдоним – Свободина; ок. 1886–?) – актриса. Сохранились 14 ее недатированных писем к Волошину (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 448); в первом из них значилось: «Вчера случайно была у Анны Владимировны Кандауровой. Говорили о Максе Волошине. Вспомнила о море, о своем страстном желании видеть его. Мне 29 лет, и я умираю в селе Медведкове... <...> Но вот о Вас когда заговорили, я подумала, что к Вам бы можно было поехать, т.е. к морю. <...> Немедленно, немедленно напишите, можно ли приехать. Или лучше телеграммой». Судя по следующему ее письму, Волошин положительно отозвался на эту просьбу: «Я очень счастлива, что Вы так написали и что ждете <...> Если даже не удастся поехать, то тот факт, что Вы, не зная меня, так отнеслись к моему письму (как я боялась, что Вы посмеетесь зло), сделал меня счастливой».

[24] С.Я. Эфрон в Феодосии перенес операцию аппендицита, выехал в Москву 20 декабря. См. письма М. Цветаевой к М.С. Фельдштейну от 11 декабря 1913 г. и к Волошину от 27 декабря 1913 г. (*Цветаева М*. Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6. С. 112, 59).

36. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

18 декабря 1913 г. Коктебель

18/XII 1913.

Милая мама, сегодня получил твой ответ на мое письмо.[1] Хорошо, что ты не показала его Лиле.[2] На мне все это лето точно какой-то камень лежал. И в тот вечер, когда я писал его тебе, вдруг точно что-то раскрылось внутри. И когда я думал о тебе, то не мог удержаться от слез. Это пришло так вдруг, что я даже подумал, не случилось ли что с тобою. Но в слезах была радость и сладость. Ах, мама, я так это знаю, как во время разлуки сейчас же пробуждается

глубокое и настоящее, что было спрятано от всего текущего. Ведь я всегда больше всего люблю тебя, когда расстаюсь с тобой. Ведь даже тогда, когда я хочу куда-нибудь уйти или поехать один, без тебя — мне хочется уйти от неверного-текущего, чтобы вспомнить настоящее верное, которое им скрывается. Милая мама, вот теперь все время при одной мысли о тебе у меня навертываются слезы. Ведь я же все понимаю и чувствую, чего бы ты хотела от меня, и мне так бывает больно от сознания, что я не могу... Ведь я так вижу твое одиночество, когда мы живем с тобой вдвоем. Ведь я так понимаю, *чтó* говорит хотя бы в твоем чувстве к Але,[3] и как бы тебе хотелось иметь своих внуков. И ведь я, правда же, действительно чувствую свою вину пред тобой. Но моя внутренняя жизнь — жизнь мысли, — меня поглощает всего и ведь тоже осуждает на одиночество. Мне так часто хотелось бы поделиться с тобой своим... Но ты не хочешь, тебе близки мысли четкие, ясные, а не еще образующиеся внутри. Ты требуешь и объяснения и доказательства. Того, что возникает, нельзя ни объяснить, ни доказать. Когда мысль созреет и отойдет от меня — тогда она может и оспариваться и доказываться. Поэтому мне приходится прятать все творческое и зреющее внутри. Никак нельзя иначе, и я знаю, что тебе и больно и обидно. Милая мама, вот ты пишешь, что у тебя ко мне громадная требовательность, что ты хочешь от меня всех совершенств. Ведь такая требовательность могла бы быть для меня страшно возбуждающей, творческой. Ах, если б ты согласилась понять и принять одну вещь. Я много раз пытался говорить с тобой об этом, но ты каждый раз или отвергала как парадокс, или совсем не слушала.

Я говорю о силе *доверия* и *осуждения*. Доверием — верой в человека можно пробудить, вызвать к бытию те семена, что дремлют страшно глубоко и могут погибнуть. Осуждение же наоборот — может погубить самые здоровые побеги в душе. Твоя требовательность ко мне выражалась всегда недовольством мною. Недовольство самим собой — прекрасная и драгоценная вещь, без которой невозможно никакое совершенствование. Но недовольство постоянное, ощущаемое

извне — оно все убивает, всему препятствует. Твое *недовольство* мною меня всегда угнетало, связывало, доводило <до> отчаяния. А вместе с тем оно же — это же самое чувство, облеченное в форму *доверия* (т.е. веры в то, что я достигну, сделаю наверно то, что ты бы хотела от меня), могло бы так много помочь мне, толкнуть меня выше.

И я понимаю тебя. Ты говоришь: «похвала вредна, она губит, надо, чтобы была постоянная неудовлетворенность». Это все верно — но лично для себя, а не для другого. Мне бывает так горько, когда я вижу, что ты хочешь мне помочь своим недовольством, и сама не замечаешь, что именно этим меня сталкиваешь или лишаешь возможности сделать что-нибудь. Посмотри — я по отношению к другим был всегда лучше, чем по отношению к тебе. А ведь это же не потому, что я тебя не люблю или люблю тебя меньше, чем других. Твое недовольство мною всегда заставляло меня обращаться к тебе своею худшей, а не лучшей стороной. Мама, милая, пожалуйста, пойми, постарайся понять это. Это так важно в наших отношениях. Если ты этого не понимаешь, если это тебе кажется нелепым, глупым, то напиши мне, что тебе неясно: я постараюсь объяснить тебе. Потому что это как раз одно из самых главных, самых мучительных препятствий на пути к тебе. Я так много об этом думал. Крепко, крепко тебя целую.[4]

МАХ.

P.S. Эти дни настала такая теплынь, что я и печки не топлю и целыми днями сижу с открытыми окнами. 12° в тени! Только сейчас что-то нашел туман с юга. Но тепло по-прежнему. Купаться великолепно.

Пойди все-таки еще раз к Титову.[5] Хорошо?

Как Марина[6] тебе описала мое пребывание в Феодосии? Отчего ничего не пишешь, что тебе сказал д<окто>р-гомеопат? Все же тебе бы за диагнозом пойти к аллопату. К Титову?

[1] См. примеч. 1 к п. 33.

[2] Е.Я. Эфрон.

[3] Аля – Ариадна Сергеевна Эфрон (1912–1975), дочь М.И. Цветаевой и С.Я. Эфрона.

[4] Е.О. отвечала 30 декабря: «...рада твоему душевному состоянию, что камень с тебя упал, что хорошо, тихо и радостно на душе у тебя, что обо мне думал с радостными, сладкими слезами на глазах. Я думаю, я уверена, что жизнь наша совместная пойдет теперь совсем иначе, совсем по-хорошему, нужно только обоим нам знать, понимать и прощать недостатки наши, не ставить каждое лыко в строку, уметь ценить то, что есть лучшего в нас. Макс милый, ведь собственно для себя лично я так мало требую от людей и от тебя, так не избалована ими, тобой, что каждое любовное слово, внимание малое меня глубоко трогают, и невольно шепчут губы: за что мне сие? <...> стенка между нами, и не вольны мы по особенностям характеров наших рушить ее. Главная вина, думаю, во мне: это сдержанность, скованность какая-то и слова, и жеста; я освобождаюсь от этого только в минуты гнева, негодования, умиления, восторга. У меня нету ласки, слов ласкательных, нежных для ежедневного обихода, нет привычки к ним, они слишком ценны для меня, я никогда не употребляю их всуе. Кроме того, я всегда боюсь чем-нибудь стеснить другого, быть в тягость ему присутствием своим, разговором, просьбой. – Мне всегда кажется, что я могу быть в тягость другому, и ты не составляешь исключения, и относительно тебя оно вызвано тобою же, давно, в Петербурге, когда, не видя тебя целыми днями, я, сидя в твоей комнате, на квартире у Толстых, за переводом или перепиской, поджидала твоего возвращения ночью и заметила наконец, что это неприятно, нежелательно тебе. <...> Теперь относительно моего недовольства тобою, которое угнетает, связывает, доводит тебя до отчаяния, как ты говоришь, и могло бы, облеченное в форму доверия, помочь тебе, поднять тебя выше. Макс, да я вполне верю в силу дарования твоего, вижу эту одаренность с раннего детства твоего, знаю, как легко, свободно давалось тебе то, что другим стоит большого труда, мучений, усидчивости; но знаю также, что ты и половины не дал того, что мог бы дать творческой работой своей, если бы эта работа могла захватить тебя всего, целиком, заставила гореть, страдать, наслаждаться; знаю также, что и в жизни твоей, в общении твоем с сотнями людей никто не захватывал тебя; не загорался и не страдал ты по-настоящему; легко сходился, легко разлучался; но такова уж натура твоя, и не может быть тут места недовольству моему. И я не только верю, я и знаю, что ты даровит, умен, талантлив, добр, много даешь людям, но тем больше и спрашивается с

тебя, тем обиднее кажется твое легкое отношение к работе любимой, к людям, которые так или иначе полюбили тебя. Нельзя играть работой, нельзя играть людьми, без думы, без мысли, что из этого выйдет. Майя <М.П. Кювилье. – *Ред.*>, например, права, жалуясь на тебя, обвиняя в обмане. Она по-ребячьи верила каждому слову, каждому жесту твоему, не понимая, как мог ты, видя любовь ее, звать к себе, не любя ее. И, разумеется, твое отношение к Майе вызвало мое недовольство тобою. Не так должен умный, добрый человек относиться к полуребенку, девочке даровитой. На мои замечания ты сердился, возражал, что не умеешь быть взрослым. Но ведь можно быть и взрослым и ребенком, и мудрым и простым <...> В главном, важном я верю в тебя, знаю, что ты много можешь сделать, высоко подняться, если по-настоящему любовно будешь относиться к работе своей, по-настоящему любовно к людям. Я часто сержусь по мелочам из-за пустяков, но больше не хочу так сердиться и думаю, что не буду. Недовольство тобою будет ощущаться мною время от времени, это мне кажется неизбежным, но я постараюсь смягчить изъявления его. Повторяю, ты ни в чем не виноват передо мной, не виноват, разумеется, и в том, что нет внуков у меня. Сержусь я по большей части на тебя по пустякам, потому что пустякам этим придаю более серьезное значение, чем они, вероятно, имеют. <...> Не сердись, если найдешь что-нибудь обидное в письме; я не хочу обижать тебя, смеяться над тобой; я люблю тебя, верю в тебя. Зачем только ты любишь меня больше, когда расстаешься со мной? Зачем по отношению к другим ты всегда лучше, чем по отношению ко мне? Мне это больно, но, верно, я сама виновата в этом. Прости меня. А теперь поцелуемся» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 655, л. 40–41 об.).

[5] Московский врач; возможно, Спиридон Григорьевич Титов, специалист по внутренним болезням, или Алексей Сергеевич Титов (1863–?), терапевт.

[6] М.И. Цветаева.

37. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

20 декабря 1913 г. Коктебель[1]

20.XII.1913.

Прежде всего я заинтересован концом Вашего письма, Юлия Леонидовна: «Если не замолчу сейчас, то чувствую, что еще, пожалуй, заговорю о Ликах Творчества».[2] Напрасно

ломаю себе голову почему? Потому ли, что мои писания о франц<узских> поэтах напоминают «гимназические» сочинения Брюсова о Тютчеве, или это связано с какой-нибудь фрейдовской ассоциацией:[3] может быть, «Лики Творчества» уже появились на свет и Вы их видели? Я об судьбе этой книги не имею никакого понятия, и последнее было бы весьма для меня радостно. Брюсова предисловие не читал. Но как раз на днях просматривал его статью о Тютчеве в «Далеких и близких»[4] и думал то же самое (но не с таким темпераментом, как Вы).

Ох, очень трудно отвечать о Штейнере. Я ведь тоже его глотаю с трудом.[5] Главное, мне трудно то, что он не *мне* все это говорит, а какому-то большому количеству людей, мозги которых совершенно иначе устроены, чем у меня. Чтобы воспринимать, мне надо учиться двигать мозгом по-ихнему, и я глупею от этого. А вместе с тем *то*, что он говорит, в конечном результате для меня так важно, что, отойдя, я вновь прихожу к нему и в конце концов ни у кого не могу найти тех ключей, что мне недостает. Правда, в то время, как я его встретил на своем пути, у меня уже были две уверенности: первая — в существовании древней Тайной Доктрины, обессмысленные обрывки которой есть понемногу во всех мифах, суевериях и так называемых «оккультных науках», а вторая — в иерархическом устройстве мира, т.е. что и над нами и ниже нас существуют мыслящие и чувствующие воли.

А кроме того я в то время уже достаточно путался в схемах и системах различных оккультистов, которые всегда и намеренно кое о чем умалчивают. Так что была подготовка, мог оценить честную ясность концепции.

Что смущает больше всего, когда читаешь Шт<ейнера> — это отсутствие *Санкции* истины в личной трагедии и чувстве. Но это исчезает, когда видишь и слышишь лично. Если Вы заинтересуетесь и проглотите его, то дальше начнутся еще новые соблазны — это его отношение к Искусству... А все-таки я учу немилый мне немецкий язык для того, чтобы дешифрировать его «циклы».

Вы задаете вопрос: «откуда невмешательство посвященных?». Так? Но его вовсе нет, это<го> невмешательства. Вмешательство всюду. Больше — руководительство. Но никто не может и не должен *нарушать* законов. Воздействие идет постоянное в той области, откуда лучатся законы. И люди в большинстве случаев воспринимают эти влияния, как собственные свои побуждения. Да они только тогда и действительны! Ведь действительно же целый город молитвами одного праведника держится. Разве не держалась в николаевское царствование Россия молитвами Св. Серафима, во время которых от одного внутреннего напряжения его воли изба ходуном ходила. А <в> случаях отдельных людей... то ведь человек обладает *своей* свободой и *своей* судьбой, и помочь ему можно только когда он сам этого хочет. А есть мгновения, когда никто и не имеет права просить помощи, и никто и не может помочь, потому что надо полной свободной своей волей решить.

Вы совсем неверно поняли мои слова про Америку, Юлия Леонид<овна>.[6] Я не про Колумба говорил, а лично про себя, существующего в ту эпоху, когда уж Trans Atlantic Hamburg — America — существует и, следовательно, открывать ее способом Колумба (правда, более безопасным, потому что тогда еще не было Titanic'ов[7]) не следует. Я этим неудачным образом хотел сказать вот что: конечно, каждый более или менее поздно придет естественным эволютивным путем к познанию сверхчувственных миров. Но раз он знает путь более простой и скорый, то должен естественно выбирать его. Меня долго шокировала эта парниковая выгонка растений, как я ее называл. Но это неверно. Кто раз подошел к сознанию самого себя в этой области — останавливаться это значит идти назад. Нужно пользоваться протянутой рукой. И благополучия в этом пути нет никакого: мы ведь этим только быстрее становимся лицом к лицу с теми великими силами и волями, которые до тех пор для нас скрыты благодетельной слепотой и попечительным незнанием, которые охраняют нас от сверхчувственной действительности — как чрево матери — ребенка до рождения в мир.

А об Стр<ашном> Суде: ведь судить будет Христос — т.е. наше собственное внутреннее «Я». Ведь будет же момент, когда придется сдавать отчетность по эксплуатации планеты, называемой Землей... И будет это так, как мы себя судим перед лицом «Траурной Оды» Баха[8] или рассуждения Зосимы «О вере до конца».[9] Ведь говорил же где-то Вяч. Иванов, что Страшный Суд будет судом художника.[10]

Очень мне интересно, что даст Вам в конце концов «Путь к Посвящению»?[11] Мне эта книга из книг Штейнера больше всего дала.

«Феософия»[12] — важна только как подробное изложение схемы, на которой он всё строит.

А относительно Плотина. Есть прекрасный французский перевод *Bouillet* в 3-х томах,[13] с массой примечаний и переводами Порфирия и Ямвлиха в приложении. Словом, полная энциклопедия нео-платонизма. В продаже его больше нет, но в Публичн<ой> Библиотеке он, конечно, есть. Это одна из самых необходимых книг.

А просьба моя писать больше — совсем не из «кротости», а потому что мне страшно хочется говорить с Вами. Только начинаю чувствовать, что в письмах что-то начинает путаться — верно, от торопливости, необходимо становится поговорить просто. Вы ведь в Коктебель весною приедете?

Да, был я несколько дней в Феодосии. Конст<антин> Феод<орович>[14] наконец выбился из неудач и начал идти в работах уверенным и совсем новым путем. Пишет теперь всё кристаллические пейзажи, акварелью, очень светлые и острые. Очень много навеянного Карадагскими воротами.[15] Есть и равнина с Вавилонской Башней и кристаллами из «Меланхолии» (Дюреровской).[16] Теперь он и внутренно отошел — разговаривает и улыбается.

Марина и Сережа[17] живут в Феодосии. Сереже вырезали аппендицит, и в нем оказалась чахотка. Так что вдвойне кстати. Теперь он поправляется. Собираются приехать в Коктебель встречать Нов<ый> Год.

Получил только что «Anthologie des poètes Russes»[18] — и хотя переводы «из меня» очень далеки, а статья обо мне

говорит о вещах давно, давно минувших, однако было даже неловко читать, настолько уже вкоренилась, очевидно, привычка читать о себе только ругательства и поношения.

Привет Ек<атерине> Ив<ановне>, Магде Макс<имилиановне>, Феод<ору> Конст<антиновичу>.[19]

Максимилиан Волошин.

Очень жду Ваших впечатлений о С<ен->Викторе.[20]

[1] Почтовые штемпели на конверте: Феодосия. 21.12.13; Петербург. 24.12.13.

[2] Цитата из письма Оболенской от 14 декабря 1913 г. — ответного на п. 32 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 20–24). Окончание приведенной фразы: «нет, баста!». Книга статей Волошина «Лики творчества» (СПб.: Изд. журнала «Аполлон», 1914) вышла в свет в середине декабря 1913 г.

[3] Отклик на рассуждения Оболенской в том же письме: «Напрасно корите меня, Максимилиан Александрович, нелепым сравнением с Шопенгауэром — помните, как Фрейд толкует замещение во сне одного лица другим?»; «...вот Тютчева приложили к “Ниве”, — предисловие Брюсова, обрадовалась, достаю. Слушайте — это для популярности нужно такие пошлости писать? Опять — не анализ оскорбителен, из него можно создать новый восторг. Но надо уметь показать — и, по-моему, довольно показать одну строчку, — как всем нарастанием до нее, внутренними сочетаниями звуков и т.п. — свет реально превращается в звук:

Раздастся *благо*вест все*мирн*ый
По*бед*ных *солнеч*ных лучей —

потому что если уж анализ, то достаточно этого, чтобы написать книгу. И весь ужас в том, что у Тютчева такие строки сплошь и все образы выжжены молнией (как громовые стрелы). Если у людей притупилось впечатление даже от них, то разве напомнишь им гимназическим рефератом обо всем Тютчеве на четырех страницах — ошарашить нужно!». Речь идет об издании: *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. / Под ред. П.В. Быкова. 8-е изд. СПб.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1913 (Приложение к журналу «Нива» на 1913 г.). «Ф.И. Тютчев. Критико-биографический очерк» Валерия Брюсова открывает его (С. VII–XLVII).

[4] Имеется в виду статья «Ф.И. Тютчев, смысл его творчества» в кн.: *Брюсов Валерий.* Далекие и близкие. Сб. статей и заметок о русских поэтах от Тютчева до наших дней. М.: Скорпион, 1912. С. 1–17.

[5] Отвечая на просьбу Волошина передать содержание ее разговоров с Е.И. Васильевой, Оболенская сообщала: «С Елиз<аветой> Ив<ановной> мы говорили: о Коктебеле, Самарканде, об их О<бщест>ве – о Штейнере же могла только говорить по его лицу, т<ак> к<ак> "Мистерии" ничего не дали мне. Она сказала, что начинать с них не стоило, и тогда я приобрела у нее "Теософию", которая тоже стала мне поперек горла. <...> А еще мы говорили о поэтах. <...> Теперь читаю "Путь к посвящению" – удивляюсь, почему мне сразу его не дали, – начало мне нравится – как грамматика; все это я делала *уже, только* как-то в иной плоскости. <...> Но вот чего не пойму – если существуют одолевшие – откуда их невмешательство?».

[6] Подразумевается следующий фрагмент из того же письма Оболенской: «Максимилиан Александрович, милый, какой же Вы лентяй, лежебок и любитель комфорта! Если бы открывший Америку вместо открытия стал бы ждать билета Trans<Atlantic> Hamb<urg –> Amer<ica> Lin<ien> – мы с Вами недалеко бы уехали. Впрочем, по Штейнеру, кажется, так и полагается ждать Учителя – и значит, мое желание сейчас учиться – все равно ни к чему?».

[7] Гигантский и технологически совершенный пароход «Титаник» затонул в своем первом плавании 3/16 апреля 1912 г.

[8] Отклик на размышления в цитированном письме Оболенской: «Не могу понять, почему к Тютчеву привыкли, точно его гениальность – совершившийся факт, – я же ее непрерывно чувствую рядом, она совсем не кончилась и приводит меня в ужас своей интенсивностью. В музыке все обстоит лучше: таинственная архитектурная душа Баха спит в нотных крючках; потом собирают народ и выпускают ее – она осуществляется дальше. "Траурная ода"! – каким же должен быть Бог, чтобы быть достойным такого "жалкого раба". И гигантское сдержанное достоинство его трагизма как-то лукаво качается на легкой волне 18 века – и осуществляется дальше. <...> Вы спрашивали меня о воскресении плоти – да, это прекрасно построено, но идеи страшного Суда я не воспринимаю: какой еще суд брошенным в дикое одиночество и поющим голосом Баха?».

[9] Имеется в виду фрагмент, озаглавленный «Можно ли быть судиею себе подобных? О вере до конца» в «Братьях Карамазовых» (ч. 2, кн. 6, гл. III). См.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 291–292.

[10] Подразумевается фрагмент из статьи II («О художнике») цикла «Спорады» в книге Вяч. Иванова «По Звездам. Статьи и

афоризмы» (СПб.: Оры, 1909): «Бог — художник; и суд Его, думается, будет судом художника, и Его осудительный взор — взглядом мастера, обманутого в своих ожиданиях ленивым или недаровитым учеником» (*Иванов Вячеслав*. Собр. соч. Т. III. Брюссель, 1979. С. 115).

[11] Видимо, имеется в виду книга Р. Штейнера «Путь к самопознанию человека» (см. примеч. 6 к п. 18).

[12] См. примеч. 9 к п. 20.

[13] Речь идет об издании: *Bouillet M.N.* Enneades de Plotin / Traduction française. Vol. 1—3. Paris, 1857—1861.

[14] К.Ф. Богаевский.

[15] Золотые ворота — прибрежная скала у Кара-Дага (тюркское название: Шайтан-Капу — «чертовы ворота»).

[16] Ср. описание гравюры Альбрехта Дюрера «Меланхолия» (1514) в статье Волошина «Одилон Рэдон» (Т. 5 наст. изд. С. 397).

[17] М.И. Цветаева и С.Я. Эфрон.

[18] См. примеч. 12 к п. 35.

[19] Е.И. Оболенская, М.М. Нахман, Ф.К. Радецкий.

[20] См. примеч. 1 к п. 6, примеч. 1 к п. 29. 14 декабря 1913 г. Оболенская писала Волошину, получив экземпляр книги: «Была бесконечно рада St. Victor'y, спасибо. Но отложу говорить о нем, пока у меня в нем есть пробелы».

38. Е.Я. ЭФРОН

22 декабря 1913 г. Коктебель

22/XII 1913.

Милая Лиля, письмо Твое Марг<арите> Вас<ильевне> отправил в тот же день.[1] Не знаю только, застанет ли оно ее сразу: она теперь шныряет по германским городам. Занятие хиромантией очень одобряю.[2] Это для тебя в тысячу раз более подходящее дело, чем учительствовать. Я тебе книжку Папюса[3] вышлю, когда будет оказия. Но тебе нужно познакомиться с Дебаролем.[4] У меня он был, но его *уже* зачитали. Он самый сериозный. Но слишком подробен. Теорию нужно знать, конечно, но главное — практика и *уменье* говорить. Если хочешь — я тебе дам летом несколько — не уро-

ков — но мудрых наставлений и своего опыта. Я сериозно думаю, что это настоящее твое призвание. А относительно знаков — это большая путаница. Единственное, что верно — это планетные типы — их надо уметь различать и комбинировать. Но постепенно вырабатывается *чувство* человека. Это главно<е>. А оно у тебя есть.

После нескольких шумных дней в Феодосии[5] я опять засел в одиночестве. Странно — даже теперь, когда я совсем один, времени во дне не хватает. Отчего это, когда я говорю с тобой, мне сразу в голову начинают лезть разные глупости. Сейчас мне захотелось тебя спросить: отчего говорят Любовь Столица, а не Ненависть Единоморда? Ей-Богу, это только ты способна вдохновлять на такие вещи.

Пожалуйста, постарайся, чтобы Пра пошла к Титову посоветоваться.[6] Это необходимо.

Крепко тебя целую (а Веру[7] после).

МАХ.

[1] Упоминаемое письмо Е.Я. Эфрон к М.В. Сабашниковой не выявлено. 15 декабря 1913 г. Е. Эфрон писала Волошину: «Вкладываю письмо к Маргарите Васильевне, думаю, что ты знаешь адр<ес>. Перешли сейчас же» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1346, л. 22).

[2] В том же письме Е. Эфрон признавалась: «Ты, вероятно, слыхал о моей хиромантическойдеятельности? Я хочу ее продолжить, но для этого подучиться, только помни, что это *абсолютная тайна*. Ты мне пришли книги, кот<орые> у тебя есть, а если они тебе нужны, то пришли их названия, я постараюсь достать <...>».

[3] Имеется в виду кн.: *Папюс*. Хиромантия (Тайны руки). М.: Русский труд, 1909 (несколько переизданий). Новейшее переиздание: М., 1990.

[4] См.: *Де-Бароль Ад*. Тайны руки (Практическая хиромантия) / Перевод с 20-го франц. изд. Н.Н. Наливайко. СПб., 1912.

[5] Волошин был в Феодосии около пяти дней в середине декабря, возвратился в Коктебель 16 декабря.

[6] См. примеч. 5 к п. 36.

[7] В.Я. Эфрон.

39. Р.М. ГОЛЬДОВСКОЙ

22 декабря 1913 г. Коктебель[1]

22/XII 1913.

Многоуважаемая Рашель Мироновна,

примите, как дар, к наступающему году этот «Rosaire»,* сплетенный мною из имен Ваших друзей.

Он вышел более грустным, чем я хотел. Простите.

Максимилиан Волошин.
Коктебель.

[1] Перед публикуемым эпистолярным текстом приводится текст стихотворения «Я мысленно вхожу в ваш кабинет...» («Р.М. Хин»). См.: Т. 1 наст. изд. С. 193–194.

* Четки *(фр.)*.

1914

40. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

1 января 1914 г. Коктебель

1.I. 1914. 4 часа утра.

Милая мама, только что встретили новый год — вполне по-обормотски — со всем ритуалом — т.е. с пожаром. Слава Богу, все кончилось благополучно. Но расскажу по порядку. С утра солнце, мороз, и сильнейший северный ветер. Я, по правде сказать, совсем не ждал никого. И уже смерклось совсем, когда вдруг услыхал голос Сережи.

Они приехали втроем — Марина, Ася, Сережа.[1] Замерзшие, но радостные с массой провизии и подарками от Канд<ауровых> и Евы.[2]

Теперь начинается история с печами. С утра регулятор дымит и не мог разгореться. Я велел, когда они приехали, растопить печь в твоей комнате (из моей бывшей), и т<ак> к<ак> она обыкновенно слегка дымила, то не обращал внимания на запах гари. Но этот запах почему-то все сосредотачивался в мастерской. Я все задыхался, проветривал. Мы долго сидели в столовой, затем к 12<-ти> перешли в мастерскую и встретили новый год отвратительной бутылкой донского шампанского, но очень дружно и радостно. Опять удивлялись, отчего все дым только в мастерскую. Пошли сидеть в твою комнату, где было тепло и не дымно. Лили воск, гадали. Но от холода и дороги их развезло, и все были сонные. Мы уже собирались ложиться спать — Марина с Асей у тебя, Сережа у Таиах,[3] — я наверху. Как вдруг я заметил, что дым-то идет из-под моей унтермарковской печки. Что под ней уже давно тлеет, а может, и горит пол. Я бросился

будить Василия. С его помощью мы взломали половицу, прорубили с другой стороны, и оказалось, что и балки и пол, на которых стоит печка, уже сгорели, и не будь черного пола с глиняным накатом, уже давно пылал бы весь дом. Здесь же обратились в уголь оба слоя дерева. Но балки (пола — потолка для нижнего этажа) не тронуты. И вот часа три мы возились. Выгребали угли, взламывали половицы, заливали. (Очень трудно было — потому что все тепло под самой подпечкой, а раскрыть там — значило повалить ее.) Оказалось, что ее от пола отделяет вместо фундамента только один слой кирпича, и когда она накалялась, то давно уже начала прожигать балки, на которых стояла, а теперь в первый же более холодный день, когда я положил углю побольше (хотя она вовсе не пылала вовсю, а была круто прикручена), эти два слоя высохшего и промасленного дерева обратились в один раскаленный уголь. И не будь наката, то дом бы сгорел наверно — только глина предохранила от огня в подполье. Сейчас Марина, Сережа, Ася спят в твоей комнате. Василий тоже ушел, рассказав, что вчера они вместе с Дуней[4] видели один и тот же сон: красную корову в саду. Что предвещает пожар. И если в первый день нового года был огонь, значит, весь год будет гореть. Вот удовольствие. Завтра я еду в город с Мар<иной>, Сер<ежей>, Асей, потому что надо устраивать новую печку. Эту придется разобрать, т<ак> к<ак> стоять ей теперь не на чем и она рискует теперь еще провалиться сквозь пол. А я куплю себе в Феодосии простой регулятор (побольше, чем в передней), Василий разберет печку, вставит новые доски в пол (балки, по-видимому, совсем целы — но под печкой не разберешь ведь), а регулятор мы установим вместе. А то мне и существовать здесь негде — в твоей печке такая трещина, что страшно ее и топить, печка в передней не горит именно во время северного ветра. А эту мою унтермарковскую — под нее, собственно, можно было бы подвести фундамент. Но как ее поднять? Привозить нескольких человек печников? Нет, я думаю просто ее разобрать — железо сохранить, — ее можно будет потом внизу поставить. А я обойдусь и простым регулятором как-нибудь. Вот мой

новый год! Но пожара с этой стороны я, должен сказать, совсем не ожидал. Это Семен[5] рекомендованный наделал. То-то он опасался, что сильно ли печка топиться будет, что развалится – кирпич выгорит...

Ты, верно, увидишь на днях Кандауровых и Еву, пожалуйста, поблагодари их за подарки очень, очень. А то я сейчас никак не смогу им написать, потому что в Феодосии пробуду дня 4, а с такой погодой как начинается... мы, может, завтра же будем занесены снегом.

Да, еще забыл. Как раз в то время как мы сцепились, бегали с ведрами воды, и было неизвестно, не горит ли все подполье, в кухню вваливается человек – телеграмма. Первая мысль была – какая-нибудь катастрофа с тобой. Читаю – ничего не могу понять – слов 40. Наконец разбираю: студенты-феодосийцы в изысканных выражениях просят принять участие в вечере.[6] Теперь это даже на руку – они меня отвезут после домой. Так ровно в полночь нового года кончилась для меня тихая работа и снова началась канитель и возня с домоустройством. Сейчас уже почти 5 часов утра. Пойду собирать вещи, потому что сегодня мы должны выехать около 9-ти утра. Пойду сейчас еще вниз посмотреть, что делается, потому что хотя весь пол залит водой, но где-то в глубине под печкой, куда вода достигнуть не может, еще что-то дымит. Я поэтому и не ложусь спать, а сторожу, как бы снова не загорелось. А холодно уже стало сильно.

С новым годом всех обормотов! Крепко тебя целую. Объясни Еве и Кандауровым мои злосчастья.

МАХ.

Все-таки это большое счастье, что все так прошло. Ведь это могло случиться ночью, когда я сплю наверху!

[1] М.И. и А.И. Цветаевы и С.Я. Эфрон в это время жили в Феодосии. О намерении приехать к Волошину в Коктебель встречать Новый год Цветаева написала ему 27 декабря 1913 г. (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6. С. 59). Пожар в новогоднюю ночь описан в мемуарном очерке Цветаевой «Живое о живом (Волошин)» (*Там же.* Т. 4. М.: Эллис Лак, 1994. С. 202–203).

[2] Е.А. Фельдштейн. Эти подарки привез С.Я. Эфрон, уезжавший в Москву на несколько дней в конце декабря (см. п. 46).

[3] См. примеч. 7 к п. 17.

[4] Дуня – прислуга, жена Василия.

[5] Печник.

[6] На студенческом вечере в мужской феодосийской гимназии Волошин выступил с чтением стихов 3 января.

41. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

7 января 1914 г. Коктебель

7/I 1914.

Милая мама, только что я возвратился в Коктебель, проведя целую неделю в Феодосии. Меня провожали Марина, Ася и Коля (Сережа остался работать).[1] Конечно, ехали не без приключений: по выезде из города лошади нашего извозчика оказались такими клячами, что стали и ни с места. Нас он высадил около какого-то домика рядом с шоссе, а сам отправился обратно в город за новыми лошадьми. В домик нас не пустили, и мы битый час топтались среди грязи под холодным ветром, окруженные всеми нашими вещами. Затем приехал другой извозчик, который доставил нас благополучно. Дороги от дождей стали совсем непроходимы. У меня Марина и Ася пробыли часа два. Я их кормил остатками нашего новогоднего ужина. Затем они перецеловали всех старых собак и помяли 8 шт<ук> новых «одноглазовичей». И уехали, чтобы добраться засветло. У себя на столе я нашел целую груду корреспонденции за эту неделю – в том числе 4 открытки и 2 письма от тебя (последнее от 4-го янв<аря> – по получении известия о пожаре).

Из других писем – письмо от Майи большое[2] (буду ей сегодня же отвечать), неожиданное письмо от Орлишки – очень грустное, очень хорошее и с просьбою не отвечать ей,[3] от Кругликовой... от Надежды Ивановны (dame de compagnie – Рашель Мироновны),[4] открытку от Лёли,[5] и кипу журналов.

Новая моя печка поставлена и функционирует прекрасно: она занимает мало места, прекрасно регулируется и знакомой мне системы. Но угля очевидно больше в нее пойдет, чем в унтермарковскую. Но зато, если будут морозы, ее можно сильнее пускать, чем ту, а то при 3—4° ниже нуля у меня уже было лишь 8° в мастерской. Унтермарковскую Василий разобрал и сложил на чердаке. Ее надо будет потом поставить в нижних комнатах подо мной — там она будет как раз уместна.

Пол он залатал. Оказалось, прогорели три слоя — брусья (на котор<ых> она стояла), пол и черный пол. Половые балки только снаружи обуглились. Но еще бы несколько минут — и вспыхнули бы стружки, что были под черным полом, и тогда бы пожара не удержать. Когда он разбирал кирпичи внутри, то оказалось, что свод в топке успел уже так прогореть, что при первом прикосновении рассыпался прахом. Так что — вот еще возможность пожара. А фундамент под ней оказался толщиною лишь в один кирпич (вместо 4—5, как делают обычно).

Об беседе моей с Кейлем[6] — я тебе писал. Он Семена совсем не знает. Его, кажется, знает Рагозинский[7] (по словам Кейля), спроси его.

Я нарочно оставался так долго в Феодосии, чтобы дать Василию время разобрать старую и установить новую печку. Эта печка вместе с трубами и привозом обошлась мне почти <в> 35 рублей. Но все-таки — все к лучшему, и я рад, что сошло все с рук так благополучно.

Из хозяйственных неприятностей: юнговские (Манины)[8] мальчишки пообрывали весь дикий виноград на большой террасе — т.е. поломали все стволы так, что террасе придется обрастать сызнова. По-видимому, им понадобились веревочки, на которых виноград висел. Если поливать, то он за пол-лета нагонит свой рост.

Василий сейчас белит комнаты внизу. Вот и все хозяйственные дела.

Из Феодосии я написал тебе только одну открытку:[9] там как-то мне негде писать, да и некогда. Марина, верно,

напишет тебе длинное письмо о нашей встрече Нов<ого> Года, о студенческом вечере с моими пререканиями с публикой, и о проч<их> событиях.[10] На этот раз мы провели все вместе вечер у Богаевского и дважды были у Алекс<андры> Мих<айловны>, которая до сих пор еще живет у Нины Александр<овны>[11] и, вероятно, останется там всю зиму. Из Феодосии я отправил «Лики Творчества»: тебе, Лиле–Вере (один), Фельдшт<ейнам>, Кандауро<ву>,[12] Рагозинс<кому>. Извести меня, когда получишь. Из посланных тобою книжек получил лишь «Аполлон» и «Маски»[13] – рассказы же Толстого[14], кажется, безвыходно застряли у Марины. Никак мне эта книжка не дается.

Получил Альманах «Грифа» с «Лунным Венком», а сегодня прочел, что он арестован.[15] За что?

Теперь я хочу тебе отвечать на твои большие письма по порядку. Что стихи мои Р<ашели> Мир<оновне> понравились[16] – я рад чрезвычайно, но понравились ли они тебе? Это исполнение обещания, данного еще много лет тому назад – написать стихи лично для нее – такие, которые не были и не будут нигде напечатаны. Что же касается моего приезда в Москву – то, конечно, ты была права. Я тронут ее отношением ко мне. Но ты знаешь – теперь моя жизнь стала так содержательна, что у меня мелькает желание – не только теперь весною не приезжать в Москву, но и на будущую зиму остаться в Коктебеле. Ведь правда: здесь я работаю целый день над тем, что составляет интерес моей жизни, когда мне становится немного грустно и работоспособность тускнеет – еду в Феодосию, где с Алекс<андрой> Мих<айловной> и Богаевским говорю о самых мне важных местах. А со всеми друзьями далекими – поддерживаю переписку – и в письмах отношения очищаются от всего случайного. Нет – я мечтаю о том, чтобы не на год – на много лет затвориться в Коктебеле. Только тогда можно что-нибудь сериозное сделать. Но это пусть будет между нами.

Что мне теперь хочется сделать – это немного постранствовать с этюдником по местам более диким и недалеким.

Напр<имер>, весною сделать перерыв в работе и поехать недели на 2 в Батум (Алекс<андра> Мих<айловна> предлагает даром с ее братом). Это я, может, и сделаю, т<ак> к<ак> это будет стоить пустяки.[17]

Теперь о Майе. Я только что получил от нее большое письмо, очевидно написанное вскоре после разговора с тобой.[18] Письмо очень грустное и смутное, но я прочел его несколько раз и почувствовал радость за нее, потому что в тоне ее письма есть новое, точно она *выросла* за это время. А тогда все хорошо. То, что ты мне писала, — меня не удивило и не было неожиданным (т.е. слова Майи).[19] Ты ведь знаешь, что я мало к кому с такою любовью и вниманием относился, как к Майе. И еще с самых первых наших бесед объяснял я ей разницу между влюбленностью и любовью и многое другое. Но ты знаешь — с Майей трудно говорить: она понимает из сказанных слов только то, что хочет понять, точно так же, как видит в каждом человеке лишь тот идеал, который создает о нем, и не желает считаться с реальностью. Я знаю прекрасно, что на чувство «влюбленности», когда не разделяешь его, принято отвечать отходом и холодностью. Это безопаснее и удобнее. Но этого я не хотел. Я считаю, что нельзя перед таким чувством захлопывать двери, но надо *принять* его и постараться пронести, не обманывая. Я всегда чувствовал любовь ко мне как громадный свой долг, который рано или поздно должен быть уплачен мною до последнего волокна. Это я понял через многий опыт (и через Орлишку, о которой думаю теперь). И мне хотелось дать Майе — все, что могу дать. Это все было страшно трудно и очень тяжело. Мне этим летом больше всего поэтому было тяжело.[20] Мне так хотелось, чтобы ее «влюбленность» (— не ко мне лично, а вообще), чувство по своему существу эгоистичное, безвыходное, душное, самолюбующееся, перешло бы в настоящую полную человеческую *любовь*. Потому что для *любви* нет грани — она не *требует* (как влюбленность), а сама животворит, и нет грани между любовью к отдельному человеку, к миру, к Богу — всё в одном и всё об одном. Эта любовь всегда потенциально заключена во «влюбленности»,

но ей надо помочь высвободиться, чтобы она там не задохлась. В Майе эта «влюбленность» страшно сильна. Конечно, *слова* мои оставались словами. Но я был с нею до конца, отдавал ей больше, чем в состоянии был (при той смертельной усталости от людей, которая у меня была летом).

Тут нужны не слова, а перенесенная и пережитая боль. К ней Майя идет бессознательно и сама ищет ее. И вот теперь мне в письме ее почуялось, что она говорит уже другим голосом. И я почувствовал, несмотря на грусть, большую радость за нее. Я уверен, что, несмотря на все ее слова обо мне (что я обманул ее), она все-таки почувствует, что я ей верный друг, и потом придет ко мне как к другу. Милая мама, я пишу это только тебе. Не говори с Майей ничего о том, что я пишу тебе о ней. И пусть она тебе не говорит, что я ей пишу. (Спасибо, что ты не хотела прочесть моего письма к ней). Потому что только для одно<го> человека можно сказать свою мысль до конца. Для другого та же самая мысль будет уже иной. И мне было бы очень тяжело, если бы ты некоторые мои письма показывала другим. Но ведь ты знаешь, какие, и я знаю, что ты не показываешь.

Я хочу еще прибавить о Майе: знакомя ее с Бальмонтом, конечно, я не предполагал, что выйдет из это<го> знакомства.[21] Ведь, ты помнишь, — Бальмонт был на выезде из Москвы — Нюша[22] спешила, чтобы вместе с ним сейчас же уехать. Я думал, что они увидятся раз, ну два. А Майе я считал необходимым видеть настоящего большого поэта. Я не думал, что она успеет прийти в столкновение и с человеком. Это страшный и опасный урок. Но, б<ыть> м<ожет>, Майе он был нужен. Ведь в Бальмонте есть действительно прекрасный чистый ребенок-поэт, — и рядом отвратительный пьяный, злой и лживый человек. Узнать это раздвоение личности (при невозможности исключить какую-нибудь одну из этих личин) очень жутко. Но дает очень много. Помню, сколько мне дало. Не говори, что нельзя так рисковать ребенком, как Майя, — я этого не думал, когда посылал его «под благословение» Бальмонта, как сам ему писал в сопроводительном письме.

Я это думаю теперь и прекрасно понимаю, что ей это гораздо страшнее и опаснее — чем было мне когда-то. (Хотя тогда и меня мои знакомые *спасали* от Бальмонта.) Если б я предвидел все последствия этого знакомства — конечно, я не направил бы Майю к нему. А в общем в том, что Майя говорила тебе — она, конечно, права: люди разбивают ее веру в них... Да, они будут разбивать веру ее, потому что вера ее основана не на действительном знании, не на любви к существующему, реальному человеку, она старается на живых людей надеть заранее созданные образы своей фантазии. И если б ты знала, как она негодует, когда человек отказывается от них, и умоляет, чтобы он хотя бы для игры надел их. В Майю вложена громадная сила чувства, простого, большого, настоящего. Это чувство выражается в тех ее стихах, которые тебя трогают до слез. За это чувство я и люблю ее и считаю, что ей надо дать все, что только можно. Но рядом (в количестве подавляющем) существует в ней то, что выражается в ее нарядных стихах, которых ты не любишь. Я их люблю, как прекрасные стихи, но мне хочется, чтобы она как можно скорее прошла сквозь эту область иллюзий влюбленности. Я пишу это тебе, мама, и думаю о том, что ты не поймешь меня, или поймешь неверно. Ты ведь сама постоянно живешь иллюзиями о людях, которые обманываются. А меня человек не может обмануть — а если обманет — то это не его, а моя личная по отношению к нему вина: значит, я сам недосмотрел, неверно его понял. (Я не говорю, что я осуществляю такое отношение к людям во всей его полноте — но я хочу, чтобы оно было таким, и для других хочу такого же.)

Надо только понять, что любовь, требующая человека для себя, — не любовь и что настоящая любовь принимает человека таким, как он есть со всей его судьбой. Что истинная красота духовная человека не в том, что он *похож* на наше представление о герое, о рыцаре, о святом, а в том основном противоречии, которое жизнь вложила в него, и в том, *что* побеждает в этой постоянной борьбе с самим собой. *Живой человек* должен быть целью, а не наши более или менее одно-

сторонние идеалы, которые мы всегда пытаемся навязать другим людям. В той идее, которую судьба (или Божество) вкладывает в каждого самого большого, как и самого малого человека, в той отдельной — неповторяемой трагедии, которую каждый несет в себе, — в этом красота человека. Ее надо понять. И человек будет всегда глубоко благодарен — понявшему его. Нельзя сделать большего благодеяния ему. А *идеалы* всегда бывают составлены из более или менее общепринятых моральных правил и так же неловко сидят на любом человеке, как платье, сшитое по одному патрону для роты солдат, и так же стесняют движение. Вот ты пишешь, что слава Богу, что Майя встретила на своем пути такого идеального рыцаря, как Виктор Веснин.[23] И я радуюсь, что она любит его, потому что мне его лицо кажется гениальным, а натура глубокой (близко я не знаю его). Но думаю (и имею основание по разным бессознательным намекам в письме Рагозинского), что *ему* это (т.е. насильно идеализирующая влюбленность) тяжело.[24] Тот, кто увенчивает, неизбежно потом развенчает. Развенчает тогда, когда одежда Идеала начнет лезть по швам на плечах живого человека. Развенчание неизбежно. А развенчивающий говорит: он обманул меня. А кто кого обманывал? Поэтому самое большее, самое лучшее, чего я хочу для Майи — это чтобы она прошла скорее через ряды таких разочарований и горьких уроков — и начала любить действительно человека. От этого зависит судьба ее творчества.

Вот об Майе.

А теперь я хочу еще поговорить о себе.

О моей работе. Тебе кажется, что я легкомысленно к ней отношусь, что она меня не захватывает как следует. А обрати внимание, мама, вот на что. Ты сама говоришь, что мне все легко дается. Это правда. Но то, что легко дается, — это не ценно. А замечала ли ты, что я делаю в искусстве только то, что трудно. Мне легко дается стих. Я довел требования к нему до такой степени, что мне очень трудно писать стихи, и я пишу их очень мало. В живописи я переступил уже многие грани, которыми довольствуются средние художники,

но я еще не дошел до пределов *трудностей,* поэтому я себя еще не считаю художником и продолжаю работать; даже переводы – я выбираю только очень трудных, почти непереводимых авторов, то же самое и в статьи мои я влагаю часто содержание, которое можно было бы развить в целую книгу. Ты ведь всего этого отрицать не будешь? В этом сказывается мое *сериозное* отношение к искусству (страстность – в холодности и законченности формы). Но я согласен с тобой, я не только половины, но, может, еще первых слов не сказал, какие должен сказать. Но тут дело не в продуктивности осязаемой.

А отношение к людям, мама, – нет, оно не легкомысленное. Уже давно, после самых первых опытов, когда заметил, какую боль я могу причинять людям, сам того не сознавая и не замечая, я понял, что лишен какого-то инстинкта, присущего большинству людей. И с тех пор не было почти ни одно<го> дня в моей жизни, чтобы я внутренно не молился в глубине души, чтобы мне быть внимательным к людям, чтобы взрастить в себе чувство любви и радости за людей. И когда я оглядываюсь на себя назад, каким я был восемь лет назад, я вижу, что я сильно изменился. Только то, что обычно познается инстинктом сердца, я восполнил сознанием. По дороге мне открылось очень многое. Я начал гораздо больше *понимать* людей. Но понимание мое не холодное и не головное. Я понимаю человека всем существом. Только это понимание не инстинктивно – мне надо сознательно заставить себя сосредоточиться. (Отсюда выходят и все мои угадывания, которыми мне случается изумлять при гадании). Но во внутренней своей жизни и в чувствах своих я очень скрытен, от какого-то сжимающего стыда. Поэтому я часто обманывал тебя, скрывая то, что переживалось под маской равнодушия или веселости, а иногда эта напряженность прорывалась раздражительностью и истериками. Ах, во мне совсем нет того равновесия, которое в моих мыслях... И так много в самом себе невыявленного, противоречивого, больного... Милая мама, это все так. Верь мне. Я кончаю это письмо, хотя мне еще очень много надо писать тебе. Но

я хочу сегодня еще написать Майе. А уже очень поздно. До свиданья. Крепко тебя целую. Пиши мне большие письма, мне от них и больно и радостно, и кажется, что я в первый раз говорю с тобой. А когда ты приедешь – я все буду делать – и обед готовить и кофе варить: я ведь не мог при тебе этого начать делать только потому, что ты не верила и смеялась.

МАХ.

[1] М.И. и А.И. Цветаевы, С.Я. Эфрон, Николай Михайлович Беляев (?–1930) – воспитанник П.Н. Лампси; впоследствии художник, искусствовед, исследователь византийского искусства.

[2] Письмо от М.П. Кювилье от 31 декабря 1913 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1033).

[3] В письме от 28 декабря 1913 г., заполненном воспоминаниями о встречах с Волошиным, А.И. Орлова замечала: «Хочу получить от тебя письмо, но не могу просить писать мне, мой муж вряд ли спокойно и теперь относится к тебе <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 916). О происшедшем в 1909 г. конфликте, инспирированном мужем Орловой К.И. Лукьянчиковым, см.: Т. 9 наст. изд. С. 426–430.

[4] Н.И. Ивановская, приятельница Р.М. Гольдовской. См. примеч. 2 к п. 42.

[5] В открытке от 1 января 1914 г. с новогодними поздравлениями Е.С. Лямина сожалела о том, что не может этой зимой провести несколько дней в Коктебеле (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 803).

[6] Генрих Людвигович Кейль (1871–1927) – феодосийский архитектор. Волошин консультировался у него в ходе строительства мастерской.

[7] Волошин искаженно воспроизводит фамилию Владимира Александровича Рогозинского.

[8] Маня – прислуга семейства Юнге.

[9] Эта открытка не сохранилась.

[10] В одном из январских писем 1914 г. (лист с началом текста и вероятной датировкой отсутствует) Е.О. сообщала Волошину, что получила его письмо от 10 января «вместе с письмом от Марины, в котором она все описывает: новый год, пожар, литер<атурный> вечер, Алю <А.С. Эфрон. – *Ред.*>, свою любовь ко мне». Это письмо М. Цветаевой, видимо, не сохранилось.

[11] А.М. Петрова; Н.А. Айвазовская.

[12] См. примеч. 2 к п. 37. Упомянуты Е.Я. и В.Я. Эфрон, М.С. Фельдштейн и К.В. Кандауров.

[13] «Маски» – московский ежемесячный театральный журнал, выходивший с октября 1912 г. по начало сезона 1914/15 г. Волошин опубликовал в «Масках» корреспонденции из Москвы под рубрикой «Театральная летопись» (1912. № 1. С. 96–97; № 2. С. 85; № 3. С. 95–96), заметку «Декоративное искусство» (1912. № 2. С. 86–87) и статью «Театр и сновидение» (1912/1913. № 5. С. 1–9).

[14] Об отправке с С. Эфроном, возвращавшимся в Феодосию, «Рассказов» (Т. III. М., 1913) А.Н. Толстого Е.О. написала Волошину 28 декабря 1913 г.

[15] В «Альманахе “Гриф”. 1903–1913» (М., 1914) был опубликован венок сонетов Волошина «Lunaria» (С. 56–63). Сообщение об аресте альманаха появилось в «Русских Ведомостях» и «Утре России» 5 января.

[16] 30 декабря 1913 г. Е.О. сообщила Волошину, что Р.М. Гольдовская получила его письмо со стихами: «Она в восторге полном <...> и от письма, и от стихов». Имеется в виду стихотворение «Я мысленно вхожу в ваш кабинет...», обращенное к Гольдовской. См. п. 39.

[17] Эта поездка не состоялась.

[18] Отвечая на неизвестное нам письмо Волошина, М. Кювилье писала 31 декабря 1913 г.: «Макс, я безумно устала. Я люблю жизнь безумно и устала до смерти. Мои дни тяжелы и длинны, как года. Меня окружающие существа кажутся мне мирами и бесконечностями, и я изнемогаю от их бремени. Каждый цвет поднимает в моей душе бурю страсти. И я прихожу в отчаяние от слова, сказанного не мне и не обо мне»; «Макс, Вы ввели меня в боль любви ко всему. Раньше было во мне оружие презрения и ненависти, Вы отняли у меня это оружие. Через Вас я поняла, что нет ни зла, ни добра, ни да, ни нет <...> Макс, не думайте, что я забыла Вас. Я люблю Вас, как раньше. <...> Ответь мне на мою боль и пойми то, что я не могу сказать – И спаси меня» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1033).

[19] Имеется в виду фрагмент письма Е.О. от 30 декабря, в котором она пересказала свой разговор с М. Кювилье, в том числе и ее признания о взаимоотношениях с Бальмонтом: «Вот приблизительно, что говорила она: люди разбивают мою веру в них <...> и Макс обманул меня, хотя никогда не говорил словами, что любит, но относился ко мне так и принимал любовь мою так, как может относиться и принимать любовь только сам любящий. Разве я поехала бы в Коктебель, если бы знала, что он не любит меня. Зачем он раньше с самого начала не сказал, что не любит, не может, не умеет любить, что сказал же наконец, измучивши меня. Зачем он захотел моего знакомства с Бальмонтом; ведь знал он, какой Бальмонт; знает, что я совсем еще неопытная девочка, верю каждому слову, жесту; и пришлось

мне опять столкнуться с обманом, ложью. Да, я стала теперь опытной, потеряла веру в людей; не легко мне это досталось. Разве могла не верить, когда он говорил, что несчастен, одинок, любит только меня, прогонит Ленку <Е.К. Цветковская. – *Ред.*>. Я его и пьяным видала, не знала, что делать с ним, как выпутываться из затруднительных положений <...> Последние дни, несмотря на его неистовые вызовы по телефону, не ходила к нему, не пошла и провожать его, послушавшись совета Виктора Веснина, которого люблю, влюблена в него, и он меня любит, но другою любовью, говоря, что никогда не любил, что не может любить меня иначе; но он не обманывал меня, он сказал мне это, сострадая мне, мучась за меня. Он так прекрасен, он превзошел все представления мои об идеально-прекрасном человеке. И я опять страдаю, Пра! Что мне делать? <...> Я написала Максу безалаберное письмо; в нем есть только один важный вопрос: друг ли он мне?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 655, л. 38 об. – 39).

[20] М. Кювилье прожила у Волошиных в Коктебеле с 25 мая до 7 августа 1913 г.

[21] О своем кратковременном сближении с Бальмонтом М. Кювилье писала Волошину 31 декабря 1913 г.: «Бальмонт ранил меня как никто. Когда я пришла к нему, он сказал мне о своей тоске и хотел меня взять. И во мне открылась пропасть. Я знала, что он весь – ложь, и что нет, следовательно, лжи в нем и для него. – Я сказала ему, что люблю другого, и он оскорбил меня словами жестокими, как жала. И я не почувствовала к нему ничего, кроме самой большой, жалеющей и успокаивающей нежности. Он измучил меня поцелуями и словами, которым я не верила, – абсолютно, – а относительно него верила. – Я “не смела” – “не могла” сказать нет. – Все, что сделала – не отдала себя, как он хотел. – Но в его тоске я так много страдала. И знаю, что теперь он, может быть, совершенно иначе говорит, чем говорил тогда». Ср. признание в письме Бальмонта к Волошину (13 февраля 1914 г.): «Осенью в Москве пришла ко мне Майя. Она нежно и глубоко вошла в мое сердце. Это – существо драгоценное» (*Давыдов З.Д., Купченко В.П.* Письма К.Д. Бальмонта к М.А. Волошину// Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1989. М.: Наука, 1990. С. 47).

[22] А.Н. Иванова.

[23] В письме к Волошину от 31 декабря 1913 г. М. Кювилье признавалась: «Из всех только двое до конца поняли меня: Марина <Цветаева. – *Ред.*> – жизнь и Виктор Веснин – смерть. А другие измучили меня. – Макс, я устала, как пепел в камине»; «Я люблю Виктора Веснина, и мне больно. И в этой боли такая глубина, и так

велика эта боль, что превращается в радость, самую великую и глубокую».

[24] Рогозинский в это время работал у Весниных и часто виделся у них с М. Кювилье. Свои впечатления от встреч с нею он передал в недатированном письме к Волошину: «...теперь у нее проявилась та черта, которая заставляла и в Коктебеле быть настроенным против нее. Это, по-моему, страшный эгоизм в чувстве. У нее совершенно нет, или я, по крайней мере, уверенно чувствую, что нет, мысли о человеке самом по себе. Любви к нему вне мысли о себе. Заботы о нем, хоть малейшего внимания к нему вне себя. Весь интерес и любовь к человеку у нее — это любовь к себе, к отношению человека к ней, отсюда настойчивое преследование поглощения человека целиком без его воли и проч. Помните, я сказал Вам: дай Бог, чтобы Майя стоила того, что Вы ей отдавали, и не времени и нервов, а чего-то большего, что она настойчиво забирала. Теперь она так же относится к Витьке. И полное единство того, что наблюдал я в Коктебеле по отношению к Вам и здесь к Витьке, утверждает меня в мысли: это любовь через человека к себе, и *не важно*, какой это человек индивидуально <...> а просто сильный выдающийся человек, от ударов о которого ярче вспыхивала бы она сама перед собой же (увлечение, конечно короткое, Бальмонтом). Второе, что не нравится мне в Майе, это "Поза". Тем более мне теперь это неприятно, что я чувствую теперь в ней сторону настоящего хорошего и стоящего человека, и, может, от этого больше меня затрагивает этот вопрос» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1026, л. 6 об. — 8).

42. Н.И. ИВАНОВСКОЙ

9 января 1914 г. Коктебель

9/I 1914.

Милая Надежда Ивановна,

благодарю Вас за букетик роз, который Вы мысленно поставили мне на стол. Я их почувствовал и вижу пред собою. Что же до новогодних пожеланий, то мне кажется, что людям следует желать не счастья, а радости.[1] Счастье приходит извне, оно изменчиво, оно делает скупым. А радость вспыхивает изнутри и принимает все дары судьбы с улыбкой, без

выбора.* Счастье возбуждает зависть, а радость заражает всех окружающих. Нет, Надежда Ивановна, мне не надо счастья — пожелайте мне мысленно радости. И я вам ее тоже желаю на новый год.

Мне странно, что Вы меня считаете таким богатым. Богатство ведь ощущается только тогда, когда его раздаешь. А иначе есть только нищета изобилия и пресыщенности. А когда я начинаю раздавать то, что мне кажется драгоценностями, то публика только открещивается и приходит в ярость от таких даров. Так что я пока глубоко нищ со всеми своими возможностями и могу только сказать: ограбьте меня, чтобы я стал богатым.

Спасибо за то, что Вам нравятся «Боги и люди».[2] Я очень люблю эту книгу.

Очень благодарю Рашель Мироновну за ее «гостинцы» к празднику.[3]

Получила ли она мою книгу «Лики творчества»?[4]

Привет Онисиму Борисовичу.[5]

Вкладываю в Ваш конверт и письмо Еве.[6]

Максимилиан Волошин.

[1] Отклик на слова из недатированного письма к Волошину с новогодними приветствиями (с пометой «Воскресенье» — т.е., видимо, 5 января 1914 г.): «Под Новый Год всегда чего-нибудь желают, но мне так трудно пожелать Вам. Есть люди королевского рода, привилегированные между другими, и у Вас так много богатств и преимуществ — что у меня для Вашей изысканности чувств не поворачивается язык *пожелать Вам*. Желания делаются такими серенькими и такими маленькими. Я спросила бы у звезд — чего Вам пожелать, но их знаки мне непонятны, и я только могу любоваться ими. Я спросила бы у моря — но оно мне всегда говориттолько о Вечном и Бесконечном — и я знаю, что Вы приобщены уже к этому и у Вас есть на это право. Но это большой подвиг — и не вплетается в легкое новогоднее пожелание. Если бы я могла сейчас поставить на Ваш письменный стол букетик роз, я сделала бы это с большой радостью. <...> Да, я нашла, что Вам пожелать — счастье. Это слово никогда не линяет, но оно так неуловимо и так эфемерно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 589).

* *В автографе описка:* выбода. *Маловероятный по смыслу вариант:* вывода.

[2] В том же письме Ивановская давала оценку переведенной Волошиным книге П. де Сен-Виктора: «Читаю Ваши “Боги и Люди”. <...> Ваш перевод так великолепен, — что я совсем забываю о St-Victor и все время читаю книгу — М. Волошина. <...> Я завидую содержательности Вашей жизни и прекрасному обществу, кот<орое> Вас сейчас окружает».

[3] Подразумеваются новогодние подарки от Р.М. Гольдовской. Ср. п. 40, примеч. 2.

[4] См. примеч. 2 к п. 37. 25 авторских экземпляров книги «Лики творчества» были высланы Волошину из редакции «Аполлона» в Коктебель 20 декабря 1913 г. (Труды и дни. С. 338) и получены им не позднее 1 или 2 января 1914 г.

[5] О.Б. Гольдовский.

[6] Е.А. Фельдштейн. См. п. 43.

43. Е.А. ФЕЛЬДШТЕЙН

9 января 1914 г. Коктебель

9/I 1914. Коктебель.

Милая Ева,

очень, очень благодарю тебя за присланные гостинцы.[1] Их так много, что их, кажется, до весны хватит, хотя мы им оказали честь при встрече нового года. Тебе, верно, Пра[2] рассказала все подробности моего нового года, с пожаром и проч<им> «обормотским ритуалом».[3] Ты ведь ее видишь теперь каждый день, когда она тебе позирует. Я очень рад, что ты пишешь ее портрет.[4] Но ее лицо так трудно закрепить. Когда она позирует — она сразу устает, лицо теряет свою одушевленность и становится неузнаваемым и каменным. Мне очень хотелось бы, чтобы твой портрет удался. Я заранее беру с тебя обещание — снять с него фотографию и подарить мне (т.е. фотографию, а не портрет). Хорошо?

Мне страшно было бы интересно посмотреть твои работы этой зимы. Как ты сама себя чувствуешь в смысле творчества. В смысле технических успехов?

Я сейчас живопись почти оставил. До весны. Хотя жаль. Но даже теперь для всего времени не хватает. Как все быстрее и быстрее начинает лететь время! Это началось — такое ускорение лет с 30-ти. Неужели оно так и будет ускоряться до конца? Право, падение человека от рождения ничем не отличается от падения камня.

Я занят с утра до ночи, меня ничто не отвлекает, и мне кажется, что я ничего не успею сделать за зиму. Я теперь уж и не думаю о приезде весной в Москву. Я так рад, что имел решимость остаться зимовать. Мне надо на несколько лет исчезнуть из городов — тогда я сделаю кое-что.

Теперь жду только, чтобы январь прошел с его вьюгами и холодами. А февраль — это уже весна, и я буду ходить в горы и опять переживать весь трепет первого движения весенних токов, как в 1910 г., когда я писал «Киммерийскую весну».[5]

Я очень жду весточки от тебя. Приветствую Мишу.[6]

Получили ли вы «С<ен->Виктора» и «Лики Творчества»?[7]

MAX.

[1] Подарки от Е.А. Фельдштейн привезли в Коктебель С.Я. Эфрон, М.И. Цветаева и А.И. Цветаева. См. примеч. 1, 2 к п. 40.

[2] Е.О. Кириенко-Волошина.

[3] В новогоднюю ночь в мастерской Волошина произошел пожар, который он описал в письме к матери. См. п. 40, примеч. 1.

[4] Видимо, в одном из несохранившихся писем Е.А. Фельдштейн сообщала Волошину, что начала работать над портретом Е.О. Кириенко-Волошиной. В своем ответном письме от 2 февраля 1914 г. она отмечала: «Портрет Пра у меня не удался. Я пошла на живописный эксперимент — и была наказана. Сейчас я его бросила, но Пра обещала еще позировать. Сознаюсь, что немного мне мешала мысль, что ее эта история утомляет. И так вдруг стыдно стало всех этих кубиков и трапеций, которые я развела, что я постыдилась в эту работу внести чисто внешнее сходство, и совсем сделала невозможную гадость» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1222, л. 7 об. — 8).

[5] Речь идет о цикле стихотворений Волошина «Киммерийская весна», написанном в 1910 г. См.: Т. 1 наст. изд. С. 156–162.

[6] М.С. Фельдштейн.

[7] Речь идет о вышедшей осенью 1913 г. в переводе Волошина книге Поля де Сен-Виктора «Боги и люди» (см. примеч. 1 к п. 6) и книге Волошина «Лики творчества», увидевшей свет в декабре 1913 г. (см. примеч. 2 к п. 37). Отклик Е.А. Фельдштейн см. в примеч. 6 к п. 64.

44. А.В. и К.В. КАНДАУРОВЫМ

9 января 1914 г. Коктебель

9/I 1914.

Дорогая Анна Владимировна,

как мне благодарить Вас за Ваше внимание? Я был и растроган и... ужасно боялся за ветчину.[1] Вы так определенно приказали варить ее два с половиной часа... И я собирался исполнить этот обряд в Вашу честь в первый же день Нового года, но пожар, вспыхнувший (если можно так выразиться об огне, который только вонял и чадил, но не был видим) ровно на переломе года,[2] о котором Вам, верно, рассказывала уже мама, заставил меня уехать в Феодосию ровно на неделю,[3] и я все время беспокоился, что делается с ветчиной. Но вчера, приехавши, — я тотчас же стал ее варить. Она вышла прекрасна. А из навара я сделал борщ. И все было так вкусно, что, когда я обедал, мне казалось, что я сижу у Вас на трехэтажном чердаке. Что же до сосисек, то они успели быть съедены еще до наступления пожара — Мариной, Сережей, Асей[4] и мною совместно. Колбаса же длится еще.

Скажите: как нужно понимать пожар, вспыхнувший на новый год? Из газет знаю, что <то> же самое произошло в тот же час в ресторане Мартьяныча?[5] Какой одинаковой судьбе обрекают меня и этот ресторан роковые предвестия?

Да, этот Новый Год всюду сопровождался катастрофами. Приехав в Феодосию, я узнал, что в эту же ночь стрелялся Володя Лампси (сейчас он уже вне опасности). Я в тот же день был у Лиды. И она и Ник<олай> Мих<айлович>[6] были страшно потрясены и расстроены, тем более что эта

попытка на самоубийство произошла после нелепой и пустяшной размолвки при встрече Нов<ого> Года. Но Вы, вероятно, все это уже знаете. Третьего дня я был у них снова, и они чувствовали себя совсем хорошо, как после катастрофы, что миновала благополучно.

До свиданья. Очень, очень большое спасибо.

МАХ.

Дорогой Константин Васильевич,

только что вернулся из Феодосии. Видел Костеньку[7] на этот раз подробно, т<ак> к<ак> праздники прервали на время его работу. В большом секрете от окружающих показывал он мне ряд новых акварельных эскизов. Они все в «кубическом» духе, но несоизмеримо цельнее и полнее первых. Есть одна, которая совершенно прекрасна. Равнина, на краю которой подымаются колоссальные пирамиды. Без неба. Лунная ночь.

Мне чувствуется, что он сейчас на краю настоящего большого перелома в творчестве. Только и говорит и думает об работе. А весною опять об этюдах мечтает. Очень это меня радует.

Получил ли ты «Лики Творчества»?[8] На твое же имя я послал и экземпляр для Рагозинского (но забыл адрес его, когда отправлял).

Видаешь ли ты маму? Успел ли поговорить с нею как следует? Меня очень беспокоит ее здоровье. Пожалуйста, поговори с ней об этом сериозно, когда она будет у Вас. А как ты сам чувствуешь себя?

Наши отношения с мамой теперь — прекрасны. И я очень надеюсь, что, когда она вернется, все пойдет поиному. Особенно надеюсь, что много поможет то, что я теперь возьму стряпню в свои руки: это много облегчит ее — главное, освободит от того, что ей органически противно.

Одна большая просьба: пожалуйста, отправь сейчас же Маковскому мою статью об русс<кой> иконописи, что лежит у тебя.[9]

Поняв из твоего молчания, что Муратову она не подходит — я предложил ее Маковскому, и он просит скорее прислать ее.[10]

Помнишь, я просил тебя относительно холста.[11] Если тебе неудобно – то я попрошу об этом маму. Я бы и попросил уже, но боялся – а вдруг ты уже купил.

До свиданья. Крепко тебя целую.

МАХ.

Привет Валетке,[12] Сарьяну, Церасским.[13]

[1] См. п. 40, примеч. 2.

[2] См. п. 40, примеч. 1.

[3] Волошин выехал в Феодосию утром 1 января, возвратился в Коктебель 7 января 1914 г.

[4] М.И. Цветаева, С.Я. Эфрон, А.И. Цветаева.

[5] «Мартьяныч» – московский ресторан в Верхних торговых рядах. Ср. хроникальное сообщение под заглавием «Переполох у “Мартьяныча”»: «Вчера, ровно в 12 часов ночи, в тот момент, когда с московских церквей раздался звон к новогоднему молебну, из Верхних торговых рядов был дан пожарный сигнал, по которому к месту пожара съехались пять пожарных частей. Оказалось, что в ресторане “Мартьяныч” загорелась в трубе сажа. Пожар был прекращен домашними средствами, но наделал все же большой переполох среди многочисленной публики, собравшейся встречать Новый год» (Утро России. 1914. № 1. 1 янв. С. 6).

[6] Л.А. Лампси (урожд. Соломос) и ее муж Н.М. Лампси.

[7] К.Ф. Богаевский. Во время пребывания в Феодосии в начале января 1914 г. Волошин жил в его доме.

[8] См. примеч. 2 к п. 37, примеч. 4 к п. 42.

[9] Имеется в виду статья «Чему учат иконы» (см. п. 12, примеч. 2).

[10] Волошин предложил С.К. Маковскому статью «Чему учат иконы» для публикации в «Аполлоне» в письме от 17 декабря 1913 г., которое, по всей вероятности, не сохранилось. Маковский отвечал 30 декабря: «Статью о русских иконах *очень хочу*, т<ак> к<ак> уверен, что и в этой области Вы сделали множество ценных находок, а эта тема теперь для меня – самая животрепещущая» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 470).

[11] См. п. 25.

[12] В.В. Успенская.

[13] В.К. Цераский и его жена Л.П. Цераская.

45. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

10 января 1914 г. Коктебель

10/I 1914.

Милая мама, получил сегодня твое письмо от 7-го, где ты пишешь о встрече с Миррой Свободиной.[1] Очень рад, что она такая. Я все-таки по восторженной бестолковости ее писем немного боялся, что она «психопатка», хотя Ан<на> Влад<имировна>[2] говорила, что нет. Будет ли она у тебя? Мне очень хотелось бы ее узнать. У Сабашниковых я совершенно ее не помню. Даже не могу себе представить, когда это было, — у них так мало людей бывает. Может, если она по делам у Маргар<иты> Алекс<еевны> была? Но как же она меня видела и за Брюсова приняла? Может, она перепутала?

Если она и при дальнейшем знакомстве будет такой же очаровательной — позови ее в Коктебель, — ведь ей так хотелось море увидать. Есть что-то в ее письмах, что Орлишку напоминает; или это мне под впечатлением Орлишкиного письма кажется.[3] Она тебя целует, думает, что мы вместе в Коктебеле. Я ей написал вчера через Лиду Яновскую[4] (потому что они видятся иногда и через нее она узнала, что я в Коктебеле) и написал ей твой адрес. Написал вчера и Кандауровым, и Еве.[5] Как хорошо, что Кандауров на Пасху приедет. Он, верно, страшно измучен. Он и Кон<стантину> Феод<оровичу>[6] ничего не пишет, а тот ждет не дождется от него письма, чтобы узнать, какое впечатление производят его новые работы.

Моя новая печка действует прекрасно. Дает тепла больше, чем старая, прекрасно регулируется, не требует большого присмотра, но угля берет больше. Та — экономнее, несмотря на свою величину. Одно неприятно — она еще не обгорела от смолы и сильно пахнет, так что у меня второй день голова болит. Но это пройдет скоро.

Я с интересом прочел то, что ты пишешь о письмах Л. Толстого, но удивился твоему возмущению — ведь это письмо от 65 г., т.е. того периода его жизни, от которого он

сам потом отрекался. Разве ты не помнишь его в молодости по биографиям?[7]

Очень мне смутно представляется все, что ты пишешь о делах Саши с Быховским.[8] Я не очень доверяю бескорыстию последнего, но и изложение Саши Лямина может быть весьма далеко от истины. Не видала ли ты сама или увидишь ли Быховского? Мне кажется, это было бы весьма полезно и нужно. Он, мне кажется, тебя несколько побаивается.

Да, об делах: я не знаю адреса Кожебаткина и потому вложу записку ему в это письмо.[9] А ты ее пошли ему с письмом от себя, прося, чтобы он тебе отдал деньги поскорее.

Кроме того, я думаю теперь же составить маленький список разных поручений (покупок) в Москве, чтобы ты могла исподволь их сделать. Хорошо? Хотя для меня это будут главным образом холст и ткани, и парусина для рубашек и штанов летних.

Почему ты думаешь, что Ева тебя не понимает, находя в тебе барство и аристократизм?[10] По-моему, она совершенно права. В тебе есть и то и другое, в прекрасном, разумеется, смысле. Твоя простота по отношению к людям, врожденное чувство равенства — разве это не аристократические черты? А твоя самостоятельность, костюм — это, конечно, все барство. Ведь демократизм твой — идейный — т.е. аристократический. Посмотри кругом, какие бывают рожденные демократы... И во всей твоей повадке, в отношении к людям, в отношении к деньгам, конечно, есть то, что *можно* назвать Grande Dame, именно потому, что просто «Дама» к тебе совершенно неприложимо. Ведь аристократизм всегда определяется обособленностью и несходством с толпой. А в широте натуры и самобытности сказывается барство — русский оттенок аристократизма. Я думаю, Ева именно это хотела сказать, и понимаю ее вполне.

Все, что ты пишешь о своем здоровье, меня очень волнует.[11] Ведь твое задыханье все увеличивается. Тебе надо не откладывая энергично принять все меры. Не понимаю, почему ты не хочешь говорить с Титовым. Ведь тем лучше же, что он видел тебя и знает немного твой организм, и у него

уже составилось представление о нем. Право, ты немного относишься к врачам, как к гадалке. Пожалуйста, пойди к Титову и поговори с ним сериозно именно о легких, о кашле, об астме, о курении, о способах, как бросить курить. Пожалуйста, пойди не откладывая к нему. Ведь врачу надо впечатление пациента более полное, а не более «свежее». Право, мама...

Вчера я написал и отправил Майе большое письмо в ответ на все ее вопросы.[12] Она просила послать заказным, но это задержало бы на неделю или больше. Поэтому я послал ей без марки, чтобы было верно. Спроси, получила ли она его?

Приехали ли Лиля и Вера?[13] Как они провели праздники? Написала ли тебе Марина о наших выступл<ениях> в Феодосии?[14] Крепко тебя целую.

MAX.

[1] В этом письме, сообщив Волошину, что М. Свободина его знает («видела у Сабашниковых <...> но она принимала тебя тогда за Брюсова»), Е.О. добавляла: «Она мне очень понравилась. Лицом своим, как держит себя, говорит, совсем девочка, простая, добрая, нежная девочка; и простые, милые сказки говорит тихим нежным голосом. И так спокойна, гармонична, тихо-радостна вся, точно ни нужды никогда не знала, ни горя. И не верится, что ей 28 лет, что у нее 5 человек детей, из которых старшей уже 10 лет, что она бьется в нужде, должна существовать на 50 р. в месяц <...> Состоит при Своб<одном> Театре, получает 40 р. в мес<яц>, играет только в пьесе "Покрывало Пьеретты"» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 7–7 об.). Пантомима Артура Шницлера «Покрывало Пьеретты» (музыка Эрнё Донаньи) была поставлена в Свободном театре А. Я. Таировым в ноябре 1913 г.

[2] А. В. Кандаурова.

[3] См. п. 41, примеч. 3.

[4] Лидия Васильевна Яновская (?–1923) – дочь протоиерея из Мелитополя, имевшего в Коктебеле дом.

[5] Е.А. Фельдштейн. См. п. 43, 44.

[6] К.Ф. Богаевский.

[7] В письме от 4 января Е.О. передала свои впечатления от чтения переписки Л.Н. Толстого с двоюродной теткой А.А. Толстой: «Письма их очень интересны, и оба в них так прекрасны каждый по-своему, и вдруг как обухом по голове: в письме своем от 14 сент. 1865 г. Толстой просит эту тетушку свою, имеющую большие связи и знакомства при дворе, совета, к кому обратиться, и можно ли написать В.А. Долгорукову, шефу жандармов, о деле сестры его М.Н. — муж которой Валериан Толстой умер, но задолго до смерти имел связь с какой-то мещанкой и оставил свое имение детям, растерзанное долгами, и все в пользу этой женщины, и очень незаконно, как говорят люди сведущие. <...> И это после всех разговоров о Боге, религии, высшей правде богоугодных дел и т.д., и вдруг в таком темном тупике, не понимают даже, что творят. Через несколько писем Л. Толстой еще обижается на ответ сестре из 3-го отдел<ения>, в котор<ом> по поручению Долгорукова ее уведомляют, чтобы она обращалась к судеб<ным> местам <...> Вот-те и равенство и любовь к людям, справедливость. И ведь все это искренне, от чистого сердца» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 5—5 об.). Упомянутые письма (от 14 сентября и 15 или 16 декабря 1865 г.) были опубликованы в кн.: Переписка Л.Н. Толстого с гр. А.А. Толстой. СПб., 1911. См.: *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Т. 61. М., 1953. С. 103—105, 124—125.

[8] Дело заключалось в распределении прав наследования земли, принадлежавшей С.К. Лямину, между его детьми от первого и второго брака: В.В. Быховский оттягивал акт ввода во владение. Е.О. передавала Волошину: «Саша думает, что со стороны мачехи была попытка купить Быховского. Невольно и мне так думается» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 5 об.).

[9] А.М. Кожебаткин в это время руководил московским издательством «Альциона». Дело заключалось в получении гонорара за книгу Анри де Ренье «Маркиз д'Амеркёр» в переводе Волошина (М.: Альциона, 1914).

[10] В начале января 1914 г. Е.О. постоянно виделась с Е.А. Фельдштейн, поскольку та принялась за работу над ее портретом. См. п. 43, примеч. 4.

[11] Е.О. пыталась лечить астму, обследовалась у врачей Титова, Плетнева.

[12] Текст этого письма к М.П. Кювилье неизвестен.

[13] Е.Я. и В.Я. Эфрон.

[14] См. п. 41, примеч. 10.

46. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

11 января 1914 г. Коктебель

11.I.1914. Коктебель.

С Новым Годом, Юлия Леонидовна!

Свой новый год я, против всяких ожиданий, встретил в Коктебеле весьма шумно, с приключениями и даже катастрофой (чуть...).

Виною «построенный Михайлой наспех...».[1] Встречать новый год приехали ко мне, несмотря на сильнейший Северно-Восток — Марина, Сережа и Ася (сестра Марины).[2] Сережа успел за 2 недели вырезать себе слепую кишку с туберкулозом, съездить в Москву и поспеть к 31-му в Коктебель с кульками «гостинцев» от Кандауровых и Фельдштейнов. Когда они оттаяли (т.е. приехавшие), то мы ели, пили, смеялись, гадали. А в полночь — был обнаружен пожар. Это был странный пожар, необыкновенно ленивый и вонючий. Выяснилось, что под печкой в мастерской давно уже горит пол, т.е., вернее, тлеет. Но успело протлеть три слоя досок, и не прими мы энергичные меры, тяжелая унтермарковская печь отправилась бы в комнату Магды Максимилиановны.[3] Но «энергичные меры», предпринятые главным образом при помощи Василия (он в это время уже спал и видел во сне пророчественную *красную* корову в палисаднике), длились до 5 часов утра. А затем от чада у меня начался припадок астмы, а на утро мы все уехали в Феодосию, откуда я вернулся лишь позавчера. Теперь у меня стоит новая печка, и я радуюсь, что мастерская все-таки не сгорела. Но это все меня слегка выбило из работы и общего строя жизни. Не знаете ли, как следует понимать пожар под Новый год?

В Феодосии все время провел с Конст<антином> Феод<оровичем>,[4] которого праздники выбили тоже на время из работы и он даже разговаривал. Сейчас он, верно, опять безмолвствует в творческих бессонницах. Показывал мне в секрете ряд последних акварельных эскизов. Мне они показались прекрасны. В нем, безусловно, происходит новый поворот. Все это писано кристаллично и угловато.

Равнины с плоскогорьями – городами и колоссальными пирамидами, заслоняющими все небо. Почти всё при лунном, некоторые при двойном сумеречном свете. Теперь он их будет писать маслом (либо казеином) в большом виде. Уже мечтает снова об этюдах и о том, чтобы писать солнечное затмение 7 августа – с Карадага.

Относительно выхода в свет «Ликов Творчества» узнал только из Вашего последнего письма.[5] Теперь уже получил их из «Аполлона».[6] Не посылаю Вам книги, потому что у Вас она, по-видимому, уже есть, а я могу располагать количеством экземпляров весьма ограниченным.

Относительно «Страшного Суда» – Вы правы, конечно, что он в каждом, каждую минуту происходит.[7] Ведь он наступит, «когда времени больше не будет».[8] А во времени такие события дробятся и преломляются постоянно и во всем – отсюда и возможность символов, знаков, прообразов. Так и все Евангельские события всегда совершаются в жизни каждого, хотя они случились единожды.

«Дон Жуан фразы»[9] – конечно, это не в дурном русском смысле я употребляю понятие «фразы». Фраза ведь это мысль, законченная во всей своей грамматической гармонии. А С<ен->Виктор был действительно любовником этой грамматической законченности образа. И счастливым любовником ее, – как Дон Жуан. Сравните его современников, влюбленных во фразу: Флобер – это почти Синяя Борода.[10] Он еще хлещет и истязает. Жюль Гонкур умирает, как любовник, замученный ее изменами. Теофиль Готье их ласкает, как паша в гареме. А С<ен->Виктор – он победителен... Mille tre...*[11]

Нет, он действительно Дон Жуан фразы.

Мне очень хочется знать о Вас, Юлия Леонидовна. Как поживает ваша живопись?[12] Пишете ли стихи?

Привет Екатер<ине> Ивановне и Феодору Констан<тиновичу>.[13]

Максимилиан Волошин.

* Тысяча три... *(ит.)*.

[1] Обыгрываются строки из 10-го сонета «Венка сонетов» Ю.Л. Оболенской (лето 1913 г.), изображающего Волошина и его коктебельское окружение: «Меж тем, сколоченный Михайлом наспех, / Гостеприимен твой убогий кров» (Образ поэта. Максимилиан Волошин в стихах и портретах современников. Феодосия; М.: Изд. дом «Коктебель», 1997. С. 26). В данном случае, по-видимому, подразумевается подрядчик работ по пристройке к коктебельскому дому Волошина мастерской-библиотеки Михаил Сергеевич Сиников.

[2] М.И. и А.И. Цветаевы, С.Я. Эфрон. См. п. 40, примеч. 1.

[3] М.М. Нахман.

[4] К.Ф. Богаевский. В письме от 26 декабря 1913 г. Оболенская спрашивала Волошина о его отношении к новым работам Богаевского (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 25—27 об.).

[5] См. п. 37, примеч. 2. 26 декабря 1913 г. Оболенская писала Волошину (в ответ на п. 37): «...разве могут быть два мнения о Ваших Barbey d'Aurevilly или Villiers de l'Isle-Adam? И нечего тревожить тень Фрейда – я думала, что, посылая St. Victor'а, Вы знали, что обе книги появились на свет». Статьи о Барбе д'Оревильи и Вилье де Лиль-Адане помещены в «Ликах творчества».

[6] См. примеч. 4 к п. 42.

[7] Отклик на слова Оболенской в письме от 26 декабря 1913 г.: «А о страшном Суде – разве в таком случае он не происходит каждую минуту?».

[8] Откр. X, 6: «И клялся Живущим во веки веков, <...> что времени уже не будет».

[9] В письме от 26 декабря 1913 г. Оболенская обратила внимание на заглавие вступительной статьи Волошина к книге П. де Сен-Виктора: «... о St. Victor'е – он очень хороший. Не понимаю только слов — “Дон Жуан фразы” — у него как раз нет, кажется, ни одной: ведь образы молчаливы, как живопись».

[10] Персонаж одноименной сказки (1697) Шарля Перро, убийца своих жен.

[11] Слова из арии Лепорелло в опере Вольфганга Амадея Моцарта «Дон Жуан» (1787; либретто Лоренцо да Понте) — о красавицах, соблазненных Дон Жуаном (действие I, картина 2): «Их в Италии шестьсот было сорок, / а в Германии двести и тридцать, / сотня француженок, турчанок девяносто, ну, а испанок – / а испанок, так тысяча три. / Тысяча три! / Тысяча три!».

[12] Оболенская отвечала 4 февраля: «Ваш вопрос о моей живописи оказался довольно жестоким: голодаю; с жадностью щупаю глазами повороты форм и впиваюсь во все цвета, будь то ножка кресла на желто-зеленом паркете. Темнота наступает так быстро, что не успеваю унизиться до nature morte'а».

[13] Е.И. Оболенская, Ф.К. Радецкий.

47. И.Э. ГРАБАРЮ

11 января 1914 г. Коктебель

11/I 1914. Феодосия. Коктебель.

Многоуважаемый Игорь Эммануилович,

не зная Вашего адреса, пишу Вам в Третьяковскую галерею.[1] Надеюсь, что письмо дойдет до Вас.

Хочу Вам сообщить относительно биографии Сурикова.[2] Материалы у меня, как верно Вам передавал Кандауров, собраны были прошлой зимой.[3] Сейчас я безвыходно затворился в Коктебеле и на север в этом году не приеду. Я бы мог написать монографию теперь же. Только для этого мне необходимо иметь пред глазами весь графический материал. Помните — Вы мне говорили, что думаете дать в книге целый ряд *деталей* суриковских картин, воспроизведенных в большую величину. Вот это мне и было бы необходимо. Дело в том, что как раз план моей работы о нем складывается так: мне хочется для каждой фигуры в его картинах — выяснить ее генеалогию — психологическую и историческую. Для этого у меня материалы уже собраны, но надо фигуры видеть глазами, а не памятью.

Имейте в виду, что у Василия Ивановича имеется в старых папках громаднейший запас документальных рисунков и акварелей, рисующих почти все моменты и этапы его детства в Сибири. Их необходимо воспроизвести.

Но вот в чем мое затруднение: я собрал все, что нужно для того, чтобы дать вполне законченную картину его детства (что самое важное) и академической работы. Но дальше — его биография для меня весьма туманна, и об ней он говорил весьма неохотно.

Процесс творчества всех его больших картин для меня ясно намечен. — Но все остальное — где, когда, что выставлялось, что об этом писалось, как принимала публика, кто покупал — это все для меня неизвестная область. И, находясь в Коктебеле, мне невозможно будет это восполнить. Мне лично — для Сурикова, так, как ясно себе представляю, и для цельности моей статьи эта часть представлялась бы

излишним балластом. Но, быть может, характер издания требует этого? Жду от Вас ответа.[4]

А работа моя может быть сделана в зависимости от получения фотографий.

Читая газеты, мысленно приветствовал Ваши перетасовки в галерее.[5] Жаль, что еще не скоро увижу сам.

Максимилиан Волошин.

[1] 2 апреля 1913 г. Грабарь был избран попечителем Третьяковской галереи (см.: *Подобедова О.* Игорь Эммануилович Грабарь. М., 1964. С. 158).

[2] См. примеч. 2 к п. 25.

[3] В течение января 1913 г. Волошин многократно встречался с В.И. Суриковым и записывал беседы с художником. Эти записи, сохранившиеся в архиве Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 148–150), послужили основой для его статей и монографии о Сурикове.

[4] В ответном письме от 22 января 1914 г. Грабарь обещал Волошину выслать свою книгу «Валентин Александрович Серов» (М., 1913) — 3-й выпуск серии иллюстрированных монографий «Русские художники», осуществлявшейся в издательстве И.Н. Кнебеля, для которой предназначалась книга Волошина о Сурикове: «Он гораздо толще “Сурикова”, но общий план его прошу считать именно тем, что мне нужно. Вы ведь, конечно, знаете, что всякая сюита, или серия книг должна быть однотипна. Возможны уклонения в деталях, но отнюдь не в характере книги. Прочтя эту книгу, Вы увидите, что все то, что Вас несколько пугает в “жизнеописании” Сурикова, я не считаю абсолютно необходимым <...> весьма любопытно кое-что в отношении публики (если не “критики”) к Сурикову. Ведь “Боярыня Морозова”, не говоря уже о первых картинах, была принята в 1887 г. как довольно плохая историческая картина — одними и исключительно литературная тема — другими. Никто не понял даже приблизительно ее значения. Это ли не яркая черта! И можно ли все это обойти молчанием? Нет, Вам придется немножко посмотреть тогдашние журналы и газеты (в Феодосии легко все это найдете)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 451).

[5] В летние месяцы 1913 г. Грабарь проводил работы по переустройству Третьяковской галереи. Осуществленная им реорганизация и новая развеска картин вызвали в сентябре 1913 г. полемику и обсуждение в газетах. См.: *Грабарь Игорь.* Письма 1891–1917. М.: Наука, 1974. С. 294–295, 439–440 (комментарии Л.В. Андреевой и Т.П. Каждан).

48. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

12 января 1914 г. Коктебель

12/I 1914

Милая мама, промысловый налог я внес и квитанцию получил и тебе передал — хорошо это помню, потому что заходил за квитанцией в казначейство на следующий день (чтобы долго не ждать в первый) и тебе об этом рассказывал.

Василий мне преподнес несколько сюрпризов. Вчера:

«Барин, а вы напишите вот барыне: <...>* том служить не буду в комнатях. Пото<му про>тивно мне... надоело... горшки вот... Не <...> очень — потому что если б жильцы <пожи?>лые были, а то вот у молодых, ежели <...> уж... Раньше ничего, а теперь я женат... <По?> мне ничего, что не мужское дело — как Абкерим говорит. А женатому неловко. Ежели бы они еще из комнаты уходили, когда я прибираю... Вы так барыне и напишите: если на дворе — я останусь. А в комнатя́х не буду».

Сегодня:

«Барин, а уголь там весь кончается — на один ящик, може, осталось. И деревянного тоже нет больше».

Пришлось звать Омера[1] и посылать его завтра за углем в город. Особенно удивляет меня деревянный — потому что мне Василий дает только один самовар в день. Так что угля выходит самая малость.

Каменный приблизительно так и должен был выйти: мне Василий с начала зимы насыпает *пятый* ящик. В ящике 10 вед<ер> = 10 пудов. Хватает на 10 дней. 50 дней топки — 50 пудов. Да при тебе было пудов 20 сожжено, да кое-что еще остается. Велел Омеру привезти 50 пудов.

Теперь относительно ухода Василия. <Я е>му сказал, чтобы он решал теперь же, <но?> ты его рабочим + еще прислуги для уборки не оставишь наверное.

Я думаю, что тебе непременно надо поговорить об этом с Кандауровым. Через его руки проходит масса рабочего люда самого разнообразного, и он действительно мог

* *Край листа с текстом оторван.*

бы рекомендовать тебе хорошего рабочего, который бы мог поселиться в Коктебеле. Это, конечно, только возможность, но весьма вероятная: все зависит от случая. Непременно поговори с ним об этом, не откладывая. Хорошо?

Я не понял из твоей открытки: это у Рашель Мироновны Майя должна встретиться с Вячеславом?[2] Разве он там бывает?

Вот с Вячеславом я бы действительно остерегся знакомить Майю. В нем такое тонкое, умное и мертвящее зло, убивающее душу. Бальмонт может только очень сильно *обжечь;* но когда боль пройдет – останется правда и прекрасный – возвышающий урок. А Вячеслав берет цепко, не отпускает, приневоливает, высасывает. И после в душе остается только пепел лжи. Я бы никогда <не> посоветовал Майе знакомиться с Вячеславом. А когда она об этом летом заговаривала – отмалчивался. Потому что скажи я ей, что с ним опасно знакомиться – она бы стремглав побежала сама знакомиться с ним. Если возможно – сделай, чтобы она не познакомилась.

Впрочем, если Вячеслав ею не заинтересуется, то это, конечно, все равно. Но я уже давно дал себе слово – никого, никогда не знакомить с Вячеславом, настолько *все*, кто на моих глазах подходили к нему, уходили с надломленною жизнью.

Рагозинский мне ничего не написал о печке, и она уже разрушена. И хорошо, что разрушена – потому что свод в топке уже – за месяц! – успел совсем прогореть и рассыпаться прахом при первом же прикосновении. Нет – вся работа этого печника – сплошное мошенничество.

Сегодня был у Юнге, и мне рассказывала Ольга Андреевн<а>,[3] что, когда она спрашивала у Мани, почему она мне не отперла, когда я стучался к ним во время пожара, она ответила: «Барыня, под новый-то год... Да разве я могла подумать, что то человек...» А сама смотрела на меня в окно, и я думал, что узнала меня.

Я еще не выслал Лиле Хиромантию – уезжал ведь отсюда в суете и было не до того. Пришлю с первой же оказией. Получили ли все «Лики Творчества»? (ты, Ли<ля>–Вер<а>,[4] Рагозин<ский>, Кандаур<ов>, Фельд<штейны>, Раш<ель> Мир<оновна>?).

Я опять вошел в работу. Чувствую себя прекрасно. Сплю с открытым настежь окном под бабушкиной шубой, купаться еще не перестал и, очевидно, не перестану, потому что вода все время вполне приемлемая.

Целую Веру и Лилю.

MAX.

P.S. Получила ли Майя мое большое письмо?

[1] Коктебельский лавочник-татарин.

[2] Р.М. Гольдовская. 6 января Е.О. писала Волошину о М. Кювилье: «Сегодня она приглашена к Раш<ели> Мир<оновне>; с ней хочет познакомиться Вячес<лав> Ив<анов>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 6).

[3] О.А. Юнге – жена (с 1906 г.) Ф.Э. Юнге.

[4] Е.Я. и В.Я. Эфрон.

49. А.А. ШЕМШУРИНУ

13 января 1914 г. Коктебель[1]

Многоуважаемый Андрей Иванович
(я не ошибаюсь в Вашем отчестве?).[2]

Прежде всего благодарю Вас за Вашу инте<ре>сную книгу о Брюсове.[3] Вы не устаете охотиться на него! Цитаты из Сарьяна действительно взяты из его автобиографической записки, по-видимому приготовленной для какого-то издания – какого, не знаю. Он мне ее дал в рукописи, переписанной, очевидно, не его рукой.[4]

Я, разумеется, ничего не имею против цитат. Что же касается автографическ<ого> подлинника – лучше всего обратиться к нему самому. Он в Москве. Адреса его я не знаю. Но можно всегда адресовать Кандаурову (Малый

Театр). Простите, что запоздал ответом: Ваше письмо ждало меня в Коктебеле недели 1½, – я был в отсутствии.

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка; датируется по почтовому штемпелю: Феодосия. 13.1.14. Штемпель получения: Москва. 15.1.14.

[2] Имя и отчество Шемшурина – Андрей Акимович.

[3] Имеется в виду книга Шемшурина «Футуризм в стихах В. Брюсова» (М., 1913). Ей предшествовала выпущенная несколькими годами ранее и столь же критичная в отношении поэзии Брюсова книга Шемшурина «Стихи В. Брюсова и русский язык» (М., 1908).

[4] 25 декабря 1913 г. Шемшурин писал Волошину: «Вы премного обязали бы меня, сообщив, откуда именно Вы цитируете слова Сарьяна в № 9 «Аполлона» за 1913 г. (стр. 13 и 14). Если это записка для Вашей статьи, то хорошо бы было передать ее куда-нибудь в Музей, чтобы сохранить ее и сделать документом» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1289). Речь идет о статье Волошина «М.С. Сарьян» и приводимых в ней автобиографических признаниях Сарьяна, касающихся Кавказа и Закавказья (см.: Т. 5 наст. изд. С. 157).

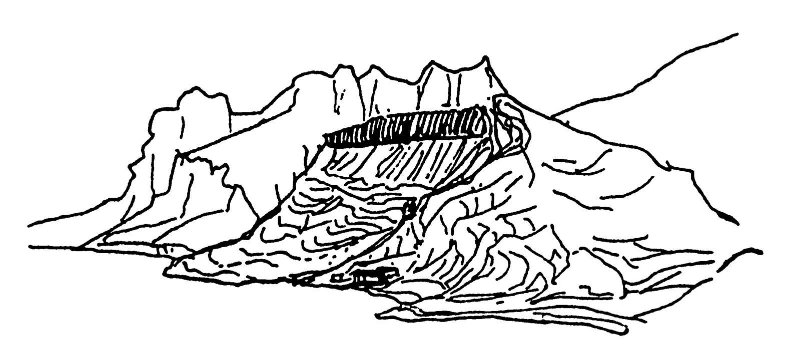
50. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

19 января 1914 г. Коктебель

19/I 1914. Воскресенье.

Сегодня воскресенье. Обедал поэтому у Елены Павловны.[1] Любочка действительно выходит (но не вышла уже, как сообщал Василий) замуж за инжен<ера> Платонова.[2] Это сегодня мне Елен<а> Павл<овна> сама сообщила. Свадьба – осенью. Ты можешь радоваться – ты так беспокоилась о судьбе Любочки в Коктебеле... Помнишь? После я отправился на Кок-Кая, на место обвала.[3] По дороге меня догнал Саша Юнге.[4] Мы пошли вдвоем. Катаклизм оказался еще более грандиозным, чем можно было предполагать. Карниз, который рухнул, находился под самыми зубцами Кок-Кая, и длиною он не 50, а по крайней мере сажен

80 и толщиною (т.е. судя по высоте той стены, от которой он отделился) сажен до 15-ти. Это образовало громадный землистый поток, который проложил себе дорогу сквозь холмы – разорвав их и раздвинув, до самого моря, и вышел туда новым мысом. Там берег тоже сажен на 100 разворочен, сдвинут и представляет собою сплошной хаос. Рыбацкая хатка и лодки только чудом уцелели, потому что вся лавина шла на них и пред самым последним срывом почему-то сделала повор<от> вправо. Но там еще обвалы не кончились: камни все время продолжают сыпаться непрерывно. А на самом верху громадные массы земли дали трещины, образовали сдвиги и на самом каменистом гребне Кок-Кая, куда мы лазили, отделились огромные скалы и, очевидно, рухнут вниз при первом же оползне.



Даю тебе приблизительную схему обвала. Там, где заштриховано, – это место сорвавшегося карниза. А ниже обозначено место, где прошел поток земли и камней и вышел в море. Поэтому ты можешь судить, каковы размеры этого оползня. Ничего подобного на нашей памяти в Коктебеле не было. Теперь очередь за извержением Карадага.

Очень мне грустно то, что ты пишешь об Кандаурове.[5] Бесконечно грустно. Ведь, кажется, его срок службы кончается этою осенью?

А об смерти Божовского[6] я узнал из газет и представлял себе, как тяжело она должна была подействовать на них обоих. Я его у них не раз встречал и знал, как они его любят.

Очень было бы хорошо Конст<антину> Васильевичу приехать вместе с тобою на Пасху, как в прошлом году. Уговори его.

Василий у меня сегодня спрашивал — написал ли я тебе о том, что он больше летом не согласен служить «в комнатях» и ждет твоего решения: т.е. согласна ли ты его от службы «в комнатях» отстранить, а рабочим на тех же условиях оставить? Так что ты мне напиши определенно, что мне ему сказать. Я уже ему сказал, что ты *наверно* не согласишься на такую комбинацию, как на слишком убыточную.

Поговори все-таки с Конст<антином> Вас<ильевичем> относительно рабочего или прислуги — у него ведь всегда *может* оказаться подходящий человек.

Сейчас меня после прогулки от весеннего воздуха совсем разморило и слипают<ся> глаза. Я сейчас лягу немного заснуть, чтобы можно было работать вечером.

До свиданья. Целую Веру и Лилю.[7] Скажи, что я очень тронут коллективным письмом.

МАХ.

Мама, пожалуйста, купи Альманах «Сирин», где драма Блока и новый роман А. Белого,[8] прочти сама и пришли мне.

[1] Е.П. Паскина содержала столовую в Коктебеле.

[2] Любовь Александровна, дочь Е.П. Паскиной от А. Сологуба, вышла замуж за Александра Платонова, инженера из Харькова.

[3] В ночь на 18 января на хребте Кок-Кая (прибрежная вершина вулканического массива Карадаг, ограничивающая Коктебельскую бухту с юго-запада), произошел грандиозный обвал.

[4] А.Э. Юнге.

[5] У К.В. Кандаурова, работавшего осветителем в Малом театре, сложились конфликтные отношения с руководителями театра. 16 января Е.О. сообщила, что застала его в «ужасном состоянии»: «Он пришел из театра <...> шатаясь, сел на стул и плакал; говорил, что уйдет из театра, что не может выносить, когда топают, кричат на него <...>. Кроме того, у них горе: умер близкий человек, вчера похоронили его» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 10).

[6] Василий Константинович Божовский (1863—1914) — заведующий постановочной частью императорских театров в Москве, друг

К.В. Кандаурова – скончался в Москве 7 января (см.: Русское Слово. 1914. № 9, 12 янв. С. 2).

[7] В.Я. и Е.Я. Эфрон.

[8] Имеется в виду сборник 1-й «Сирин» (СПб., 1913), вышедший в свет в октябре 1913 г.; в нем напечатаны драма А. Блока «Роза и Крест» и гл. I и II романа Андрея Белого «Петербург».

51. К.В. КАНДАУРОВУ

19 января 1914 г. Коктебель

19.I.1914.

Дорогой Константин Васильевич,

Глубоко поразила меня своей неожиданностью смерть Василия Константиновича, о которой узнал из газет.[1] Представилось, как это тяжело должно было отозваться на тебе и на Анне Владимировне,[2] и захотелось написать вам. А для тебя, верно, хуже: она *не была* неожиданностью...

Сегодня мама мне пишет, что видела тебя очень угнетенным и расстроенным всякими театральными неприятностями.[3] Скоро ли, наконец, это кончится? Когда кончается срок твоей службы? Ведь этой осенью, кажется? Мама пишет тоже, что собираешься вместе с нею на Пасхе в Феодосию. Как было бы хорошо! Ужасно хотелось бы тебя повидать раннею весною. У нас уже теперь чувствуется явственный поворот к весне: в горах пахнется лесной и травной прелью. Я сегодня почти весь день лазил по Кок-Кая.[4] Там вчера произошел грандиозный обвал: рухнул каменный карниз толщиной сажен 10–15, а длиною сажен до 80-ти, из-под самых верхних зубцов, и эта гигантская лавина образовала землистый поток, нечто вроде черного глетчера, который прорвал себе глубокое русло между холмами и вылился в море, целым новым мысом. Все это произошло ночью третьего дня. Там и теперь все еще продолжают отрываться камни и сыпаться: этим, верно, еще не кончится. Вблизи это совсем грандиозно. Хотя еще очень опасно ходить во многих местах. Вся конфигурация берега изменилась. И только

по какой-то необъяснимой случайности не засыпало рыбаков — русло лавины, как раз в этом месте, сделало колено и пролилось в море рядом.

Мне хотелось спросить тебя — говорил ли ты с мамой, как хотел, об хозяйственном устройстве в Коктебеле? Сейчас у нас новая неурядица: весной уходит наш рабочий, хотя по характеру неприятный, но расторопный и исполнительный. Не сможешь ли ты маме рекомендовать кого-нибудь. Ведь тут все дело случая — найти такого человека, которому самому было бы желательно жить в Крыму и заниматься хозяйствен<ным> делом. А через твои руки проходит так много всякого рабочего люду — всегда может случиться подходящий человек. Пожалуйста, поговори об этом с мамой.

Да, переслал ли Маковскому статью мою об иконах?[5] Получил ли мои Лики Творчества?

Я получил вчера телеграмму и письмо и долго его дешифрировал, угадывая, кто, что написал, но все-таки не всех узнал. Но был страшно тронут.[6]

Напишу сегодня К<онстантину> Ф<еодоровичу>,[7] буду его звать в Коктебель смотреть место обвала. Мы с ним уже мечтали прошлый раз, как будем писать этюд Солнечного Затмения со Святой горы в августе (для Церасского). Это пока секрет.

До свиданья, дорогой Константин Васильевич; крепко тебя обнимаю и целую. Дружественно (почтительный) привет Анне Владимировне.

MAX.

[1] См. примеч. 6 к п. 50.

[2] А.В. Кандаурова.

[3] См. примеч. 5 к п. 50.

[4] Хребет и вершина (314 м); ближайший к Коктебелю хребет в цепочке береговых хребтов Карадага.

[5] См. п. 44, примеч. 9, 10. 3 февраля 1914 г. Кандауров ответил: «Твою статью я уже давно отослал С.К. Маковскому, заказной бандеролью» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 615).

[6] Это коллективное письмо от 15 января 1914 г. сохранилось в архиве Волошина (приписка сверху: «Обормоты»), оно начинается словами: «Милый Макс. Телеграмму написали, а удовлетворе-

ния нет, авось письмо поможет, все полны чувствами к Коктебельскому Богу скандинавских льдин» — и т.д.; подписи: А. Кандаурова, В. Соколов, М. Нахман, Кеськесе <М. П. Вьюшков>, Я. Кандаурчик, Ю. Оболенская, Ольга Рогозинская, Вл. Рогозинский, Ф. Радецкий и др., некоторые неразборчивые (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 616).

[7] К.Ф. Богаевский.

52. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

20 января 1914 г. Коктебель

20/I 1914.

Милая мама,

получил сегодня твое большое письмо об Майе[1] и перечитываю его уже много раз и с болью, и с жалостью, и с самоупреками, и с невольной улыбкой — от неожиданной развязки этой истории, которая мне напоминает один из рассказов Барбэ д'Оревильи «Le plus bel amour de Don-Jouan».[2] Ты его читала, но, наверное, позабыла. Это история тринадцатилетней девочки, которая исповедуется своей матери, что у нее будет ребенок. Она села в то кресло, на котором только что сидел Дон Жуан рассказа — и ее обняло такое пламя, что не могла встать и почувствовала, что это случилось в тот миг. Мне невольно вспомнился этот рассказ...

Бедная, бедная Майя — что она должна была пережить за это время, и какое счастье, что она тебе поведала все свои страхи и отчаяние и ты всё так хорошо разрешила и всё так просто окончилось. Я читаю твое письмо и только повторяю, как во время новогоднего пожара: «Какое счастье, что все это так случилось»... и не могу не улыбаться, читая о докторице, о приглашении двух подруг для присутствия...[3] Но представляю себе, как она до этого перемучилась и что перенесла...

Я сегодня получил от нее тоже большое письмо. И ответил ей сейчас же. Так что ты ей скажи, что ей уже ответ послан и должен прийти одновременно с этим письмом.[4]

Она пишет мне, что очень хотела бы приехать вместе с тобой в Коктебель в апреле. Мне кажется, что это было бы очень хорошо для нее после зимы с такими волнениями и страданиями и ужасами. Привези ее с собою. Ей очень нужно побыть в одиночестве и тишине. А мне, я надеюсь, она не будет слишком мешать работать, она теперь будет понимать. Уговори ее мать, чтобы она пустила ее.

И вот все-таки у меня есть такое чувство на расстоянии, потому что как раз весь день накануне получения обормотской телеграммы от Рагозинск<ого> — я чувствовал беспричинное беспокойство, не находил себе места, не мог ни на чем сосредоточиться и все возвращался мысленно к Майе, к Бальмонту, к тебе: томился и не мог объяснить себе этого томления. Значит, это все Ваши треволнения отражались. А ты мне, кажется, не очень-то доверяешь, когда я говорю, как на мне отражаются настроения хотя бы твои, когда мы живем рядом, и как я невольно, бессознательно, реагирую на все отношения ко мне тех людей, с которыми встречаюсь.

Конечно, я не сержусь, что ты показала Майе мое письмо о ней: в такой момент, и когда она так просит — нельзя отказать. Когда она чего-нибудь требует, в ней есть страшная неотступность. Но мне все-таки очень, очень не хочется, чтобы ты в другой раз показывала ей — например, хотя бы это письмо. Это не каприз с моей стороны: она сама это вызвала.

Помню, еще весною — я позволил ей читать мою тетрадь, где я записываю новые стихи. Она нашла там сейчас же две строчки, которые применила к себе, и плакала весь вечер. И ты, помнится, еще спрашивала меня: «Какие ты дал стихи прочесть Майе, что она весь вечер плачет?». Конечно, я после этого ей больше не позволял уже самой рыться в моей тетради, и это было новое огорчение. Поэтому я, говоря с Майей и пишучи ей, стараюсь быть очень точным. А если она будет читать, что я об ней пишу тебе, то, конечно, это будет новый, неисчерпаемый источник огорчений. И кроме то<го> — ты ведь знаешь, что я могу гово-

рить только с глазу на глаз. Мне было бы очень, очень мучительно – если бы ты показала Лиле то мое письмо к тебе, что она просила показать, а ты не показала.[5] Вот это же чувство у меня есть в меньшей степени, конечно, ко всем моим словам. Я бы совсем иначе говорил тебе о Майе, если бы знал, что она будет это читать, и совсем иначе писал бы Майе, если бы она показывала тебе мои письма. Ты ведь понимаешь это? Конечно, всякую вещь можно сказать открыто, хотя бы на площади, но настоящую ценность она приобретает, когда сказана интимно, только для того, кому сказана. Для меня отношения с человеком только тогда живы, когда об них никто из окружающих не знает. Это, конечно, не касается всяких сношений с людьми, но того, что в отношениях есть интимного, неповторяемого, хотя бы в самой малой степени.

Все это самое интимное всегда можно сказать и во всеуслышанье: но для этого существует художественная форма: чеканная, замкнутая, *холодная,* которая открывает свою тайную сущность – только тому, кто и сам это пережил и понимает – т.е. тому интимному и неизвестному другу, к которому стихи в сущности и обращены. А для других они только блестящая, совершенная *форма.*

Я знаю, что это тебе чуждо, мама, но во мне это так. Это просто вывод самонаблюдения.

До свиданья, милая мама. Крепко, крепко тебя целую. Мне ужасно нравится, как ты утешала Майю... И вот у тебя еще новый, обещанный в будущем, крестник...

Вкладываю сюда письмецо для Веры.[6]

MAX.

Была ли наконец у доктора? Узнавала ли про гипнотизера?[7] Я знаю одного (бывшего товарища по университету) д-ра Подъяпольского,[8] который лечит внушением (без усыпления, что очень важно) – я его знаю как прекрасного человека и слыхал о нем как о враче прекрасные отзывы от Сербского. Если тебе надо будет с куреньем бороться посредством внушения – обратись к нему (и ни в каком слу-

чае не к Далю[9] — очень известному гипнотизеру, который лечил когда-то Маргариту).[10]

Только, пожалуйста, поторопись и не откладывай все эти леченья. Хорошо?

[1] В этом недатированном письме (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 3—4 об.; в нем упоминается только что полученное письмо Волошина от 10 января) Е.О. сообщала о предполагаемой беременности М. Кювилье: «Мне стало так жалко эту девочку, еще ребенка почти, такую одинокую, заброшенную, поруганную, которая только что <...> поведала мне о страхе, горе, отчаянии при мысли о положении своем безвыходном, если родится ребенок, которого только утопить остается; а главное, мучилась, что будет с матерью, когда она узнает об этом: что она умереть может от огорчения, и что сделать, чтобы все это скрыть от нее», — а также о совместном их обращении к врачу: ...узнали, что все обстоит благополучно, и так благополучно, что девчонка девчонкой и осталась. Я была несказанно рада, Майя также, но вместе с тем она и жалела, что ребенка у нас не будет; а когда будет по-настоящему, просила, чтобы я его крестила».

[2] Рассказ «Прекраснейшая любовь Дон Жуана» входит в цикл «Дьявольские лики» («Les diaboliques», 1874). См. новейший русский перевод: *Барбе д'Орвийи.* Дьявольские повести. Л.: Лениздат, 1993. С. 55—75.

[3] Описывая Волошину визит к врачу, Е.О. упомянула: «Майя зачем-то еще 2-х своих подруг пригласила — Симу и Жоржету».

[4] Упомянутое письмо М. Кювилье в архиве Волошина не сохранилось, его ответное письмо неизвестно.

[5] Лиля — Е.Я. Эфрон. Имеется в виду п. 33.

[6] В.Я. Эфрон. См. п. 53.

[7] Е.О. надеялась с помощью гипнотизера уменьшить свою потребность в курении.

[8] В письме к Волошину от 30 января Е.О. сообщила, что доктор Подъяпольский практикует теперь в Саратове. Петр Павлович Подъяпольский (1862—?) — выпускник Саратовской гимназии (1893), затем студент-естественник Московского университета; лекарь с 1911 г.

[9] Николай Владимирович Даль (1860—1939) — психотерапевт, специалист по нервным болезням.

[10] М.В. Сабашникова.

53. В.Я. ЭФРОН

Около 20 января 1914 г. Коктебель[1]

Милая Вера, твоему письму очень обрадовался (хотя оно и грязное);[2] от тебя ведь так трудно дождаться, хотя бы строчки.

До меня слухи о событиях в школе доходили самые смутные — кажется, чуть лишь не самые подробные сведения узнал от Сережи...[3]

Николая Александ<ровича> Попова — знаю.[4] Часто встречал его в Петербурге — это ведь муж Ведринской и бывший режиссер Александрийск<ого> <так!> театра. Он на меня производил хорошее впечатление. А как он как преподаватель? Подошел ли к школе?

Очень было бы интересно посмотреть на тебя в роли «Ек. Ив. Мармеладовой».[5] Напиши мне, как у тебя это сойдет. Ты ведь совсем кончаешь в этом году? Не страшно?

Никак не мог выкроить двух экземпляров «Ликов Творчества» и для тебя и для Лили отдельно (очень мало дали мне).[6] А когда посылал, то думал — как-то вы делиться будете? По-моему, как Соломонова младенца[7] — пополам и вторую часть, начиная со статей о театре — тебе.

Не знаю, откуда до меня дошло — что ты будто охладела к Инне.[8] Почему? За что? Это меня очень огорчает, если правда.

Пра[9] меня аккуратно осведомляет обо всех обормотских делах, но т<ак> к<ак> твое участие в жизни обормотника оказывается главным образом сном, то я знаю о тебе совсем мало. А думаешь ли ты летом приехать в Коктебель?

У меня иногда бывает страшная потребность что-нибудь тебе «подиктовать»,[10] потому что, как-никак, это самые оживленные и интимные минуты нашего с тобой общения.

Пожалуйста, Вера, постарайся раздобыть рукопись моего «Акселя».[11] Спроси у Ольги Васильевны, от моего имени, попроси Сокола, чтобы он спросил, может, он видает Никанора Петровича.[12]

Потому что хотя у меня и есть дубликат, но только один, и мне было бы очень нужно вызволить этот экземпляр.

Был очень тронут обормотской телеграммой и коллективным письмом.[13] Долго его дешифрировал и все-таки, кажется, не всех угадал, кто, что писал. — Твой-то почерк я знаю...

Прочла ли Ты «Богов и людей»? и какое они произвели на тебя впечатление в этом завершенном виде?

Крепко тебя целую, а Лилю мысленно бодаю от радости.

Мах.

[1] Датируется по упоминанию в п. 52 (примеч. 6).

[2] Имеется в виду недатированное письмо, относящееся, видимо, к началу января 1914 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1345, л. 18–19 об.).

[3] С.Я. Эфрон. Имеется в виду театральная школа-студия Е.И. Рабенек.

[4] В упомянутом письме В. Эфрон спрашивала Волошина: «Не знаешь ли ты Ник<олая> Ал<ександровича> Попова?».

[5] В том же письме В. Эфрон сообщала о своей работе в школе Рабенек: «Должна идти учить роль (из «Прест<упления> и Нак<азания>» сцена на мосту и смерть Екатер<ины> Ив<ановны>). <...> Оч<ень> люблю эту работу, хотя не знаю, как еще выйдет».

[6] Е.Я. Эфрон. В том же письме В. Эфрон откликалась на присылку «Ликов творчества» (и, видимо, также книги П. де Сен-Виктора «Боги и люди»): «Спасибо за книги. Очень спасибо! Но мы с Лилей уже ругаемся, кому должна принадлежать будет книжка при расставаньи».

[7] См.: 3 Цар. III, 16–28.

[8] И.В. Быстренина.

[9] См. примеч. 9 к п. 21.

[10] См. примеч. 2 к п. 26.

[11] См. примеч. 4 к п. 26.

[12] Сокол — актер Камерного театра Владимир Александрович Соколов (1889–1962). Ольга Васильевна и Никанор Петрович — неустановленные лица; видимо, служащие при школе-студии Рабенек. Ср. сообщение в цитированном письме В. Эфрон к Волошину: «Ник<анор> Петрович ушел из школы».

[13] См. п. 51, примеч. 6.

54. А.М. ПЕТРОВОЙ

21 января 1914 г. Коктебель

21/I 1914.

Дорогая Александра Михайловна.

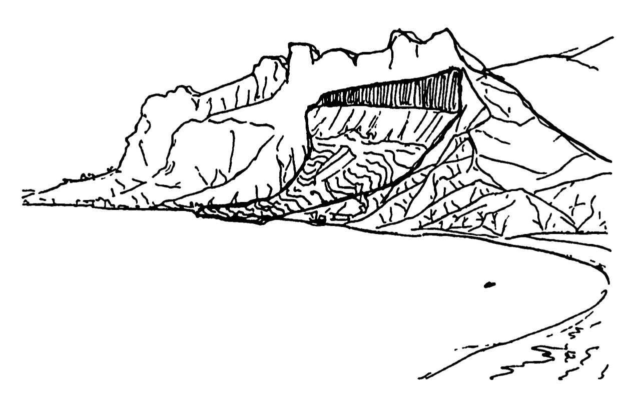
Только что получил письмо от Лили Дм<итриевой>.[1] Она просит Вам сообщить, что ее адрес теперь (и адрес Общества, которое открывается 2 февр<аля> в 9 час. вечера) Невский 119, кв. 16. СПб.

Она только что вернулась из Германии,[2] в страшных хлопотах по случаю переезда и пишет всего несколько строк.

Я писал на днях К.Ф.[3] и звал его, Вас и Жоз<ефину> Густ<ававовну>[4] приехать в Коктебель, воспользовавшись стоящими теплыми погодами, чтобы посмотреть на грандиозный обвал, случившийся на днях на Кок-Кая.[5] Это стоит посмотреть — образовался целый земляной глетчер, прорвавший холмы и выдвинувшийся в море. Прилагаю схематический рисунок. Пожалуйста, попросите кого-нибудь получить по прилагаемой повестке и заплатить 65 коп<еек>[6] и привезите, когда приедете. Можно?

Привет Нине Алекс<андровне>.[7]

Мах.



Заштриховано место, откуда свалился карниз, а внизу образовавшийся поток земли.

[1] Е.И. Васильева писала Волошину 17 января 1914 г.: «Только что вернулась из Германии, видела Аморю, Людвига. Пока не могу писать много, хлопот масса с переездом и устройством общества» (*Черубина де Габриак*. Из мира уйти неразгаданной: Жизнеописание. Письма 1908–1928 годов. Письма Б.А. Лемана к М.А. Волошину.. С. 69–70).

[2] 13 января 1914 г. Васильева вместе с мужем В.Н. Васильевым вернулась в Петербург из Германии. См.: Хроника жизни и творчества Е.И. Васильевой (Черубины де Габриак) / Сост. В.П. Купченко // *Черубина де Габриак*. Исповедь. М.: Аграф, 1998. С. 326.

[3] К.Ф. Богаевский. Это письмо Волошина не обнаружено.

[4] Ж.Г. Богаевская.

[5] См. примеч. 3 к п. 50. Обвал, о котором пишет Волошин, произошел в ночь на 18 января 1914 г., когда почти с самой вершины горы Кок-Кая сорвался скальный карниз длиной до 160 метров, толщиной около 30 метров (*Купченко В.П.* Кара-Даг. Путеводитель. 2-е изд., доп. Симферополь, 1978).

[6] О каком платеже идет речь, установить не удалось.

[7] Н.А. Айвазовская. На конверте помечено: Петровой, д<ом> Н.А. Айвазовской (рядом с Учител<ьским> инст<итутом>).

55. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

26 января 1914 г. Коктебель

26/I 1914.

Милая мама, получил сразу три твои открытки (20-го и 2 – от 22-го).

Я все сижу дома – мне лучше, но боль все еще не проходит.[1] Чувствую себя наполовину больным, и оттого работается плохо.

Василию прочел твое письмо. Оно его не разубедило, и он просит тебе сообщить, что останется до твоего приезда – т.е. до Пасхи (включительно). Так что надо непременно искать рабочего.

Получил сегодня письмо от Амори. Она пишет о Людвиге, что он оставил уже ту школу, в которую посту-

пил – Kunstgewerbe, – и теперь ходит учиться к художнику Штикгольду.[2] Я этого Штикгольда знаю по Парижу (его, верно, Лиля помнит – мы его звали «венгерец по жене») – это самое сумбурное и говорливое существо, пишущее картины эллипсисами. Не мудрено, что Маргарита прибавляет: «Я *ничего не понимаю*, что они делают. Надо его вернуть в Россию в школу, а то он очень обленился». А Алекс<андре> Мих<айловне> он сам в последнем письме писал: «*Есть случай* хорошо выучиться живописи». Если этот случай – Штикгольд, – то я не поздравляю его с его вкусом в выборе себе наставников. Кроме того, в конце письма Маргарита пишет: «Лиля Эфрон написала мне, прося письмо к Джунковскому,[3] и не рассчитала, что я получу ее письмо, когда ее уже не будет в Петербурге. Но я все равно не могла бы дать письма». – Передай это Лиле. Я ей послал, между прочим «Хиромантию» Папюса.[4] – Это самый толковый из кратких учебников. Получила ли она?

О себе Аморя пишет мало – больше о мистических танцах, о лекциях.

Кстати: читая один из «циклов»,[5] я нашел такие мысли у Штейнера, которые почти буквально подтверждают то, о чем я всегда с тобой спорю и в чем хочу убедить – о *реальности* слов и чувств. Только он это говорит по поводу лжи и правды. Это замечательно хорошо и верно.

«Нет ни одной пословицы более неверной, нежели “За мысли не платят пошлины”, ибо каждая мысль, каждое чувство – есть реальность, и когда я думаю, что этот человек дурен или я его не люблю, то тот, кто может видеть в астральном мире, видит это как молнию, как стрелу, которая движется к астральному телу другого и ранит его. Каждое чувство, каждая мысль – есть существо в астральном мире. Для того, кто обладает зрением в этом мире, часто бывает очевидно, что хуже иметь дурную мысль о своем ближнем, чем его физически ранить. Сделать эту истину известной – значит обосновать мораль, а не проповедовать. Говоря правду, создают сущность, которая усиливает жизнь ближнего.

Мысль, содержащая в себе истину, переходит на то существо, к которому она относится, и помогает ему, оживляет его: когда я думаю истину о моем ближнем, я укрепляю этим его жизнь. Когда я говорю о нем ложь – я изливаю на него враждебную силу, действующую разрушающе и убивающе. Каждая истина создает элемент, усиливающий жизнь, каждая ложь – задерживающий жизнь. Поэтому каждая ложь – убийство. Тот, кто знает это, будет более осторожен в отношении истины и лжи, нежели тот, кто только проповедует, что нужно говорить исключительно правду».

К этому только надо прибавить, что всякое личное мнение, настроение, чувство – хотя бы и очень искренние – не есть еще *правда о другом* (это только правда о себе) и поэтому могут так же ранить другого, как и ложь. Истина о человеке все<гда?> будет *положительна*, а не отрицательна.

А вот еще одно очень интересное место, где Штейнер повторяет буквально любимое изречение Владимира Соловьева[6], но с комментарием:

«...Нужно быть осторожным в выборе своих родителей. Не ребенок похож на родителей, но он рождается там, где родители больше всего на него похожи. Но могут спросить: не уничтожается ли вследствие этого материнская любовь? Это совершенно неверно. Именно потому, что уже до рождения существует глубочайшая симпатия, – приходит этот ребенок, к этой матери: так что любовь в действительности заложена еще дальше: после рождения она только продолжается. Этот ребенок уже любил мать до рождения, поэтому нет ничего удивительного в том, что после этого мать воздаст за эту любовь».

Мне в этом чувствуется какая-то очень глубокая правда, но еще не вполне для меня ясная. Напиши мне, что ты думаешь и о том и о другом.

Теперь еще относительно покупок: когда будешь покупать семена – купи также несколько разных салатов – чтобы они поспевали один за другим – там, верно, знают. И семян *декоративных* тыкв.

А холста — и на рубахи и на штаны — лучше всего *белого*, крепкого — потолще для штанов (на 3 штан<ов>) и потоньше на рубахи (на 2) у Журавлева.[7]

Оранжев<ого> холста вложу кусочек в этот конверт.

Сегодня у меня была Елен<а> Павлов<на> (я не ходил к ней обедать по случаю болезни). Свадьба Любочки будет после Пасхи.[8]

Крепко целую тебя.

МАХ.

P.S. Белого полотна для рубашек — не очень длинных — чтобы немного *выше* колен. Но еще купи мне на одну еще рубашку материалу — на такую, чтобы хватало до самой земли, довольно плотного — синего (индиго) — какого, ты сама реши уже. Прошу об этом, потому что все мои старые рубахи сплошь (кроме двух белых прошлогодних) обратились в лохмотья.

А длинная синяя мне нужна — как утренняя.

[1] 24 января Волошин, делая гимнастику, растянул мышцы живота — о чем сообщил Е.О. в тот же день открыткой (не сохранилась), а также А.М. Петровой (п. 56).

[2] Л.Л. Квятковский и Станислав Штюкгольд. См. п. 56, примеч. 8.

[3] Владимир Федорович Джунковский — московский губернатор в 1905–1912 гг., товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов в 1913–1915 гг.

[4] См. примеч. 3 к п. 38.

[5] Имеются в виду рукописные или машинописные циклы лекций Р. Штейнера, распространявшиеся среди его адептов. Волошину предоставила возможность ознакомиться с ними М.В. Сабашникова.

[6] Подразумеваются, видимо, построения Вл. Соловьева о взаимоотношениях родителей и детей в гл. 4 («Религиозное начало в нравственности») трактата «Оправдание добра. Нравственная философия» (1897). См.: *Соловьев Вл. С.* Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 170–176.

[7] См. примеч. 1 к п. 25.

[8] См. п. 50, примеч. 1, 2.

56. А.М. ПЕТРОВОЙ

26 января 1914 г. Коктебель

26/I 1914

Дорогая Александра Михайловна,

только что Вы уехали[1] – я заболел. Я, верно, еще накануне перестарался, делая животом danse du ventre* для похудения, и вывихнул себе кишечник.[2] Началась сильная мускульная боль (немного было уже при Вас), а после я слег, и только теперь мне немного получше.

Только я Вам пишу вовсе не для того, чтобы усыплять Вас рассказами о своих болезнях. Я получил сегодня длинное письмо от Маргариты,[3] начатое, очевидно, давно и долго перевозимое – из Дюссельдорфа – в Кельн, из Кельна в Берлин и т.д.[4]... Письмо, главным образом, наполнено Эвритмией,[5] чертежами (это я просил) и восторгами. Вот о Вас:

«Что это Ал<ександра> Мих<айловна> мне не пишет? Я ей послала заказным письмо, и нет ответа. Привет ей и Богаевским. Желаю всем Вам, чтобы этот год был творческим и светлым».

А вот о Лудовике:[6]

«Людвиг оставил школу; там не давали знаний материала, а лишь механической работы, он говорит, что теряет время.** Я прибавила денег и хотела, чтобы он работал у известного Holoschy,[7] но узнала, что он ни в какую мастерскую ходить не хочет, а работает частно у Штюкгольда[8] и в восторге от его советов. Меня это тревожит. Мне он написал предерзкое письмо, и я решила не писать, а поговорить. Быть может, он прав, избегая школ; б<ыть> м<ожет>, я для него хочу рутины, но до сих пор я еще не видала у него работы и боюсь за него».

Затем приписка в конце письма:

* Танец живота (*фр.*).

** Знание материала в механической работе и приобретается – а курса такого нет. *(Примеч. Волошина.)*

«Беда с Людвигом. Ходит учиться к Штюкгольду; я *ничего не понимаю*, что они делают. Надо его вернуть в Россию в школу: он очень обленился».

Я в данном случае осведомленнее Маргариты, потому что как раз этого Штюкгольда довольно хорошо знаю. Он был кошмаром моей последней зимы в Париже. Он жил в соседнем доме. Знакомство началось с того, что он меня остановил на улице в час ночи (я совсем не знал, кто это) и продержал три часа под дождем, доказывая, что «кубизм» — это неверно, а нужен: «эллипсизм». Затем он приходил каждый день и писал мой портрет. Для этого сантиметром мерил мне грудь, четвертями измерял стену, писал на бумажке цифры, высчитывал и бормотал: «Мне только объем найти, а лицо само вылезет».

Это русский еврей (мы его звали «Венгерец по жене», потому что он на вопрос о национальности говорил, что у него жена венгерка) не молодой, неудачник, с манерами непризнаваемого таланта, буквально всех знает. Говорлив до умоисступления — но при этом на смеси; русско-немецко-польско-венгерско-французско-еврейского диалектов.

Об искусстве говорит непрестанно и дико сумбурно. Но как человек — недурной, только крайне надоедливый и нелепый.

Я вполне понимаю Аморин[9] ужас, что она *ничего не понимает* (это она подчеркивает), что они делают.

Так вот что Людовик подразумевал под «удачным случаем выучиться живописи»!![10]

Ах, Вы не знаете Штюкгольда и не можете себе представить во всей мере всю нелепость такого учителя живописи — первого, которого Людовик выбрал себе самостоятельно!

Но, с другой стороны, невольно приходит в голову: но, может быть, Людвиг каким-то тайным инстинктом и сумеет взять именно из этого художественного сумбура то, что ему нужно и что его душа не принимает ни из каких школ. Ведь есть же у него строгость и требовательность к искусству. Мне не хочется верить, чтобы он попался только на удочку Штюкгольдовых разглагольствований — верно, в вещах его

он усмотрел, что его заинтересовало. У того, во всяком случае, масса разных исканий и проектов (не доводимых до осуществления), и потому тут для Людвига может быть полезно прямо увлечься разными линейными и композиционными поисками, раз он и без того ничего не делает...

Но это все предположительные утешения...

Я «Vor den Thore»[11] уже прочел. Но нету возможности переслать Вам. Когда мой живот вправится на место — я прибегу в Феодосию. Уже пора... Кончаю.

До свиданья.

Мах.

[1] 22 января 1914 г. А.М. Петрова с супругами Богаевскими приезжала в Коктебель из Феодосии посмотреть на обвал Кок-Кая. См. п. 54, примеч. 5. В Коктебеле они пробыли до 24 января. (См.: Труды и дни. С. 342–343).

[2] Речь, видимо, идет об эвритмических занятиях Волошина, которые начались под влиянием М.В. Сабашниковой. По поводу болезненного состояния Волошина Петрова выражала свое сочувствие в письме от 30 января 1914 г.: «Бедная Максятинка! Бедненькое его пузинько!.. Не будь холодно, непременно навестила бы Вас» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 31).

[3] Речь идет о недатированном письме М.В. Сабашниковой, в котором по преимуществу шел разговор об эвритмии: «Eurithmia — дар Богов людям. Я все больше и больше понимаю, что она несет земле. Что касается лично для меня, то я ее беру, как путь в живописи и ключ к поэзии, сама я дать в танце что-либо не могу. У меня нет данных для этого, ибо здесь мало одной грации, легкости и понимания» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1065, л. 11).

[4] С ноября 1913 г. Сабашникова жила вместе с Лори Смит в местечке Крефельд под Дюссельдорфом, 3/16 декабря 1913 г. она отправилась на 4 дня в Кёльн, где участвовала в эвритмическом представлении Седьмой симфонии Бетховена, начиная с 15/28 декабря слушала курс лекций Р. Штейнера в Лейпциге, в январе 1914 г. поехала в Берлин, а 6/19 января 1914 г. уже была в Мюнхене, откуда сообщала Петровой о своем намерении ехать весной в Дорнах. (См.: Летопись жизни и творчества Маргариты Васильевны Сабашниковой / Сост. В.П. Купченко // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. 2000. Т. III. № 3. С. 378–379).

[5] Эвритмия (*греч.* красивый, благотворный ритм, созвучие в поэзии и в музыке) — искусство художественного движения, разработанное Р. Штейнером и получившее широкое распространение в начале XX века в Европе. Это сочетание особого гармонизирующего движения, напоминающего танец и пантомиму с поэтической речью или музыкой. Эвритмическое движение является по характеру художественным и одновременно целительным.

[6] Л.Л. Квятковский.

[7] Шимон Холлоши (Holloshy; 1857—1918), венгерский живописец, иллюстратор. Имел в Мюнхене частную школу (с 1886 г.) и был очень популярен как педагог.

[8] Станислав Штюкгольд (1868—1933), художник, по-видимому, оставшийся жить в Германии. Портрет Т.Г. Трапезникова в реалистической манере работы Штюкгольда воспроизведен в книге: *Fedjuschin V.* Russlands Sehnsucht nach Spiritualität. Schafthausen, 1988. S. 150. О Штюкгольде как участнике строительства антропософского храма в Дорнахе упоминает Андрей Белый: «Далеко не все “спец”-художники вынесли Дорнах; фатально “спец” по резьбе, Штюкгольд, из Мюнхена, обучавший резьбе еще в Мюнхене ехавших в Дорнах первых инструкторов, не мог жить и работать с нами» (*Андрей Белый.* Воспоминания о Штейнере / Подгот. текста, предисл. и примеч. Фредерика Козлика. Paris: La presse libre, 1982. С. 279).

[9] М.В. Сабашникова. Петрова отвечала Волошину 30 января 1914 г.: «Я тоже получила полутеософское, полу-Людвиговское письмо от Амори и уже накатала какого-то сумбуру ей и Алекс<андре> Алексеевне <Андреевой. — *Ред.*>, прося потерпеть его со всеми Штюкгольдами до весны лишь. А там и не думаю, чтобы они вновь взяли его на свою шею, и просить об этом тоже невозможно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 31).

[10] Возможно, это цитата из письма Квятковского Волошину или Петровой. Источник не обнаружен.

[11] Имеется в виду один из циклов антропософских лекций, который был выслан Петровой как члену Антропософского общества. Об этом речь идет в письме Е.И. Васильевой от 21 января 1914 г. из Петербурга: «Вам посланы “У врат Теософии” и “Духовные Иерархии” (рукопись). Можно держать долго. Слышала, что Вы сетуете на переводы, эти, пожалуй, еще хуже: пока через это приходится переходить» (*Черубина де Габриак.* «Из мира уйти неразгаданной». Жизнеописание. Письма 1908—1929 годов. Письма Б.А. Лемана к М.А. Волошину.. С. 70). О цикле под названием «У врат» («Врата Теософии») упоминается также в письмах Васильевой к Петровой от 27 февраля, 4 апреля и др. (См.: *Там же.* С. 72—73) и в недатирован-

ном письме к А.М. Петровой М.В. Сабашниковой (начало февраля 1914 г. ?): «Вы можете дать Богаевским “У врат”. Этот цикл и для нечленов. <...> Курс “Vor dem Thore” у врат *первый* курс вообще» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 40, л. 6–7 об.). Петрова, видимо, привезла этот цикл Волошину в Коктебель 22 января.

57. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

28 января 1914 г. Коктебель

28/I 1914.

Милая мама, сегодня получил твое большое письмо от 20–24-го. И наконец – перевод из «Аполлона».[1] Целый месяц он заставил себя ждать – и я ему по крайней мере 6 писем за это время написал.

Послезавтра пойду в город получать деньги и, конечно, останусь там несколько дней – послезавтра, потому что еще остаются следы боли кишечника и я боюсь сразу так снова утомляться. Мне последние дни и с этими болями, да и вообще как-то плохо работалось, и надо проветриться снова. От Марины все это время ничего не имел и совсем не знаю, что там делается у них.[2]

Хочется много поговорить с тобой о разных вопросах, что ты подымаешь в письме, – об отношении к людям. Ты пишешь, что всегда заранее веришь «в честность, правдивость человека, пока он сам не разрушает этой веры».[3] Вот здесь, на мой взгляд, и лежит некоторая неверность.

Что мы считаем хорошими качествами в человеке? Есть качества хорошие потому, что они необходимы для жизни в среде себе подобных – это все качества, начинающиеся с «не», – *не* вор, *не* мошенник, *не* лгун и т.д. И есть качества индивидуальные. Они уже не отрицательные, а положительные – смелый, честный, прямой.

Все заповеди Ветх<ого> Завета – типичны для законов морали общественной – «не убий», «не укради», «не сотвори кумира» и т.д. Их соблюдающий будет удобен для общежития – но личной прелести в нем может не быть никакой при этом.

В Новом Завете нет заповедей с «Не». Там одна заповедь в сущности — «Люби»... Это уже активно, и лично из индивидуальности каждого проистекает и в сущности находится в непрерывном противоречии с общественными *не* и постоянно *преступает* их — отсюда *преступление* — грех общественного порядка, который в то же время может быть настоящим личным и христианским подвигом.

Апост<ол> Павел это очень явно высказывает: «Люби Бога и делай что хочешь».[4]

Человек может возбуждать непосредственную симпатию (особенно твою), только если он обладает именно этими активными индивидуальными качествами. Пример — ты так многое прощаешь Быховскому,[5] чего бы другому не простила, именно за его темперамент — активность. И это именно то, что я считаю глубоко верным в твоем отношении к людям. Но неверно то, что ты «заранее считаешь человека честным, правдивым» — т.е. социально хорошим, — потому что именно человек с индивидуальным добром чаще всего будет это нарушать в общежитии. Поэтому я так часто с тобою и спорю об отношении к людям: ты не всегда сама ясно даешь себе отчет в том, чего именно ты требуешь от человека.

Быть моральным — общественно — то есть соблюдать все *не* — это сравнительно легко, и каждый может это подделать.

Быть *активно* (индивидуально) моральным — очень трудно. Здесь всегда и у каждого своя трагическая борьба, два конечных противоречия. Чем крупнее человек — тем он ближе — к «преступлению» (обществен<ного> закона). И чем сильнее в нем борьба — тем больше он нарушает разных «не», которых с общественной точки никак нельзя нарушать. Пример — Бальмонт. Он может родить глубокое негодование, но его нельзя осудить — потому что он сам весь горит, всегда горит. Ты чувствуешь эту разницу?

Христианство, на место старого общественного «Не» поставив приказательное «Люби», выявило в человеческих душах всю смуту противоречий и «преступлений». Поэ-

тому *историческое* христианство с его войнами, инквизициями, нетерпимостью — истинно выражает то, что конечно по божественному замыслу и должно было быть. Только поверхностный ум может не понимать, как из «Люби» могла возникнуть вся *жестокость*, которой ознаменовало христианство свое вступление в мир. Иначе не могло быть. Это естественная реакция активной морали, заменившей пассивную, запретительную. Поэтому теперь совсем нельзя судить человека по тому, соблюдает ли он всё, что *нельзя* делать, уважает ли он все «не». Душа каждого человека — поле борьбы между мировыми силами. Чем больше противоречия, которые ему поставлены как задача для жизни, тем крупнее человек. В конце концов человека можно любить только за силу противоречий, которые он каждый момент, каждым поступком своим разрешает снова и снова — и никогда не может разрешить окончательно. Достоинство человека — только в его борьбе с самим собой. Поэтому, когда слышишь или видишь, что человек совершает поступок нехороший — прежде всего должно являться не осуждение, а желание разгадать, в чем была его борьба.

Это я все говорю к тому, чтобы показать, что вовсе не важно *предварительно* видеть в человеке различные достоинства. Это опять-таки мешает, как и идеализация (хотя и не так сильно). Надо стараться его видеть по возможности, как он есть. И во всяких обстоятельствах, во всех поступках его — относиться к нему *положительно*. Это не значит оправдывать его. А значит только помогать ему в его борьбе с самим собой. А всякое осуждение — это мешает, парализует и без того его малые силы.

Зло побеждается не борьбой со злом, а *ростом добра*. Как в жизни, так и в отдельном человеке. Во всякой борьбе сейчас же выступает закон: действие рождает противодействие. Зло сейчас же укрепляется и крепнет, как только его хотят уничтожить (каждый это может проверить на любой борьбе с самим собой). При росте же добра зло становится невозможным. Это страшно важно по отношению к людям и особенно в воспитании детей.

Но кончаю пока об этом.

Мне хочется сказать еще несколько слов об моем отношении к работе. Видишь, то увлечение работой, о котором ты говоришь, — это характерный симптом известной стадии искусства — я бы сказал, дилетантства. Он у тебя при твоих увлечениях выжиганьем, переводами. У меня — при занятии живописью. Это не творчество: это увлекает потому, что все время наглядно видишь свой прогресс в работе, видишь, что можешь сделать не хуже другого, приобретаешь новое уменье — все время подымаешься по лестнице.

В настоящем творчестве — где есть уже мастерство — всего этого нет. Здесь не с кем сравнивать себя — потому что делаешь свое, личное. Прогресса уже не чувствуешь, т<ак> к<ак> техника достигла гибкости. Осуществлений тоже не чувствуешь. Потому что все, что делаешь, кажется слабым, бессильным, совсем не передающим того, что хочешь. (Это субъективно — потому что сделанное может быть великолепно — но сам-то этого во время работы не знаешь).

Поэтому наслаждение — только пока не кончилось ученичество. Творчество всегда мучительно, тревожно, полно неуверенности в себе — что-то осуществляешь ощупью с закрытыми глазами. Это происходит потому, что уже идешь не по протоптанным дорогам, где на счету каждая пройденная верста и радостно побеждать расстояние и трудности, а в местности темной, неизвестной, наугад. Иногда открывается с холма огромный горизонт — но на мгновение. Я тут не про себя говорю. Посмотри, как работает Богаевский — какая мука для него творческая работа. Да вспомни, перебери — Флобер, Гонкуры... Творчество и трудно и мучительно. Но к таким моментам нужна еще долгая подготовка — книг, впечатлений, людей.

Лично у меня: мне писать и стих и прозу все труднее и труднее, и мучительнее. (Хороший признак — я радуюсь ему — значит, я не иду назад.) Я не могу это делать между делом. Мне надо проникнуться известной мыслью, установить ритм жизни. Это трудно в обычное время. Ты сама знаешь. Иначе же нельзя. Иначе — это выразится только страш-

ным нервным раздражением — пружина, которую долго наматываешь в себе, — может вдруг соскочить от постороннего толчка. Это страшно бывает больно и мучительно. Кроме того должен сказать, что гимназия (которую никогда не перестану ненавидеть) выработала привычки лени, неделания, рассеянности, — с ними очень трудно бороться, и я их до сих пор не одолел, из-за них пропадает много времени даром; а единственное средство борьбы с этим неуменьем интенсивно сосредоточиться — это только общая ритмичность жизни, строгое распределение дня. Как только оно нарушается — моя работоспособность сейчас же падает. А от гимназии у меня осталось вот что: я не люблю писать — самого процесса писания. Мне скучен вид пера и бумаги. Ты понимаешь это? Это ужасно тяжело. Для иных лист белой бумаги — это стимул к работе. Мне всегда нужно усилие, чтобы заставить взять перо. Я сочиняю и комбинирую в уме. Хотя было бы гораздо скорее сперва написать — потом отделывать. Но мысль о том, чтобы еще раз *переписывать* раз написанное, — сразу вызывает призраки всех экстемпорале,[6] диктантов, упражнений. Ты понимаешь теперь, почему я ненавижу гимназию и почему она мне и теперь не перестает мстить. А в том, чтобы отделывать и шлифовать речь — для меня величайшая радость. Но процесс писания — отвратителен.

Кончаю письмо. До свиданья. Крепко целую. Целую Веру, Лилю, Майю.[7]

MAX.

[1] В 1913 г. в «Аполлоне» были опубликованы статьи Волошина «Эдуард Виттиг (О возможных путях скульптуры)» (№ 5) и «М.С. Сарьян» (№ 9).

[2] М. Цветаева с мужем и сестрой жила в это время в Феодосии.

[3] Имеется в виду следующий фрагмент из письма Е.О. от 20 и 24 января: «...я совсем не живу иллюзиями о людях. Ты ошибаешься, думая обо мне так. Я только верю в человека, встречаясь с людьми незнакомыми. Верю в его порядочность, правдивость, честность до тех пор, пока сам не нарушит веры этой. Я не создаю идеалов, не требую всех совершенств по моральным правилам (это было бы так

скучно), но мне нужно хоть что-нибудь, чем восхититься, от чего можно было бы прийти в восторг, или по крайней мере понравилось в "*живом человеке*", чтобы полюбить его. Той красоты человеческой, о которой говоришь ты, присущей и большому и малому человеку, я не могу найти в каждом, допуская, что онадолжна быть и мне только не дано видеть ее. <...> Согласна с тобой, что идеализирующая влюбленность — тяжела; кто увенчивает, тот неизбежно и развенчивает потом. Это верно только относительно Майи. Мое увлечение людьми не так слепо, не так неистово. Мне еще никого не приходилось совсем развенчивать, а некоторые остались в нетронутых венцах, но каждый в своем» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 13—13 об.).

[4] Такой дословной формулы в посланиях апостола Павла не встречается.

[5] См. п. 45, примеч. 8.

[6] Extemporale (*лат.*) — гимназические учебные упражнения, состоящие в переводе текста с родного языка на латинский или греческий.

[7] В.Я. и Е.Я. Эфрон, М.П. Кювилье.

58. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

5 февраля 1914 г. Коктебель

5/II 1914.

Милая мама,

вчера я вернулся в Коктебель и нашел 3 твоих открытки (30, 31 и 2-го). Из них одна оказалась наполовину вымокшей, чернила расплылись и прочесть нет возможности.[1]

Извержения Карадага, конечно, никакого нет[2] — это лишь отголоски обвала: меня и в Феодосии спрашивали, правда ли, что Карадаг извергается?

Получил письмо от Грифа.[3] Альманах «Гриф» был арестован за мои стихи. Именно за строчку «Бдит "Volva" — неподвижная звезда».

Volva — от латинск<ого> глагола volvere — *вертеться*. Так Кеплер в книге «Astronomia Lunaris»[4] заставляет обитателей Луны называть Землю, потому что она вертится вокруг самое себя, но всегда находится в одной и той же точке лун-

ного неба. А московский цензор, по-видимому, слово Volva принял за другое слово, употребляющееся в медицине для обозначения органа пола у женщины, — «vulva» — латинское слово, которое знают все гимназисты с особым направлением ума. Как тебе нравится такой образчик русской образованности? Какой позор!

Нашел в «Утре России» рецензию о «Ликах Творчества» — очень благоприятную.[5]

Но какая досада! — Рецензент совершенно справедливо указывает на то, что я в одном стихотворении Ренье «La Gorge» перевожу *горло*, когда в этом месте оно значит «грудь».[6] Я это прекрасно знал и заметил эту ошибку, когда эта статья о Ренье была еще напечатана в «Аполлоне», и исправил ее в корректурах книги — я помню это наверно. И вдруг она все же оказывается в книге. Это значит, что Маковский, просматривая сам корректуры, вновь переправил мою поправку на прежнюю редакцию, не зная французского текста. Это мне очень досадно.

Я очень рад, что приедет Мирра и будет заниматься хозяйством — я думаю, это будет очень хорошо. Она мне и сама уже написала об этом.[7]

Мама, если от Кожебаткина невозможно получить 100 руб.,[8] то не покупай мне всего того, что я просил тебя. Я рассчитывал, давая эти поручения, лишь на эти деньги.

Не покупай ни занавесей, ни покрышек на диваны. Это ведь дорого.

Купи только полотна для живописи и полотна на рубашки.

Да, о последнем. Те две рубашки, что ты мне сшила прошлым летом из толстого, блестящего полотна, купленного у Журавлева, — помнишь? — оказывается, уже разлезаются — все рукава истлели. Так что не покупай этого полотна. Купи полотна плотного и более тонкого. А может быть, лучше хорошей плотной парусины? Как ты думаешь?

Мне нужно только не меньше 3 рубашек и 2 пар брюк. Потому что у меня все буквально расползается на клочки. Боюсь, не Ольгина[9] ли стирка в этом виновата...

У меня теперь совсем нет больше белых рубах длинных на лето.

Кроме того, пожалуйста, купи мне еще (это необходимо):

Фунт казеину у Келлера[10] (очищенного в порошке – стоит 80 к. – 1 р.),

4 фунта кроликового клея (в какой-нибудь большой москательной лавке или у Келлера же),

Сандалии (механич<еской> обуви – на Арбате) на лосиных подошвах (Размер – длина подошвы 6½ вершков).

Что тебе сказал в конце концов Титов?[11]

Мне бы все-таки очень не хотелось бы, чтобы ты лечилась у Даля. Он на меня произвел очень неприятное впечатление как человек, а гипнотизм как вещь опасная и мало исследованная и связанная с волей должен исходить от хорошего человека.

Напиши мне, как происходят эти твои сеансы с Довбней.[12]

Пишу мало сегодня: надо написать много писем и приняться за работу сегодня же.

Если ты встретишь или тебе укажут, где есть рецензии о С<ен>-Викторе и «Ликах Творчества» – напиши мне и пришли вырезки. А если в журнале встретится, укажи где.

До свиданья. Крепко целую.

МАХ.

[1] Дефектный текст – на открытке от 31 января. Волошин находился в Феодосии предположительно с 30 января.

[2] 2 февраля Е.О. откликнулась на сообщение Волошина (в несохранившейся открытке): «Ты не можешь себе представить, милый Макс, как успокоила меня твоя открытка от 31 I, пришедшая как раз после рассказа Толстого (его поймали обормотки на улице и привезли к нам) об извержении Карадага, из которого летят уже камни» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 21).

[3] С.А. Соколов (Гриф) писал Волошину 29 января 1914 г. о цензурном преследовании «Альманаха “Гриф” (1903–1913)» (М., 1914),

в котором был опубликован венок сонетов Волошина “Lunaria“ (С. 56–63): «Только дня 2, как окружной суд снял арест, наложенный за стихи Бальмонта <...> Цен<зурный> Ко<митет> пытался придраться к Вашей “неподвижной звезде Volva“, но я отбился кое-как» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1126). Имеется в виду строка из 10-го сонета венка сонетов «Lunaria»: «Бдит “Volva“ – неподвижная звезда». О наложении ареста на альманах было сообщено в печати 5 января (см.: Русские Ведомости. 1914. № 4. 5 янв. С. 5).

[4] Имеется в виду труд Иоганна Кеплера «Astronomia nova» (1609).

[5] Рецензия на «Лики творчества», подписанная инициалами Б.С., была напечатана в «Утре России» 1 февраля 1914 г. (№ 26). См.: Т. 3 наст. изд. С. 457–459.

[6] Рецензент «Утра России» отмечал: «... “gorge” здесь в точности означает “грудь“, а никак не горло, и это меняет смысл фразы». См.: *Волошин М.* Лики творчества. Кн. 1. СПб., 1914. С. 96. Впервые статья «Анри де Ренье» была напечатана в журнале «Аполлон» (1910. № 4. Отд. I. С. 18–34). В новейших переизданиях текст исправлен – согласно указанию Волошина; см.: *Волошин М.* Лики творчества. Л.: Наука, 1988. С. 60, 617 (комментарий А.М. Березкина); Т. 3 наст. изд. С. 79, 486.

[7] Речь идет о М. Готфрид-Свободиной, сообщавшей Волошину в недатированном письме: «Милый, хороший, чудесная Пра берет меня к морю, и я буду вести хозяйство Обормотника, Вы увидите, какая я сильная, как я вкусно стряпаю и весело с песенкой работаю. Со мною будут два клопыша Вера и Алексей» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 448). Е.О. писала Волошину 30 января: «Вместе со мной, кроме Майи, едет и Мирра заведовать хозяйством и пасти 2 детей своих» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 19).

[8] См. п. 45, примеч. 7. 30 января Е.О. сообщила Волошину: «Никакой надежды на получение денег с Кожебаткина; он даже не отвечает на письмо мое».

[9] Ольга – прачка в Коктебеле.

[10] Подразумевается фабричное торговое товарищество «Р. Келер и К° в Москве» (Ильинка, Средние торговые ряды), имело в Москве пять магазинов розничной торговли.

[11] 30 января Е.О. писала Волошину: «...вожусь с докторами <...> Сегодня я должна быть у Титова, но у меня уже никакой веры в него нет; поеду к нему только во исполнение твоего желания».

[12] Евгений Николаевич Довбня – специалист по душевным и нервным болезням. В том же письме Е.О. сообщала: «...было уже 2 сеанса, завтра предстоит 3-й, и этот доктор по душевн<ым> болез-

ням — Довбня <...> указывает на Даля и объясняет, что этот Даль теперь применяет гипноз таким же способом, как и он, а потому мне нет оснований его бояться»; в письме от 31 января добавляла: «...завтра в 3-й раз к Довбне, который избавил меня от бессонницы, но не довел еще до отрицания табаку».

59. К.В. КАНДАУРОВУ

5 февраля 1914 г. Коктебель

5.II.1914.

Дорогой Константин Васильевич,

большое, большое спасибо за твое письмо, которое мне дало так ярко почувствовать тебя...[1] и я так знаю, как трудно писать тебе письма, и не претендую на них; даже прошу — не пиши мне — разве несколько деловых слов на открытке.

Ты спрашиваешь о Костеньке.[2] Нет, он на тебя не сердится за то, что ты молчишь. Напротив — мы с ним так огорчались, когда узнали о твоих неприятностях в театре, и радовались, когда узнали, что все прошло.

Но все же твое молчание очень угнетает его. Понимаешь — он его принимает как знак того, что тебе *не нравится* ничто из его новых работ. И этим он огорчен действительно. К непродаже же он относится философски. Поэтому напиши ему поутешительнее письмо. Дело в том, что он чувствует большой перелом в творчестве, случившийся в этом году, и его очень обескураживает, что этого будто никто не заметил. И твое молчание он принимает, как деликатное нежелание расстраивать его плохими отзывами и неблагоприятными мнениями. Поэтому непременно напиши ему и поподробнее все хорошее, что только можно сказать и что было высказано о его рисунках и акварелях этого года. Сейчас он весь в работе (с самого начала зимы с одним лишь перерывом на Рождестве). Пока всё эскизы (акварели), в них очень много нового и неожиданного. Больших вещей — масляных — все еще не начинал, хотя собирается каждую неделю начать. Среди эскизов есть вещи безусловно прекрас-

ные и новые и по манере и по теме. Но работает все время с трудом, с большими сомнениями в себе; сосредоточенно молчит. Спит плохо.

Его надо очень ободрить, толкнуть, дать уверенность в себе. Но желание работать у него страстное. Говорит, что ждет не дождется весны, чтобы приняться за этюды. Мечтает о поездке на Яйлу[3] и волнуется, приедет ли Рагозинский к тому времени.

Я видался несколько раз с Лидой Лампси. Подолгу и хорошо. Там вот я приметил некоторую обиду на то, что ты не пишешь. Но мне кажется, это удалось разогнать совсем: я долго, подробно и с темпераментом говорил и объяснял, какую ты жизнь ведешь в Москве и как тебе физически невозможно написать письма. Рассказывал обо всех последних твоих неприятностях (о которых мне мама писала).[4] Она убедилась в том, что это не охлаждение к ним, а невозможность.

Мне же живется и работается очень хорошо. Я сериозно думаю о том, что мне вообще следует на несколько лет исчезнуть из литер<атурно>-худож<ественной> жизни и затвориться в Коктебеле. Это самое разумное и самое нужное.

Об «Ликах Творчес<тва>» видел только одну рецензию в «Утре Росс<ии>».[5] Если где еще будет — пришли мне вырезку.

Раш<ель> Мир<оновна> писала мне, что ближе узнала тебя и почувствовала к тебе глубокую симпатию.[6]

Позволь мне послать через тебя Муратову экземпляр «Ли<ков> Тв<орчества>» — я не знаю его адреса. Тебя не затруднит это? Большое спасибо, что послал рукописи «Аполлону».[7]

Мама пишет, что Алихан[8] собирается с марта в Коктебель. Буду очень рад ему. Посылай его сюда.

До свиданья. Крепко целую тебя и постоянно о тебе думаю.

Привет Анне Владимир<овне>.[9]

Пусть мама расскажет тебе про мой «Венок Сонетов» и глупость русской цензуры.[10]

MAX.

[1] Имеется в виду письмо от 3 февраля 1914 г., в котором Кандауров признавался Волошину: «Если бы ты знал, как мне тебя не хватает в этом году в Москве. Очень много работаю и, конечно, много неприятностей» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 615).

[2] К.Ф. Богаевский. 3 февраля Кандауров писал Волошину: «Узнай, дорогой, как ко мне относится Котик, т<ак> к<ак> я очень перед ним виноват. Я так давно ему не писал. Ты, конечно, меня поймешь, если я тебе скажу, что мне страшно тяжело писать письмо и не написать о продаже его картин <...> напиши мне откровенно все, что говорит про меня Котик и как он себя чувствует».

[3] Горный хребет на южном побережье Крыма.

[4] См. примеч. 5 к п. 50.

[5] См. примеч. 5 к п. 58. В письме от 3 февраля Кандауров сообщал Волошину: «Есть прекрасные рецензии о Ликах Творчества».

[6] Имеется в виду фраза из письма Р.М. Гольдовской к Волошину от 3–6 ноября 1913 г.: «Кто мне нравится совсем – это Кандауров, и жена его – премилая» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 434, л. 17). В письме от 3 февраля Кандауров сообщал Волошину: «Был у Рашель Мироновны и очень много говорил с ней. Она просила быть еще и дать возможность побеседовать подольше».

[7] См. п. 51, примеч. 5.

[8] Алихан – А.Н. Толстой.

[9] А.В. Кандаурова.

[10] См. п. 58, примеч. 3.

60. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

7 февраля 1914 г. Коктебель[1]

7.II.1914.

Дорогая Юлия Леонидовна,

что-то давно не имею никаких вестей от Вас, а надеялся, что напишете мне о московских своих впечатлениях.[2] Получили ли мое письмо,[3] которое пришло, вероятно, когда Вы были в Москве.

Съезд в Коктебеле в этом году, кажется, начнется с марта месяца (мама, Майя, Толстой[4] и др.).

Приедете ли Вы в Коктебель?

До свиданья. Привет Екат<ерине> Ив<ановне> и Феодору Конст<антиновичу>.[5]

Максимилиан Волошин.

Видаете ли Елисав<ету> Ивановну?[6]

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Феодосия. 8.2.14; Петербург. 11.2.14.

[2] Оболенская ездила в Москву из Петербурга в середине января 1914 г.

[3] Имеется в виду п. 46.

[4] Е.О. Кириенко-Волошина, М.П. Кювилье и А.Н. Толстой с женой С.И. Дымшиц-Толстой вместе прибыли из Москвы в Феодосию и Коктебель 21 марта.

[5] Е.И. Оболенская, Ф.К. Радецкий.

[6] Е.И. Васильева.

61. Ан. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

7 февраля 1914 г. Коктебель

7/II 1914 Феодосия. Коктебель.

Многоуважаемая Анастасия Николаевна,

и Ваше письмо,[1] и предложение Феодора Кузмича[2] принять участие в «Дневнике Писателей»[3] доставило мне неожиданную и настоящую радость. Именно о таком типе журнала я давно уже мечтал. А теперь, когда извергнут из большинства российских повременных изданий,[4] мне это тем более приятно. Я постараюсь как можно скорее приготовить материал для первого номера и передать Вам. Буду очень благодарен, если Вы мне сообщите более подробно, в каком типе Вы думаете осуществить этот журнал и кого привлекаете к участию.

Вы знаете журнал «Les Marges» Монфора?[5] Вот образец именно такого хорошо ведомого журнала. Особенно его первые годы, когда он весь единолично составлялся Монфором. (Они как раз переизданы теперь отдельным томиком[6]).

Если Вы случайно не знаете его — очень советую выписать и просмотреть. (116. B-rd St. Jermain. Ed. Crès). Это может быть, очень полезно как тип.

Меня лично форма литературного дневника в виде отрывков величиною от 3-х строк до 3-4 ст<р>аничек очень прельщает. И я представляю себе свое сотрудничество именно в этом виде — с полным разнообразием тем. Ну, хотя бы в типе «Idées et sensations» Гонкуров.[7] В такой форме можно говорить обо всем и содержательно, и кратко, начиная с критики текущего, кончая интимным воспоминанием, и даже стихотворением. Только я думал бы взять какое-нибудь отдельное общее заглавие для всех этих личных заметок — какое, не знаю еще, — придумаю, когда пошлю материал.

Будет ли это издание ежемесячным или реже?

Благодарю за Ваше желание написать о «Ликах Творчества».[8] Я посылаю одновременно их Феодору Кузмичу. Не мог этого сделать раньше, т<ак> к<ак> не получал еще экземпляров и не знал адреса Вашего. Ведь я уже так давно покинул Петербург.[9]

Впрочем, я теперь вообще покинул города и, вероятно, надолго. Вместе с отвращением <к> русским газетам и журналам растет потребность уединения. А тут, к моему великому счастью, меня и печатать перестали.

Благодаря этому явилась возможность снова начать серьезно заниматься живописью, которую я забросил было. Кроме того, работаю над большой книгой по искусству «Дух Готики»[10] и надеюсь сделать ее интересной и исчерпывающей. Так что душою живу почти исключительно в XIII-ом веке.

Спасибо за вырезку с письмами Феод<ора> Куз<ьмича> и Мережковского.[11] Отчего Мережковский так фатально бестактен? Видно, ни эрудиция, ни ум, ни вера не могут преодолеть врожденной бездарности. Он глубоко раздражает меня всем, что он ни делает, что он ни пишет. А оба письма Феод<ора> Кузьмича глубоко верны.

Я буду очень благодарен, если Феодор Кузьмич пришлет мне свои последние книги. У меня давно была задумана большая статья о нем. Но так и не осуществлена, потому что негде было бы и напечатать ее. Я ее хотел назвать «Жестокость и нежность в творчестве Ф. Сологуба».[12] Я бы ее разбил теперь на отдельные мысли и афоризмы так, чтобы они подошли к «Дневнику П<исателей>». Но это не сейчас, а к лету. Из последних произведений Ф.К. я знаю только «Заложников Жизни», «Слаще Яду»[13] – пришлось прочесть лишь первые главы, остального не знаю ничего – ни стихов, ни прозы. Ко мне мало доходит русских книг и журналов, а в здешних книжных магазинах я подвергнут остракизму и потому приходится воздерживаться от обращения к ним.

До свиданья, Анастасия Николаевна.

Передайте же мой привет Феодору Кузмичу.

Максимилиан Волошин.

[1] Речь идет о письме Ан. Н. Чеботаревской из Петербурга: «Милый Максимилиан Александрович! Ф.К. очень просит меня передать Вам вместе с его сердечным приветом следующую просьбу: он с 1-го марта издает небольшой журнальчик “свободных мнений” “Дневник Писателей” и *непременно* хочет Вашего сотрудничества, которое он всегда ценил о<чень> высоко. Пришлите – если возможно, для 1-го № что-нибудь (по общим вопросам искусства и жизни) – заметку, впечатления, что хотите – эта форма “дневников” вместит, что угодно. Пока – конечно, средств нет – но мы ищем и надеемся со 2-го или 3-го №№ уже оплачивать труд сотрудников. Но, право, порой такая острая потребность чувствуется в таком “свободном” чистом от газетного кумовства и кружковщины местечке, что как-то не останавливает эта материальная тресина! Сегодня купила Ваши “Лики” – если смогу, хочу написать о них. Черкните о себе – Ф.К. пошлет Вам свои новые вещи» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1269, л. 4–4 об.).

[2] Ф. Сологуб.

[3] «Дневники Писателей», ежемесячный журнал, созданный Ан. Н. Чеботаревской и Ф. Сологубом и выходивший в Петербурге в 1914 г. Задумывая журнал «Дневники Писателей», Ф. Сологуб и Ан. Чеботаревская попытались осуществить давнюю идею символистов об интимном журнале, где литераторы могли бы делиться с

читателем своими размышлениями и переживаниями. В небольшой редакционной преамбуле к № 1 журнала отмечалось: «Сказать только свое, только о том, что нас интересует, – к тому, что случается и что останавливает наше внимание, установить наше отношение, – кратко и просто, в свободной форме изложить наши свободные мысли, – вот чего мы хотим, и для чего начали этот журнал» (<Б. п.> От редакции // Дневники Писателей. 1914. Март. № 1. С. 3).

[4] См. примеч. 5, 6 к п. 1. Отголоски событий начала 1913 г., связанные с конфликтом Волошина с прессой из-за картины И.Е. Репина, звучали еще и в конце 1913-го – начале 1914 г. Например, крымские газеты «Южный край», «Жизнь Феодосии» продолжали напоминать читателям, что Волошин поднял руку на Репина (Труды и дни. С. 338).

[5] «Les Marges» («Ле Марж»), французский литературный журнал, созданный французским писателем Эженом Монфором (1877–?).

[6] Речь идет о кн.: *Montfort Eugène*. Les marges. 1903–1908. Paris, 1913. (Offis du Livre).

[7] Речь идет о работе французских писателей братьев Эдмона и Жюля де Гонкур «Idées et sensations» («Мысли и ощущения», 1886).

[8] См. примеч. 2 к п. 37.

[9] Волошин в последний раз жил в Петербурге в сентябре 1909 – январе 1910 г.

[10] См. примеч. 2 к п. 9.

[11] В цитированном письме Чеботаревской – приписка: «Посылаю заметку – может, Вам небезынтересно, до чего дошел Мережковский» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1269, л. 3). Чеботаревская выслала Волошину публичную переписку Д.С. Мережковского и Ф. Сологуба, возникшую в связи с выдвинутым Мережковским Сологубу обвинением в проповеди «самоубийства и самоубийственного одиночества». См.: Русские декаденты и самоубийство // День. 1914. № 8, 9 янв.

[12] Этот замысел восходит к 1910 г. См.: Т. 9 наст. изд. С. 554–556.

[13] Драма Сологуба в 5 действиях «Заложники жизни» была опубликована в «Литературно-художественных альманахах издательства “Шиповник”» (Кн. 18. СПб., 1912. С. 1–108), а роман «Слаще яда» был напечатан в полном объеме в составе томов XV–XVI Собрания сочинений Ф. Сологуба в 20 т. (СПб.: Сирин, 1913–1914), ранее печатался в журнале «Новая жизнь» (1912. № 4–11).

62. И.Э. ГРАБАРЮ

8 февраля 1914г. Коктебель

8/II 1914. Феодосия. Коктебель.

Многоуважаемый Игорь Эммануилович,

Благодарю за письмо и за фотографии.[1] Это целое сокровище, на которое я совсем и не рассчитывал. Я все эти рисунки прекрасно помню, каждый в лицо, и, пересматривая фотографии, восстанавливал и краски <и> манеру каждого.

Но из гелиогравюр Кнебель прислал мне только Стрельцов, Морозову и Ермака. Нет ни Меньшикова, ни Снежного городка, ни *Суворова*, ни Царицы. Очень было бы тоже нужно иметь «Вселенские Соборы» — не в эскизах, а в законченном виде.[2]

Что касается газет старых, то боюсь, что в Феодосии не достану.[3] Но тогда я сделаю так: отношение критики и публики к Сурикову выделю в отдельную главу, которую напишу последней, съездив осенью в Москву. Это можно будет сделать уже во время печатанья книги.[4]

Очень буду ждать Вашего *Серова*. Нельзя ли тоже мне получить Врубеля и Левитана?[5]

Я сейчас занят большой книгой по средневековому искусству, которая выйдет у Сабашникова под заглавием «Дух готики».

Имеете ли Вы книгу моих статей «Лики Творчества»?

Если нет — напишите — я пришлю Вам.[6]

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

[1] В письме от 22 января 1914 г. Грабарь сообщал Волошину об отправлении ему через 2–3 дня почти 200 фотографий, снятых у Сурикова для монографии о художнике: «...черновые оттиски — ненаклеенные и сделанные спешно, без фокусов, поэтому плохие, вполне пригодные служить материалом при писании текста — отправлю Вам, установив предварительно вместе с В.И. Суриковым

все даты, названия etc. Чистовые останутся у меня для клиширования. <...> Я надеюсь, что Вы также в свое время просмотрели все это у Сурикова и теперь, увидав снимки, все это вспомните <...> я еще надеюсь, что Вы делали себе какие-нибудь пометки, записки и пр. по поводу виденного <...> я полагаю, что всего этого для Вас совершенно достаточно для того, чтобы теперь же засесть окончательно за оную монографию и окончить ее, не выезжая из Коктебеля. <...> Всего снимков должно быть в книге около 200. Кое-что я снимал для того, чтобы у Вас был перед глазами материал, и, конечно, кое-что придется из этого выбросить» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 451).

[2] Упоминаются следующие работы Сурикова: «Утро стрелецкой казни» (1881), «Боярыня Морозова» (1887), «Покорение Сибири Ермаком» (1895), «Меншиков в Березове» (1883), «Взятие снежного городка» (1891), «Переход Суворова через Альпы» (1899), «Посещение царевной женского монастыря» (1912), четыре фрески на темы Первого, Второго, Третьего и Четвертого Вселенских соборов в храме Христа Спасителя (на хорах) в Москве (1878). В ответном письме от 10 марта 1914 г. Грабарь извещал: «...я сделал все распоряжения, чтобы Вам было выслано все, что Вам нужно. <...> Фотографии с Царицы нигде не мог достать и не знаю пока, у кого находится картина <...> по поводу вселенских соборов: полагаю, что снимать их в Храме Спасителя едва ли стоит, – ведь они случайны в творчестве Сурикова и лавров в его венок не вплели, а скорее несколько листочков из последнего вырвали. Так к чему же апрофондировать эту неприятную сторону? Не предпочтительнее ли ее смазать, сведя почти на нет. Монография должна быть "песней о художнике", а не копаньем в грехах с привкусом "Достоевщины", "Карамазовщины" и "Мережковщины"» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 451).

[3] См. примеч. 4 к п. 47.

[4] Это намерение не было реализовано, обзор критических отзывов в книге Волошина о Сурикове отсутствует.

[5] См. примеч. 4 к п. 47. Подразумеваются 1-й и 2-й выпуски серии иллюстрированных монографий «Русские художники»: «Михаил Александрович Врубель» С. Яремича (М., 1911), «Исаак Ильич Левитан» С. Глаголя и И. Грабаря (М., 1913).

[6] Грабарь отвечал 10 марта 1914 г.: «"Лики Творчества" не имею. Буду рад, если пришлете. С своей стороны пришлю Вам своего "Серова"». По получении «Ликов творчества» он писал Волошину (1 июня 1914 г.): «Спасибо за Вашу чудесную книгу, которую, впрочем, почти всю уже знал раньше».

63. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

10 февраля 1914 г. Коктебель

10/II 1914.

Милая мама, получил твое письмо со сведениями о твоем лечении.[1] Я все-таки очень рад, что ты была-таки у Титова. В конце концов это диагноз, которому можно доверять, и он, по-видимому, соответствует реальности. Только меня печалит то, что ты не можешь бросить куренья. Надо гипноз довести все-таки до конца. У меня все время, когда ты лечилась от сердца, была уверенность, что суть дела в куреньи и в легких.

Мое здоровье. Нет, это не аппендицит. Это была боль в почках. Это подагрические явления. Томашевич[2] сказал, что мне совсем не надо есть мяса и пить вина. Этому я только радуюсь потому, что и без того чувствовал, что мне не нужно ни того, ни другого.

Посылаю тебе письмо Василия. Он хочет уходить к Пасхе — чтобы на новой квартире, что он себе уже нанял, встретить праздники, и очень беспокоится, приедешь ли ты к Пасхе. Я думаю, что тебе вообще лучше было бы выехать на пятой неделе,[3] т.е. в двадцатых числах марта, чтобы не попасть в общую волну стремящихся на праздники в Крым, как в прошлом году. Погоды сейчас стоят весенние. Василий занят садкой айлантов (юнговских) и пересадками. Я — обрезкой. Сейчас мне работа в саду доставляет такое наслаждение, что я, кажется, сериозно примусь за нее и летом. Испытываешь какое-то глубокое внутреннее удовлетворение от земли и растений. Пришли сегодня семена от Лисицына.[4] Там на всех написано, что надо сажать в мае и в апреле. Но это верно на севере. Здесь можно и в марте, если будет такая же теплая весна.

Вычистил я тоже свой велосипед и сегодня ездил для пробы к Кады-Кою.[5] Вообще хочу снова приняться за него, т<ак> к<ак> от велосипеда я всегда гораздо больше и быстрее худею, чем от ходьбы. Среди семян,

тобою присланных, нету только цветочных подсолнухов. Пожалуйста, купи их тоже и несколько сортов (ведь их много). И лилий (луковиц) ты тоже не купила, как хотела. А мне очень хотелось бы посадить их побольше перед большой терраской. Если это все еще будешь покупать, то купи еще зараз пакетик тыкв, знаешь, огромных красных (potirous). (Декорат<ивные> тыквы я получил).

В Феодосии мне сообщили как достоверное и решенное, что с этой весны курьерский поезд будет идти не на Севастополь, а на Феодосию, и что вообще все пассажирское движение на Ялту теперь будет направлено через Феодосию. И пароходные рейсы на Константинополь тоже.

Кроме того (но это уже менее достоверно), говорят, что наследника[6] поселят в Стар<ом> Крыму и туда будут строить железную дорогу.

Коктебельская новость: кампания разработки поццуоланы[7] хочет *купить* у болгар арендуемую землю и предлагает им 800 тысяч. Они же требуют миллион. Их 8 совладельцев. Любопытно, как отзовется на Коктебеле это, если продажа состоится?

Получил сегодня большое замечательно хорошее письмо от Евы.[8] Ты мне что-то стала очень мало писать последнее время, и я поэтому ничего ни о ком не знаю. Видала ли Кругликову? Она пишет, что ты у них совсем перестала бывать. Собирается приехать в Коктебель.[9]

Узнай, пожалуйста, для меня, какое гомеопатическое лечение артритизма (подагры), и привези мне, что надо (если сама будешь для себя в гомеопатической аптеке).

До свиданья. Крепко тебя целую. Преодолей все-таки свое куренье, пожалуйста. Мне кажется, что ты сама никакой доброй воли не прилагаешь к этому, а только ждешь пассивно помощи от гипноза. А надо, чтобы он был помощью недостаточно сильной воле. Тогда ты и преодолеешь. А ты, мне кажется, хочешь, чтобы это сделалось все вопреки тебе самой.

MAX.

[1] 5 февраля Е.О. писала Волошину, что дважды была у доктора Титова, который поставил ей диагноз (артериосклероз, хронический бронхит, застойные явления в легких), а также: «Лечение мое гипнозом кончилось, но блестящих результатов Довбня не достиг: я остановилась на 12 папиросах и меньше курить не могу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 22–22 об.).

[2] Викентий-Людвиг Цезаревич Томашевич (1876–?) – главный врач феодосийской городской больницы.

[3] Пятая неделя Великого поста. Пасха в 1914 г. – 6 апреля.

[4] 5 февраля Е.О. сообщила Волошину: «Вчера я купила семян у Лисицына и поручила их тебе выслать». Имеется в виду торговый дом (семянная торговля) «Братья Лисицыны» в Москве на Театральной пл. (дом Патрикеевых).

[5] Кады-Кой – урочище близ дороги из Коктебеля на Отузы с источником пресной воды среди скал.

[6] Имеется в виду наследник престола – сын императора Николая II, цесаревич Алексей Николаевич (1904–1918).

[7] Поццуолана (от городка Поццуоли в Италии), в просторечии пуццолана, – горная порода вулканического происхождения, служащая добавкой к гидравлическим цементам.

[8] Имеется в виду письмо Е.А. Фельдштейн от 2 февраля 1914 г. См. примеч. 4 к п. 43, примеч. 3, 4, 6 к п. 64.

[9] В письме от 3 февраля 1914 г. Е.С. Кругликова благодарила Волошина за книгу («Лики творчества») «и за приглашение»: «А что если я и вправду приеду? Меня очень соблазняет увидать весну вообще и крымскую в частности. <...> Ты умеешь как-то особенно быстростремительно и неожиданно сдвигать меня с места, не давая времени впасть в свойственную мне нерешительность. <...> Толстых видала несколько раз и твою маму у них видела, а у нас она перестала бывать» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 717).

64. Е.А. ФЕЛЬДШТЕЙН

10 февраля 1914 г. Коктебель

10/II 1914. Коктебель.

Милая Ева, твои письма умеют приходить в то время, когда их совсем не ждешь и удивительно вовремя.[1] Так было и с этим. Я сразу тебя почувствовал такой близкой и нуж-

ной, а то, что ты пишешь о себе, таким соответственным моим ступеням, хотя и не похожим.

Моя жизнь была совсем отвлеченной эту зиму (потому что со вчерашнего дня зима кончилась — это я почувствовал ясно). И вот теперь наступает какое-то юношеское осознание конкретностей. Точно возвращаешься в свое физическое тело после долгого отсутствия. Так бывает когда в детстве просыпаешься утром от радостной свежести. Сегодня из-за моря дует южный ветер. Но в нем уже не только морская соль, а уже далекий запах теплой насыщенной земли. В комнате почти нельзя быть. Я иду в сад. Обрезаю к весне лишние ветки у маслин и тамари<с>ков. Их стволы, если взять рукой, холодные — жизнью новых соков. На многих уже глазки и почки. Когда поднимаю голову — уже вечер, — зеленый и синий с золотом. Ветер чувствуется теперь как один торжествующе печальный, нескончаемый аккорд. Прибой в сумеркам становится героическим, и сквозь шум его мерещутся шумы голосов. На небе первым зажигается Сириус, потом Ригель.[2]

Теперь я пишу это письмо и с наслаждением чувствую, что мои руки пахнут землей, а веки тяжелеют от избытка воздуха.

Я пишу об этом, потому что все это неразрывно связалось с твоим письмом.

Мне нужно было остаться в полном уединении, чтобы снова так любовно и близко почувствовать людей. Когда ты пишешь, что меня недостает в Москве,[3] я невольно удивляюсь, потому что уже давно мне не удавалось быть так много и так хорошо со всеми, и с каждым в отдельности, как этой зимой. От прошлых зим у меня оставались только угрызения совести и мучительная неудовлетворенность: невозможность принять в себя тех, кого любишь, и усталость, и притупление. А теперь я был все время со всеми и с каждым и был по-настоящему и со всей полнотой. И мне кажется, что и с тобою я был гораздо больше и глубже, чем прошлые зимы, хотя мы и обменялись только двумя письмами. Во мне есть некоторые особенности, необычность которых я осоз-

наю только теоретически: я действительно люблю разлуку с людьми: она так очищает, углубляет, выдвигает главное и сближает. Есть только две возможности говорить интимно: или держа друг друга за руку или находясь на расстоянии двух-трех тысяч верст. У меня реальное чувство, что мое отсутствие связало меня с тобой (и со всеми вами) более близко, чем если бы я был всю зиму в Москве.

А мой голод Коктебеля не насытим. Мне не только теперь и после не хочется покидать его. Моя жизнь так полна, и даже здесь не хватает времени на все – на все книги, на все проекты, на живопись...

Я очень принимаю все, что ты пишешь о своей живописи.[4] Но может ли кубизм быть целью? Мне кажется, что он только путь, метод. Так ли ты чувствуешь его? Мне бы очень хотелось глазами увидеть, что ты делаешь, потому что одними словами нельзя ни спросить, ни ответить. Но *чувство* работы твоей мне ясно. Ты знаешь, что Богаевский теперь тоже работает на путях кубизма. Он сделал несколько эскизов с поразительными кристаллическими пейзажами. Особенно один – пустыня с колоссальными пирамидами на горизонте, закрывающими все небо и между ними ущербная луна.

Я теперь мало в живописи. Душа сейчас замыкается в готический кристалл.[5] Хочется проникнуться до конца верой и внутренними образами этого законченного мира, чтобы иметь возможность дать его почувствовать четко и ясно.

Ах, как я понимаю ясно теперь, что когда нам удается найти верное слово, верную линию, верный тон, мы освобождаем плененное миром слово, духа – замкнутого в вещи, в явлении. У искусства только одна цель – расколдовать природу! Но это надо почувствовать совсем конкретно.

Спасибо за ласковые слова о «Ликах Творчества» и о «Lunaria».[6] Если в последних что непонятно, то спроси – я напишу тебе подробный комментарий. Там все обосновано. А относительно «Ликов» мне хотелось бы знать твое впечатление подробнее, и не только за, но и против.

Мне жаль, что я не имел возможности никому послать Альманаха, потому что мне самому не дали экземпляров его.

А нравится ли тебе Сен-Виктор?[7]

Если тебе не трудно — напиши мне, что тебе приходилось слышать о Сонетах и о книгах моих?[8] Мне это очень важно и ценно знать. А до меня ничего, конечно, не доходит, даже рецензии — которые, впрочем, мне гораздо менее интересны, чем мнения отдельных людей.

Как я рад, что ты безвозвратно вернулась к живописи. (Я всегда ее чувствую как питающий корень, связывающий непосредственно с равновесием мира). И это чувство не цели, а необходимости. Очень жалею, что Пра[9] тебе не удалась.[10]

Завидовать ли тебе, что ты будешь все лето в Париже?[11] Нет. Но мне хотелось бы там быть только для того, чтобы тебе показать многое. Но вот что мне хочется: это познакомить тебя и Мишу,[12] когда вы будете там, с моим очень большим другом и человеком глубоко замечательным и по уму, и по характеру: с Александрой Васильевной фон-Гольштейн. Мне одинаково хочется, чтобы и вы ее узнали, и чтобы она вас узнала. Когда вы едете? Я тогда напишу ей. Миша, верно, знает ее по имени. Она, между прочим, может очень много помочь ориентироваться в Париже своими знакомствами в худож<ественном> и научн<ом> мире. (Как хорошо, что Миша окончательно остановился на Ж. де Мэстр?)[13]

Едете ли Вы вдвоем или и Таню берете?[14] Ты ничего не пишешь мне о ней, она, верно, уж совсем большая стала?

До свидания. Приветствую Мишу, Раш<ель> Мирон<овну>, Над<ежду> Иван<овну>, Онисима Борис<овича>.[15]

[1] Речь идет о письме Е.А. Фельдштейн от 2 февраля 1914 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1222).

[2] Сириус — ярчайшая звезда на ночном небе из созвездия Большого Пса. Ригель — яркая околоэкваториальная звезда из созвездия Ориона.

[3] Имеются в виду признания Фельдштейн в письме от 2 февраля: «Так давно собиралась тебе написать и только теперь собралась. Мне стыдно. И ты мне уже верно не поверишь, если я начну с того, что я все время о тебе скучаю, и что тебя всем не хватает. В театрах,

на выставках, у друзей, наконец, у нас дома – везде тебя не хватает» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1222, л. 5).

[4] В это время Фельдштейн увлеклась кубизмом, о чем сообщала Волошину: «Милый Макс, как тебя благодарить за твою ласку и за твое внимание ко мне. Твои письма мне были огромной радостью. Давно ничье внимание меня так не оживляло и сразу показалось таким необходимым. Спасибо тебе за веру в мою живопись. <...> Я стала совсем храбрая, Макс – и нашла свое место, или <...> свой путь через новую живопись. Нашла его перед картинами Пикоссо <так!> и так обрадовалась, там посмелела, и так спокойно стала добиваться. Меня сейчас не страшит, что я, может быть, через десять лет напишу так, как мне хочется». Далее Фельдштейн описывала свой метод работы: «...все разбиваю на плоскости, компаную и думаю, думаю, долго, медлительно, думаю о числах и объемах» (*Там же*, л. 5 об. – 6 об.). Волошин неизменно оказывал поддержку художественным начинаниям Фельдштейн, об этом см. п. 24.

[5] Речь идет о работе Волошина над книгой «Дух готики». См. примеч. 2 к п. 9.

[6] Фельдштейн писала Волошину 2 февраля 1914 г.: «Мне нравится, что ты один в Коктебеле, мне нравятся твои письма, и нравятся твои книги, я их люблю и горжусь тобой. “Лики творчества” читала с наслаждением, с жадностью. Lunaria читала с огромным вниманием. Некоторые строки меня приводят в восхищение, некоторые непонятны, надуманны – а “все”, безусловно, прекрасно. Спасибо тебе за книги. Альманах я сама себе купила из-за твоих стихов. Я так много о них слышала и столь разноречивого, что мне хотелось проверить и прочитать» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1222, л. 5–5 об.). В этом же письме она сообщала Волошину: «...Рашель Мироновна собирается тебе написать, а пока просила тебе передать, что ей очень нравятся “Лики творчества”» (*Там же*, л. 9). Отзыв Р.М. Гольдовской см. в примеч. 1 к п. 70.

[7] Волошин запрашивал мнение Фельдштейн о своем переводе книги Сен-Виктора «Боги и люди», поскольку она ничего не писала о нем в письме. Отклик ее на эту работу Волошина неизвестен.

[8] Выполнила ли Фельдштейн эту просьбу Волошина, неизвестно. Других писем ее не сохранилось.

[9] Е.О. Кириенко-Волошина.

[10] О портрете матери Волошина, над которым работала Фельдштейн, см. примеч. 4 к п. 43.

[11] В письме от 2 февраля Фельдштейн сообщала Волошину: «В мае мы с Мишей едем в Париж. Он будет работать над de Maistre – а я пойду к кому-нибудь в мастерскую. И так тебя будет не хватать.

Так было бы хорошо в Париже с тобой. Я была бы так спокойна, что все увижу самое лучшее, ничего не пропущу. Сейчас я немного боюсь Парижа. Боюсь растеряться перед всем тем, что хочется и можно посмотреть» (*Там же*, л. 7).

[12] М.С. Фельдштейн.

[13] Фельдштейн решил писать большую работу о Жозефе Мари де Местре. Замысел, вероятно, остался нереализованным.

[14] Речь идет о дочери Е.А. и М.С. Фельдштейнов — Татьяне Михайловне Фельдштейн (1910—1995).

[15] Р.М. Гольдовская, Н.И. Ивановская, О.Б. Гольдовский.

65. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

13 февраля 1914 г. Коктебель[1]

13.II.1914.

Здравствуйте, Юлия Леонидовна! Ваш голос после долгого перерыва пришел вместе с весной и южным ветром.[2] Во внешнем мире стало так хорошо, что никак нельзя усидеть ни в комнате, ни внутри самого себя. Поэтому работам кабинетным и писчебумажным приходится плохо. От упоения вычистил велосипед, стоявший уже год вверх ногами, сделал обрезку всем деревьям, набил новые проволоки для винограда и насадил вместе с Василием тополей вдоль забора. Но все же чего-то не хватает еще. Поэтому, Вы понимаете — Ваши жалобы на темноту кажутся мне пришедшими с другой планеты.[3]

Как я рад, что Вы полюбили Сильвестра Щедрина.[4] Для меня он вместе с Коро (не серым фантастичным, — а Коро итальян<ских> этюдов и Ville d'Avray[5]) — самое любимое в пейзаже. Так я понимаю настоящее — *религиозное* чувство к реальностям. (Оно же и в пейзажн<ых> этюдах Алекс<андра> Иванова). Как я ни люблю Богаевского[6] — это *благословение того, что есть*, мне внутренно ближе. Как бы мне хотелось увидать рядом висящими «Форум» Сил<ьвестра> Щедрина, что в Третьяковской, и Форум Коро (что в Лувре), написанные почти с одной точки и <в> тот же час дня![7]

Спасибо за впечатление о «Бесах». Я из Ваших слов понял о постановке больше, чем из всего, что об ней писалось.[8] Мне только этого жаль не увидеть в Москве этой зимой. Ошибки и неудачи в Худож<ественном> театре не менее интересны, чем достижения.

Что до отсутствия мыслей у Сен-Виктора — это меня самого тоже раздражало во время перевода (это отразилось в предисловии). Поэтому не трудно в этом отношении быть богаче. А для того чтобы не возгордиться Вашим мнением о «Ликах», я вспоминаю слова Теофиля Готье: «Новая мысль? Новая мысль может каждому дураку прийти в голову. Всё дело в том, как ее выразить...». В этом смысле Сен-Виктор был мне всегда школой.[9] Но мне хотелось бы слышать Вашу *критику*. Мне она очень нужна. Приходилось ли Вам слышать чьи-нибудь мнения и отзывы о «Л<иках> Тв<орчества>»?[10]

Теософия... Я продолжаю штудировать «циклы»,[11] некоторые с восторгом. Но вполне понимаю Вас. Я тоже не могу говорить о теософии.[12] Знания, дающиеся ею (и не пережитые), слишком догматичны и поэтому теряют всякий смысл, когда их слышишь из вторых уст, а не от самого Штейнера. Они все очень убедительны, т<ак> к<ак> намечают следующие ступени того пути, по которому уже давно идет мысль. Но для того, чтобы говорить об этом, я должен открыть их вновь уже лично.

Книга моя о готике, конечно, не будет кончена весною. Как всегда бывает со мною — я пользуюсь случаем «растекаться мыслью по древу»[13] и читаю и выписываю всё новые и новые книги по относящимся сюда вопросам. Сейчас ушел к литургическим поэтам ср<едних> век<ов>. И еще очень хочется осветить ясно вопрос о влиянии античного мира в Средневековье (которое было громадно) и чем оно отличалось от влияний на Ренессанс. Мне чувствуется здесь некоторая путаница, что была и в истории искусства до Винкельмана:[14] неясное различение между латинским и греческим миром. Ведь если из Римской религии вычесть все греческие влияния — мы имеем *весь католицизм*, сложившийся за шесть стол<етий> до Р<ождества> Х<ристова>. А дальше

уже в христианстве — то же самое: надо учесть приливы и отливы византийских влияний. Средневековье — всё на латинских корнях. А Ренессанс — в новой волне эллинизма. Но это все надо выявить и обосновать. Мне ведь хочется дать готику как кристалл духа и найти соответствия и значения всех граней этого кристалла в жизни.

Это все только теперь начинает точно оформливаться.* А Сабашников меня торопит,[15] и, боюсь, Пра, приехав, будет ворчать, что я «ничего за зиму не сделал».

Слет обормотов будет ранний. Пра с Майей приедут пред Пасхой.[16] Собираются весной — Толстой, Кругликова, Сарьян...

Приедете ли, Юлия Леонидовна, этим летом? Мне будет очень, очень жаль, если Вы предпочтете Коктебелю какую-нибудь иную точку в пространстве.

Спасибо за каталог гипсов.[17] Сейчас я не буду беспокоить Вас новыми комиссиями: я вполне удовлетворен имеющимся маленьким моргом.

До свиданья. Привет Ек<атерине> Ива<новне> и Феод<ору> Конст<антиновичу> и Магд<е> Макс<имилиановне>.[18]

Максимилиан Волошин.

P.S. Цензура не хотела выпускать «Альманах Гриф» (из-под ареста), где напечатаны мои «Lunaria», за строчку:

... «над кратером Гиппарха
Бдит "Volva" — неподвижная звезда»...[19]

О, классическое образование русских цензоров! Они приняли volva (от volvere — кружиться: имя, данное селенитами Земле, по Кеплеру) за одно неприличное латинское слово (несколько созвучное), которым наслаждаются обычно гимназисты III-го класса...[20] Я думал, что они по крайней мере Иошуа Бен-Пандира заметят![21]

* *В автографе:* офамливается.

[1] Почтовые штемпели на конверте: Феодосия. 14.2.14; Петербург. 17.2.14.

[2] Имеется в виду письмо Оболенской от 4 февраля 1914 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 30–34 об.).

[3] См. примеч. 12 к п. 46.

[4] В письме от 4 февраля Оболенская делилась с Волошиным впечатлениями от живописи, увиденной в январе в Москве: «Матисс, Гогэн у Щукина – были для меня открытием. Но, пожалуй, всего настойчивей вспоминаются сейчас пейзажи Щедрина, которые при прежней развеске в Третьяковской галерее не попадались мне на глаза, а может, я их еще не понимала».

[5] Первое пребывание Камиля Коро в Италии относится к 1825–1828 гг., оно отразилось в нескольких альбомах этюдов. После этого художник жил в основном в Виль-Д'Эвре – предместье Парижа (его картина «Виль-Д'Эвре» – 1865).

[6] Отклик на слова Оболенской в письме от 4 февраля: «Когда смотришь на фотографии с вещей Богаевского (их много у Конст<антина> Вас<ильевича>), чудятся небывалые ослепительные фрески; и какая обида в действительности – современная кустарность в технике. И еще. Чернота теней – точно освещено в закрытом помещении через окно – обесценивает яркость красок (в Мантенье, н<а>пр<имер>), превращая живопись в печать. В его „кубистических“ вещах этого уже совсем нет; все же цвет их еще не цветет, п<отому> ч<то> разбросан, где придется. А Козские рисунки – лучшее, что есть на Мире Искусства. Хочется, чтоб вся живопись была такой. И до нового настоящего пейзажа совсем недалеко. Я так ясно вижу это». (Упоминаются К.В. Кандауров и выставка «Мира Искусства», открывшаяся в Москве в декабре 1913 г.).

[7] Имеется в виду картины «Старый Рим» (1824) С.Ф. Щедрина и «Вид на Форум от сада Фарнезе» (1826) К. Коро.

[8] Подразумевается «Николай Ставрогин» – инсценировка романа Ф.М. Достоевского «Бесы» в Московском Художественном театре (режиссер Вл. И. Немирович-Данченко, в роли Ставрогина В.И. Качалов; премьера 23 октября 1913 г.). Зафиксировано около 180 печатных откликов на эту постановку (см.: Ф.М. Достоевский и театр. 1846–1977. Библиографический указатель / Сост. С.В. Белов. Л., 1980. С. 29–38). Оболенская писала Волошину 4 февраля о спектакле: «Какое богатство – Достоевский: на этот раз у них не вышло – а все-таки оторваться трудно. Из "Бесов" взято лишь, как Ставрогин проходит через встречные души – так и проходит на сцене Качалов через ряд комнат, причем совсем непонятно, к чему тогда сцена бала. И некоторые плохо играют, другим нечего делать, многие слишком

просты. У Достоевского люди фантастичней и больше похожи друг на друга, точно центр всех в нем самом; почему-то теперь это не вышло. Но это было самое интересное в Художественном театре из того, что пришлось видеть».

[9] Отклик на предпринятое Оболенской в письме от 4 февраля сопоставление книги Волошина «Лики творчества» с переведенной им книгой П. де Сен-Виктора «Боги и люди»: «Вы мне гораздо больше нравитесь, чем St. Victor, как я ни старалась. Его портреты гораздо менее глубоки и ярки и взяты как-то очень нормально под одним углом – в то время как у Вас десять раз все перевернуто, показано со всех сторон, вообще он монотоннее и кажется мне гораздо более внешним».

[10] Оболенская отвечала 1 марта 1914 г.: «Вы просите критики на Лики Творчества. Они для меня как драгоценные камни – я могу предпочитать сапфиры и Барбэ д'Оревильи – но критика? А Вы, кажется, приняли это за комплимент. <...> Отзывов я слышала немного, п<отому> ч<то> мало вижу читающих людей, все больше озверелых живописцев без образа и подобия. Но те, которые слышала, – были очень близки моему».

[11] См. примеч. 5 к п. 55.

[12] 4 февраля Оболенская писала Волошину: «...каждый раз на меня нападает какой-то словесный аскетизм, когда дело касается теософии. Вероятно, я слишком мало знаю для того, чтоб задавать вопросы – мне как-то многое кажется несущественным, многое слишком знакомо».

[13] Формулировка из «Слова о полку Игореве»: «...растѣкашется мыслію по древу».

[14] Подразумевается труд Иоганна Иоахима Винкельмана «История искусства древности» (1763), наметивший общую линию развития античного искусства и на многие десятилетия утвердивший нормативный характер античного эстетического канона.

[15] См. примеч. 2 к п. 29.

[16] См. примеч. 4 к п. 60.

[17] 9 января 1914 г. Оболенская сообщала Волошину в письме, в которое вклеила печатную вырезку «Маски», содержащую 27 обозначений: «...я достала наконец каталог гипсов в Академии, как видите, выбор очень скудный; здесь даже Достоевского нет, который был в моей лавочке. <...> Может быть, Вы хотите Гоголя? Я пришлю тогда. Лермонтова и Соловьева нигде не нашла» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 28–29). Ср. п. 27, примеч. 7.

[18] Е.И. Оболенская, Ф.К. Радецкий, М.М. Нахман.

[19] См. п. 58, примеч. 3.

[20] Оболенская отозвалась на это сообщение в ответном письме от 1 марта 1914 г.: «Ваш цензор – прелесть! Вот слово молвил, рублем подарил. А мы с Москвы ломали голову, что бы это могло быть. Светлая голова!»

[21] Подразумевается строка из 14-го сонета венка «Lunaria»: «У бледных ног Иешуа Бен-Пандира» (Т. 1 наст. изд. С. 214). Иешуа Бен-Пандира (Бен-Пантера) – талмудическое именование Иисуса Христа, отождествляемого (вслед за римским философом Цельсом) с сыном римского легионера Пантеры. См. также примеч. 9 к п. 31.

66. Ан. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

13 февраля 1914 г. Коктебель

13/2 1914 Коктебель

Многоуважаемая Анастасия Николаевна,

посылаю Вам заказною бандеролью ряд заметок для «Дн<евника> Пис<ателей>»[1] под общим заглавием «Блики»,[2] которое мне хотелось бы вообще удержать для моих писаний там.

К сожалению, поспешность помешала мне как следует обдумать все, подготовить и выбрать. Пришлось взять из имеющегося материала. Мне все же нужно быть более в курсе всего издания и его духа, чтобы направить мысль как следует для следующей работы. Нисколько не обижусь, если эта моя посылка и не подойдет к изданию.[3] Я собрал ряд отдельных мыслей (и наблюдений) о наготе, нарочито тревожащих, но, не высказываясь, по существу.

Привет Феод<ору> Куз<ьмичу>.[4] Получил ли он «Лики Тв<орчества>»?[5]

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 3 к п. 61.

[2] Каков точно был состав высланных Волошиным заметок, неизвестно, в № 1 «Дневников Писателей» за 1914 г. была опубликована статья Волошина «Блики. О наготе» (С. 34–40). См.: Т. 5 наст. изд. С. 23–26, 659–660.

[3] Ан. Н. Чеботаревская отвечала Волошину 16 февраля 1914 г.: «...очень благодарим за наготу, возьмем, подходит, очень интересно, может только для 1-го № надо что-либо больше характера “дневника”, ну, хоть вроде тех мыслей, что приходят Вам, гуляя по берегу моря, на февральском солнце... Но и это очень хорошо...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1269, л. 7).

[4] Ф. Сологуб.

[5] См. примеч. 2 к п. 37.

67. К.В. КАНДАУРОВУ

14 февраля 1914 г. Коктебель[1]

14.II.1914.

Дорогой Константин Васильевич,

Спасибо за твою открытку.[2] Я только что съездил в Феодосию на велосипеде. Костенька очень мрачен и недоволен всем, что делает. Даже не показал ничего на этот раз (а раньше все же показывал, но запрещал говорить об этом). Его надо ободрить. Показывал ему письмо Оболенской, пришедшее как нельзя более кстати, где она пишет, что его вещи лучшее, что было на Мире Искусства.[3]

У нас весна. Совсем дома невозможно сидеть — тянет в горы, к земле, на солнце. Последние дни и работается-то плохо. Непременно приезжай на Пасхе. Хочется тебя видеть, и тебе необходимо вздохнуть. Крепко целую тебя. Привет Анне Владим<ировне>.[4]

МАХ.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Феодосия. 15.2.14; Москва. 17.II.14.

[2] В этой открытке, датированной 10 февраля 1914 г., Кандауров писал о К.Ф. Богаевском — в ответ на п. 59: «Я получил твое прекрасное письмо и могу тебе сказать, что ты вполне прав. Я напишу ему большое письмо» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 615). По получении двух писем от Кандаурова Богаевский ответил ему 21 апреля 1914 г. письмом, в котором признавался в неудовлетворенности своими

последними работами: «Приехав из Ялты, – я отвернул свои картины и увы, – все оказалось ужасно плохо. <...> Какая-то заслонка стала перед моими глазами. Вещи какие-то выходят все бескровные, без красок, как трупы <...>» (*Бащенко Р.Д.* К.Ф. Богаевский. М.: Изобразительное искусство, 1984. С. 125).

[3] См. примеч. 6 к п. 65.

[4] А.В. Кандаурова.

68. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

15 февраля 1914 г. Коктебель

15/II 1914.

Милая мама, только что получил твое письмо большое (от 10/II)[1] и хочу сейчас же ответить тебе, потому что все, что ты пишешь о Бальмонте, меня очень взволновало, т<ак> к<ак> показало мне, что все-таки ты совсем, совсем не понимаешь *моего* отношения к людям, о котором я так много писал тебе. Мне так хочется, чтобы ты поняла меня, а то ведь это всегда будет стоять между нами, т<ак> к<ак> ведь это самое важное. Я попробую объяснить тебе, что хочу сказать именно на примере Бальмонта.

Когда я все узнал о Майе,[2] у меня было глубокое негодование на него, как бывало уже много раз, и даже больше. Но это было негодование, а не осуждение. А когда я сейчас перечитываю твое осуждение в письме, то чувствую себя оскорбленным и за Бальмонта, и за твое такое неглубокое суждение. Да. Его, узнав это, каждый осудит. Узнав же многое из другого, чему я был свидетель, – осудит его больше. А разве кто-нибудь давал *право* судить и осуждать? Разве человеческое осуждение может принести что-нибудь иное, кроме горшего вреда? Вот ты сейчас начинаешь свое осуждение с полного денигригования его и как поэта и как человека. А это неправда. Потому что он действительный поэт Божьей милостью. А я, например, зная о нем и худшее, все же люблю его как человека больше, чем поэта, т<ак> к<ак> как <к> поэту часто бываю равнодушен. Понять человека можно

только во всей его жизни целиком. Я бы сказал: надо подходить к человеку не в отдельное мгновение существующему, а принимать его со всею его судьбой. Потому что *судьба* человека — это истинный лик его.

Трагедии судьбы делятся на немногие общие типы. Трагедия судьбы Бальмонта — это совершенно явно трагедия Дон-Жуана (конечно, со всеми поправками расы, страны и эпохи). Разве ты осудишь искание и горение Дон-Жуана?

Вот ты пишешь: «В Бальмонтовскую борьбу я не верю, и не горит он совсем». И эта фраза от тебя меня оскорбляет, потому что я знаю, что когда я скажу: «А стихи его?» — то ты ответишь: «Что ж, что стихи? Написать про себя все можно». Но вот в том-то и дело, что в стихах *ничего* выдумать про себя нельзя. Ты станешь заведомо выдумывать, а это окажет<ся> самой глубокой правдой. В этом-то и есть тайна творчества. То, что ложь сразу бросится в глаза своею пресностью, бездарностью, банальностью. Ложью может быть только плохое произведение, а прекрасное по существу своему истинно.

Я в свое время стоял перед Бальмонтом с бóльшими в тысячу раз обвинениями (вся жизнь Екатерины Алексеевны)[3] и все же оправдал его, когда постепенно раскрылась мне вся его судьба. Я даже за минуты опьянения, когда он бывает действительно отвратителен, не смею судить его.

Ты пишешь, что у него не хватает смелости и достоинства попросить прощения у Майи. За что? Разве он знает о той боли, что причинил ей? Разве ему кто-нибудь сообщил о той душевной муке, что она пережила благодаря ему? А сознательно — что он сделал? Он влюбился на мгновение, как влюбляется во всех проходящих мимо. Он не понял, что имеет дело с ребенком — и это вполне допустимо, потому что Майя своими поступками и манерой держать себя может действительно сбить с толку — потому что бессознательно в ней очень много женщины. И потом, конечно, Бальмонт и теперь не знает, кто Майя на самом деле, потому что насколько он остро чувствует людей в отдельные мгновенья, настолько же он их мало понимает вообще. И совсем нельзя себе представить, какой призрак

видел он на месте Майи и к какому созданному своей фантазией лицу он обращался и теперь обращается. У кого же ему просить прощения? Ему это даже прийти в голову не может. Это ты — зная совершенно другую, скрытую от него сторону события — можешь так ставить вопрос. Я говорил об огне, живущем в Бальмонте... Посмотри на все фактические результаты их встречи: Майя пережила глубокую душевную муку, но из этого испытания вышла очищенной, более глубоко понимающей, более взрослой (в хорошем смысле) — это все я чувствую в каждом слове ее писем. Только эти события дали *тебе* возможность понять, оценить и полюбить Майю, которую ты раньше и не понимала и не любила, и в свою очередь заставили Майю полюбить тебя. И это все естественно вытекло именно из бóльного ожога, полученного при встрече с Бальмонтом. Разве это мало? Где же зло, им принесенное?

Ты скажешь: «Да, слава Богу, это все кончилось так благополучно, но он сам-то об этом не думал; и потом не будь меня здесь...».

Совершенно верно. Но ведь мы говорим о том, что было, а не о том, что могло бы быть. Как в стихах, так и в жизни в Бальмонте ценно то, что бессознательно он несет в себе. Этот же самый огонь, который Майю только очистил и углубил и сделал тебе понятной и милой, другую бы погубил, потому что от него добро делается еще более высоким добром, а зло еще более черным злом. Это сила природы.

Ты не будешь, я думаю, сомневаться в том, что я, прочтя письмо твое, чувствовал глубокое негодование на Бальмонта. А между тем*

[1] Это письмо в архиве Волошина не сохранилось.

[2] См. п. 41, примеч. 19, 21.

[3] Е.А. Бальмонт.

---

* *Лист с окончанием текста утрачен.*

69. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

16 февраля 1914 г. Коктебель

16/II 1914.

Милая мама, получил сегодня второе большое письмо твое с продолжением описания приготовлений к маскараду.[1] Страшно весело, даже завидно стало (тем более что сегодня северный ветер сдунул всю весну и наволочил туманов). Очень хочется знать все, как будет, как можно подробнее, и пояснения всех номеров, которые ты будешь давать. Ты напишешь все? И как кто себя вел в своих ролях?

Твои письма задерживались, потому что почему-то масса писем моих попадает предварительно в Отузы. Как раз письма между 1 и 10 февр<аля> очень туго приходили и только открытки.

Значит, как раз – либо вчера, либо сегодня происходит это маскарадное действие – может бы<ть>, сию минуту, когда я пишу тебе. Как случилось, что Озаровская приняла на себя эту организацию Обормотника?

Очень радуюсь сеттеренку, которого ты везешь с собою. По крайней мере будет собственная собака порядочная, которую можно и в комнаты пускать.

Сейчас я во всем доме один: Василий с Дуней ушли в иллюзион, действующий в деревне в новой кофейне. Вот прогресс! Кроме того, там показывают фокусы и танцуются различные национальные танцы.

О ходе твое<го> лечения получил все твои письма. Но все-таки тебе никак нельзя оставаться с куреньем. Надо испробовать все способы – ведь и кроме гипноза есть еще какие-то.[2] Ты бы спросила у Плетнева?[3] Ведь все-таки это слишком важно для твоего здоровья – нельзя же тебе оставаться с этим постоянным источником всех твоих болезней.

Марина пугала меня, что ты приезжаешь с 5-тью грудными младенцами. (2 – Мирры[4] и 3 нов<ого> рабочего). Неужели это правда – все грудные? Да еще Маринин и Асин[5] – это значит, у нас летом будет целый воспитательный дом. Представляю, как это будут летом толковать коктебельские

дачники, верящие в 7 жен,[6] – и как раз семь грудных младенцев!! Вот до чего доводит человека такой образ жизни!

Спасибо за то, что хочешь купить все, о чем я просил, даже если и не получишь денег с Кожебаткина. Но не надо оранжевой занавески – это слишком дорого будет.

Но что необходимо, это полотна на рубахи и штаны, потому что у меня буквально все разодрано, точно сгорело – совсем нечего надевать будет.

Казеину мне тоже не надо: я получу на днях из Германии. А *кроликового клею* очень надо.

Я тоже совсем не так представлял себе Петю Эфрона, как ты описываешь.[7] Я ведь взрослым его совсем не видал.

«Танго» получил и немецк<ую> и русс<кую>.[8]

Кончаю письмо. Я сегодня еще не успел работать: обедал у Елены Павлов<ны>,[9] потом прибирал мастерскую, которая пришла в отвратительно грязное состояние (теперь всё на месте), писал большое письмо в ответ Майе и читал новый № Аполлона и франц<узские> газеты, что Нюша[10] присылает мне время от времени.

До свиданья. Крепко целую тебя и всех обормотов.

MAX.

[1] О приготовлениях к маскараду, устроенному в московской квартире А.Н. Толстого, Е.О. написала Волошину 11 февраля (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 24–25 об.): «Вчера мы по этому поводу вторично собрались у Крандиевских, после 12 ч. ночи, после 3-го концерта Сени Фейнберга; туда и Озаровская приехала <...> окончательно установили, что изображать будем странствующий цирк-балаган, хозяином которого Юбешти-Атибишети буду я, он же и провидец, тут же и депо жизненного эликсира. При мне, вне представления, состоит дочь, найденная в лесу под папоротником в Иванову ночь, – Пастушка-Каприза (следует описание ее, т.е. Майи <М.П. Кювилье. – *Ред.*>, которое она еще не знает и наверно на него не согласится). Остальные 7–8 нумеров с описательными текстами сочинения Озаровской. Переписать их все в письме этом займет слишком много времени и места, сообщу только один, перечислив сначала все номера афиши-свитка. № 1 – Негритянка Кетти Стум с неукротимым волком (Озаровская). № 2 – Последняя из вымирающего племени ковбоев (Туся <Нат. В. Крандиевская. – *Ред.*>).

№ 3 – Королева воздуха Эмма Фифер (Ева <Е.А. Фельдштейн. – *Ред.*>). № 4 – Великанский ребенок Титаник из Атлантиды (Миля – племянник Гольдовского). № 5 – Женщина чрево-змеиное гнездо (Ася <А.И. Цветаева. – *Ред.*>). № 6 – Древняя греческая пифия – Цыганка Зумбра (Лиля <Е.Я. Эфрон. – *Ред.*>). № 7 (пишу полный текст) “трагическая игра природы: двоюродные братья-близнецы: Голфштрем и Пуся (Миша <М.С. Фельдштейн. – *Ред.*> и его племянник). Замечательно молниеносное поседение рожденного феномена от позора предстоящей жизни. Мать отличалась хрупким сложением. Принимал повивальный Баб Макс Волошин”. Ты очутился в повивальных бабах по моему настоянию, т<ак> к<ак> Озаровская прочила сюда Кругликову, но я запротестовала, сказав: кого угодно, только не ее. № 8 – Удивления д<ля> науки и врачей – Спящая красавица. – Это номер, уже 2 по счету, был сочинен мною для Веры <В.Я. Эфрон. – *Ред.*>, но она уже от него и от первого (Дикарь, пожирающий живую курицу) отказалась; хочет д<ля> себя что-то в паре <с> Соколом <В.А. Соколов. – *Ред.*> сочинить. – На сцене все время вертится клоун – Надя Крандиевская. Она вчера была великолепна; привела Озаровскую в полный восторг. Да, еще можно упомянуть одну подробность: ребенок Титаник с усами и бородой родился у Юлии Постраны от Маринети». В последней фразе фигурируют бородатая женщина Юлия Пастрана (1834–1860), найденная в лесах Сьерра-Мадре (Мексика) и демонстрировавшаяся в Европе, в том числе в 1858 г. в России, и итальянский писатель и теоретик футуризма Филиппо Томмазо Маринетти (1876–1944), посетивший Россию в 1913 г. Маскарад был назначен на 14 февраля.

[2] 11 февраля Е.О. сообщала Волошину: «Дыхание мое, несмотря на принимаемые лекарства и то, что курю вместо 25–30 только 12–15 папирос в день, – не улучшается, но бодра духом и весела так, как в 64 года совсем быть не полагается».

[3] Дмитрий Дмитриевич Плетнев (1872–1941) – врач-терапевт, профессор.

[4] М.Я. Готфрид (Свободина).

[5] Имеются в виду А.С. Эфрон, дочь М.И. Цветаевой и С.Я. Эфрона, и Андрей Трухачев (1912–1993), сын А.И. Цветаевой и Б.С. Трухачева.

[6] Подразумевается: семь жен Волошина.

[7] П.Я. Эфрон – старший брат С. Эфрона и его сестер; член партии эсеров. Письмо Е.О., в котором сообщается о П. Эфроне, среди ее писем к Волошину не сохранилось.

[8] В архиве Волошина сохранилась одна открытка от Е.О. (от 6 февраля 1914 г.) с фотоснимком «Танго» (изображение танцу-

ющей пары, надпись по-русски (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 23). Е.О. спрашивала о получении открытки в письме от 11 февраля.

[9] Е.П. Паскина.

[10] А.Н. Иванова.

70. Р.М. ГОЛЬДОВСКОЙ

17 февраля 1914 г. Коктебель

17 II 1914. Коктебель.

Дорогая Рашель Мироновна,

благодарю Вас за такое хорошее отношение к моим «Лик<ам> Тв<орчества>».[1] Сперва, когда я увидал эти статьи разных эпох спрессованными в одну книгу, мне показались они сплошным хаосом, невыявленным и неоформленным. Теперь, когда начинают постепенно доходить до меня редкие слова дружественного одобрения, этот том начинает постепенно отделяться от меня и каждое слово похвалы приносит облегчение и делает его более чужим и далеким. Понимание и признание имеет только один смысл: оно позволяет отречься внутренно от своего произведения, бросить его на произвол судьбы и идти дальше к новому. Непризнание же только тем и тяжело, что заставляет нести на плечах весь груз прошлого и лишает свободы пред будущим. Это все, конечно, во внутреннем творческом мире, потому что во внешнем — житейском бывает как раз наоборот. Из написанного мною за эти годы может выйти еще два таких же тома — один о живописи, другой о русской литературе.[2] От них необходимо освободиться.

Да, Вы правы: запереться в Коктебеле было необходимо.[3] Я это понимаю и каждую минуту радуюсь, что это так. Мне сами обстоятельства подсказали необходимость этого. Судьба очень настойчиво говорила об этом последние годы. И я так благодарен всем ее указаниям: и тому, что меня перестали в газетах печатать, и тому, что каждое мое слово и появление производило последнее время скандал в публике, и Репинской истории,[4] — все это вело к одному —

к Коктебелю, и все это было мудро и нужно. И мне теперь хочется, следуя этим указаниям, на долгое время затвориться здесь — не только на эту зиму. Когда жизнь принесет обратное указание — что я могу быть нужен и полезен, тогда я последую им. А пока у меня все еще не проходит чувство глубокого удовлетворения своим одиночеством.

Все больше и больше приходишь к убеждению, что нужно как можно меньше *желать* и *выбирать*. Чтобы быть богатым, надо только внимательно прислушиваться к жизни. Тогда она станет разнообразна, необычайна и полна...

Все это время начинавшаяся весна уводила во внешний мир. Вчера северный ветер ее сдунул и снова запорошил снегом вершины гор. Снова стало тихо и сосредоточенно внутри и явилась возможность работать.

Читали ли Вы «Promenades littéraires» (V-me série) R. de Gourmont?[5] Там есть очень интересные страницы, напр<имер> о Гонкурах... В Коктебеле я гораздо больше живу Францией. И весь строй жизни мне напоминает парижскую мою жизнь. Я получаю много французских журналов, газет и книг. И не только получаю, но и успеваю внимательно прочесть их, что в самом Париже так же невозможно, как и в Москве.

Недавно я тоже получил от Бальмонта новые его книги[6] и на надпись его ответил стихотворением, которое мне хочется прочесть Вам.

Вот оно:

Здравствуй, отрок солнцекудрый
С белой мышью на плече!
Прав твой путь слепой и мудрый,
Как молитва на мече...
Здравствуй, дерзкий, медно-лицый,
Возжелавший до конца
Править грозной колесницей
Пламеносного Отца!
С неба павший, распростертый,
Опаленный Фаэтон, —
Грезишь ты, с землею стертый,

Все один и тот же сон:
Быть как солнце! до Зенита
Разъяренных гнать коней,
Пусть алмазная орбита
Прыщет взрывами огней!
И неверною рукою
Не сдержав узду мечты,
Со священной четвернею
Рухнуть с горней высоты...
В темном пафосе паденья,
В дымах жертвенных костров
Славь любовь и исступленье
Воплями певучих строф.
Жги дома и нивы хлеба,
Жги людей, холмы, леса!
Чтоб огонь, упавший с неба,
Взвился вновь на небеса![7]

Надеюсь, что это письмо еще застанет Вас до отъезда к Ламану.[8] На днях я писал Еве.[9] Получила ли Надежда Ивановна мое письмо, что я ей написал около 12–15 января?[10] Мне очень, очень интересно и *нужно* узнать Ваше подробное мнение о «Лик<ах> Тв<орчества>», и чем безжалостнее и больше будете Вы говорить о недостатках — тем это мне будет более ценно.[11]

Привет Онисим<у> Борисов<ичу>, Над<ежде> Ив<ановне>, Мише и Еве.[12] Где сейчас Надежда Евгеньевна?[13] Я очень сожалею, что не имею возможности, располагая ограничен<ным> числом экземпляров, послать ей «Лик<и> Тв<орчества>». Но мне бы очень хотелось знать, что она думает о ней, если видела ее.[14]

Максимилиан Волошин.

[1] 12 февраля 1914 г. Гольдовская писала Волошину: «Я так довольна “Ликами Тв<орчества>”, что, когда хочу сделать кому-ниб<удь> подарок, то дарю эту книгу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 434).

[2] 2-й том «Ликов творчества», посвященный изобразительному искусству, был смакетирован Волошиным, но опубликован при его жизни не был; по авторскому макету напечатан в наст. изд.

(Т. 5. С. 5–182). Том статей о русской литературе не был подготовлен Волошиным, сохранился лишь его черновой план («Лики творчества. II. Современники (1907–1913 гг.)» // *Там же*. С. 648).

[3] Отклик на фразу Гольдовской из цитированного письма: «Как Вы умны, что остались в Коктебеле».

[4] Подразумевается эффект, произведенный публичными выступлениями Волошина в связи с актом вандализма по отношению к картине И.Е. Репина «Иоанн Грозный и сын его Иван». См.: Т. 3 наст. изд. С. 305–362, 538–559.

[5] Имеется в виду книга статей: *Gourmont Remy de*. Promenades littéraire. Cinquième série. Paris: Société du Mercure de France, 1913.

[6] «Шлю <...> книги свои», – сообщал К.Д. Бальмонт в письме к Волошину из Парижа от 31 января / 13 февраля 1914 г. (*Давыдов З.Д., Купченко В.П.* Письма К.Д. Бальмонта к М.А. Волошину // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1989. М.: Наука, 1990. С. 47). Эти книги Бальмонта сохранились в библиотеке Волошина в Коктебеле. Одна из них – «Край Озириса. Египетские очерки» (М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1914), с дарительной надписью: «Максу Бальмонт. 1914. II. 13. Париж»; другая – «Звенья: Избранные стихи. 1890–1912» (М.: Скорпион, 1913), со стихотворной надписью:

Максу

Поэту с львиной головой,
Что к нам, блуждая, из Эллады
Пришел и пел: «Душа с тобой
Проникла в лунные громады,
В их роковое волшебство,
И, видя сны, берет его».

К. Бальмонт. 1914. 14 II. Париж.

[7] Стихотворение впервые опубликовано под заглавием «Фаэтон» в составе волошинского цикла «Облики» (Русская Мысль. 1917. № 11/12. Отд. I. С. 135–138). См.: Т. 1 наст. изд. С. 199–200. Вариант ст. 24: «Воплями напевных строф!».

[8] В письмах от 14 января и от 12 февраля 1914 г. Гольдовская сообщала Волошину о предстоящем отъезде – своем и Н.И. Ивановской – «в прозаический санаторий д<окто>ра Ламана – около Дрездена».

[9] Е.А. Фельдштейн. См. п. 43.

[10] Н.И. Ивановская. См. п. 42.

[11] В открытке из Германии (Weisser Hirsch bei Dresden) от 13/26 марта 1914 г. Гольдовская сообщала: «Перечитываю — по страничкам "Лики Тв<орчества>" — с *карандашом* в руке! В свое время все отпишу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 434). Письма с более развернутым отзывом о «Ликах творчества» в подборке писем Гольдовской к Волошину нет.

[12] О.Б. Гольдовский, Н.И. Ивановская, М.С. Фельдштейн, Е.А. Фельдштейн.

[13] Н.Е. Ауэр.

[14] В цитированной открытке Гольдовская извещала Волошина, что подарила Н.Е. Ауэр его «Лики творчества».

71. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

18 февраля 1914 г. Коктебель[1]

18/II 1914.

Милая мама, пришла твоя открытка, перед отправлением на маскарад.[2] Очень жду описания того, что там было. Но едва ли дождусь его завтра — наверно на следующий день ты не в состоянии будешь писать. Изумляюсь твоей энергии и легкомысленному обращению со смерт<ной> рубахой. Не менее изумляюсь и тому, что Кожебаткин привез 100 рублей! Не знаешь — пришлет ли он мне экземпляры моей книжки? или эти 3 он предназначает для меня и только? Тогда вышли мне хоть один — посмотреть. Почему ты хочешь выехать на 6-ой неделе? Ведь это Страстная. Не достанешь билетов — особенно когда поедешь и с Майей, и с Миррой[3], и с ее детьми, и с Кандауров<ыми>, и с рабочим... Тебе гораздо лучше выехать на 5-ой неделе и даже в начале ее (она начинается 23 марта), чтобы не попасть в волну едущих на юг. Нашу весну сдунуло. Снова серо и холодно. Я простудился — назревает насморк и болит голова. Вчера в Севастополе начался военный суд над Меметом, убившим Хрущова.[4] Говорят, что это не первое его убийство, что ему не избежать смерт<ной> казни. Очень его жаль. В газетах ничего нет о его деле. У меня с Орлишкой[5] теперь идет регулярная пере-

писка. Она очень рада твоему письму. Крепко тебя целую. Пришли мне одну из моих книжек немедля. Хорошо?

Целую обормотов.

МАХ.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Феодосия. 19.2.14; Москва. 21.2.14. Отправлено по адресу: Кривоарбатский пер., 13, кв. 9.

[2] 16 февраля Е.О. писала Волошину: «...сегодня ночью маскарад у Толстых (вероятно, описка; предполагается второй маскарад: «у Гриневич»; см. п. 72, примеч. 1. – *Ред.*). Все дошивают костюмы. У меня колпак, халат (смерт<ная> рубаха), борода, усы седые – все готово, только вот выспаться Кожебаткин не дал: привез 100 р., дал 3 твоих книжки, Ходасевича "Счастлив<ый> домик" и "Альманах" Альциона» (три книжки Волошина – «Маркиз д'Амеркёр» Анри де Ренье в его переводе) (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 26).

[3] М.П. Кювилье, М.Я. Готфрид (Свободина).

[4] Татарин из Отуз Мемет Умер-оглу обвинялся (вместе с двумя другими поселянами) в убийстве 2 апреля 1913 г. помещика И.Н. Хрущова; дело разбиралось Севастопольским военным судом (см.: Крымский Вестник. 1914. № 44. 18 февр.).

[5] А.И. Орлова.

72. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

21 февраля 1914 г. Коктебель

21/II 1914.

Милая мама, пришло твое описание маскарада у Гриневич.[1] Очень весело читать. Мне жаль, что я не видел этого. Хотя сам бы не сумел бы ничего внести: я ведь почему-то сам совсем не умею принимать участия в таких маскарадах. Может, потому, что больше люблю смотреть на других, чем отдаваться самому. Мне кажется, что ты никогда еще при мне не вела такого бурного и легкомысленного образа жизни. (А я никогда при тебе не был таким домоседом и хозяином, как теперь.) Как в разлуке неожиданно выявляются характеры! Кто же был кроме обормотов у Гриневич? Были еще костюмированные? Но я ужасно рад, что ты так

весело и буйно живешь и завоевываешь сердца. Но уже невольно начинаю тебя поджидать в Коктебель. Весна опять вернулась сегодня, насморк прошел, я опять возился в саду. Сейчас у меня все время совсем нет того сосредоточения в работе, как было всю зиму. Скорее хочется видеть людей, чем сидеть дома. Но поездки в Феодосию вполне удовлетворяют мою жажду общества и разговоров. И об Москве я все-таки не скучаю, несмотря на все веселья, что ты описываешь; да и как бы там ни было хорошо — от весны было бы совершенно невозможно уехать.

То, что ты пишешь про Майю, меня беспокоит за нее. А она что-то мне не отвечает на мои письма. Спроси ее, получила ли она *два* моих письма больших? Теперь с приездом Викт<ора> Алекс<андровича>[2] она снова бросит мне писать, боюсь. А мне сейчас было бы очень важно, чтобы она мне ответила на одно письмо, где я писал о нем; чтобы понять ее отношение к нему ясно. Я много об этом думаю, но скажу тебе подробнее, когда она мне сама больше расскажет. Я боюсь, что здесь *он* более страдательное лицо, чем сама Майя. Но не говори ей этого, конечно.

Сегодня я обедал у Юнге.[3] Там эти дни гостил Александр Деген[4] (тот, что женился в Коктебеле).

У нас, я тебе писал уже, установились очень хорошие отношения и с Феод<ором> Эдуард<овичем>, и с Ольгой Андреев<ной>. Она также переменилась теперь ко мне, как и к тебе осенью.

Я там раза два в неделю бываю: то ужинаю, то обедаю, и с Феод<ором> Эдуард<овичем> у нас идут бесконечные разговоры.

Мне очень стало грустно, что Мирра не попадет в Коктебель.[5] Грустно и за нее — ведь она так мечтала о том, чтобы море увидеть, и жаль, что я ее так и не увижу. Поговори еще с нею — может, есть еще возможность это уладить и устроить.

Поблагодари Веру за привет, вписанный в твое письмо.[6] И напиши мне о ней. Я ничего не знаю о ее жизни, о ее планах. Ведь она расстается со школой[7] этой весной? Что она думает делать? Попадет ли в Коктебель? А Лиля, думает ли о

Коктебеле? Получила ли она Хиромантию?[8] Была ли Вера на обоих маскарадах? и кем? и что делала?

Ты мне ничего не писала о моей книге.[9] Впрочем, сама ты не успела, конечно, ее прочесть. А что ты слыхала от других? Едет ли в Коктебель Алехан?[10] Собирается ли Кругликова? До свиданья. Крепко тебя целую — и Лилю, и Веру, и Майю.

МАХ.

Сегодня рассадили весь дрок. Цветочные же семена еще не решаюсь. Хотя уж, видно, зимы настоящей не будет. Третьего дня ночью — все сплошь занесло было снегом — но к утру уж ничего не было. И по югу России уже всюду весна.

[1] 17 февраля Е.О. писала Волошину: «После вчерашнего маскарада у Гриневич встала, разумеется, поздно. <...> Теперь тебе нужно рассказать, как сошел вчерашний маскарад с повторением нашего балагана, в котором номер борца исполнял Алехан <А.Н. Толстой. — *Ред.*> великолепно, № Спящей Красавицы — Епифашка <С.И. Дымшиц-Толстая. — *Ред.*> восхитительно; Озаровская была уже не негритянкой, а conférencière в этом цирке, я — магом-волшебником; Лиля не захотела принимать активного участия, зато танцевала Инна <И.В. Быстренина. — *Ред.*> и еще одна Кузнецова пела частушки и плясала русскую по-настоящему, по-деревенскому, очень выдержанно. Все были восхищены нашим представлением. Кроме того, Озаровская много рассказывала, но почему-то произвела впечатление какой-то неприступности на публику. <...> Кругликова была несравненно интереснее, чем у Толстых, и по костюмам и по проявлению себя в танцах. Н.С. <Кругликов. — *Ред.*> опять декламировал, и опять твои “Кастаньеты”, и привел меня в такой раж, что я выскочила в круг, пропела по-чешски <?> со змеей в руках. <...> с таким одушевлением и с таким жестом бросила с последним звуком змею от себя, что воздух задрожал от аплодисментов. Хорошо, с большим воодушевлением танцевала Инна; Надя-клоун <Над. В. Крандиевская. — *Ред.*> была восхитительна, но ни за что не хотела представить что-нибудь помимо этого. Майя <М.П. Кювилье. — *Ред.*> совсем не приехала, и мне опять не удалось демонстрировать ее, как дочку свою — Пастушку-Капризу. — Теперь она опять неистовствует с Гугукой <прозвище В.А. Веснина. — *Ред.*> и дошла до того, как призналась мне сегодня под большим секретом, что пыталась заколоться.

Не знаю, подействуют ли на нее мои слова и урезонивания. — Всем бы вчера хорошо было, если бы не масса народа, сидевшая по стенкам только как безучастные зрители, и которых я время от времени вспрыскивала живой водой из большого пульверизатора в виде клистирной трубки. Да, вот еще вина не дали; пришлось утолять жажду какой-то бел<ой> сладковатой жидкостью, не разберешь чем, которую я пила с блюдечка, называла белыми помоями и полоскала в ней свою змею. Эва <Е.А. Фельдштейн. — *Ред.*> хорошо ходила по канату; танцевала с Кругликовой мазурку еще лучше. У Гриневич для представления, танцев места было много, и весело было, но у Толстых, несмотря на тесноту, шло все бурно-весело, как поток неудержимый, и хозяева были гостеприимнее» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 27–28 об.).

[2] В.А. Веснин.

[3] Ф.Э. и О.А. Юнге.

[4] Александр Викторович Деген (ок. 1870 — ок. 1915) — чиновник, товарищ А.Э. Юнге по университету, первый муж Д.А. Юнге.

[5] В недатированном письме к Волошину М. Готфрид-Свободина сообщала: «Случилось так, что я приехать не могу, так жаль, что и сказать не могу, но все-таки, если можно, пришлите мне немного морских камней. А?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 448).

[6] Имеется в виду приписка В.Я. Эфрон на письме Е.О. от 17 февраля: «(Пришла я (Вера), помешала Пра, немножко посплетничали. И я иду спать. А тебе, Максинька милый, шлю привет ба-альшой!)».

[7] Имеется в виду школа ритма и грации Е.И. Рабенек.

[8] См. примеч. 3 к п. 38.

[9] Подразумевается книга статей «Лики творчества».

[10] А.Н. Толстой.

73. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

1 марта 1914 г. Феодосия[1]

1/III 1914.

Милая мама, сейчас еду в Коктебель. Не писал эти дни, т<ак> к<ак> в Феодосии нет места для писем.[2] Задержался здесь благодаря урагану, который окончился только сегодня. Вчера получил твое заказное (от 25/II).[3] Отвечаю на вопросы

о поручениях: купи мне *кроликового клея* 4 или 5 ф<унтов> (казеина не надо). Если нет сандалий на лосиной подошве, то купи простые — но те, что подороже (более закрытые). Они гораздо лучше. Если можно, купи мне еще и того серого холста на длинную рубаху, что понравился тебе. — У меня все истлело, и лучше купить на 4 рубахи (всего-навсего). Сегодня из Коктебеля напишу тебе большое письмо — т<ак> к<ак> наверно найду дома еще много твоих писем.

До свиданья. Целую крепко.

MAX.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Феодосия. 1.3.14; Москва. 3.3.14.

[2] Волошин находился в Феодосии с 23 февраля.

[3] Это письмо Е.О. в подборке ее писем к Волошину отсутствует.

74. А.М. ПЕТРОВОЙ

4 марта 1914 г. Коктебель

4/III 1914.[1]

Милая Пифия![2] (Сивилла Киммерийская,[3] записавшаяся в суфражистки!![4]) Получил Ваше письмо...[5]

Третьего дня я тоже получил вопль из Мюнхена[6] с просьбами защитить нашего Аримана[7] от Вашего и К<онстантина> Ф<едоровича>[8] гнева («Милый Макс, подействуй, чтобы в Феодосии к Людвигу не относились, как к малолетнему преступнику... Я боюсь, что А.М. и Бог<аевский> слишком восстановлены против него, благодаря моим письмам»). По-моему, это даже трогательно. Потом были «ужасы» о его поведении на масленице.[9]

Я не успел еще все это обдумать, как стук в дверь и пожаловал ко мне сам Ариман in persona.* Я нашел его очень милым, серьезным и гораздо более уравновешенным, чем все его воспитатели (не исключая и нас с Вами). Мы с ним

* Лично *(лат.)*.

мирно и неторопливо пробеседовали весь вечер. Я нашел, что он научился лучше держать себя и стал разговаривать более связно. Переночевал он у меня под Таиах[10] и чуть свет удрал в горы на работу. Сегодня жду его обратно и передам ему это письмо для Вас.

Сколько я мог понять — его товарищи в Мюнхене очень порядочные и вполне нормальные молодые люди. А во время карнавала он совсем «нормальным» и чисто немецким способом ухаживал за какой-то немочкой (живет в доме у родителей и работает в конторе), ей-то он и нес цветы, когда «нарвался» на процессию весталок с Марг<орей>[11] во главе.

Такому поведению, свидетельствующему о его человечности и доступности ариманического сердца слабостям его возраста, я только порадовался.

Вчера я написал Марг<оре> большое и преподробное успокоительное письмо в оправдание Людвига[12] и ... Вас. Т<ак> к<ак>, очевидно, Вы скоро окажетесь совершенно в таком же положении, на таком же кармическом счету, как Людвиг, если не научитесь вести себя, как нужно с... детьми.

Жаль, что Вы за мной не послали тотчас же по появлении Людвига в то утро: ведь я только около часу дня уехал из города.[13] Теперь же не знаю еще, как и когда попаду.

Тут был перерыв. Поджидаю сегодня Людвига обратно. Задержу его ночевать. И, ежели погода не освирепеет, пойду, пожалуй, завтра с ним вместе в Феодосию. (А назад уже Ваше дело привезти меня обратно).

Но тогда к чему это письмо? Поэтому пока кончаю.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 347.

[2] Пифия — в Древней Греции жрица-прорицательница Дельфийского оракула при храме Аполлона.

[3] Сивилла — в Древней Греции название странствующих пророчиц. Возможно, Волошин называет А.М. Петрову по аналогии с известной в Риме Сивиллой из г. Кумы, которой приписывались собрания пророчеств и изречений в так называемых Сивиллиных книгах, появившихся в VI в. до н.э. и хранящихся в Капитолийском храме. Сивиллины книги играли большую роль в религиозной жизни римлян. Позже Волошин будет работать над статьей «Киммерийская

Сивилла. (Памяти А.М. Петровой)». См.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 340–344, 608–609.

[4] Суфражистки (или суфражетки, англ. *suffragettes*, фр. *suffrage* – избирательное право) – участницы движения за предоставление женщинам избирательных прав. Суфражистки выступали против дискриминации женщин в целом в политической и экономической жизни. Устраивали радикальные акции.

[5] Возможно, вышеназванные обращения к Петровой были спровоцированы оригинальной стилистикой ее недатированного письма, на которое и отвечает Волошин. «Член святейшего синедриона! – писала Петрова. – Сим имею честь известить Вас, что изгнание нечистого духа из благочестивого града Мониса совершилось, и аз есмь приемляй его, заменяя собою целое свиное стадо. В моря не ринулась, но встреча была "классическая"... по своей простоте, – сразу заговорили "по душам" и понимая друг друга... Страшно жалко, что Вы уехали. А вопли оттуда все еще летят. Умоляют меня не ставить виселицы, не рвать ноздрей, не колесовать и т<ому> под<обное>. <...> Милостив Бог, дите мое приехало совсем нормальным и на вид, и по силе кипучей энергии, а я-то боялась идиота увидать... <...> Кстати, Марг<арита> Вас<ильевна> прислала <...> две потрясающие нотации мне, которые едва не двинули меня снова, сломя голову, бежать от спасения моей окаянной души. Пишу и не знаю, не удрал ли уже Людвиг к Вам? <...> он весь горит работать» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 25–25 об.). Речь идет о неожиданном появлении в Феодосии Л.Л. Квятковского, который был отправлен М.В. Сабашниковой из заграницы домой 24 февраля / 9 марта. Этому появлению предшествовала большая переписка Сабашниковой и Петровой по поводу неудовлетворительного поведения Квятковского в Мюнхене. В одном из недатированных писем Сабашникова сообщала Петровой о недостойном поведении Людвига во время Масленицы: «...идя в 12 ч. дня с подругой по улице, я увидела человека и сказала подруге: "Как этот мастеровой похож на Л." Она сказал: "Очень". Когда же мастеровой с нами поравнялся, то он сделал жест безумного испуга, он протянул руку, отмахиваясь от нас, как человек, отгоняющий призрака, и это оказался Людвиг. Этот жест и испуг произвел на нас ужасное впечатление. Я видела, что у него в руках цветы из магазина, он быстро встал боком, спрятав цветы. "Куда это Вы несете цветочки?" – спросила я весело. "Товарищу сегодня именины" – и, пятясь, ушел. С тех пор не был. Отчего этот безумный испуг. <...> А что у него за лицо. То на него смотреть трудно: какой-то кретин, преступный тип, то с ангельскими гла-

зами, гениальное, прекрасное лицо» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 40, л. 10 об. – 11 об.).

[6] Имеется в виду письмо Сабашниковой от 9 марта (н.ст.) 1914 г. из Мюнхена. Цитата из него сокращена Волошиным. Она писала: «Милый Макс, подействуй, чтобы в Феодосии к Людвигу *не* относились как <к> малолетнему преступнику. Он лжет ужасно. Но пусть не показывают, что это знают. Пусть фактически требуют работы, но не пилят. Я убедилась, ему *фактически* <не> нужна строгая требовательность, но ласка, шутка; тогда он раскрывается; а главное во имя *идеала* надо действовать на него; слово теософ для него священно. Милый Макс, будь в этом ему помощью. Доктор дал ему медитацию в помощь от затруднений половой жизни. Может, ты будешь ему другом и поможешь в борьбе. Поддерживай теософские идеи в нем; позови работать в Коктебель. Я боюсь, что и Ал<ександра> Мих<айловна>, и Богаевский слишком восстановлены против него благодаря моим письмам. Он вел себя действительно ужасно, но в его душе есть нечто, на чем можно строить. Сухость и холод его оттолкнет и толкнет на дурное, ибо в нем много темного. Но надо строить на идеале в нем, кот<орый> для него свят; “нельзя строить на том, чего нет”. На юношу надо действовать тем, что убедительно для него, призывая его на утверждение себя, но лучшего; я изумлена, как на него подействовали мои громкие фразы о “мече в руках против зла”, о “высоком рыцарском служении истинной любви и идеалу”. Он внял» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3. ед. хр. 1065). Доктор – Р. Штейнер.

[7] Ариман – дух зла в древнеперсидской мифологии; в антропософской интерпретации – символ духовного разложения и хаоса, противопоставляющийся Люциферу. В недатированном письме Волошину в начале 1914 г. Сабашникова так передавала антропософское толкование этого образа: «Об отношении Люцифера и Аримана больше всего сказано в цикле: “Wie Karma wirkt”. Люцифер царствует в мире душевном, Ариман в материи и в мысли. Преображенный Люцифер – красота, Ариман – сила, крепость» (*Там же*). Здесь употреблено шуточно – применительно к Квятковскому.

[8] К.Ф. Богаевский.

[9] Сабашникова писала Волошину: «...сейчас я отправляю в Феодосию Людвига. Он тут запутался с какой-то гадкой компанией, связался с какой-то женщиной; признаться, я перекрестилась, когда узнала, что это женщина, ибо вид имело, что за ним мужчина; какой-то развратный человек его водил всюду, науськивал отказаться от моей помощи и остаться здесь. От хозяйки я узнала, что он дома часто не ночует; и что черный большой человек сидит у него по ночам. Людвиг был как безумный, очень груб со мной. Ведь и деньги

мог от него же достать. Ему 19 лет, неопытен; а темперамент большой; тут же был карнавал, и Мюнхен бесновался 2 недели. Сегодня я взяла Людвига нахрапом; на его псевдогероизм действовала призывом к истинному героизму во имя Доктора, во имя силы высшего я; предлагала ему свою помощь, как брата на пути; и вот это подействовало. Я просила его, чтобы он ехал сегодня же: *ни с кем не прощаясь*. Он согласился. Видимо, влечет его какая-то страсть, и он может убежать опять туда, как убежал вчера. Сейчас сидит у меня, я не покину его целый день и вечером провожу. Слава Богу, что это женщина! Вот как можно говорить в наше время» (*Там же*).

[10] См. примеч. 7 к п. 17.

[11] М.В. Сабашникова

[12] Это письмо не обнаружено.

[13] Волошин уехал из Феодосии 1 марта 1914 г. (Труды и дни. С. 346).

75. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

4 марта 1914 г. Коктебель

4/III 1914.

Милая мама, пришло твое большое письмо от 28-го.[1] Это ты мало получаешь от меня писем, когда я попадаю в Феодосию: там совсем негде писать писем.

Меня прервал приход Людвига,[2] вернувшегося с гор. Сейчас он ложится спать внизу под Таиах.[3] Я утром получил письмо от Алекс<андры> Мих<айловны>,[4] где она меня зовет сейчас же опять в Феодосию, для разных разговоров о Людвиге же и о его судьбе. Завтра пойду вместе с ним.

От Майи я получил вчера письмо, но очень краткое и несодержательное, и тотчас же ей ответил подробно все, что думаю об самоубийствах и ревности.[5]

Получил сегодня книжки Ренье от Кожебаткина: опять первое, что заметил, это повторение той же ужасной опечатки, что была в Аполлоне: «*Дон*-Рикар» вместо «Дом (Dominus) Рикар», как меня *исправил* Маковский.[6]

Но прежде о поручения<х>: — купи мне, пожалуйста, *коричневые* сандалии на лосиных подошв<ах> за 6 рубл<ей>.

Куруза – я думаю, это будет очень хорошо для диванов. Купи только какого-нибудь очень полного, яркого и глубокого цвета, напр<имер>, *зеленого*, если нет, то по твоему выбору.

Относительно твоего лечения: твой доктор (рекоменд<ация> Майи) мне нравится по твоему описанию. Жаль только, что ты все-таки не взяла у него рецепта того лекарства, которое временно действует через сердце на легкие. Тебе его следовало бы иметь на те случаи, когда начинает очень плохо дышаться. Относительно же куренья, я все-таки на твоем месте попытался бы его преодолеть. Как-никак, энфизема энфиземой, а катар от куренья все-таки остается сам по себе и отягчает энфизему. Все-таки попробовала бы ты еще раз загипнотизироваться хотя бы у него же. Но здесь я не решаюсь ничего советовать, потому что ведь я в сущности против гипнотизма. Но если ты сама ничего с собою поделать не можешь...

Ты пишешь, что Толстые на 4-ой неделе[7] будут уже в Коктебеле. Значит, уже через неделю? Теперь ведь третья... Что-то не верится.[8]

Мне очень важно иметь какое-нибудь средство от подагры и артрита, потому что хотя моя боль в почках и прошла совершенно, но остаются различные летучие боли чисто подагрического характера. В сущности я их знаю очень давно, но мало обращал на них внимания. Они не таковы, чтобы от них стоило бы лечиться, но следует принимать меры предосторожности, чтобы они не развивались. Я решил по возможности совершенно отказаться от мяса и от всего алкогольного. Мне-то это ведь совсем не трудно и лишения большого не составляет.

Из тех трех книжек Ренье, что у тебя, оставь одну себе, а другие дай Вере и Лиле[9] и сделай им дарственные записи на них от моего лица.

Очень радуюсь твоим успехам в свете и твоим «победам» над сердцами. Интересно, что тебе нагадала Кузьмина-Караваева? Было ли там что-нибудь обо мне?

Очень меня рассмешил твой диалог с Еленой Дм<итриевной>[10] в прошлом письме.

Скажи, что это такое за дело Лентулова, осужденного судьей для малолетних (??)?[11] Ничего не могу понять и не очень доверяю газетным сведениям.

Читала ты, что наделала позавчерашняя буря по всему югу России (о 1500 рабочих, погибших на берегу Азовского моря)?[12] Все-таки «сколоченный Михайлой наспех» выдержал ее напор.[13] Во всем доме только одна черепица снесена. А у Елен<ы> Павл<овны>[14] часть крыши снесена и разворочена совсем. Она мне тоже сообщала об ожиданиях Зайца[15] и с полным недоумением, как это может быть. Как ее здоровье и самочувствие?

До свиданья. Крепко целую тебя.

МАХ.

[1] Это письмо в подборке писем Е.О. к Волошину отсутствует.

[2] Л.Л. Квятковский.

[3] См. примеч. 7 к п. 17.

[4] А.М. Петрова. См. примеч. 5 к п. 74.

[5] В письме к Волошину от 28 февраля 1914 г. М. Кювилье признавалась в переживаниях, вызванных ее чувством к В.А. Веснину: «Я себя сейчас очень скверно чувствую, и плачу по целым дням. <...> Макс, полюбит меня Он или не полюбит? Я насиловать его больше не буду. Но иногда я чувствую, что отравлю Его, если он другой отдаст себя. – Безумна я» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1034, л. 12).

[6] 22 февраля Е.О. сообщала Волошину: «Вчера Кожебаткин спрашивал по телефону твой адрес, а потому я не выслала, как хотела, сегодня в Коктебель Анри де Ренье» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 30–31 об.) – т.е. экземпляр книги Ренье «Маркиз д'Амеркёр» в переводе Волошина (М.: Альциона, 1914). Первая публикация этого перевода – в № 6 журнала «Аполлон» за 1910 г. Упоминаемый образ – в новелле «Знак ключа и креста». См. исправленный текст перевода: *Ренье А. де*. Собр. соч.: В 17 т. Т. 1. Яшмовая трость. Л.: Academia, 1925. С. 121–124. См. также: Т. 4 наст. изд. С. 690.

[7] Подразумевается четвертая неделя Великого поста; в 1914 г.: 10–16 марта.

[8] А.Н. Толстой и С.И. Дымшиц-Толстая прибыли в Феодосию 20 марта.

[9] В.Я. и Е.Я. Эфрон.

[10] Елена Дмитриевна Драгомирецкая (урожд. Гуланова; 1889–?) – певица (меццо-сопрано), артистка Киевской оперы.

[11] А. Лентулов был приговорен к полутора месяцам заключения «за то, что в синематографе схватил за ногу гимназистку» (Южные Ведомости. 1914. № 124. 15 июня).

[12] 28 февраля на Азовском море бушевал ураган, вызвавший многочисленные разрушения и человеческие жертвы. Буря прошла по всему югу России.

[13] См. примеч. 1 к п. 46.

[14] Е.П. Паскина.

[15] Прозвище Евгении Павловны Теш (в замужестве Воейковой; 1873–1962), дочери П.П. Теша (гражданского мужа Е.О.), учительницы младших классов.

76. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

9 марта 1914 г. Коктебель

9/III 1914.

Милая мама, вчера я вернулся из Феодосии:[1] меня вызывала Александ<ра> Мих<айловна>[2] для переговоров о Людвиге.[3] Вчера же меня довезли обратно Лампси на автомобиле. У меня опять болит горло и насморк, и вчера я даже не написал тебе письма, как хотелось. Сегодня опять пришел Людовик, ночует под Таиах[4] и готовится идти с утра на этюды.

Посылаю тебе письмо с запросом о даче. Я раскрыл его, потому что оно было адресовано без имени.

Василий сегодня приходил ко мне и очень страдал, что ты поздно приедешь. Ему тебя нужно с 20-го марта, потому что с этого числа ему надо платить за нанятую им квартиру, 25-го надо идти в Стар<ый> Крым на военный сбор и успеть устроиться дома до Пасхи и говеть.

Я мысленно присоединяюсь к его просьбе, не потому, что было бы что-нибудь нужное, но просто уже соскучился по тебе и хочется поскорее тебя увидать. Погода великолепная. Равноденственные бури прошли. Фруктовые деревья в цвету. Весна настала основательно. Словом, самая пора возвращаться. Правда: выезжай на пятой неделе,[5] если успеешь все дела и покупки покончить. (И Майю[6] полезно поскорее увезти из Москвы во всех отношениях).

Ураган для нас прошел благополучно. Но у Елен<ы> Павл<овны>[7] вся крыша разворочена (еще вторым ураганом с юга), а у Новицких,[8] мне говорили, сорваны железные листы с крыши.

У нас на лето будет почтово-телеграфное отделение (в новой гостинице в деревне). Это уже кончено. Но на следующие годы они хотели бы нанять Заячий домик.[9] Елен<а> Павл<овна> писала об этом уже, кажется, Евген<ии> Павл<овне>.[10] Так что поговори с ней об этом.

Полотно и холст от Журавлева я получил, и мне очень нравятся и то и другое. Получил тоже и «Ренье» от Кожебаткина.[9]

Если можно, если успеешь — пожалуйста, сделай еще для меня две покупки:

1) 3 воротничка «*Линоль*» (непромокаемые для лета) (отделен<ие> на Тверской у подъезда, где живет Валетка,[12] а другое на Рождественке около колбасной Нордстранг) — отложных размер № 45 (сантиметр<ов>), фасон «*Wolga*».

2) Книги: *Розанова* «Облетевшие листья» и V-ую *(пятую)* часть Лекций по Русск<ой> Истории Ключевского, которая верно вышла этой зимой.[13]

Я сейчас совсем выбился из колеи своей жизни и этими двумя пребываниями в Феодосии, и весною; снова захотелось и людей, и разгово<ро>в, и движения. И досадую на насморк и горло, благодаря которым нельзя ни в горы уйти на этюды, ни купаться.

Цветы все посажены, а из других сделана рассада и стоит у меня на окне в мастерской на солнце. Огород тоже посажен. Словом, сад в полном порядке. Террасы, что были пропитаны «горячим керосином», теперь пропитаны маслом. Кажется, всё в исправности. Верхние комнаты, где у меня кладовая и кухня, велю побелить на этой неделе.

До свиданья. Пишу так мало, потому что хочу рано лечь спать.

Крепко целую.

MAX.

[1] Волошин пришел в Феодосию пешком (вместе с Л.Л. Квятковским) 5 марта.

[2] А.М. Петрова.

[3] Л.Л. Квятковский (он же – Людовик).

[4] См. примеч. 7 к п. 17.

[5] Пятая неделя Великого поста (17–23 марта).

[6] М.П. Кювилье.

[7] Е.П. Паскина.

[8] Алексей Петрович Новицкий (1862–1934), искусствовед, с 1926 г. – академик АН УССР, и его жена Юлия Ивановна Новицкая (урожд. Остроглазова; 1868–1933) имели дачу в Коктебеле (с 1912 г.). См.: *Жарков Евгений*. Страна Коктебель: Культурные очаги. Середина XIX – середина XX веков. Киев: Болеро, 2008. С. 74–79.

[9] Т.е. дом. Евг. П. Теш.

[10] См. п. 74, примеч. 15. Евг. П. Теш жила в это время в Москве.

[11] См. п. 74, примеч. 6.

[12] В.В. Успенская.

[13] Имеются в виду книга В.В. Розанова «Опавшие листья. Короб первый» (СПб., 1913), вышедшая в свет еще в апреле 1913 г., и «Курс русской истории» В.О. Ключевского, начатый изданием в 1904 г. (последняя к тому времени, 4-я часть, вышла в свет в 1910 г.). 14 марта Е.О. сообщила Волошину, что купила для него книгу Розанова и что «Ключевский еще не вышел» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 35). 5-я часть «Курса русской истории», которую автор не успел закончить, впервые увидела свет в 1921 г.

77. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

10 марта 1914 г. Коктебель[1]

10/III 1914.

Милая мама, у меня все еще болит горло, простуда, дурное расположение духа, несмотря на прекрасную погоду и быстро надвигающуюся весну. Людвига я поселил в нов<ой> комнате, выходящей на море.[2] Он весь день рисует. Василий все больше и больше на меня почему-то сердится и, вероятно, охотно прогнал бы меня из дому. Я с большим нетерпением жду твоего приезда, и очень хотелось бы, чтобы ты приехала поскорее, хотя практической причины на это нет никакой. Весна тревожит и не дает сосредоточиться. Если бы не простуда эта, то я бы целые дни проводил в горах. А теперь как-то томлюсь бесцельно и не могу сосредоточиться ни на какой работе. И купаться перестал, что совсем досадно.

А кругом все зацветает — у нас цветут гиацинты, которых в прошлом году мы уже не застали, готовы распуститься персики, в соседних садах стоят белые деревья.

До свиданья. Выезжай пораньше. Крепко целую.

МАХ.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Феодосия. 12.3.14; Москва. 14.3.14.

[2] Л. Квятковский пришел в Коктебель из Феодосии 9 марта.

78. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

10 марта 1914 г. Коктебель[1]

10.III.1914.

Дорогая Юлия Леонидовна, никак не могу себе представить, чтобы Вы этим летом не приехали в Коктебель — даже не летом, а теперь весною; и потому невольно поджидаю Вас, хотя в Вашем письме нет определенных указаний на

это.[2] Теперь весна совсем: цветет миндаль, персики. Всюду по полям пробиваются бледные мечи разных луковичных. «...Лежит земля страстная в черных ризах и орарях»...[3]

Равноденственные бури (об их свирепости, верно, прочли в газетах) коснулись нас одним боком — и то взъерошило все крыши дыбом. Но дом, «построенный Михайлой наспех», почему-то уцелел.[4] А теперь опять самая настоящая весна. Пра возвращается недели через 1½—2 (на VI-ой[5]). Приезжайте, Юлия Леонидовна, и чем скорее, тем лучше. А «разговаривать» я в этом году думаю и летом, ибо досыта намолчался и способен воспринять неограниченное количество человеческих душ. Чисто эгоистически хочется Вашего приезда.

Ах, как грустно то, что Вы пишете о «царстве теней» с «умершей Черубиной и умершим Диксом».[6] Эти результаты мне слишком знакомы, но я никак не могу с ними примириться. Мне пришлось их видеть не <на> одном только их примере. Отчего это у русских каждый шаг к высшему духовному самоосознанию сейчас же приводит в монастырь? Главное, для меня совершенно непонятно, как это может вытекать из философии Штейнера, такой освободительной, всеобъемлющей, учащей любить и *преображать* жизнь.

Я об этом не говорю им: не хочется их огорчать, но часто негодую и недоумеваю. Хотелось бы очень побывать в Дорнахе — где идет у них активное творчество.[7] На эту кристаллизацию веры в храме мне приходится смотреть тоже со стороны из моего уединения. Но здесь я глубоко уважаю и завидую.

Но как странно: вот когда я с Вами говорю об антропософских идеях — мне все Ваши слова и отношения понятны и близки. Хотя Вы со многим не согласны и многому чужды. А вот с ними — с которыми я был давно и близко связан до того, — а вот с ними это как бы единомыслие скорее отчуждает и холодит.

Робость и принципиальная безжизненность — этого никак не могу принять в них. Я понимаю, что может наступить такой момент, когда надо будет *на время* совсем отка-

заться от своего «Я» и отдать его Учителю. Но тогда надо уединиться, совсем отойти от мира. А пока с людьми и в мире, то все требует полного проявления всего себя. Не понимаю и не принимаю этой психологии ученичества. Я совсем другое понимаю и беру из циклов Штейнера.

Ваш пример с ложкой на веревочке очень меня пленил, а главным образом фраза: «Не остановись у него ложка — он бы с места в Бога уверовал».[8] Это страшно верно для всех материалистов при встрече с чудом.

Посылаю Вам, Юлия Леонидовна, два новых моих посвящения — одно Бальмонту, другое матери Фельдштейна.[9] Посылаю тоже одновременно с этим письмом только что вышедшую книжку моих переводов Ренье «Маркиз д'Амеркёр».[10] (Радость о ее неожиданном появлении уравновешивается возмутительными опечатками, от которых можно прийти в отчаяние).

Сейчас у меня в Коктебеле живет Людвиг,[11] вернувшийся из Мюнхена. Вы его не знаете, но имя его слыхали летом неоднократно. Так что идет писанье этюдов. А на днях, судя по письму Пра, сюда рухнут Толстые. Так что Коктебель начнет скоро оживать людьми.

Богаевский ходит измученный, бледный. Но не перестает работать. Давно уже ничего не показывает из сделанного. А прошлый раз признался, что все, что сделал за зиму, сжег. А там были прекрасные вещи. Страшно больно и беспокойно за него.

Приезжайте теперь весною, Юлия Леонидовна, непременно приезжайте.

А пока до свиданья. Привет Екатерине Ивановне и Феодору Константинов<ичу>.[12]

Максимилиан Волошин.

[1] Почтовый штемпель отправления на конверте: Феодосия. 12.3.14.

[2] Имеется в виду письмо Оболенской от 1 марта 1914 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 35—38 об.): «Вы спрашиваете о Коктебеле? Одно время он совсем было отошел в вечность, т<ак> к<ак> я собиралась ехать на поправку в какую-нибудь Нижегородскую губернию.

Но мне все-таки хотелось бы приехать — не знала, весной лучше или осенью. А теперь этот вопрос совершенно открыт. Но Вы, несмотря на пример прошлого лета, думаете, по-видимому, что нам пришлось бы разговаривать?».

[3] Волошин цитирует свое стихотворение «Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...» (1907). См.: Т. 1 наст. изд. С. 89.

[4] См. примеч. 12 к п. 75, примеч. 1 к п. 46.

[5] Подразумевается шестая неделя Великого поста (в 1914 г.: 24—30 марта).

[6] Оболенская писала Волошину 1 марта о Е.И. Васильевой и Б. Диксе (Б.А. Лемане): «Бываю теперь каждую пятницу у Елизаветы Ивановны, какое царство теней — умершая Черубина, умерший Борис Дикс — хорошо, что моя поэзия — нечто вроде неродившейся души — не то было бы жутко». В следующем письме к Волошину (19 марта) она уточняла: «Вы не подумали, что, говоря о Черубине и Диксе, я говорю *вообще о* Васильевой и Лемане? Потому что я имела в виду только этих отделившихся призраков — а не людей, которых я недостаточно знаю». Е.И. Васильева при этом, видимо, воспринимала Оболенскую как убежденную сторонницу антропософии; в письме к А.М. Петровой (апрель — май 1914 г.) она замечала: «...Юлия Леонидовна Оболенская — наш недавний член» (*Черубина де Габриак*. Из мира уйти неразгаданной. Феодосия; М.: Изд. дом «Коктебель», 2009. С. 73).

[7] В Дорнахе (селение в Швейцарии, близ Базеля) 20 сентября 1913 г. была осуществлена закладка антропософского центра — Иоаннова здания (Johannesbau), или Гётеанума, по проекту Р. Штейнера; в строительстве и отделке здания и примыкающих к нему хозяйственных и жилых сооружений участвовали многочисленные приверженцы антропософии.

[8] Подразумевается следующий фрагмент из письма Оболенской от 1 марта — ее реакция на знакомство с лекционными курсами Штейнера: «Слушаю 1-й цикл, кажется? Что сказать об этом? Когда-то давно у нас дома проделывали известнейший опыт: держат по очереди двумя пальцами нитку, к кот<орой> привешена чайная ложка, — над лежащим на столе ножом. Когда держит нитку женская рука — ложка начинает качаться поперек направления ножа, а когда мужская — то вдоль. Если сбить движенье или изменить положение ножа — то после нескольких колебаний возвращается первоначальное движение. Один из присутствовавших все подозревал меня в обмане, хотя проще было подумать о гипнозе. Он кончил тем, что остановил свою ложку, и был страшно горд, что опроверг суеверие.

Я думаю — не остановись у него ложка, — он бы с места в Бога уверовал. Значит, нежеланием принять факт можно его уничтожить. Это единственное основание тому, что я согласна все выслушивать».

[9] К письму приложены автографы стихотворений Волошина «Р.М. Гольдовской (Хин)» («Я мысленно вхожу в Ваш кабинет...») и «Бальмонту» («Здравствуй, отрок солнцекудрый...») (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 82, л. 30–30 об.). См.: Т. 1 наст. изд. С. 193–194, 199–200. Оболенская благодарила Волошина за стихи в письме от 19 марта 1914 г., замечая: «Особенно люблю Бальмонтовское, страшно золотое стремительное и юное, — редко бывает, чтобы каждое слово и образ находили себе такое выражение в размере и звуке. А в другом для меня есть две-три мешающих фразы. <...> И какой чудесный Бальмонт у Вас — о таком почти не помнишь. То, что теперь приходится слышать его или о нем — так досадно, что не могла заставить себя пойти на одну из его лекций; и к счастью, кажется» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 39–41).

[10] См. примеч. 6 к п. 75.

[11] Л.Л. Квятковский.

[12] Е.И. Оболенская и Ф.К. Радецкий.

79. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

11 марта 1914 г. Коктебель

11/III 1914. Вторник.

Милая мама, только что получил твое большое письмо от 7-го.[1] Об Майе — могу сказать только одно: надо ее скорее в Коктебель привезти. Писать ей трудно. На мои два письма она ответила несколькими строками,[2] и я совсем не знаю, что она думает и как отнеслась к моим словам. Я ей написал в ответ еще большое письмо (и о ее любви, и о ревности, и о самоубийствах). Но если она не будет отвечать — то мне ничего нельзя ей и сказать больше. Надо ей скорее в Коктебель. Это единственный выход для всех. Я вполне понимаю всех, кто хочет спасти Вик<тора> Веснина. Он и для меня более страдательное лицо здесь, чем Майя. Но ему писать я ничего не могу. Я его слишком мало знаю, и слишком мало знаю об его отношении к Майе, хотя, мне кажется, представ-

ляю их себе ясно. Если бы с ним встретиться — это другое дело: тогда я бы увидал, хочет ли *он* со мной говорить о Майе.

Мне, конечно, жаль Майю. Но не в этом именно случае. Надо ей помочь внутри самой себя измениться, надо дать ей другое понятие о любви, о самой себе, о ценности человека, о свободе. Ведь то же самое будет у нее, когда она влюбится в следующий раз — это же самое было и раньше. Ее *любовь* очень сильна. Но она так молода, что ведь ей почти все равно, на кого она направлена: на Веснина ли, на Фельдштейна,[3] на меня... Она, конечно, сама не сознает этого. Но ведь она не видит, не ценит и не знает того человека, которого она любит. Она любит только свою мечту. Для нее она пользуется человеком. Поэтому это весьма трудная и тяжелая задача быть любимым ею и суметь охранить ее от слишком больных ушибов.

У нее темперамент сильный, жадный, волевой (несмотря на то, что она ребенок). Но ей надо помочь очистить свое чувство от всей дурной романтической литературы с ревностями и самоубийствами, а кроме того, от поэтического самовозвели<чи>ванья, мысли о своей единственности, которою (увы!) ее заразила летом Марина. Ведь Марина и Ася[4] — обе очень по-детски страдают этим недостатком. А Майя приняла его с радостью и перевела в действие. Поэтому Майе очень хорошо быть часто с тобою: в твоем присутствии — все это не может существовать.

Но ото всего этого одними словами не исправишь: надо ушибиться о жизнь, надо обжечься, как она обожглась о Бальмонта. И посмотри: встречи с таким бесконечно мягким и честным человеком, как Веснин, пробудили в ней лишь приступы своеволия и насилия, а боль и оскорбления от Бальмонта: прощение, благородство, — то, за что ты полюбила ее. Вот тебе пример: ты ее узнала и полюбила из-за Бальмонта; а встреть ты ее впервые в эти дни, в ее отношения с Весниным, ты бы к ней почувствовала бы только неприязнь; как Рагозин<ский> и др<угие> друзья Веснина, что спасают его от нее.[5] Я далек от того, чтобы винить Майю: я слишком знаю и понимаю, что ей надо понять и осознать в самой себе. Но в отдельных случаях я чувствую иногда на

нее совершенно такое же негодование, как на Бальмонта (с его встречей с Майей же). Для меня совершенно ясно, например, что если б Веснин женился на Майе, то это была бы для него действительно гибель: потому что она не понимает и, очевидно, еще много лет не поймет его работы, его творчества, того духа единения, что живет между тремя братьями.[6] И Веснин слишком мягкий человек, чтобы противустоять Майе. Потому что в ней *громадная* сила желания, воли, хотя она и ребенок пока. А после эта сила станет еще больше, еще неотступнее.

Вот ты видишь какую-то «маленькую ошибку», сделанную Весниным в отношениях с Майей, «от которой весь пожар разгорелся». Да разве здесь может быть речь об ошибке? Там, где замешана любовь, неравная с обеих сторон, — там всё ошибка. И самые большие ошибки возникают из жалости, осторожности, желания пощадить, не сделать больно. А с другой стороны, избегать этих ошибок, сознательно закрывать двери от общения, — это значит совершать самую большую — единственную непростительную ошибку, — преступление против жизни. А <во?> всех [обманах] и недоразумениях любви источник всего — это то содержание, которым каждый сам для себя наполняет слово *Любовь*. Конечно, понятия любви в устах Майи и в устах Веснина значат совершенно разные вещи, весьма мало схожие между собой. Поэтому естественно, что она опять и его обвиняет в том, что он обманул ее (умолчал, что любит...).

Нет, просто надо ей как можно скорее в Коктебель. Выезжай как можно скорее. Кстати, и Василий все больше и больше ворчит. Он совсем почему-то недоволен мной. Когда я ему сказал, что хотя о твоей комнате еще ничего ты не писала, но надо побелить обе верхние комнаты (мои бывшие), он страшно на меня раскричался, но побелил уже сегодня утром. Сегодня же, когда я заикнулся о том, что надо поштукатурить стену в домике с Юнговской кухни, которая вся обвалилась от <...>*

---

* *Лист с продолжением текста утрачен.*

Еще несколько слов: по поводу твоего письма.

Рассказа Тренева я не видал в «Заветах».[7] Зато видел рассказ Пришвина о Коктебеле, где тоже витает наш дух.[8] Тоже хорош! Тренев — это здешний дачевладелец — тот самый, что приходил ко мне требовать, чтобы я собак Юнговских на цепь сажал, а раньше еще свою глупую драму приносил и всё назад оттиски требовал.[9] Помнишь?

Людвиг[10] сейчас в Коктебеле и работает. Об нем надо очень много рассказывать. С ним решили сделать так: лишить всяких денежных пособий, но не бросать на произвол судьбы, а помогать ему тем, что *покупать* у него его картины, когда они будут того достойны. Это даст ему самостоятельность. Но с ним все-таки очень Маргарита[11] напутала. Но Мюнхен в общем имел на него очень хорошее влияние.

Он рвется обратно в Мюнхен и решил заработать летом деньги, чтобы попасть туда. У него определенный план занятий там.

В том, что у него ничего не вышло с Kunstgewerbe* (куда он выдержал экзамен *первым*), не вполне его вина. Я тебе после расскажу.

[1] Среди писем Е.О. к Волошину это письмо отсутствует.

[2] См. примеч. 5 к п. 75.

[3] О М.С. Фельдштейне М. Кювилье писала Волошину, в частности, 31 декабря 1913 г.: «К Фельдштейну у меня <...> большая нежность, жалость к тому, что не люблю его больше и что он пепельный. Я позволяю ему объяснять мне меня, но он слишком слаб, чтобы понимать. Он умен, а не мудр» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1033).

[4] М.И. и А.И. Цветаевы. М. Цветаева и М. Кювилье тесно общались в Коктебеле летом 1913 г. См. письмо Цветаевой к Кювилье от 14 сентября 1913 г. (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6. С. 117–119), а также: *Фейнберг Л.* Три лета в гостях у Волошина: Мемуары. Эссе. Стихи. М.: Аграф, 2006. С. 154–158.

[5] Ср. п. 41, примеч. 23.

[6] Братья В.А. Веснина — Леонид Александрович Веснин (1880–1933) и Александр Александрович Веснин (1883–1959), также архи-

* Художественное ремесло, прикладное искусство *(нем.)*.

текторы, представители конструктивизма в отечественной архитектуре.

[7] Имеется в виду рассказ К.А. Тренёва «Любовь Бориса Николаевича», опубликованный в № 2 журнала «Заветы» за 1914 г. (Отд. I. С. 9–34), действие которого происходит в Коктебеле; в рассказе запечатлены Волошин и его мать:

«...На соседней даче поселились художники – молодой мужчина и старуха. Мужчина был толст, одет в ярко-красную рубаху до пят, и щеки у него такие же, как рубаха, ярко-красные, а волосы по плечи. Старуха – коротко острижена, в белой поддевке и широких шароварах, запущенных в ботфорты. Прямо с дороги, оставив вещи в комнате, они пошли в горы, он – молиться солнцу, а она делать гимнастику. А Приська <...> показывала на художников и докладывала:

– От то, что спереду пошел, мужик, так то мать, а что сзаду идет, баба, так то сын»;

«Проходя мимо одного из холмов, видел наверху, как художник в красной рубахе молился солнцу, подняв к нему волосатые руки, а мать, руки на бедра, прыгала на одной ноге» (*Там же*. С. 14, 18).

[8] Имеются в виду очерки Пришвина «Славны бубны», впервые опубликованные в журнале «Заветы» (1913. № 9, 10) под заглавием «Трагикомедия». В очерках упоминается кофейня «Бубны», открытая в Коктебеле летом 1912 г. См.: *Пришвин М.М.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. литература, 1982. Т. 1. С. 541–542.

[9] О каком произведении идет речь, неясно: в 1907–1912 гг. Тренёв опубликовал четыре одноактных пьесы, а в 1910 г. – пьесу в трех действиях «Отчего порвались струны».

[10] Л.Л. Кватковский.

[11] М.В. Сабашникова.

80. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

13 марта 1914 г. Коктебель

13/III 1914.

Милая мама, у меня все еще отчаянно болит горло, и я принимаю самые энергичные меры: т.е. мажу его внутри чистым иодом вовсю. Но когда вчера вечером я почувствовал, что у меня внутри все распухло и даже дышать стало

больно, а говорить совсем невозможно, то я наконец понял, что оно от энергичных мер и болит. Поэтому сегодня прекратил лечение, и сразу стало лучше — верно, скоро совсем пройдет.

Вчера совершенно неожиданно приехала Алекс<андра> Мих<айловна> на автомобиле с кн. Микаладзе[1] и пробыла несколько часов, пока тот ездил в Отузы. Осматривала сад. Нашла все в порядке и исправности. Посоветовала только раскопать немного стволы деревьев, что Василий сегодня и сделал. Луковицы гиацинтов распускаются одна за другой, и вся та часть двора у террасы полна их запахом. Хотелось бы, чтобы ты с Майей[2] застали бы еще все это цветение. Теперь все дни такие, что совсем непонятно, как можно сидеть в Москве в это время. Я живу теперь в ожидании вашего приезда с каким-то нетерпеливым беспокойством.

Людвиг[3] работает хорошо и усердно. Он все-таки сделал немалые успехи в своей живописи и, главное, начал относиться более сознательно к тому, что делает. Вижу из всего, что многое Маргарита[4] напутала с ним в Мюнхене. Она совсем не знает, при всей своей любви к людям, чего им нужно. И невольно приходится вспомнить: «Никогда не делай другим того, что хочешь, чтобы тебе делали, потому что у них могут быть иные вкусы» (и потребности...). Тут все было сплошное недоразумение. Но в конце концов Людвиг вынес много хорошего из этого года и только и думает теперь о работе.

Жду от Майи более подробного письма. Удивляюсь, почему она мне не пишет, тем более, что не знает, куда убить время. А мне никак нельзя ей писать без этого, потому что могу говорить только о том, что она сама мне сказала.

Очень меня удивляет, что сколько раз уже в твоих письмах встречаю упоминание о том, что у Толстых «играли в карты». Неужели для этого есть время и охота?

Латри[5] меня всё звали к себе теперь. И я собирался — но вот горло помешало. А теперь они куда-то, кажется, собрались ехать: в Ялту, что ли? Так что не знаю, попадут ли Тол-

стые раньше туда, чем в Коктебель? Может, Латри изменили свои планы… Но они слишком хорошо знакомы с нравами Толстых, чтобы считаться с их приездом к определенному сроку. Если они проедут туда, то я проеду тоже на велосипеде в Баран-Эли. Надеюсь, что Толстые известят меня раньше о своем приезде.

Значит, ты не была на лекции Бальмонта?[6] А судя по газетным известиям, она была очень интересна.

Думаешь ли ты переселяться из своей комнаты вниз? По-моему, тогда тебе лучше переселиться под мастерскую — в новые комнаты, сломав между ними перего<ро>дку и поставив туда мою унтермарковскую печь. Как ты думаешь?

Каков-то твой новый «трубочист» в Коктебеле окажется…[7] Зловещая профессия…

До свиданья. Очень будет жаль, если задержишься еще дольше 21-го.[8] А Василий будет совсем в отчаяньи. Я ему ничего уж не говорю об этой возможности.

Крепко тебя целую.

МАХ.

[1] А.М. Петрова и Иверико Давидович Микеладзе — князь, феодосийский мировой судья, владелец имения в Эссен-Эли.

[2] М.П. Кювилье.

[3] Л.Л. Квятковский.

[4] М.В. Сабашникова.

[5] См. примеч. 2 к п.15.

[6] Лекция Бальмонта «Поэзия как волшебство» была прочитана 10 марта в Москве в Большой аудитории Политехнического музея.

[7] В письме к Волошину от 2 марта Е.О. сообщала, что наняла для коктебельского дома нового рабочего с женой — трубочиста (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 33).

[8] 17 марта Е.О. написала Волошину, что выезжает в Коктебель вместе с М. Кювилье 19 марта (*Там же*, л. 37); в Феодосию они прибыли 21 марта.

81. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

16 марта 1914 г. Коктебель[1]

16/III 1914. Воскресенье.

Милая мама, если ты выедешь из Москвы уже в конце этой недели, так, что тебя застигнут там 2–3 мои открытки, не больше. Я все время уже живу ожиданием приезда, т<ак> к<ак> о близости его говорят все коктебельские признаки. Уже «жилец» появляться начал, рыщет по дачам и смотрит комнаты. Вчера какая-то старушка в мое отсутствие смотрела комнаты и требовала пансиона, сегодня какая-то коктебельская «владелица» приводила другую искательницу. Словом, сезон начинается.

Сегодня на рассвете был сильный ливень с большой водой (первый с декабря). Васильева[2] система канав для орошения «плантажев» оказалась прекрасно действующей — вся вода распределилась по плантажам и не оставила луж на дворе, ни пролилась задаром за ограду.

Почтовое отделение нам устроили в деревне на том конце около школы. Не правда ли, как удобно? Почему не в Султановке?[3]

Думал поехать завтра на велосипеде в Феодосию — чтобы узнать о Толстых. Но теперь, пока не просохнет, никуда не двинешься.

Жду твоего приезда с нетерпением. До свиданья. Крепко целую.

MAX.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Феодосия. 18.3.14; Москва. 20.3.14.

[2] Василий – работник на коктебельском участке Волошиных.

[3] Почтовая станция на дороге между Феодосией и Керчью.

82. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

17 марта 1914 г. Коктебель[1]

17/III 1914. Понедельн<ик>.

Милая мама, т<ак> к<ак> ты в воскресенье (если выедешь 21<-го>) будешь уже в Феодосии, то я к этому дню выеду в город, чтобы встретить тебя.[2] Ты, вероятно, ведь останешься там переночевать? Т<ак> к<ак> день твоего отъезда может измениться в последний момент, то телеграфируй о дне приезда на имя Алекс<андры> Мих<айловны>[3] (Дом Айвазовской) — она еще там живет. Я же буду с субботы в городе, т<ак> к<ак> поезд приходит, кажется, рано. С Василием у нас все тихо и мирно теперь: это были его непонятные обиды (какие ты не раз сама испытывала) неизвестно на что. Он к твоему приезду все привел в прекрасный порядок. И очень очевидно хочет блеснуть образцовой чистотой и порядком перед своим уходом. Интересно, что ты напишешь завтра о Поле Форе.[4] Майя[5] окончательно замолчала и не отвечает на письма. Если успеешь: купи мне, пожалуйста, тоже *Переписку Микель Анджело*, вышедшую в издании «Шиповника», как я прочел сегодня.[6] Это тебе и в дороге интересно будет прочесть.

До свиданья.

MAX.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Феодосия. 18.3.14; Москва. 20.3.14.

[2] Е.О. выехала из Москвы ранее и прибыла в Феодосию в пятницу 21 марта, где ее встретил Волошин, пришедший из Коктебеля накануне (Труды и дни. С. 348).

[3] А.М. Петрова.

[4] Поль Фор, провозглашенный во Франции в 1912 г. «принцем поэтов» (prince de poètes), в марте 1914 г. посетил Москву и Петербург. В Москве он прочитал две лекции — «Героические времена символизма и произведения Метерлинка на сцене» 12 марта в Литературно-художественном кружке и «Поэты и журналистика и война двух берегов» 14 марта в помещении Художественного электро-театра (Арбатская пл.); второе выступление состоялось при участии

К.Д. Бальмонта, который прочел баллады Фора в своем переводе. См. хроникальные отчеты: Русские Ведомости. 1914. № 60. 13 марта. С. 6; № 62. 15 марта. С. 6; Утро России. 1914. № 60. 13 марта. С. 6; № 62. 15 марта. С. 5; Голос Москвы. 1914. № 62. 15 марта. С. 5 и др. Об обеде Толстых с П. Фором (11 марта) Е.О. упоминает в письме к Волошину от 12 марта 1914 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 34); в письме от 14 марта она сообщает: «Сейчас вечер, и мы все идем на Поль-Фора, где и Бальмонт будет читать его стихи в своем переводе. После Поль-Фора все приглашены к Жуковским вместе с Толстыми и с Майей; боюсь только, чтобы ее не увлек Бальмонт вместе с П. Фор<ом> куда-нибудь ужинать» (*Там же*, л. 35). После 17 марта Е.О. Волошину уже не писала – поскольку 19 марта выехала в Коктебель.

[5] М.П. Кювилье.

[6] Имеется в виду издание: Переписка Микель-Анджело Буонарроти и жизнь мастера, написанная его учеником Асканио Кондиви / Перевод Маргариты Павлиновой. СПб.: Шиповник, 1914.

83. КОНСТ. ЭРБЕРГУ

1 апреля 1914 г. Коктебель

1/IV 1914. Коктебель.

Дорогой Константин,

благодарю Вас за письмо, за «Отклики» и больше всего за внимание и за память.[1] Покидая Петербург, я к Вам, быть может, единственному из всех петербургских знакомых, сохранил и сохраняю нежные и дружеские чувства. Впрочем, я покинул и Москву и вот уже больше года безвыходно живу в Коктебеле и зиму и лето и глубоко счастлив своим одиночеством. Чувствую себя как-то очень «не ко двору» в русской литературе, но примиряюсь с этим охотно, т<ак> к<ак> тот остракизм, которому я подвергнут теперь в газетах и журналах,[2] дает мне возможность больше отдавать времени живописи и работать над книгой «Дух Готики».

Очень хотелось бы повидаться с Вами: досадно сознавать Вас летом таким близким соседом и не видеться. Быть может, едучи в Анапу, Вы сделаете маленький крюк этим

летом на Феодосию и навестите меня в Коктебеле (18 верст от Феодосии лошадьми — есть мальпост, вероятно будет автобус).[3]

Я был бы очень, очень счастлив видеть Вас у себя.

Хочется еще раз поблагодарить Вас за «Цель Творчества».[4] Я очень люблю благородство этой книги.

Максимилиан.

[1] Письмо Эрберга от 28 марта 1914 г. было написано им в ответ на присылку Волошиным своей книги «О Репине» (М., 1913) и переведенной им книги Анри де Ренье «Маркиз д'Амеркёр» (М., 1914): «Получил две Ваших книги. Благодарю. О Репине прочел с интересом. Анри де Ренье еще не читал. Посылаю Вам бандеролью № 12 “Откликов” (приложение к № 85 газеты “День”) с отзывом о “Маркизе д'Амеркёр”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1167). В указанном номере «Откликов» (28 марта) были помещены отзывы Дм. Крючкова о «Маркизе д'Амеркёре» (С. 13) и Л. Ляшкевича о книге П. де Сен-Виктора «Боги и люди» (С. 12).

[2] Подразумевается негативная реакция в прессе и широких отечественных кругах на выступления Волошина, суммированные в его книге «О Репине». См.: Т. 3 наст. изд. С. 538—559.

[3] Мальпост — почтовая карета, перевозящая письма и пассажиров. Эрберг приглашением Волошина не воспользовался.

[4] См. примеч. 2 к п. 10.

84. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

27 марта — 3 апреля 1914 г. Коктебель[1]

27. III. 1914.

Дорогая Юлия Леонидовна,

да, Вы были, кажется, правы, с сомнением говоря: «Неужели Вы думаете, что летом можно будет говорить?»...[2] Мое одиночество разбилось и рухнуло. Неделю назад приехала Пра с Майей, Толстые ante portas* (в Феодосии),[3] Ященко (professeur cassianus[4]) мчится из Петербурга... Епифашка

* У ворот *(лат.)*.

(Соня Толстая) требует моей мастерской, семь зеркал и электричества при солнечном свете, чтобы писать головокружительные натюрморты. Майя собирается рыдать dans mon gilet* по 12 часов в сутки в течение ближайших пяти месяцев и не соглашается ни на полчаса меньше; кроме того, я по образу Дюма-пера и Папина, принял на себя функции chef'а и стряпаю на кухне на всю компанию обеды и ужины.[5] С ужасом вижу, что при этих условиях меня ни для каких «интеллигентных» занятий не хватит, и готика[6] и стихи отодвигаются до сентября, и разве что удастся сделать в день по этюду, и то больше для душевного равновесия. Впрочем, я, может, слишком мрачно сейчас смотрю на мир: это после моего зимнего приволья, человеческая теснота меня сразу прикрутила.

Je l'ai voulu...**[7] всё это сам.

3. IV. 1914.

Письмо лежало.

За это время я встретил Ященко...[8] Отправил их вместе с Толстыми пока к Латри в Баран-Эли. В Страст<ную> Субботу к нам придут пешком Марина и Сережа.[9] Во вторник Латри пришлют лошадей за нами, мы поедем все в Баран-Эли, потом все приедут к нам...[10] Словом, кипение жизни — июльское, несмотря на начало апреля.

Посылаю Вам чертеж мольберта для картона.[11] Не знаю, поймет ли его тот, кому Вы дадите его воспроизвести. Он очень прост — сложность только в прорезах для того, чтобы его складывать и передвигать. Длина поперечных планок с желобками для картона не имеет значения, т<ак> к<ак> картон может выступать за их пределы. Для размера важна основная, средняя планка. У меня они все равные по 15 вершков для ½ у листа финляндского картона.

Меня очень огорчает, что Вы только во вторую половину лета сможете попасть в Коктебель.[12] А вдруг я удеру? Мне страшно хочется съездить в Дорнах... Возможностей у меня нет сейчас никаких (материальных) и не предвидится.

---

* В мой жилет *(фр.)*.

** Я этого хотел... *(фр.)*.

Но всё возможно. А я тогда постараюсь именно на июль исчезнуть. Это между нами.

Я пред Вами должен покаяться – да, я показал Богаевскому кусочек Вашего письма, где Вы писали о нем – т.е. о его картинах на «Мире Искусства».[13] Я сделал эту нескромность вполне сознательно. Он страшно мучился эту зиму, что ему Кандауров (и вообще никто) не писал ни слова об его новых работах. Это его изводило и подрывало в корне работу (он ведь в конце концов и сжег все сделанное за зиму). Тут же пришло Ваше письмо. Я ему и показал его, чтобы он видел: видишь, как она строго по существу относится к тебе и какое хорошее впечатление произвели на нее твои последние вещи.

На него Ваши слова очень хорошо подействовали и очень ободрили. Ведь он прекрасно понимает свои слабости, сознательно борется с ними и любит, чтобы ему их указывали, так что не бойтесь, что Ваше замечание о черноте тона могло на него произвести плохое впечатление. Наоборот. А все остальное было так лестно, что не будь этой отрицательной черты, не показалось бы убедительным. Я все это заранее обдумал.[14]

Сейчас он повеселел и работает уже не над акварельными эскизами, а над большими масляными картинами. Но пока ничего не показывает, так что я принужден, ночуя в мастерской, только с любопытством смотреть на перекладины подрамков, обращенных лицом к стене.

У нас стоят тихие, знойные дни. Море по утрам зеркальное. Тополя в первых листьях. Желтофиоли пылают, тамариксы покрыты густыми кораллами, а в комке земли я видел гнездо новорожденных сколопендр. Неделю назад между Феодосией и Кенигезом (имен<ие> Дуранте, где жив<ет> Богаевский), извергалась сопка. Из Феодосии был виден столб дыма. Но теперь, слава Богу, энергией губернатора, немедленно выславшего на место беспорядков три сотни казаков (факт!), всё пришло в нормальное состояние.

До свиданья. Привет Екат<ерине> Ив<ановне> и Феод<ору> Конст<антиновичу>.[15]

Максимилиан Волошин.

[1] Почтовые штемпели на конверте: Феодосия. 5.4.14; Петербург. 8.4.14.

[2] Подразумевается фраза из письма Оболенской к Волошину от 1 марта 1914 г. (см. примеч. 2 к п. 78).

[3] См. примеч. 4 к п. 60.

[4] Буквально: профессор кассиев (*фр., лат.*). Подразумевается юридический статус А.С. Ященко, по соотнесению с народным трибуном в 137 г. до н.э. Кассием (Cassius), прославившемся строгостью и справедливостью (Cassianus judex — справедливый судья), или с Гаем Кассием Лонгином, наместником в Сирии в 50 г. н.э., выдающимся правоведом.

[5] Александр Дюма-отец (Dumas-père) написал, среди прочего, «Большой кулинарный словарь» («Grand dictionnaire de cuisine», 1873).

[6] Задуманная и незавершенная книга «Дух готики».

[7] Обыгрывается крылатая фраза из комедии Мольера «Жорж Данден, или Одураченный муж» (1668): «Tu l'as voulu, Georges Dandin» («Ты этого хотел, Жорж Данден» — действие I, явление 10).

[8] А.С. Ященко вместе с женой Матильдой Августовной приехал в Феодосию, видимо, 29 марта (Труды и дни. С. 349).

[9] М.И. Цветаева и С.Я. Эфрон. Страстная суббота — 5 апреля.

[10] Вторник — 8 апреля. Возвращение в Коктебель — через день или два вместе с Толстыми и Ященко.

[11] Чертеж мольберта приложен к письму (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 82, л. 34). В письме от 19 марта 1914 г. Оболенская просила Волошина «приблизительно нарисовать» подобие «мольберта (для картонов)» — «если только это не составляет секрета изобретателя».

[12] О таком намерении Оболенская написала Волошину в том же письме.

[13] См. примеч. 6 к п. 65. 19 марта Оболенская писала Волошину о Богаевском: «Как он теперь себя чувствует? Меня это очень беспокоит. Я слышала, что Вы ему какое-то мое письмо показали — но ведь не то же место, где я что-то сказала о недостатках его техники или цвета?».

[14] Оболенская отвечала в недатированном письме (около 10 апреля 1914 г.): «Ох, погубили Вы меня с Богаевским: он из всего мною сказанного — воспринял одно только плохое, и я ломала голову, отчего он написал о своих недостатках моими словами» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 43).

[15] Е.И. Оболенская и Ф.К. Радецкий.

85. Ф. СОЛОГУБУ

3 апреля 1914 г. Коктебель

3/IV 1914. Коктебель.

Глубокоуважаемый Феодор Кузмич,

Благодарю, Вас за доброе мнение о моей статье и моем сотрудничестве.[1] Я лично нахожу, что она не подходит к тому, чем *должны* быть «Дневники»;[2] впрочем, думаю то же самое и о других статьях, вошедших в состав 1 №,[3] только Ваши «Заметки»,[4] что и естественно, дают ключ настоящего тона.

Сотрудничество в «Дневниках» мне тем более приятно, что для меня сейчас закрыты все газеты и большинство журналов.[5]

Пока же позвольте мне послать Вам цикл из 8 стихотворений, их интимная портретность, кажется мне, подойдет к «Дневникам».[6] Но мое условие, чтобы они были напечатаны вместе. Должен предупредить, что одно из них (III-е) было напечатано в одном провинциальном Альманахе, имени которого не помню.[7] Мне было бы жаль его выбросить из цикла.

На дня<х> пришлю Вам заметки прозаические, в которых постараюсь более приблизиться к тому тону, что мне кажется нужным для такого издания, как Ваше.[8]

Максимилиан Волошин.

[1] В первой половине марта Ф. Сологуб выслал Волошину № 1 «Дневников Писателей» и письмо, где благодарил его за присылку статьи «Блики. О наготе», которая вошла в № 1 журнала: «Она очень интересна, и мне приятно, что первая книжка наших дневников имеет ее. Надеюсь, что Вы и впредь не будете забывать нас. Книжка отправлена на днях, т<ак> ч<то> Вы получите ее по всей вероятности раньше этого письма. Желаю всего очаровательного» (М.А. Волошин и Ф. Сологуб / Публ. В.П. Купченко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л.: Наука, 1976. С. 162).

[2] Программный тезис «Дневников Писателей», обозначенный в качестве «эпиграфа» к № 1 журнала: «Свободные мысли в свободной форме». См. также примеч. 3 к п. 61.

[3] В № 1 журнала «Дневники Писателей» вошли статьи: «О любви» Ив. Рукавишникова, «О чуде Господнем. (Из недавних впечатлений)» О. Миртова, «Из дневника. (Искусство и жизнь)» Ан. Чеботаревской.

[4] Федор Сологуб поместил в № 1 журнала «Заметки», в которых размышлял о Пушкине и Лермонтове, об изображении зла в искусстве, о «Детстве» Горького, об «общественности».

[5] Об этом см. примеч. 3 к п. 4.

[6] Возможно, речь идет о цикле стихотворений под общим заглавием «Облики» (1910–1913): «Двойной соблазн – любви и любопытства...», «То в виде девочки, то в образе старушки...», «Ты живешь в молчанье темных комнат...», «Безумья и огня венец...», «Альбомы нынче стали редки...», «В янтарном забытьи полуденных минут...», «Я узнаю себя в чертах...», «Вечернее» («И будут огоньками роз...»). Все они посвящены близким Волошину женщинам. См. также: Т. 1 наст. изд. С. 177–191 и примеч. Полностью цикл «Облики», состоящий из 21 стихотворения, был напечатан в сборнике Волошина «Иверни» (М.: Творчество, 1918. С. 69–84).

[7] Третье стихотворение, посвященное Черубине де Габриак (Е.И. Васильевой) «Ты живешь в молчанье темных комнат...», было опубликовано в сборнике «На рассвете» (Казань, 1910. Кн. 1. С. 5).

[8] Других материалов для публикации в журнале «Дневники Писателей» Волошин не посылал.

86. Ан. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

3 апреля 1914 г. Коктебель

3/IV 1914.

Многоуважаемая Анастасия Николаевна,

извините, что не ответил на последнее Ваше письмо[1] до сих пор. Мое зимнее одиночество нарушилось, в доме появились люди,[2] приходилось все это время изменять письменному столу для стряпни на кухне и т<ому> п<одобных> хозяйственных забот. Спасибо за «Дневники».[3]

О смерти бедной Мирэ я узнал в свое время из газет...[4]

Жму Вашу руку.

Максимилиан Волошин.

[1] Вероятно, речь идет о недатированном письме Ан. Н. Чеботаревской, в котором она сообщала: «...вот проспектики “Дневников” – 1-ый № скоро выйдет, Ваша статья набирается. Ф.К. <Сологуб. – *Ред.*> только вчера вернулся из поездки, шлет Вам сердечный привет. Ваша книга о Репине доставила мне истинное наслаждение... большую радость. “Лики” еще не успела прочесть... устраиваю большой вечер у себя, диспуты разные – словом, как всегда... Не знаю, – известно ли Вам о смерти Мирэ? (1 сент<ября> 1913). Пока. Всего доброго, пишите – шлите материал!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1269, л. 5–6).

[2] 21 марта 1914 г. Волошин встретил приехавших из Москвы Е.О. Кириенко-Волошину, М. Кювилье и Толстых (Труды и дни. С. 348). О «спряпне» на всю компанию см. также п. 84.

[3] См. примеч. 1 к п. 85.

[4] А. Мирэ (А.М. Моисеева) умерла 1 сентября 1913 г., однако литературная общественность узнала об этом и отреагировала только спустя три месяца. Волошин мог узнать о смерти Мирэ по публикации: *Юшкевич С.* Мирэ. Некролог // Одесские новости. 1913, 13 дек. (перепечатка из газеты «День» от 9 декабря 1913 г.). О Мирэ см.: *Михайлова М.* Внутренний мир женщины и его изображение в русской женской прозе серебряного века // Преображение. 1996. № 4. С. 150–158 ; *Михайлова М.В.* «Я женщина с головы до ног...» (Творческий портрет писательницы А. Мирэ) // Время Дягилева. Универсалии серебряного века. Пермь: Арабеск, 1993. С. 197–208.

87. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

16 апреля 1914 г. Коктебель[1]

16.IV.1914.

Дорогая Юлия Леонидовна,

меня очень, очень обрадовала весть о Вашем решении приехать в Коктебель в скором времени (когда?).[2] Я буду ждать Вашего прибытия с глубоким нетерпением. Надеюсь и на долгие разговоры и на этюды (совместные).

Всё не так мрачно, как мне казалось в те дни, когда я Вам писал прошлое письмо.[3] Я больше не стряпаю, а присылает нам Елена Павл<овна>,[4] Пра тоже вышла из мрачного

состояния духа, обуявшего ее при виде 30-ти зияющих комнат после московских маскарадов и кутежей.

Сейчас веет буйный, китоврасий[5] дух Толстых и Ященок. Соня[6] пишет «авто-венерический портрет» (в зеркало) в мастерской, которую тщательно закрывает на это время, и у нее иногда срываются обмолвки: «Макс, пойдем в *мою* мастерскую»... Но т<ак> к<ак> теперь мой верх отделен от низа стеклянной перегородкой, то это не мешает мне, и я рад, что таким расположением смогу предоставлять летом мастерскую для пользования всем.

Труднее дела обстоят с Майей,[7] которая обнаруживает умилительную жадность. На днях кто-то говорит:

«Макс, дай мне...»

(Майя, не давая докончить):

«А мне два!»

Это формула всех отношений. Вообще я устал только от «детского сада» — а людей, наоборот, жажду всем сердцем.

В Дорнах меня зовет Маргарита для того, чтобы принять участие в самой работе над строением храма. И это влечет меня больше, чем мистерии.[8] У меня всегда была мечта о великой коллективной работе построения единого здания — и я знаю, что это там теперь осуществляется. Не быть там значит не причастить, быть может, единственного и неповторяемого в жизни.

Маргарита зовет сейчас. Но я решил уехать в июле, чтобы вернуться лишь осенью, когда Коктебель опустеет. Но это мечты: у меня ведь нет (и не будет) ни копейки своих денег все лето.

Я был вчера в Феодосии, ночевал в мастерской у Богаевского. Но его не видал. Он в Ялте у матери. Но видел на столе конверт, написанный Вашим почерком.

Он *очень* сознает свои недостатки и *любит*, когда ему говорят о них. Он и раньше об них Вашими же словами говорил о них, поэтому я и не побоялся показать ему Ваши строки целиком.[9] Сейчас ему, кажется, хорошо работалось. Но он ничего не показывал. На мольбертах стоят большие подрамки (в работе) гигантской панорамной длины.

Мне хочется, чтобы Вы приехали как можно скорее. В Вашей прошлогодней комнате живут Толстые. Но они пробудут только мая до 18 (а может, и раньше).[10] И мне очень хочется снова иметь именно Вас и Екат<ерину> Иван<овну> соседками, а не кого иного. Приедет ли Феодор Константино<вич>?[11] Соня Т<олстая> уедет к 5 маю верно уже. А Ященки на днях. Дольше останется Алехан.[12] С 25 апр<еля> приедет Ася (сестра Марины), а Марина только в июне после Сережиных экзаменов.[13] Лиля и Вера *пока* совсем не едут, но наверно не выдержат.[14]

Вот движение людей в Коктебеле. О других не знаю ничего.

Напишите непременно, когда приедете. Мне хочется выехать Вам навстречу в Феодосию. Хорошо?[15]

Привет Екат<ерине> Иван<овне>, Феод<ору> Кон<стантиновичу> и Магде Максимилиан<овне>.[16] Соня Т<олстая> шлет Вам привет (она внизу в мастерской). До скорого свидания.

Максимилиан Волошин.

[1] Почтовые штемпели на конверте: Феодосия. 18.4.14; Петербург. 21.4.14.

[2] В недатированном письме к Волошину (около 10 апреля 1914 г.) Оболенская замечала: «Может быть, Вам придется если не услышать, то увидеть меня в скором времени» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 44).

[3] «...Получила Ваше мрачное письмо», – сообщала Оболенская Волошину в письме, отправленном около 10 апреля. Имеется в виду п. 84.

[4] Е.П. Паскина.

[5] Китоврас – герой древнерусской «Повести о Китоврасе», стихийный дух, чародей или демон; согласно А.Н. Веселовскому, имя Китовраса – «неумелая переделка греческого кентавра» (*Веселовский А.Н.* Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872. С. 137). На этот труд и на образ Китовраса мог обратить внимание Волошина А.М. Ремизов, творчески разрабатывавший сюжет о Китоврасе

(см.: *Грачева А.М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 144–163). Образ «Китовраса, козленка-певца» — в стихотворном цикле С.М. Городецкого «Великая Мать» из его книги «Ярь» (1906, см.: *Городецкий Сергей.* Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1974. С. 73), строфу о Китоврасе предпослал эпиграфом Вяч. Иванов к своему стихотворению «Китоврас», входящему в его книгу «Эрос» (СПб.: Оры, 1907. С. 13–14). В кругу Вяч. Иванова в 1906–1907 гг. Городецкий прозывался Китоврасом. Все эти ассоциации, безусловно, оживали в сознании Волошина.

[6] С.А. Дымшиц-Толстая.

[7] М.П. Кювилье.

[8] М.В. Сабашникова звала Волошина приехать в Дорнах и участвовать в строительстве Иоаннова здания (см. примеч. 7 к п. 78) в нескольких письмах, начиная с осени 1913 г., добавляя в одном из них (6 апреля 1914 г.): «Только, ради Бога, овладей языком и прочти мистерии» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1065). Имеются в виду четыре мистерии Р. Штейнера (1910–1913): «Врата Посвящения (Инициация). Розенкрейцерская мистерия» («Die Pforte der Einweihung»), «Испытание Души. Инсценированное жизнеописание» («Die Prüfung der Seele»), «Страж Порога. Инсценированные душевные события» («Der Hüter der Schwelle»), «Пробуждение Душ. Инсценированные душевные и духовные события» («Der Seelen Erwachen»). См.: *Штайнер Рудольф.* Драмы-мистерии / Пер. с нем. Н.Н. Белоцветова. М.: Энигма, 2004. «Что Вы собираетесь делать в Дорнахе в июле? — спрашивала Оболенская Волошина в письме, отправленном около 10 апреля. — Ведь мистерии отложены на декабрь, так как Здание еще не готово». (Подразумеваются намечавшиеся постановки мистерий в Иоанновом здании).

[9] См. примеч. 14 к п. 84.

[10] А.Н. Толстой выехал из Феодосии в Анапу 12 мая, С.И. Дымшиц-Толстая отправилась туда же раньше — видимо, 3 мая (Труды и дни. С. 351, 350).

[11] Е.И. Оболенская, Ф.К. Радецкий. В письме к В.Я. Эфрон от 6 июня 1914 г. М. Цветаева сообщала: «Радецкий на днях приехал <...>» (*Цветаева М..* Неизданное: Семья. История в письмах / Сост. и коммент. Е.Б. Коркиной. М.: Эллис Лак, 1999. С. 179).

[12] А.Н. Толстой.

[13] А.И. и М.И. Цветаева, С.Я. Эфрон. Последний сдавал экзамены экстерном в феодосийской мужской гимназии на аттестат зрелости (см. его письмо к Е.Я. Эфрон от 2 июня 1914 г.: *Цветаева М.* Неизданное: Семья. История в письмах. С. 178).

[14] Е.Я. и В.Я. Эфрон летом 1914 г. в Коктебель не приезжали.

[15] Оболенская отвечала в недатированном письме: «Выезжаю 28/IV и буду, значит, в Феодосии 1-го мая утром. Буду очень рада, если встретите» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 45).

[16] М.М. Нахман.

88. К.В. КАНДАУРОВУ

20 апреля 1914 г. Коктебель[1]

20.IV.1914.

Дорогой Константин Васильевич, очень хотелось бы узнать о летних твоих планах: когда ты приедешь в Крым и когда будешь в Коктебеле?[2] Хорошо было бы, если б ты по приезде прямо приехал в Коктебель: мастерская моя всегда в твоем и Анн<ы> Влад<имировны> распоряжении. Теперь это удобно, потому что моя верхняя комната отделена совершенно, так что мы друг друга стеснять не будем. А в Коктебеле я хотел бы увидеть тебя пораньше потому, что (это между нами) я решил в конце июня удрать из Коктебеля на июль и август (т.е. на все время, когда слишком тесно и все ссорятся) в Германию, куда зовет меня Маргарита[3] и дает денег на путешествие (я-то сам, конечно, без копейки). Я это держу пока в тайне и сообщаю тебе, чтоб распределить время нашего свиданья. Скажи об этом тоже Рагозинскому, на случай его летнего приезда. Костеньку очень давно (со страстной) не видел:[4] он то в Кенигезе, то в Ялте.

В мастерской стоят большие полотна в работе. Очевидно, пишет теперь маслом уже. У нас Толстые. Ященки уехали. Алехан останется до половины мая. Уже сколотил каркас новой пьесы.[5] Соня через неделю едет в Анапу к Мар<ии> Леонт<ьевне> и Марьяне.[6] Майя тоскует, плачет и просит утешений,[7] так что мое лето в смысле наполненности жизни мало отличается от прошлого. Для работы совсем мало остается времени и нет тишины нужной. Пра снова приходит в отчаяние от хозяйства. Привет Анне Влад<имировне> и Валетке.[8]

МАХ.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Феодосия. 21.4.14; Москва. 23.4.14.

[2] Кандауров отвечал 25 апреля 1914 г.: «Я буду в Феодосии 15-го мая, а потом в Коктебель. Около 25-го мая приедет Анна Влад<имировна> и Маргарита Кандауровы <...> Хорошо бы было, если бы ты и Юлия Леонидов<на> меня встретили в Феодосии и мы все с Котиком <К.Ф. Богаевский. – *Ред.*> поговорили бы о наших художественных делах». В письме от 9 мая 1914 г. Кандауров уточнял, что приедет в Феодосию 13 мая (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 615).

[3] См. примеч. 8 к п. 87.

[4] К.Ф. Богаевский. Страстная неделя в 1914 г. – с 31 марта по 5 апреля.

[5] См. примеч. 10 к п. 87. Имеется в виду, вероятно, трагедия А.Н. Толстого «Опасный путь (Геката)», оставшаяся неоконченной. См.: *Крестинский Ю.А.* А.Н. Толстой. Жизнь и творчество (Краткий очерк). М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 95.

[6] М.Л. Тургенева (1857–1938), тетка А.Н. Толстого, детская писательница, и дочь его и С.И. Дымшиц-Толстой Марианна Алексеевна Толстая (1911–1988). М.Л. Тургенева жила тогда в семье Толстых и воспитывала Марианну.

[7] Ср. сообщение о М. Кювилье в письме Ю.Л. Оболенской к М.М. Нахман (Коктебель, 9 июня 1914 г.): «Какое ужасное для всех лето. Началось оно дикими выходками Майи, кот<орая> месяца полтора никому не давала покоя истериками, потоплением, подслушивала мои с Максом разговоры и т.д.» (РГАЛИ, ф. 2080, оп. 1, ед. хр. 7, л. 77 об.).

[8] В.В. Успенская.

89. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

19 июля / 1 августа 1914 г. Базель[1]

Милая мама, вчера с последним поездом я приехал в Базель.[2] Теперь германская граница уже закрыта. Я доехал только потому, что ехал необычным путем через Румынию и Венгрию. И вслед за мной все железнодорожные сообщения прекращались и двери запирались. Теперь из Базеля уже нельзя ни выехать, ни войти.

Приехал я как раз вовремя для работы, т<ак> к<ак> большинство призвано на войну и германц<ев> и швей-

царцев. И работники для постройки необходимы. Какая странная судьба увела меня именно в эту минуту сюда. Той дамы, что лечит, здесь нет, но есть другие ее ученицы и, кажется, лечебник. Но будет ли вскоре возможность переслать лекарство? И вообще что будет теперь. Дорнаха война может коснуться только в случае насильственного прорыва швейцарского нейтралитета. Главная дорога, <по которой?> тогда пойдут франц<узские> войска, верстах в двух. Крепко целую тебя.

МАХ.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Basel. 1 VIII 14; Феодосия. 23.8.14. Обратный адрес: Basel. Arlesheim. Mattweg 352.

[2] Волошин выехал из Коктебеля 8 июля в Швейцарию – в Дорнах, для участия в строительстве антропософского центра (Гётеанума», или Иоаннова здания – Johannesbau); маршрут проходил через Севастополь, Одессу, Румынию, Будапешт, Вену, Мюнхен. В день приезда в Вену (15/28 июля) Австро-Венгрия объявила войну Сербии, 19 июля / 1 августа Германия объявила войну России. Письмо отправлено из Базеля, куда Волошин ездил из Дорнаха за покупками. См. также: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 165–167.

90. А.М. ПЕШКОВСКОМУ

Около 20 июля ст.ст. / 2 августа н.ст. 1914 г.
Дорнах или Арлесгейм[1]

Милый Саша, т<ак> к<ак>, вероятно, <осло?>жнения застали тебя вр<асплох?>, и мое письмо еще найдет <тебя?>, то спешу известить тебя, что я <добрался?> до Базеля с последними поездами в последний день, через Румынию и Венгрию.[2] Выехать отсюда я не смогу, т<ак> к<ак> связан здесь большой работой, которая идет независимо от каких бы то ни было войн и переворотов.

Если попадешь в Базель – найди меня. Arlesheim в 6 верстах (трамваем или жел<езной> дор<огой>, что на Del<é>mont). Напиши мне, в каком ты сейчас положении и состоянии духа.[3] О планах не спрашиваю, потому что какие

же теперь могут быть планы. Привет Людм<иле> Сергеевне.[4] Как твое здоровье?

Я прямо чудом добрался сюда. Мне пришлось в Будапешт попасть как раз в разгар уличных волнений.[5] И в Вене тоже.

До свиданья. Max.

[1] Открытка с видом Гиссбахского водопада (Giessbach-Falle) на Бриенцском озере. Отправлена по адресу: Pension Beau-Site. Giessbach (штемпель получения: Giessbach. 4.VIII.14); переслана, за отсутствием адресата, из Швейцарии в Москву (штемпель получения: 12.VIII.1914). Вырезана марка, вследствие чего фрагменты текста утрачены.

[2] См. примеч. 2 к п. 89. О своем пребывании в Гиссбахе Пешковский известил Волошина открыткой, отправленной 21 июня / 4 июля 1914 г.; в другом, недатированном письме к Волошину из Гиссбаха он сообщал: «...через месяц мы едем назад в Россию, и путь наш лежит через *Базель* <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 964).

[3] Пешковский ответил Волошину из Москвы 15/28 октября 1914 г.: «После 2-месячного берлинского плена прибыл в Москву и нашел твою открытку, посланную в Гисбах. В Берлин мы попали потому, что бросились сдуру в Россию через Германию перед войной. Было много мытарств <...>»; также он просил переслать приложенное письмо М. Рогальскому в Берлин: «Мне необходимо обменяться с ним несколькими письмами, так как он ведет розыски моего багажа, пропавшего в Швейцарии и *индивидуально* крайне ценного <...>» (*Там же*).

[4] Л.С. Пешковская, жена А.М. Пешковского.

[5] См. очерк Волошина «Год назад» (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 525—528).

91. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Около 28 июля / 10 августа 1914 г. Дорнах или Арлесгейм[1]

Милая мама, посылаю тебе это письмо и лекарства от эмфиземы и склероза с Т.А. Полиевктовой,[2] которая их отправит из Одессы, если ей удастся добраться до России через Константинополь. Это единственный путь, пока еще

открытый. Не знаю, доходили ли другие мои письма? Я приехал в Базель с последним поездом, и с того дня границы закрылись. Работаю с утра до ночи в Johannesbau. Большинство работников ушло на войну, т<ак> что мое присутствие действительно полезно. Нас война сможет коснуться только в случае попытки нарушения нейтралитета Швейцарии. Мы на полуострове между Францией и Германией. Но эта возможность теперь миновала пока. Область эльзасских битв совсем рядом и канонада слышна ясно. Как ты себя чувствуешь? Что делается в Коктебеле?[3] Мы здесь совсем отрезаны от всего мира – газеты не приходят ни из Франции, ни из Германии, не говоря уже о русских. До свиданья.

Мах.

[1] Открытка. Почтовые штемпели отсутствуют. Хранится в подборке писем Волошина к матери за 1915 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 63, л. 2).

[2] Татьяна Алексеевна Полиевктова (урожд. Орешникова; 1877–1962) – подруга Е.А. Бальмонт, сестра В.А. Зайцевой (жены прозаика Б.К. Зайцева). 26 августа / 7 сентября 1914 г. Е.О. писала Волошину, что «лекарства еще не получила» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 38).

[3] 26 августа / 8 сентября Е.О. писала Волошину: «Наконец, милый Макс, пришли твои открытки к Рогозин<скому>, Оболен<ской>, мне две. Мы все беспокоимся о тебе. Мое беспокойство продолжается. Война, неизвестность – томит меня. Из Коктебеля все давно разъехались. Оболенские уехали 22 VIII. Я уеду в начале сентября <...> Толстой собирается в действующую армию корреспондентом. Вера сестрой милосердия в Москве. Лиля хочет брать “запасных детей”». (Упоминаются В.Я. и Е.Я. Эфрон). В следующем письме к Волошину, отправленном из Москвы 8/21 сентября, Е.О. извещала, что поселилась у Рогозинских.

92. А.М. ПЕТРОВОЙ

28 июля / 10 августа 1914 г. Арлесгейм[1]

Дорогая Александра Михайловна, я, как запоздавший зверь, последним вошел в двери Ковчега.[2] Они закрылись за мной, и вот со дня моего приезда[3] – ни одной вести из Рос-

сии. Война идет рядом, и канонада в Эльзасе[4] будит по ночам. Но нас пока миновала. Хотя были дни тревоги: т<ак> к<ак> в случае насильственного прорыва швейцарского нейтралитета битва бы произошла как раз в нашей Johannesthal.[5] Из работников очень много призваны. Т<ак> что мое присутствие, как рабочего, важно. «Bau»[6] действительно прекрасно и грандиозное. Работаю над деревянной скульптурой[7] с утра до ночи. Пока физически устаю. Прямо чудом я добрался сюда. Всюду проезжал с последним поездом и последним пароходом. Какая странная судьба, которая меня привела к Штейнеру в 1905 году[8] и теперь вновь приводит в 1914, именно на это время уводя от России. Это письмо должна опустить в Одессе одна знакомая,[9] если сможет добраться до России. Через Константинополь теперь единственная дорога, еще не закрытая. Напишите мне (лучше открыткой): Via Constantinople – Genua. Arlesheim bei Basel. 352 Mattweg. Что делается в Коктебеле? Что делается в России? Напишите. Живу вместе с Аморей.[10]

Max.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 356.

[2] В Дорнахе, куда Волошин прибыл 18/31 июля на строительство антропософского «храма», собрались представители многих национальностей, что в условиях разворачивающейся мировой войны вполне ассоциировалось с Ноевым Ковчегом, в котором были укрыты и спаслись от мирового потопа представители разных пород животных (Быт. VII, 13–16). Андрей Белый, участвовавший в строительстве антропософского храма, вспоминал: «В день объявления войны, до него или днем позднее (не помню), какой-то бурею явился в Дорнахе Макс Волошин, заявивший, что он едва успел проскочить в Швейцарию через Австрию и теперь является последним нечистым животным, которое в дни европейского потопа должно быть принято в ковчег “Bau”: так он зажил в нашей дорнахской группе; скоро его можно было видеть вооруженным молотком и идущим на работу; он стал членом О<бщест>ва» (Андрей Белый и антропософия / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 6. Paris, 1988. С. 406). См. также дневниковые записи Волошина (Т. 7 наст. изд., кн. 2. С. 165 – 172). Образ ковчега Волошин использует также в стихотворении «Под знаком Льва» (Т. 1 наст. изд. С. 224).

[3] См. примеч. 2 к п. 89.

[4] Эльзас (Alsace), историческая область на Востоке Франции, в бассейне р. Рейн, важный индустриально-аграрный район. С 1871 г. по Франкфуртскому договору Эльзас был аннексирован Германией. После начала войны в 1914 г. германская армия начала вторжение в Бельгию и Люксембург, затем наступление на Францию, стремясь захватить важные промышленные регионы страны. Согласно существовавшему перед началом войны мобилизационному плану № 17, французская армия предполагала захват Эльзаса и Лотарингии. 25 июля / 7 августа 1914 г. началось французское наступление на Верхний Эльзас (Труды и дни. С. 355).

[5] Johannesthal — долина, в которой располагался Дорнах и другие близлежащие селения.

[6] Имеется в виду Иоханнес-Бау (Иоанново здание), или Гетеанум — антропософский храм-театр со сценой для постановки мистерий. См. примеч. 7 к п. 78.

[7] Первый антропософский храм, возводимый под руководством Р. Штейнера в 1913—1914 гг., строился по преимуществу из дерева, поэтому основная техника его оформления была техника вырезания из дерева. См. также п. 95.

[8] Знакомство Волошина с Р. Штейнером состоялось 20—28 октября / 2—10 ноября 1905 г. в Берлине. См.: Труды и дни. С. 149.

[9] Имеется в виду Татьяна Алексеевна Полиевктова. См. п. 95. Об открытках, переданных Волошиным в Россию, см. примеч. 3 к п. 91.

[10] М.В. Сабашникова. Первоначально Волошин жил в комнате, снятой М.В. Сабашниковой для О.Н. Анненковой, но после ее приезда 23 июля / 5 августа перебрался в комнату к М.И. Сизову, который проживал в квартире самой Сабашниковой. См. также п. 95.

93. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

Около 28 июля / 10 августа 1914 г. Дорнах или Арлесгейм[1]

Дорогая Юлия Леонидовна, пожалуйста, напишите мне, что делается в Коктебеле? что мама?[2] что Конст<антин> Васильевич?[3] Письма могут дойти: Via Constantinopol — Genua. (Адрес: Arlesheim bei Basel. 352. Mattweg. Schweiz).

В работе временами забывается все, что делается кругом. Газеты не приходят. Только канонада, особенно по

ночам, когда сторожишь «Bau», напоминает о том, что в нескольких верстах к западу идут страшные битвы. Я писал Вам с дороги. Но едва ли письма мои дошли до России.[4] Всё здесь гораздо больше и прекраснее, чем можно было себе представить.

Напишите лучше на открытке.

М. Волошин.

[1] Открытка. Отправлена в Коктебель, переслана, за отсутствием адресата, в Петроград (штемпель получения: Петербург. 5.IX.14).

[2] См. примеч. 3 к п. 91. 7 сентября (в автографе описка: «7 августа») Оболенская отвечала Волошину из Петрограда: «На днях Пра мне переслала в Пб. Вашу открытку неизвестно от какого числа. В день моего отъезда из Феодосии, 23-го, такие же были получены Рогозинским и Алекс<андрой> Мих<айловной> — это были первые и пока последние вести о Вас. Очень беспокоились и беспокоимся» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 48).

[3] К.В. Кандауров.

[4] Писем Волошина к Оболенской, отправленных в ходе путешествия из Крыма в Швейцарию, в подборке его писем к ней нет.

94. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

21 августа / 3 сентября 1914 г. Арлесгейм

Basel. Arlesheim. 352 Mattweg.
3.IX.1914.

Дорогая Александра Васильевна, не знаю, дойдет ли до Вас это письмо; но если дойдет и будет возможность ответить, то напишите мне хотя бы несколько строк, как Вы переживаете эти страшные времена и думаете ли оставаться в Париже или в Galluis в случае осады? Меня война застала в Базеле.[1] Я живу у Маргариты и принимаю участие в постройке огромного театра-храма для мистерий.[2] Я попал сюда буквально с последним поездом. Через Румынию и Венгрию.[3] Я выехал из России, когда еще никто и не думал ни о каких осложнениях, в дороге не видал газет, и только в Будапеште,[4] попав в самую бурю демонстраций, понял, что

это война с Россией. Какая-то странная судьба привела меня сюда и увела из России именно в эти дни и связала с делом, стоящим совершенно вне переживаемых катастроф и идущим независимо от них своим ходом: я рублю сейчас барельефы на огромных деревянных архитравах...[5] Ясно слышен грохот орудий под Мюлузом и Бе<ль>фором.[6] Представляю себе, что переживаете Вы и Владимир Августович[7] теперь.

У меня гораздо больше ужаса и боли за Францию, чем за Россию, и возможность осады и взятия Парижа кажется нестерпимой. Крепко, крепко жму руку Вам, Владим<иру> Августовичу, Тата, Лоло и Каролине.[8]

Максимилиан Волошин.

[1] Волошин прибыл в Базель 18/31 июля 1914 г., а на следующий день 19 июля / 1 августа Германия объявила войну России.

[2] См. примеч. 6, 10 к п. 92.

[3] Волошин выехал из России 10 июля 1914 г.

[4] 13/26 июля Волошин прибыл в Будапешт, где провел 2 дня, выехав в Вену 15/28 июля 1914 г. (Труды и дни. С. 354–355).

[5] Архитрав (*фр.* architrave, *греч.* archi – главный, основной и *лат.* trabs – балка, перекладина) – архитектурная деталь, часть ордера, балка, непосредственно опирающаяся на капители колонн. Другое название – эпистиль. Архитравным перекрытием именуется всякое перекрытие из одного цельного блока. См. также п. 92, 95.

[6] Мюлуз (Mulhouse), город на Востоке Франции, в Эльзасе, в департаменте Верхний Рейн, крупный промышленный центр. Бельфор (*фр.* Belfort) – город на востоке Франции, административный центр территории Бельфор.

[7] В.А. Гольштейн.

[8] А.Ю. Семенов, Н.Ю. Семенова, Каролина Яковлевна (служанка в доме Гольштейн).

95. А.М. ПЕТРОВОЙ

1/14 сентября 1914 г. Арлесгейм[1]

Arlesheim (bei Basel) 352 Mattweg.

Дорогая Александра Михайловна, вчера в Journal de Genève[2] я прочел объявление от русского посольства, что устанавливается пароходное сообщение с Россией и отхо-

дит пароход из Генуи на Архангельск (как и во времена царя Алексея Михайловича!)[3] Поэтому есть возможность послать письмо. Но пароход («Курск») выедет 7 сентября, будет в дороге две недели. Следовательно, в лучшем случае Вы получите это письмо через месяц, когда уже произойдет столько событий, что эти дни будут казаться далеким прошлым. Пользуясь отъездом одной знакомой в Россию (не знаю, доехала ли она...), я послал ряд открыток всем своим друзьям,[4] чтобы известить по крайней мере о том, что добрался благополучно до Базеля и живу, и работаю здесь. С нею же я послал и маме лекарства от эмфиземы легких, которое она ждет. Скажите ей это, если она не получила. Я послал все это с Татьяной Алексеевной Полиевктовой. Ей можно всегда написать на имя Александры Алексеевны[5] (Брюсовский пер. Собств<енный> дом), она живет с нею. Я писал и раньше еще, и с дороги, но нет надежды, что письма пришли, потому что ведь в то время, как я ехал, все двери закрывались за спиной, и я всюду попадал на последний поезд, последний пароход.

Я и теперь все с изумлением думаю о странной четкости судьбы, которая увела меня в самый последний день из России. Останься я тогда в Феодосии на день, чтобы дождаться Кандаурова, как хотел и обещал – я бы уже не попал в Дорнах.

Я приехал сюда совсем разбитый и душевно, и физически[6] и теперь постепенно воскресаю. Между прочим, почти наполовину похудел и чувствую удивительную легкость поэтому. Рассказать подробно про «Бау» (Johannesbau) очень трудно. Все, что писала Маргарита,[7] было все верно и в то же время не убедительно. А самое Здание очень убедительно, так как во всем чувствуется глубокая закономерность. Все физические формы вытекают последовательно из духовных, не символически, а как их непосредственная проекция на физический план, и если иногда они и непонятны, то, во всяком случае, эта закономерность чувствуется во всем и создает архитектурную логику и монументальность. Это действительно ни на что из существующих зданий не похоже.

По тем фотографиям, что присылала Маргарита, судить нельзя, т<ак> к<ак> они дают внешний черновой силуэт, который совсем изменится; а главный смысл и новизна Бау – внутри. Масса работников как раз в дни моего приезда была отозвана в свои страны на военную службу. Так что теперь работа идет медленно. Любопытно то, что Штейнер все время сроком окончания Бау назначал 1 августа. И если бы не случайные человеческие недоразумения и злоупотребления, оно было бы закончено к этому сроку. (День начала войны).

Теперь все пошло по-иному, и конец постройки трудно предвидеть. Он, т.е. Д<окто>р, был потрясен, я его видел в первый раз – с лицом утомленным и измученным как никогда. Он говорил об Архангелах народов и об войне. Нет, я чувствую, что мое письмо становится похоже на письма Маргариты и будет только раздражать отрывочно выхваченными сведениями.

Маргарита теперь работает над живописными эскизами Ангелов, которые ей дает разрабатывать Д<окто>р. Но до живописи еще далеко, т<ак> к<ак> остаются неоконченными все громадные скульптурные работы из дерева по фасадам и внутри (архитравы, капители, наличники).[8] Поэтому все работают там, и я тоже. Надо рубить барельефы в огромных глыбах – образованных из склеенных пластов дерева. Это дает внутренностям куполов вид грубый и циклопический, точно они высечены внутри пещер. То, что на фотографиях казалось линиями какого-то дешевого Stil-Moderne, – это только неконченные части огромного бетонного основания, на котором стоит все деревянное здание. Они еще будут обсекаться и образуют строго вымеренные дуги конических сечений (Кассиниевые кривые).[9] Дерево тоже не будет иметь характера легкости, т<ак> к<ак> все строится не из досок, а из огромных клееных слоями глыб дерева. (Представьте себе фанеру из полуторавершковых досок во много слоев в поперечном разрезе).

Что сказать о духе, проникающем работу? Я не застал уже того периода, когда все были охвачены одним энтузи-

азмом осуществления — теперь работников мужчин стало мало, и каждого в глубине грызет тревога и страсть войны. Но уже изумительно то, что сейчас мирно и братски работают над одним созиданием немцы, русские, французы, австрийцы, голландцы... Те национальные трения, что проскальзывают, так ничтожны... ограничиваясь почти исключительно тем, что кто-нибудь из немцев с «неприличною» радостью сообщит о победе в присутствии русских или наоборот.

Я живу вместе с Маргаритой, в одной комнате с Сизовым, который должен был как раз уехать в Россию, но его вернули в самый день моего приезда. Часто вижусь с Андреем Белым.[10] Он совсем преображенный и пламенеющий. Он читает мне часто свои записи неопубликованных циклов и много рассказывает. В его речах все преображается и одевается в подобающую и верную одежду слов. Говоря с ним, совсем не чувствуешь той преграды суконных слов и обесцвеченных записей (даже стенографических), что так мучали прошлую зиму.

Кроме этого, я занимаюсь немецким языком, читаю циклы и много рисую. Впрочем, времени остается так мало: на работе проводишь весь день до 7 часов вечера. Но в те дни, когда нет работы или когда сидишь дома (я сейчас целую неделю сидел благодаря молочной диете), то рисую запоем. Немного обходил соседние горы. Тут большие леса буковые. Много прекрасных деталей, но нет души, и далеки они. Мы живем совсем на отлете, вблизи домов нет, и до Бау идешь минут 15 по узким дорогам среди лугов с большими редкими деревьями, как по парку.

Я нарочно ничего не пишу с политике. Ведь когда письмо придет, то столько уже переменится судеб в Европе. Я совсем не представляю себе что делается в России теперь: ни одна газета, ни одно письмо не дошло сюда со дня объявления войны. Только частные телеграммы приходили изредка кое-кому. И ничего не знаю, что со всеми близкими делается, ведь я оставил всех среди острых личных кризисов...[11] Что Кандауровы? Толстой? Успела ли Соня[12] вернуться из Парижа? Кого коснулась мобилизация? Это все

вопросы, на которые едва ли я получу ответ раньше будущего лета, потому что если мое письмо и дойдет до Вас, то ответ едва ли сможет добраться до меня, и если что случится в Коктебеле с мамой, то мне не узнать этого. Но имейте в виду, что телеграммы еще доходят иногда. Крепко целую Конст<антина> Феод<оровича>[13] и Рагозинского. Привет всем друзьям и знакомым. У меня тысячи вопросов, но чувствую их бесплодную риторичность. Нестерпимо думать о возможном разгроме Франции и Парижа. До свиданья, Александра Михайловна... Когда? Где?

Мах.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 357.

[2] «Journal de Genève» — ежедневная швейцарская газета, выходившая в Женеве на французском языке с 1826 по 1998 г.

[3] Имеется в виду второй русский царь из династии Романовых Алексей Михайлович (Тишайший). Именно во времена царствования Алексея Михайловича с 1645 г. открылся торговый путь из Европы в Россию через Архангельск.

[4] Известны открытки Волошина Е.О. Кириенко-Волошиной (п. 91), А.М. Петровой (п. 92), Ю.Л. Оболенской (п. 93), которые были переданы в Россию с Т.А. Полиевктовой. См. также примеч. 9 к п. 92.

[5] А.А. Андреева.

[6] Причиной угнетенного состояния Волошина был ряд пережитых им в Коктебеле конфликтов, как в кругу близких друзей, так и с матерью, которая при отъезде обрушила на сына град упреков. Летом 1914 г. отношения Волошина с Е.О. Кириенко-Волошиной резко обострились. Готовясь к отъезду в Дорнах и «раздираемый» гостями, он решил на время отказаться от писания стихов, сосредоточившись на живописи. Мать же настаивала, чтобы он «работал». Предложение помогать по хозяйству вызвало только раздражение. В дневниковой записи от 18/31 июля 1914 г. Волошин зафиксировал слова Е.О. Кириенко-Волошиной: «К Штейнеру едешь... думаешь лучше стать — не станешь. Ты весь — ложь и трус. И не пиши мне, пожалуйста. Раньше я говорила тебе — для меня в жизни был только ты. Теперь ты больше для меня не существуешь. Понял?» (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 165). В несохранившемся письме к матери от 23 сентября 1915 г. Волошин просил объяснить «что было тогда, при разлуке нашей» (цитировалось Е.О. Кириенко-Волошиной в письме от

3 октября 1915 г.). Елена Оттобальдовна называла главной причиной конфликта то, что сын не объяснил ей, что не намерен «работать это лето», а также тем, что он «выпускал из себя пятилетнего ребенка, раздражительного, с капризными словами, сердящегося по пустякам». В свою очередь А.М. Петрова, которая была свидетельницей почти всех перипетий отношений Волошина с матерью, записала в дневнике 3 октября 1915 г.: «Его мама — его крест. Это невыразимо горько. Ее тоже жаль, но... сопоставление никак не в ее пользу <...> Его жизнь с нею — сплошная пытка. В ней нет ни капли теплого материнства, а одна издевка над ним» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 12).

По приезде в Дорнах Волошин плохо себя чувствовал — болели ноги. (См.: Труды и дни. С. 355, а также дневниковые записи: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 169– 170).

[7] В письмах весны — начала лета 1914 г., приглашая Волошина в Дорнах, М.В. Сабашникова неоднократно выражала свое восхищение Гётеанумом, отмечая, что «всего значения того, что здесь дано, мы, конечно, и понять не можем». Одновременно и в письмах к А.М. Петровой этого же периода она называла его «воплощающимся чудом» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 40, л. 34), «единственным связующим звеном с учителем» (*Там же*, л. 37) и т.д.

[8] Архитравы (см. примеч. 5 к п. 94); капитель (от *позднелат.* capitellum — головка) в архитектуре, пластически выделенная венчающая часть вертикальной опоры (столба или колонны), передающая ей нагрузку от архитрава и расположенных выше частей здания; наличник, декоративное обрамление оконного проема, в деревянной архитектуре наличники обычно обильно украшаются резьбой, имеют и функциональное назначение, закрывая щель между стеной и оконной коробкой.

[9] Овалы Кассини, от имени итальянского астронома Джованни Доменико Кассини (1625–1712), — плоские алгебраические кривые 4-го порядка.

[10] Андрей Белый стал приверженцем Р. Штейнера в 1912 г. Находился на строительстве Иоганнес-Бау вместе с женой, художницей А.А. Тургеневой с марта 1914 г. О встречах с Андреем Белым см. дневниковые записи Волошина: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 166–168.

[11] К.В. Кандауров в тот год завязал близкие с отношения с Ю.Л. Оболенской, А.Н. Толстой ушел от С.И. Дымшиц-Толстой, увлекшись молодой балериной Маргаритой Павловной Кандауровой (1895–1990).

[12] С.И. Дымшиц-Толстая.

[13] К.Ф. Богаевский.

96. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

8/21 октября 1914 г. Арлесгейм[1]

Arlesheim (bei Basel). Mattweg 352. 21 octobre. 1914.

Дорогая Юлия Леонидовна, получил Вашу открытку одновременно с двумя от мамы.[2] Это были первые письма с самого моего отъезда. Я не думал, что ни одно из моих писем не дойдет. Вам я писал несколько раз и с дороги еще. Я останусь зиму здесь. Да и вернуться теперь невозможно — один путь через Торнео.[3] В Johannesbau работаю на деревянной скульптуре. Но на душе смутно. Самое страшное то, что война точно смешала языки: с самыми близкими духовно нельзя согласиться, говоря о вещах, кажущихся очевидными. И удивляет и внушает даже уважение психология немцев, которые до такой степени верят в свою правоту и не разделяют себя с действиями Пруссии. Антропософское учение о расах вносит опасную запутанность в отдельные умы. Часто кажется после разговора, что ум за разум заходит. Но это всё внутри. А фактически мы, — представители всех враждующих национальностей, дружески работаем на<д> одной постройкой, и нет даже никаких намеков на национальные недоразумения. В Базель изредка доходят №№ «Речи» и «Рус<ского> Слова», так что мы имеем сведения о состоянии душ в России. Но если Вас не затруднит, Юлия Леонидовна, присылайте мне иногда №№ прочитанных газет, с более интересными или характерными для духа времени статьями.[4] Это не для меня только, а и для других русских, работающих здесь. Не знаете ли, где именно Богаевский? Неужели на театре воен<ных> действий? Ужасно...[5] О Конст<антине> Вас<ильевиче> тоже не знаю ничего...[6] Я много рисую — но не с натуры (мы ведь у границы — всюду войска — нельзя — за шпиона примут), а эскизы. Очень освоился с акварелью. Но в общем весь день почти на работе. Видаете ли Елизав<ету> Иванов<ну>?[7] Передайте ей привет от меня. Привет Екат<ерине> Иван<овне> и Ф<еодору> К<онстантиновичу>.[8] Как все смутно и жутко. Подумайте,

как в сущности эта разразившая<ся> вдруг буря долго подготовлялась и чувствовалась в катастрофичности отдельных существований. Мы все ведь были захвачены ее приближением...

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Arlesheim. 23. X. 14.

[2] Имеется в виду письмо Оболенской от 7 сентября (ошибочно датированное 7 августа; штемпель отправления: 9.9.14), в котором она сообщала о Е.О. Кириенко-Волошиной: «Она должна на днях быть в Москве; Коктебель давно опустел, и она только ждет нового сторожа, т<ак> к<ак> Павла забрали <на военную службу. – *Ред.*>. <...> Последние недели в Кокт<ебеле> прошли очень тяжело, работать было трудно, и я не жалею, что уехала, хочется только, ч<то>б<ы> Пра не оставалась одна там; слишком уж мрачно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 48). Открытки от Е.О. Кириенко-Волошиной от 26 августа / 8 сентября и от 8/21 сентября 1914 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 38, 39); в первой из них Е.О. писала: «Наконец, милый Макс, пришли твои открытки к Рогозин<скому>, Оболен<ской>, Майе, мне две. Мы все беспокоились о тебе».

[3] Город на границе Российской империи и Швеции, на северном побережье Ботнического залива.

[4] «С радостью буду посылать газеты, если дойдут», – отвечала Оболенская на открытке, датированной 26 октября (8 ноября н.ст.) (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 49).

[5] К.Ф. Богаевский был призван на военную службу, весь период войны находился под Севастополем. Оболенская сообщила Волошину об этом в письме от 7 сентября; в письме от 26 октября она добавляла: «Богаевский на ст<анции> Бельбек – вчера получила от него письмо. Пишет, что забыл о живописи и без сожаления; живет 7-ю газетами, а общество – “гусары прежних лет, собутыльники лихие“. <...> Ему пришлось, уезжая из Феодосии, видеть ее бомбардировку из окна вагона и лишь на след<ующий> день узнать, что родные не пострадали». (Неточно процитирована «Песня старого гусара» («Где друзья минувших лет...», 1817) Дениса Давыдова). Е.О. Кириенко-Волошина сообщала Волошину в письме от 22 октября / 4 ноября 1914 г.: «Богаевский в полку, стоит в Бельбеке и очень тяготится скучной службой. Он очень интересовался войной и хотел в действующую армию» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 30 об.).

[6] К.В. Кандауров летом 1914 г. в Коктебеле сблизился с Оболенской, что чрезвычайно осложнило его отношения с женой. 7 сентября Оболенская писала Волошину: «У К.В. дела идут по-прежнему <...> дома неприятности — он, кажется, начинает привыкать, хотя очень нервничает все же».

[7] Е.И. Васильева. 26 октября Оболенская отвечала: «Елиз<авету> Ив<ановну> вижу редко: на пятницы не хожу по болезни и еще почему-то». (Подразумеваются собрания антропософов по пятницам).

[8] Е.И. Оболенская и Ф.К. Радецкий.

97. К.В. КАНДАУРОВУ

9/22 октября 1914 г. Арлесгейм[1]

22 octobre 1914.

Дорогой Константин, напиши мне о себе и о своих делах хоть несколько слов. Я два месяца не имел никаких известий и только теперь получил 3 открытки от мамы.[2]

Страшнее всего было, что К<онстантина> Ф<еодоровича> взяли на войну.[3] Неужели он в действующей армии? Что делаешь ты в общественной и личной жизни? Напиши о маме — как она себя чувствует? Я думаю остаться здесь всю зиму, конечно. Но в случае, если мне надо будет приехать для нее, то вызови меня телеграммой. (Телеграммы доходят). Я тогда доберусь через Норвегию. Здесь весь день проходит в работе. Я работаю над резьбой по дереву (гигантские архитравы и капители)[4] — живопись начнется месяца через два только. Отсюда видишь войну как бы изнутри и с точек зрения разных национальностей. Радуюсь, что я в это время здесь. Но на душе смутно, жутко и беспокойно. Много рисую в свободное время — делаю сложные композиции акварелью. Очень трудно устроиться здесь с работой в Библиотеке (для готики),[5] никак не могу получить разрешения брать книги на дом (Базель в 8-ми верстах). Я много всем писал по приезде сюда — но очевидно все мои письма

пропали. Посылай мне иногда прочитанные №№ газет с более интересными статьями. Крепко целую тебя. Привет Ане и Валету.[6] Напиши о Толстых.

МАХ.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Arlesheim. 23.X.14.

[2] См. примеч. 2 к п. 96. Третья открытка, отправленная Е.О. Кириенко-Волошиной, датирована 15/28 сентября 1914 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 40).

[3] См. примеч. 5 к п. 96.

[4] Речь идет о художественной работе по строительству и оформлению интерьеров Иоаннова здания (Гетеанума) в Дорнахе.

[5] Имеется в виду сбор сведений и материалов для книги «Дух готики».

[6] А.В. Кандаурова и В.В. Успенская.

98. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

10/23 октября 1914 г. Арлесгейм

Arlesheim bei Basel.
352 Mattweg.
23.X.1914.

Дорогая Александра Васильевна, воистину я задал себе трудную задачу: я ехал сюда с тем, чтобы полюбить немцев и выучиться в конце концов немецкому языку. Первое в нынешнее время оказывается очень, очень трудно, а второе трудно сделать в немецкой Швейцарии. Я останусь здесь, вероятно, всю зиму.

Я очень много занимаюсь живописью. Вот уже два года, как это схватило меня и все идет возрастая, то, что хочет заставить меня наверстать те годы, что я совсем отходил от живописи. Теперь работаю исключительно над композициями. Это единственные моменты, когда могу не думать о происходящем в мире.

Как Вы живете теперь? Думаете ли, что можно скоро уже возвратиться в Париж?[1] Впрочем, спрашивая, сам чув-

ствуешь праздность таких вопросов. О происходящем даже еще говорить нельзя. Мы все канонады под Бефором и в Альзасе слышим.[2]

Крепко, жму руку и шлю привет Владимиру Августовичу, Лоло, Тата,[3] Каролине.

Максимилиан Волошин.

[1] В определенном смысле это письмо стало ответом Волошина на открытку от 15 сентября 1914 г. на французском языке, полученную им от А.В. Гольштейн, которая сообщала, что находится на Вилле-Роха Стур в Бретани, любезно предоставленной другом, вместе с Владимиром Августовичем, который в возрасте 67 лет уже не может, как и женщины, и дети, «бороться с врагом человечества». Кроме того, Гольштейн подчеркивала, что они ждут только полного уничтожения «печально известного монстра», чтобы вернуться в Париж (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438).

[2] См. примеч. 6 к п. 94.

[3] В.А. Гольштейн, А.Ю. Семенов, Н.Ю. Семенова.

99. А.М. ПЕТРОВОЙ

19 октября / 1 ноября 1914 г. Арлесгейм

1 ноября 1914.

Дорогая Александра Михайловна, с ужасом прочел о бомбардировке Феодосии,[1] хотя внутренно ждал, что война затронет наши места. Ради Бога, напишите, живы ли Вы и целы. И вообще, что это было. Ведь очевидно это было неожиданно, и Вы уехать из города не успели. Недавно только узнал, что К. Ф. взяли на войну.[2] Какой ужас... Где он? Мишу тоже взяли?[3] Я много раз писал Вам... Доходили ли мои письма?[4] Я недавно получил две открытки от мамы[5] — это были первые вести из России со дня отъезда. Здесь у нас все благополучно. Но можно ли теперь быть спокойным. Как надо часто говорить с Вами. С Маргаритой[6] мы живем вместе и дружно, но понимать друг друга не можем. Она очень стоит за Германию и не хочет читать газет совсем. Правда, на

Германию очень много лгут (о жестокостях), это нужно учитывать. Но и без этого на ней много грехов. И эта вся история еще долго не кончится. И в душах Вавилонское столпотворение.[7] С самыми близкими на разных языках говоришь. Аморя делает большие эскизы для храма, и хорошо. Я же пока не работаю там, а пишу о готике.[8]

Реймс – это совсем нестерпимо.[9] Дойдет ли это письмо до Вас? Напишите хоть открытку и по одному слову обо всех. Я *ничего* не знаю.

Max.

[1] 17/30 октября 1914 г. германские крейсеры «Гебен» и «Бреслау» бомбардировали черноморские города Севастополь, Феодосию и Новороссийск, что стало поводом объявления Россией войны Турции.

[2] К.Ф. Богаевский. О его мобилизации известила Волошина 22 октября 1914 г. мать, сообщив: «Богаевский в полку, стоит в Бельбеке» (под Севастополем). Об этом см. п. 96, примеч. 5.

[3] М.М. Петров. После его мобилизации А.М. Петрова взяла на воспитание его детей.

[4] Имеются в виду п. 92, 95.

[5] См. п. 91, примеч. 3.

[6] М.В. Сабашникова была настроена прогермански. Этот момент был предметом обсуждения и в переписке Волошина с А.Н. Ивановой, которая писала ему 29 октября (н. ст.) 1914 г.: «Меня Маргоря очень огорчает своим пристрастием к немцам. Сегодня еще разговаривала долго с раненым солдатом, только что приехавшим с поля сражения. У него странное озлобление против немцев не как против сильных врагов, а как против жестоких злодеев. <...> он сам был свидетель тех ужасов, кот<орые> они совершают. Он говорит только о том, что он сам пережил. Я прямо чувствовала себя разбитой после его рассказов. Маргоря мне пишет о жестокостях русских. О солдатах с выколотыми глазами, кот<орые> находятся в Кёльне. Мне это кажется мало правдоподобным, т<ак> к<ак> зачем солдат раненых, сражавшихся с русскими, повезут через всю Германию в Кёльн? Уж это одно странно. У Маргори даже какое-то злорадство. – Что вот, дескать, русские какие – похуже немцев. М<ожет> б<ыть>, русские и совершают жестокости, но как исключение, а не сплошь. И я бы это хотела точно знать и не могла бы на это радоваться. Хотя бы желая оправдать немцев. А Вы, Макс, Вы же не можете простить

Реймский собор, не можете объяснить себе попытки разрушить Notre Dame» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 114–115).

[7] В переносном значении Вавилонское столпотворение (Быт. XI, 1–11) – беспорядочная суетящаяся толпа, суматоха, полный беспорядок.

[8] Волошин в это время продолжал работать над книгой «Дух готики». См. примеч. 2 к п. 9.

[9] 3/16–4/17 и 13/26–14/27 сентября 1914 г. шли бои у Реймса. Немецкая артиллерия бомбардировала Реймс и другие города Шампани, при этом сильно пострадал Реймский собор, один из шедевров французской готики XIII в. Позднее Волошин откликнулся на это событие стихотворением «Реймская Богоматерь» (19 февраля 1915 г.). См.: Т. 1 наст. изд. С. 240–241, 517–518.

100. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

16–19 ноября / 29 ноября – 2 декабря 1914 г. Арлесгейм[1]

Дорогая Юлия Леонидовна, получил сегодня Вашу открытку.[2] Охватила тоска, тревога и захотелось говорить подробнее. Вчера пришло от Пра закрытое письмо.[3] Значит, теперь и они умудряются доходить... может, и это дойдет. Пра пишет о К<онстантине> В<асильевиче> безотрадные вещи. Вы тоже.[4] И хотя о себе Вы ничего не пишете, чувствую, что Вам горько и потерянно, и, верно, еще больше, чем ему, в глубине души. Прочтя, что он ждал моего возвращения, почувствовал угрызения совести. Но что делать сейчас в России?.. Как помочь... У меня от этого лета осталось глубокое сознание своего бессилия... Мы все точно в каком-то предрассветном сне томились, и не могли проснуться. Сознаешь, что это всё силы, жаждущие воплощения, бродят и тревожат, но что же с ними делать, куда они продолбят выход? Еще когда живешь совсем один, то сам в себе что-то приводишь в порядок, находишь какой-то ритм. Но когда завязываются тугие человеческие узлы, как в июле, то и свое теряешь и помочь никому не можешь. А вместе с тем ведь только это, только это и дает веру в Россию и в великие силы рус<ской> души. Ведь мы все больны только своим дале-

ким историческим будущим. А эти миражи текущих минут, победоносные иллюзии, которыми все в России прельстились, очень жалки. Верят, что последняя война, когда явно, что это только начало долгого периода великих войн. Думают, что все зло в Германии и что его можно раздавить, что войну можно победить войной...

Я лично думаю, что Германия будет побеждена, но в разгром ее не верю. А выиграет от поражения только она — начнется огромное моральное оздоровление ее. А Россия — боюсь, вынесут ли слабые нервы торжество победы. Безоглядно радуюсь только тому, что Франция останется жива и будет еще долго Париж. Но России-то сейчас не победы нужны... Я удивляюсь своей судьбе, которая так систематически уводит меня из России в моменты кризисов — в 1905 — и теперь. И оба раза к Штейнеру. Ведь в 1905 я впервые с ним встретился.[5] (А теперь ведь я буквально за ½ часа до объявления войны и закрытия границ выехал из Германии!). Я знаю, что это большое благо, что я здесь. Но нет у меня ни спокойствия, ни глубины, ни ритма. За волнами подъема и очищения снова приходят дни томления. События внешнего мира делают невозможным правильную внутреннюю работу. Не вижу сейчас иных личных путей, а в то же время корни, связывающие меня с этими, рвутся слишком легко. Я чуть было не бежал несколько недель назад в Париж. Но теперь он вновь далеко отошел от меня. Посреди всей потерянности душевной единственно неизменным и радостным оставалась и остается живопись. Я не переставая все это время делал композиции и только в эти часы внутренно жил. Здешние холмы, буковые леса и замки до удивительного чужды душе. Они нестерпимо «живописны» и только теперь, с наступлением зимы, стали немного более терпкими. Первые месяцы моя работа при постройке заключалась в скульптуре по дереву.[6] Но это шло плохо. Болела переломленная рука, немели пальцы, а душа рисовала. Одно время я совсем было перестал ходить на работы. Теперь же наконец получил живописную работу интересную и прекрасную. Должен написать занавесь (21 метр на 19 =

400 квадр<атных> метров!!). Сцена и пейзаж из «Geheimnisse» Гёте, когда брат Марк подходит к монастырю на скалах.[7] И какое совпадение: я задумал его по воспоминанию испанского монастыря Монсеррато под Барселоной, где был когда-то, а сегодня из одного письма Вильгельма Гумбольта узнал, что Гёте именно имел в виду Монсерратский монастырь.[8] Эта работа и недавняя аудиенция у Штейнера[9] решили, что я здесь остаюсь. А если проеду в Париж, то весною и только на столько, сколько надо будет для работы в Национальн<ой> Библиот<еке>. Над занавесью этой буду работать вместе с одной дамой (не художн<ицей>, но ясновидящей). Записать 400 кв<адратных> метр<ов> это работа все-таки нескольких месяцев. Кроме того, в связи с этой работой мне необходимо будет сделать ряд рисунков с Johannesbau (этого просят вообще здесь не делать), и эта возможность меня тоже радует очень. Отношение мое к антропософии осталось почти то же: я принимаю целиком самого Штейнера, но очень плохо принимаю общество и часто делаю из слов его совсем другие выводы. Что касается национальных отношений всех работающих здесь, то можно сказать, что война совсем ничем не отразилась. Спорить и не соглашаться приходилось о ней только с русскими же, которых здесь около 20 человек. Но в смысле работы я все-таки ждал большего. Готические соборы строились иначе, думается мне. Много все-таки здесь обособленности остается. Нет полного погашения себя в искусстве. Но хочется видеть дальнейший ход, чтобы судить. Живопись только начинается. Хочется увидеть результаты, применение, исполнение.

Что касается самого здания, то его принимаешь чем дальше, тем больше и глубже. Но его надо смотреть не снаружи, а изнутри. Снаружи только чехол, совсем условный.

То, что во мне нет энтузиазма сейчас — вина только во мне и в том кризисе, которого сейчас не избегут самые уединенные души. Я думаю, т.е. надеюсь, что теперь в живописной работе удастся связать себя по-настоящему с этим храмостроительством, о котором я так мечтал.

Перерыв два дня. Я ездил в Базель оба эти дни: в гости, в библиотеку, в кинематограф. Я теперь бываю в кинематографе каждый раз: смотрю жизнь, т.е. войну. Там всё снимки показывают, по распоряжению германск<ого> и авст<рийского> генер<альных> штабов сделанные. Сперва всё были торжества орудий в 42 ст.: мусорные холмы и горы черепков — с различными историческими именами городов, но без всякого изменения. Совсем фильмы Тамерлана. Австрийцы с большей фантазией: они снимали повешение русского разведчика (с натуры) и русские трупы на поле сражения. Все это я собственными глазами видел.

Как трудно писать слова. Я совсем разучился выражать себя литературно. Только в живописи радость, забвение, успокоение ото всей смуты снаружи и внутри. Я спрашивал Штейнера, отчего так случилось во мне. Он ответил мне, что теперь очень трудно что-нибудь сделать в других искусствах, но что перед живописью открыты пути. Говорит о том, чтобы всматриваться в чистый цвет, так, чтобы форма сама из цвета рождалась, и чтобы все формы были в движении.

Мне мама пишет, что очень сошлась и полюбила Вас эту осень. Что много говорила с Вами обо мне и что Вы удивлялись, как она меня хорошо понимает.[10] Напишите мне о ней. Как она относилась ко мне после моего отъезда? Я два месяца по приезде сюда жил точно раздавленный тем, как мы расставались. Она не захотела даже проститься со мной.[11] Теперь же в письмах как будто все прошло. Я не знаю, как быть. Чувствую, что так жить совсем нельзя, нельзя доводить отношений до таких кризисов. А они всегда доходят до этого (хотя и не в такой степени), когда мы вместе. Сейчас война и невозможность вернуться все устраивает пока. Но ведь нельзя же не видеться нам. Нельзя же убегать, когда мама так одинока, так стареет и больна. А ведь летом снова будет то же. Отход к живописи от литературы ведь у меня все идет и должен очевидно осуществиться. Значит, еще долго теперь я буду неустроенным и без заработка. А работа над книгой[12] все перебивается и затягивается и становится все

труднее, так как какое-то чувство слова теряется. И потом это всегда то действие, что производит на меня Штейнер: он дает так много вперед из познаваемого, что нет в это время возможности писать свое, пока все узнанное не переработается. А издали думать о маме бесконечно грустно. Напишите мне, Юлия Леонидовна, все, что Вы думаете об этом. Я думаю, что Вы видите ясно и четко наши отношения и если сможете сказать все откровенно, то мне это будет очень, очень важно и нужно.[13]

Мама писала, что перестала бывать у Кандаур<овых> из-за Ан<ны> Вл<адимировны>.[14] Как это грустно и обидно. Все-таки есть в мире вещи, которые принимаешь как сущие, но никогда не можешь понять смысла их. Вот любовь. Не ясно ли, что любовь – это свобода. Любить человека – делать его свободным. Какая же темная сила вносит сюда чувство собственности, ревности и все, с ними связанное. Почему именно это каждый считает любовью, когда это имеет все признаки ненависти скорее. Такие вещи, как психология Ан<ны> Вл<адимировны>, всегда ставят в тупик. А ведь я ее безусловно люблю, как человека. Почему душа человека так отвратительно глупо устроена? Как летом мы мечтали с К<онстантином> Ф<еодоровичем>,[15] как хорошо будет у Вас, когда вы будете вместе с К<онстантином> В<асильевичем>[16] в Москве. Будьте счастливы, Юлия Леонидовна.

Привет Екатерине Иванов<не> и Феод<ору> Конст<антиновичу>[17] (представляю, как он теперь завален работой – в такое время!).

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления на конверте: Arlesheim. 2.XII.14. Почтовый штемпель получения: Петроград. 10.12.14.

[2] Открытка, датированная 26 октября (8 ноября н.ст.) (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 49).

[3] Имеется в виду письмо Е.О. Кириенко-Волошиной от 22–23 октября / 4–5 ноября 1914 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 30–31 об.).

[4] Оболенская сообщала о К.В. Кандаурове в упомянутом письме: «К.В. все хворает и упал духом окончательно. Он ждал очень Вас и горюет, узнав, что не приедете». 22 октября / 4 ноября Е.О. Кириенко-Волошина писала Волошину: «К.В. я перестаю понимать и думаю, что он никогда не разойдется с женой. Мне очень жалко Ю.Л.».

[5] Волошин познакомился с Р. Штейнером в Берлине в начале ноября (н.ст.) 1905 г., будучи слушателем его лекционного курса. См. письмо Волошина к А.М. Петровой от 1/14 марта 1906 г. (Т. 9 наст. изд. С. 232).

[6] См. п. 97, примеч. 4.

[7] Эта работа предназначалась для интерьера Иоаннова здания. «Geheimnisse» («Тайны», 1789) — незавершенная поэма Гёте. М.В. Сабашникова вспоминает: «Для занавеса, отделяющего зрительный зал от сцены, Рудольф Штейнер дал такой эскиз: по середине — река; на правом берегу — пилигрим вроде брата Марка из Гётевских «Тайн». На заднем плане — множество исхоженных им путей теряется в лесах. На другом берегу вдали виднеется наше Здание с его двумя куполами. Над ним, в облаках — видение увитого розами креста. И от того берега, еще полускрытая выступающей скалой, выплывает навстречу путнику лодка. Эту работу должна была выполнить дама, обладавшая больше «мистическими», чем художественными дарованиями. Макс — бедный Макс! — был назначен ей в помощники. Она писала все в розово-голубом тумане, он — в виде сильно очерченных, горных формаций, знакомых ему по Крыму, и физически точных преломлений света в облаках. Оба должны были работать в маленьком, освещенном только электричеством, помещении. Макс в этом окружении совсем загрустил» (*Волошина Маргарита (Сабашникова М.В.).* Зеленая Змея. История одной жизни / Пер. с нем. М.Н. Жемчужниковой. М.: Энигма, 1992. С. 250–251). См. волошинский эскиз занавеса: *Волошин Максимилиан.* Коктебельские берега: Поэзия. Рисунки. Акварели. Статьи / Сост., автор вступ. статьи и коммент. З.Д. Давыдов. Симферополь: Таврия, 1990. С. 153; Сокровища Дома Волошина. Альбом. Симферополь: Сонат, 2004. С. 294.

[8] Бенедиктинский монастырь Монсеррат (в 50 км к северо-западу от Барселоны), основанный в 1025 г., Волошин посетил 1/14 июня 1901 г. (Труды и дни. С. 88). Об «идеальном Монсеррате» Гёте пишет в статье «О фрагменте "Тайны"» (1816), интерпретирующей содержание его поэмы (см.: *Гёте Иоганн Вольфганг.* Тайны.

Сказка; *Штайнер Рудольф.* О Гёте. М.: Энигма, 1996. С. 30, 33). Монсеррату посвящена отдельная статья Вильгельма фон Гумбольдта («Der Montserrat bei Barselona»); см.: *Humboldt Wilheim von.* Werke. Bd. III. Berlin: Albert Leitzmann, 1904. S. 30–59.

[9] Первая встреча и разговор со Штейнером состоялись через два дня после приезда Волошина в Дорнах. – 21 июля / 3 августа (см.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 169).

[10] 22 октября / 4 ноября Е.О. Кириенко-Волошина писала Волошину об Оболенской: «Мы с ней много говорили в Коктебеле о К.В.; говорили о тебе, и она удивилась, что я тебя так хорошо понимаю, так, как редко матери понимают детей своих. Мы изредка с ней переписываемся. Я ее больше поняла и больше сошлась с ней».

[11] Ср. сообщение в письме Оболенской к М.М. Нахман от 9 июля 1914 г.: «...у Макс<имилиана> Ал<ександровича> назрела страшная драма с Пра – он уехал, быть может, на много лет из России и с Пра не простился – она не хотела его видеть» (РГАЛИ, ф. 2080, оп. 1, ед. хр. 7, л. 77 об.). См. также примеч. 6 к п. 95.

[12] Замысел книги «Дух готики».

[13] Ср. письмо Е.О. Кириенко-Волошиной к Оболенской от 14 декабря 1914 г., содержащее сведения о несохранившемся письме Волошина: «...я также получила от Макса длинное письмо и радуюсь, что ему наконец дали живописную работу. Но как-то он справится с ней, – ведь, 400 кв<адратных> метров горного пейзажа, в утренних сумерках – это не шутка, даже с помощью ясновидящей, не владеющей правой рукой, так что писать будет он. Что будет делать она, Макс не пишет мне. <...> Макс, вообще, воспрянул духом с этой работой и поездку свою в Париж уже отложил, значит отложил и свою литературную работу по готике. Не дается ему эта готика!» (РГАЛИ, ф. 2080, оп. 1, ед. хр. 21).

[14] В письме от 22 октября / 4 ноября Е.О. Кириенко-Волошина сообщала: «С Кандауровыми я не вижусь; была у них только раз по приезде моем, и Ан<на> Вл<адимировна> была так корректна и прилична со мной, что мне легко было понять, что я больше нежелательна ей как знакомая. А не желательна я ей стала потому, что она прочла письмо мое к К. В., которое ей, разумеется, очень не понравилось».

[15] К.Ф. Богаевский.

[16] К.В. Кандауров.

[17] Е.И. Оболенская, Ф.К. Радецкий.

101. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

9/22 декабря 1914 г. Арлесгейм[1]

22 декаб<ря>.

Дорогая Юлия Леонидовна,

большое, большое спасибо за «Речь», которой получил уже ряд пачек.[2] Сейчас сижу в своей мастерской и сторожу «Johannesbau». Сегодня моя вахта. Ночь звездная, ясная, холодная. Выходя на террасу, вижу огоньки в Германии по ту сторону Рейна, а Франция западнее за холмами. Все тихо и даже канонады весь день не было. Залы J<ohannes->B<au> темные и гулкие. У меня в мастерской огромный электрический шар, паровое отопление, и крысы приходят погреться. Сейчас буду писать большую акварель. Делаю массу эскизов все это время. Работа эта (занавес для сцены J<ohannes-> B<au>) очень интересна.

Получили ли мое большое письмо?[3] Видаете ли Елис<авету> Иван<овну>?[4] Какие вести о Конст<антине> Васил<ьевиче>?[5] Приезжал ли он в Петербург теперь? Привет Екат<ерине> Иван<овне> и Феод<ору> Конст<антиновичу>.[6]

Из маминой открытки узнал, что Вы в Москве.[7]

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Arlesheim. 23.XII.14; Петроград. 28.12.14.

[2] Оболенская высылала Волошину петроградскую ежедневную газету «Речь» в ответ на его просьбу в п. 96.

[3] Имеется в виду п. 100. Оболенская отвечала открыткой 28 декабря (ст.ст.) 1914 г.: «Сегодня получила Вашу открытку от 22-го, а на большое письмо ответила числа 11-го закрытым. Дошло ли?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 50).

[4] О Е.И. Васильевой Оболенская писала в том же письме: «Елисав<ету> Ив<ановну> не вижу – пойти к ней сознательно мешает нездоровье, а зря идти не хочется».

[5] О К.В. Кандаурове Оболенская сообщала в том же письме: «Приезжал на 2дня <...> Конст<антин> Вас<ильевич>. 24<-го> приехал и 25-го вечером проводили. Их одолели благотвор<ительные> спектакли, и он еле вырвался, – впервые за эту зиму. Он успел тем не

менее отдохнуть и, кажется, был доволен тем, сколько и как я работала; всё увез в Москву».

[6] Е.И. Оболенская и Ф.К. Радецкий.

[7] 18 ноября / 1 декабря 1914 г. Е.О. Кириенко-Волошина писала Волошину из Москвы: «В настоящее время у нас гостят Юля и Магда <Нахман. – *Ред.*>. Мне очень жалко Ю.; очень мучительно у нее все переживается. Я у Кандауровых совсем не бываю <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 46).

102. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

13/26 декабря 1914 г. Арлесгейм

26/XII/ 1914.
Arlesheim bei Basel 352 Mattweg.

Дорогая Александра Васильевна, так как мне самому не удалось приехать в Париж к Новому году и встретить его с Вами, мне хочется все же быть с Вами хотя бы моими стихами, поэтому посылаю Вам 10 стихотворений, написанных в разное время за эти последние годы.[1] Прочтите их, встречая новый год. Будете ли Вы его встречать в Мо<н>форе?[2] Или в Париже?

Мне хочется многое сказать в свое оправдание в ответ на Вашу открытку.[3] Ведь я *чувством* вполне с Вами, и если за кого мне и больно, и страшно, и радостно – это только за Францию. Конечно, мне прежде всего хотелось быть в Париже – именно в те страшные дни. Но приехать туда – без денег, иностранцу, в город, ждущий осады, – это плохой подарок. Ведь мой приезд в Базель был вне всякого предположения о возможности войны. Я, конечно, был без всяких денег, и средства на поездку предложила мне Маргарита именно для того, чтобы я мог принять участие в постройке Johannesbau.[4] Так что я связан и материально, и морально. Но все же я думаю, что мне удастся приехать в Париж, если не теперь, то в течение весенних месяцев. Мне (кроме страстного желания вновь увидать и почувствовать Париж, который я – было мгновенье – считал уже безвозвратно погибшим) надо поработать в Нац<иональной> Библиот<еке> для

книги о Готике?[5] Вы удивляетесь, что я могу заниматься живописью теперь. Я сам этому удивляюсь. Но это подступило изнутри и со страшной силой, уже давно, и это, может быть, единственные моменты, когда можно не думать об совершающемся. Сейчас я и при постройке занят живописной работой. Кроме того, у меня с живописью связаны еще иные надежды: я мечтаю о том, не даст ли она мне в России свободы от обязательной литературной работы (т.е. статей и переводов), которая (в своих русских условиях) глубоко мне опротивела; да и кроме того, она дает такой ничтожный и неверный заработок. Я ведь физически не могу писать многословно и долго. А когда вся художеств<енная> работа сводится к сжиманью написанного, нельзя писать много. Кроме того, я совсем перестал выносить русс<кий> газетный и литерат<урный> мир (а он — меня).[6] Конечно, я не собираюсь *бросать* литературы, но мечтается завоевать себе свободу профессии. А об искусстве мне и писать-то в России больше негде — все журналы для меня закрыты. В живописи же знаю, что ничего *большого* и *оригинального* я дать не могу. Но то, что я делаю, может нравиться. И во всяком случае я смогу делать это грамотно. Так что есть надежда, что это сможет дать некоторую материальную выгоду со временем. (Может быть, декорации театральные — этой работы так много в России.) Поэтому и работа в Johannesbau так для меня технически интересна. И вот у меня надежда, что, б<ыть> м<ожет>, живопись даст мне возможность со временем путешествовать всюду, где я хочу, и писать не прозу, а только стихи. Ведь они у меня так связаны с живописью.

Еще несколько слов об войне. Я люблю «не победителей с наглыми глазами, а побежденных, чье сердце переполнено пеплом печали».[7] Боюсь, что для России победа будет большим моральным падением. Да и теперь мне не хотелось бы быть там — все эти вопли патриотизма слишком неприятны. Единственно, почему ее победы радуют меня — это что они спасают Францию. А Франция — единственная страна, которая умеет побеждать, не падая духовно. Что же лично меня касает<ся>, то думаю, что человек, считающий,

что лучше быть побежденным, чем победителем, что лучше быть убитым, чем убивать, может оставаться только скорбным свидетелем совершающегося. Ему нет места в войне ни на одной из сражающихся сторон. Но это только pro domo sua.* Обобщать этого я <не> могу.

Приветствую с Новым Годом Вас, Владимира Августовича, Каролину, Лоло и Тата, и всех, кто будет в эту ночь с Вами (Марья Серг<еевна>, Натал<ья> Владим<ировна>,[8] Вадим?[9] Надеюсь скоро самому увидеть Вас.

Максимилиан Волошин.

[1] Осенью 1914 г. Волошин уже собирался покинуть Швейцарию, о чем он сообщал в недошедшем письме А.Н. Ивановой, которая 17 ноября (н.ст.) 1914 г. писала ему: «Ольштейны вернулись в Париж почти одновременно с нами. Видаю их часто. Они оба очень волнуются происходящим. То буйно, то подавлены. На Вас они, конечно, сердятся, что сидите в Швейцарии. И с радостью узнали, что Вы собираетесь в Париж» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 117).

Какие стихотворения выслал Волошин, неизвестно. А.В. Гольштейн в ответном письме от 3 января (н.ст.) 1915 г. замечала: «Спасибо за память, за стихи, за письмо. В стихах есть вещи "лучшей манеры" Волошина, есть такие, каких не люблю (женское *я*, любовные). Думаю, что Вы сделали успехи в стихах <...> не стремитесь к пусканию мозгов в потолок, и это очень-очень хорошо» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438).

[2] См. примеч. 2 к п. 34.

[3] В открытке от 12 октября (н.ст.) 1914 г. Гольштейн писала, почти не скрывая своего неприятия позиции Волошина по отношению к войне: «Почти завидую Вам, Макс, что Вы можете в этот страшный момент истории человечества заниматься живописью... да еще украшая "храм" шутовской религии, когда разрушен Реймский собор. Я не могу еще прийти в себя от пережитого ужаса; утешаюсь только тем, что много перебивают немцев. Теперь мы в Париже, вероятно, до конца войны. Очень жаль, что Вы не видели Францию в праздничные дни мобилизации, что Вы не видели Парижа в дни "паники" – ее никогда не было – не видели страдающей Франции. Вы себе не можете представить, какое это было поучительное зрелище: достоинство, спокойствие, особая тишина великой народной души перед опасностью. Малая капля моей французской крови выплыла

* Относительно себя *(лат.)*.

наружу и, кажется, потопила все остальные примеси. Никогда не любила Францию так страстно и не ненавидела немцев так яростно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 67–67 об.). Еще более определенно и резко Гольштейн высказалась в ответном письме от 3 января (н.ст.) 1915 г.: «Не могу понять Вашей точки зрения и Вашего настроения. Я поняла бы его целиком, если бы Вы сказали две вещи: 1. Я сочувствую разгрому Франции как представительнице вредного, или подлого, или враждебного Вашему духу направления; 2. Я совершенно равнодушен к Германии, Франции, Англии, войне, к миру и т.д., поэтому сижу с немцем Штейнером, строю храм теософ<ской> арлекинаде, ибо до готических соборов, до франц<узского> искус<тва>, до западной цивилизации мне нет никакого дела. Но Вы говорите что-то 3-е и моей “неправой справедливости” чуждое и... неприятное. Что-то каплунье я усматриваю в Вашей точке зрения. Франции Вы желаете победы, а любите Вы побежденных. Вы согласны быть скорее *убитым*, чем *убивать*. Вот это последнее и называю каплунством. Сидеть и подставлять горло под нож? И что значит *на войне убивать*? На войне всякий убивающий *солдата* (не женщин и детей, как подлые немцы) виртуально <так!> и убит, ибо убивает рок, случай, злые или добрые силы, а солдат только стреляет. Это во-первых, а во-вторых, что такое жизнь смертных во время такой войны, как эта, когда нападающие злодеи умертвили бессмертное? <...> При Вашей точке зрения человечество превратится в пресную простоквашу, от которой ничего не будет, кроме расстройства желудка...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 68–69 об.).

[4] См. примеч. 6 к п. 92. М.В. Сабашникова фактически в каждом письме весны 1914 г. призывала Волошина ехать на строительство Гетеанума и предлагала ему денег на эту поездку. 24 февраля / 9 марта 1914 г. она писала из Мюнхена: «Я надеюсь, что тебе удастся приехать в Дорнах. Трифон <Трапезников. – *Ред.*> хотел позвать тебя гостить, если сам найдет помещение. Но, во всяком случае, можно будет найти и место, и деньги; я одолжу тебе с радостью». В письме от 24 марта / 6 апреля 1914 г. из Венеции она уточняла: «Милый Макс, зовя тебя в Дорнах, я не в долг предлагала, а просто. Ведь между нами не может быть счетов». Проблема денежного вопроса поднимается и в письме Сабашниковой от 7/20 апреля 1914 г. уже из Дорнаха: «Пусть денежный вопрос тебя не останавливает. Напиши, я вышлю». Однако 19 апреля / 2 мая 1914 г. она писала Волошину о том, что деньги ему на дорогу готова выслать А.Н. Иванова: «Я сняла тебе комнату, очень хорошую и дешевую. <...> Нюшенька <Иванова. – *Ред.*> ждет ответа относительно денег на дорогу, п<отому> ч<то> у меня в данный момент их нет, но впоследствии, благодаря дешевизне

здешней жизни, будут. Здесь ты сможешь полдня работать в храме, полдня писать свое. Тут тихо и хорошо. Приезжай не откладывая» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1065).

25 апреля из Арлесгейма А.Н. Иванова писала Волошину: «Маргоря говорила, что Вы очень хотели приехать сюда пока строится храм, и что препятствие лишь в том, что у Вас нет денег. Милый Макс я с удовольствием пошлю Вам денег на дорогу – ведь это уж не так много. И поделюсь с Вами моим богатством, если у Вас не будет хватать на прожитие» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 104 об. – 105). 6/19 мая она уточняла: «Макс милый, когда я Вам писала и предлагала деньги на поездку в Дорнах то, конечно, не думала ни об какой отдаче. Я ведь знаю, насколько плохи Ваши дела. Меня же не разорит та небольшая сумма, кот<орая> нужна Вам на путешествие и житье в Дорнахе. Напишите мне, будет ли Вам достаточно пока 100 рублей <...>» (*Там же*, л. 107–107 об.). Наконец, 31 мая / 3 июня 1914 г. Иванова сообщила Волошину: «Решила послать Вам деньги через банк, ибо не знаю по какому адресу их послать по почте» (*Там же*, л. 110).

[5] См. примеч. 7 к п. 34.

[6] Видимо, Волошин имеет в виду свой конфликт с российской прессой 1913 г. См. примеч. 3 к п. 4.

[7] Позже эту формулу Волошин использует в статье «Судьба Верхарна» (1917): «Но поэт, которому в глубине трагических закатов чудились золотые катафалки, в которых покоятся не тела победителей с наглыми глазами, а тела побежденных, чьи сердца были переполнены пеплом печали, а руки, как безумные ветви, были простерты к далям мечты, всегда останется нашему сердцу ближе и дороже побежденным, чем победителем» (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 611).

[8] В.А. Гольштейн, А.Ю. Семенов, Н.Ю. Семенова, М.С. Безобразова, Н.В. Семенова.

[9] Неустановленное лицо.

103. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

19 декабря 1914 г. / 1 января 1915 г. Арлесгейм[1]

1 января. Арлесгейм. 1915.

Милая мама, я назначил теперь окончательно сроком своего переезда в Париж конец января. Так что по получении этой открытки пиши мне прямо туда по адресу 60. Rue de la Tour.[2]

Я решил сделать только эскизы для занавеси, но отказаться от самой работы, т<ак> к<ак> она затянется до середины лета minimum.[3] М<ожет> б<ыть>, я потом вернусь еще из Парижа, когда закончу книгу о готике. А этот месяц еще пробуду здесь, т<ак> к<ак> надо сделать ряд этюдов для скал и вообще оставить готовым весь материал для занавеси. Хотя возможно, конечно, что уеду и раньше, но мне все равно будут пересылать письма. Предчувствие Парижа, конечно, меня уже теперь тревожит радостью, и раз это решено, то хочется ехать скорее. Это время буду, верно, часто ездить в Базель в минералогический кабинет рисовать кристаллы. А в случае если и этого нельзя сделать в Базеле (там все закрыто), то эту часть работы сделаю уже в Париже и перешлю оттуда. Только решивши ехать, я понял, как стосковал<ся> по городе вообще и как хочется быть сейчас дальше от теоретических и моральных переживаний войны. Последний месяц охватила тоска отвлеченности наш<его> существования здесь. До свиданья. Крепко целую.

МАХ.

[1] Открытка. Почтовый штемпель оправления: Arlesheim. 4.I.15.

[2] Квартира, в которой жили К.Д. Бальмонт и А.Н. Иванова. Волошин поселился по этому адресу 2/15 января 1915 г.

[3] См. п. 100, примеч. 7. 5/18 февраля 1915 г. Е.О. сообщала Ю.Л. Оболенской: «Да, Макс отказался писать занавес, сообразив, что эта работа захватила бы его на все лето. Не знаю, подумал ли он о том, что у него нет достаточно знаний и опыта для декоративной живописи таких гигантских размеров. Ограничился только эскизами, и полной грудью вздохнул в Париже» (РГАЛИ, ф. 2080, оп. 1, ед. хр. 21).

104. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

25 декабря 1914 г. / 7 января 1915 г. Арлесгейм[1]

Дорогая Юлия Леонидовна, поздравляю Вас, Ек<атерину> Ив<ановну> и Ф<еодора> К<онстантиновича>[2] с новым годом. Вот новый год, который действительно

нуждается в добрых пожеланиях. Но как бы мне хотелось, чтобы Ваша личная жизнь устроилась так, как этого требует и логика и справедливость судьбы. Я в январе перееду в Париж, так что пишите мне теперь уже туда (60 Rue de la Tour). Спасибо очень, очень за газеты. Но туда их не посылайте: я буду жить у Бальмонта, где все газеты получаются. Эскизы к занавеси я через неделю сдам.[3] А самую работу – я думаю, я ее еще застану, вернувшись из Парижа (закончив книгу о готике). В январе исполнится ½ года, как я живу в Дорнахе! Это трудно себе представить. Но сейчас так хочется в Париж, что здесь все погасло. Я ведь уже 2 года не жил в городе. А здесь одиночество на народе – это очень утомляет. А атмосфера моральная немного монастырская – в смысле дьявольских искушений и западней. И Бес уныния часто навещает. Впрочем, иначе и не может быть в таких обстоятельствах.

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю отправления: Arlesheim. 7.1.15.

[2] Е.И. Оболенская и Ф.К. Радецкий.

[3] См. п. 100, примеч. 7.

1915

105. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

3/16 января 1915 г. Париж[1]

Милая мама, вчера я приехал в Париж. Первое, что меня поразило, это изменение нравственной атмосферы после Швейцарии. Оно сразу почувствовалось в вагоне. Какое-то доверие, сочувствие, братство в отношениях незнакомых людей. Второе: это группы артистов разных театров, которые ходят по улицам и поют (прекрасно) под окнами, собирая деньги. Сегодня ходил по Парижу; но густая воскресная толпа мешала заметить перемены войны. Внешне Париж не изменился. Вчера провел весь день в беседах с Бальмонт<ом>, Нюшей[2] и Гольштейнами. Завтра поеду в Нац<иональную> Библиот<еку>. Музеи все еще закрыты. Театры же постепенно открываются. Только движение на улицах и огни гасятся рано. Да приказано плотно закрывать ставни, чтобы свет не просачивался (на случай нападения цеппелинов[3] ночью). Сейчас мне еще трудно ориентироваться во впечатлениях. Как только установится строй жизни, напишу тебе подробнее. Твое большое письмо получил перед самым отъездом из Дорнаха.[4]

До свиданья. Крепко целую.

МАХ.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Paris. 16.I.15.

[2] А.Н. Иванова.

[3] Цеппелины – дирижабли; названы по имени немецкого конструктора графа Фердинанда Цеппелина (1838–1917). См. п. 120, примеч. 22–24.

[4] Имеется в виду письмо Е.О. от 3–8 / 16–21 декабря 1914 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 48–49 об.).

106. А.М. ПЕШКОВСКОМУ

Начало января ст.ст. / Середина января н.ст. (?) 1915 г. Париж[1]

Милый Саша, твои 2 открытки застали меня на самом отъезде из Базеля (в Париж).[2] Поэтому твое поручение о багаже я передал Ною Соломоновичу Пентману (1. Allschwillerplatz), моему базельскому знакомцу (он русск<ий> — еврей, ассистент местн<ого> университета) и попросил его позволения воспользоваться его адресом для твоих сношений с Рогальским.[3] Т<ак> что он сам напишет тебе и ты можешь писать через него. Мой же адрес в Париже: 60 Rue de la Tour. Уже здесь я каким-то чудом получил письмо от Рогальского, пересланное сюда базельской почтой и почему-то дошедшее до меня. Но здесь получать письма из Германии неудобно и опасно. Пересылаю тебе письмо Рогальского, а Пентман тебе верно сам напишет, что узнает о багаже. В Париже думаю остаться долго, т<ак> к<ак> большая работа в Нац<иональной> Библ<иотеке>.

Привет Людм<иле> Серг<еевне>.[4]

Макс.

[1] Текст — приписка к письму М. Рогальского («M. Rogalsky. Lehrer der russischen Sprache») на немецком языке из Берлина от 20 сентября 1914 г. к Волошину. Помета Волошина: «А.М. Пешковскому, о пересылке ему денег, через Макса в Швейцарии».

[2] Эти открытки в подборке писем Пешковского к Волошину не сохранились.

[3] См. примеч. 3 к п. 90.

[4] Л.С. Пешковская.

107. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

9/22 января 1915 г. Париж

22 janvier. Paris. 60. Rue de la Tour.

Милая мама, только что мне переслали из Дорнаха твое большое письмо с подробностями о знакомстве обормотов с Вячеславом.[1] Какой хороший пробный камень для людей — обормоты и как быстро и сразу выявляются они. Но все,

что ты пишешь о Вячеславе, так жестоко, что я не решился прочесть твоего письма, ни рассказать его содержания ни Бальмонту, ни Гольштейнам, хотя они как раз вчера меня об нем спрашивали. Боюсь, что Майя очень больно нарвется на него. В нем есть инстинктивный жест предательства, — тот, что сказался в первой же его фразе с Майей, а Майя, умея нападать, совсем не умеет защищать себя, и ей придется очень больно от него.

Я уже почти неделю в Париже. И хотя эти дни Париж живет в ожидании с часа на час нападения цеппелинов, но после Дорнаха я чувствую здесь глубокое успокоение и тишину душевную, потому что отошло то нестерпимое противоречие, которое рождалось там от непосредственного соприкосновения с германским миром. Относительно же германских жестокостей я здесь наконец нашел такие документы, что мог позволить себе поверить в них и отвергнуть отрицания самих немцев. Тем трагичнее для меня представляется теперь то абсолютное доверие и солидарность с Пруссией, которая есть сейчас у всех немцев *без исключения*. Что же касается *начала* войны, то ведь в Германии все до единого человека убеждены, что военные действия были начаты Россией до объявления войны и восточная Пруссия была занята без объявления войны рус<скими> войсками. Я лично склонен верить версии союзников, но не могу не признать, что это только доверие чувства, потому что, конечно, во всех опубликованных до сих пор желтых, белых, красных... книгах есть много сознательных пропусков. Я помню, например, что еще *до* отъезда моего из Коктебеля в газетах промелькнуло известие о вооруженном столкновении на прусской границе между казачьим отрядом и немецкими войсками, с успокоительным пояснением, что оно произошло на нейтральной трехверстной зоне. Что это было в действительности, мы, конечно, узнаем только много лет спустя.

Что же касается жестокостей, то мне приходилось слышать от немцев (слышавших лично от очевидцев) о глазах, выколотых немецким солдатам бельгийцами, и о кистях правой руки, отрезанных детям казаками. Т<ак> к<ак>

вообще «очевидцам» и их рассказам сейчас надо доверять менее всего, то я не верю этому, но все же отмечаю и ставлю вопросительный знак. Мне надо документ вроде книги Жозефа Бедье, составленной на основании показаний самих немцев.[2] Но для меня становится ясно, что тут вопрос не в расах и не в национальных характерах, а в большем или меньшем подчинении страны власти машинной культуры. Бесчеловечность немцев машинная, потому что они больше всего в машину поверили и ей подчинились. Поскольку Европейская культура за последние годы стала культурой машины, постолько Германия действительно является первой из культурных стран. И через это искушение необходимо пройти и преодолеть его. Машина требует от человека более строгой и крепкой морали, чем та, что была до сих пор в Европе, а за ее неимением толкает его на поступки нечеловеческие. Таков именно тот *«гений организации»*, которым гордится Германия. Это логика машин, устрояющих общество по своему образу и подобию. Но культурой машин заражена не только Германия, но и другие европейские страны; меньше других Россия и Франция: первая потому, что их не имеет, а вторая больше изобретает их, чем эксплуатирует их. Но Бельгия, напр<имер>, настолько же им отдана, как и Германия. Я не вижу здесь разницы. Чувствуя все сострадание к ее судьбе, я в то же время не имею никакой симпатии к ее современной культуре (как и к германской). Я уже много лет назад утверждал, что современная европейская культура есть варварство, а отношение мое к Германии определилось со времен вмешательства в китайские дела в 1900 году. Я не знаю, чем разрушение Лувена и Реймса[3] хуже, чем осквернение гробниц Мингов.[4] Тут-то лежит то противоречие, которое немцы сами в себе не замечают: конечно, немец археолог, немец философ не может питать ненависти к памятникам прошлого, но демоны, для которых человечество построило стальные и медные тела, органически ненавидят создания искусства, создания духа: потому что они сами зародились только из логики и разума праха, вещества...

Ты спрашиваешь, сколько времени я останусь в Париже. Мне хотелось бы остаться дольше, если возможно и до конца войны. Но это будет зависеть от того, удастся ли мне завязать сношения с газетами и приобрести хоть какой-нибудь заработок, т<ак> к<ак> сейчас у меня только 100 р. (данных Сабашниковым на поездку по южн<ой> Германии[5]), теперь они идут на работу в Нац<иональной> Библиот<еке> плюс* квартира и обед, которые мне дает Нюша.[6] Я с утра ухожу на работу в Библиотеку. Она закрывается в 4 часа. Потом еду в Академию на croquis.** Они, благодаря войне, стали баснословно дешевы. Так проходит весь день. Возвращаюсь лишь к вечеру. Париж в конце концов изменился мало: и улицы и трамы и метро переполнены народом. Только жизнь прекращается раньше да театры не все открыты. Было несколько ночей абсолютной темноты, когда и фонари были потушены и все окна завешены. Это было действительно и странно и жутко, точно тьма хлынула со всех сторон и воцарилась в Париже. Но это был только опыт — насколько Париж можно сделать невидимым для цеппелинов.

К тому инциденту с Вячеславом, который ты описываешь так ярко, просто и художественно, я могу только прибавить, что видел Анненкову-Бернар 12 лет назад в Женеве у Ивановых же и она тогда уже читала свою «Дочь народа», сколько мне помнится, и тогда Вячеслав, если память мне не изменяет, весьма одобрял ее, к моему немало<му> изумлению.[7] Мне все-таки очень жаль Майю, если ей удастся обратить на себя его внимание.

У Бальмонтов очень хорошо и тихо. И сам Бальмонт сейчас хороший, уравновешенный и пишет много стихов и большею частью хороших. Написал на днях в один вечер «Венок сонетов».[8] Я живу в очень маленькой и полутемной комнате, но в ней много цветов, а для работы у меня большой стол в соседней комнате, где стоит Нюшино пианино. Впрочем, я почти не работаю дома и прихожу только вечером. Как я теперь чувствую человечность французов после

* *В автографе вместо этого слова — арифметический знак:* +

** Этюды *(фр.).*

Швейцарии: насколько здесь каждый мужчина – мужчина, а женщина – женщина, а не просто четвероногие, как там. По отношению к войне у парижан большое чувство достоинства, сдержанности и никаких фраз.

Из курьезов: мода этого сезона – траур. Все «маленькие женщины» бульваров в глубоком трауре, который им очень идет.

Прилагаю к этому письму записку для Майи.

Крепко целую тебя и Лилю.[9]

Пришли мне, пожалуйста, несколько №№ газеты «Новь».[10]

МАХ.

Прилагаю, как документ похудения, одну из carte d'identité,* которые пришлось сделать для паспорта. Она довольно схожа, по-моему.

[1] Имеется в виду письмо Е.О., законченное 20 декабря 1914 г. / 2 января 1915 г., содержащее следующий рассказ (пространные фрагменты из него приведены в статье Г.В. Обатнина «Кювилье, Иванов и Беттина фон Арним»: Россия и Запад. Сб. статей в честь 70-летия К.М. Азадовского. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 363–365): «Я недавно видела у Жуковских Вяч<еслава> Ив<анова>. Он за это время очень постарел, стал грузным, еще более сутулым, более лысым; обесцветились кудри; бритое лицо неприятно; похож на немецкого профессора. На этом же вечере у Жуковских и обормоты в лице Лили, Майи, Сережи, Аси <Е.Я. Эфрон, М.П. Кювилье, С.Я. Эфрон, А.И. Цветаева. – *Ред.*> познакомились с ним, и на всех он произвел (Майю исключая) неприятное впечатление. Думаю, потому это, что при большом уме, учености, в нем нет мудрости благой. – Кроме него были Бердяев (от него мы все в восторге), Булгаков, Шестов, Гершензон, Рачинский, Анненкова-Бернар. И вечер этот был чреват событиями. Я боялась за Асю, была почти уверена, что у ней с кем-нибудь будет спор, начнет она молоть несуразное и нескончаемое, но с ней обошлось все благополучно, хотя у нее и было сильное желание сцепиться с Вячеславом, и вырывались уже фразы и слова задевающие, но все мимо, без результата. А стычка все-таки вышла, и вышла с... Лилей. <...> Майя, по

* Удостоверение личности *(фр.)*.

просьбе Вяч<еслава> декламировала ему; после 2 стихотворений он спросил ее о Бальмонте, о стихах, ей посвященных, просил прочесть их, на что Майя ответила: не стоит, они не так хороши. – Он опять спросил: что сказал Бальм<онт> о стихах Ваших, на что был ответ скромный и тихий: я думаю, что Б<альмонт> и не читал их, но сказал, что они зажгли его. Не успел замолкнуть голос Майи, как раздались слова Вяч<еслава>: Господа, послушайте стихи, которые зажгли Бальмонта. – Зачем вы дразните меня, – прошептала с укором Майя, и добрая улыбка с примиряющими словами слетели с губ Вяч<еслава>; Майя прочла несколько стихотворений, он просил еще и еще, но такого, чтобы пронзило его. Такого не оказалось. В общем он похвалил, сказав: marchez, marchez <продолжайте. – *фр.*>, сравнил же ее поэзию с катаньем на лодочке по тихому морю; а Вера <В.К. Иванова-Шварсалон. – *Ред.*> сказала: фи, это прогулка по парку на хорошей лошади. – Майя поникла, но скоро оправилась, и все перешли в другую комнату слушать перевод Вяч<еслава> из Мицкевича. Затем Ан<ненкова>-Бернар начала завывать свою пьесу о Жанне Д'Арк. Это было ужасно. Когда она кончила 1-й акт, все молчали, а Вяч<еслав> встал из-за стола и, повернувшись к ней спиной, сел в другом углу комнаты. На просьбы ее прочесть еще один акт не только не дал согласия, но начал ужасно хулить эту пьесу, довел Ан<ненкову->Бер<нар> до слез и вскоре, распростившись со всеми, причем сказал Майе: "Надеюсь, мы будем друзьями", ушел в переднюю одеваться. Когда я почему<-то> также вошла в переднюю, то застала такую сцену: он и Лиля стояли друг против друга; он, бледный, пронзая взором заалевшую Лилю, говорил: "Я не беру своих слов обратно", на что Лиля тихо с достоинством ответила: вы совсем не поняли того, что я сказала вам. Он молча продолжал смотреть на нее несколько секунд, затем повернулся и ушел. Оказывается, Лиля, движимая жалостью к Майе и А<нненковой->Б<ернар>, разъярила его замечанием, что не следовало ему повторять Майиных слов о Бальмонте, приглашая слушать ее стихи, и вопросом-укором, зачем он обеим сделал больно. – Бедным сестрам Герцыкам и Бердяеву пришлось до 5 ч. утра утешать и отпаивать чаем Ан<ненкову-> Бер<нар>, что на другой день Бердяев рассказал нам <...> Он, смеясь, прибавил: "Эта история имела еще последствия: Рачинский из-за этого на улице поссорился с Вяч<еславом>; Булгаков на другой день утром по телефону спрашивал, что произошло после его ухода, т<ак> к<ак> ночью у него было какое-то предчувствие, – а я напишу ему письмо, иначе нельзя: чересчур стал он заносчив последнее время". А Майя успела еще раньше написать ему же, говоря, что она стоит перед ним, как перед страшной закрытой дверью, за которую хотела бы проникнуть, узнать и т. д. Одним словом: заварилась

с обормотами каша, в которой я вполне сочувствую Лиле, да и все, кажется, с Герцыков начиная. <...>

20/XII. Я вчера заходила к Герцыкам, и там мне рассказали, что из тона и содержания бердяевского письма к Вяч<еславу> вывод ясен: ты хам. Вероятно, этот вечер с обормотами был каплей, переполнившей чувства негодования и возмущения, уже давно копившихся в рыцарском сердце Бердяева. А Майя уже вчера получила ответное письмо Вяч<еслава> с приглашением к себе. И к нам она уже что-то глаз не кажет эти дни. Адел<аида> Каз<имировна> <Герцык. – *Ред.*> меня относительно Майи успокаивает тем, что Вяч<еслав> окружен теперь таким благочестием и строгостями, что Майе придется довольствоваться редкими аудиенциями в ½ часа. Но ведь Майя напориста и вампириста; она теперь жаждет необыкновенных людей. Уже пишет письма Блоку; пока еще без ответа. А между тем обещала Кузьминой-Карав<аевой> не писать, пока она ей не скажет, что можно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 656, л. 50 об. – 51 об.). В тексте упоминаются драма Н.П. Анненковой-Бернар «Дочь народа» (СПб., 1903) и, видимо, выполненный Вяч. Ивановым перевод стихотворения Адама Мицкевича «Видение» («Widzenie»), ныне опубликованный по рукописи из Римского архива Вяч. Иванова; см.: Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 19–20. (Публ. Д.В. Иванова и А.Б. Шишкина). В архиве А. Блока сохранились три письма М. Кювилье к нему – от 22 августа и 23 декабря 1914 г. и от 6 апреля 1915 г. (РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 302).

Е.О. описала вечер у Жуковских также в письме к Ю.Л. Оболенской от 15/28 декабря 1914 г.: «Вчера <...> пришла Майя, а затем мы отправились на званый вечер с Бердяевым, Вяч. Ивановым, Шестовым <в автографе: Шестаковым. – *Ред.*>, Гершензоном, Булгаковым и другими философами и писателями – к Жуковским, где кроме нас, обормотов, был и Алехан <А.Н. Толстой. – *Ред.*>. Вечер был очень интересен. Говорили, спорили, читали стихи. Я все боялась, как бы Асю не прорвало, как бы она не сцепилась с Вяч<еславом> Ив<ановым>, и была эта возможность так близка, что казалось, вот-вот начнется что-то неописуемое, но, благодарение Аллаху, прошло все благополучно с ней, и совершенно неожиданно вышло с Лилей, уже в передней, когда Вяч. Иванов уходил. <...> Мы еще все Бердяева полюбили, а Вяч. Иванов никому не понравился. Он Майины стихи хвалил по форме, выражению, и всё просил сказать еще, но такое, чтобы его пронзило. Такого не нашлось. Он сравнивал ее поэзию с катаньем на лодочке по тихому морю, без бурь и опасностей. А жена его <В.К. Иванова-Шварсалон. – *Ред.*> сказала: да, это катанье по парку на хорошей, красивой лошади. Майя было приуныла,

но скоро оправилась и была весь вечер очень мила» (РГАЛИ, ф. 2080, оп. 1, ед. хр. 21).

[2] Имеется в виду кн.: *Bédier Joseph.* Les crimes allemands: d'après les témoignages allemands. Paris: A. Colin, 1915.

[3] Лувен (Лёвен) – главный город бельгийской провинции Фламандский Брабант, фактически стертый с лица земли в августе 1914 г. немецкой артиллерией. См. также примеч. 9 к п. 99.

[4] Минги (Мин) – китайская императорская династия. См. письмо Волошина к матери от 10 декабря 1900 г. (Т. 8 наст. изд. С. 445–447). См. примеч. 7 к п. 109.

[5] Согласно сообщению в письме Е.А. Бальмонт к Волошину от 31 мая 1914 г., М.В. Сабашников выделил для него (по ее просьбе) 150 руб. на поездку по городам Германии – с целью ознакомления с памятниками готического искусства (для книги «Дух готики») (Труды и дни. С. 352).

[6] А.Н. Иванова.

[7] Речь идет о пребывании у Вяч. Иванова в августе 1904 г. (см.: Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 160–172). На историческую пьесу Анненковой-Бернар «Дочь народа» Вяч. Иванов отозвался рецензией в журнале «Весы» (1904. № 5. С. 55).

[8] Имеется в виду венок сонетов К.Д. Бальмонта «Адам», впервые опубликованный в «Русской Мысли» (1915. № 5. Отд. I. С. 1–7); вошел в книгу Бальмонта «Ясень. Видение древа» (М.: Изд-во К.Ф. Некрасова, 1916).

[9] Е.Я. Эфрон.

[10] Ежедневная газета, выходившая в Москве с 15 января по 31 мая 1914 г. и с 15 ноября 1914 г. по 3 января 1915 г.

108. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

10/23 – 12/25 января 1915 г. Париж[1]

23 января 1915.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Сегодня неделя как я в Париже и, несмотря на войну, несмотря на ожидание цеппелинов, которые будут нас, очевидно, на днях посыпать бомбами, несмотря на угольную тьму по ночам на улица<х>, я переполнен радостью. Точно огромная тяжесть скатилась с плеч в тот момент, когда я

переехал границу Франции и охватила атмосфера какого-то общего братства, доверия, стойкости.

Только тут я понял, как тяжело было сидеть в той точке, на которую опирается коромысло двух чашек весов, и как невозможно найти равновесящую справедливость в своей душе для двух враждующих рас, которые вовсе не хотят ее. Здесь же всё просто и ясно, как всегда и всё во Франции. И в войне и во вражде есть прекрасное чувство меры.

«Pourvu q'ils tiennent la-bas, les civiles»,* как говорит солдат в окопах на прекрасном рисунке Форэна.[2] И весь Париж «держится» бодро и с изяществом. Дамские моды этой зимой: bonnets de police** и траур. Все «petites femmes des boulevards»*** бегают в трауре. Это мода.

На всех углах улиц прекрасное пение: это группы артистов закрытых театров и café-концертов ходят по улицам и поют на перекрестках, собирая деньги в пользу разных касс. Парижане связали за это время два миллиона фуфаек и негодуют на правительство: чего оно приехало в Париж, сидело бы себе в Бордо, в Париже ему нечего сейчас делать.

А вне этого — лицо улиц не изменилось. Только — кое-где закрытые магазины с аншлагом: весь персонал мобилизирован. О войне даже сравнительно пишут и говорят мало: «лучшее красноречие в настоящую минуту — молчание».

Из друзей многих нет, конечно, — большинство на войне. Старики же все сплошь помолодели от войны. Весь Париж подтянулся, душевно очистился. Музеи закрыты. Зато библиотеки и академии переполнены. Я существую между Нац<иональной> библиотекой (какая радость быть снова с книгами) и академией Colarossi,[2] куда бегаю делать croquis.**** Вечера — дома, т<ак> к<ак> с 9 час<ов> прекращаются трамы, café и свет.

---

* Лишь бы они продержались там, на гражданке *(фр.)*.

** Полицейские шапки *(фр.)*.

*** «Маленькие женщины бульваров» *(фр.)*.

**** Наброски *(фр.)*.

Сейчас сижу в Нац<иональной> Библиот<еке> в ожидании книг. Еще хочется сказать о Париже. Он трауpен и праздничен. Это ему дают флаги, висящие на всех домах; но флаги полинялые, обтрепанные, висящие так с самого начала войны. Эта стертость красок дает им вид трофеев. Постоянная возможность воздушного нападения придает жизни строгость, смешанную с беззаботностью. С радостью отмечаю, что в том пламени, которое зажигает в душах война, здесь меньше черного нутряного пламени, чем в Германии, но зато больше красных языков и петушиных гребней. Красные романтические шаровары солдат, еще мелькающие по улицам, уже часто заменяются защитным серо-голубым цветом — цветом далей Иль-де-Франса, кусочек которого отливает в перспективе каждой парижской улицы. Это художественно разрешает военную задачу. Не то что швейцарцы, которые надели на своих солдат холщевые мешки поверх униформы, точно на мебель летом.

Теперь о себе. Большое спасибо за все то, что Вы пишете мне о Пра и о ее отношении ко мне.[4] Да, это всё так. Я сам это знаю. Но, к сожалению, слишком часто позабываю именно в те моменты, когда это непременно надо помнить. (О, как прав Апостол Павел, давая заповедь: «Родители, не раздражайте своих детей»[5]). Мне лично только тяжело то, что Пра как будто не понимает, насколько мне мешает работать все отношение ко мне, создавшееся в литературе, и какое отвращение создает это к писанию именно того, что единственное и может дать заработок, — газетных статей. Я чужд преувеличения себя. Мне, напр<имер>, конечно, глубоко приятно и радостно читать Ваше доброе мнение о моей литературе, но я ни на минуту не принимаю его как нечто объективное, но делаю тотчас же соответственные ограничения и ввожу в объективные для себя рамки. Но слова одобрения так много дают и так побуждают к работе. Я же должен сказать, что Пра никогда мне их не говорила, а, напротив, всегда старалась отметить слабость и недостаток. Я прекрасно знаю, что эта

строгость и требовательность от любви. Но это так тяжело и так часто убивает в корне порыв к работе. Я могу сказать, что именно от этого я больше всего страдал с самого детства и из чувства самосохранения скрывал и прятал от нее все творческое. И много, много раз пытался ей объяснить это. Но ведь она совсем другая и совсем не понимает того, что строгость и беспристрастность являются помощью только тогда, когда вещь окончена.

Вы не поняли меня, Юлия Леонидовна: я вовсе не собираюсь бросать совсем литературы;[6] я хочу только подчиниться тем обстоятельствам, с которыми, по-моему, бессмысленно бороться. Смотрите: о моих «Ликах Творчества» ни один журнал, ни одна газета не дали ни строчки отзыва.[7] Что это — случайность? Бойкот?

Для моего литературного самолюбия, если хотите, это скорее даже лестно. Но с точки зрения возможности иметь газетную работу (единственная, которая может дать какой-нибудь заработок) — убийственно.

И все-таки теперь я хочу попробовать вступить в сношения с газетами из Парижа, потому что это дает мне возможность дольше просуществовать здесь; а мне не хотелось бы покидать Парижа до конца войны (а если он будет подвергаться еще раз непосредственной опасности, — то тем более).

Что же до живописи: я, конечно, должен давать себе отчет, что когда (и *если*) я дойду до конца своих возможностей, то стану так же «неуютен», как в литературе. Но мне хочется воспользоваться тем переходным (ученическим) периодом, когда мои картинки могут нравиться. Но, увы, это тоже трудно. Там в Дорнахе мои акваре<ли> имели большой успех, и меня многие спрашивали, не продаю ли я их. Но меня охватывал тогда такой стыд при мысли о продаже этой ерунды, что я вместо этого сейчас же дарил спрашивавшему столько, сколько он хотел, и роздал не менее сотни этюдов, сделанных там.

Сейчас я ежедневно делаю croquis и чувствую, что, несмотря на то, что много лет не рисовал тела, — рисунка у

меня все же прибавилось, и я надеюсь за эти месяцы получить возможность вертеть от себя человеческую фигуру как хочу. Это мне будет очень важно.

Голод по картинам. Надеюсь, что Париж скоро раскроет музеи.

А «ясновидящие» в живописи — это для меня тоже пункт мало приемлемый. Тем более, что их живопись вовсе не наивно-примитивна, а «полу-грамотна» в самой высшей степени, т.е. является конгломератом все<х> живописных клише и трафаретов.

Вообще дорнахское отношение к живописи было для меня таким же болючим местом, как их отношение к войне, должен сознаться. Единственный настоящий живописец у них — Маргарита[8] (это, кстати, и мнение Штейнера). Но хотя она и проповедует и ясновидение, и опьянение, и благодать, и отрицает всякое наблюдение, анализ, знание законов, тем не менее в ней, как в подлинном живописце, все это живет бессознательно, и, укрепляясь духовно, она делает настоящие вещи.

Как я радуюсь, что Вы полюбили и приняли Греко.[9] Прочли ли Вы в Коктебеле книжку Баррэса о нем?[10] Я, кажется, Вам показывал ее. Как у него все люди уже стали какими-то языками пламени. Особенно в «Сошествии свят<ого> Духа».[11]

«Петрограда» я не принимаю.[12] Зачем обижать Петра и голландцев? Что за варварство топтать исторические имена!? Меня коробит всего, когда даже улицы переименовывают. В неуважении к имени есть определенное кощунство. Что может быть уместно как шутливая вольность пушкинского стиха, совершенно неприемлемо как исторический факт. Когда столица России будет перенесена в свое настоящее место — в Константинополь, тогда можно будет опустевший город назвать по-иному, а пока Петербург Петербургом и останется, а выходит вроде немецкого переименования Брюна в Кале.[13]

«Je te baptise carpe»,* как говорит отец Горанфло у Дюма жареному поросенку в постный день.[14]

* «Я тебя нарекаю карпом» *(фр.)*.

Дорогая Юлия Леонидовна, хотя я все здесь пишу о себе, но думаю все время о Вас. Мама мне писала кое-что о положении в Москве и поведении Ан<ны> Влад<имировны>.[15] Не знаю, что думать. Хотелось бы видеть и говорить. Могу только в глубине души молить<ся> о Вас и Кон<стантине> Васильев<иче>.[16]

Привет Екатер<не> Иван<овне> и Феодор<у> Конст<антиновичу>.[17] Большое спасибо за газеты, что Вы присылали мне.[18] Теперь здесь такое их обилие, что и просмотреть их все бывает некогда.

Максимилиан Волошин.

60 Rue de la Tour. Paris.
25 января 1915.

[1] Почтовые штемпели на конверте: Paris. 26.1.15; Петроград. 29.1.15.

[2] Ср. фрагмент из статьи В. Ропшина (Б.В. Савинкова) «Оптимизм и пессимизм»:

«В начале войны Форен напечатал карикатуру. В размокшей, почти наводненной дождями траншее разговаривают два французских солдата, — два, укутанных в шарфы, грязных небритых, с заряженными винтовками в руках <...>. Один из них говорит:

— Лишь бы они держались.

— Кто они?

— Les civils — невоенные люди.

Эта карикатура имела необычайный успех».

(*Ропшин В.* Во Франции во время войны. Ч. II. М.: Задруга, 1917. С. 106).

[3] Общедоступная художественная мастерская, основанная скульптором и педагогом Филиппо Коларосси в 1880-х гг. См.: Т. 8 наст. изд. С. 520–521, 539.

[4] Оболенская писала Волошину 11/24 декабря 1914 г. по получении п. 100: «В Москве прожила 2½ недели — около 2-х нед<ель> в обормотнике. Настроение Пра улучшилось — видимо, от Ваших писем и переселения. Как трудно ответить на вопрос о Ваших отно-

шениях, голубчик <...> для нее важен не столько Ваш заработок (как Вы подчеркиваете), сколько воплощение того, что в Вас есть. И она со свойственной ей определенностью хочет осязать результат. Я убеждена, что если бы Ваш переход к живописи был безусловным и решительным (и она смогла бы в это поверить), речи бы не было о заработке. Всего тяжелее для нее неопределенность этого лета — об этом и говорили мы. <...> Она ясна и пряма (и умна очень) и требует ясности, как рыба воды» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 65—66 об.).

[5] Еф. VI, 4: «И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем».

[6] В ответ на высказанное Волошиным в п. 100 намерение уделять большее внимание живописи, чем литературе, Оболенская откликалась в цитированном письме: «Чисто эгоистически — мне будет очень не хватать Вас в литературе. Портреты — стихи Ваши — слишком уж дорогие могилы! Кроме того, не встречаться больше с особенностями Вашего ума (в живописи ведь — иное; а в прочность человеческих отношений верится мало) — от этого что-то убавляется в мире. Как странно то, что Штейнер говорит о живописи в такую для нее смуту — когда-нибудь расскажите подробнее? Вы знаете, что Ваши данные в живописи рассчитаны на очень большого (и неуютного) живописца — какой труд впереди! В литературе у Вас абсолютный вкус, как бывает абсолютный слух в музыке, а в живописи Вы постоянно детонируете. Вот я в отчаяньи от сочетания живописи с ясновиденьем! Живописец в Вас большой и очень своеобразный — а найдете ли дорогу к нему?».

[7] Зафиксированы, однако, три опубликованных ко времени написания письма рецензии на «Лики творчества», одна из них была известна Волошину (см. п. 58, примеч. 5). Две другие — Л.А. Ляшкевича в «Откликах» (1914. № 19. С. 10 — приложение к № 130 газеты «День» от 15 мая 1914 г.) и П. Цветаевой в журнале «Современник» (1914. № 11. С. 238—239. Подпись: П. Ц—ва). См.: Т. 3 наст. изд. С. 457—460.

[8] М.В. Сабашникова.

[9] Оболенская писала Волошину 11/24 декабря 1914 г.: «...схожу с ума от Греко. Впервые “открыла” его и вне себя от своеобразной связи с ним Сезанна, а также от его динамики. Он, как Тютчев, на границе симфонической музыки (не Сезанн, конечно — а Греко <...>)».

[10] Имеется в виду кн.: *Barrès Maurice.* Greco ou le Secret de Tolède. Paris: Émil-Paul, 1912.

[11] Картина (1610–1614) Эль Греко, экспонирующаяся в музее Прадо (Мадрид).

[12] В цитированном письме Оболенская писала по поводу переименования (19 августа 1914 г.) Санкт-Петербурга в Петроград: «“С<анкт->Петербург” не существует больше:

Над омраченным *Петроградом*
Дышал ноябрь осенним хладом.

Мне нравится, что в народе говорят: Питер-град. Переделали по-русски!» (Цитируются первые строки части первой поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник»).

[13] Конкретный смысл этого уподобления неясен. Брюн (Брюнн, ныне Брно) – город в Моравии (в 1914 г. – в составе Австро-Венгрии).

[14] Монах брат Горанфло – персонаж романа Александра Дюма «Графиня де Монсоро» («La dame de Monsoreau», 1846), пьяница и обжора. Имеется в виду эпизод (ч. 1, гл. XVIII), в котором Горанфло в постный день крестит вином курицу: «Во имя Бахуса, Мома и Кома, троицы великого святого Пантагрюэля, <...> нарекаю тебя карпом» (*Дюма Александр*. Собр. соч.: В 12 т. М.: Худож. литература, 1978. Т. 6. С. 176).

[15] См. примеч. 4 к п. 100.

[16] Касаясь своих отношений с К.В. Кандауровым, Оболенская писала Волошину 11/24 декабря: «Конст<антин> Вас<ильевич>, Вы правы, – я теряюсь. Самое больное место то, что в нем не вижу сознательного *внутреннего* протеста против невероятных насилий, физических и нравственных; я уж молчу о них. Вы говорите о непонимании А.В. <Кандауровой. – *Ред.*> любви <...> если бы я видела любовь хоть самую слепую, звериную – мне было бы легче. В конце концов он так запутал дело, что все мое здание рухнуло; и я могла бы пойти к нему в сестры милосердия и работать рядом с ней, – будь она хоть чуточку другая. Она звала меня. Вероятно, когда-нибудь кончу тем, что пойду. Но сейчас мое непринятие ее – единственный возможный протест <...>».

[17] Е.И. Оболенская, Ф.К. Радецкий.

[18] В письме от 11/24 декабря Оболенская сообщала Волошину о высылке ему нескольких номеров газеты «Речь».

109. А.М. ПЕТРОВОЙ

25 января / 7 февраля 1915 г. Париж

7/II 1915. Paris. 60. Rue de la Tour.

Дорогая Александра Михайловна, с глубокой радостью получил Ваше письмо... такое яростное и краткое.[1] И получил его уже в *Париже*,[2] что уже само по себе, думаю, будет для Вас удовлетворительным ответом на многие накипевшие на меня обвинения.

Что же до «червячка»,[3] то я не верю, чтобы он умудрился сточить нашу дружбу: она уже через много щелочей прошла.

А теперь буду отвечать на обвинения:

Вы сами знаете, что симпатии к немецкой культуре и расе я никогда не питал,[4] что от Штейнера меня все немецкое, начиная с системы мышления, отодвигало; тем не менее основные истины его — были моими и пре<о>долевая инстинктивную свою неприязнь к германским формам, я брал то, что было моим и мне необходимым. Но прежде всего никогда не отказывался ни от своего пути, ни от своей *полной духовной свободы*. Что же до антропософического общества — то принимал его ради Штейнера — мы с Вами слишком много говорили об этом, и Вы знаете мое отношение. Оно не изменилось.

Раз приехав в Дорнах, приехав для определенной работы и в известной степени с определенными обязательствами по отношению к Маргарите,[5] и приехав в такой исторический момент, сейчас же оставить его я не мог (да и невозможно было за неимением денег). Но о пребывании там в течение пяти месяцев я не жалею. Оно дало мне возможность стоять на таком наблюдательном пункте, откуда я видел *изнутри* и германский мир, и сам в себе переживал то, что мы все переживали русским своим сознанием. Должен сказать, что это, при том условии, что я ни разу никакими германскими доказательствами не соблазнялся, было бесконечно тяжело, настолько тяжело, что, переехав границу Франции, я почувствовал, что сотни пудов свалились у меня с души, так все

сравнительно просто и ясно, когда видишь в немцах *только варваров* и врагов. Дело гораздо сложнее, когда видишь, результатом какой идеологии является это варварство и жестокость, и видя их искренность (да!) и то, как все — все обвинения до последнего слова, обращенные на немцев, — повторены и в германском мире по отношению к Анг<лии> и России. Тогда невольно начинаешь гораздо строже взвешивать собственные свои инстинктивные чувства и даже весьма сознательные убеждения.

Я настолько невысокого мнения был вообще о «культуре» современных немцев (потому что вообще по вопросу о том, что такое «культура», всегда оставался при особом мнении), что все их действия меня не удивили нисколько: именно этого я и ожидал от них. И не только жестокости. То, что теперь пришлось пережить из<-за> Реймса и Лувена,[6] я еще в 1900 г. пережил из-за гробниц Мингов (Вальдерзее).[7] Это все не только можно было, но *нужно* было предвидеть. И корень всего этого лежит в сознании своего культурного превосходства и того одичания морального, которое ведет за собой современная промышленность (как можно больше дешевых и безобразных предметов), торговля (завоевание рынков — покупай или убью!) и политика (право сильного, институт компенсаций).

Но этим грешны не одни немцы, а вся Европейская культура целиком: немцы только прямолинейнее, цельнее выявили эти принципы, довели их до абсурда и в этом действительно были самой передовой из культурных наций. И теперь, если раздавят Германию, а «культурная эволюция» будет в Европе идти своим чередом, то ведь другие Европейские государства не замедлят догнать и перегнать современную Германскую «культуру». В этом радости мало. А пока я что-то не вижу, чтобы Европейская мысль была склонна к пересмотру собственных своих устоев. Я лично думаю, что эта задача будет разрешена со временем только славянской расой.

Что же касается политических комбинаций, то, конечно, мне бесконечно желанно восстановление Польши.[8] Но у меня нет никаких данных верить в него...

Не верю я, конечно, и в то, что это война последняя. Уже теперь внутри ее зарождаются причины новых войн.

Войну я *не* принимаю. Да, иначе не может быть. Она должна быть. Сейчас она прекрасна тем самоотверженным мужеством, которое в нее несут люди, идущие на смерть. Но представляете Вы, какой ужас начнется, когда на будущем конгрессе, где будут перекраивать Европу, заговорят дипломаты и начнется торг, на котором опять слабейшие будут проданы кому-то в рабство? А разве может быть иначе в теперешней «немецкой» Европе, хотя бы и без немцев? Главный ужас войны в том, что противник заставляет защитника (хотя бы правой идеи) принимать его же оружие, а с ним его же психологию. Вы увидите, что сейчас же после войны все государства поспешат усвоить себе все вооружение и особенности дисциплины немцев, которые им было особенно трудно одолеть.

Сила, на которую можно опереться, противопоставить всем этим угрозам, только в личном моральном осознании всего совершающегося. Ненависть рас будет побеждена любовью к человеку. Только надо помнить, что каждый, самый малый, самый темный, самый злой добровольно принял на себя свою жизнь и на Суде даст свой индивидуальный ответ, который будет иметь в себе значение космическое.[9]

Негодование, святой гнев к явлениям должны быть в мире, но нельзя поддаваться соблазну ненависти. Сейчас, мне кажется, индивидуально это самое трудное и самое главное.

Все это говорю я от себя, а не от Антропософии.

Штейнер с самого начала много говорил о войне, но не политически, а лишь касаясь истории, путей и задач, замешенных в борьбу рас. Но слова его так искажались, применяемые каждым к своим взглядам и политическим симпатиям, что ему пришлось совсем прекратить всякие беседы на эту тему.

Что же касается антропософов, то они естественно разделились по расам и, живя между собою в мире, теоретически пламенели военными страстями своих народов.

Аморя[10] не изменила своей симпатии к немцам. Газет она не читает и не хочет читать, под тем предлогом, что все равно там все врут, а верит нескольким авторитетам (я не из их числа), и только немецким. А т<ак> к<ак> в том мире все наоборот, то ничего нельзя ни опровергнуть, ни доказать, по той причине, что «ложную доктрину нельзя опровергнуть потому, что она ложь считает за истину» (Гёте).[11] Но зато она много и плодотворно работает в живописи и сильно окрепла духовно.

В тех письмах, что я Вам писал из Дорнаха,[12] я ничего не писал Вам о войне, думая, что здесь между нами не может быть противоречий. (То, что я пишу сейчас, сформулировалось позже уже.) А потом все ждал какой-нибудь строчки от Вас.

Для того чтобы рассказать, как я внутренно переживал войну, посылаю Вам несколько стихотворений, написанных за эти месяцы. Они лучше скажут все, что делалось внутри. Особенно «В эти дни...».[13]

Теперь я в Париже и хочу остаться здесь долго, что бы ни было. Здесь — мое. Здесь то, что могло и еще может погибнуть от немцев безвозвратно. (Ценности России — вне опасности от них — они вне материального мира — они в возможностях — их никто не уничтожит). Живу с Бальмонтом и Нюшей.[14] Работаю в Нац<иональной> Библ<иотеке>[15] и рисую.

Я предвижу вопрос: как можно теперь работать над тем, что вне войны? Можно и нужно. И этот ритм — единственное, что можно противопоставить тому хаосу, который всюду, за каждой героической эмоцией.

Сегодня я получил открытку от Жозеф<ины> Густав<овны>,[16] наполовину вымаранную цензурой. Благодарю ее и приветствую. Покажите ей это письмо и К.Ф.,[17] конечно, когда он покажется в Феодосии.

Кроме стихов прилагаю фотографию (снятую для паспорта в Берне)[18] на место скушанной червем, чтобы расстроить его коварные замыслы. До свиданья. Жду большого и подробного письма. Что Людвиг?[19]

Максимилиан Волошин.

[1] Речь идет о письме А.М. Петровой от 22 декабря / 4 января 1914 г., содержащем резкую критику позиции Волошина по отношению к мировой войне: «Ведь я знаю, что никогда, как не люблю, не извиню Вам Вашего полнейшего отсутствия в этой мировой борьбе, борьбе с антихристианскими проявлениями нашего времени – образом падшего Духа, всего германского народа. С ужасом думаю, что с Вами? Неужели Вы так "пусты" внутри?.. Не хочу и не могу верить. Вы объяснили "роком" Ваше прибытие под сень доктора второй раз в критический исторический момент. Простите! Но для меня это не "рок" – "избранность", скорее проклятие, отъединение, отчуждение от истинного братства. В частности, для Вас Дорнах опять будет "калошей", но... уже настоящей. Конст<антин> Феод<орович> <Богаевский. – *Ред.*> служит, пылая тем же священным гневом, что и все. О теософах говорит, что всех бы их послал в обоз. Сердится очень. И прав. Довольно с нас этого шлюза, этой заразы немецкой. Оправданий им нет. Хотели душу русскую растлить, но это им не удалось. Россия – это сплошное чудо теперь; Божье гнездо. Как жалка немецкая бухгалтерия духа, кот<орую> мы учили до сих пор по видам всевозможных философских их "систем". Ныне со всеми нами совсем близки дух Достоевского и Владимира Соловьева. *Их* Россия и по их заветам выступила теперь на борьбу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 30).

[2] Письмо Петровой пришло в Дорнах 4 февраля 1915 г., когда Волошин уже уехал в Париж (2/15 января 1915 г.). Он получил письмо согласно почтовому штемпелю, 8 февраля (н.ст.) 1915 г. в Париже.

[3] Петрова писала Волошину: «Два года тому назад какой-то червячок сточил портрет М<аргариты> Вас<ильевны>, и она ушла от меня, я это знаю. Теперь к ужасу вижу, вернувшись из деревни, что и Ваш портрет (зеленый, что в зеркало) попорчен им же. Неужели и Вы отойдете?..» (*Там же*).

[4] Волошин всегда был настроен скорее профранцузски, что отчасти вырастало в конфликт между ним и прогермански настроенной М.В. Сабашниковой. (см., например, п. 99). Отвечая Волошину 17 марта (ст.ст.) 1915 г. Петрова писала: «Маргарита для меня – сплошная скорбь. Она – ограничена. При всем природном уме. Это бесплодная, сектантская натура. Она как под гипнозом; все – чужое, ничего своего. А дар у нее огромный!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 33–38 об.).

[5] См. примеч. 5 к п. 102.

[6] См. примеч. 9 к п. 99, примеч. 3 к п. 107.

[7] В конце 1900 г. во время подавления антиколониального восстания ихэтуаней в Китае германский фельдмаршал А. фон Вальдерзее призвал осквернить гробницы китайской династии Мин. Волошин, находившийся тогда в Средней Азии и увлеченный культурами

Востока, горячо возмущался этим варварством европейцев. См.: Т. 8 наст. изд. С. 449. См. также п. 107, примеч. 4.

[8] С 1815 г. Польша в результате международного Венского конгресса исчезла с политической карты Европы как самостоятельное государство. Границы, установленные в Восточной Европе Венским конгрессом, просуществовали до 1914 г. Воссоздание Польского государства произошло по окончании Первой мировой войны.

[9] Мысль Леона Блуа, ставшая любимой и много раз впоследствии повторенная Волошиным в письмах. См. также поэму Волошина «Святой Серафим» (Т. 2 наст. изд. С. 98–125, 669–671).

[10] М.В. Сабашникова.

[11] Известный афоризм Гёте. Ср.: «Ложное учение не даст себя опровергнуть, оттого что оно покоится на убеждении, что ложное истинно...» (Изречение в прозе Гёте. 2-е изд. СПб.: Изд-е В.Л. Бермана, 1888. С. 142. Серия «Европейская библиотека»). См. также: *Купченко В.П.* И.В. Гете в творчестве М.А. Волошина // Русская литература. 1997. № 3. С. 145–155.

[12] См. п. 92, 95, 99.

[13] Имеется в виду стихотворение Волошина «В эти дни великих шумов ратных...» (4 февраля 1915 г.), впервые опубликованное в «Русской Мысли» (1915. № 4). См.: Т. 1 наст. изд. С. 223, 512.

[14] 2/15 января 1915 г. Волошин прибыл в Париж и поселился на Rue de la Tour, 60, у К.Д. Бальмонта и А.Н. Ивановой. См.: Труды и дни. С. 362.

[15] Речь идет о продолжающейся работе Волошина над книгой «Дух готики». См. примеч. 2 к п. 9.

[16] Ж.Г. Богаевская. В ее открытке, отправленной из Феодосии 6/19 декабря 1914 г. и полученной в Арлесгейме 6 февраля (н.ст.) 1915 г., большая часть текста была вымарана. Ж.Г. Богаевская писала Волошину: «...я спешу Вас успокоить. Мы все здоровы <...>. Наши все в Кенегезе, только брат и я остались в городе <...>. Алекс<андра> Мих<айловна> с детьми все время жила в Essen-Elly, на днях переехала в город. Бежала она в день бомбардировки с детьми пешком за Лысую Гору, по грязи, пока нашли телегу – к счастью, не заболела. Коктебель, сколько я знаю, цел и невредим. К.Ф. напишет Вам подробнее. Он на днях приезжает домой» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 267, л. 12).

[17] К.Ф. Богаевский.

[18] В Берне Волошин останавливался по пути из Дорнаха в Париж 2/15 января 1915 г. Фотография, о которой идет речь, опубликована в кн.: Труды и дни. С. 509.

[19] Л.Л. Квятковский.

110. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

30 января / 12 февраля 1915 г. Париж[1]

Милая мама, сегодня пришло твое письмо (закрытка от 12/I), первое, адресованное прямо в Париж.[2] А я уже здесь целых 3 недели и получил от тебя несколько больших писем, пересланных из Дорнаха, и отвечал на все. Последние дни работа моя в Библиотеке нарушилась, потому что вдруг напала полоса стихов: я написал их много сразу: и о войне — все, что задумал но никак не мог написать в Дорнахе (там чувство формы теряется почему-то), и ряд, соревнуя<сь> с Бальмонтом на одни и те же выбранные нами темы. Все эти стихи я переписал для тебя, но как раз вчера получил большое письмо от Аде<лаиды> Казим<ировны>, где она спрашивает меня о стихах,[3] и послал их все ей, с тем, чтобы она, прочтя их, немедленно передала тебе. Их оказалось так много, что переписывать несколько раз слишком сложно. Меня очень, очень беспокоит твое здоровье. Травкам Фридкиной[4] я, признаться, доверяю больше всего. Но их надо употреблять долго и непрерывно. Я говорил здесь с Гольштейном (самим) об эмфиземе: смысл его слов — средств от нее нет, но сама по себе она не опасна — не надо только ее ухудшать никаким напряжением, кашлем, криком, громким разговором. И прибавил: «Пусть только она обратится еще к хорошему специалисту по носо-глотке и горловым болезням — часто эти явления могут иметь причиной опухоли, раздражение горла, в которых неспециалисты ничего не понимают и могут не обратить внимания». Мне кажется, что это разумно и тебе надо было бы пойти и туда. До свиданья. Крепко тебя целую. Мне очень хорошо в Париже: легкость и бодрость, и неугасающее желание писать.

Привет Лиле и Майе.[5]

MAX.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю отправления: Paris. 12.II.1915.

[2] Это письмо Е.О. в подборке ее писем к Волошину не сохранилось.

[3] В письме Волошину от 11/24 января 1915 г. А.К. Герцык спрашивала: «А есть ли новые стихи? Вы так хорошо выразили, как шли “по стогнам буйных городов...” Но только Дорнах — не ковчег, да и нельзя теперь укрываться в ковчеге!!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 409. В тексте цитируется стихотворение Волошина «Под знаком Льва» («Томимый снами, я дремал...», август 1914 г.) и обыгрывается его образный строй; см.: Т. 1 наст. изд. С. 224).

[4] Врач-антропософ Генриетта Гинда Фридкина (Fritkin; 1879–1943?), участница строительства Гетеанума.

[5] Е.Я. Эфрон, М.П. Кювилье.

111. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

31 января / 13 февраля 1915 г. Париж[1]

13.II.1915. 60 Rue de la Tour. Paris.

Дорогая Юлия Леонидовна,

Посылаю Вам целую связку новых стихов: Париж и Бальмонт вдруг растворили дверь, которая была много месяцев закрытой, и стихи прямо просыпались оттуда.

Те, что не об войне, были написаны в соревновании с Бальмонтом. Сонет о Петербурге[2] — в виде протеста против переименования оного, дабы в четырех (и безвыходных) сонетных рифмах закрепить его старое имя. (Должен сознаться, что это переименование глубоко возмутило меня: ведь тогда нельзя употреблять и слов армяк (arm-jacke), расшива (reis-schiff), стамеска (stamm-messer)[3] и т.д. И, кроме того, переименовать и Москву, т<ак> к<ак> это финское слово, а кроме все<го>, Петербург это ведь не по-немецки, а по-голландски — будем тогда лучше говорить «Питерсбург»).

Я ровно месяц в Париже. Сначала принялся со страстью за библиотечные работы, но теперь стихи вытеснили всё — даже рисованье.

Сейчас пишу несколько слов, потому что хочу переслать стихи скорее. Привет Екат<ерине> Ивановне и Феодору Констант<иновичу>.[4] Жду вестей и очень Вашей оценки стихов.

Максимилиан Волошин.

[1] Почтовые штемпели на конверте: Paris. 13.2.15; Петроград. 20.2.15.

[2] Имеется в виду стихотворение «Петербург» («Над призрачным и вещим Петербургом...», 8 февраля 1915), посвященное К.Д. Бальмонту. См.: Т. 2 наст. изд. С. 417.

[3] Возведение трех приведенных слов русского языка к немецкому первоисточнику правомерно лишь в третьем случае — однако слово «стамеска» происходит не от приводимого Волошиным составного слова (в немецком языке не употребляющегося), а от нововерхненемецкого Stemmeisen («долото»). Слово «армяк» — татарского происхождения, а слово каспийского диалекта «расшива» (вид баржи, большое парусное судно) «образовано от плотничьего термина *расшить* (“укрепить раму распорками”) <...>. Не из нем. Reiseschiff “корабль”» (*Фасмер Макс*. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986—1987. Т. 1. С. 88; Т. 3. С. 447, 774).

[4] Е.И. Оболенская, Ф.К. Радецкий.

112. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

2/15—3/16 февраля 1915 г. Париж

15/II 1915. 60 Rue de la Tour. Paris.

Милая мама, сегодня получил две твои открытки одновременно.[1] Спасибо за хлопоты о газетах. О «Нови» не жалею — мне говорили, что она была ультра-патриотична. Что же касается «Утра России», то я сам бы туда не хотел.[2] И кроме того, туда пишет из Парижа Минский. И еще кроме того, после того, как я у них был, и они меня встретили с таким неподдельным радушием изголодавшегося любопытства, что я тебе описывал, я получил <на> другой день от Бэлы очень любезное письмо, в котором весьма неловко и неудачно было выражено опасение, что я буду писать тоже в «Утро России» и перебивать темы у Минского.[3] Так что я сейчас же решил и ничего не писать в «У<тро> Р<оссии>» из Парижа и не встречаться больше с Минскими. На письмо же не ответил, предоставляя им помучиться опасениями конкуренции.[4]

Вообще же я решил теперь пока корреспонденций не писать — (материалу мало, и чувствую, что не могу так — походя писать о войне), а приготовить несколько больших статей и закончить поскорее монографию о Сурикове; сейчас — т.е. эти дни вся моя работа перебита полосой стихов. Я пишу их много каждый день. Часть я переписал для тебя, но послал их Аделаиде Казимировне,[5] с тем, чтобы она, прочтя, передала их сейчас же тебе. Я об этом писал тебе в открытке.

Твое здоровье и куренье очень беспокоят меня. Я опять сегодня говорил с Гольштейном об этом. Он очень против всяких гипнотизеров, и даже не советует бросать совсем куренье; лучше себя просто ограничить и не слишком малой порцией, и курить табак «Caporale» или нечто похожее на него.[6] Впрочем, ты, кажется, такой и куришь. Еще раз и очень настоятельно посоветовал обратиться к специалисту по носо-глотке. И подтвердил, что сама по себе эмфизема не опасна и <не> склонна прогрессировать, если только не ухудшать ее криком, всяким утомлением легких.

Пьешь ли ты травки?

Ты пишешь, что я точно ожил в Париже. Это верно. Я давно не испытывал такого увлечения в работе и прилива жизни и интереса к людям.

Переписываю тебе стихотворение, написанное сегодня: портрет Бальмонта. По-моему, он вышел похож:

Бальмонту

Огромный лоб, клеймленный шрамом,
Безбровый взгляд зеленых глаз,
В часы тоски подобных ямам,
И хмельных локонов экстаз,
Смесь воли и капризов детских
И мужеской фигуры стать —
Веласкес мог бы написать
На тусклом фоне гор Толедских.
Тебе к лицу шелка и меч
И темный плащ — оттенка сливы.
Узорно-вычурная речь
Таит змеиные отливы,
Как сварка стали на клинке,

Зажатом в опытной руке;
А голос твой, стихом играя,
Сверкает, плавно напрягая*
Упругий и звенящий звук:**
Но в нем живет не рокот лиры,***
А пенье стали, свист рапиры
И меткость неизбежных рук;
И о твоих испанских предках
Победоносно говорят
Отрывистость рипостов редких
И рифм стремительный парад.

15/II 1915.[7]

Покажи эти стихи Майе.[8] Я думаю, что она их больше оценит, чем ты. По-моему, они вышли очень похожи, а Бальмонт весьма горд ими.

Ты писала, что вышла книга Алехана о войне.[9] Попроси его непременно прислать мне. И пусть непременно тоже пошлет Гольштейнам (75 Rue de la Tour) и Бальмонту. Тут все с нетерпением ждут его книги.

Кончаю письмо, потому что уже поздняя ночь. Сегодня понедельник – у нас был журфикс и очень людный, целый день были люди.

Крепко, крепко тебя целую.

MAX.

16 фев<раля>.

Вскрыл опять запечатанное письмо, чтобы исправить несколько слов во вчерашнем стихотворении.

Прочти все мои стихи Алехану, пожалуйста.

[1] Открытки от Е.О. датированы 19 января / 1 февраля и 21 января / 3 февраля 1915 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 1, 2).

[2] См. п. 107, примеч. 10. «Утро России» – ежедневная московская газета, издававшаяся в 1907 г. и в 1909–1917 гг.; Волошин опу-

* *Было:* Звенит, красиво напрягая

** *Было:* Упругий и блестящий звук:

*** *Было:* В нем не бряцанья мирной лиры,

бликовал в ней ряд статей. 19 января / 1 февраля Е.О. сообщала Волошину: «...газета “Новь” уже в начале сего января перестала существовать. Думаю пойти в редакцию “Утра России”, заявить там о пребывании твоем в Париже, и если они хотят корреспонденций твоих оттуда, то пускай напишут тебе». В письме Е.О. от 21 января / 3 февраля – продолжение той же темы: «В редакции “Утра России” я никого не застала и решила больше туда не обращаться, т<ак> к<ак> ты сам можешь это сделать, если хочешь туда писать. Е.К. Герцык советует тебе писать в “Биржев<ых> Ведомостях”, где пишет Бердяев и др., и прибавила: пускай напишет статью и пришлет к нам, а от нас она через Бердяева пойдет по назначению».

[3] Бэла – обиходное в литературных кругах имя жены Н.М. Минского Л.Н. Вилькиной (сокращенное от имени Изабелла, которое она носила до принятия крещения). В недатированном письме к Волошину (предположительно от 26 января / 8 февраля 1915 г.; см.: Труды и дни. С. 363), отправленном после их парижской встречи, она замечала: «Кстати, – по поводу литературы: вы, кажется, говорили, что хотите “корреспондировать” в “Утр<е> Рос<сии>”. Как же? Ведь корреспондентом состоит Н.М.? Впрочем, я, может быть, вас не поняла...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 341).

[4] Е.О. отвечала 5/18 марта 1915 г.: «Зачем ты решил так жестоко мучить Минских? Я не думала, что можешь быть так злостен. Ведь их материальное положение в Париже, кажется, очень плохо, и шкурный страх так понятен и жалок» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 19–19 об.).

[5] А.К. Герцык. См. п. 110, примеч. 3.

[6] 19 января / 1 февраля Е.О. писала Волошину: «Я начала гипнотизироваться у Каптерева, но после 3 сеансов прекратила, т<ак> к<ак> он на меня никакого влияния не имеет; на днях пойду к Далю, ибо чувствую, что мне непременно нужно прекратить курево: иначе больше одного года не проживу. При курении и лекарства уже на меня никакие не действуют». В письме от 21 января / 3 февраля Е.О. сообщила, что доктор Н.В. Даль отказался ее гипнотизировать: «Рухнула моя последняя надежда избавиться от табака».

[7] Стихотворение впервые опубликовано (под заглавием «Бальмонт») в составе авторского цикла «Облики» (Русская Мысль. 1917. № 11/12. Отд. I. С. 135–138). Варианты печатного текста: ст. 1 – «Огромный лоб, клейменный шрамом»; ст. 12 – «Таит круженья и отливы»; ст. 14 – «Зажатом в замшевой руке». См.: Т. 1 наст. изд. С. 196. 5/18 марта 1915 г. Е.О. писала Волошину: «Вчера я получила твое письмо <...> со стихами Бальмонту и уже с поправкой “в опытной руке”. Разумеется, так лучше, совсем хорошо».

[8] М.П. Кювилье.

[9] Алехан – А.Н. Толстой. Его книга очерков «На войне» (<Соч.>. Т. IV. Книгоиздательство писателей в Москве, 1915) вышла в свет в январе 1915 г. Толстой подарил ее Е.О. 22 февраля / 7 марта 1915 г. с надписью: «Милой, дорогой Пра» (Труды и дни. С. 365). Сообщение о выходе этой книги было, видимо, в несохранившемся письме Е.О. от 12/25 января 1915 г.).

113. Ан. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

20 февраля / 5 марта 1915 г. Париж

Paris. 60. Rue de la Tour.
5 марта 1915.

Многоуважаемая Анастасия Николаевна,

узнав, что Бальмонт[1] посылает Вам стихи и что Вы имеете возможность их раздать по редакциям, я решаюсь обратиться к Вам с подобной же просьбой.

Странная судьба увела меня из России за несколько дней до начала войны, бросила в Будапешт в день объявления войны Сербии, а затем благополучно довела до Швейцарии за ½ часа до закрытия германской границы.[2]

Полгода я провел под Базелем, где строил Антропософский театр для Мистерий[3] вместе с Андреем Белым и другими,[4] а с января живу в Париже с Бальмонтом.

Получили ли Вы цикл стихов «Облики», который я послал Вам для «Дневников» еще в июне месяце из Коктебеля?[5]

Существуют ли еще «Дневники»?

В «Дневники» я посылал стихи бескорыстно, но эти стихи посылаю с целями корыстными, т<ак> к<ак> очень без денег и весьма нуждаюсь в гонораре.

Посылаю Вам 12 стихотворений.[6] Конечно, мне было бы приятно, чтобы они были вместе напечатаны, хотя и не составляют группы, но знаю, что это трудно и невозможно. Так что разошлите их, как сочтете нужным.

Я очень давно не печатал стихов (единственное, что было напечатано за эти годы «Lunaria» – в Альманахе Грифа)[7]

и не знаю даже, какие сейчас журналы в Петербурге существуют. Поэтому предоставляю эти стихи в полное Ваше распоряжение.

Не знаете ли газеты, куда бы мне можно было писать?[8] Находясь со времени моего скандала из-за Репина под литературным остракизмом,[9] я не знаю, куда обратиться, а в заработке корреспондентском весьма нуждаюсь.

Привет Феодору Кузмичу.[10]

Простите, что затрудняю Вас такою просьбой.

Максимилиан Волошин.

P.S. Если война приостановила «Дневники», и Вы еще не использовали «Облики» и не имеете в виду их использовать, то, б<ыть> м<ожет>, Вы найдете возможным и их куда-нибудь устроить?

[1] См. примеч. 14 к п. 109.

[2] См. примеч. 2 к п. 89.

[3] См. примеч. 6 к п. 92.

[4] Андрей Белый вместе с А. Тургеневой был участником строительства Гетеанума. См. примеч. 12 к п. 95.

[5] См. примеч. 6 к п. 85.

[6] Точный состав подборки стихотворений, который Волошин выслал Ан. Н. Чеботаревской, неизвестен. Однако в творческой тетради Волошина сохранился список из семи стихотворений, отправленных в «Русскую Мысль», и двенадцати – Ан. Н. Чеботаревской, в том числе здесь указаны стихотворения: «Два демона», «Петербург», «Осенние пляски», «Трели», «Я быть устал среди людей...» (под названием «Усталость»), «Я, полуднем объятый...» («Мужеское»), «Отроком строгим...» («Отчуждение»), «Венчание» («Я к нагорьям...»), «Разлука» (Труды и дни. С. 365). Ан. Н. Чеботаревская передала эту подборку стихотворений в «Аполлон».

[7] Об этом венке сонетов см. примеч. 6 к п. 31.

[8] Ан. Н. Чеботаревская в ответной открытке, отправленной 15/28 марта 1915 г., рекомендовала Волошину обратиться в газету «Биржевые Ведомости», с редактором которой она предварительно оговорила такую возможность. См. п. 119, примеч. 5.

[9] См. примеч. 3 к п. 4.

[10] Ф. Сологуб.

114. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

20 февраля / 5 марта 1915 г. Париж[1]

6/III 1915. 60 Rue de la Tour. Paris.

Милая мама, получил твою открытку. Спасибо за холст на рубаху большое: Скирмунт еще не приехал.[2] Каким путем поехал он? Югом? Твое большое письмо на днях получил и ответил на него тотчас же подробно и со стихами.[3] Я тебе писал много из Парижа. Ты, верно, всё постепенно получишь. Отсюда, по-видимому, письма идут дольше. Недавно случилось так, что мои акварели и рисунки видел Коттэ (один из самых крупных современных художников) и совершенно неожиданно обратил на них большое внимание, нашел в них большое чувство формы и оригинальность. Живописью сейчас мне заниматься некогда, но на «croquis»* в академию я хожу каждый день и рисую часа по два.[4] Ты пишешь просьбу Досекина зайти в его мастерскую, но не пишешь адреса. Я ведь совсем не знаю, где последние годы он имел свою мастерскую. Ты пишешь, что была у Епифашки[5] – мне очень хотелось бы знать о ней подробнее. Я ведь ничего не знаю, как приняла она все, как сложилась ее жизнь.

Я начинал рассылать свои стихи по редакциям: часть послал в «Рус<скую> Мысль», часть Сологубу с просьбой устроить в петербургских журналах.[6] У меня за эти годы накопилось много неизданных стихов, и это все же даст мне заработок, пока я не закончу Сурикова.[7] Крепко целую тебя.

МАХ.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю отправления: Paris. 5.3.15 (проставлено два штемпеля с указанной датой). Авторская датировка, вероятно, ошибочна.

[2] В открытке, датированной 7/20 февраля 1915 г., Е.О. сообщала: «...на днях уехал из Москвы в Париж Скирмунт; он привезет тебе кусок холста кустарного для рубахи и отделку к ней» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 6).

* Этюды *(фр.)*.

[3] Имеется в виду письмо Е.О. от 31 января – 1 февраля / 13–14 февраля 1915 г. (*Там же*, л. 4–5 об.; лист с окончанием текста отсутствует). Ответное письмо Волошина от 17 февраля / 2 марта не выявлено (см.: Труды и дни. С. 365).

[4] См. п. 108, примеч. 3.

[5] Прозвище С.И. Дымшиц-Толстой.

[6] См. п. 113. В журнал «Русская Мысль» Волошин отправил цикл в составе семи стихотворений (Труды и дни. С. 365).

[7] Подразумевается монография о Сурикове для серии И.Э. Грабаря «Русские художники» в издательстве И.Н. Кнебеля.

115. Ан. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

31 марта / 13 апреля 1915 г. Париж

13 / IV 1915. 60. Rue de la Tour. Paris.

Многоуважаемая Анастасия Николаевна, очень, очень благодарю за Ваше внимательное отношение к моей просьбе и сопряженные с этим хлопоты.[1]

Очень боюсь только, что именно в «Аполлоне» стихи мои не пройдут, потому что бывали случаи, что они принимали официально, а затем выкидывали мои стихи.[2] Спасибо за «Биржевые Ведомости», я непременно напишу туда.[3] Вы так и не написали мне, продолжаются ли «Дневники» и был ли в них напечатан мой цикл «Облики», что я посылал Вам еще летом.[4]

Бальмонт в мае собирается в Россию,[5] я же остаюсь на лето в Париже, б<ыть> м<ожет>, до окончания войны. Привет Феодору Кузмичу.[6] «Рус<ская> Мысль» приняла цикл моих стихов: «Anno Mundi Ardentis», кот<орый> появится в апреле.[7] Еще раз благодарю.

Максимилиан Волошин.

[1] Ответ на открытку Ан. Н. Чеботаревской, в которой она сообщала: «Получив Ваше письмо <...> я стихи передала в Аполлон (Разъезжая, 8), а с ред<актором> «Биржевых Утренн<их>» поговорила, и они просят очередные корреспонденции на актуальные темы о жизни Парижской богемы, поэтов и пр. (Адр<ес> Галерная, 40)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1269, л. 8).

[2] Об отношениях Волошина с журналом «Аполлон», в котором он принимал первоначально самое активное участие, см.: Максимилиан Волошин в журнале «Аполлон». Переписка с С.К. Маковским, Е.А. Зноско-Боровским, В.А. Чудовским, М.Л. Лозинским / Публ. А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 358–485. См. также п. 119, п. 126, примеч. 3.

[3] См. п. 123.

[4] См. примеч. 6 к п. 85.

[5] К.Д. Бальмонт покинул Париж вместе с А.Н. Ивановой, Е.К. Цветковской и ее дочерью Миррой 15/28 мая 1915 г. (Труды и дни. С. 371). См. также п. 132.

[6] Ф. Сологуб.

[7] Цикл «Anno mundi ardentis» (*лат.* «В год пылающего мира»), в который вошли стихотворения: «Под знаком Льва», «Над полями Альзаса», «В эти дни», «Посев», «Париж» («Париж в январе 1915 г.»), «Реймская Богоматерь», «Dies illa tam amara» (см.: Т. 1 наст. изд. С. 221–225, 238, 240–241, 511–513, 517; Т. 2 наст. изд. С. 60–64, 658), был опубликован в журнале «Русская Мысль» в № 4 (апрель) за 1915 г. (Отд. I. С. 1–6).

116. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

31 марта / 13 апреля 1915 г. Париж

13/IV 1915.

Милая мама, я ужасно долго не писал тебе на этот раз. Последнее письмо, я помню, было писано в ту ночь, как вторично ждали (и не дождались) цеппелинов в Париже. С тех пор я получил 2 твоих письма и одну открытку[1] и ничего не ответил. Все это время я то простужался, то болела голова от молочной диеты, то начинался прострел. Я просидел почти 2 недели не выходя из дому. И что важнее всего, меня опять схватила живопись. Первые два месяца в Париже я строго воздерживался от нее (позволял себе только ходить на croquis*); но ряд рисунков, что мне надо было сделать для одного журнала пред этим, вновь прорвал плотину, и я все это время, не выходя из комнаты, несмотря на боли драхен-

* Этюды *(фр.)*.

шусов[2] (которые я и получил-то, малюя у окна), живописал и уже густо завесил стены своей комнаты акварелями.

Завтра день твоего рождения — поздравляю тебя...

За это время, что я сидел дома в Париже, как-то сразу распустились деревья. Всюду уже зелень на каштанах, а весны все еще нет внутри. Зима прошла невидимо и быстро. Мне кажется, еще месяц тому назад червленели леса в Дорнахе.

Мои стихи о войне («Anno mundi ardentis») приняты в «Рус<скую> Мысль» и появят<ся> в апрельской книжке, и мне уже выслали гонорар.[3] Мне интересно, как они будут приняты. Из них только «Париж» и «Реймс» более подходят к стихам, что писались о войне. Другие же идут, мне кажется, вразрез. Из них я сам больше других ценю «В эти дни...» по точности и искренности и «Воскрешение мертвых».[4]

Акварели мои (я это время очень много работал) многим очень нравятся. Их видел недавно Рене Мэнар (это очень крупный пейзажист, создавший первый — греческий пейзаж во французской живописи) и очень хвалил. Я, конечно, *степени* похвал французских не верю. Но учитывая размер любезности, все же вижу, что плохим и безразличным это им не кажется.

Бальмонт в мае вместе с Нюшей собирается ехать в Россию.[5] Но я все-таки не очень верю этому его отъезду, т<ак> к<ак> хотя пути и открыты севером, но все-таки пароходы как-никак топят. Стоит это путешествие весьма дорого — 500 fr. Так что мне думать пока об отъезде нечего. Да и для текущей работы теперь и летом мне больше смысла оставаться в Париже. А осенью после окончания войны (надеюсь!) я прямо через *русский* Константинополь[6] вернусь в Коктебель.

Приехал Скирмунт и привез твой подарок — материю и галун.[7] Я им очень, очень тронут, но боюсь, что привезу обратно в Коктебель в таком же виде, потому что в Париже ведь мне такой блузы носить не придется — негде. Если бы я жил в мастерской... но при жизни в Passy[8] совсем это неприменимый костюм.

Очень жаль Лилю.[9] Как раз об ее здоровье у меня справ<ля>лся на днях ее родственник — д-р Эфрон. Я ему

говорил, что все благополучно. Теперь надо ему написать об том, что она уехала лечиться в Финляндию.

Почему Ася Цветаева оказалась в Варшаве и каким образом схватила скарлатину?[10] Как идет ее болезнь?

Когда Марина думает ехать в Коктебель?[11] Вообще есть ли у кого-нибудь теперь планы на лето? Когда ты сама думаешь ехать? Тебе в сущности незачем, думаю, ехать очень рано. Пока до свиданья. Прости, что не писал так долго. Теперь я вышел из письменного своего паралича и буду писать как следует, часто.

На днях отвечу Майе.[12]

Крепко целую.

MAX.

[1] Видимо, имеются в виду письма Е.О. от 13–15/26–28 февраля и от 18 февраля / 3 марта 1915 г. и открытка от 23 февраля / 8 марта 1915 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 7–16).

[2] Drachenschuß (*нем.*, *мед.*) – люмбаго, прострел.

[3] См. примеч. 7 к п. 115.

[4] Подразумевается стихотворение, опубликованное в «Русской Мысли» под заглавием «Dies illa tam amara». Впоследствии получило заглавие «Суд». См.: Т. 2 наст. изд. С. 60–62.

[5] Нюша – А.Н. Иванова. См. примеч. 5 к п. 115.

[6] Предположение о том, что в результате войны Константинополь (турецкий Стамбул) войдет в состав России.

[7] См. п. 114, примеч. 2.

[8] Округ в западной части Парижа, на правом берегу Сены, в котором жил Волошин.

[9] 13/26 марта 1915 г. Е.О. сообщала Волошину о Е.Я. Эфрон: «Лиля себя что-то плохо чувствует: с сердцем неладно, частые голов<ные> боли. Все собирается к доктору, собирается вести регулярн<ый> образ жизни, и только все собирается». В письме от 18/31 марта она добавляла: «Лиля вчера уехала в Петерб<ург>, затем в Финляндию, где ей нужно отдохнуть в санатории, т<ак> к<ак> послед<нее> время ей было плохо: постоян<ные> голов<ные> боли».

[10] В том же письме Е.О. сообщала: «Ася Цветаева лежит больная скарлатиной в одном из варшавских лазаретов». На вопрос Волошина она ответила 10/23 мая 1915 г.: «Ася давно выздоровела, из Вар-

шавы вернулась (зачем туда ездила, не знаю)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 21–22 об.).

В феврале 1915 г. А.И. Цветаева выехала в Тулу на встречу с Николаем Николаевичем Мироновым (1893–1951), в которого была влюблена. Вместе с ним проследовала в воинском эшелоне в Белоруссию и далее. В дороге заболела скарлатиной и была вынуждена сойти с поезда, не доехав до Варшавы. Миронов отправился со своей частью, а Ася, пройдя четыре версты пешком до Варшавы в сопровождении его денщика, поместилась в больницу. 25 марта она возвратилась в Москву (Хронологический обзор жизни и творчества А.И. Цветаевой // Феодосийский музей Марины и Анастасии Цветаевых).

[11] Отклик на слова о М.И. Цветаевой в том же письме: «Марина с поэтессой Парнок собирается на месяц в Феодосию и Коктебель». Ср. сообщение в письме М. Кювилье к Волошину от 6/19 марта 1915 г.: «С Мариной я вижусь меньше, она влюблена в С. Парнок, и почти все время с ней <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1034, л. 22). О взаимоотношениях Цветаевой и С.Я. Парнок см. исследование С.В. Поляковой «Незакатные оны дни: Цветаева и Парнок» (*Полякова С.В.* «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. <СПб.:> ИНАПРЕСС, 1997. С. 188–269).

[12] М.П. Кювилье.

117. Е.Ю. ГРИГОРОВИЧ

5/18 апреля 1915 г. Париж[1]

В тот же день, как Вы уехали,[2] Елена Юстинiановна, я провалился в новое живописное открытие: понял, каким акварельным приемом достигал Тёрнер своих световых эффектов. Потом соответственно малевал. Потом все опротивело. Потом купил новые кисти и опять малевал.

Через несколько дней, показывая пани Лекурбовой альбомы, ей и Маеста[3] рассказал подробно всю теорию Гуревича,[4] которую постиг по умолчаниям, в конце концов. И по их восклицаниям: «Теми же словами!..» понял, что угадал верно. Горжусь.

Затем водил Maesta, Нюшу, Ящера[5] и Цетлина к мексиканцу. (На завтрашний понедельник приготовил еще нового

мексиканца — из племени тарсков, размерами огромного, с лицом Вицли-Пуцли — тоже художника).[6] Кстати — оказывается, что все мексиканцы в Париже (их 4) женаты на антиподках (т.е. русских).[7] Это закон.

Да. Раскаялся в своих румы<н>ских планах относительно продажи картин[8] и решил *подарить* Цетлину этюд. Когда я ему это сказал, он сказал: «А я бы хотел у Вас купить». А я сказал: «Это своим чередом, а раньше я Вам все-таки подарю». И подарил ему самое большое «Око», на котором Бальмонт написал стихи об нем читанные.[9] Цетлин был действительно в радости и написал нам влюбленное письмо. Так что картину все-таки он еще купит — так немедленно вознаграждается добродетель. Мы завтра<ка>ли у него с Ропшиным раз.[10] Я наконец с Ропшиным разговорился и между нами начались симпатические токи. Он звал меня к себе.

Последние дни я занимался сложной операцией: переведением пишущей машинки с алфавита живописного на стихотворный. Трудно. Но теперь удалось. Сегодня написал первый ст<и>шок о цеппелинах над Парижем[11] — посылаю его Вам, как соучастнице.

После долгого перерыва был вчера в мастерской Васильевой.[12] «Ночь прошла весьма <о>быкновенно»...[13] Мрачный норвежец[14] тискал меня в объятиях и говорил: «Россия должна править всей Европой, потому что в России будет революция. Бомбами можно всё сделать». Толстый француз скульптор ложился на живот, молился цеппелинам и восклицал: «Je m'en fiche de l'Alsace-Lorraine!».* За ним бегал человек с лицом индейца в верблюжьей куртке (композитор), с восторгом показывал на него пальцем и кричал: «C'est m<onsieu>r Courné!!».** Кроме этой фразы он ничего не говорил весь вечер. Эренбург с добрыми глазами долго убеждал Цадкина[15] в полной непристойности его — Цадкина — лица. Цадкин смущался, но чувствовал себя польщенным. Другие спускались на двор и из карманов цедили в рюмочки какие-

* «Мне плевать на Эльзас-Лотарингию!» *(фр.)*

** «Это господин Курне!» *(фр.)*

то ликеры. Заинька[16] выгибала спину колесом и делала белые глаза. Я бодал Эренбурга и толстого француза, который восклица<л>: «Vous êtes Bacounine! Vous êtes Kropotkine!».*

Было весело, непринужденно и мило.

Ваше отсутствие очень ощутительно, особливо за трапезами.

Служит нам какой-то женский кобольт с лицом горбуньи. При неожиданных встречах со мной в коридоре оно вскрикивает, как ночная птица, и на несколько секунд деревенеет без сознания.

Марье Митроф<ановне>[17] сегодня за завтраком рассказывал, что к M<onsieu>r Гольш<т>ейну являлась Богоматерь и предсказала окончание войны в мае.

Вот вкратце отчет о нашей жизни. До свиданья.

М.В.

P.S. В восторге от «Суда Озириса»![18]

Написал сегодня еще стихи. Вкладываю.[19]

[1] Датируется по упоминанию в тексте написанного в этот день стихотворения «Цеппелины над Парижем».

[2] Григорович уехала во Фрамуру — городок на лигурийском побережье в Северной Италии.

[3] Majesté (*фр.*) — величие. Вероятно, носитель этого прозвища — К.Д. Бальмонт.

[4] Себастиан (Шеба) Абрамович Гуревич (1878—?) — художник, уроженец Смоленска; работал в Париже и в Англии. Приятель Е.Ю. Григорович. В записях 1932 г. Волошин вспоминает о своих беседах с Григорович о Гуревиче (см.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 442).

[5] Нюша — А.Н. Иванова. Ящер — прозвище Елены Константиновны Цветковской (1880—1944), гражданской жены К.Д. Бальмонта.

[6] Имеется в виду Диего Ривера (1886—1957), художник-мексиканец, работавший в 1909—1912 гг. в Париже. См.: *Купченко В.П.* Максимилиан Волошин и Диего Ривера //Латинская Америка. 1977. № 2. С. 182—186. Вицлипуцли (Уицилопочтли) — бог войны, солнца и национальный бог ацтеков. Волошину этот образ был безусловно

* «Вы — Бакунин! Вы — Кропоткин!» *(фр.)*

знаком по поэме Генриха Гейне «Вицли-Пуцли» («Vitzliputzli») в переводе М.Л. Михайлова.

[7] Скорее всего, друзья Д. Риверы художники Мартин Луис Гусман (в Париже с лета 1915 г.), Энрике Фридман (мексиканец немецкого происхождения, в Париже с 1909 г.), Хуан Масиас (кузен Риверы, приехавший в Париж после начала войны из Германии, где он учился) и Анхель Саррага (1886–1946). Женой Д. Риверы в 1913–1916 гг. была русская художница Ангелина Петровна Белова (1890–1969). Сведений о женах других художников найти не удалось.

[8] И. Эренбург упоминает в своих мемуарах в окружении Волошина «румынского философа», – но тот вряд ли мог что-то приобрести, так как сам стремился занять у поэта «сто франков» (*Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: В 3 т. М.: Сов. писатель, 1900. Т. 1. С. 140).

[9] Видимо, подразумевается стихотворение Волошина «Бальмонту» («Огромный лоб, клейменный шрамом...»). См. п. 112, примеч. 7.

[10] В. Ропшин – литературный псевдоним Б.В. Савинкова. Данное письмо – первое по времени документальное свидетельство знакомства Волошина с Савинковым.

[11] Стихотворение «Цеппелины над Парижем» («Весь день звучали сверху струны...»). См.: Т. 1 наст. изд. С. 239. В стихотворении описан налет немецких военных дирижаблей в ночь на 22 марта 1915 г.

[12] Художница Мария Ивановна (или Михайловна) Васильева (1884–1957), ученица А. Матисса, организовала в своем ателье (avenue du Maine, 21) в 1909 г. художественную «Свободную академию», где собирались художники различных национальностей, и там же в 1915 г. – столовую для художников (Российское зарубежье во Франции. М., 2008. Т. 1. С. 255; *Аллой Рада*. Париж для зевак. СПб.: Коло, 2010. С. 428). Ныне в этом доме – Музей Монпарнаса.

[13] Обыгрываются «знаменитые строчки», по аттестации Волошина (в мемуарной записи от 29 апреля 1932 г.), из неизвестного стихотворения И.Г. Эренбурга: «День прошел весьма обыкновенно. / Облака сидели на диванах...», – которые, по словам Волошина, «эпиграфом могли бы служить» (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 443) к его пародии на Эренбурга – стихотворению «Серенький денек» («Грязную тучу тошнило над городом...», 10 декабря 1915 г.). См.: Т. 2 наст. изд. С. 472–473.

[14] Имеется в виду норвежский художник Пер Крог (1889–1965), живший в Париже с 1897 г.

[15] Осип Цадкин, выходец из России, жил в Париже с 1909 г.

[16] Носительница этого прозвища не установлена.

[17] Возможно, Богданова (1861–1925), знакомая Е.А. Бальмонт и Высоцких; в Париже жила, по меньшей мере, в 1909–1916 гг. Сохранились два ее письма к Волошину (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 269).

[18] «Суд Озириса», или сцена взвешивания души – одно из изображений в древнеегипетской «Книге мертвых». Подразумевается, видимо, новейшее произведение на эту тему.

[19] К письму приложены автографы стихотворений «Парижу» («Неслись года, как клочья белой пены...», 19 апреля 1915) и «Ex Puteo Abyssi» («Я был в молчаньи внутренних пространств...», 23 апреля 1915; другое заглавие – «Аполлион», в позднейшей переработанной редакции – «Война»). См.: Т. 1 наст. изд. С. 243; Т. 2 наст. изд. С. 39–43, 608–610.

118. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

7/20 апреля 1915 г. Париж[1]

20/IV 1915.

Милая мама, только что пришла твоя открытка и закрытка от первых дней праздника.[2] То, что моего очерка о Буда-Пеште не хотят печатать, меня не столько огорчило, сколько раздражило, и все мое отвращение к газетам поднялось снова. «Упущено время!» – это ведь не корреспонденция и не написано как таковая.[3] А написано именно так, как можно написать только после того, как впечатления отстоялись. Поэтому и о Париже *теперь* я не могу и не хочу писать. Ведь это значит писать те же банальности, что пишут сейчас все. Это не очень привл<ек>ательно. Кругликова писала, что ты разрешила ей напечатать мое стихотворение «Париж в январе» в ее сборнике.[4] Это невозможно, потому что оно уже принято в «Рус<скую> Мысль» в цикле «Anno mundi ardentis», как я писал тебе. Я об этом писал уже ей. Сейчас я пишу для ее Альманаха специально цикл стихов о Париже.[5] Три уже написал. Когда я его закончу, то пришлю тебе его целиком. На днях я был у дяди Коли[6] (я его так и не видал еще – мы списывались, но ничего не вышло). Не застал его, только Даша[7] была дома и принимала у себя каких-то франц<узских> приятельниц. Мне казалось, что

я попал в клетку с попугаями, – так все они и Даша кричали по-п<т>ичьи<?>. Сегодня он ждет меня, и я пойду к нему сейчас же после завтрака. Посылаю тебе это письмо в Коктебель. Напиши мне о Богаевск<ом> и Алекс<андре> Мих<айловне>:[8] я ничего о них не знаю и Алек<сандра> Мих<айловна> так мне и не пишет. Крепко тебя целую и завидую, что ты в Коктебеле. Но ты сама этим, верно, совсем не счастлива...

MAX.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Paris. 20.IV.1915; Феодосия. 2.5.1915.

[2] Праздник – Пасха (22 марта 1915 г.). Имеются в виду письма Е.О. от 21 марта / 3 апреля и от 23 марта / 5 апреля 1915 г. (второе – пасхальное поздравление) (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 25, 26).

[3] Речь идет об очерке, опубликованном позднее в утреннем выпуске «Биржевых Ведомостей» 9 июля 1915 г. под заглавием «Год назад». См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 525–528. 21 марта / 5 апреля Е.О. писала Волошину: «...мне вчера только Ад<елаида> Каз<имировна> <Герцык. – *Ред.*> дала твое "Начало" для прочтения и передачи Алехану <А.Н. Толстой. – *Ред.*>, что я вчера же и сделала, но Алехан говорит, что вряд ли какая газета теперь это примет: упущено время. Просил передать тебе совет и просьбу писать о Париже, о его литераторах, настроении, жизни; и ручается, что такие фельетоны он устроит даже в "Рус<ских> Ведомостях", или в другой какой газете. – Мне очень понравилось, как написана». К той же теме Е.О. возвращалась в письме к Волошину от 4/17 мая 1915 г.: «Ты напрасно раздражаешься, что твой очерк о Буда-пеште не хотели печатать: ни одна газета его не видала, т<ак> к<ак> он из рук Адел<аиды> Каз<имировны> попал в руки Алехана, решившего, что "Рус<ские> Вед<омости>" этого теперь не напечатают; Ад<елаида> Каз<имировна> наверно и не пыталась его куда-нибудь устроить <...> ты, значит, по-прежнему раздражителен и гневлив; по-прежнему сердишься на газеты, точно они к тебе как-то иначе относятся, чем к другим. А если это и так, устранись совсем от работы в газетах. Пиши в журналах. Кончай свою готику, монографию о Сурикове» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 34 об.).

[4] Имеется в виду кн.: Париж накануне войны в монотипиях Е.С. Кругликовой. Пг., 1916. 21 марта / 3 апреля 1915 г. Кругликова писала Волошину из Москвы: «...виделась с А.Н. Толстым и с

Ел<еной> От<тобальдовной>. Ал<ексей> Н<иколаевич> обещал написать рассказ для моей книги и советует сделать более объемистым литерат<урный> отдел и попросить тебя кроме стихов дать и прозу. А также привлечь к участию К.Д. Бальмонта, о чем я и без того хотела просить. <...> Ел<ена> От<тобальдовна> дает разрешение за тебя для печатанья стих<отворения> "Париж". <...> Хотелось бы, чтоб книга вышла не позже половины мая. <...> Из поэтов еще хочу просить В. Иванова и Ад. Герцык. Толстой еще советует просить тебя выбрать что-ниб<удь> у Эренбурга и Инбер. Попробуй» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 717). Стихотворение «Париж в январе 1915 г.» («Всё тот же он во дни войны...», 19 февраля 1915 г. // Т. 1 наст. изд. С. 238) впервые опубликовано в составе цикла «Anno mundi ardentis» под заглавием «Париж» (см. примеч. 7 к п. 115).

[5] В книге «Париж накануне войны» напечатаны шесть стихотворений Волошина, в том числе и упомянутое выше: «Lutetia Parisiorum» («Париж, Царьград и Рим – кариатиды...»), «Парижу» («Неслись года, как клочья белой пены...»), «Весна» («Мы дни на дни покорно нижем...»), «Ночь весеннего равноденствия 1915 года (Цеппелины над Парижем)» («Весь день звучали сверху струны...»), «Париж зимою» («Слепые застилая дни...»), «Париж» («Всё тот же он во дни войны...») (С. 105–113).

[6] Николай Оттобальдович Глазер (1853–1925, Франция) – брат Е.О.

[7] Дарья Владимировна Глазер (урожд. Кузнецова; 1879 – после 1925) – жена Н.О. Глазера.

[8] А.М. Петрова.

119. С.К. МАКОВСКОМУ

15/28 апреля 1915 г. Париж

Париж. 60 Rue de la Tour. 28 IV 1915.

Многоуважаемый Сергей Константинович,

Только на днях я узнал, что Вы писали мне и просили стихов об войне для «Аполлона» (но самого письма так и не получил).[1] Поэтому спешу послать Вам стихотворение «Ex puteo abyssi», в котором мой взгляд на войну выражен с наибольшей полнотой.[2] К сожалению, весь цикл стихов, написанный в начале войны, я, не зная о Вашей просьбе, отдал в «Русскую Мысль»,[3] а №№ «Аполлона» так и не доходили до

меня. Я уехал из Крыма за несколько дней до начала войны, полгода провел в горах под Базелем, где строил театр для оккультных мистерий, а теперь живу в Париже, где останусь до конца войны.[4] Могут ли быть для «Аполлона» интересны в настоящую минуту художественные письма из Парижа? Хотя сейчас никаких выставок нет и не будет, но я бы мог писать о работах отдельных художников, которых вижу, конечно, очень много – (об индивидуальностях и направлениях последних лет).

Анаст<асия> Ник<олаевна> Чеботаревская написала мне, что передала Вам ряд моих стихов, которые я послал ей.[5] Пожалуйста, напишите мне – о их судьбе.

Кроме того, очень прошу *выслать мне гонорар за мои статьи о русской иконописи и Сапунове,*[6] *который я еще до сих пор* не получил, а за стихи, если они пойдут, очень прошу *выслать мне гонорар авансом,* т<ак> к<ак> сейчас денежное мое положение очень трудное.

Если «Ex puteo abyssi» почему-либо окажется неподходящим для «Аполлона», то прошу его переслать от моего имени в «Русскую Мысль» на имя Струве[7] – лично, а те из стихов, что переданы Анаст<асией> Ник<олаевной> Чеботаревской, вернуть ей.

Адрес мой в Париже постоянный, и летом едва ли я куда-нибудь уеду.

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

P.S. Пожалуйста, вышлите мне, не откладывая, гонорар за те статьи и авансом плату за принятые стихи. Мне это очень важно. Необходимо.

[1] Согласно записи Лозинского в регистрационном журнале «Аполлона», упоминаемое письмо было отправлено 3 ноября 1914 г.: «*М. Волошину* – пр<осьба> о стихах» (Архив М.Л. Лозинского).

[2] Первоначальная редакция стихотворения («Из звездной бездны внутренних пространств...», 10/23 апреля 1915 г.), опубликованная под заглавием «Аполлион» в книге Волошина «Anno mundi ardentis 1915» (М.: Зерна, 1916. С. 47–51). См.: Т. 2 наст. изд. С. 608–610.

[3] См. примеч. 7 к п. 115.

[4] См. п. 89, примеч. 2; п. 105.

[5] Об этом Ан. Н. Чеботаревская известила Волошина в письме от 16/29 марта 1915 г. (М.А. Волошин и Ф. Сологуб / Публ. В.П. Купченко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л.: Наука, 1976. С. 153). Ср. недатированное письмо Чеботаревской к Маковскому: «...посылаю Вам для “Аполлона” по поручению Ф.К. <Сологуба. – *Ред.*> только что полученный цикл стихотворений М. Волошина, находящегося сейчас в Париже в очень стесненном материальном положении. Адр<ес>: Paris 60, Rue de la Tour, chez K. Balmont» (ГРМ, ф. 97, ед. хр. 55).

[6] Подразумеваются статьи «Чему учат иконы?» и «Памяти Н.Н. Сапунова», опубликованные в «Аполлоне» в 1914 г., соответственно, в № 5 и в № 4. Маковский отвечал 2/15 мая 1915 г.: «Гонорар и за прежние статьи и за стихи я направлю Вам черезЛионский кредит. Всего выходит 70 рублей (без копеек). Что до Вашего предложения написать о парижских художниках, то, разумеется, я горячо приветствую его и буду ждать с нетерпением обещанных заметок: может быть, они выльются в ряд Ваших “писем из Парижа”?» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 474).

[7] П.Б. Струве с 1907 г. – редактор-издатель «Русской Мысли» (первые три года совместно с А.А. Кизеветтером).

120. А.М. ПЕТРОВОЙ

16/29 – 17/30 апреля 1915 г. Париж

29/IV 1915. 60. Rue de la Tour. Paris .

Дорогая Александра Михайловна,

наконец-то пришло от Вас письмо.[1] Я уже ждал, ждал и решил, что Вы меня совсем прокляли и отлучили. А Вы еще жалуетесь, что много времени уходит на писание писем мне и Пешковскому. Не знаю, что и сколько пишете Вы Пешковскому, но мне Вы написали только первое письмо (если не считать проклинающей открытки).[2]

В письмо это я влагаю целую кипу новых стихов.[3] Все, отмеченные карандашом крестиком, пожалуйста, пере-

шлите, когда прочтете, маме, потому <что> она еще их не знает: я их написал только что. Обратите внимание на «Ex puteo Abyssi» («Из кладезя бездны»).[4] Там мой основной взгляд на войну. Но там точка зрения взята настолько отдаленная, что даже и борющихся не видно. Конечно, когда подойдешь к борьбе рас, она станет другой, а на поле сражения — еще другой.

Самое страшное для меня в настоящей войне — ложь и то, что все говорят одно и то же. Все сделано, чтобы ожесточить обе стороны. Прекрасно помню, как в первую же неделю августа в немецких газетах (сам читал) появилось известие, что пойманы три французских врача, отравлявшие воду холерными бациллами в водопроводе какого-то немецкого города. Через три дня в той же газете было и опровержение. Но опровержения уже никто не заметил. Дело было сделано, и уже сотни тысяч шли мстить за такую подлость. То же было и с известием, что бельгийские девушки отрезали уши и выкалывали глаза немецким раненым, потом, что русские казаки отрезали указательные пальцы всем мальчикам, чтобы они не могли, вырастя, быть солдатами.[5]

Все это, конечно, писалось нарочно, чтобы разжечь солдат. Ну и разожгли. Они стали мстить за то, во что поверили. Тогда за их зверства начали и им отвечать зверствами. И пошла месть на месть расти в геометрической прогрессии. Кто начал? Не солдаты. Начала ложь. Ложь, лежащая в основе всего современного военного дела, тактики. А образец ей дали, конечно, немцы. Единственное, что могли бы сделать люди для того, чтобы остановить эту растущую ненависть, — это не говорить о совершенных жестокостях; есть вещи, о которых надо молчать. Одно — самому увидать замученных и покарать за них непосредственных виновников (вспомните рассказ Генерала в «Трех разговорах» о башибузукской кухне).[6] Другое — читать о жестокостях в газетах или в рапортах и карать за них вообще представителей враждебной расы. Это начали делать — возвели в принцип — немцы. Но все стали им подражать. Я знаю здесь от солдат, от раненых, что и французы

мстят жестоко, и бельгийцы «не берут пленных». Теперь не время об этом говорить. Но это я и называю подражанием немцам. На понижение морального уровня можно отвечать только его повышением. Но, увы, отвечают часто тем же самым. Разве исключение немецких ученых из ученых обществ и академий,[7] ничего общего с враждой государств не имеющих, — не прямое подражание немцам? Разве переименование Петербурга в Петроград — не подражание немцам?[8] И это пока. А после войны начнется еще больше. Немцы обнаружили громадную силу дисциплины — и Вы увидите, как пойдут все их путями и в промышленности, и в военном деле. Нет — мой антагонизм с немцами и немецким духом гораздо глубже. Для меня прежде всего враждебно то, чем они гордятся больше всего и за что их в Европе уважают, несмотря ни на что, — дух организации, — но организации внешней, машинной.[9]

Штейнеровское учение о расах, т.е. о том, что теперь наступает эпоха главенства Германской расы, которая сменится VI расой — славянской — я принимаю.[10] Но думаю, что свое высшее проявление Германская раса получит в *англосаксонском племени*, т.е. в том, где она смешалась со старыми кельтами, а не в *прусском*, где она смешалась со славянами, в смесях, не дающих сильного типа (пример — современ<ные> Греки, которые полуславяне). Славянам и теперь естественно быть в оппозиции Германскому духу и нуждаться в нем. Нам была необходима механически-внешняя немецкая государственность, чтобы охранить свой неугасимый моральный мятеж и дать ему оформиться в стенах чуждой скорлупы. Но наш дух требует прежде всего, чтобы каждый закон был дан не извне, а был внутренним порывом собственной воли. Одно славянство несет в себе силы, которые смогут преобороть соблазн машинной и технической культуры.

Единственное желание — определенное и ясное, которое у меня есть в этой войне, — это чтобы Константинополь стал русским.[11] Что это внесет в Россию — страшно думать. Весь острый яд Византии войдет в ее кровь. Но это надо, и

нельзя иначе. Этим Петербургский период русской истории органически заканчивается.

«Окно в Европу»[12] теряет всякий смысл, когда раскрываются целые ворота. Это перенесение центра тяжести к югу (и востоку) — самое радостное и желанное. Центральная область после взятия Константинополя не сможет остаться в Петербурге. Ее перетянет в Москву, а может, и в Киев. А это меняет весь смысл Русской истории. Помните, что говорил Тютчев о Польше и России:

А помирятся эти две
Не в Петербурге и в Москве,
А в Киеве и в Цареграде.[13]

Кроме того, конечно, глубоко радуюсь за Черное море и Феодосию, которая опять задышет всею полнотой своего исторического значения.[14]

Но я совсем не собирался писать Вам о политике и не выдержал.

Рассказа Алиханова я не читал[15] — если у Вас сохранился — пришлите. Очень любопытно. Но негодовать я заранее не склонен. (На себя ведь в «Двух жизнях» тоже не негодовал — а там был даже назван по имени.)[16]

Оказывается, уже поздно. Скоро час ночи. Ложусь пока спать. Кончу завтра. Покойной ночи.

30/IV. 1915.

Вчера некогда было писать. Хочу сейчас скорее дописать, чтобы послать Вам это письмо, главным образом стихи.

Но надо еще кое-что сказать: нет, немцы не «взбунтовавшаяся чернь человечества».[17] Они только дальше других пошли по дорогам *машинного* соблазна. Опередили остальных Европейцев на несколько шагов вниз. Но после войны их догонят — будьте спокойны. Сейчас во всей Европе ни у кого нигде нет ни малейшего представления о том, что нравственное падение Германии именно в ее прямолинейной идеализации индустриализма, что «организационный гений», которым немцы гордятся, — это первое требование

демонов машин, которые для собственного бытия должны перестроить человеческое общество по своему образцу.[18]

Единственная надежда — в дальнейших веках, это что славянство в себе преодолеет соблазн этот.

И Англия и Франция со своим государственным строем не смогут пойти *против* этих демонов. Они, конечно, менее прямолинейно подчиняются, но подчинены. И Россия подчинена, поскольку она «Европейское» государство. Ее спасение от них придет, конечно, только изнутри — из религиозного сознания.

Вот в Константинополе и в его будущей роли как третьей столицы России (национально-промышленная — Москва, административная — Петербург или та, что займет его место, — мне кажется, что это будет именно Киев, благодаря тому, что с Константинополем (и Галицией) вновь возникает основная географическая ситуация Киевского Княжества времен Ярослава),[19] так в Константинополе я вижу прежде всего религиозный центр для России — именно там вижу моральное кипение, из которого выплавится нравственный лик Славянства. Теперь его нет — есть все элементы — но *Лика* еще нет. Мы до сих пор знаем только пророческие предвидения его.

Я очень буду ждать подробных слов о посылаемых стихах. А желание «развоплотиться»[20] — в реальной жизни оно оказалось молочной диетой, и я развоплотился на 15 фунтов — это весьма приятно.

Нюша едет в мае с Бальмонтом в Россию[21] (не верите — они с октября едут).

Цеппелины устраивают великолепные фейерверки (см. стихотворение) над Парижем.[22] Мы любовались на них в слуховое окошко, и весь «бой» в воздухе был у нас на глазах.[23]

О себе напишу в другой раз подробнее. Отвечайте поскорее. Напишите как можно подробнее все о Конс<тантине> Феод<оровиче>.[24] Я совсем ничего о нем не знаю. Привет всем друзьям.

Max.

[1] Речь идет о письме А.М. Петровой от 17 марта 1915 г., в котором она замечала: «Очень, очень рада, что Вы, наконец, в Париже, что написали такие прекрасные стихотворения! Но с рассуждениями Вашими никак не могу согласиться во многом. Поэтому все никак не соберусь писать-отвечать. Сказать вскользь: Вы и возобновившаяся горячая переписка с Пешковским (радуюсь очень) буквально меня удручаете: ведь нужно отвечать трактатами, а тут такое время!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 33–33 об.).

[2] См. примеч. 1 к п. 109.

[3] Предположительно Волошин выслал Петровой стихотворения: «Цеппелины над Парижем», «Париж, Царьград и Рим — кариатиды...» (позже получившее название «Lutetia Parisiorum»), «Весна» (упомянуто в ее письме от 14 июня 1915 г. под названием «Мы дни на дни»), «Ex puteo Abyssi» («Из кладезя бездны», позже озаглавленное как «Аполлион» — см. ниже примеч. 4), «Петербург», посвященное Бальмонту (8 февраля 1915 г.).

[4] Указанное Волошиным стихотворение написано 10/23 апреля 1915 г. О нем см. также п. 125. В 1923 г. Волошин переработал стихотворение «Аполлион» в поэму «Война» для цикла «Путями Каина». См. Т. 2 наст. изд. С. 39–43, 608–611, 652–653.

[5] О распространяющихся слухах о жестокостях войны см. также фрагмент из письма Волошину А.Н. Ивановой от 29 октября (н.ст.) 1914 г. (примеч. 6 к п. 99). См. также п. 107.

[6] Речь идет о книге Вл. С. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями» (СПб.: Тип. СПб.: Ун-та «Труд», 1900). В «Разговоре первом» один из персонажей рассказывает о резне, учиненной турками в армянском селении во время Русско-турецкой войны. См.: *Соловьев Вл.С.* Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 660–664. Башибузуки – солдаты нерегулярной конницы в Турции XVIII–XIX вв.

[7] Вероятно, Волошин откликается на так называемую «войну манифестов» — коллективных меморандумов ученых различных стран в защиту своих правительств, которая разразилась осенью 1914 г., была начата англичанами и подхвачена остальными корпорациями ученых, в том числе и в России.

[8] 18 августа (ст.ст.) 1914 г. Петербург был переименован в Петроград.

[9] В письме от 17/30 марта 1915 г. Петрова категорически не соглашалась с Волошиным: «Не соглашусь, что после войны, что бы ни было, мир поднимать германцам. <...> Неужели Вы не понимаете того грандиозного значения (и для маленьких народов), морального

значения, которое заключается в союзе (верю!) Англии с Россией? (не с Францией, а с Англией). Для меня лично, несмотря на все тягости, радость видеть исполнение заветных мечтаний: победоносной борьбы Славянства с Германизмом, да еще об руку с Англией. Не говорю о Царьграде. Что работаете – хорошо. Но как-то ближе, теплее было бы видеть Вас хотя бы где-либо при лазарете хоть на минуточку, Бог с Вами; но лучше было бы, если бы Вы проще были. Разве не чувствуете этого? Простите! Время совершенно особое, “не до себя”. Очень, очень чужды все, кто не со всеми» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 33–38 об.).

[10] Отдельные положения этого учения Р. Штейнера, в изложении А.Р. Минцловой, были зафиксированы Волошиным в дневнике «История моей души», запись от 19 июня 1905 г. (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 206).

[11] Идея присоединения Константинополя – первой столицы христианской Византии – к России, отстаивавшаяся славянофилами и Ф.М. Достоевским, стала популярна с началом Первой мировой войны.

[12] «Окно в Европу» – образ из вступления к поэме А.С. Пушкина «Медный всадник» (1834), восходящий к итальянскому писателю Франческо Альгаротти (1712–1764) в своих «Письмах о России» (1739) сформулировавшего: «Петербург – это окно, в которое Россия смотрит на Европу».

[13] Неточная цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Тогда лишь в полном торжестве...» (1850).

[14] Мысль о необходимости вернуть Крыму связующую роль на торговых путях между Европой и Ближней Азией Волошин позднее изложил в статье «Культура, искусство, памятники Крыма» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 66–79).

[15] Речь идет о рассказе А.Н. Толстого «В гавани» (Русские Ведомости. 1915. 1 февраля), где он в карикатурной форме изобразил феодосийца П.Н. Лампси («Вакх Иванович»), М.И. и А.И. Цветаевых («Додя» и «Нодя»). Об этом рассказе с возмущением писала Петрова: «Какую гнусную выходку позволил себе Алексей Ник<олаевич> по отношению к Пете Лампси. Все мы здесь возмущены до глубины души его нравственным падением. Я уверена, что ему нужна была какая-нибудь сторублевка, и он вытащил из портфеля этот дрянной фельетонишко. Можно поздравить его с колоссальным успехом в Феодосии, à la “Дядя Яша”, и среди московского студенчества, где масса феодосийцев. Я спрятала эту дрянь для Вас. Или читали? “Додя” и “Нодя”, т.е. Марина и Ася, сами огрызнутся, ну а Петя, правильно – презирает» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953). Упоминается Яков Григорьевич Соскин (?–1929), крымский журналист и

поэт-юморист по прозвищу «дядя Яша». На просьбу Волошина Петрова отозвалась в ответном письме от 14 июня 1915 г.: «Толстовской грязули Вам не пошлю — не стоит» (*Там же*).

[16] «Две жизни» (1910) — первый роман А.Н. Толстого, который был опубликован в альманахе «Шиповник» (СПб., 1911. Кн. 14 и 15). Одним из действующих лиц романа был поэт-декадент Макс («толстенький человечек с большими волосами и бородой, одетый в куртку и зеленые чулки»), живущий в Париже и изъясняющийся так: «В теперешнем бытии я только поэт, но помню иные личины: например, кто из нас не был собакой или фараоном» (*Толстой А.Н.* Полн. собр. соч. М.: ГИХЛ, Т. 2. С. 556 — 557). Позднее А.Н. Толстой дважды переделывал роман, и вторая часть, где фигурировал поэт Макс, была фактически опущена. В 1924 г. в окончательной редакции роман получил название «Чудаки».

[17] Цитата из письма Петровой от 17 марта 1915 г.

[18] О «демонах машин» и их пагубном влиянии на европейскую культуры Волошин писал и в письме к Е.О. Кириенко-Волошиной (см. п. 107), а также в статье «Демоны разрушения и закона», 1908 (см.: Т. 3 наст. изд. С. 237—259). Сохранились также наброски к статьям с характерным названием «Демонизм машины» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 599—604, 935), «Демоны машин» (*Там же*. С. 667—669, 978). Позднее эта тема развивается в цикле «Путями Каина» (1921—1923). См. также п. 158.

[19] Отклик Волошина на рассуждения Петровой из письма от 17/30 марта 1915 г.: «В первый момент объявления войны я несколько дней подряд хваталась за голову: — “да, он с ума (Вильгельм) сошел!” — “да, они с ума сошли!..” до того ясна была сразу вся катастрофичность для них этой сверхнахальной затеи. До жалости к ним же, дуракам. Теперь их не жалко. Это <...> взбунтовавшаяся чернь человечества; в отношении России — Евангельские “свиньи” <...>. Гнев наш, и справедливый гнев — не есть ненависть <...> Дитя мое, чувствуете ли, что с утверждением в Царьграде (для меня это слово так полно значения, что другое имя органически не произносится) заканчивается весь цикл территориальной истории России? Начинается новая эра, с обращением всех духовных сил вовнутрь. Ведь это не “завоевание”, а законное наследие, без которого база без фундамента была. Какова судьба: Англичане и Французы проталкивают для нас сами истлевшую пробку, которой некогда с таким страхом нас закупорили» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953). При Ярославе Мудром (978—1054), великом князе Киевском (с 1015 г.), Киевская Русь достигла значительного расцвета и международного признания.

[20] Ироническая отсылка к финалу стихотворения «В эти дни»: «В эти дни душа больна одним / Искушением – развоплотиться» (Т. 1 наст. изд. С. 223).

[21] В письме от 17/30 марта 1915 г. Петрова спрашивала Волошина: «Что Анна Николаевна? Ведь она тоже осталась в Париже, как и Бальмонт. Самый сердечный привет ей. Что она думает? Как реагирует на события» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953).

[22] Речь идет о стихотворении «Цеппелины над Парижем» («Ночь весеннего равноденствия», 18 апреля 1915 г.). См. п. 105, примеч. 3. Германия стала первой в мире страной, имевшей воздушный военный флот (первый специальный военный цеппелин был построен в 1909 г.). Во время Первой мировой войны дирижабли-цеппелины совершали воздушные налеты на побережье Англии, на Лондон и Париж. Петрова писала Волошину: «Теперь каждый раз, задним числом пугаюсь за Вас лично тоже, когда читаю в телеграммах о налетах “Цеппелинов” на Париж. Кажется, они тоже впечатление там всюду производят, как бомбардировки у нас: раздражение против нахальства, а не страх» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953).

[23] Волошин был свидетелем налета двух немецких дирижаблей на Париж 8 и 21 марта 1915 г. (Труды и дни. С. 366). См. также его статью «Цеппелины над Парижем» (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 522–524, 816).

[24] К.Ф. Богаевский.

121. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

20 апреля / 3 мая 1915 г. Париж

3/V* 1915.

Милая мама,

только что получил твое письмо от 4/IV, где ты жалуешься, что я стал тебе редко писать:[1] а как раз после этого письма о цеппелинах у меня был еще больший перерыв в письмах, кажется: я держал долго диету, была полоса рисования, потом полоса стихописания и в то же время меня еще запутали в дела русс<ких> художн<иков> в Париже.[2]

---

* *В автографе описка:* VI.

Все стихи, написанные за это время, я послал Алекс<андре> Михайловне,[3] с тем чтобы она по прочтении пересылала их тебе в Коктебель. А ты ей в свою очередь дай, пошли те стихи, что я посылал тебе раньше (кроме стихов о войне и современности).

В Коктебель я пока написал тебе только две открытки — письмо это первое.[4]

За это время я виделся несколько раз с дядей Колей.[5] Он был очень сильно и опасно болен «рожей», но теперь (уже давно) совершенно поправился. По-прежнему молчалив. Стал совсем белым. Вчера угощал меня завтраком. Удивлялся весьма тому, что я не пью вина, и тому, что у меня нет детей. Даша[6] несла не умолкая всякую чепуху.

Между прочим, что они получили приглашение быть парижским корреспондентом Феодосийской газеты и т.д.

Весна в Париже давно наступила. Деревья давно покрыты густою зеленью. Днями бывает совсем жарко и в то же время ни вне, ни внутри нет никакого расцвета. Я никогда не переживал такой тяжелой, волнующей и пустой внутри весны. Или это у меня совпадает сейчас с тем мучительным душевным состоянием, когда обрывается период увлечения одной работы и еще не начался другой.

Совсем не понимаю, почему тебе так не нравится мой сонет о Петербурге.[7] Ты, вероятно, совсем не помнишь «Les soirées de St. Petersbourg» Жозефа де Местра.[8] Если ты их не читала — то прочти. Они у меня есть и стоят среди книг в моей верхней комнате — желт<ое> франц<узское> издание in-16. Не помню сейчас, на какой именно из полок, но там же, где книги Barbey d'Aurevilly.

Де Местр гениальный писатель и из рус<ских> его можно приравнять к Вл. Соловье<ву> и Леонтьеву, хотя он совсем иной. Я думаю, он увлечет тебя. Мне помнится, что он стоит скорее слева и довольно высоко. Но не ручаюсь.

Что у нас в доме и в саду делается? С весною у меня тоска по Коктебелю подымается. Но мне вернуться нет возможности. Один путь стоит теперь 500 fr. Да кроме того мне надо работать здесь в библиотеке. Бальмонт с Нюшей

думают ехать в половине мая. Не очень верю в их отъезд. Но возможно, что они и уедут.[9]

Мне бы хотелось дожить в Париже до конца войны, чтобы видеть тот громадный «détente»,* что произойдет после такого долгого и напряженного сжатия, которое длится с самого начала войны. Это будет совершенно единственный момент в жизни Парижа. А потом вернуться в Крым через русский Константинополь (единственное, о чем я мечтаю для России).[10]

Напиши мне подробнее о Богаевском. Я совсем ничего не знаю о нем, кроме того, что он стоит где-то в Крыму со своим полком.[11] Но его душевное состояние?

Пока до свиданья. Крепко целую тебя.

МАХ.

[1] 4/17 апреля 1915 г. Е.О. писала Волошину: «Наконец-то, милый Макс, пришло письмо от тебя, помеченное 23/III, с описанием набега цеппелинов на Париж, но, ведь, последняя открытка твоя была от 6/III, значит, ты целых 17 дней ничего не писал мне, и это молчание твое очень беспокоило меня последнее время. <...> По описанию твоему набега цеппелинов – это поразительно красивое зрелище. Я также забралась бы на чердак посмотреть на них и не сидела бы в подвале» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 28–28 об.). Упоминаемое письмо Волошина от 10/23 марта 1915 г., вероятно, не сохранилось.

[2] Волошин участвовал в организации комитета для распределения денег среди русских художников в Париже, собранных на аукционе объединения «Мир Искусства».

[3] А.М. Петрова. См. п. 120.

[4] Е.О. выехала из Москвы в Феодосию 14/27 апреля 1915 г. Из упомянутых двух открыток, отправленных в Коктебель, в подборке писем Волошина к Е.О. сохранилась одна (п. 118).

[5] Н.О. Глазер.

[6] Д.В. Глазер.

[7] 4/17 апреля 1915 г. Е.О. писала Волошину о своих впечатлениях от присланных им новых стихотворений (см. п. 112; п. 116, примеч. 3, 4; п. 111, примеч. 2): «Мне очень нравится Портрет Баль-

* Ослабление напряжения, разрядка *(фр.)*.

монта, Париж, Реймская Богоматерь, все начало Воскресения мертвых (первая половина), и совсем-совсем не нравится “Петербург”».

[8] Религиозно-философское сочинение Жозефа де Местра «Санкт-Петербургские вечера, или Беседы о временном правительстве Провидения» («Les soirées de Saint-Petersbourg ou Entretiens sur le gouvernement temporel de la Providence», 1821). См.: *Местр Жозеф де.* Санкт-Петербургские вечера / Пер. с франц. и примеч. А.А. Васильева под ред. А.Г. Терехова. СПб.: Алетейя, 1998. Образ Ж. де Местра воссоздан в стихотворении Волошина «Петербург» (Т. 2 наст. изд. С. 417).

[9] См. примеч. 5 к п. 115.

[10] Е.О., сообщая Ю.Л. Оболенской о получении этого письма Волошина, отмечала (17/30 мая 1915 г.): «Собирает<ся> осенью с окончанием войны вернуться в Коктебель через *русский* Константинополь» (РГАЛИ, ф. 2080, оп. 1, ед. хр. 21).

[11] См. примеч. 5 к п. 96.

122. А.Н. БЕНУА

20 апреля / 3 мая 1915 г. Париж

Многоуважаемый Александр Николаевич,

несколько дней назад я по поручению левобережных художников[1] отправил Вам письмо с некоим г-ном Пентманом (прив<ат->доц<ент> Базельского Университ<ета>), направляющимся в Россию.[2]

Т<ак> к<ак> возможно, что Вы этого письма еще не получили, то повторяю его содержание: в нем была просьба не высылать никому в Париж тех денег, что собраны на аукционе «Мира Искусства» в пользу рус<ских> художн<иков> в Париже, до тех пор, пока они не успеют сорганизоваться, выбрать Комитет и известить Вас.[3] Теперь же русские художники успели уже объясниться и столковаться с Обществом «De Défense des proffession libereaux»,* выговорить для себя в нем (общество французское) отдельную кассу и выразить свое доверие к его устроителям M-r и M-me Gineste (г-на Тэзи).

---

* «Защита свободных профессий» *(фр.)*.

Так что собранные деньги могут быть направлены туда, на что, кажется, M-me Gineste имеет все права, как начавшая (по ее словам) агитацию в России в пользу этого дела.

Спешу сообщить Вам об этом решении, на мой взгляд, весьма благоразумном, т<ак> к<ак> сомневаюсь, чтобы сами рус<ские> художн<ики> сумели бы что-нибудь организовать помимо этого уже существующего общества.

Недоразумения, возникшие между ними и этим Обществом на почве устройства выставки на Rue Caumartin, теперь улажены и выяснены.

Я обращаю<сь> к Вам, Александр Николаевич, не зная, принимаете ли Вы участие в организации этого сбора; но если Вы совершенно в стороне, то Вы не откажетесь просто переслать мои оба письма тем, кто заведует этим.

Кроме того должен прибавить, что сам я ни в каком Обществе членом не состою и не буду состоять, т<ак> к<ак> слишком хорошо знаю всю безалаберность и нелепость рус<ских> организаций за границей.

Максимилиан Волошин.

3 V 1915.
60 Rue de la Tour. Paris.

[1] Т.е. парижские художники, располагающиеся на левом берегу Сены.
[2] Это письмо Волошина не обнаружено.
[3] См. примеч. 2 к п. 121.

123. М.М. ГАККЕБУШУ

26 апреля / 9 мая 1915 г. Париж

9/V 1915 60 Rue de la Tour. Paris.

Милостивый Государь,

Ан<астасия> Ник<олаевна> Чеботаревская известила меня, что «Биржевые Ведомости»[1] не отказались бы нерегулярно печатать мои фельетоны о художественной и лите-

ратурной жизни Парижа.[2] Я имею предложить Вам следующее: сейчас ни литературной, ни художественной жизни в обычном смысле слова в Париже нет: все литераторы, поэты, художники — в траншеях.

Литература и искусство уже понесли громадные потери, как Вы знаете. Между тем психология, идеалы и искусство того поколения, которое сейчас выносит на себе войну (включая сюда и искусство его непосредственных учителей), в России, сколько я знаю, мало известны. Характер его очень интересен, часто неожидан, им, конечно, будет обусловлена дальнейшая история Франции после войны.

Я, благодаря своей долгой жизни в Париже, знаю это поколение в лице его литературных и художественных представителей довольно близко. За многими следил почти со школьной их скамьи, с другими был дружен. Знал многих из убитых.[3]

Поэтому я предлагаю Вам связную серию небольших статей под общим заглавием «Париж и война»,[4] в которой я постараюсь выяснить черты этого поколения. В нее войдут и картины самого Парижа, и характеристики писателей, убитых на войне, и обзор тех книг и произведений, которые подготовили это поколение. Каждая статья будет отдельным отрывком совершенно самостоятельным.

Посылаемая одновременно статья «Поколение 1914 г.»[5] даст Вам понятие о том, что я хочу сделать и с какой точки зрения подхожу к данным явлениям: мне интересен психологический и исторический смысл явлений, а не политический. Она — предисловие к предполагаемым статьям.

Мои условия:

1) Неприкосновенность моего текста и возвращение неиспользованных рукописей.

2) Высылка газеты.

3) Гонорар — 10 коп. за строку.

4) Известная ежемесячная сумма на покупку нужных для работы и книг, и журналов, т<ак> к<ак> всего того, что мне будет нужно, я теперь не смогу иметь в библиотеках, и проч<ие> расходы, связанные с такой работой. Сумму

эту я предлагаю определить Вам самим: что-нибудь около 100 franc. в месяц.

Ввиду медленности почтовых сообщений не откажитесь мне ответить телеграммой.[6]

Адрес: Paris. 60 Rue de la Tour. Volochine.

Максимилиан Волошин.

[1] Об этом см. примеч. 8 к п. 113.

[2] «Биржевые Ведомости» (1861–1917) – российская ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, выходила в Петербурге.

Волошину рекомендовал обратиться к М.М. Гаккебушу А.Н. Толстой: «О тебе я говорил с Гаккебушем (Биржевые), кажется, он склонен просить тебя присылать корреспонденцию из Парижа; говорил и с ред<актором> новой газеты “Голос Земли”, они тебя хотят, и если еще не пригласили, то в корресп<онденты> пригласят» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1188, л. 22).

[3] Отдельных представителей французского художественного мира, погибших в годы Первой мировой войны, Волошин называет в статье «Поколение 1914 г.» (см. примеч. 5).

[4] Цикл из девяти статей Волошина под этим общим заглавием был опубликован в газете «Биржевые Ведомости» в период с мая 1915 г. по март 1916 г.

[5] Первая статья цикла «Париж и война» была опубликована в утреннем выпуске «Биржевых Ведомостей» 15 мая 1915 г. (№ 14843. С. 3). См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 487–491.

[6] Сохранилась ответная телеграмма, адресованная Волошину в Париж, датируемая 29 мая (н.ст.) 1915 г.: «Предлагаем десять копеек за строку. Просим писать ежемесячно от пяти до семи раз. Письмо с инструкциями следует. Привет – Гаккебуш БиржВедомости» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 385, л. 3. Оригинал по-французски).

124. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

30 апреля / 13 мая 1915 г. Париж[1]

13/V 1915.

Милая мама, получилась сегодня твоя открытка от 15/IV с дороги.[2] Ты, значит, не получила в Москве еще одного большого письма и открытки.[3] Чтобы не забыть –

просьба: пожалуйста, пришли мне сюда 10 экземпл<яров> моей книжки стихов.[4] Они стоят на внутреннем балконе на нижних полках или тех, что внизу стеклян<ной> перегородки – ближе к внутреннему углу, или там, где уже книги. А б<ыть> м<ожет>, на самом верху, где полки с книгами. Я не помню – но наверное в этом углу. Обвяжи веревочкой по 5 экземпляр<ов>, оберни бумагой и вышли двумя бандеролями (заказными). Там, верно, есть еще и другие экземпляры моих книг (статей С<ен->Викт<ора>).[5] Если тебе понадобится – возьми. Но не дари никому без меня – их очень мало, и я нарочно их сохранил на всякий случай. А стихов у меня много, а мне надо здесь ряду знакомых подарить.

Очень грустно за тебя, что ты будешь жить все лето совсем одна.[6] Я тоже, очевидно, останусь скоро в полном одиночестве в Париже. Но для меня это лучше в смысле работы. Да и нет денег на дорогу. А здесь между тем, кажется, наладится работа: по-видимому, «Бирж<евые> Ведом<ости>» согласны меня печатать. Я туда уже послал пробные статьи и стихи. Так что, имея пустую кварт<иру>, смогу просуществовать. Хочется скорее получить от тебя вести из Коктебеля. Ты, верно, будешь все лето у меня в мастерск<ой> жить? Приехали ли Юнге? Напиши подробности о бомбардировке Киик-Атламы.[7] Намечаются ли жильцы на лето? Что Аладин?[8] Крепко тебя целую.

MAX.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Paris. 14.5.15; Феодосия. 31.5.15.

[2] 15/28 апреля 1915 г. Е.О. писала Волошину, следуя из Москвы в Феодосию: «...не дождалась я от тебя еще одного письма в Москве. Последнее было давно, с описанием набега цеппелинов на Париж» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 29).

[3] Имеется в виду п. 116. Открытки, отправленные Волошиным в Москву после 10/23 марта 1915 г., в подборке его писем к Е.О. отсутствуют.

[4] Книга Волошина «Стихотворения. 1900–1910» (М.: Гриф, 1910). 26 июня / 9 июля 1915 г. Е.О. сообщала Волошину: «10 экз<емпляров> твоих стихов давно отправлены заказной бандеролью» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 39 об.).

[5] Т.е. экземпляры книги П. де Сен-Виктора «Боги и люди» в переводе Волошина.

[6] Отклик на слова из письма Е.О. от 15/28 апреля: «Очень мне грустно возвращаться в одиночку в пустой дом, да к тому же никто из знакомых не собирается приехать это лето в Коктебель; только Марине <М.И. Цветаевой. – *Ред.*> очень хочется, но она еще наверно не знает».

[7] Киик-Атлама – минная станция в Двуякорной бухте Коктебеля.

[8] Кличка пса-сеттера, появившегося в доме Волошина в 1914 г. 26 апреля / 9 мая 1915 г. Е.О. писала Волошину: «Дома застала все в порядке. Алладин жив и красив; рыжий, шелковистый, с пушистым хвостом» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 31).

125. А.М. ПЕТРОВОЙ

1/14 мая 1915 г. Париж

Дорогая Александра Михайловна, только что получил Вашу открытку,[1] письмо же получил раньше и сейчас же ответил на него с приложением целого пука новых стихов.[2] Получили ли? Очень жду ответа и подробного впечатления о стихах.[3] Перемените в большом стихотворении заглавие на «Apollyon» (Аполлион).[4] Поставьте эпигр<аф>: Апокал<ипсиса> IX[5] и измените первые строки так:

«Из звездной бездны внутренних пространств
Раздался голос, возвестивший:»

И дальше в строке: «*Черви* глотали молнии» – поставьте «*Змеи*»...[6]

Когда ответите мне, я пришлю Вам еще стихов. Я пишу много. То, что переживаю и думаю о войне, не могу писать прозой – должен писать стихами. Видели ли маму, когда она приезжала? Как нашли ее?[7] Напишите подробнее. То, что пишете о Костеньке, – я так и думал.[8] Но не думал, чтобы

он совсем запретил себе касаться карандаша. И печалюсь, и глубоко удивляюсь ему, как всегда. Только так и можно быть настоящим большим мастером.

Нюша только что ездила к Аморе[9] — она сейчас поехала отдыхать в Locarno.[10] Она по-прежнему в круге немецкой версии войны, из которого нет выхода. Нюша в конце мая едет с Бальмонт<ом> в Россию.[11] Приветствует Вас. Я остаюсь в Париже один. Все знакомые скоро разъедутся. Я радуюсь этой летней тоске, всегда связанной с усиленной работой.

Привет Жозеф<ине> Густав<овне>, Нине Алек<сандровне>, Лере, Полуэктов<ым>.[12] Очень жду письма от Вас. Буду отвечать быстро и аккуратно. Хотелось бы больше и подробнее теперь говорить с Вами.

Max.

[1] Речь идет об открытке А.М. Петровой, которую она отправила Волошину в ответ на п. 109. Петрова продолжала спорить с Волошиным по поводу отношения к войне и к немцам: «Я на немцев не могу смотреть по-телячьи и полна омерзения и ненависти к их духу. Теперь — все силы на борьбу, на отстаивание святынь, а рассуждать потом будем» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 39).

[2] См. примеч. 3 к п. 120.

[3] Петрова откликнулась на высланные ей стихи Волошина в письме от 14 июня 1915 г., которое Волошин получил только в октябре 1915 г. (см. п. 167): «Как прекрасны все Ваши стихи! Сначала мне не понравились некоторые ("Цеп<пелины> над Парижем", "Париж", "Царьград и Рим"), но потом я раскусила, и в полнейшем восторге. <...> Костенька <К.Ф. Богаевский. — *Ред.*> читал все их. Ему очень понравились, особенно "Apollyon" и "Мы дни на дни". Некоторые считает не новыми для Вас. И я — туда же. («Бальмонту», напр<имер>, хотя оно великолепно само по себе). Читая вместе "Петербург", мы позабавились на Ваш счет по поводу рифм <...>. Объясните, кстати: кто говорит с гр<афом> Де Местр? Не Пушкин? Мне тяжело, что Вы не желаете нести чувства ответственности теперь, сдерживаясь от естественного и *святого* чувства гнева, чувства презрения к врагу (к такому именно врагу). К чему эти перчатки аспекта, историчности при подходе к животрепещущему современному? Глубоко понимаю Вас, что Вы "при Париже", так сказать, чувствуете своим долгом состоять в эту тяжелую годину (хотя скорблю,

что не в России). Глубоко понимаю, что не можете высказываться иначе о текущем, как в стихах. Но не перемудряйте; сущности проще, чем мы думаем. <...> В "Apollyon" внесла сейчас же поправки, очень изменившие к лучшему, к подлинному выражению. Стихов жду с *нетерпением*» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 40 об., 43 об.).

[4] Это стихотворение было выслано Петровой под заглавием «Ex puteo Abyssi» («Из кладезя бездны»). См. примеч. 4 к п. 120.

[5] Эпиграфом были взяты перефразированные строки из «Откровения св. Иоанна Богослова» (IX, 2, 3, 11): «И открыл он кладезь бездны и вышла саранча... И царем над собою она имела Ангела бездны... Имя ему Аполлион, что значит Истребитель».

[6] Е.О. Кириенко-Волошина вернулась в Коктебель из Москвы 19 апреля / 2 мая 1915 г. Петрова отвечала Волошину 14 июня 1915 г.: «Мама Ваша пробыла у меня проездом дня три. Вся моя желчь против нее из-за Вас улеглась, и я еще больше ее полюбила. Вас я, конечно, защищала, но понимала и ее точки зрения. Слишком Вы оба самобытные натуры. Никогда не уживетесь, хотя и до глубины любите друг друга» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953).

[8] Отклик на сообщение Петровой: «Конст<антин> Феод<орович> приезжал на Пасху и просил очень передать Вам с приветом от него, что просьбы Вашей никакой исполнить не может, – "не до живописи теперь. Как Макс не понимает?" И, правда, как Вы мало понимаете такую натуру, как наш Костенька! Тончайший, глубочайший художник, он уже во второй призыв, весь гражданин-воин, снискивающий себе одно сплошное уважение. "У меня такого вольноопределяющегося, как Богаевский, не было и не будет". Отзыв о нем его ротного кап<итана> Егулова, погибшего в первую голову в этой войне. Работает и теперь без устали и малейшей пощады к себе. Еще значительнее и еще трогательнее стал. А весною инстинкт художника проснулся, но он его раздавил... Исхудал. А до того очень поправился. Письмо Ваше (ко мне) читал, стихи захватил с собою, был уставши и не мог воспринять» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 39).

[9] А.Н. Иванова и М.В. Сабашникова.

[10] Локарно (Locarno) – город на юге Швейцарии, крупный бальнеологический курорт.

[11] Об этом см. примеч. 5 к п. 115.

[12] Ж.Г. Богаевская, Н.А. Айвазовская, Валерия Альфонсовна Гауфлер (урожд. Воллк-Ланевская, 1875–1943), феодосийка, училась в Московской консерватории (оставила занятия из-за туберкулеза), Полуэктовы – Наталья Николаевна и ее дочь Галина Владимировна Полуэктова (1898 – не ранее 1922), поэтесса.

126. С.К. МАКОВСКОМУ

1/14 мая 1915 г. Париж[1]

Многоуважаемый Сергей Константинович,

я послал Вам на днях стихи о войне: «Ex puteo Abyssi».[2] Очень прошу сделать в них следующие изменения: заглавием вместо «Ex puteo Abyssi» поставить

«APOLLYON». И как эпиграф сбоку

«Апокалипс. IX».

Изменить первые 2 строки так:

«*Из звездной бездны* внутренних пространств
Раздался голос, возвестивший...»

(подчеркиваю измененные слова). И дальше во второй части в строке:

«*Черви* глотали молнии» — Черви изменить на «*Змеи*».

Это все поправки.

А.Н. Чеботаревская писала мне, что «Аполлон» принял 4 моих стихотв<орения>.[3] Еще раз прошу, переведите мне немедля гонорар за мои статьи о Сапунове и иконах[4] (еще мне неуплоченный) и за 4 стихотв<орения> (какие именно?) и «Apollyon» (если примете его), сделайте расчет одновременно и теперь же: сейчас очень трудно в Париже приходится.

Сообщите мне что-нибудь о «Ликах Творчества», продаются ли они? Были ли о них рецензии? Я ничего не видел и ничего не знаю.[5]

Надо ли Вам писем об искусстве из Парижа?

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка; датируется по почтовому штемпелю отправления: Paris. 14.5.15.

[2] См. п. 119, примеч. 2.

[3] В недатированном письме к Волошину (написанном после письма Чеботаревской к нему от 16/29 марта и полученном Волошиным после отправления п. 119) она сообщала, что М.Л. Лозинский принял для публикации в «Аполлоне» четыре его стихотворения

(ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1269). В № 4/5 «Аполлона» за 1915 г. были опубликованы стихотворения Волошина «Странник» («Как некий юноша, в скитаньях без возврата...»), «Благодарность» («Склоняясь ниц, овеян ночи синью...»), «Венчание» («Я к нагорьям держу свой путь...»), «Усталость» («Я быть устал среди людей...») (С. 51–53).

[4] См. п. 119, примеч. 6.

[5] См. п. 108, примеч. 7.

127. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

2/15 мая 1915 г. Париж[1]

15/V 1915. Paris. 60 Rue de la Tour.

Дорогая Юлия Леонидовна, посылаю Вам еще целую связку новых стихов. Они неровные и разные. Но обратите внимание на «APOLLYON» и на «Утренние газеты».[2]

Простите, что не писал так давно (на днях получил Ваше второе письмо – от 17/IV).[3] Не писал никому все это время – как-то внутренно был оторван.

Как видите, много – (для себя необычайно много) пишу стихов. Стихи о войне начинают складываться в определенный цикл. Является даже мысль соединить их в отдельную книжку: не теперь – (сейчас по их духу это было бы бестактно, пожалуй), а осенью, когда война начнет издыхать.

Через несколько дней останусь в Париже в полном одиночестве, в пустом доме (Бальмонт уезжает-таки в Россию[4]). Будет летняя парижская тоска. Я радуюсь ей, потому что люблю ее. Нигде не чувствуешь себя таким оторванным и потерянным, как в Париже летом. А теперь, в этот год, он внутренно так необычаен – не мертв, но замер. Все душевные силы отозваны куда-то. Точно рука, зажатая от боли. Но боль не в ней, а в другой далекой части тела. Чувствилище страны, которое вобрало в себя все силы и онемело в напряжении.

Буду здесь летом как <на> скалистом острове, лицом к лицу только с войной, и буду единоборствовать с нею внутри. Мое отношение к войне теперь очень четко, но не подходит ни под какие мерки: я определенно хочу победы

над Германией, определенно стою на стороне союзников. Но в то же время определенно враждебен этой войне (но не войне вообще). Мой враг — демоны машин (истребления и промышленности). Сейчас идет совсем не борьба рас, а их торжество над человечеством. Из этой войны *не* возникнет пересмотра моральных основ Европ<ейской> культуры. Победа над Германией принесет пользу только ей — моральное обновление. Но германская культура мне враждебна не в отрицательных, а в положительных сторонах. Мне внутренно враждебно то, что я уважаю в ней: ее философия, поэзия. Мне и в антропософии неприемлема — вся немецкая форма ее. Мне надо всё предварительно на свой язык перевести. Я много раз насильно старался заставить себя полюбить Германию, и в последний раз теперь — в Дорнахе. Из этого ничего не вышло. Но этой враждебности, конечно, нет места, пока идет война. Но после войны — другое дело. В исторической миссии народов я вижу диаметрально противоположные задачи славянск<ого> и германс<кого> духа. И это по существу не противоречит Штейнеру. Но Штейнер — славянин,[5] работающий над германским миром, — это очень важно. Я принимаю сущность и только формы перестраиваю для своей души.

Пожалуйста, покажите Елисавете Ивановне[6] все мои стихи. Она, верно, огорчена, что я Дорнаху изменил ради Парижа? Теперь я могу себе дать отчет, как тяжело было там в сущности: на всем творческом лежали цепи. Все действительно свое — казалось ересью. Я не мог там написать ни одного стихотворения. Я не осуждаю и не отрицаю — но там мне не место. Я рад, что был там, я очень много вынес. Но оставаться там — мне не было смысла. (Я даже в кинематограф в Базель ходил — а это предел душевного падения).

Мне глубоко жаль Пра, что она будет одна в Коктебеле.[7] Представляю, как сейчас ей одиноко и пусто там. Но в то же время, если бы и была возможность вернуться (дорога стоит теперь 500 fr.!!), то я не вернулся бы. Так страшно повторения прошлого лета. Сейчас в письмах все ясно, близко, понятно между нами. Но как только я буду там, опять начнется без-

выходное и непонятное. Потому что помимо всего того, что можно сказать и объяснить в спокойные минуты, — есть еще что-то, чему нельзя найти никакого определения, и это самое главное. И мама сама не сознает, чего она хочет от меня, когда мы вместе. Мне странно, что с самого моего отъезда из Коктебеля я ни разу ни сам не рассердился, ни в ком не вызвал гнева. Те, с которыми я живу, — мне очень близкие — считают меня очень уживчивым и очень применяющимся ко всему. Отчего же все так безвыходно там, дома? И оттого там парализованы какие-то творческие силы души — там для меня писанье стихов всегда обращается в надрыв. Вы знаете: я в первый раз — теперь, живя с Бальмонтом, могу писать стихи сколько мне хочется и не обрывать полосы писания из страха, что все человеческие отношения окончательно запутаются. Я не хочу обвинять маму — не подумайте этого, но по отношению ко мне, в известные минуты, в ней подымается нечто совершенно вне сознания стоящее, что она ни выразить, ни вспомнить точно потом не может. Встает какое-то безумие. И я совсем, совсем не понимаю, что это.

Потому что именно того разумного, ясного, открытого, решительного человека, которым она бывает всегда, в ней тогда нет. И это мучает безумно, все парализует внутри, готов бываешь на все, чтобы исправить, и только еще больше запутываешь. Но не надо об этом...

[1] Письмо осталось незаконченным и не было отправлено адресату.

[2] См. примеч. 2 к п. 119. Стихотворение «Утренние газеты» («Я пробегаю жадным взглядом...», 12 мая 1915 г.) было впервые опубликовано в книге Волошина «Anno mundi ardentis 1915» (М.: Зерна, 1916. С. 17–18), под заглавием «Газеты». См.: Т. 1 наст. изд. С. 227.

[3] Под «первым» подразумевается письмо Оболенской от 2/15 марта 1915 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 51–52 об.).

[4] См. примеч. 5 к п. 115.

[5] Основанием для этого суждения является место рождения Р. Штейнера (в семье австрийских родителей) — местечко Кралевец в тогдашней Венгрии (ныне на территории Хорватии).

[6] Е.И. Васильева.

[7] Ср. примеч. 6 к п. 124. 17/30 апреля 1915 г. Оболенская писала Волошину: «Пра очень грустила без писем. Наконец при мне получилось одно (о цеппелинах). Уехала она все-таки невеселая, и как-то проживет лето совсем одна в Коктебеле?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 54).

128. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

6/19 мая 1915 г. Париж[1]

Дорогая Юлия Леонидовна, у меня был перерыв, когда я долго никому не писал. Почему — не знаю. Душа безлюдела, а временами была поглощена людьми окружающими.

Еще несколько дней — и я останусь в Париже в полном одиночестве: Бальмонт уезжает-таки в Россию.[2] Другие люди, с которыми здесь жил, тоже разъезжаются. Я люблю пустынную тоску летнего Парижа. Она творческая. Жду ее с нетерпением. В Россию раньше конца войны я не думаю возвращаться. Да и невозможно: ужасно дорого — самое меньшее надо иметь франков 600 для этого. А я совсем без денег, конечно, как всегда. И могу существовать только в Париже. Очень жалею Пра и думаю, что ей будет очень грустно одной этим летом.[3] Но думаю, что нам даже лучше побыть врозь дольше.

Я знаю, что ей грустно без меня очень. Но ведь и присутствие мое ей приносит не радость, а лишь неиссякаемый источник раздражения и негодования. Уж не знаю, как и чем это можно исправить. У меня ужас, что прошлое лето может повториться. Лучше быть розно — тогда отношения становятся ясными, простыми, настоящими — как они должны быть и есть по-настоящему, в глубине. Может быть, за это время что-нибудь во мне и изменится, что так раздражает маму.

Это время я писал снова стихи. Посылаю Вам их. Обратите внимание на «APOLLYON» и «Утренние газеты».[4] У меня постепенно скопляется довольно много стихов, касающихся войны и всего этого года. У меня является даже

мысль, не приготовить ли к осени отдельную книжку «Anno Mundi Ardentis». Как Вы думаете? Будет ли это иметь смысл?[5] Сейчас, пожалуй, это было бы нетактично, но к осени, когда война начнет издыхать или станет совсем нестерпимой, мне кажется, это будет иметь смысл и, вероятно, можно было бы найти издателя.

Вы видели цикл моих стихов в «Рус<ской> Мысли»?[6] «Apollyon'a» я послал в «Аполлон», а «Газеты» пошлю в «Рус<скую> Мысль».[7]

Мне хочется попробовать подойти в стихах к политико-историческим вопросам. Не знаю, удастся ли. Но многое мерещится в этом направлении.

Живопись за стихами опять отошла на задний план. Но она скоро вернется.

Какой необычайный Париж в этом году. Он не мертв, а замер. Все вобрал в себя: огни, радость, жизнь. Внешне тот же. Но все силы отозваны куда-то. Точно руки, зажатые от боли.

Хочется дождаться того момента, когда он вновь расправится и вспыхнет. Но теперь конца войны и предвидеть нельзя...

Перспектива быть совсем одному все лето в Париже меня и манила и немного пугала. Потому что в июле, в августе здесь и в обычное время душно и тоскливо. О Коктебеле я и так все время немного тоскую. Но как раз на днях один мой приятель[8] предложил мне в полное распоряжение свою виллу в Биаррице на самом берегу океана, на скалах — с собственным пляжем. Это больше, чем можно было бы пожелать. И я в июле поеду непременно туда. Я не знаю тех краев Франции, и т<ак> к<ак> это <в> 20 минут<ах> от Испании, то во что бы то ни стало изыщу средства хоть на неделю проехать по ту сторону Пиреней и порисовать те пустыни — они у меня только мелькнули в глазах пятнадцать лет назад, когда я возвращался из Мадрита,[9] и всегда мечтались мне.

Вот текущее обо мне.

Где Вы думаете провести это лето? В Крым не попадете? О болезни Конст<антина> Васильев<ича> я уже знал

из маминого письма.[10] Неужели он будет прикован к Москве все лето?

Что случилось в Москве с Вашей выставкой? Как были приняты Ваши картины?

Об Конст<антине> Вас<ильевиче> мне бы хотелось так много расспросить Вас. Но не решаюсь. Боюсь, что Вам слишком тяжело писать.[11] Я не писал ему. Тоже боюсь. Боюсь сделать бестактность по отношению к Ан<не> Влад<имировне>[12] и внести смуту туда, где все так запутано. Передайте ему, что постоянно думаю о нем.

Все то, что Вы пишете мне о моих стихах, мне было очень ценно.[13] Из маминого письма я понял, что мои стихи, в общем, никому не понравились (когда читались у Жуковских).[14] А «Dies illa tam amara» — и здесь будили протесты — напр<имер>, Бальмонта. А я за него очень стою. Только Алекс<андра> Михайловна[15] его приняла так же, как Вы.

Портрета Бальмонта и «Реймс<кой> Богоматери» — я не послал Вам, потому что они были написаны несколько позже.[16] Посылаю теперь «Бальмонта» — а «Реймс<ская> Б<огоматерь>» — уже напечатана в «Рус<ской> Мысли».

Пожалуйста, покажите все мои стихи Елис<авете> Иван<овне>. Мне очень интересно ее впечатление.[17]

Для меня Антропософское Общество — незакрывающая<ся> рана. Я в последний раз в жизни сделал напрасную попытку полюбить Германию и не оставлял ее, несмотря на войну. И я, пожалуй, соглашусь, что немцы только немногим хуже других европейцев, и только на несколько шагов опередили их на пути машинн<ой> культуры. Но дело в том, что я окончательно убедился в том, что не люблю немцев за их достоинства, а вовсе <не> за недостатки и вовсе не в связи с войной. Мне их положительные качества враждебны внутренно: и в области искусства, и в области мысли. Что тут поделаешь. Душно мне и скучно с ними. Очень добродетели я не люблю. И вот антропософия... По существу все принимаю... Но ведь мне все приходится переводить на свой язык, на свои образы. А для антропософов — это ересь. Мне это нужно для того, чтобы быть свободным и творческим, а они все превращают в догмат и религию. А это не мой путь.

А в то же время я знаю, что и до встречи с антропософией мыслил исключительно в ее категориях и впредь буду мыслить не иначе. У меня с ними даже словесных столкновений никогда не выходило — я ведь весь покладист и терпим, но гнет духовных очень силен и чувствителен. И потом формы, в которые складывается их жизнь, мне совсем не нужны. Но это все не относится к существу — если отбросить все национально немецкое, пресное и безвкусное, в котором они потонули.

Тоже угнетает меня их необразованность — нежелание знать что-нибудь вне лекций и циклов. У всех одни и те же книги, о которых когда-нибудь упомянул Штейнер. И потом глубоко оскорбляет меня этот взгляд на Францию и на латинство — как на низшую расу, почти как на негров. А это есть у всех там. Это все, конечно, национальные мелочи. Но они ведь принимаются многими русскими как нечто обязатель<ное>.

Это все я мысленно отвечаю на Ваши слова, что Елис<авету> Иван<овну> «как громом поразило», что я уехал из Дорнаха в Париж.[18]

Образец героической поэзии Петра Лампси очень хорош и мало уступает чем героическим звукам более знаменитых лир.[19] Я к Вам направил одну рус<скую> даму — жену моего приятеля — франц<узского> художн<ика> Ozenfent из журнала «Elan».[20] Укажите ей молодых петерб<ургских> графиков. Она, верно, в июне у Вас будет — если Вы еще будете в Петерб<урге>. Привет Ек<атерине> Иван<овне> и Феодору Конст<антиновичу>.[21]

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления на конверте: Paris. 19.5.15.

[2] См. примеч. 5 к п. 115.

[3] См. примеч. 7 к п. 127.

[4] См. примеч. 2 к п. 127.

[5] Оболенская отвечала из Казани 12/25 июня 1915 г.: «...у меня в мае гостил К.В. <Кандауров. — *Ред.*> <...> Ваша идея об издании стихов пришлась ему очень по душе (я читала ему их). Вы спраши-

ваете, что думаю я? — боюсь за участь многих мест, хотя бы конца “Apollyon’a”. Очень это сильная вещь, хотя и без того, по-моему, *органического* художества Ваших портретов (первые строки Бальмонтова — сильнее Веласкеза!) и “D<ies> i<lla> t<am> a<mara>”. — “Утренние газеты” в целом мне меньше нравятся (местами очень). Пробуйте издать» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 56).

[6] См. примеч. 7 к п. 127.

[7] Журнальные публикации этих стихотворений не состоялись.

[8] М.О. Цетлин.

[9] Волошин возвратился из поездки по Испании в Париж 9/22 июля 1901 г. (см.: Т. 8 наст. изд. С. 576).

[10] 4/17 апреля 1915 г. Е.О. Кириенко-Волошина писала Волошину: «Юл<ия> Леонид<овна> <...> проводит все дни у Кандауровых, т<ак> к<ак> Кон<стантин> Вас<ильевич> все еще болен: после ангины у него сделалось воспаление уха; не может выходить из дому, посещать устроенную им “выставку картин 1915-го года”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 28). 17/30 апреля Оболенская сообщала Волошину о Кандаурове: «У К.В. в это время была жаба с 40° температурой, мучительная экзема с бессонницею, наконец воспаление уха, грозившее окончательной потерей слуха. Пока все видимо обошлось, и он дня 3 как выходит на воздух <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 54 об. — 55).

[11] Оболенская отвечала 12/25 июня: «Вы пишете, что хотели бы знать многое о К.В., но не решаетесь вопросами причинять мне боль — не бойтесь этого совсем. Я немногословна не от боли, а по привычке говорить о своем только в случае вопросов. <...> В Москве проездом была у К.В. — способствовать его поездке на кумыс (вероятно, в Уфу и в ближайшие дни)».

[12] А.В. Кандаурова.

[13] Развернутый отзыв о новых стихотворениях Волошина содержит письмо Оболенской к нему от 2/15 марта 1915 г.: «...была несказанно рада Вашим стихам, и все померкли в одном: “Dies illa” и т.д. Оно так неотразимо, что даже совестно комментировать. Какая гигантская фреска — “насквозь сияющий кругами медных звуков” — такое абсолютное воплощение, что неразличим переход к “зрению ухом”. Любопытно сравнить это с другими. Вот удивительно красивая ткань мысли “На дно миров” — здесь нет ясновидения и чувствуется местами Знание. (Все-таки очень люблю его — невероятно Ваш — образ “Луч радости на семицветность боли”. — А вот строка со змеей — Бальмонтовская!). Параллель эта меня очень заняла — совершенно по-разному погружаешься в эти образы. “Радужная

пыль" – смотрю, как в кристалл, и вижу без конца "Семицветность боли" – думаю и принимаю. Как странно по временам прорывается Ваша живопись (прежде в Портретах Брюсова, Кузмина) каким-то совсем самостоятельным и очень совершенным искусством. "Военные" стихи. <...> Вы знаете, с Вашими я не сразу ужилась. Начав Вам писать в день получения их, – я считала лучшим "В эти дни", а теперь, когда удалось склеить это мудреное, – "В осенний день", я оценила в нем Вашу своеобразную яркость. <...> "Петербург" Ваш очень красив. <...> "Filiae et filii". Самым очаровательным осталось все же "Зерно". К "Осенним пляскам" – равнодушна – быть может оттого, что всякая сказка во мне живет более греческой» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 51–52). Письмо содержит отзывы о стихотворениях «Dies illa tam amara» («Суд»), «Два демона» («2. На дно миров пловцом спустился я ...»), «В эти дни», «Посев» («В осенний день по стынущим полянам ...»), «Петербург», «Трели» («Filiae et filii!»...), «Осенние пляски» (Т. 1 наст. изд. С. 201–202, 223, 226, 207–208, 205–206; Т. 2 наст. изд. С. 60–62, 407).

[14] О чтении стихотворений Волошина у Жуковских, вероятно, шла речь в несохранившейся части письма Е.О. Кириенко-Волошина, завершенного 5/18 марта 1915 г.

[15] А.М. Петрова.

[16] «Отчего Вы не прислали мне Вашего посвящения Бальмонту (где удивительно начало) и "Реймского собора"?» – спрашивала Оболенская Волошина в письме от 17/30 апреля. См. п. 112, примеч. 7, примеч. 7 к п. 115.

[17] В ответ на просьбу Волошина ознакомить Васильеву с его новыми стихами Оболенская отвечала 12/25 июня: «Я не могла показать их Елис<авете> Ив<ановне>, т<ак> к<ак> ввиду ее отъезда утеряла из виду и весь кружок по возвращении моем из Москвы». («Кружок» – Петербургское отделение Антропософского общества).

[18] В письме от 2/15 марта Оболенская сообщала Волошину о Е.И. Васильевой: «Известием, что Вы в Париже, я как громом поразила Елиз<авету> Ив<ановну>. Я стала снова бывать там, не быв всю зиму: все боялась необходимости принудительно что-то исповедовать...».

[19] Отклик на письмо Оболенской от 17/30 апреля с сообщением: «На диване у К.В. с неделю валялся журнальчик, который я однажды машинально открыла и была потрясена первыми же строками до того, что взглянула сразу на подпись». Далее вклеена вырезка со стихотворением феодосийского судьи П.Н. Лампси «Пробужденье (Из военных песен)»:

Тевтон зажег костры насилья и коварства,
И всколыхнулась Русь и в ширину и вдаль:
От тяжкой нищеты до пышного боярства,
Под знаменьем креста, все закалилось в сталь,
и т.д.

[20] Жена А. Озанфана – Зинаида Федоровна Клинберг (ок. 1885–?).

[21] Е.И. Оболенская, Ф.К. Радецкий.

129. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

7/20 мая 1915 г. Париж

20/V 1915.

Милая мама,

я уже довольно давно получил твою последнюю открытку с дороги (из-под Харькова),[1] а с тех пор от тебя нет ничего. Впрочем, представляю, как много у тебя дела в первые дни по приезде. Но все же меня несколько беспокоит, что так давно ничего нет от тебя.

Бальмонт с Нюшей еще не уехали, но через неделю уедут почти наверно.[2] Очень боюсь за них, потому что последнее время это становится действительно опасно. За пассажирскими пакеботами идет все время организованная охота.

Полному летнему одиночеству в Париже я радовался, хотя немного и тосковал уже по морю и простору. И вот как бы в ответ на это совершенно неожиданно получил приглашение от одного знакомого,[3] имеющего свою виллу в Биаррице на скалах над самым океаном, приехать к нему на лето гостить. Я этим непременно воспользуюсь в июле месяце, когда в Париже станет совсем душно и закроется Национальная Библиотека.

Я еще никогда по-настоящему не видал Океана, и кроме того, это почти на самой испанской границе. Если у меня окажется хоть какая-нибудь материяльная возможность, я

съезжу или схожу по ту сторону Пиреней, чтобы порисовать там скалы и пустыни.

Я писал тебе уже, кажется, что я послал статью в «Биржев<ые> Ведомости»[4] (по протекции Чеботаревской, которая там говорила обо мне) и предложил дать целый ряд очерков о том поколении, которое сейчас во Франции ведет войну. Я думаю, что они примут мое предложение.

Посылаю тебе два новых стихотвор<ения>. А ты их, прочтя, перешли Алекс<андре> Михайл<овне>.[5] Передала ли она тебе другие мои стихи, что я ей послал раньше?

Война висит надо всем и надо всеми. Париж весь сжат внутри себя – точно рука от сильной боли. Еще месяц тому назад многие почему-то думали, скорее верили, что война кончится в мае. Но сейчас все убеждены, что война только начинается, и что не только осенью она не окончится, но весьма вероятно, что будет еще одна зимняя кампания. Вспоминают часто слова Китчинера в начале войны, когда его спросили, когда, по его мнению, война кончится: «Когда она кончится – не знаю, но могу сказать, что начнется она в мае». Недавно Жоффр был в Париже в доме знакомых моих знакомых. Шел разговор о войне и о том, что в Германию союзным войскам войти не удастся. Он по обыкновению молчал и только уходя сказал: «Я уже теперь могу указать точно место, в котором французские войска перейдут Рейн».

Сейчас, конечно, все внимание сосредоточено на Италии.[6]

У меня довольно много начинает скапливаться стихов об войне и у меня является мысль, не издать ли мне осенью их отдельной книжкой. Мне интересно, как будет принята первая сери<я> их, что уже появилась в апрельс<кой> книжке «Рус<ской> Мысли»,[7] потому что они очень отличаются от тех стихов о войне, которые мне пришлось до сих пор читать. «Из кладезя Бездны» – я послал в «Аполлон».[8] А другие все в сборник Кругликовой.[9]

Очень жду твоих писем, чтобы узнать, как ты себя чувствуешь и что делается в Коктебеле. Подтвердилось ли, что Василий убит?[10] Привет Феод<ору> Эдуард<овичу> и

Ол<ьге> Андр<еевне>,[11] если они в Коктебеле. Слава Богу, что теперь хоть Крым уже обезопашен, по-видимому, совсем от морских набегов.

Крепко, крепко целую тебя.

MAX.

[1] Имеется в виду письмо Е.О. от 15/28 апреля 1915 г. (см. примеч. 2 к п. 124).

[2] См. примеч. 5 к п. 115.

[3] Подразумевается М.О. Цетлин.

[4] Речь идет, видимо, о статье «Поколение 1914 г.». См. примеч. 5 к п. 123.

[5] А.М. Петрова. К письму были приложены автографы стихотворений «Весна» («Мы дни на дни покорно нижем...», 26 апреля 1915 г.; см.: Т. 1 наст. изд. С. 237) и «Утренние газеты» (см. примеч. 2 к п. 127). Свои впечатления Е.О. изложила в письме к Волошину от 26 июня / 9 июля 1915 г. (см. примеч. 2 к п. 157).

[6] Италия объявила войну Австро-Венгрии 10/23 мая 1915 г.

[7] См. примеч. 7 к п. 115.

[8] «Из кладезя Бездны» — перевод заглавия стихотворения «Ex puteo Abyssi», позднее получившего заглавие «Аполлион». См. примеч. 19 к п. 117.

[9] См. п. 118, примеч. 5.

[10] Е.О. подтвердила известие о гибели на военном фронте их коктебельского работника в письме к Волошину от 26 июня / 9 июля.

[11] Ф.Э. и О.А. Юнге.

130. С.К. МАКОВСКОМУ

Середина мая ст.ст. / Конец мая н.ст. 1915 г. Париж[1]

60. Rue de la Tour. Paris.

Многоуважаемый Сергей Константинович,

Очень был рад получить Ваше письмо (корректуры — еще не пришли). А.Н. Чеботаревская уже писала мне, что Вы приняли четыре моих стихотворения, и меня очень интересует, какие.[2]

Спасибо за деньги – верно, они придут на днях – переводы мало запаздывают сравнительно с письмами.

Что касается «Писем из Парижа» – то я с большим удовольствием принимаю Ваше предложение.[3] Но думаю, что, ввиду того, что и «Аполлон» будет отдыхать летом и я уеду с июля месяца на два в Биарриц,[4] лучше это начать с осени. Все, что есть в смысле выставок, – глубоко плачевно. Меня интересовало другое: я хотел писать о работах индивидуальных художников (вне выставок). Я вижусь часто с Picasso и другими испанцами его группы – очень интересными.[5] Но всему этому время не уйдет и осенью. Вообще же я хочу остаться до конца войны и несколько дольше.

Очень хочется видеть Париж после заключения мира. Думаю, что это будет совершенно исключительный момент его жизни, судя по тому, каков он теперь. Потому что во всей его истории не найдется таких долгих месяцев напряжения, молчания, сдержанности и траура, которые он переживает эту зиму. В России это трудно и представить себе, я думаю.

В «Биржевых Ведомостях» я буду писать. Я предложил туда цикл статей о «поколении 1914 года» – об убитых и погибших.[6] Потому что воистину Литература Французская понесла за эту войну самые тяжкие жертвы.

И так с *августа* я начну присылать в «Аполлон» обстоятельные письма о Париже. Вы, конечно, дадите мне полную свободу в выборе тем – потому что эпоха будет слишком интересная, чтобы ограничиться узко живописными событиями.

Мой адрес все время остается тот же: «60. Rue de la Tour. Passy». Мне отсюда будут пересылать всю корреспонденцию в Биарриц и сюда же я вернусь осенью.

До свидания. Жму Вашу руку.

Максимилиан Волошин.

[1] Ответ на письмо Маковского от 2/15 мая 1915 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 474). Датируется по связи с ним.

[2] См. примеч. 3 к п. 126.

[3] См. примеч. 6 к п. 119. Ни одной статьи под обозначенной рубрикой Волошин в «Аполлон» не представил.

[4] Волошин прибыл в Биарриц на виллу Цетлиных «Les Mouettes» 30 июня / 13 июля, возвратился оттуда в Париж около 24 октября / 6 ноября 1915 г.

[5] Волошин познакомился с Пабло Пикассо, по всей вероятности, в феврале 1915 г. в парижской мастерской художницы М.М. Васильевой. Об их встречах см.: *Маревна* (Мария Воробьева-Стебельская). Моя жизнь с художниками «Улья». М., 2004. С. 64, 81–82; *Там же* (С. 62–63) – рисунок Маревны: «Шествие по улице де Ла Гете в Париже» (А. Модильяни, Х. Сутин, Д. Ривера, Маревна, Волошин, И. Эренбург, П. Пикассо, М. Жакоб).

[6] Первая статья Волошина из цикла «Париж и война», печатавшегося в утреннем выпуске «Биржевых Ведомостей», была озаглавлена «Поколение 1914 г.» (см. примеч. 5 к п. 123), третья статья из того же цикла – «Жертвы» (1915. № 14927. 26 июня).

131. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

17/30 мая 1915 г. Париж

30 мая 1915.
60 Rue de la Tour.

Милая мама, вчера наконец пришло твое письмо (открытка) от 19 апреля, написанная в день приезда в Коктебель.[1] Она шла целый месяц. Верно, с Крымом сношение гораздо дольше, чем с Москвой. Это, вероятно, благодаря цензурным задержкам.

Я в Париже один. Третьего дня Бальмонт и Нюша[2] уехали в Россию. Вчера получил от них телеграмму из Лондона, о благополучном переезде через Ламанш. Сию минуту они едут уже через Северное море в Берген, и очень беспокойно.

Сегодня как раз известие о том, что пароход той же норвежской компании, с которой они едут, пришел в Нью-Кестль с частью спасенных с торпильированной «Минервы»

и сам едва избег торпильирования[3] в то время, как спасал. Это как раз в день их отъезда из Нью-Кестля. Так что они должны весьма быть этим обеспокоены.

Вчера же получил неожиданную и радостную для меня телеграмму из «Биржевых Ведомостей»: предложение писать по 5—7 небольших фельетонов в месяц. Это меня очень обрадовало, т<ак> к<ак> обеспечивает существование в Париже. Кроме того, я писал уже тебе, меня зовет на лето один знакомый[4] в Биарриц. Я думаю туда поехать в июле на август. И если будут деньги (что возможно теперь с работой в «Биржевых Ведомостях»), то я дней на десять поеду на ту сторону Пиреней в Панкорбу,[5] где удивительно дикий пейзаж, чтобы работать с натуры. Ведь ни в Швейцарии, ни в Париже, ни в окрестностях рисовать с натуры совсем невозможно в этом году — того и гляди за немецкого шпиона примут. Так что я всю эту зиму рисовал только от себя и бесконечно соскучился по настоящей работе. А тоже и по морю и по настоящим горам: Швейцария ведь совсем не настоящая и горы не настоящие (т.е. под Базелем).

Что-то теперь ни у кого нет надежды, что война окончится скоро. Не только на осень не ждут конца, но вероятна становится и новая зимняя кампания.

Я тебе написал уже ряд писем в Коктебель. Это, кажется, третье большое, не считая открыток. И в Москве ты недополучила еще нескольких моих.

Спешу кончить это письмо, т<ак> к<ак> сегодня иду на большой русский «вечер» (кот<орый> будет днем — как теперь все «вечера» в Париже), где буду читать свои стихи о войне.

Там будут выступать тоже Антуан, Гитри, де-Макс — в первый раз в такой компании приходится выступать в Париже.

Кроме того, приходится хлопотать и бегать по делам рус<ских> художн<иков>, т<ак> к<ак> меня замешали в распределение денег, собранных в России в пользу рус<ских> художн<иков> в Париже.[6]

Как твое здоровье и твое дыханье? Что это был за сверх-прострел, захвативший тебя у Алекс<андры> Михайловны?[7]

Очень жду от тебя дальнейших писем из Коктебеля.

Приехал ли уже кто-нибудь жить?

MAX.

[1] Открытка была отправлена из Феодосии 20 апреля / 3 мая; Е.О. извещала: «Из Москвы выехала 14<-го>, в Феодосию приехала 16-го» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 30).

[2] А.Н. Иванова.

[3] От *фр.* torpiller – торпедировать.

[4] М.О. Цетлин.

[5] Панкорбо (Pancorbo) – муниципалитет в Северной Испании, в провинции Бургос.

[6] См. примеч. 2 к п. 121.

[7] А.М. Петрова. В упомянутом выше письме Е.О. сообщала о своем пребывании в Феодосии: «Когда я все <...> дела закончила, меня захватил ночью какой-то особенный прострел – сверх-прострел; меня отходила Алек<сандра> Михайловна, но пришлось остаться у нее лишний день <...>».

132. АН. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

22 мая / 4 июня 1915 г. Париж

60. Rue de la Tour. Paris.

Многоуважаемая Анастасия Николаевна,

очень, очень благодарю Вас за Ваше внимание и хлопоты о моих стихах.[1]

Ваше письмо было оставлено мне кем-то, кого я не видел,[2] а открытка была получена раньше,[3] и я на нее тогда же ответил.[4]

Гаккебушу я предложил цикл статей о «поколении 1914 года»[5] – ведь литературная Франция понесла потери ужасные и громадные. Он телеграммой дал согласие.[6] Я очень рад – ведь это за много лет уже у меня вновь завязывает<ся> возможность газетной работы.

Бальмонт выехал неделю назад в Россию,[7] и Вы, вероятно, увидите его еще до получения этого письма.

Я думаю остаться в Париже до конца войны, а может и дольше. Очень хочется видеть Париж по заключении мира.

Здесь теперь и в литературе, и в искусстве, и в жизни – молчание, траур и сжатые пальцы.

Привет Феодору Кузмичу.[8]

Еще раз очень благодарю Вас за все.

Максимилиан Волошин.

[1] 20 февраля / 5 марта Волошин из Парижа обратился с просьбой к Ан. Н. Чеботаревской «раздать» по редакциям его стихотворения и способствовать установлению его связи с русскими газетами. См. п. 113.

[2] Ан. Н. Чеботаревская писала Волошину: «...посылаю Вам через г. Позулте это письмецо, не будучи уверена, что Вы получили мою открытку, что я писала Вам о том, что стихи передала в Аполлон <...> из них они (г. Лозинский – секретарь) взяли 4 стихотвор<ения>, остальные пока у меня – может мы издадим весною Альманах, тогда напечатаем их там. Или передам в Северные Записки <...>. Относительно “Биржевых Утренних” мы говорили с Гаккебушем, и он просил Вас, – помимо их постоянного корреспондента <...> писать от времени до времени небольшие корреспонденции больше на темы актуальной литературной и художественной жизни Франции... Адрес редакции: СПб, Адмиралтейский, 15 на имя Гаккебуша или И.М. Розенфельда. Что сказать о себе. Работаем, Ф.К. много писал о войне, участвовал в 1001 благотвор<ительных> сборниках и в чт<ениях>. Я устраиваю один за другим вечера – в пользу Лазарета Деятелей Искусств. “Поэты – воинам”, “Писатели – воинам”, занимаюсь с ранеными, учу их, стараюсь быть полезной в общем деле народной обороны. Многие из наших – на войне: Гриф-Кречетов (в плену, ранен), Аничков, Гумилев, Милиоти, Якулов (ранен). Присылайте мелкие вещи в “Вершины” (Воскресенская набер<ежная>, 26) на имя В.Н. Гордина (стихи, заметки о книгах и пр<очее>) или в “Отечество” (Невский, 55). Тоже можно попросить К.Д. Бальмонта, которого мы часто вспоминаем и от которого рады были бы получить строчку» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1269, л. 9)

[3] См. примеч. 8 к п. 113.

[4] См. п. 115.

[5] Этот цикл статей Волошина был опубликован под заглавием «Париж и война». См. п. 123, примеч. 4.

[6] См. примеч. 6 к п. 123.

[7] См. примеч. 5 к п. 115.

[8] Ф. Сологуб.

133. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

22 мая / 4 июня 1915 г. Париж

4/VI 1915.

Милая мама, сегодня получил вторую открытку из Коктебеля (от 1 мая).[1] Письма идут из Крыма невероятно долго. Ты пишешь, что ничего еще не получала от меня со дня приезда. А между тем я писал тебе много и регулярно все это время. В предыдущих письмах я писал тебе, сколько отправил писем в Коктебель, а теперь уже утратил счет. Вероятно, одесская цензура долго задерживает письма. Московская *самая* аккуратная. Петербургская весьма медлительна. Так мне в посольстве здесь говорили. Но, верно, к тому времени, как ты получишь это письмо — они все уже будут у тебя. Ты поздравляешь меня с днем рожденья. А сегодня как раз по русс<кому> стилю 21 мая — твои именины. Поздравляю тебя. Какая странная вещь — которую я (удивительно) заметил только в этом году: по католическим святцам Св. Максимилиан приходится как раз в день моего рождения, т.е. 16/29 мая. Это меня очень изумило. И другого нет. Точно меня назвали по дню того святого, в день которого я родился.

В Коктебеле только первые солнечные дни. А у нас без всякого перехода начался летний зной.

Хочется знать, как всё у нас в доме. Где ты живешь? В своей комнате или у меня? Прошлой осенью ты у меня жила наверху или нет? Что делается в доме? В саду? Принялись ли все дроки у дорожек, посаженные в прошлом году?

Ты ничего мне не написала, как ты нашла Алекс<андру> Мих<айловну>[2] и о чем с нею говорила. Передала ли она тебе мои стихи? А ты ей?

Мои дела материальные налаживаются. Еще Маковский написал, что высылает деньги (70 р.) за прежние статьи и вновь принятые стихи.[3]

Хотя я в июле и уеду в Биарриц (очень это меня радует), но ты продолжай мне писать сюда — письма будут пересылаться безо всякой задержки — это проще, чем менять адрес, тем более, что я совсем не знаю, на сколько и когда я уеду. Недавно Бакст смотрел мою живопись. Говорил, что у меня уже вполне законченное владение рисунком и живописное знание, но что необходимо теперь работать масляными красками, густо, и главным образом над Natures Mortes, чтобы выработать себе чувство полноты тона. Все, что он говорил, очень совпало с тем, что я сам думал (т.е. о том, что мне надо делать).[4] Как только получу деньги — сейчас же куплю себе масляные краски. Пока до свиданья. Крепко тебя целую. И желаю тебе ясного и тихого лета.

MAX.

[1] В этой открытке (1/14 мая) Е.О. поздравляла Волошина с днем рождения (16/28 мая 1877 г.; в XX в. — 16/29 мая) (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 32).

[2] А.М. Петрова.

[3] См. примеч. 6 к п. 119.

[4] Е.О. откликнулась на это сообщение в письме к Волошину от 15/28 июня 1915 г: «Отзыв Бакста о твоей живописи меня очень обрадовал» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 37 об.). Ср. суждения Волошина о своих занятиях живописью после начала Первой мировой войны в автобиографическом очерке «О самом себе» (1930; см.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 269–270).

134. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

27 мая / 9 июня 1915 г. Париж

9/VI 1915. 60 Rue de la Tour. Paris.

Милая мама,

Сегодня получилась еще одна твоя открытка из Коктебеля от 26 апреля.[1] Очевидно, письма задерживаются южной цензурой очень сильно, гораздо дольше, чем московской (самой аккуратной), и потому ты до сих пор не получала моих писем. Я, напротив, писал тебе очень много все это время. И на каждую открытку отвечал большим письмом. Ты их, верно, все начнешь получать после одно за другим.

Сейчас, после отъезда Бальмонтов, моя жизнь никак не может наладиться регулярно. Отчасти и благодаря тропической жаре, наступившей после холодной весны сразу, безо всяких переходов. В доме страшно жарко и ночью. Поэтому долго бродишь по улицам и паркам. Возвращаешься поздно и встаешь поздно. Эти дни бродят грозы, но не освежают воздуха.

Мои дела денежные подправились. «Аполлон» прислал денег за прежние статьи и новые стихи. («Ex puteo Abyssi» = Apollyon – он так и не принял – теперь оно пошло в «Рус<скую> Мысль»[2]).

Я сейчас же купил себе красок масляных. И вчера же ночью стал пробовать. Теперь я буду – чувствую – снова могу работать маслом.

Кажется, с «Биржев<ыми> Ведом<остями>» у меня наладится работа. Но это, по-видимому, газета, от которой можно ждать всяких неожиданностей.

Аделаида Казимировна писала мне, что Ася выпустила книжку «Королевские Мысли» и она убедилась в ее талантливости.[3] Мне очень интересно увидеть эту книгу. Если Ася уже в Коктебеле, то попроси ее прислать мне.[4]

Вижу часто Гольштейнов, которые ведь живут рядом. Но там тяжело: они переживают войну гневно и яростно и всегда кого-нибудь страстно обвиняют.

Постоянно езжу на Монпарнасс — то работать, то видаться с художниками.

Подружился за эту зиму с Эренбургом — поэтом (которого совсем не любил раньше[5]) и с Ропшиным (автором «Коня Бледа» — помнишь этот роман?).[6]

Из других видаюсь изредка с Бакстом, кн. Аргутинским и др<угими> из «Мира Искусства».

Получила ли ты то письмо, где я просил тебя переслать мне несколько (шт<ук> 10) экземпляров моих стихов.[7] Они стоят на полатях, где ты спишь, или внизу на полке у перегородки, или на полке у стены — на самом верху. Там ты верно увидишь еще по нескольку экземпляров моих книг — ты их, если хочешь, давай читать, но никому не дари, т<ак> к<ак> это последние и мне хочется сохранить их на случай необходимости.

Как перезимовал дом? Целы ли книги и картины? Не завелось ли в книгах или на картинах где-нибудь плесени или сырости?

До свиданья. Крепко, крепко тебя целую. Будь здорова и радостна.

Помнишь ли ты, что при эмфиземе совсем нельзя кричать? Это очень важно — самое важное. Потому что от этого только она ухудшается.

МАХ.

[1] В открытке, датированной 26 апреля / 9 мая 1915 г., Е.О. извещала Волошина о предполагаемом приезде в Коктебель М.И. и А.И. Цветаевых (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 31).

[2] См. п. 119, примеч. 2.

[3] Речь идет о книге Анастасии Цветаевой «Королевские размышления» (М., 1914). В письме к Волошину от 8/21 мая 1915 г. А.К. Герцык, сообщая о новостях московской жизни, отмечала: «...образовалась дружба между Бердяевыми и Асей Цветаевой — она издала книгу "Королевские размышления" (верно, прислала Вам?), и мы признали в ней несомненную талантливость» (*Сестры Герцык.* Письма / Сост. и коммент. Т.Н. Жуковской. СПб.: ИНАПРЕСС; М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2002. С. 159).

[4] 10/23 мая 1915 г. Е.О. писала Волошину об А.И. Цветаевой: «Ася <...> издала книжку "Королевские мысли", которую ты верно <...> уже получил, прочел и восхитился. Каким ты там дурачком стоишь перед ней и отвечаешь неведомо что! Как все глупы перед ней,

всё понимающей, всё разрешающей, и так просто, все мучительные вопросы. Боже! Боже! Сколько в ней самоуверенности, самомнения, самодовольства. Но Лиле, Сереже, Марине <Е.Я. Эфрон, С.Я. Эфрон, М.И. Цветаева. – *Ред.*> книжка эта нравится» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 36). Отвечая на настоящее письмо, Е.О. сообщала Волошину (26 июня / 9 июля): «Сказала Асе, чтобы она выслала тебе свои "Королевские Мысли". Я уже писала тебе о этой книге: она ужасна по духу самомнения, самохвальства, полной уверенности только в своем уме и в полной глупости всего остального рода человеческого» (*Там же*, л. 39). Об А.И. Цветаевой и ее первой книге Е.О. снова писала Волошину 15/28 июля 1915 г.: «Если она по-настоящему талантлива, и есть у нее возможность идти вперед, умнеть, то этой книги через малое время ей будет стыдно» (*Там же*, л. 46). В книге «Королевские размышления», представляющей собой род медитативного дневника и включающей рассуждения о Ф. Ницше, теософии, Р. Штейнере, Л. Шестове, идеях и образах романов Достоевского и т.п., имеется диалог, озаглавленный «Разговор с М.А. В—ным» (помета под этим фрагментом: «Июнь 1914. Коктебель»). См.: *Цветаева Анастасия.* Королевские размышления. 1914 год. М., 1915. С. 26—34. Краткое изложение диалога – в кн.: *Купченко Владимир.* Странствие Максимилиана Волошина: Документальное повествование. СПб.: Logos, 1996. С. 189—190.

[5] См. статью Волошина «Позы и трафареты (Стихи Э.И. Штейна и И. Эренбурга)» (1911), содержащую резко критическую оценку первой книги Эренбурга «Стихи» (Париж, 1910): Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 377—382.

[6] Имеется в виду повесть В. Ропшина (Б.В. Савинкова) «Конь бледный», впервые опубликованная в № 1 «Русской Мысли» за 1909 г. (отд. изд. – СПб., 1909, 3-е изд. – Ницца, 1913). Ср. сообщение в письме Савинкова к Волошину от 19 мая / 1 июня 1915 г.: «...я очень буду рад, если Вы в среду придете ко мне. И Эренбургу я буду тоже рад» (*Волошин Максимилиан.* Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. З. Давыдова и Вл. Купченко. Минск: Мастацкая літаратура, 1993. С. 368. Исправлено по автографу: ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1068. Среда – 20 мая / 2 июня). Взаимоотношения Волошина с Эренбургом и Савинковым отражены в основанной на эпистолярных материалах публикации «Эренбург, Савинков, Волошин в годы смуты (1915—1918)», подготовленной Б. Фрезинским и Д. Зубаревым (Звезда. 1996. № 2. С. 157—201). О парижских встречах Волошина, Эренбурга и Савинкова см.: *Эренбург Илья.* Люди, годы, жизнь: Воспоминания: В 3 т. М.: Сов. писатель, 1990. Т. 1. С. 193—195.

[7] См. п. 124, примеч. 4.

135. В.Н. АРГУТИНСКОМУ-ДОЛГОРУКОВУ

27 мая / 9 июня 1915 г. Париж[1]

Среда. 60 Rue de la Tour.

Многоуважаемый Владимир Николаевич, к сожалению, я вчера весь день не был дома и получил Вашу «pneumatique» только сегодня утром.[2]

Очень тронут вниманием Лансере ко мне, но, к счастью, мои материальные дела кое-как наладились: удалось совершенно неожиданно продать одну акварель[3] и, кажется, меня соглашаются печатать в одной газете[4] (так что тот газетный бойкот, под которым я находился несколько лет, — кончается). Поэтому очень благодарю Вас за Ваше предложение и отказываюсь от него. Мне это тем более приятно, что обратись я сам за материальной помощью к «Миру Искусства» — это поставило бы меня в несколько ложное положение по отношению к тем художникам, за которых собираюсь ходатайствовать.

Очень досадно, что не мог присутствовать на Вашем вчерашнем собрании.

Мне необходимо увидать Вас сегодня же: т<ак> к<ак> завтра меня просил Тархов приехать к нему для переговоров[5] и мне хотелось бы сообщить ему нечто более определенное.

Если мне не удастся увидать Вас сегодня, напишите мне сегодня же вечером, что передать Тархову.

Оставляю Вам тот пакет, о котором просил Вас Бальмонт (с фотографиями).

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по связи с письмом В.Н. Аргутинского-Долгорукова, датированным: «*Вторник.* 8 июня 1915» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 196).

[2] «Carte pneumatique» (*фр.*) — городское письмо, посланное пневматической почтой. В упомянутом письме Аргутинский-Долгоруков сообщал Волошину: «Я получил письмо от Лансере и очень прошу Вас прийти ко мне сегодня часам к 9. Будут Бакст и Стеллецкий, и мы, вместе с Вами, обсудим интересующий нас вопрос. В письме своем Лансере поручает мне справиться у Вас, не нужно ли

и Вам денег? В таком случае скажите, сколько, и деньги Вам будут посланы». Речь идет о распределении между русскими художниками во Франции денег, полученных от «Мира Искусства». См.: *Купченко В.* «Хоть в чем-нибудь помочь другим...»: Эпизод жизни М. Волошина в Париже // Русская мысль. 1996. № 4137. 1 авг.

[3] Акварель Волошина приобрел М.О. Цетлин; в письме к Волошину от 8 июня (н.ст.) 1915 г. он сообщил, что выслал ему за нее 150 франков (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261).

[4] Подразумеваются «Биржевые Ведомости».

[5] Н.А. Тархов жил в городе Орсе (к юго-западу от Парижа).

136. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

1/14 июня 1915 г. Париж

14/VI 1915. 60 Rue de la Tour. Paris.

Милая мама, наконец пришло сегодня твое первое большое письмо из Коктебеля от 4 мая.[1] Значит, на путь из Крыма нужно теперь класть целый месяц. Я думаю, что я в свое время получил от тебя все твои большие письма из Москвы. И письмо с описанием твоего визита с Майей к Вячеславу.[2] Я на все отвечал аккуратно. Но перед твоим отъездом из Москвы был у меня перерыв в писании писем, и довольно долгий — без всяких видимых причин, а только потому, что был охвачен долгим унынием и не хотелось ни писать, ни говорить. Это давно уже прошло. Теперь ты, верно, начала получать мои письма аккуратно. Но не забывай, что промежуток между письмом и ответом на него теперь 2 месяца. Ты думаешь, что я раздражаюсь по пустякам.[3] Это не верно. С самого отъезда своего из Коктебеля я ни разу за этот (почти уже) год не сердился и не раздражался. Ни разу. Ведь мое раздражение во внешних своих проявлениях бывает только в тех случаях, когда мне почему-либо надо остаться наедине с самим собой в тишине и молчании. И это невозможно. Иногда это бывает, потому что наступает период тоски — т.е. большого недовольства собой, иногда потому, что нужно уйти в себя, работы — для замысла или осуществления.

Когда я живу один, я просто на это время ухожу в себя, молчу, и всегда эти периоды бывают творческими, как оздоровляющие болезни. В Коктебеле это почти невозможно. Меня отвлекают люди.

Меня разбивает всегда твое раздражение, хотя бы оно не ко мне относилось, я его всегда остро чувствую, точно оно живет во мне, хотя бы и рождалось не от меня. Поэтому вместо того чтобы стать творческими и успокаивающими, эти периоды необходимости молчания превращаются в постоянное раздражение, я чувствую себя издерганным, разбитым, неспособным ни к <ка>кой работе.

Я хотел бы на это твое письмо ответить подробно и точно. Но я сделаю это позже, потому что сейчас: все это время с отъезда Бальмонта и, вероятно, до самого конца июня я занят и буду занят ворохом чужих человеческих дел.

«Мир Искусства» сделал сбор в пользу бедствующих русских художн<иков> в Париже. Он эти деньги переслал кн. Аргутинскому и просил меня помочь ему в деле распределения их между художниками.[4] Этими делами я теперь и занят все время так, что у меня сейчас не остается времени ни рисовать, ни писать стихов, ни статей, ни книг.

Я был очень тронут тем, что Лансере (председ<атель> «Мира Искус<ства>»[5]) спрашивал, не нуждаюсь ли я. Я, конечно, отказался от этих денег, но был очень польщен таким вниманием.

Между парижскими художниками, конечно, идут бесконечные неурядицы и раздоры. Все это приходится распутывать.

В начале июля, а может и раньше, смотря по тому, когда успею окончить эти дела, я уеду в Биарриц к Цетлину. Он сам совсем не приедет туда, так что я буду жить на его вилле совсем один.[6] Я уже писал тебе о его приглашении. Если окажется хоть какая-нибудь денежная возможность, то съезжу на ту сторону Пиреней в Испанию, чтобы там писать пустынные и скалистые пейзажи.

Все знакомые мои разъезжаются из Парижа. Жары стоят африканские. Душно ночью, как и днем. Это сразу после холодной весны.

Пока до свиданья. Крепко тебя целую. А по существу отвечу на твое сегодняшнее письмо, вероятно, из Биаррица. Пиши мне по парижскому адресу — письма будут все равно пересылаться, а тамошнего я пока еще не знаю точно.

MAX.

[1] Письмо от 4/17 мая 1915 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 33—35 об.).

[2] Визит к Вяч. Иванову вместе с М.П. Кювилье — одна из тем письма Е.О. от 5/18 марта 1915 г. (датирована заключительная часть письма, начало текста утрачено // *Там же*, л. 18—19): после того как Кювилье прочитала Иванову свои стихи, «как-то вдруг Вячеслав разъярился, начал разносить стихи Майины и ее самою, кричал: все эти ваши precipices, amour <бездны, любовь. — *фр.*>, все это ваше маленькое хозяйство, petite ménage — ничего не стоят; вы не любите солнца, неба, жизни; вы никого, ничего не любили, любите только себя; считаете себя гением, а все другие, какие-то курсистки не стоят внимания вашего; вы не хотите работать, учиться; нет в вас энергии, радости молодой жизни; нет для вас добра и зла. Жизнь еще не тронула вас. Нет жизни без добра и зла, без любви и смерти. Люди отдают жизнь за любовь, умирают за любовь к родине и т.д. Разумеется, все это было сказано красиво, метко, связно, как я и повторить не умею, но все это было напускное и приняло вскоре тихий, миролюбивый тон, с которым мы перешли в столовую к позднему обеду или раннему ужину — не знаю как назвать эту трапезу, за которой Майя прочла твой портрет Бальмонта. Это стихотворение мне очень нравится. Вячеславу также, но оба не одобряем "в замшевой руке". На прощание он подарил Майе последнюю книжку своих стихов "Нежная Тайна" с надписью: Майе, поэту, в знак братской любви». (Упоминаются книга стихов Вяч. Иванова «Нежная Тайна. Λέπτα» (СПб.: Оры, 1912) и стихотворение Волошина «Бальмонт» — см. п. 112, примеч. 7).

[3] Фрагмент письма Е.О. от 4/17 мая 1915 г., который здесь подразумевает Волошин, см. в примеч. 3 к п. 118. Далее в том же письме она продолжала: «...я думала, надеялась, что эта поездка в Дорнах, жизнь в Париже тебя успокоят, ты найдешь что-то утерянное тобою за последние годы, перестанешь раздражаться по пустякам, и часто очень несправедливо, капризно, как забалованные дети. Неужели твоя мудрость прежняя, детская, ум, способности, таланты должны в зрелые года, при столкновении с жизнью, людьми проявляться часто так нелепо, истерично. Макс, я не обидеть тебя хочу и не сержусь в

данный момент, напротив, очень люблю и жалею, потому что думаю, что затемнился дух твой, и просветления твоего хочу. Ты ведь и знаешь, и понимаешь больше меня, и умнее меня гораздо, а мне мало этого. Я хотела бы верить всем словам твоим, каждому жесту — и не могу».

[4] См. п. 135, примеч. 2.

[5] Е.Е. Лансере был избран председателем общества «Мир Искусства» в 1913 г.

[6] М.О. Цетлин писал Волошину 8 июня (н.ст.) 1915 г.: «Возможно, что мы останемся несколько месяцев в Швейцарии и снимем виллу. В таком случае, если Вам Швейцария не чересчур противна, не приедете ли Вы к нам сюда? В Biarritz'е наша вилла всегда к Вашим услугам» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261).

137. Е.Ю. ГРИГОРОВИЧ

3/16 июня 1915 г. Париж

16 июня 1915 г.
Париж.

Дорогая Елена Юстиниановна,

получил только что Ваше письмо, которое меня очень поразило; я совсем не предполагал, что Вы себя так плохо чувствуете.[1] Мне кажется, что Вам тогда непременно надо оставаться в Италии, потому что путешествие это, судя по Нюшиному письму из Христиании, очень утомительно и очень опасно.[2] Они проскочили прямо чудом. В день их отъезда из Ньюкестеля туда пришел пароход той же норвежской компании, едва-едва уверну<в>шийся от подводника, а вышедший после них через два часа датский пароход был торпильирован.[3]

Кроме того, часы ожидания на пристанях, в сараях, душные каюты, морская болезнь. Нет, Вам в таком состоянии ехать нельзя. Относительно же цены — знаю, что III кл<асс> теперь стоит 250 fr. (вчера слыхал — в консульстве выдавали на билет). Но Нюша пишет, что кроме того невообразимое количество всяких расходов, превышающих все предварительные расходы.

Я, вероятно, через 10—15 дней уеду в Биарриц на виллу Цетлина, которую он предложил в мое распоряжение (сам он остается с семьей в Швейцарии на все время до зимы). Я переговорил с консьержей относительно Вашего возможного приезда без меня[4] (выбрав удобную психологическую минуту — когда я ей одолжал гладильную доску), и она сказала, что никаких препятствий в случае Вашего приезда Вам делать не будет и пустит с удовольствием без всяких особых распоряжений из России.

Книгу Вам вышлю на днях — как только попаду в те края.[5]

Что делаю? Не пишу стихов, не рисую, не работаю в библиотеке.

Сейчас (все время с отъезда Бальмонтов) я занят делами практическими и человеческими: «Мир Искусства» собрал 10 тыс<яч> фр<анков> в пользу русских художников в Париже и прислал их сюда, прося заняться их распределением кн<язя> Аргутинского и меня.[6] Это меня погрузило с головою во все дрязги и вожделения Монпарнасского квартала и совсем оторвало от собственной работы. Как только с этим покончу, сейчас же уеду в Биарриц.

Эренбург уехал в Ниццу.[7] Теперь вижусь только с Ропшиным, с которым мы очень подружились, и я его глубоко полюбил, да с Аргутинским, что составляет довольно широкий диапазон знакомств: от посольства[8] до Ропшина... которому любой провокатор мог бы позавидовать. А если к этому прибавить, что со мной хочет познакомиться M<ademoise>lle Извольская, а сам Извольский изволил на днях декламировать мои стихи,[9] и что во время последнего «понедельника» у меня сидели вдвоем Аргутинский и Ропшин, то получается совсем недурно.

С Гуревичем мы обменяли<сь> пока 4 письмами.[10] (Но сейчас мне и письма-то писать некогда). Он мне очень нравится сквозь свои письма. Я чувствую по ним к нему большое доверие, как художнику. Но чтобы составить мнение, надо видеть вещи — без этого на словах ничего нельзя утвердить, тем более, что он, очевидно, предполагает, что я гора-

здо больше знаю об его теории, чем это есть на самом деле. Т<ак> к<ак> ведь я только сам говорил об ней Ел<ене>[11] и Бал<ьмонту>, а они мне ни слова. Он же думает, что я знаю его основные формулировки. Я ему писал это.

О Море не знаю ничего.[12]

Мое «Ex puteo Abyssi»,[13] что посылал Вам, не принял ни «Аполлон», ни «Рус<ская> Мысль». А Вы мне так ничего о стихах моих и не написали...

Зато в «Бирж<евых> Вед<омостях>» начали печатать мои статьи.[14] За очень дешево. Но все-таки хоть какой-нибудь заработок.

До свидания.

Максимилиан Волошин.

P.S. Бальмонту перешлю Ваше письмо целиком.

[1] В письме из Больяско (Bogliasco) от 11 июня (н.ст.) 1915 г. Григорович сообщала: «Я по-прежнему наполовину парализована. Это даже не “судороги писателя”, а род паралича, связанного с нервным переутомлением. Мне даже запрещено делать что-либо левой рукой, т<ак> к<ак> боль внутри. Вы представляете мое психическое состояние. <...> Я думаю поехать в Россию, если я получу необходимую сумму, и тогда я бы заехала в Париж. Если у Вас есть возможность зайти в агентство Кука, будьте любезны спросить цену путешествия в Россию (по северном пути) <...>» (Переписка М.А. Волошина и Е.Ю. Григорович / Подгот. текста и предисл. А.Б. Шишкина, примеч. В.П. Купченко // Русско-итальянский архив VII / Сост. Кристиано Дидди и Андрей Шишкин. Салерно, 2011. С. 199. Оригинал по-французски).

[2] См. примеч 5 к п. 115. А.Н. Иванова описала в подробностях перипетии путешествия через Англию и Северное море, где они подвергались опасности торпедирования германскими подводными лодками, в письме к Волошину из Христиании от 20 мая / 2 июня 1915 г. (в автографе ошибочно датировано: «2 июля 1914. Среда»; обозначение дня недели соответствует 20 мая / 2 июня 1915 г. // ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 122–123 об.), добавив в заключение: «...а все-таки как мы удачно и вовремя избегли опасности. Вы читали о датском пароходе. Ведь он только несколько часов позднее вышел из Ньюкастля, чем мы. Мы ночью, он утром. И потом бомбы над Лондоном».

[3] См. п. 131.

[4] В цитированном письме Григорович спрашивала, сможет ли она в случае приезда в Париж остановиться в квартире Бальмонта, в которой проживал Волошин.

[5] В том же письме Григорович просила Волошина обратиться в издательство «Leroux» (28, rue Bonaparte) с просьбой о высылке ей книги Расмуса Бьёрна Андерсона «Скандинавская мифология» (*Anderson Rasmus B.* Mythologie scandinave. Légendes des Eddas / Trad. de Jules Leclercq. Paris: E. Leroux, 1886).

[6] См. п. 135, примеч. 2.

[7] И.Г. Эренбург в июне 1915 г. уехал в деревушку Эз (Eze) под Ниццей, на виллу Ninos к Е.О. и Т.И. Сорокиным (*Попов Вячеслав, Фрезинский Борис.* Илья Эренбург. Хроника жизни и творчества (в документах, письмах, высказываниях и сообщениях прессы, свидетельства современников). Т. I. 1891–1923. СПб.: Лина, 1993. С. 106).

[8] В.Н. Аргутинский-Долгоруков был сотрудником русского посольства во Франции.

[9] Дипломат и министр иностранных дел в 1906–1910 гг. Александр Петрович Извольский (1856–1919) был русским послом в Париже в 1910–1917 гг. Его дочь Елена Александровна Извольская (1896–1975) – писательница, журналист, переводчик.

[10] В архиве Волошина сохранились письма С.Г. Гуревича от 15 мая, 4 и 21 июня, 24 июля 1915 г. и два – судя по контексту, более ранних – недатированных (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 478). В первом письме Гуревич сообщал: «От Елены Юстинbackновны я узнал, что Вам известна моя теория, кот<орую> я разрабатываю больше трех лет».

[11] Е.К. Цветковская

[12] В письме от 11 июня Григорович спрашивала Волошина: «Есть ли у Вас известия о Море?» (Русско-итальянский архив VII. С. 199). Имеется в виду известный французский египтолог и историк искусства Александр Море (Moret; 1868–1938).

[13] См. п. 119, примеч. 2. В ответном письме из Больяско от 30 июня 1915 г. Григорович сообщала: «Пока могу только <...> известить о получении письма, книги и – Вашего заказного с *Ex puteo*, кот<орое> я получила только сегодня!! Напишу Вам больше к<а>к только решу, лечиться ли в Италии или топиться в сев<ерных> морях» (Русско-итальянский архив VII. С. 204).

[14] Ко времени написания письма в «Биржевых Ведомостях» появилась статья Волошина «Поколение 1914 г.» (15/18 мая).

138. М.О. ЦЕТЛИНУ

9/22 июня 1915 г. Париж[1]

Многоуваж<аемый> М<ихаил> О<сипович>.[2]

Я хочу к Вам обратиться с одной просьбой, которая мне самому кажет<ся> навязчивой и, мо<жет> б<ыть>, неумест<ной>, и единственным оправданием ее может служить то, что, будучи все это время занят человеческими делами и устраиванием судеб русск<их> художник<ов> (распредел<ение> денег Мира Иск<усства>[3] – о кот<ором> я писал Вам[4]), я приобрел привычку к таким вещам. Но заранее прошу Вас – если Вам хоть что-нибудь покажется неудобным или неприличным в этой просьбе, отказать откровенно и не стесняясь, и об этом больше и речи не будет.

Просьба заключается вот в чем: не можете ли Вы на Вашей вилле в Биаррице[5] дать приют на июль месяц одной юной художнице: Воробьевой-Стебельской?[6]

Случай таков: М.Б. Стебельская, девушка из хорошей и небедной семьи, живет и работает за границей уже нескол<ько> лет. Года 1½ назад ее отец застрелился, и она осталась совершенно одна и без всяких средств. Те небольшие деньги, на которые она имеет права, были задержаны дальними родственник<ами>, потом войной, словом, она всю зиму жила в самой глубокой нищете. Я достал ей из Мира Искусств 300 fr. Для того, что<бы> было возможным провести лето на юге, что необходимо для ее здоровья. Но с этими деньгами, Вы знаете – не очень много проживешь. Она хочет на них поехать для работы в Северную Испанию, но ей необходимо прожить немного времени на берегу моря и оправиться после зимы.

Поэтому я и решился просить Вас дать ей приют у Вас в Биаррице на месяц до конца июля.

Я считаю ее очень талантливой и, лично узнав ее ближе за последнее время, почувствовал большое уважение и к ее характеру сильному, оригиналь<ному>, и к личности очень талантливой, чистой и правиль<ной>.

Словом, считаю ее человеком и худож<ником>, которому очень и очень следует и стоит помочь.

Если бы она могла прожить в Биар<рице> до конца июля, то ей как раз бы *хватило* средств проехать на 1½ мес<яца> в Мадрид и Толедо для работы в музеях (она послед<нее> время зарабатывает копиями) и собствен<ной> работы.[7]

Мне бы нисколько не было неловко обратит<ься> к Вам с таким ходатайством, если бы я сам не собирался воспользоваться Вашим гостеприим<ством>...[8] Но в этих обстоятельствах мне очень неловко, и прошу Вас не принять мою просьбу за навязчивость.[9]

[1] Публикуется по черновой рукописи, датируется по кн.: Труды и дни. С. 373.

[2] Волошин познакомился с М.О. Цетлиным и М.С. Цетлиной в начале марта 1915 г. в Париже. См.: *Хазан Владимир.* «Он был поэтом не только в своих стихах, но и в жизни» (материалы к портрету Михаила Цетлина) // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сб. статей и материалов / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 66–103.

[3] См. примеч. 2 к п. 121. «Мир Искусства» — русское художественное объединение, сформировавшееся в конце 1890-х гг. в Петербурге. С 1910 года «Мир Искусства» действовал исключительно как выставочная организация, объединяя художников самых различных направлений и оказывая поддержку художникам.

[4] Более ранние письма Волошина Цетлину не обнаружены.

[5] Биарриц, город на юго-западе Франции, фешенебельный курорт на берегу Бискайского залива.

[6] Мария Брониславовна Воробьева-Стебельская (Маревна), русская художница и мемуаристка, дочь польского дворянина и русской актрисы, училась в Тифлисской школе изящных искусств (1907–1908) и в Строгановском училище в Москве (1910–1912). С 1912 г. проживала в Париже. О своих отношениях с Волошиным и совместном пребывании в Биаррице написала в книге «Жизнь в двух мирах» (*Marevna Vorobev.* Life two wolds. London; New-York; Toronto, 1962). Фрагменты ее воспоминаний вошли в кн.: Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. С. 322–332. См.: *Маревна (Воробьева-Стебельская М.).* Моя жизнь с художниками «Улья» / Пер. с англ. М. Уманцева. М.: Искусство — XXI век, 2004.

[7] М.Б. Воробьева-Стебельская ездила в Испанию на две недели.

[8] Еще 3/16 мая при встрече Цетлин предложил Волошину провести летние месяцы на своей вилле в Биаррице (см. п. 128). После некоторого раздумья Волошин дал согласие. В письме от 8 июня (н.ст.) Цетлин подтверждал свое приглашение. См. примеч. 6 к п. 136. В свою очередь М.С. Цетлина 15 июня (н.ст.) 1915 г. в своем письме к Волошину одобряла его решение: «Я очень рада, что Вы действительно едете в Биарриц. Очень рада, потому что надеюсь, что Вам там будет приятно и удобно для Ваших работ, и потому что мы сами, наверное, в самом начале августа туда поедем и т<аким > о<бразом>, Вы будете нашим гостем в полном смысле слова. Одновременно с этим письмом к Вам, я пишу нашей concierge'г <...>, чтобы она Вам приготовила комнату с окном на море» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 1–2).

[9] На это обращение Волошина ответила М.С. Цетлина 25 июня (н.ст.) 1915 г.: «...спешу Вам сказать от Михаила Осиповича и от себя, что мы очень просим госпожу Стебельскую поехать к нам на виллу в Биарриц, что мы будем очень рады, если она у нас отдохнет и будет хорошо себя чувствовать. Я очень рада, что у Вас, таким образом, будет общество в Биаррице. Мне самой так там всегда тоскливо, что я все время думала, что Вы там один совсем затоскуете, хотя я Вас совсем не знаю. <...> Я очень прошу госпожу Стебельскую не считаться с нашим приездом <...>, а только со своими личными планами. Я напишу завтра нашей консьерж'ке о приезде г-жи Стебельской, и комната для нее тоже будет приготовлена, и пусть она тоже отдает заботы о пище, белье и т.д. в руки Madame Moisonneuve» (*Там же*, л. 3–4). Волошин проводил Воробьеву-Стебельскую в Биарриц около 23 июня / 6 июля (Труды и дни. С. 375).

139. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

10/23 июня 1915 г. Париж

23/VI 1915.

Милая мама,

опять я не получаю от тебя давно писем — вероятно, и ты ждешь моих. Я все это время по-прежнему занят с головой делами парижских художников, мешающими мне зани-

маться своим делом.[1] Но это, слава Богу, скоро окончится: противно. Очень много гадостей и стяжаний именно со стороны тех, кто меньше всего нуждается.

Как только все будет кончено, сейчас же уеду в Биарриц. Письма пиши мне в Париж — это будет задержка на одни сутки. Но на всякий случай вот мой адрес: Biarritz, Rue des Vagues. Villa Les Mouettes.

Сейчас тут начинаются опросы у всех русских, относительно всех укрывающихся от воинской повинности. Я призыву не принадлежу совсем, потому что ратники ополчения II-го разряда старше 38 лет не призываются. А мне уже минуло 38. Но у меня нет никаких документов об этом. Я сегодня написал в Феодосийское воинское присутствие о том, чтобы мне выслали официальную справку о моем военном положении. Но т<ак> к<ак> они, вероятно, не поторопятся об этом, то, пожалуйста, если ты будешь в городе, или если можно попросить кого-нибудь из знакомых зайти туда — сделай это: зайди и попроси, чтобы при тебе это сделали. Т<ак> к<ак>, хотя русское посольство и может поручиться за меня, но все же лучше иметь документ.[2]

А посылать телеграмму, как мне советовали в консульстве, и очень дорого (15 fr.), и на такие телеграммы в большинстве случаев не отвечают.

Мои стихи «Apollyon»[3] — о войне не приняты ни в «Аполлоне», ни в «Рус<ской> Мысли». Я это и ждал.

Неужели ты еще не получила этой серии моих писем — когда я тебе стихи посылал? Часть тебе, часть Алекс<андре> Михайловне.[4]

Теперь уже конец июня — а я твои письма имел только от начала мая.

Скоро уже будет год, как я уехал из Коктебеля. Целый год. Как странно все-таки то, что я уехал. Ведь задержись я еще на один день в Феодосии, чтобы дождаться Кандаурова, как хотел, — я бы уже не уехал. Помню, как Богаевский сказал: «Ну что тебе еще ждать. Поезжай сегодня же». И я уехал в тот же вечер. Т. е. в самый последний час, когда я мог уехать и проскочить сквозь Австрию и Германию невредимым.

Теперь уже лето в Коктебеле в полном разгаре. Но есть ли кто-нибудь? Много ли приезжих?

До свиданья. Крепко целую тебя.

МАХ.

Привет Юнге, Марине и Асе – если они в Коктебеле.[5]

[1] См. п. 135, примеч. 2.

[2] 15/28 июля 1915 г. Е.О. сообщала Волошину: «...завтра же высылаю заказным свидетельство твое о воинской повинности от 23 XI 1897 г. за № 3423, выдан<ное> Феодос<ийского> уезд<а> по воинск<ой> повинности присутствием» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 46).

[3] См. п. 119, примеч. 2.

[4] А.М. Петрова.

[5] М.И. и А.И. Цветаева. М. Цветаева выехала из Москвы в Коктебель 20 мая 1915 г. (см.: *Цветаева Марина.* Неизданное: Семья. История в письмах / Сост. и коммент. Е.Б. Коркиной. М.: Эллис Лак, 1999. С. 197).

140. М.М. ГАККЕБУШУ

11/24 июня 1915 г. Париж

Paris 60 Rue de la Tour.
24 июня 1915.

Милостивый Государь Господин Гаккебуш,

я получил своевременно Вашу телеграмму,[1] выслал после ее получения две статьи,[2] но для ответа ждал обещанного в телеграмме письма с указаниями и разъяснениями. Но т<ак> к<ак> первая статья моя уже появилась в газете[3] и дошла до Парижа дней 10 назад, а письмо Ваше было, вероятно, послано одновременно, то предполагаю, что оно пропало вместе с русским курьером, захваченным недели две назад на Северном море...

Поэтому отвечаю Вам на телеграмму. Сколько я понял ее текст, Вы предлагаете мне от 5 до 7 статей в месяц с платой по 10 к. за строку и отклоняете мою просьбу о 100 fr. в месяц на расходы по покупке журналов и книг.

Мои требования были очень скромны и обоснованы: получая десять копеек за строчку (что по теперешнему курсу равняется 7½ к.), нельзя брать на себя еще каких-нибудь расходов. Мне же для того рода работы, что я предложил Вам, необходим ряд книг, которых нельзя взять теперь в библиотеках, и которые к тому же у меня есть — но находятся в России.

Поэтому предлагаю Вам такое условие: если Вы не находите удобным выдавать 100 fr. в месяц, что имеет характер — месячного жалованья — дайте мне гонорар 15 копеек за строку (это будет равняться 12 коп. при теперешнем курсе), и это будет наиболее пропорциональной оплатой моих расходов.

Мои условия более чем скромны, и это обусловливается тем, что я Вам предлагаю не корреспонденции, а ряд статей о современности, как Вы видели по первым мною присланным. С другой же стороны я хотел бы оставить за собой свободный выбор тем и писать тоже о текущих впечатлениях искусства, литературы и духовной жизни Франции.

На днях я выеду из Парижа до осени в Биарриц.[4]

Адрес «Biarritz. Rue des Vagues. Villa Les Mouettes».

Все письма и корреспонденцию прошу адресовать по парижскому адресу, и только телеграммы адресовать в Биарриц.

Очень прошу:

1) Распорядиться о высылке мне газеты.

2) Распорядиться о высылке до сих пор причитающегося гонорара за напечатанные стихи[5] и статьи телеграммой в Биарриц. И вообще высылать гонорар 1-го числа каждого месяца.

Прилагаю к этому письму стихи об войне под названием «Apollyon» с примечанием к ним.[6] Надеюсь, что они заинтересуют Вас, и Вы не отк<ажетесь>.

Максимилиан Волошин.

P.S. Т<ак> к<ак> я не получил Вашего письма с инструкциями и разъяснениями, то, надеюсь, Вы не откажетесь повторить вкратце его содержание.[7]

[1] См. примеч. 6 к п. 123.

[2] Речь идет о статьях Волошина «Поколение 1914 г.» и «Литература в 1915 г.» (См.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 491–494, 810).

[3] См. примеч. 5 к п. 123.

[4] См. примеч. 8 к п. 138.

[5] В утреннем выпуске «Биржевых Ведомостей» в 1915 г. были опубликованы стихотворения Волошина «Путями усталости» («Я верен темному завету...») – 5/18 апреля и «Встречной» («Обманите меня... Но совсем, навсегда...») – 3/16 мая.

[6] Об этом стихотворении Волошина см. примеч. 4 к п. 120. Стихотворение «Apollyon» не было опубликовано в «Биржевых Ведомостях».

[7] Письмо М.М. Гаккебуша, о котором идет речь, неизвестно.

141. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

12/25–15/28 июня 1915 г. Париж

25/VI 1915.

Милая мама,

вчера наконец получилась твоя открытка, где ты пишешь, что получила много моих писем.[1] Наконец-то. Теперь они будут, вероятно, приходить без перерыва. А вот относительно твоих писем я не уверен, потому что недавно был захвачен немцами шведский корабль с русской почтой, и я знаю, что там у меня пропало одно деловое письмо из «Бирж<евых> Ведомостей». Но это первый случай за всю войну.

Сейчас в Париже французское правительство проверяет всех русских по отношению к отбыванию воинской повинности. И укрывающимся предлагает или выехать из Франции, или грозит отправить в лагери для военнопленных. Я-то совсем свободен, даже как ратник ополчения II разряда, потому что мне уже минуло 38 лет, но документов об этом у меня нет никаких, и я боюсь, что начнется всякая путаница и неприятности.

Несколько дней назад я написал в Феодосийское Воинское Присутствие, чтобы мне выдали справку обо мне, но она придет не раньше чем через 2 месяца. А телеграмма

стоит 15 fr.! И еще, как меня предупредили в консульстве, на них не отвечают в половине случаев.

Любопытно, что мне сейчас будет говорить полицейский комиссар.

Закончу письмо после.

Только что был в комиссариате. Там были очень любезны. Поверили на слово, что на войну не призван. Но просили принести какую-нибудь рекомендацию от посольства. Это мне легко сделать, потому что я каждый день теперь вижусь с кн. Аргутинским по делам «Мира Искусства». Но все-таки официальное удостоверение из Воинского Феодосийского Присутствия мне будет необходимо. Я написал туда уже прошение. А сегодня напишу еще Алекс<андре> Михайловне просьбу зайти туда поторопить.[2]

Одновременно пошлю тебе № одного французского журнала с моим рисунком и стихам<и>.[3] Я там сотрудничаю. Но, увы! бесплатно!

Раздача денег «Мира Искусства» кончилась,[4] и я верно уеду через неделю в Биарриц. (Адрес: Biarritz. Rue des Vagues. Villa Les Mouttes.) Но это только для телеграмм — на всякий случай. Письма пиши в Париж. Один день задержки при 30 дня<х> пути ничего не значит.

Очень мне интересно повидать «Королевские Мысли».[5] Я их не имел еще и совсем не ожидал, что там и обо мне есть нечто. Вдвойне любопытно. А Аделаида Казимиров<на>[6] писала мне, что она и Бердяевы должны были убедиться в талантливости Аси, прочтя эту книгу.

Может быть, только *тон* ее неприятен?

Ах, мне опять нужно бежать — теперь к Аргутинскому. Допишу вечером.

28 июня.

Письмо так и не дописал в беготне. Я в конце этой недели уеду в Биарриц. Все уже для этого сделано. Только собрать вещи. Да еще завтра приедет из Дорнаха один знакомый А.С. Петровский проездом в Россию и пробудет дня два — три.

Журнал с моим рисунком цеппелинов и стихами послал тебе вчера заказным.

До свиданья. Крепко тебя целую.

МАХ.

[1] Речь идет о письме Е.О. от 10/23 мая 1915 г., в котором она сообщала: «...наконец я на днях получила от тебя сразу открытку, пересланное письмо из Москвы и письмо, адресов<анное> прямо в Коктебель» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 36).

[2] А.М. Петрова. См. п. 139, примеч. 2.

[3] В № 5 журнала «L'Elan» от 15 июня 1915 г. были помещены рисунок Волошина «Цеппелины над Парижем» и одноименное его стихотворение – русский текст (факсимиле автографа) и французский перевод, выполненный А.В. Гольштейн и Рене Гилем. 1/14 июля 1915 г. Е.О. писала Волошину: «Спасибо за "Elan" <...> и рисунок и стихи твои там мне очень нравятся. Получила этот журнал вчера» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 41).

[4] См. п. 135, примеч. 2, п. 138.

[5] См. п. 134, примеч. 3, 4.

[6] А.К. Герцык.

142. А.М. ПЕТРОВОЙ

15/28 июня 1915 г. Париж[1]

Дорогая Александра Михайловна, обращаюсь к Вам с очень важной для меня просьбой: мне необходимо получить из Феодосийского Воинского присутствия официальную справку о том, что я, как единственный сын, числюсь ратником ополчения 2-го разряда и призыву еще не подлежу, будучи старше 38 лет. (Призывался в 1898 году.)[2] Я об этом пишу одновременно Пете Лампси,[3] прося его зайти, и послал туда прошение. Но на случай, если Пети нет, или он заленится, пожалуйста, сходите туда сами или попросите кого-нибудь сходить. Мне надо это для представления Франц<узскому> Правительству, которое сейчас ищет

рус<ских> дезертиров. А у меня, конечно, никаких бумаг о моей воинской повинности нет. Все жду от Вас письма — ответ на мои и на стихи.[4] До свиданья. Привет Жоз<ефине> Густ<авовне>, Костеньке[5] и др.

Max.

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: Paris. 28.VI.1915. Штемпель получения: Феодосия. 15.7.15.

[2] «Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности» было выдано Волошину 23 ноября 1898 г. Феодосийским уездным воинским присутствием. О зачислении его «в ратники ополчения второго разряда» была сделана запись в его паспортной книжке (ДМВ). Оно было выслано Волошину Е.О. Кириенко-Волошиной и пришло в Биарриц 15/28 августа 1915 г. См. п. 139, примеч. 2.

[3] Это письмо Волошина не обнаружено. П.Н. Лампси откликнулся на просьбу Волошина и написал ему из Феодосии 31 июля (ст.ст.) 1915 г. (получено в Биаррице 3/16 сентября 1915 г.): «Милый Макс, по получении твоего письма сейчас же отправился в военное присутствие. Мне обещали выслать тебе свидетельство в тот же день. Это было дней 10 назад. Вчера по приезде из Симферополя я заходил в канцелярию Воинс<кого> пр<исутствия> и узнал, что свидетельство уже послано. Очень рад, что имел возможность оказать тебе эту маленькую услугу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 754, л. 1).

[4] См. п. 120, примеч. 4; примеч. 3 к п. 125.

[5] Ж.Г. Богаевская и К.Ф. Богаевский.

143. М.М. ГАККЕБУШУ

Вторая декада июня 1915 г. Париж[1]

М. Г.,

В случае если данная статья «Адские войны»[2] почему-либо не сможет быть напечатанной в «Биржевых Ведомостях» прошу покорнейше переслать ее от моего имени в «Русскую Мысль» Петру Бернардовичу Струве.[3]

М. Волошин.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 374.

[2] Статья «Адские войны» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 529–534, 817) была принята к публикации в «Биржевых Ведомостях».

[3] П.Б. Струве еще в начале 1913 г. предлагал Волошину сотрудничество с «Русской Мыслью». Участвуя в посредничестве между Волошиным и редакцией газеты «Русская Молва» в начале 1913 г., он спрашивал Волошина в письме от 14 января (ст.ст.) 1913 г.: «Нет ли у Вас чего-нибудь интересного для "Русской Мысли"?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1155, л. 1). Об отношениях Волошина и Струве см.: *Купченко В.П.* «Я его знаю давно и близко». М.А. Волошин и П.Б. Струве // Вестник русского христианского движения. 1993. № 167. Январь. С. 156—166.

144. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

20 июня / 3 июля 1915 г. Париж[1]

Милая мама, большое спасибо за книжки моих стихов.[2] Они пришли вчера, гораздо быстрее, чем я мог предполагать. А писем от тебя опять нет. Последняя была открытка, где ты писала, что получила сразу много писем от меня.[3] Через 2 дня уезжаю в Biarritz (Rue des Vagues, Villa Les Mouettes), так что верно напишу тебе подробно только оттуда. Из письма Майи знаю, что Марина уже в Коктебеле.[4] Приветствую ее. А Сережа?[5] Где Рагозинские будут летом? Где Вера и Лиля?[6]

В Биаррице я думаю остаться долго — месяца 3. Но, конечно, ничего по теперешним временам предвидеть не могу. Во всяком случае все письма, адресован<ные> в Париж, будут ко мне доходить с задержкой на один день, не больше, т<ак> к<ак> езды 12 часов. До свиданья. Крепко целую тебя.

MAX.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 3.VII.1915. Штемпель получения: Коктебель. 26.7.15.

[2] См. п. 124, примеч. 4.

[3] См. примеч. 1 к п. 141.

[4] См. примеч. 5 к п. 139.

[5] С.Я. Эфрон. В марте 1915 г. он поступил санитаром в поезд № 187 Всероссийского Земского Союза.

[6] В.Я. Эфрон и Е.Я. Эфрон. До июля 1915 г. В. Эфрон работала сестрой милосердия в санитарном поезде № 182 Всероссийского Земского Союза. Е.Я. Эфрон в мае 1915 г. уехала в имение Подгорье (близ Луги в Петроградской губернии) к своей подруге М.С. Урениус.

145. С.К. МАКОВСКОМУ

21 июня / 4 июля 1915 г. Париж

4 VII 1915. Paris. 60 Rue de la Tour.

Дорогой Сергей Константинович,

Ваше письмо застало меня накануне отъезда в Биарриц *(Biarritz. Rue des Vagues. Villa Les Mouettes).* Я с удовольствием принимаю Ваше предложение, тем более, что давно мечтал написать статью о японских эстампах.[1] Эта тема мне очень близка. Для того, чтобы собрать нужные материалы и книги, отложу отъезд на несколько дней. Но статью напишу там уже, сейчас же как приеду, так что в конце здешнего июля уже вышлю ее. Одновременно посылаю телеграмму с согласием и просьбой перевести 100 р. в Париж по телеграфу.

Мне придется купить несколько книг для работы. Вы мне позволите их поставить Вам в счет? Конечно, я не предполагаю ни дорогих увражей,[2] ни ценных изданий: а книг 6–8 по 3 франка, чтобы увезти с собою в Биарриц, иначе мне слишком придется задержаться в Париже. А я сам сейчас совсем не имею возможности покупать книги.

Я хочу Вам предложить на осень еще № о Сурикове. Грабарь для издания Кнебеля поручил мне уже года 2 назад написать монографию о Сурикове.[3] Она у меня вчерне вся готова. Но т<ак> к<ак> я получил известие, что Кнебель сейчас не делает новых изданий, то я не спешил привести ее в окончательную форму. Для нее уже <?>* были собраны большие биографические материалы (очень интересные) из долгих личных бесед с Суриковым.[4] Я знаю, что Грабарь ничего не будет иметь против того, чтобы монография в

* *Текст пробит дыроколом.*

сжатом виде была раньше напечатана в «Аполлоне». Но не знаю, примет ли это Суриков. Т<ак> к<ак> я не знаю сейчас ни адреса Сурикова, ни Грабаря, а переписка из Парижа занимает слишком много времени, то, быть может, если это Вас заинтересует, Вы сами спишитесь об этом с Грабарем и Суриковым, и тогда протелеграфируете мне в Биарриц? Могу поручиться, что статья будет одной из лучших и наиболее неожиданных моих статей.

Я хотел еще спросить Вас о судьбе моей книги «Лики Творчества».

Я до сих пор нигде не видал *ни одного* отзыва о ней. Что это значит? Ведь она была разослана по редакциям? Или это бойкот меня? Покупается ли она или вся села? Пожалуйста, напишите мне хоть несколько слов о ее судьбе. Или я просто не видал отзывов об ней?[5]

Не можете ли Вы мне прислать еще экземпляров 5 в Париж?

Мой парижский адрес остается за мною, и я вернусь сюда же на зиму. Но в Биаррице думаю пробыть месяца 3 — именно для работы.

Пока до свиданья.

Максимилиан Волошин.

[1] В письме от 9/22 июня 1915 г. Маковский сообщал о конфликте редакции «Аполлона» с А.Я. Левинсоном, которому была возвращена заказанная ранее статья о японской гравюре (см. об этом: *Дмитриев Павел.* Андрей Левинсон в журнале «Аполлон» (1911–1915) // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 224–240), и предлагал Волошину написать статью на ту же тему: «...мне, конечно, не хотелось бы отказываться от давно лелеемого мною намерения познакомить нашего читателя с искусством эстампа в Японии. Когда же я стал думать о том, кто красивее всего мог бы написать этот текст, Ваше “перо” сейчас же “перевесило” остальные, т<ак> к<ак> после статей о Сарьяне и Клоделе я, право, не знаю, кто бы острее и тоньше чувствовал эстетику Востока <...> жду с нетерпением ответа. Если он будет утвердительным, я тотчас вышлю Вам 100 рублей в счет гонорара и остальное – по получении рукописи» (Ежегодник Рукопи-

сного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб.: Дмитрий Буланин. 2010. С. 477).

[2] От *фр.* ouvrage – труд, сочинение.

[3] См. п. 47, примеч. 3, 4.

[4] Волошин посещал Сурикова в январе 1913 г., оставил развернутые дневниковые записи об этих встречах (см.: Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 322–349). Записи бесед с Суриковым сохранились в архиве Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 148).

[5] См. примеч. 7 к п. 108.

146. Б.В. САВИНКОВУ

26 июня / 9 июля 1915 г. Париж[1]

Дорогой Борис Викторович,

случилось так, что сильно задержался в Париже: получил заказ на статью для «Аполлона» – нужно собирать материал.[2] Маревну я проводил в Биарриц.[3] Сам еще, может, пробуду до воскресенья или до понедельника.[4] Т<ак> к<ак> Вы, б<ыть> м<ожет>, уже вернетесь к тому времени, то для того чтобы не разминуться, будучи одновременно в Париже, – напишите мне petit-bleu[5] сейчас же по приезде. А я весь день то в Нац<иональной> Библ<иотеке>, то в галерее эстампов работаю.

Маревна, уезжая, просила Вас крепко поцеловать, если еще раз Вас увижу.

М. Волошин.

Пятница.

[1] Датируется по связи с п. 145, указанию дня недели и зачеркнутой (неточной) датировке автографа: «Четверг 7-го». Отправлено в Ниццу (Савинков приехал туда в конце июня н.ст. 1915 г.)

[2] См. п. 145, примеч. 1.

[3] Маревна выехала в Биарриц на виллу Цетлиных около 23 июня / 6 июля 1915 г. (Труды и дни. С. 375).

[4] 28 июня / 11 июля и 29 июня / 12 июля.

[5] Телеграмма или письмо по парижской пневматической почте.

147. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

27 июня / 10 июля 1915 г. Париж[1]

Милая мама, давно от тебя нет никаких вестей (после открытки, где ты пишешь, что сразу много моих писем получила).[2] Я должен был уже неделю назад выехать в Биарриц, но получил в последний момент заказ от «Аполлона» на статью об японской гравюре с предложением аванса.[3] Я, конечно, телеграфировал о согласии и остался в Париже работать над материалами. Кончу это дня через три и уеду. Писать буду уже в Биаррице. Сейчас сижу по 8 часов над японскими книгами в галерее эстампов и после этого хожу идиотом и хочу спать. Париж опустел: все мои знакомые разъехались. Жажду юга, и моря. Страшно хочется рисовать. Я ведь год с натуры не работал!.. Что делается в Коктебеле? Кто живет?

До свиданья. Крепко целую тебя.

Макс.

Biarritz. Rue des Vagues. Villa Les Mouettes.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 10.VII.1915. Штемпель получения: Коктебель. 1.7.15.

[2] См. примеч. 1 к п. 141.

[3] См. п. 145, примеч. 1.

148. С.К. МАКОВСКОМУ

28 июня / 11 июля 1915 г. Париж

11 VII 1915. Paris. 60. Rue de la Tour.

Дорогой Сергей Константинович,

только что получил ответную Вашу телеграмму: «Proposition change. Attendez letters suit».* Она меня совсем сбила с толку и возмутила.

Получив Ваше письмо с предложением написать большую статью о японской гравюре,[1] я пришел в восторг —

* «Предложение меняется. Ждите следующего письма» *(фр.)*.

потому что это та тема, о которой я мечтал давно написать, и потому, что это было и материально очень важно. Я получил его как раз перед отъездом из Парижа, когда все вещи у меня были сложены уже. Я остался. Телеграфировал Вам согласие. Работал безвыходно всю неделю в библиотеках, достал и накупил книг, наткнулся на целую массу интересного материала, мысленно уже написал всю статью, и теперь Вы берете обратно свое предложение.[2]

Это как раз то, что всегда подрывало все мои отношения с «Аполлоном»: я не могу верить Вашим заказам: так было с переводом «Акселя»,[3] так было с присланным мне для перевода Сюаресом («Bouclier de Zodiaque»),[4] так было с разными рецензиями. Я терпеть не могу быть неаккуратным. Но я в течение прошлых лет приучал себя нарочно к этому: я совершенно сознательно затягивал статьи о Богаевском, о Сарьяне – чтобы меня ждали, а не я ждал. И тогда все было благополучно. Сейчас я отступил от этого и снова должен раскаиваться.

Ведь мало того, что я задержался на неделю в Париже: я ведь ради этого забросил все свои работы, вошел в разные расходы (не очень большие, но по теперешнему времени *очень* большие для меня) и т.д.

Может, всего это<го> не стоило и не нужно было бы писать, но мне хочется указать Вам, Сергей Константинович, как Вы сами расхолаживаете в работе и приучаете – требуете неаккуратности, как самозащиты.

Завтра я выезжаю в Биарриц (Biarritz. Rue des Vagues. Villa Les Mouettes). Останусь там до осени. Купленные книги, верно, примет обратно мой Libraire.* Те, что достал, верну и оставлю в Париже. Так что, если теперь понадобится Вам статья об японской гравюре, то я все это буду принужден выписывать и собирать снова. Что займет и время и потребует бóльших расходов. И во всяком случае я <не> стану бросать всех своих дел и текущих работ, чтобы поскорее исполнить Ваш заказ. Но сейчас досаднее для меня не это, а то,

* Книгопродавец *(фр.)*.

что статья, вся уже обдуманная, и мысленно готовая, так и останется ненаписанной.

До свидания.

Максимилиан Волошин.

Мое предложение статьи о Сурикове поддерживаю и жду ответа.[5]

[1] См. п. 145.

[2] Объяснения Маковский дал в письме к Волошину от 18 июня / 1 июля 1915 г.: «Я очень извиняюсь! Когда я писал Вам относительно статьи о “Японской гравюре”, я совершенно не принял в соображение то расстояние, которое *теперь* отделяет Петроград от Парижа. Между тем статья – спешная, по многим причинам, и откладывать ее появление, может быть, на несколько месяцев нет никакой возможности. К счастью, мне удалось это дело наладить “домашним порядком” <...> Но мне бы не хотелось, чтобы из-за моей забывчивости Вы как-нибудь пострадали. Поэтому, если у Вас что-нибудь уже написано, высылайте, – будет напечатано, как дополнительный этюд. А кроме того, разрешите мне выслать обещанные сто рублей за статью о Пикассо, которого Вы, по-видимому, теперь изучили. Так, одно другое покроет» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 477–478). Статью о творчестве П. Пикассо Волошин не написал. В «Аполлоне» была помещена статья Н.Н. Пунина «Японская гравюра» с многочисленными иллюстрациями (1915. № 6/7, август – сентябрь. С. 1–35).

[3] Переведенная Волошиным драма Ф.-О. Вилье де Лиль-Адана «Аксель» (Т. 4 наст. изд. С. 84–233) предполагалась к опубликованию в «Аполлоне», однако не была напечатана ни в журнале, ни отдельным изданием. См.: Т. 8 наст. изд. С. 544–545.

[4] В 1910 г. Волошин перевел шесть фрагментов из книги Андре Сюареса «Щит Зодиака» («Le Bouclier de Zodiaque», 1908 // Т. 4 наст. изд. С. 784–792) по заказу «Аполлона», которые в журнале не появились. См.: Т. 8 наст. изд. С. 513–514.

[5] См. п. 145. Как явствует из письма к Волошину секретаря «Аполлона» М.Л. Лозинского от 2 июня 1916 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. С. 480–481), Маковский дал на это предложение положительный ответ.

149. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

28 июня / 11 июля 1915 г. Париж[1]

Милая мама, я писал тебе, что я уже совсем готов был уехать в Биарриц, как получил от Маковского спешный заказ написать большую статью о японской гравюре.[2] Я разложил вещи, остался, проработал эту неделю безвыходно в Нац<иональной> Библиот<еке>, собрал массу материала, достал и купил книги, и сегодня получил телеграмму: «Передумал, ждите письма». Даже не досадно, а просто противно. Завтра еду. Жаль только, что эта статья, вся уже написанная в уме, так и останется ненаписанной. Каждый раз попадаюсь на такие заказы. Никак не могу привыкнуть. И Маковский ведь меня ценит, как сотрудника. Кажется, единственный. От тебя давным-давно нет писем. До свиданья. Крепко тебя целую.

MAX.

Адрес: Biarritz. Rue des Vagues. Villa Les Mouettes.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Paris. 12.VII.1915; Коктебель. 28.7.15. Датируется по упоминанию о получении телеграммы С.К. Маковского (см. п. 148).

[2] См. п. 145, примеч. 1.

150. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

2/15 июля 1915 г. Биарриц

Biarritz. Rue des Vagues. Villa Les Mouettes.
15/VII 1915.

Милая мама, вот я уже третий день в Биаррице.[1] Тихо, хорошо, безлюдно. Похоже на Коктебель. Биарриц совсем не таков, как я думал. Я представлял его похожим на Ялту (или Ниццу) с соответственной публикой. Он гораздо строже, проще, аристократичнее по-настоящему. Сейчас все громадные отели (без пестроты) стоят или пустые, или под лазаретами. Вилла, где я живу, отделена от остального города и

пляжа огромными Hôtel du Palais (дворец Наполеона III),[2] а с другой стороны пустые теперь Гарандючьи виллы.[3] Против пляж. Пустой. В море скалы. Дом так же близко к морю, как в Коктебеле. Только тут уж не море, а океан с приливами и отливами, теченьями и громадными волнами – т<ак> к<ак> разбег волны здесь от самой Америки, а Бискайский залив самый бурный из всех морей. При мне еще не было *большой* волны. Но и в тихую погоду волны, как у нас при южном ветре. И сила в волне совсем другая, чем у нас. Купаться так же удобно, как в Коктебеле: раздеваешься дома, накидываешь халат и идешь босиком в море.

Это часть большого пляжа, но заходят сюда только дети. Вилла большая, строгая. Хозяев – т.е. Цетлина с женой еще нет. Они приедут только в августе. Меня кормит консьержка, – очень милая гасконка,[4] испанскими и провансальскими блюдами. Муж ее – сыщик – оказывает всякое покровительство и протекцию в полицейском отношении (что по нынешним временам доносов и шпиономании – как во времена Великой Революции – далеко не лишнее).

Моя комната – небольшая, уютная с электрич<еской> лампой, желто-палевая, выходит прямо на море. Я рисую в окно волны. Сколько лет я смотрел в Коктебеле на море и никогда не решался его начать писать. А теперь здесь, кажется, я что-то ухватил и смогу теперь передать рисунок и движение волны. Или здесь волны и прибой гораздо выраженнее и проще.

По пляжу хорошо вечером гулять и думать. Но прогулок близких нет. Всюду селения. Правда, очень близки Пиренеи, и близка Испания – но всюду надо ехать по железной дороге и всюду надо брать особый пропуск, потому что страна на осадном положении. Чего бы, кажется, уже здесь-то в самом дальнем от немцев углу принимать такие меры. А они строже, чем в Париже.

Писем от тебя все нет и нет. Хотя я уже получил разную корреспонденцию, пересланную из Парижа, – они запаздывают лишь на одну ночь.

Как раз после той открытки, где ты пишешь, что наконец получила целый ряд моих писем, – от тебя все прекратилось.

До свиданья. Крепко тебя целую. Привет Марине и Асе,[5] если они в Коктебеле. Привет Юнге. Где проводят лето Лиля и Вера?[6] Толстой? Рагозинские?

MAX.

[1] Волошин прибыл поездом в Биарриц 30 июня / 13 июля 1915 г.

[2] Дворец, сооруженный в Биаррице в 1855 г. Наполеоном III для его супруги императрицы Евгении Монтихо — «Вилла Евгения» (Villa Eugénie), с 1893 г. — Отель дю Палэ (Hôtel du Palais; архитекторы Ипполит Дюран и Огюст Кuврешеф; после пожара (1903) реконструирован Эдуаром-Жаном Нирмансом).

[3] От *фр.* grand-duc — великий князь. В Биаррице постоянно бывали русские великие князья и другие представители русской аристократии.

[4] Консьержка на вилле Цетлиных — Люси Мейсонёв.

[5] М.И. и А.И. Цветаевы.

[6] Е.Я. Эфрон и В.Я. Эфрон. См. примеч. 6 к п. 144. Летом 1915 г. В. Эфрон была принята в труппу Московского Камерного театра.

151. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

4/17 июля 1915 г. Биарриц[1]

17.VII.1915. Biarritz. Rue des Vagues. Villa Les Mouettes.

Дорогая Юлия Леонидовна, пишу Вам с берега Океана. На днях будет ровно год, как я уехал из Коктебеля. И я снова на берегу моря. Я живу один на большой и очень роскошной вилле одного знакомого. Она на самом берегу. Не дальше, чем коктебельский дом. Перед ней пустынный пляж. Это часть большого пляжа — но сюда никто не заходит. Направо и налево пустые виллы. Купаюсь прямо из дому. В окно комнаты смотрит море. Рисую только волны и, кажется, схватил наконец рисунок волны. Но в движениях волн, в приливах и отливах совсем другая мощь. Даже когда купаешься, чувствуешь совсем иной мускул.

Перед отъездом из Парижа получил как раз Вашу открытку с дороги.[2] Я не видел и не чувствовал Парижа последнее время. И оттого, что стояли летние жары, и оттого,

что очень был занят человечьими делами: «Мир Искусства» поручил Аргутинскому и мне распределен<ие> денег между нуждающимися художниками.[3] И сложная и неприятная работа. Но, слава Богу, она была сделана до конца. Готов был уже уехать, как получил письмо от Маковского: заказ написать большую статью о японской гравюре, очень спешно.[4] Остался. Работал. Пересмотрел почти 2000 японских книг (из коллекции Теодора Дюре — великолепной), всё подготовил и тогда получил вторую телеграмму от Маковского: «Changè décision».*[5] Это совсем разбило всё, и на другой же день я уехал. Очень жаль ненаписанной статьи — много выяснилось нового и открылись новые точки зрения на японское искусство.

Сейчас изучаю волны и пишу маленькие статьи в «Биржевые Ведомости». Это меня материально обеспечивает.

Живу я у поэта-эмигранта Цетлина[6] (Вы, верно, помните серовский портрет его жены — в дверях на фоне моря — на этой же самой вилле).[7] Он с семьей приедет в августе. Я с ним очень подружился этой зимою. (Он даже купил у меня акварель[8] — страшно горжусь тем, что уже покупаемый художник!).

Вы едете в Пермь?[9] Как раз я недавно видел целый ряд этюдов, сделанных в Перми одним моим приятелем — французом Ozenfent.[10] Это муж той дамы, которая должна была зайти к Вам.[11] Ее (она русская) я не знаю. Но, может, Вы ее встретите в Перми — где она до сих пор еще живет у своих родителей — ее девичья фамилия Клинберг.

Ее муж издает журнал (в котором печатал мои рисунки и стихи (в переводах)).[12]

В Биаррице я думаю остаться до конца лета — до сентября. Впрочем, ничего заранее решить невозможно. Но мой парижский адрес неизменен, и мне можно все время писать туда — (задержка лишь на день).

Стихов это время не писал совершенно. Об К<онстантине> В<асильевиче> мне хотелось бы знать то, как сложились и уравновесились его отношения с Анной Владимировной.[13] Мне Пра писала немного вначале. Но ведь

* «Меняется решение» *(фр.).*

Пра нужно видеть правых и виноватых... А в таких отношениях все всегда виноваты...[14]

Я потому и не знаю, как писать К.В., что совсем ничего не вижу и не знаю, что там делается. Вы, значит, узнали теперь Вален<тину> Влад<имировну>? Я очень люблю ее.[15]

«Apollyon'а» отверг и «Аполлон» и «Рус<ская> Мысль». Теперь он пошел в «Биржевые Ведомости». Не знаю, пройдет ли он там. Об книге стихов пока это время я не думал.[16] Я думаю, за лето она значительно увеличится, и тогда можно будет сделать попытку найти издателя. Имели сведения от Конс<тантина> Феод<оровича>? От Рогозинских?[17]

Привет Екат<ерине> Ив<ановне> и Феод<ору> Конс<тантиновичу>.[18]

Максимилиан Волошин.

[1] Почтовые штемпели на конверте: Biarritz. 17.7.15; Петроград. 23.7.15.

[2] Письмо Оболенской из Казани от 12/25 июня 1915 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 56).

[3] См. п. 135, примеч. 2.

[4] См. примеч. 1 к п. 145.

[5] См. п. 148.

[6] М.О. Цетлин был членом партии эсеров, в 1906 г. преследовался как член редакционной комиссии книгоиздательства «Молодая Россия» и вынужден был в 1907 г. эмигрировать; до 1917 г. жил во Франции и Швейцарии. См.: *Хазан Владимир*. «От книги глаз не подыму» (О личности и творчестве Михаила Цетлина) // *Цетлин М.О. (Амари)*. Цельное чувство. Собр. стихотворений. М.: Водолей, 2011. С. 262–269.

[7] В.А. Серов исполнил портрет М.С. Цетлиной в Биаррице в октябре – ноябре 1910 г. Портрет экспонировался на посмертной выставке Серова в январе 1914 г. в Петербурге в залах Академии художеств и в феврале того же года в Москве в помещении «Художественного салона» на Б. Дмитровке.

[8] См. примеч. 3 к п. 135.

[9] В упомянутом письме из Казани Оболенская сообщала Волошину: «...пишу Вам с парохода по дороге в Пермь, где пробуду лето у брата».

[10] Недатированное письмо Амеде Озанфана к Волошину (относящееся к 1915 г.) опубликовано и прокомментировано П.Р. Заборовым. См.: Русская литература и зарубежное искусство: Сб. исследований и материалов. Л.: Наука, 1986. С. 357–358.

[11] В письме из Казани Оболенская сообщала Волошину: «Дама, присланная Вами, – при мне не заходила ко мне».

[12] Имеется в виду художественно-литературный журнал «L'Elan». В 1915 г. Волошин участвовал в двух номерах журнала – в № 2 от 1 мая (рисунок «Обстрел русскими форта Ромели Гиссар») и в № 5 (см. примеч. 3 к п. 141). Оба номера журнала сохранились в библиотеке Волошина в его Доме-музее в Коктебеле.

[13] К.В. и А.В. Кандауровы. Оболенская отвечала 5/18 августа 1915 г. из деревни Мысы Оханского уезда (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 57–60): «Какой трудный вопрос задаете о К.В. <...> Могу говорить скорее как свидетель. Он остается, не желая причинять страданий (что не мешает его жене при всяком случае намекать ему, что для нее все в жизни потеряно). Ей желательно, по-видимому, разделиться со мною так, чтобы самой – заботиться о нуждах низкой жизни, а мне предоставить вольное искусство. Моя поездка туда, казалось бы, и определяет достаточно все отношения, если бы не упорная вера К.В. в какое-то просветление для А.В. (которой он требует и от меня). Я долго подозревала, что это боязнь быть откровенным, пока не додумалась, что просто-напросто у К.В. психология нормального святого (канонизирована же его прабабка!). На такие мои слова он смеется, уверяя, что идеализирую. Нет слов уверить его, что в моих устах это звучит вовсе не восторженно. Но и Вам не умею передать диковинной смеси из врожденного отвращения к подобному образу действий и глубочайшего почтения перед таким идеализмом. (Доходящим до чуда – не нарушения Закона, а растворения порядка обыденности)».

[14] На эти слова о Е.О. Кириенко-Волошиной Оболенская откликалась в том же письме: «Разве Вы, прежде говоривший с улыбкой – "и он еще считает себя виноватым", – теперь равняете двух неравных людей? Но ведь тогда и мне придется разделить Ваш упрек с различающими правых от неправых <...> У Пра есть ошибки, я знаю. Величайшей я считаю ее предпочтение мне перед К.В. Ведь если самую высокую человечность принять за гений – то он Моцарт, я же только Сальери. Но Пра человек страстный и пристрастный, и я понятнее ей по натуре <...>».

[15] В письме из Казани Оболенская передавала Волошину привет от В.В. Успенской (родственницы А.В. Кандауровой). На вопрос Волошина Оболенская отвечала 5/18 августа: «...я только познакомилась, а не узнала Вал<ентину> Влад<имировну>. Возможность воз-

будить симпатию при существующем положении тоже пугает меня, как бестактность».

[16] См. примеч. 2 к п. 119, примеч. 5 к п. 128.

[17] В письме от 5/18 августа Оболенская сообщала о К.Ф. Богаевском и В.А. Рогозинском: «О Богаевском (он в Севастополе) сведения получаю через К.В. из Шейх-Мамая. Они побывали в Кенигезе вдвоем, а на возвратном пути в Москву К.В. рассчитывает погостить и в Севастополе. Володечка Рогозинский в имении Флинта — Черного Дискобола. Он поехал строить там какую-то храмину <...>».

[18] Е.И. Оболенская и Ф.К. Радецкий.

152. Б.В. САВИНКОВУ

9/22 июля 1915 г. Биарриц

22/VII 1915.
Biarritz. Villa Les Mouettes. Rue des Vagues.

Дорогой Борис Викторович,

Ваше письмо очень меня обрадовало — и больше всего обрадовало самое тяжелое для Вас — сомнения.[1] Когда их не было — я не считал возможным и нужным говорить против Вашего *решения*. Если они есть, то мне хочется сказать: *Вам* идти на *эту* войну не надо. Ваши долги и счеты все с Россией, а не с Европой. А война-то ведь только Европейская, ультра-Европейская. И для России она все-таки не народная — а Европейская (т.е. правительственная). Многому в Париже поддаешься, как гипнозу общего чувства. Здесь, когда начинаешь видеть с точки зрения «Океана и прибоя волн», многое становится на свое место.

Необходимость, приводящую Вас к этой войне, я принимал и понимал. Знаю, что прятаться Вам нельзя. Но идти собственной волей — это ложный шаг — это рудинство — а это совсем не в Вашей судьбе. Трагедия с расстрелом русских[2] вдруг выявила всю несовместимость историческую культурных путей и судеб. (Они ли не Рудины — расстреливаемые с криком: Vive la France!..*).[3]

* Да здравствует Франция!.. *(фр.)*

Ведь ясно же, что Европейские народы победят Германию только для того, чтобы самим быстро нагнать ее в упущенном. В расе ли тут дело?

В России не то. И только оттуда может прийти моральная власть над машинной культурой.

Вы знаете (а может, не знаете): я в *практические* результаты русс<кой> революции не верю совсем. Но она — горн, в котором плавятся законы новой морали — и потому я благословляю ее целиком. И Ваша судьба там. То, что Вы называете своим «американизмом», для меня выявляющий из кипенья растворенных масс — стальной сплав. Но эту сталь еще рано применять в *чужой* борьбе. Она должна быть готова, когда эта же самая борьба пойдет уже по существу и будет *нашей.*

Нет, Борис Викторович, раз нет определенного призыва Судьбы, не идите на войну.

Простите, что пишу все это. Я бы никогда не позволил бы себе это, если бы Вы сами не написали о своих сомнениях.

В Biarritz'е хорошо. Хорошо, что вилла стоит в самом пустынном месте и виден только Океан. Но пустынно только здесь. Отойти — всюду люди.

Пишу статьи для Гаккебуша[4] и рисую волны. Наблюдаю их, изучаю, в бинокль. Многое понял в их рисунке. Удивительные здесь волны.

Но пошел раз к маяку с биноклем и альбомом. Ко мне подсел выздоравливающий солдатик, мило поговорил, а после пошел в полицию и донес, что немецкого шпиона нашел. Мне же это было вечером доложено мужем консьержки — агентом тайной полиции, который меня же и реабилитировал. Очень уютно.

С Маревной мы больше молчим, хотя никого кроме друг друга и не видим.[5]

У нее приступы Сауловой тоски.[6] Ходит молча. Огрызается. Не слышишь, не видишь, а сквозь стену чувствуешь.

Стихов не пишу пока. И боюсь, что рядом с Маревной (только не говорите ей это) не смогу писать. Я могу писать только в очень прозрачной тишине. Это редко бывает.

Перед тем, как впасть в тоску, Маревна читала все книжки, что могла найти здесь среди книг о революции. С большой непосредственностью переживала Азефа.[7] Вам верно еще предстоит по этому поводу ряд неожиданных вопросов.

Ежели это письмо застанет Вас в Париже: повидайте Дилевского — он наверно еще не уехал: у него подробные сведения об расстрелянных от приезжавших с фронта.

Он сообщил мне, между прочим, что все русские волонтеры и из других частей, в виде протеста, потребовали перевода — большинство в Дарданеллы, некоторые в Россию. Только трое остались во Франции. Это может быть интересно для Вас; если Вы еще не осведомлены об этом.

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

P.S. В амнистию — сейчас — не верю.[8] Но в то, что эта же война Вас приведет в конце концов в Россию, верю почему-то безусловно.

[1] Имеется в виду письмо Савинкова из Ниццы от 19 июля (н.ст.) 1915 г., в котором он делился с Волошиным своими сомнениями относительно намерения пойти добровольцем на фронт: «Декрет о русских отменен совершенно. Никого не только не требуют, но даже и не зовут. Как странно. Пока меня требовали и звали, у меня не возникало сомнений. Теперь же, когда приходится брать решение на свою душу, я колеблюсь и боюсь решать. Как мало в каждом из нас душевной свободы и какая огромная нужда в палке, хотя бы моральной» (*Волошин Максимилиан.* Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск: Мастацкая літаратура, 1993. С. 369 / Публ. З. Давыдова и В. Купченко. Исправлено по автографу: ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1068).

[2] В июне 1915 г. в Париже Волошин получил от художника В.В. Дилевского сведения о судьбе русских добровольцев во Франции: несколько десятков человек были расстреляны за неповиновение

порядком Иностранного легиона, в который были зачислены (Труды и дни. С. 375).

[3] Подразумевается заключительный эпизод романа И.С. Тургенева «Рудин» (1856): гибель главного героя в 1848 г. на парижской баррикаде.

[4] Т.е. в «Биржевые Ведомости».

[5] См. примеч. 6 к п. 138. «Кланяйтесь Марии Брониславовне, — писал Савинков Волошину 19 июля. — Я очень буду помнить Closerie de Lilas, Ротонду, Латинский квартал и встречи с Вами и с ней. Я бы хотел увидеть ее в черном платье» (Звезда. 1996. № 2. С. 162).

[6] Подразумеваются предсмертные слова Саула: «подойди ко мне, и убей меня, ибо тоска смертная объяла меня <...>» (2 Цар. I, 9).

[7] Подразумеваются публикации о разоблачении в январе 1909 г. провокаторской деятельности Е.Ф. Азефа. См., например: Запрос об Азефе в Государственной думе. СПб., 1909; Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа. <Б. м.>, 1911. 26 июля (н.ст.) 1915 г. Маревна писала Савинкову из Биаррица в Париж: «Я познакомилась близко с Азефом — и Макс много смеялся над моим бешенством по поводу дел этого мерзавца» (Звезда. 1996. № 2. С. 163).

[8] Савинков писал Волошину 19 июля: «Ходят слухи об амнистии. Я очень хорошо знаю, что никакая амнистия меня коснуться не может, и все-таки ловлю себя на мысли: "а вдруг?.." Опять томление духа, малодушие и самообман» (*Там же*. С. 162).

153. Б.В. САВИНКОВУ

16/29 — 18/31 июля 1915 г. Биарриц

29/VII 1915. Biarritz.
Rue des Vagues. Villa Les Mouettes.

Дорогой Борис Викторович,

получил сегодня Ваше второе письмо (от 26<-го>).[1] Не вижу, получили ли Вы мое — посланное в Париж.[2] Верно, да.

31/VII. Все-таки хорошо, что Ваши сомнения длятся и Вы не сделали еще решительного шага.[3] Чувство «долга» в сущности такое же дурное чувство, как и чувство справедливости (и потому же: это подмена *Любви*). И поддаваться его

искушениям очень опасно (для человека славянской расы). Это ведь только впусти в себя вопросительный знак: а не *должен* ли я...? и на этой канве «славянский дух» какие угодно узоры создаст. Это, конечно, входит в процессы морального творчества...

Вы говорите, что не знаете, «откуда и почему взялось это чувство; но знаю, что оно не обманывает меня».

А я боюсь, что именно оно обманывает...

За Россию тяжело, но... не страшно. Только зачем они так болтают, что вон, мол, немцы попались — хотели разбить, а мы употребили военную хитрость и сдаем Варшаву.[4]

Для меня картина войны (sub specie aeternitatis*) представляется теперь так: выросли огромные примитивные организмы — государственно-промышленные. К ним отдельный человек относится как клеточка. К<ак> организмы они только начинают вид и интеллектуально в миллионы раз ниже его. Переживают они период развития пищеварительный (ставят же зоологи пищеварение как начало понимания и мышления). И вот сознательный, морально-творящий человек осужден исполнять в этих процессах роль желудочного сока.

Быть желудочным соком какой-то über**-протоплазмы. Это ужасно.

Нужно прекратить этот чудовищный биологический процесс — это образование государственно-промышленных осьминогов высшего порядка, а не отста<и>вать одного над другими.

Вначале думали, что борются расы, народы. А теперь со всех сторон осьминоги. Германский перво-осьминог заставил других сознать себя таковыми, и теперь они уже не развоплотятся.

И единственная искра спасения для Европы — в исконном русском анархизме. Неоткуда ждать других сил. Тут ведь такая дилемма: или стать осьминогами, или быть раз-

---

* С точки зрения вечности *(лат.)*.

** Сверх *(нем.)*.

давленными. И у Франции, и у Англии все данные на это. Россия — стихия. Она может потопить собой и в себе.

Ей осьминожья немецкая государственность два столетия прививалась — у нас иммунитет. Крепкая сыворотка от Биронов, Бенкендорфов.[5]

Довольно...

Живем тихо, без событий.

На днях наше уединение нарушилось: приехали еще гости, Николаевы.[6] По виду и по речам «дорогой товарищ». Не знаете ли, кто это? Обедаем теперь вместе. Разговоры — газетные.

Цетлины, кажется, не приедут раньше половины августа. Маревна тоскует по дикой жизни и по café. Очень Вас любит. Просит передать, что «всегда помнит».[7]

Собираемся бежать в Испанию до приезда хозяев.

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

[1] Письмо из Ниццы от 26 июля (н.ст.) 1915 г. (*Волошин Максимилиан.* Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск, 1993. С. 370—371).

[2] Имеется в виду п. 152.

[3] См. примеч. 1 к п. 152. В письме от 26 июля Савинков признавался Волошину: «На сердце каменная гора — русские поражения. Дома мне не позволяют идти в солдаты (в особенности Лев Борисович), но мне кажется, что как только я немного устрою свои денежные дела, — пойду. Не знаю почему, но во мне растет чувство, что так надо, в независимости от декретов, циркуляров и участков. Глупо, не правда ли? То есть глупо, что я не могу даже дать отчета себе, откуда и почему взялось это чувство. Но знаю, что оно не обманывает меня». (В тексте упоминается Л.Б. Савинков (1912—1987) — сын Савинкова и Е.И. Зильберберг).

[4] Русские войска отступили из Царства Польского в июле 1915 г., отошли из Варшавы 23 июля / 5 августа.

[5] Граф Эрнст Иоганн Бирон (1690—1772), герцог Курляндский — фаворит императрицы Анны Ивановны, в годы ее царствования (1730—1740) бывший фактическим правителем России. Граф Александр Христофорович Бенкендорф (1783—1844) — с 1826 г. шеф Корпуса жандармов и главный начальник Третьего отделения, пользовавшийся полным доверием Николая I.

[6] Михаил Константинович и Александра Виссарионовна Николаевы, члены партии эсеров.

[7] 26 июля Савинков писал Волошину: «Хотел бы увидеть Вас и Марию Брониславовну. Вы бы ласково посмотрели через пенснэ и прочли стихи, а М.Б. выкурила бы 25 папирос, сперва бы рассердилась, а потом бы улыбнулась одними глазами. Я бы выпил 3 “мара”, и мне бы стало весело. <...> Скажите Марии Брониславовне, что я о ней помню».

154. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

20 июля / 2 августа 1915 г. Биарриц

Biarritz. Villa Les Mouettes. Rue des Vagues.
2/VIII 1915.

Милая мама, я бесконечно давно не имею от тебя никаких вестей. Еще в Париже я все ждал от тебя письма. А здесь я уже две недели. С той самой открытки, где ты писала мне, что получила целый ряд моих запоздавших писем,[1] я ничего не имел от тебя. Это меня очень беспокоит. По газетам знаю, что в Феодосии небывалая тропическая жара, и боюсь, что тебе от нее совсем нехорошо. Последние твои письма были от первой половины мая. А теперь уже конец июля. Ровно год назад я приехал в Дорнах.

О Биаррице и как я здесь живу, я уже писал тебе.[2]

Жизнь идет тихо и очень уединенно. Много рисую. Но с натуры не приходит<ся>: человека с карандашом и красками сейчас же принимают за шпиона.

Только из окна пишу море и облака.

Пишу статьи для «Биржев<ых> Ведомостей». Несколько уже было напечатано.[3] Кажется, это сотрудничество состоится, и тогда я на эту зиму буду в Париже материально обеспечен.

Но, несмотря на уединение и прекрасную обстановку жизни, на душе смутно, беспокойно, тревожно. Трудно сосредоточиться на чем-нибудь большом. Война и русские неудачи все время тревожно ворочают в подсознании. Стало

снова все темно, неопределенно, как было в это время год назад, и опять невозможно даже подумать, что будет через неделю, месяц, год.

И опять я без каких бы то ни было вестей из России: вдруг все сразу перестали мне писать.

Здесь лето только в начале. Несмотря на близость Испании, еще не было ни одного жаркого дня.

Океан действительно совсем иное, чем море. Не говоря уже о приливах: волны совсем иные и сила в них другая. Залив здесь открытый, волны громадные. В заливе скалы и между них постоянные буруны.

Не хватает одного: прогулок: самые пустынные и уединенные места — около дома. Всюду же кругом люди, по дорогам виллы, и никуда не уйдешь и не выйдешь. А около дома и пляж и скалы и гроты — почти всегда безлюдные.

До свиданья. Крепко обнимаю и целую тебя.

МАХ.

[1] См. примеч. 1 к п. 141.

[2] См. п. 150.

[3] Ко времени отправления письма в утреннем выпуске «Биржевых Ведомостей» были опубликованы (в авторской рубрике «Париж и война») три статьи Волошина — «Поколение 1914 г.» (15/28 мая), «Литература в 1915 году» (18 июня / 1 июля) и «Жертвы» (26 июня / 9 июля).

155. Б.В. САВИНКОВУ

26 июля / 8 августа 1915 г. Биарриц

Biarritz. Villa Les Mouettes.
8/VIII 1915.

Дорогой Борис Викторович,

только что получил Ваше (третье) письмо из Ниццы.[1] Значит, Вы не получили вовсе моих писем! А я написал Вам два больших[2] и оба адресовал в Париж (10 Rue Lalo), как Вы сами

в своих письмах указывали. Разве Вам не пересылают корреспонденции из Парижа?

Об Вас сюда дошли слухи (не через Эренбурга),[3] что Вы выиграли 4000 fr. Значит, не верно. Иначе не было бы ни ужаса, ни безумия, ни красного хохота.[4] Жаль. А я так радовался за Вас. А Маревна ворчала: «должен был бутылку мара хоть прислать в таком случае». Она уже давно в самой черной меланхолии, усложненной насморком и болью горла, что дает всему характер настоящего катаклизма.

Благополучное и бе<з>мятежное существование совсем не по ней. Она тоскует, мятется, всеми и всем недовольна.

Собирается ехать в Испанию в скором времени.[5]

Цетлины еще в Швейцарии и даже не пишут, когда думают приехать в Биарриц.

Здесь жить для спокойной литературной работы очень хорошо. Около дома пустынный плаж, а дальше во время отлива совсем дикий и скалистый. Но отойти от этого берега — сразу автомобильно-ресторанные ужасы и дамы цвета танго. (Всё аргентинки).

Но тихой литературной работы — увы! нет. Русские дела (несмотря на то, что газеты и уверяют, что немцы в полном отчаяньи от того, что русские сдали Варшаву) лежат мерт<в>ящею тяжестью на всем и парализуют все попытки к большой работе. Стихи упорно не пишутся. Статьи туго и бездарно. Целые дни занят живописью. Это у меня всегда род тихого помешательства и литературного идиотизма. Дела материальные плохи. Гаккебуш телеграфировал, что деньги высланы. Но об них ни слуху, ни духу. Так что не живи я в Биаррице на всем готовом, не знаю, что и делал бы. И Маревна озлоблена против всего внешнего мира (а «внешний мир» — в большой степени — я). Неприятно.

Радуюсь, что безденежье препятствует Вам «ангажироваться». Это судьба. Привет Льву Борисовичу и Евгении (?отчество?).[6]

Максимилиан Волошин.

[1] В этом письме, отправленном из Ниццы 5 августа (н.ст.) 1915 г., Савинков сетовал на отсутствие денежных переводов из газеты «Речь», где он сотрудничал, и на невозможность вследствие этого вернуться в Париж: «За 100 руб. плотят 161 fr., и поэтому “Речь” не плотит вовсе, а я поэтому не могу выехать и буквально пришпилен к Ницце. Я никогда не был так зол, как теперь» (*Волошин Максимилиан.* Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск, 1993. С. 371).

[2] См. п. 152, 153.

[3] И.Г. Эренбург в это время жил в Эзе, поблизости от Ниццы (см. примеч. 7 к п. 137). В письме к Волошину от 19 июля 1915 г. Савинков сообщал: «Два раза был у меня Эренбург и 2 раза, несмотря на обещание, не был»; в письме к нему же от 26 июля: «...я все еще сижу в Ницце <...> Эренбурга не вижу – вероятно, он думает, что я в Париже, а может быть, ему просто неохота выезжать из Ez'а <...>» (*Волошин Максимилиан.* Избранное. С. 369, 370).

[4] Отклик на слова Савинкова в письме от 5 августа: «Со мной “ужас, безумие и красный хохот”» (*Там же.* С. 371). Обыгрываются образные доминанты повести Л.Н. Андреева «Красный смех» (1905): «безумие и ужас», «красный смех» (*Андреев Леонид.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Худож. литература, 1990. Т. 2. С. 22, 28, 29, 61, 73).

[5] Маревна выехала в Испанию 18 августа (н.ст.), на следующий день она отправила Волошину открытку из Пасахеса – предместья Сан-Себастьяна (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 364).

[6] Л.Б. Савинков и Евгения Ивановна Зильберберг (в 1-м браке Сомова, во 2-м – Ширинская-Шихматова; 1885 или 1883–1942), его мать, член боевой группы Савинкова и его гражданская жена (с 1908 г.).

156. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

27 июля / 9 августа 1915 г. Биарриц[1]

Милая мама, от тебя так и нет ни одной строчки вот уже скоро 2 месяца. Ты ли не пишешь, письма ли твои не доходят, или мои не доходят? Теперь лето и жара, по газетам в Феодосии ужасная. Боюсь за твое и здоровье, и состояние духа. Последние вести от тебя были от *начала* мая. Объясняю себе твое молчание тем, что у тебя ужасное состояние духа и нет охоты писать.

Моя жизнь здесь в Биаррице идет однообразно, без событий и впечатлений. С книгами, но больше с красками. Без людей. Почти не выхожу из дому, потому что дома и около дома самые пустынные места. А дальше люди, туалеты и т.д.

На душе нерадостно: война — ею нельзя не жить, и никаких надежд на лучшее после войны. Стихов давно не пишется.

Что теперь в Коктебеле делается? кто живет это лето? Как отразилась война на строе летней жизни? Как твои материальные дела? Есть ли жильцы? Мне никто не пишет из России с начала лета. Неужели что-нибудь с почтой приключилось.

Крепко тебя целую.

MAX.

Biarritz. Villa “Les Mouettes”. Rue des Vagues.
9/VIII 1915.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Biarritz. 9.8.15; Коктебель. 14.8.15.

157. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

31 июля / 13 августа 1915 г. Биарриц

Biarritz. Villa Les Mouettes. Rue des Vagues.
13/VIII 1915.

Милая мама, наконец-то получил от тебя письмо и большое (от 26 июня).[1] Последние твои открытки из Коктебеля были от начала мая. Не может быть, чтобы ты 1½ месяца не писала. Верно, пропали твои письма. Я совсем от твоего молчания заунылил и думал, что у тебя началось летнее отвратительное состояние.

Я уже месяц в Биаррице. Живу очень тихо, уединенно, молчаливо, без событий. Все кругом очень хорошо. Много внутри переживается и растет. Много рисую. Но совсем нет творческого и рабочего подъема. Война рождает боль-

шое уныние, и совсем не остается иллюзий об возрождении и моральном очищении после нее. Я говорю об Европе, а не об России. Россия особая стать, поскольку она Азия. А поскольку Европа, она, конечно, как все.

Ты негодуешь на мои последние строки из стихотворения «Утренние газеты».[2] Но они самые искренние и ценные лирически. Вероятно, ты сама совсем веришь той «полуправде», что создается газетами, той официальной тактической правде, которая нужна для поддержания духа. Я ей, к сожалению, совсем не верю. Эта условная правда самое страшное во всей войне.

Все так заняты тем, кто начал. «На начинающего Бог!».[3] Но тот, кто «продолжает», делает гораздо хуже.

«Que messieurs les assassins commencent»,* отвечают защитники смертной казни ее противникам. Бернард Шоу остроумно обернул эту фразу в том смысле: «пусть убийцы начинают, а мы будем продолжать (т.е. казнить)». С войной то же самое. Немцы начали, остальные продолжают, и подражают им.

В европейской морали утвердилось такое (сатаническое, дьявольское) моральное обязательство: за благодеяние благодарность возвращается тому именно, кто благодеяние оказал, долг обязан быть уплачен целиком именно тому, от кого получен, не другому. Таким образом добро немедленно погашается между двумя. А зло возмещается не только тому, от кого оно пришло, но и его близким и его соплеменникам, и возмещается рукою щедрой, не считая. Прекрасный строй морали, обеспечивающий рост зла <в> геометрической пропорции и душащий добро посредством полудобродетелей (благодарность, справедливость, долг) в самом зародыше.

Очень большое утешение, что мы будем делать такое количество снарядов, как немцы, когда именно от совершенства и количества снарядов и мораль их немецкая возникла. Немцы варварски мучат и истязают пленных. Им надо отомстить. Но сами немцы начали мучать и истязать только после того, как ихние газеты оповестили их о том,

* «Пусть господа убийцы начинают» *(фр.)*.

что немцев, взятых в плен, истязают казаки. Газеты лгали, но лгали, вероятно, с доброй гражданской целью: поднять дух армии, родить «святое негодование». Это же делают и наши.

Единственное отрадное исключение: когда была закончена французская официальная анкета о германских зверствах в Северной Франции, то правительство решило не опубликовывать ее в газетах и не сообщать армии, для того, чтобы не будить ненужной ненависти. Но газеты с этим не считаются и стараются изыскать и приукрасить, чтобы похуже еще выглядело.

Я совсем не верю ни в освободительный, ни в очистительный смысл войны. Как теперь стараются *нагнать* Германию в ее прогрессе, так это будет и после войны. Это война не национальная, не освободительная. Это все выдумано, чтобы сделать ее популярной. Просто несколько осминогов (промышленности) силятся пожрать друг друга. Ради этого и идет все. А заманивают благородной ложью. Идут на войну и святые и мученики. Но всё для того, чтобы стать желудочным соком в пищеварении осминога.

Ты, вероятно, так все на веру в газетах принимаешь, что можешь возмущаться моими словами:

О дай не разлюбить врага
И брата не возненавидеть.[4]

Я против немцев. Но, отбросивши все условные истины настоящего года, не вижу, чем морально французы выше немцев. (Индивидуальности не считая и не считая отдельных жертв).

Такие истории, как расстрел французами русских волонтеров,[5] о котором писать запрещено, чем они лучше немцев. А Англия, которая бережет 2 миллиона своих войск ко времени мирного конгресса. Обо всем этом нельзя, нетактично писать теперь. Вероятно, так. Но цельная правда всегда нетактична. Это уж ее свойство. Я понимаю твое негодование. Но не понимаю того, как приписываешь мне Иудушкину молитву,[6] когда естественно было бы подумать:

очевидно, все не так просто и ясно, а есть и другие точки зрения, другие представления о совершающемся.

Я Россию, как народ, исключаю из своих безнадежных выводов. Но Европа безнадежна. Она во власти демонов машины, демонов жадности (перепроизводства, завоевания рынков, развития промышленности). Но Демонов Промышленности – их нельзя внешне истребить, отречься от машин, их надо внутренно, морально преодолеть. Этого можно ждать только от России. Но не как от государства, а как от народа во всем его хаосе.

Я думаю, что моя молитва – совсем настоящая именно в наше время. И гораздо более верна теперь, чем в обыденной жизни.

Спасибо, что так подробно пишешь о людях. Мне хотелось бы знать подробнее о Марине. Хотелось бы знать, кто это Парнок.[7] Я ее видал когда-то давно в Петербурге, мельком: она тогда бывала всегда именно с Тусей Крандиевской и была с нею, кажется, очень дружна.[8] Напиши мне о Сереже.[9] Как Марина отпустила его на войну? Где Лиля и Вера?[10] Кандауров? Юлия Леонидовна?[11]

Тусю Крандиевскую я знаю слишком мало: видал ее совсем девочкой еще, потом в Петербурге, разговаривал только раз, когда мы в поезде встретились. Так что совсем не знаю ее и твои впечатления принимаю, как данное.[12] Третий человек, конечно, ничего не может никогда понять в том, что связывает и разделяет любящих. Но мне очень жаль Епифашку.[13] И хотелось бы знать об ней.

Только что пришла твоя открытка от 1 июля.[14] И то в почте все прорвалось и письма посыпались. Получил от Аделаи<ды> Казим<ировны> тоже письмо.[15]

Мандельштама я очень люблю как поэта. И встречал его, когда он был еще совсем юным мальчиком.[16] Дочь Головина (председателя думы?) тоже встречал в Москве

несколько раз, не был знаком.[17] Но был пленен ее лицом и всеми движениями.

В «Биржев<ые> Ведомости» я пишу, но они что-то мне не присылают гонорара. Но говорят, что они вообще аккуратны. Это, верно, задержка почты. Но пока я сижу в Биаррице уже месяц совсем без денег. Хорошо, что меня кормят и поят.

Сегодня пришли газеты о заседании думы. О помиловании Бурцева.[18] И радуешься, и досадно: неужели для этого нужно было, чтобы взяли Варшаву?

Привет всем: Алехану, Тусе, Марине, Асе,[19] Мандельштаму, Юнге, Елене Павлов<не>.[20]

Крепко целую тебя.

МАХ.

[1] Письмо Е.О. от 26 июня / 9 июля 1915 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 39—40 об.).

[2] См. примеч. 5 к п. 129. Е.О. писала Волошину в указанном письме: «...мне очень нравится “Весна” и совсем не нравится “Утренние газеты” в общем, хотя есть и в нем хорошие места, например: “Ложь заволакивает мозг... ..” и далее все четверостишие; все второе четверостишие не нравится сравнением трихин с мечтою и кажется мне антихудожественным. От заключительных четырех строк я пришла в негодование. Как можно так думать и чувствовать тому, в ком еще бьется живое сердце и не вырезана душа. Если бы весь этот конец относился к обыденным событиям нашей обыденной жизни, — вообще к людям-врагам, — людям-братьям, он был бы безукоризненно хорош, высок, с большим подъемом, и нашел бы отклик в моем сердце и во многих, думаю, сердцах, но просить у кого-то дозволения не возненавидеть брата моего страдального, благодаря которому я имею возможность не только жить, а наслаждаться жизнью — смахивает на молитву Иудушки, и на уста просится другая молитва: прости ему, Господи, — бо не чувствует, что говорит».

[3] Название и первая строка стихотворения Ф. Сологуба (25 июля 1914 г.). См.: *Сологуб Федор*. Война. Стихи. Пг.: Изд. ж-ла «Отечество». С. 6; Война в русской поэзии / Стихотворения выбраны Анс. Чеботаревской. Пг., 1915. С. 66.

[4] Заключительные строки стихотворения «Газеты» («Утренние газеты»); в печатном тексте первая цитируемая строка: «Дозволь не разлюбить врага» (Т. 1 наст. изд. С. 227).

[5] См. п. 152, примеч. 2.

[6] Имеется в виду Иудушка Головлев из романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» (1875–1880); в главе «Семейные итоги» о нем говорится: «Он был набожен и каждый день охотно посвящал молитве несколько часов. Но он молился не потому, что любил Бога и надеялся посредством молитвы войти в общение с ним, а потому, что боялся черта и надеялся, что Бог избавит его от лукавого. Он знал множество молитв, и в особенности отлично изучил технику молитвенного стояния. <...> Но молитва не обновляла его, не просветляла его чувства, не вносила никакого луча в его тусклое существование. Он мог молиться и проделывать все нужные телодвижения – и в то же время смотреть в окно и замечать, не идет ли кто без спросу в погреб и т. д.» (*Салтыков Щедрин М.Е.* Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. литература, 1972. Т. 13. С. 125).

[7] В письме от 26 июня / 9 июля Е.О. упоминает, в числе гостящих в Коктебеле, М.И. Цветаеву и «двух сестер Парнок» – т.е. С.Я. Парнок и Е.Я. Тараховскую.

[8] Сообщив в том же письме о приезде в Коктебель А.Н. Толстого с его новой женой Н.В. Крандиевской, Е.О. добавляла: «Оказывается, Парнок еще в Москве поссорилась с Тусей из-за Нади и своего бюста, работы последней». (Упоминается скульптор Надежда Васильевна Крандиевская (в замужестве Файдыш; 1891–1963), сестра Н.В. Крандиевской).

[9] С.Я. Эфрон. См. примеч. 5 к п. 144.

[10] Е.Я. Эфрон и В.Я. Эфрон. См. примеч. 6 к п. 144, примеч. 6 к п. 150.

[11] Ю.Л. Оболенская.

[12] В письме от 26 июня / 9 июля Е.О. сообщала о Наталье Крандиевской: «Общаюсь я теперь с Тусей ежедневно, говорю с ней, слушаю, что она говорит, и продолжаю оставаться к ней совершенно равнодушной. По-моему, она такая обыденная, средняя женщина, без всякой самобытности; с малым умишком, узким сердцем, непробужденной душой. Я не верю ее лицу, не верю ее словам, и ее настоящее лицо, ее настоящие слова уже начинают для меня проявляться в Коктебеле, и подтверждают только сложившееся представление о ней в Москве. Она многого совсем не понимает <...> Думаю, чем дольше с ней проживу, чем больше узнаю, тем дальше от нее отойду; сегодня был мой первый шаг вспять от нее. Не понимаю совсем, чем она Алехана <А.Н. Толстой. – *Ред.*> прельстила, и как это они вместе романы, повести пишут, и что из этого всего выйдет через год-два. И как-то подло хихикает она над своим первым мужем, и как-то пусто и серо все исходящее из нее. Мелки слова, мелки поступки.

И нет у меня для нее другой клички как Article de Paris <парижское изделие. – *Ред.* >, да из дешевого магазина впридачу».

[13] Прозвище С.И. Дымшиц-Толстой.

[14] Письмо с авторской датировкой: 1/VII; почтовые штемпели: Коктебель. 3.7.15; Biarritz. 13.8.15.

[15] Письмо от А.К. Герцык от 17/30 июля 1915 г. (см.: *Сестры Герцык*. Письма / Сост. и коммент. Т.Н. Жуковской. СПб.; М., 2002. С. 160–162).

[16] Отклик на сообщение в письме Е.О. от 1/14 июля 1915 г. о совместной жизни с А.Н. Толстым: «...кофе, чай пьем <...> вместе, а со вчерашнего дня к нам присоединился поселившийся у нас поэт Мандельштам; он мне с виду понравился, только я совсем не могу понять его стихов в его декламации: она претит мне и мешает слушать, понимать, воспринимать». Согласно мемуарным записям Волошина, он познакомился с О.Э. Мандельштамом у его родственницы И.А. Венгеровой – видимо, между октябрем 1906 и мартом 1907 г. (см.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 422, 632; *Купченко В.* Осип Мандельштам в Киммерии // Вопросы литературы. 1987. № 7. С. 186–187). О пребывании Мандельштама в Коктебеле Е.О. написала также Ю.Л. Оболенской (5/18 августа 1915 г.): «Он в сущности неплохой человек, талантливый поэт, умен, но за месяц пребывания своего здесь успел всем надоесть своей мнительностью, некоторой бесцеремонностью, а мне главным образом неряшливостью и беспамятством относительно некоторых моих требований» (РГАЛИ, ф. 2080, оп. 1, ед. хр. 21).

[17] В том же письме Е.О. сообщала: «Познакомилась здесь с милым, молодым супружеством – Альбрехт; она дочь Головина, и мне бесконечно нравится». Имеются в виду Борис Эммануилович Альбрехт и его жена, артистка Ольга Федоровна Головина (1890–1974), дочь Федора Александровича Головина (1867–1937) – в 1907–1908 гг. председателя Второй Государственной думы, юриста и земского деятеля, члена ЦК кадетской партии.

[18] В сентябре 1914 г. В.Л. Бурцев (занявший с началом Мировой войны оборонческую позицию) вернулся в Россию, где был арестован на границе, судим и приговорен к ссылке, которую отбывал в Туруханском крае. Амнистирован по ходатайству французского правительства к открытию Государственной думы в июле 1915 г.

[19] А.И. Цветаева. Ср. сообщение в цитированном выше письме из Коктебеля Е.О. к Оболенской: «Марина с Соней <С.Я. Парнок. – *Ред.*> уже уехали куда-то в Малороссию, к знакомым Сони. Ася уехала на днях, убоявшись холеры в Судаке <...>».

[20] Е.П. Паскина.

158. А.М. ПЕТРОВОЙ

3/16 августа 1915 г. Биарриц

16/VIII 1915. Biarritz. Villa «Les Mouettes».
Rue des Vagues.

Дорогая Александра Михайловна, Ваше письмо с описанием поездки прощальной К.Ф.[1] в Коктебель потрясло меня.[2] Оно пришло сегодня. Два месяца не имел я ни одного письма из России. Мамино письмо о том же[3] пришло позже – вечером. И еще несколько писем сразу. Да, он прав. Я знаю, что он не может иначе... Но в том, чтобы он был там, есть глубокая, нестерпимая неправота. Никто не имеет права сказать про себя сам: жизнь моя слишком драгоценна, чтобы я рисковал ею. Но народ, но руководители не должны допускать гибели таких людей... Во Франции за время войны убито 132 поэта и писателя.[4] Представляете Вы, что это значит? На сколько десятилетий народ лишен своего цвета – своей мысли, слова, сознания, чувства. Ведь оно все – в этих 132-х, из которых ни один не старше 35 лет.

Но это знание (хотя многих уже погибших я знал) все-таки отвлеченно сравнительно с этой непосредственной болью, с этим отъездом К.Ф.

Я действительно «таинственный певец, на берег выброшен волною»,[5] предвидя возможность призыва единственных сыновей, судьба заботливо сломала мне правую руку,[6] отняв у ней возможность стрелять и убивать, оставила ей возможность писать и рисовать.

И еще (так таинственно) увела с «челна» в самый последний момент перед войной.[7] Но если б я и должен был идти на войну, я бы отказался: не из-за страха смерти – я [его] не знаю и готов уйти каждую минуту, но потому что есть для меня враги более важные, чем немцы. Это теперешние орудия разрушения, демоны взрыва, демоны машин, демоны организации,[8] Германия во всей своей чудовищности – только их произведение. И всякого, кто их примет, они доведут <до> такого же морального состояния.

Это ведь ложь, что это война рас.[9] Это борьба нескольких государственно-промышленных осьминогов. Они совершают свои гнусные пищеварительные процессы, а им посылают отборных юношей. И демоны машин пожирают прежде всего самых чистых, искренних, правдивых, кто (они знают) не примет их царства, а тех, кто станет их рабами, — сохраняют. Кто идет на войну как на радостное дело мести — те не погибают — это общее правило. Солдаты в траншеях безошибочно указывают, кто из прибывающих на фронт останется в живых, кто будет убит.

Эта война есть одно огромное целое. Противники слиты в одном объятии. Ее надо одолеть — самое войну, а не противника.

Надо теперь не судить, кто прав, кто виноват. А понять, исчислить, анатомировать, расчленить те силы, что составляют войну.

Россия, как народ, тут в стороне. Она не приняла печати антихристовой, и в ней одной может быть спасение для Европы. Она одна может выработать ту новую мораль, которой победятся демоны машин.

Я не вижу из Вашего письма, получили <ли> Вы целый ряд моих стихов, что я Вам послал в мае, и в том числе большое стихотворение «Apollon».[10] Там весь мой взгляд на войну. Я просил Вас, посылая их, потом передать маме. Но ни Вы, ни мама ни слова не пишете о них. Значит, не получили. Я посылал «Аполлиона» в разные редакции: его нигде пока не принимают: верно, слишком вне того, что пишут о войне сейчас.[11] Но все, что я пишу, это о Европе. Россия — «у ней особенная стать».[12]

В «Биржевых Ведомостях» было до сих пор напечатано три моих статьи.[13] К тому времени, как Вы получите это письмо, будет, верно, статей 7 — если все пройдут, а этого я не знаю. Я сам не верю, что меня печатают, и как-то нет уверенности, что будут продолжать печатать.

Статьи мои идут под заглавием «Париж и Война».[14] Одна была 18 июня.[15] Другие — не знаю.

Другое, что потрясло меня в Вашем (и мамином) письме, — это мамин сон обо мне.[16] Он даже не символичен, а вполне реален. Это общая формула всей жизни и всех наших отношений. Все ее отношение ко мне, все наши недоразумения в этом вопросе: «Макс, скажи мне твое имя». И может ли быть на этот вопрос ответ? Разве я знаю свое имя? И разве я не живу на земле именно для того, чтобы узнать его? И кто может сказать про себя иное, чем ... «Я есмь лоза виноградная...»?[17]

Но маме нужно твердо произнесенное — в деянии выявленное имя. Но я иду ведь путем понимания, а не действия...

Я вижу совершенно ясно: пойди я, например, на войну — для мамы это было бы бесконечно тяжело, но в этом была бы радость, это был бы ответ на вопрос. В этом было бы уже имя. Но я не пойду, и если бы нужно было, то должен был бы отказаться. И так во всех областях жизни. Мама, читая мои стихи, говорит: почему же это меня не трогает. Я хочу, чтобы ты меня зажег, потряс. Но я ведь именно не хочу ни тронуть, ни зажечь. Я обращаюсь к пониманию, а не к чувству. Я нарочно ставлю грань между мною и читателем, чтобы оставить ему свободу, чтобы он не мог согласиться со мной, но чтобы нечто от моего осталось, дало бы в нем уже собственный его росток.

Мамин сон гениально верен. Он мне раскрывает все необъяснимое и безвыходное, что есть между нами. Она никогда наяву не задавала этого ясного вопроса. Все скрывалось мелочами жизни. Но за всем временным стоял всегда он. Поэтому всегда были так несоответственны, несоразмерны ее гнев, ее требования с теми обстоятельствами, которыми они вызывались.

О смерти Сергея Осиповича я ничего не знал[18] (верно, Ваше письмо еще не дошло или пропало). Больно и грустно...

Вы ничего не пишете о своих братьях. Где они? Кто призван? Где Петя?[19]

Что Людвиг?[20] (Знаю, что он призван.) Кто из знакомых (Феодосийск<их>) на войне?

Бедный Алехан... Его «жены» будут «доить» его, и действительно ему придется (и приходится) исходить рас-

сказами.[21] Я слишком мало знаю Тусю...[22] А Соню мне очень жаль.[23] Я ее лично очень люблю. Я не вполне понимаю, что именно произошло в прошлое лето. Ведь она все хотела свободы, хотела создать свою отдельную жизнь...

Знаете ли что-нибудь о Кандаурове? Напишите подробнее. Как он принял решение Конст<антина> Феодор<овича>? Как его личная жизнь? Я так мало о нем знаю...

А Рагозинский? Где он, что с ним?

Я не сказал ничего о себе: я живу в Биаррице уже месяц, на самом берегу океана. В большом уединении и молчании. Очень тяжело. Судьба России лежит пеплом на всех мыслях. Думаю. Молюсь.

Рисую, потому что только в анализе природы сейчас в мире остается гармония.[24] Стихов не писал. Но буду писать. Не знаю еще, когда вернусь в Париж. Но чем дальше идет война, тем более чуждой становится мне Европа и более близкой Россия. Только в ней все ответы, все разгадки и спасение, но ... не от мира сего...

Вчера здесь погасло электричество, и мне в темноте оставалось только лечь спать. Я написал сегодня стихи о России.[25] Перешлите их Конст<антину> Феодор<овичу>. Я мысленно их ему посвящал. Передайте мой привет любовь Жозеф<ине> Густав<овне>.[26]

Мах.

[1] К.Ф. Богаевский.

[2] А.М. Петрова писала Волошину 30 июня (ст.ст.) 1915 г.: «Мама, вероятно, писала Вам о нашем визите, главным образом, Конст<антина> Феод<оровича> к ней и к Толстому? Были еще Финочка <Ж.Г. Богаевская. – *Ред.*> и я. Было и радостно, и очень, очень тяжело, т<ак> как видно было, что Конст<антин> Феод<орович> прощается. Передать этого невозможно, но стоило больших усилий не давать виду, что чувствуется нечто неотвратимое. Это же сейчас же заметили и Елена От<тобальдовна>, и Алексей Ник<олаевич>. В нем – напряженнейшая нервозность и полная решимость. Если бы он остался далее в дому, то нервы бы не выдержали. Мешать ему никак нельзя, да и не следует. Я пробо-

вала и только крохотную уступку получила: не отказ, в случае возможности остаться при штабе Муратова. Ел<ена> От<тобальдовна> права, говоря, что он не мог бы не только в дальнейшем творить, но и жить, не выполнив свого личного долга до конца. <...> Помимо всего я вижу, что в нем какая-то ужасная буря внутри идет. Финна вся встревожена, очень страдает, говорит мне предположения, но, мне кажется, не договаривает. <...> Он (КФ) очень интересуется прочесть Вашу статью в "Бирж<евых> Вед<омостях>", о кот<орой> ему говорили Муратовы. Постараюсь и я достать. Радуюсь, если Вы, наконец, будете печататься» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 44).

[3] См. примеч. 5 к п. 159.

[4] Волошин основывался на списках убитых и раненых писателей, приводившихся в «Bulletin des Ecrivains». Этой трагедии французской культуры он касался в ряде статей под общим названием «Париж и война», над которыми работал в это время для «Биржевых Ведомостей» (см. примеч. 4 к п. 123).

[5] Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Арион» (1827). Таким образом Волошин откликается на рассказ Петровой о К.Ф. Богаевском в письме от 30 июня (ст.ст.) 1915 г.: «По дороге в Коктебель он вспомнил стихи Пушкина "Орион" <так!> – его любимые – стал говорить их и прибавил: – "Останется один Макс...". Все спрашивал о Вас, интересовался письмами, и шутил, желая предложить Вам приехать к нему в Проскуров (в будущем, по предположению) в качестве защитного щита. Прощаясь, просил меня непременно Вам кланяться» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953). Этот рассказ Петровой найдет отражение в стихотворении «Другу» (первоначальное заглавие «К.Ф. Богаевскому», 23 августа 1915 г.), которое открывается эпиграфом из пушкинского «Ариона»: «Ах я, таинственный певец, / На берег выброшен волною» (см.: Т. 1 наст. изд. С. 228, 504).

[6] В 1910 г. Волошин сильно повредил правую руку (разрыв локтевых связок), упав с велосипеда. Об этом см.: Т. 9 наст. изд. С. 550–551.

[7] Имеется в виду отъезд Волошина из России в Швейцарию перед самым началом войны. См. примеч. 3 к п. 92.

[8] О зловещей сути машинизированности Волошин неоднократно писал в своих статьях, считая ее главной болезнью современной цивилизации. См. примеч. 18 к п. 120. Петрова в открытке от 8 сентября (ст.ст.) не согласилась с суждениями Волошина. См. примеч. 1 к п. 167.

[9] О Первой мировой войне как войне рас говорил в своих лекциях Р. Штейнер. См. также примеч. 10 к п. 120.

[10] См. п. 120, примеч. 3, 4. Отзыв Петровой о стихах Волошина этого периода см. в примеч. 3 к п. 125.

[11] Волошин посылал стихотворение «Аполлион» в «Биржевые Ведомости», «Аполлон», «Русскую Мысль», но нигде оно не было принято. Впервые это стихотворение было опубликовано только в составе его книги «Anno mundi ardentis 1915», вышедшей при материальной поддержке М.О. Цетлина в Москве в 1916 г.

[12] Строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «Умом Россию не понять...» (1866).

[13] К августу 1915 г. в «Биржевых Ведомостях» было напечатано четыре статьи Волошина: «Поколение 1914 г.», «Литература в 1915 г.», «Жертвы» (см. примеч. 3 к п. 154), «Год назад» (8 июля, утр. вып).

[14] См. примеч. 4 к п. 123.

[15] Статья «Литература в 1915 г.».

[16] Петрова писала Волошину 30 июня (ст.ст.) 1915 г.: «Елена От<тобальдовна> рассказала нам свой поразительный сон о Вас, состоявший лишь в упорном требовании от Вас ответа: “Макс, скажи имя свое!.. Ну скажи же свое имя!..”. Не правда ли, удивительно? Мы все Вас решаем, как загадку, и все никак решить не можем. В самом деле: – Кто Вы? Что Вы?.. Много говорила со мною Ел<ена> От<тобальдовна> о Вас и с любовью, и горестно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953). Свой сон Е.О. Кириенко-Волошина изложила в письме к сыну от 27 июня (ст.ст.) 1915 г. См. примеч. 7 к п. 162.

[17] «Я есмь Лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода» (Ин. XV, 5).

[18] Сергей Осипович Сысуев, феодосиец, носивший у Петровой прозвище «Медведюшка» и «Осипич», в 1908–1909 г. – студент Педагогического института; в 1912 г. сотрудничал в газете «Херсонская мысль». О его гибели в бою Петрова сообщала Волошину: «Писала ли я Вам, что С<ергей> Ос<ипович> (Медведюшка) убит в бою 20-го мая? – тяжкая утрата для меня друга, равного почти Гейне» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953). Однако весть о гибели С.О. Сысуева оказалась ложной. 4 марта 1917 г. в Феодосию пришла открытка от него из лагеря военнопленных в Австро-Венгрии. В архиве Волошина хранятся 12 писем Сысуева к А.М. Петровой (1912–1921 гг.) (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 69).

[19] Петр Михайлович Петров, брат А.М. Петровой, военный. Кроме него А.М. Петрова имела еще четверых братьев; все они, кроме Ореста Михайловича, разбитого в 1904 г. параличом, были военными: Адриан Михайлович Петров (?–1920), офицер, Александр Михайлович Петров (1873–?), прапорщик по Адмиралтейству,

Михаил Михайлович Петров (1877 – после 1921), офицер. В действующую армию был призван М.М. Петров. См. примеч. 3 к п. 99.

[20] Л.Л. Квятковский.

[21] А.Н. Толстой. Петрова писала о нем Волошину: «Более чем грустное впечатление произвел на меня Ал<ексей> Ник<олаевич>. Очень вспылил, когда я заговорила о полной недопустимости таких вещей, как его "В гавани". Говорил совершенно неприлично, что он, мол, не аскет, что глубоко плевать ему на то, какое впечатление произведет его вещь в газете, попадающей все равно потом в кл... (простите за Толстовский реализм), нужны, мол, скорее деньги, а доработает он над тою вещью потом уже, – для книги. Прости Бог! Я и не рада была, что зацепила. Жаль стало эту махину; а, в сущности, "трость, колеблемую ветром". В доказательство этой обработки преподнес нам по книге с последними рассказами, сказав: "прочтите, а потом поговорим". Увы, прочла... и еще больше боюсь встречи с ним. Есть прекрасные вещи. Но все это – такое сырье, для него, как *крупнейшего* дара. Что касается его новой спутницы, то она никому из нас не понравилась. Попался опять бедняга, "заводской жеребец"! Беда с этими "шестью пудами мужской красоты", благодаря которой он, кажется, никогда из пут не вылезет. Жаль его. Ведь человек ищет идеала, пристанища прочного. Я помню его, как он был прекрасен, любя Сонечку <С.И. Дымшиц-Толстая. – *Ред.*>. Какже цепок новый его придаток, думаю, что он, не задумаясь, стряхнет его по времени» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953). В тексте упоминается, по всей вероятности, т. 7. Сочинений А.Н. Толстого («Приключения Растегина») (Книгоизд-во писателей в Москве, 1915), вышедший в свет в июле 1915 г.

[22] Наталья Васильевна Крандиевская, жена А.Н. Толстого с 1915 г. Воспоминания об А.Н. Толстом / Сост. З.А. Никитина и Л.И. Толстая. М., Сов. писатель, 1982. С. 95–97.

[23] С.И. Дымшиц-Толстая.

[24] См. примеч. 9 к п. 138. Летние месяцы, проведенные в Биаррице, Волошин по преимуществу посвятил живописи.

[25] Стихотворение «России» («Враждующих скорбный гений...), датировано 17 августа 1915 г. См. Т. 1 наст. изд. 221, 511–512. Петрова в открытке от 8 сентября (ст.ст.) с восторгом отозвалась о нем. См. примеч. 1 к п. 167.

[26] Ж.Г. Богаевская.

159. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

16/29 августа 1915 г. Биарриц[1]

29/VIII 1915. Biarritz.

Милая мама, получил вчера заказное письмо с моим воинским свидетельством.[2] Спасибо. Я никак не думал, что оно у тебя, даже не знал, что оно есть. А ведь после просьбы тебе — я, сообразив, что тебе не скоро представится оказия поручить это кому-нибудь — я написал прошение в Феод<осийское> В<оинское> Пр<исутствие> и просьбу Алекс<андре> Мих<айловне>[3] и Пете Лампси похлопотать. Боюсь, что получу еще второй экземпляр и только напрасно затрудню. Но в письме твоем ничего кроме «свидетельства» не было, ни одной строчки. Меня это удивило. Неужели там не было никакого письма в этом конверте? В письмах, идущих с юга, страшная нерегулярность. Вот сегодня я получил от Майи письмо от 28 июля,[4] а твое последнее было от 1 июля (с описан<ием> прощ<ального> приезда Богаевского).[5] Очень смутно и тяжело от всего, что совершается с Россией. Хочется быть теперь там. Но я совсем парализован безденежьем:[6] никто ничего мне не посылает — никаких гонораров. А теперь поездка в Россию это целое состояние.

Крепко целую тебя. Радуюсь, что ты весела и бодра. Привет Толстым, Марине, Асе[7] и др.

MAX.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Biarritz. 30.8.15; Коктебель. 4.9.15.

[2] См. примеч. 2 к п. 139.

[3] А.М. Петрова. См. п. 142.

[4] Имеется в виду письмо М. Кювилье из Старой Руссы от 27 июля / 9 августа 1915 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1034, л. 33—35 об.).

[5] О визите в Коктебель Богаевского Е.О. сообщала в другом письме — от 27 июня / 10 июля 1915 г.: «...несколько часов тому назад приезжал ко мне Кон<стантин> Фед<орович> с женой и Алек<сандрой> Михайлов<ной> <Петровой. — *Ред.*>. Он приезжал проститься: на днях уезжает на передов<ые> позиции — в Проскуров, и ему захотелось увидать перед войной меня, Алехана

<А.Н. Толстого. — *Ред.*>, посидеть на берегу, покопаться в камешках. — Ал<ександра> Мих<айловна> рассказала мне, что нельзя было уговорить и склонить его на позволение начать хлопоты для избежания этой участи. И я думаю, уверена, что, отклонись он от призыва этого, останься в безопасном Севастополе, у него замертвела бы душа на всю жизнь и было бы это для него хуже смерти. С таким отношением к войне он обречен на жертву; другого выхода, всяких сделок с совестью своей у него быть не может. И он доволен... И точно навсегда уже прощается с былою жизнью, с близкими ему людьми. <...> Богаевский просил тебе очень кланяться и передать приглашение свое в окопы к нему — в Проскуров. Сказано это было им в шутливо-добродушной форме. Каждому свое. Насильно в мученики идти нельзя» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 38—38 об.).

[6] Е.О. процитировала эти фразы (начиная с: «Очень смутно и тяжело...») в письме к Ю.Л. Оболенской от 4/17 сентября 1915 г.: «У меня сегодня большая радость, и радость эту принесла открытка от Макса следующими своими словами <...>. Я же еще 10 августа предлагала ему денег на возвратный путь в Россию, и письма этого он еще не мог получить, и вот я уже получила утвердительный ответ, в котором очень сомневалась, все думала, что не захочет возвращаться» (РГАЛИ, ф. 2080, оп. 1, ед. хр. 21).

[7] М.И. и А.И. Цветаевы.

160. Б.В. САВИНКОВУ

23 августа / 5 сентября 1915 г. Биарриц

5/IX 1915. Biarritz. Villa «Les Mouettes».

Дорогой Борис Викторович,

пока Вы не получили моих писем, Вы писали изредка, а получивши вдруг замолчали совсем.[1] Неужели причина в них? Может быть, я стал говорить о том, о чем не надо было говорить?[2] Тогда все-таки скажите. Откликнитесь.

Я совсем один теперь во всем доме. Маревна уехала и снова в Париже голодает, пьет и ругается... По крайней мере, судя по письму.[3]

Цетлины, кажется, совсем не приедут. Гаккебуш на письма не отвечает, газеты не высылает, но денег немножко прислал.

Если Вы получаете «Бирж<евые> Ведомос<ти>», пришлите мне те №№, где было что-нибудь мое, или напишите, что было?

Не был ли «Apollyon» напечатан? Очень неудобно писать в газету, не получая ее.[4]

Как Ваши дела, намерения, планы? Я в «Речи» — совсем ничего Вашего не вижу.

Посылаю Вам 2 новых стихотворения, написанн<ых> недавно.[5]

Отзовитесь.

Максимилиан Волошин.

[1] Волошин подразумевает п. 155, отправленное в Ниццу — в отличие от п. 152 и 153, посланных по парижскому адресу Савинкова.

[2] Савинков отвечал 9 сентября 1915 г.: «Не писал я Вам единственно потому, что все время мне было так отвратительно трудно (“Речь” не печатает и не плотит), что писать значило жаловаться, а у Вас и своих бед, наверное, довольно. <...> С Вашими письмами я не согласен. Но почему Вы думаете, что затронули незатрагиваемые вопросы? Я Вас люблю, а значит, Вы можете касаться почти всего в моей жизни. О волонтерстве сейчас мне думать, к несчастию, не приходится: надо думать о хлебе насущном. Я и думаю о нем. Только о нем» (*Волошин Максимилиан.* Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск: Мастацкая літаратура, 1993. С. 372. Публ. З. Давыдова и В. Купченко).

[3] По возвращении в Биарриц из кратковременной поездки в Испанию Маревна отбыла в Париж, откуда отправила Волошину письмо (1 сентября (н.ст.) 1915 г.). См.: Звезда. 1996. № 2. С. 165–166.

[4] См. примеч. 2 к п. 119. Савинков отвечал в цитированном письме: «“Аполлиона” Гаккебуш не напечатал до сих пор. “Бир<жевые> Вед<омости>” я здесь не сохранял (статей Ваших было напечатано мало — всего-навсего не больше пяти), но в Париже у меня есть еще один экземпляр, и я вырежу Ваши статьи и сохраню» (*Волошин Максимилиан.* Избранное. С. 371–372).

[5] К письму приложены автографы стихотворений «России» («Враждующих скорбный гений...», 17 августа 1915) и «К.Ф. Богаевскому» («Мы, столь различные душою...», 23 августа 1915) (ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, ед. хр. 44, л. 9–13). См.: Т. 1 наст. изд. С. 221–222, 228–229. 9 сентября Савинков писал Волошину: «... спасибо за стихи и за память. Мне в особенности понравилось “Богаевскому”» (*Волошин Максимилиан.* Избранное. С. 371).

161. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

25 августа / 7 сентября 1915 г. Биарриц

Biarritz. 7.IX. 1915.

Многоуважаемая Марья Самойловна, только что получил обе Ваши открытки одновременно.[1] Вы, значит, сегодня выезжаете в Париж и окончательно едете в Швецию. Все? Михаил Осипович, значит, тоже?

В Париже вы найдете, верно, мое письмо с новыми стихами — я его дней 10 назад направил туда.[2] Я теперь совсем один. И Николаевы,[3] и Вор<обьева>-Стебельская уехали давно.[4] Когда остаешься совсем один, работается с особенной сосредоточенностью. Это я переживаю теперь. Много наметилось новых стихов. День кажется коротким и переполненным.

Мои дальнейшие планы... У меня их нет сейчас. Если бы я знал наверно, что мое пребывание в Биаррице не стесняет Вас ничем, то я попросил бы позволения остаться здесь еще дольше, может быть, на всю осень.

Мне сейчас еще совсем незачем возвращаться в Париж, а здесь, особенно теперь, когда повеяло осенью, очень хорошо работается, и мне кажется, что я еще десятой доли того, что хотел сделать, — не успел.

Я думаю, что Madame Lucy[5] я не очень стесняю. Я просил ее не готовить для меня ничего лишнего — кроме того, что они сами для себя готовят, и стараюсь вообще не затруднять собою.

Если Скирмунт[6] мне вышлет теперь же гонорар за переводы из Верхарна,[7] что я сделал по его заказу, я думаю на неделю проехать по ту сторону Пиреней, пописать этюды.[8]

Здесь, увы! — невозможно работать с натуры — принимают сейчас же за шпиона. Таково время.

Но я все-таки очень много успел сделать за лето: в первые полтора месяца ничем другим, кроме живописи, и не занимался.[9] Теперь положил зарок и взялся за стихи и за статьи.

Но как было бы хорошо, если бы Михаил Осипович все-таки приехал сюда на четыре недели, как Вы писали в прошлом письме.[10]

Напишите мне, пожалуйста, правда я бы не стеснил Вас, если бы остался в Биаррице еще дольше?[11]

Хочется еще раз очень поблагодарить Вас за гостеприимство, оказанное М. Воробьевой-Стебельской. Полтора месяца, проведенные здесь, дали ей очень много.

Вы, вероятно, увидите ее в Париже, если она успеет застать Вас. Она очень хотела лично Вас поблагодарить.[12]

Привет Михаилу Осиповичу.[13] Счастливого и благополучного пути, если Вы действительно уедете.

Благодарю за нее.

Максимилиан Волошин.

[1] Речь идет об открытках М.С. Цетлиной от 29 августа (н.ст.) 1915 г. и от 3 сентября (н.ст.) из Шамби. Первоначально Цетлина сообщила Волошину: «Едем в Париж только 3. IX и думаем пробыть там только два-три дня, и потом в Швецию. Будет грустно, если мы не увидимся до отъезда» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 14). Однако планы изменились из-за болезни дочери М.С. Цетлиной, о чем она написала Волошину 3 сентября (н.ст.) 1915 г.: «У меня захворала немного дочка, и мы выедем отсюда в Париж только во вторник 7. IX. Если Николаевы еще в Биаррице, передайте это им, пожалуйста. Надеюсь в Париже получить от Вас весточку. Наше решение ехать в Швецию окончательно. Единственно, если бы немцы подошли к Петрограду за это время, мы бы переменили наши планы» (*Там же*, л. 15). Дочь М.С. Цетлиной от первого брака — Александра Николаевна Авксентьева (в замужестве Прегель, 1907—1984), художница, живописец, график, иллюстратор. Михаил Константинович и Александра Виссарионовна Николаевы поселились на вилле Цетлиных в конце июля (н.ст.) 1915 г. (см. п. 153).

[2] Это письмо не обнаружено.

[3] См. примеч. 1.

[4] Маревна описала свой отъезд из Биаррица в конце августа 1915 г. в воспоминаниях (Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. С. 326—327).

[5] Речь идет о консьержке на вилле Цетлиных, Люси Мейсонёв. О ней см. п. 150, примеч.4.

[6] В письме от 12 августа (н.ст.) 1915 г. С.А. Скирмунт предложил Волошину перевести три стихотворения Эмиля Верхарна: «Я приобрел права на издание в русск<ом> переводе новой книжки Эмиля Верхарна “La Belgique Sanglante” прозою <...>. Эмиль Верхарн обещал мне написать к этому русскому изданию особое предисловие, а также представил мне право включить в него несколько его последних поэм. Я покуда напечатаю три поэмы, а именно “La Belgique Sanglante”, “Ceux de Liège”, “A la Belgique”. Вещи эти все небольшие. Так вот я и обращаюсь к Вам: не возьметесь ли Вы их перевести? Причем только перевод этот должен появиться впервые в подготовляемой мною книжке. Только между нами, поэмы эти мне не особенно-то нравятся, но...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1109, л. 1–1 об.). Получив согласие Волошина, Скирмунт выслал ему тексты вышеназванных стихотворений Э. Верхарна в письмах от 21 августа (н.ст.) и 24 августа (н.ст.) 1915 г. (*Там же*). 13 сентября (н.ст.) 1915 г. Скирмунт, сообщив Волошину, что переводы получил и чек на сумму 318 франков выслал, писал: «Я, разумеется, <...> с Вами согласен, что эти стихи Верхарна очень, очень слабы, и переводить их – задача, очевидно, нелегкая и неблагодарная. На мой взгляд, Вы сделали все, что только возможно было сделать» (*Там же*, л. 17).

[7] Переводы упомянутых стихотворений Верхарна: Т. 4 наст. изд. С. 74–82, 931–932.

[8] В Испанию Волошин выехал на велосипеде 13 октября (н.ст.), вернулся в Биарриц 21 октября (н.ст.) 1915 г.

[9] См. также п. 149, 158, 162; воспоминания Маревны (Воспоминания о Максимилиане Волошине. С. 322–323).

[10] Это письмо Цетлиной неизвестно.

[11] В ответном письме от 6 сентября (н.ст.) 1915 г. Цетлина извещала Волошина: «В Париж мы едем в четверг 9. IX; задержались из-за моей дочери. В Париже пробудем не меньше недели, а если Петроград будет в опасности, то, наверное, в Швецию не поедем. Вы говорите о разрешении остаться сентябрь в Биаррице. Даем Вам разрешение на все месяцы в годе <так!> и на все годы, так больше о “разрешении” не пишите» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 13).

[12] См. примеч. 12 к п. 165.

[13] М.О. Цетлин.

162. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

27 августа / 9 сентября 1915 г. Биарриц[1]

9.IX.1915. Biarritz. Villa Les Mouettes.

Дорогая Юлия Леонидовна, действительно — читать в Биаррице письмо, написанное в Пермской губернии, где горят неподалеку тундры, — контраст большой.[2] Но сомневаюсь, чтобы Вы в Пермской губернии жили в таком полном безлюдьи и уединении, как я здесь. Живу я один в большом доме, очень роскошном, на самом берегу океана — на пустынном пляже. Туда только и выхожу. Несколько шагов дальше кипит жизнь и, очевидно, весьма шумная, элегантная, потому что сезон. На соседней вилле Ростан живет и сына женит. Но это все так далеко и отвлеченно, что, если мне и случается высунуться туда, я пробегаю, не оглядываясь (на меня-то, правда, все оглядываются), и потом довольно долго остается в душе вкус человечины.

Очень противно на эту публику смотреть, верно потому, что все силы душевные <и> мысли сейчас в России.

Жизнь проходит между газетами и океаном. Это дает равновесие. И мне не хочется уходить из своего уединения и возвращаться в Париж. Боюсь, что сейчас и он мне будет чужд.

Очень потрясло меня решение Константина Феодоровича идти в действующую армию.[3] И понимаю, и ценю, и волнуюсь... но у самого у меня война только еще усилила, углубила изначальную нелюбовь к армии, к солдатам — каковы бы они ни были и за что бы ни сражались. Не могу это принять.

А по России — разгромленной — сердце надрывается. Посылаю два новых стихотворения Вам. Там все лучше высказано это.[4]

Меня очень опечалило, Юлия Леонидовна, что я о «виноватости» в любви так неясно выразился, что Вы могли это принять на себя,[5] подумать, что я могу Вас в чем-нибудь винить. Мне это и в голову не могло бы прийти. Нет — это было слишком кратким выражением одного субъективного чувства.

Мы ведь уж говорили с Вами на ту тему, что любовь = свобода, свобода = любовь. А люди делают из любви тягчайшую из цепей через «мой», «моя», превращая ее в чистый эгоизм. Так вот у этого эгоизма любви есть приличия. Любовь вне чувства собственности, любовь вне ревности — не «comme il faut».* И это страшно оскорбляет людей — любовь вне собственности. И не только по глупости, а еще по чему<-то> очень глубокому, органическому. И вот идешь как по струне, кажется, мысленно не позволил себе ничего *для себя* пожелать, ничем свободу чужую стеснить, и вдруг с ужасом чувствуешь, что все неверно, что нечто органическое, святое оскорблено, унижено. А любой — хищник, измучит, но не оскорбит. Вот это чувство вины, вот почему я сказал, что все виноваты, и по тому же самому, глядя со стороны, говорил: «а он еще себя виноватым считает».

А по отношению к Пра у меня действительно есть упрек за то, что <о>на судит: по поступкам судит. Для нее один поступок может переменить все мнение о человеке, которого она очень любит, и давно знает.

Мне это всегда представляется как малое доверие к человеку. Для нее поступок абсолютен, а человек условен, а для меня наоборот. Это было всегда причиной наших самых ярых споров.

Как Вы хорошо и верно говорите о «психологии нормального святого» у К<онстантина> В<асильевича>. Это совсем верно. И о «растворении порядка обыденности» — тоже.[6] Простите, что я затронул эти вопросы — по помаркам и по строению фраз увидел, как тяжело Вам говорить и формулировать свои мысли об этом.

Пра недавно написала мне об одном своем сне.[7] Она видела, что она будто меня настойчиво спрашивает: «Макс скажи мне свое имя?.. имя?». Спрашивает много раз, с отчаянием. А я молчу. Это весь сон. По-моему, он поразителен и в нем как бы сформулировано все безысходное, что есть в наших отношениях. Потому что этот вопрос у нее во всем и всегда. Но облекается он наяву в самые нерациональные

* Порядочно, прилично *(фр.)*.

слова, в самые несоответствующие формы — но надо всем — он. И так жутко знакомо эта настойчивость и отчаяние в его повторении. Но как мучительно слышать этот вопрос, когда знаешь, что сам только в многих и многих жизнях найдешь на него ответ. И как глубоко мешает он собственной внутренней работе, насильно обнажая то, что должно быть глубоко, скрытым. Это поразительный сон.

О внешнем: я теперь пишу в «Биржевых Ведомостях» — остракизм с меня газетный, в Петербурге по крайней мере, сняли. Написал туда много статей за лето об Франции. Но сам не знаю, что напечатано, потому что газеты не получаю до сих пор.

Живу здесь рядом с Испанией — очень хочется туда хоть немножко: она видна, как Меганом[8] с Карадага. Хочется вообще остаться здесь подольше. Но отвечайте мне в Париж (60 Rue de la Tour), т<ак> к<ак> между письмами проходит два месяца.

Рисовал я много — но всё от себя: с натуры невозможно — сейчас же примут за немецкого шпиона, за станцию для подводных лодок, — черт знает за что — так уж мозги настроены у народонаселения (историки говорят с гордостью: совсем как во время Великой Революции). Но много наблюдаю море. Кое-что поймал в рисунке и законах волн. Вообще теперь все больше и больше понимаю рисунок как «жест», Вот «жест» волны, он и в раковинах, и профилях скал, обточенных волнами, и на отмеля<х>, и в водорослях. Его надо внутри себя, как танец, принять — и тогда можно изображение до какой угодно условной упрощенности доводить — чем непосредственнее, тем живее. А потом есть соот<вет>ствия между естественными жестами самих красок и явлениями природы. Например, как акварель сама расплывается, и как облака лепятся и тают. Здесь есть точные соответствия вихрей — поняв их, надо только им помогать согласоваться. В живописи — я приблизительно в этой полосе работал.

До свиданья. Привет Ек<атерине> Ив<ановне> и Феод<ору> Конс<тантиновичу>.[9]

Напишите о Петербурге: как там чувствуется война? Есть ли там чувство непосредственной угрозы, опасности? Крепко обнимаю Константина Васильевича.[10]

Максимилиан Волошин.

[1] Почтовые штемпели на конверте: Biarritz. 11.9.15; Петроград. 17.9.15.

[2] Имеется в виду письмо Оболенской от 5/18 августа 1915 г. из деревни Мысы Оханского уезда: «...поселилась вдвоем с мамой. Условия жизни самые первобытные с необходимостью самим "варить борщи и ставить самовары" <...> льют беспросветные дожди, а в редкие (однодневные) перерывы все окутано дымом горящей тундры, настолько, что не узнаешь собственного огорода» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 57).

[3] См. примеч. 5 к п. 159. К.Ф. Богаевский, однако, в действующую армию не был направлен. 23 сентября / 6 октября 1915 г. он писал Волошину: «Сложилось все не так, как я предполагал; в действующую армию мне уехать не удалось. Приехав в тот раз из Коктебеля, я здесь в Севаст<ополе> вдруг узнал, что меня назначили командиром отдельно действующей рабочей роты и этим все пути в действующую армию у меня были отрезаны. Так, по всей вероятности, я всю войну и простою здесь <...>» (*Бащенко Р.Д.* К.Ф. Богаевский. М.: Изобразительное искусство, 1984. С. 125–126).

[4] К письму приложены автографы (через копировальную бумагу) стихотворений «России» («Враждующих скорбный гений...», 17 августа 1915) и «К.Ф. Богаевскому» («Мы, столь различные душою...», 23 августа 1915). См.: Т. 1 наст. изд. С. 221–222, 228–229.

[5] См. примеч. 14 к п. 151.

[6] См. примеч. 13 к п. 151.

[7] Свой «странный сон» («самый мучительный сон моей жизни») Е.О. Кириенко-Волошина пересказала в письме к Волошину от 27 июня / 10 июля 1915 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 38–38 об.). Рассказ об этом сне послужил для Волошина толчком к написанию стихотворения «Материнство» (Т. 1 наст. изд. С. 151–152).

[8] Меганом (Меганон, или Чабан-Басты) – мыс в юго-восточном Крыму, между Судаком и Коктебелем.

[9] Е.И. Оболенская и Ф.К. Радецкий.

[10] К.В. Кандауров.

163. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

30 августа / 12 сентября 1915 г. Биарриц

12/IX 1915. Biarritz. Villa Les Mouettes.

Милая мама, сегодня совершенно неожиданно пришло твое письмо от 15 июня (после того, как я уже имел письма от конца июля). Шло оно, значит, 2½ месяца! Письмо очень холодное, где ты говоришь, что у меня, верно, охоты нет писать тебе, «ибо как бы долго всякие цензуры ни задерживали писем, но если писать раз в неделю, то и получать приходилось бы в такие же промежутки. Спорить и говорить об этом не стоит».[1] Срок прихода этого самого твоего письма является единственным и естественным ответом на твои слова.

Но это дает в то же время надежду, что письма не пропадают окончательно, а только залеживаются где-то. Может быть, и мое письмо со стихами Алекс<андре> Мих<айловне>[2] (что я просил тебе передать) придет в конце концов. А после я тебе еще посылал стихи с просьбой ей потом переслать – ты очевидно тоже не получила. Главно<е> из стихов, написанных весною, «Apollyon»,[3] я еще раз послал тебе письма два тому назад. Мне очень интересно, какое на тебя произведет оно впечатление.

Чтобы не забыть: ты у меня в прошлом письме спрашивала, сколько у меня красных бархатных подушек было в мастерской?[4] – по-моему, две. Это письмо ты, верно, получишь, когда будешь уже совсем одна – в начале октября. Ты, верно, в этом году совсем рано в Москву уедешь?

Завтра уже будет 2 месяца, как я живу в Биаррице, – но еще до сих пор ответов на письма, отсюда посланные, не получал. Между посылкой письма и ответом надо считать 2½ месяца.

Дни мои здесь идут однообразно быстро. Если работается – все очень хорошо, так что лучше и не надо. Но если работа не клеится, срывается, тогда тоскливо. Главное выйти, пробежаться некуда. Никакой органической жизни

нет кругом — все курортно, хотя и не нагло курортно. Очень я засиделся. Вот если бы велосипед был — тогда можно было проехать и в сторону гор, и до испанской границы — все это страшно близко, но не для пешехода.

Очень будет досадно, если я так и не получу возможности съездить в Испанию.

Очень странно, что я здесь совсем не могу купаться — сейчас же простужаюсь, делается озноб — совсем необычные для меня вещи. Совсем не понимаю, отчего. И это после моих зимних купаний в Коктебеле, когда я никогда не простужался.

Ты только в этом письме упоминаешь о том, что Юнге вернулись.[5] Мне очень интересно, что Феодор Эдуардович думает о войне и как относится к Германии. Мы позапрошлой зимой много с ним о разных европейских возможностях говорили.

Заканчиваю письмо. — Крепко тебя целую.

МАХ.

[1] В письме от 15/28 июня 1915 г., которое цитирует Волошин, Е.О. извещала: «...сегодня, после целого месяца ожидания, наконец письмо от тебя. Я за это время, стороной, то от Оболенской, то от Майи <Кювилье. — *Ред.*>, Евг<ении> Казим<ировны> <Герцык. — *Ред.*> узнавала кое-что о тебе и пришла к мысли, что у тебя нет охоты писать мне, с чем волей-неволей приходится мириться, но это отшибло и у меня охоту писать, и я давно тебе ничего не писала, теперь и у тебя будет такой же долгий перерыв в письмах <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 37).

[2] А.М. Петрова. Имеется в виду п. 120.

[3] См. п. 119, примеч. 2.

[4] Этот вопрос — в письме Е.О. от 23 июля / 5 августа 1915 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 48).

[5] Ср. сообщение в письме Е.О. от 15/28 июня: «Юнге наконец приехали <...>». (Имеются в виду Ф.Э. Юнге и его жена О.А. Юнге).

164. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

2/15 сентября 1915 г. Биарриц

15/IX 1915. Biarritz.

Многоуважаемая Мария Самойловна,

я получил оба Ваши письма: из Парижа, — и заказное из Шамби.[1] Очень, очень благодарю Вас за Ваше такое широкое гостеприимство.[2] Я, быть может, останусь тогда в Биаррице до самой зимы. Сейчас такое тяжелое время, что хочется его переживать и осознавать в одиночестве. В Париж меня пока совсем не тянет. Кроме того, внутри прорастают стихи: хочется дать им родиться. Стихи, связанные с современностью, с той книгой стихов «Anno mundi ardentis»,[3] на идею которой меня натолкнул Михаил Осипович весною.

Посылаю Вам еще два стихотворения, написанные за последнюю неделю.

Одно из них мне представляется как «Пролог»[4] к некой книге. Другое не имеет к ней отношения. Я долго колебался, прежде чем решил написать его. Но мне кажется, что эти темы, касающиеся тайны рождения (чтобы не называть глубоко отвратительного мне имени «пола») могут и должны быть предметом поэзии, если они взяты достаточно глубоко. Имя «Пещера Нимф»[5] взято мною из трактата Порфирия того же имени, представляющего комментарий к тем строкам Одиссеи, где описывается пещера на Итаке, куда был выслан фиаками сонный Одиссей.

«В нее через одну дверь входят боги и выходят люди».

И мне кажется, что в мировой гармонии у чувственности — явления по самому существу противоположному любви, нет иного объяснения, кроме того, что так в нашем мире проявляется чье-то желание воплощения.

Вот маленький комментарий к моим стихам.

То, что акварели мои Вам полюбились и теперь, когда Вы вторично и более подробно увидали их, меня обрадовало очень.[6] Я много рисовал и писал первые полтора месяца здесь. Пока прекратил, чтобы не смешивать два потока: одновременные они мешают друг другу.

Хотя могу сказать, что живописать мне всегда хочется, а стихи приходят изредка и мучительно, как все более глубокое.

Честь «золотой рамки и стекла»[7] для моих акварелей меня радует так, как когда-то первые напечатанные статьи. Мне кажется, что только тогда они становятся «настоящими».

Вчера я, получив наконец немного денег,[8] купил себе сейчас же велосипед «по случаю», и теперь у меня будет возможность немного оглядеть окрестности и съездить в горы.

Очень хочется поехать дней на 10 в Испанию,[9] чтобы там пописать с натуры. Хотелось бы сделать, конечно, так, чтобы эта отлучка как-нибудь не совпала с приездом Марьи Флоровны[10] и Михаила Осиповича.[11]

Он-то ведь приедет все-таки. Очень радуюсь, что Вам удалось уговорить Марью Флоровну приехать.

Большая просьба к Михаилу Осиповичу: здесь в Библиотеке есть «St. Paul» Ренана.[12] Верно в Париже у Вас есть весь Ренан? Не могли бы Вы прислать мне с Марьей Флоровной «Antichriste»[13] и те тома «Histoire de Peuple d'Israel»[14], где о пророках (мне важны Исайя, Иезекииль, Иоель и Даниил). Может быть, у Вас найдется и книга Сабатье о литературных источниках Апокалипсиса?[15]

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

Еще просьба: если я поеду в Испанию, позвольте мне взять с собой один из Бедекеров по Испании,[16] (их у Вас два в библиотеке) и пользовать<ся> картой Пиреней?

[1] Речь идет о письмах М.С. Цетлиной от 6 сентября (н.ст.) из Шамби и от 12 сентября (н.ст.) из Парижа (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 13–16 об.).

[2] См. примеч. 11 п. 161.

[3] Имеется в виду книга стихов Волошина «Anno mundi ardentis 1915». См. примеч. 11 к п. 158.

[4] Стихотворение «Пролог» («Ты держишь мир в простертой длани...») датировано 11 сентября 1915 г., с посвящением Андрею

Белому вошло в сборник «Anno mundi ardentis». См.: Т. 1 наст. изд. С. 230–231, 515.

[5] Речь идет о стихотворении «Пещера» («Сперва мы спим в пурпуровой Пещере...», 31 августа 1915 г.). См.: Т. 1 наст. изд. С. 150, 486. К теме деторождения человечества в теософском толковании Волошин обращался еще в 1907 г. в письме к М.В. Сабашниковой от 28 марта: «Дух должен причаститься плоти <...> Надо войти в таинственную пещеру Нимф, где водные нимфы ткут пурпурную пряжу жизни, где один вход для богов и один выход для людей. Это святая пещера зачатий» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1063). См. также стихотворение Волошина «Грот нимф» (Т. 1 наст. изд. С. 80, 460) и его письмо к А.Р. Минцловой от 10 апреля 1907 г. (Т. 9 наст. изд. С. 296–298).

[6] Отклик на признания Цетлиной в письме от 12 сентября (н.ст.) 1915 г.: «В нашей здешней квартире мне доставили еще раз необыкновенную и неожиданную радость Ваши картины. От золотых рамок и под стеклом они еще более легки и воздушны и необыкновенно прекрасны. Говорю Вам только то, что я переживала, глядя на них, без всякого преувеличения» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 15 об.).

[7] Речь идет о гонораре за переводы стихотворений Верхарна. См. примеч. 6 к п. 161.

[8] См. примеч. 8 к п. 161.

[9] Мария Флоровна Селюк (около 1877–1938), курсистка, революционерка, педагог. 12 сентября (н.ст.) 1915 г. Цетлина писала Волошину: «Вчера вечером у нас была Марья Флоровна. Если она не отдохнет, то прямо сляжет от переутомления. Мне, кажется, удалось уговорить ее поехать к нам в Биарриц и, м<ожет> б<ыть>, через несколько дней она к Вам выедет» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 16).

[10] М.О. Цетлин.

[11] Речь идет о книге французского писателя Жозефа Эрнеста Ренана «Святой Павел» («Saint Paul». Paris, 1869) – третьем томе его «Histoire des origines du christianisme» («История происхождения христианства» или «История первых веков христианства», 1864–1907).

[12] Волошин просил прислать ему «Историю первых веков христианства» Ренана, которая получила название «Антихрист» (1873), рус. пер.: *Ренан Э.* Антихрист. Перевод без всяких сокращений со второго издания Е.В. Святловского. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1907.

[13] Речь идет о пятитомной «Истории народа израильского» («Histoire du peuple d'Israel»), вышедшей в Париже в 1893 г. См.: *Ренан Э.*

История израильского народа / пер. с фр. Под ред. и с примеч. и вступ. статьей С.М. Дубнова. Т. 1–2. СПб., Брокгауз – Ефрон, 1908–1912.

[14] Луи-Огюст Сабатье (1839–1901), французский протестантский богослов. Речь идет о его книге «Les origines littéraires et la composition de l'Apocalypse de Saint Jean» (1888).

[15] Бедекер – общее название широко распространенных подробных путеводителей по различным городам и странам для путешественников и туристов. Название получили по имени немецкого книготорговца и издателя Карла Бедекера (1801–1859), составлявшего путеводители на основе данных, полученных в результате путешествий и поездок.

165. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

11/24 сентября 1915 г. Биарриц

24/IX 1915 Biarritz.

Многоуважаемая Мария Самойловна,

только что получил Ваше письмо относительно книг[1] и спешу ответить: «Старые Годы»[2] здесь есть за 1910 и 1911 годы. Ни Грабаря,[3] ни Александра Бенуа («Истории искусств»?)[4] нет ни одного выпуска. «Аполлона»[5] я нашел только одну книжку (№ 3 1909 г.) и несколько тетрадок литер<атурно>-худ<ожественной> хроники.[6] Довольно много «Весов» и «Золотого Руна»[7] за разные годы, – но Вы об них не спрашиваете.

Списки книг и тома Ренана[8] пока не пришли. Как получу – отправлю немедленно. Мой отъезд в Испанию[9] задерживается начавшимся «равноденственным» ненастьем. С утра льет дождь и гремит гром. Надо переждать эту погоду. А Вы, значит, так и не приедете и уезжаете в воскресенье в Швецию. Меня эта «не судьба» встретиться очень огорчает. Я хотел Вам послать с Мар<ьей> Флоровной[10] несколько акварелей, написанных здесь. Можно ли будет их послать по почте в Швецию? Потому что теперь, когда нам придется еще увидеться? Я совсем ничего не знаю своей судьбы <так!>. У меня нет планов и желаний, пока идет война. И, вероятно, эту зиму проведу в Париже.

Мне хочется, Мария Самойловна, поговорить с Вами еще об одной вещи. Я чувствую известную неловкость, может быть неприятность, но, думаю, лучше сказать прямо и откровенно. До меня дошли слухи, что в Париже, в разных художественных кругах, смотрят на Маревну Воробьеву-Стебельскую, как на мою «жену». Это, конечно, естественное человеческое заключение из внешних фактов, на которое нельзя ни оскорбиться, ни обращать внимание. Но мне было бы очень неловко, если бы эти слухи дошли до Вас, и только потому, что если бы это было так, то я или вовсе не стал просить у Вас для нее гостеприимства в Биаррице, или, прося, не стал бы делать из этого от Вас тайны. Во всяком случае писал бы и говорил с Вами об ней совсем иначе и совсем в ином тоне. Зная же, что она была у Вас[11] и, боясь, что если такие слухи дошли до Вас, то это Вас самих может поставить в затруднительное или ложное положение в отношениях к ней, я решил, что надо Вам прямо сказать это.

Мне интересно Ваше впечатление от нее.[12] Хотя боюсь, что оно не должно быть благоприятным, т<ак> к<ак> она именно противуположна тому впечатлению, которое производит внешне. Теперь, узнав ее гораздо ближе за совместную жизнь в Париже, я полюбил и оценил ее глубже. Это очень чистая, правдивая по природе девушка, но страшно изломанная и измученная и детством, и обстоятельствами жизни, беспризорная, нервная, больная и с глубоким отчаянием в душе, живущая в холоде и нищете в полном смысле слова, и совершенно не соответствующая тем слухам и предположениям, которые об ней ходят обычно.

Именно это противоречие между тем, что я об ней слышал, и тем, что я заметил в ней, и заставила меня прошлой зимой ближе подойти к ней и постарать<ся> помочь ей завоевать доверие. Лето в Биаррице дало ей время....., но сейчас она опять в холоде и голоде, и опять больна. Боюсь, что есть что-то роковое в ее судьбе... Все это пусть будет между нами, Мария Самойловна, и главное от нее самой.

Привет Михаилу Осиповичу.[13]

Максимилиан Волошин.

[1] 23 сентября (н.ст.) 1915 г. Цетлина писала Волошину: «...Ренана у нас оказалась только одна книга, к<ото>рую мы Вам и отослали. Теперь у нас к Вам и Марье Флоровне вот какая просьба: мы хотим послать часть наших книг, находящихся у нас в Биаррице, русским пленным. Поэтому мы Вам пошлем одновременно с этим письмом список книг (на картонных карточках), которые мы Вас просим отобрать и отослать пленным, пусть M-me Lucie <Л. Мейсонёв. — *Ред.*> сделает черную работу. Кроме книг по нашему списку, пожалуйста, пошлите пленным все книжки журналов: Современный Мир, Русское Богатство, Вестник Европы, Современник и Наша Заря. Кроме того, М.О. очень Вас просит сообщить ему, какие книжки Грабаря, Аполлона, Старых Год<ов> и Бенуа находятся у него в Биаррице. Ему это нужно знать для него лично. Мы почти наверное уезжаем в Швецию в воскресенье (26-го IX) рано утром, поэтому ответьте нам, пожалуйста, поскорее. Спасибо за последние стихи. Большое напишу Вам о них на днях» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 17).

[2] «Старые годы», «ежемесячник для любителей искусства и старины», выходил в Петербурге в 1907–1916 гг. при Кружке любителей русских изящных изданий.

[3] Коллективный труд «История русского искусства» в шести томах, осуществленный по инициативе И.Э. Грабаря и при его ближайшем участии (М.: И.Н. Кнебель, <1910–1914>).

[4] Имеется в виду издание: *Бенуа А.* История живописи всех времен и народов. Т. 1–4. СПб.: Шиповник, 1912–1913.

[5] Журнал «Аполлон», издававшийся в Петербурге в 1909–1918 гг.

[6] В 1911–1912 гг. два раза в месяц выходило приложение к журналу «Аполлон» «Русская художественная летопись».

[7] «Весы» — научно-литературный и критико-библиографический ежемесячный журнал, выходивший в Москве в книгоиздательстве «Скорпион» с января 1904 по декабрь 1909 г. включительно; основной орган русского символизма. «Золотое Руно» — ежемесячный художественный и литературно-критический журнал символистского направления, выходивший в Москве в 1906–1909 гг.

[8] См. п. 164, примеч. 12–14.

[9] См. примеч. 8 к п. 161.

[10] М.Ф. Селюк. См. примеч. 9 к п. 164.

[11] М.Б. Воробьева-Стебельская сама писала Волошину 10/23 сентября о посещении Цетлиных вместе с Б.В. Савинковым (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 364), который в свою очередь сообщил Волошину 29 сентября (н.ст) 1915 г.: «М<ария> Б<рониславовна> была

со мной у Цетлинов. Молчала и очень скромно опускала глаза. <...> Было безмерно скучно» (*Волошин Максимилиан.* Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск, 1993. С. 373).

[12] Цетлина отвечала Волошину 27 сентября (ст.ст.) 1915 г.: «Получила сегодня Ваше письмо. Как грустно, что еще в интеллигентских кругах существует такая дикость нравов, что обсуждается интимная жизнь людей. Допустимо ведь только слушать о личной жизни, когда человек ее сам перед тобой открывает. До меня не дошли никакие слухи, и поверьте, что если бы и дошли, то я бы их не слушала, а верить тому, что говорят люди о чужой личной жизни, это могут только дети. Г-жа Стебельская была у нас и так стеснялась, что было больно за нее. Она на меня произвела милое впечатление, и ничто в ней не противоречило тому, что Вы о ней писали» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 19).

[13] М.О. Цетлин.

166. М.М. ГАККЕБУШУ

28 сентября / 11 октября 1915 г. Биарриц

11/X 1915 Biarritz.

Милостивый Государь, Г<осподи>н Гаккебуш, сегодня я получил от Бир<жевых> Вед<омостей> 300 fr., за которые благодарю. Перед этим я получил 272 fr. Для меня не ясно, были ли мне высланы деньги по моей телеграмме 15 июля из Биаррица,[1] т<ак> к<ак> по Вашей ответной[2] на нее я понял, что были высланы, но я, прождав месяц, снова телеграфировал (1 сентября или 29 авг<уста>?)[3] и тогда получил 272 fr. по телеграфу. Что эти 300 fr. – посланы теперь или это те запоздавшие июльские деньги?

Будьте добры распорядиться, чтобы мне прислали список напечатанных моих статей, счет гонорарный и начали бы высылать газету, т<ак> к<ак> я до сих пор ее не получаю.

Прошу все адресовать мне теперь в Париж: 60 Rue de la Tour.[4]

Максимилиан Волошин.

[1] Эта телеграмма Волошина не обнаружена.

[2] Имеется в виду телеграмма, адресованная Волошину в Биарриц и полученная 16 июля (н.ст.) 1915 г.: «Присылайте шесть семь писем в месяц ежемесячное жалованье сто франков и десять копеек за строку высылаем газету гонорар – Гаккебуш» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 385, л. 4. Оригинал по-французски).

[3] Указанная Волошиным телеграмма неизвестна.

[4] Адрес К.Д. Бальмонта в Париже. Волошин к этому времени уже принял решение перебраться в Париж и снова поселиться у Бальмонтов.

167. А.М. ПЕТРОВОЙ

9/22 октября 1915 г. Биарриц

22/X 1915. Biarritz.

Милая Александра Михайловна,

получил, вернувшись из Испании третьего дня Вашу открытку от 8 сентября[1] и понял из нее, что Ваше одно письмо не дошло до меня. И вот сегодня оно пришло: письмо от 14 июня.[2] Значит, странствовало четыре месяца – изумительно!

Я восемь дней провел в Испании:[3] она здесь рядом, как Коктебель от Феодосии, – глазами видно. И я все лето мучился желанием съездить туда, и все мешало: то денег не было, то погода, то границу запирали, то дела в России были так жутки, что боялся на несколько дней остаться без газет. И вот съездил: на велосипеде,[4] проехал через Пиренеи в Старую Кастилию, до Бургоса, прожил 3 дня около Sierra di Pancorbo,[5] бродил по диким плоскогорьям, ночевал в донкихотских постоялых дворах...

Сейчас хочется зарисовать только все, что видел,[6] и тогда еду в Париж.

Мама зовет меня в Россию и ждет моего приезда вскоре; но я не могу так сразу бросить Парижа. Мне хочется немного еще подышать им, и, верно, в течение зимы – в январе я вернусь. Мне хотелось очень в Россию в августе, в сентябре,

а теперь я равнодушен к тому, что будет делаться в Москве, в Петербурге — а я ведь именно это, *только* это увижу. Т.е. я совсем не равнодушен, — но боюсь, что буду очень чужд, опять при особом мнении. Если бы можно было молчать и только слушать и видеть. Но ведь *придется* и говорить, и писать.

Боюсь я и жизни с мамой:[7] сейчас разлука все очистила: осталось истинное, постоянное, верное. Но все вернется снова, и опять летняя суматоха и раздраженна<я> атмосфера в Коктебеле, опять невозможность работать. А я чувствую, что именно теперь переживаю те годы, когда надо работать и хочется — и только в двух областях: стихи и живопись. Здесь я материально существую — иногда плохо, иногда хорошо, но это не играет роли в жизни, а там в России опять встанет вопрос о заработке и глупо то, что не ради себя, а ради мамы, которая сама обеспечена. Всего этого я очень боюсь, когда начинаю разумно думать. А не разумно: мне просто хочется маму видеть и очень, очень грустно, что она живет одна без меня, скучает обо мне и ждет меня. Я ей очень часто и очень много пишу и стараюсь в письмах сказать все то, что нельзя бывает никогда высказать в личных разговорах.

Посылаю Вам новые стихи, написанные этой осенью.[8]

Кстати — я изменил в посвящении Кон<стантину> Феод<оровичу>[9] первую строфу так:

Мы, столь различные душою,
Единый пламень берегли
И братски связаны тоскою
Одних камней, одной земли.[10]

Пожалуйста, при случае сообщите ему эту поправку. Так, по-моему, гораздо лучше.

У меня, я думаю, составится отдельная книжка стихов о войне,[11] но я думаю, что ее можно напечатать только в конце войны, а не сейчас. «Apollyon'a» никто сейчас не хочет печатать — я уже в несколько редакций посылал его.[12] Я не буду говорить сейчас о войне: стихи лучше скажут, что именно я переживал. Эти месяцы я здесь жил так же одиноко, как в Коктебеле зимой, и читал только газеты и Библию.

Все, что пишется и говорится теперь про Германию, мне кажется ложью; но это вовсе не значит, чтобы я знал истину об ней. А в том, что Вы говорите о Германии и евреях,[13] – Вы удивительно совпадаете в этом с Верхарном.[14] Скоро выйдет в России его книга «Окровавленная Бельгия»,[15] прочтите ее. Там, кстати, будут и мои переводы его стихов о войне,[16] стихов, которых я не люблю, не считаю достойными его. Но что делать – заказ; а перевел я их точно и добросовестно.

Очень мне хочется знать, какие Вы внесли поправки в «Apollyon»?[17] Хотелось бы знать все-таки подробнее, что Вы думаете о нем? Согласны ли?

Большое спасибо за все, что пишете о Конс<тантине> Феод<оровиче>.[18] Ведь когда я писал то стихотворение ему, я был уверен, что он уже на фронте и только недавно сравнительно узнал, что он оставлен пока в Севастополе. А сегодня одновременно с Вашим письмом (от 14 июня) по капризу почты получил открытку от Жозеф<ины> Густав<овны> (от 16 сентября), подтверждающую это.[19]

Только мне очень жаль, Александра Михайловна, что Вы пишете мне большие письма и не отсылаете их, а будете ждать времени дать их прочесть лично по моем возвращении. Я Ваших писем жду со страшным нетерпением – они мне очень нужны. Пишите мне теперь в Париж (60 Rue de la Tour).[20] Я скоро вернусь туда. И я тогда буду чаще писать Вам. Потому что ведь мы с Вами еще не скоро увидимся: возвращаться я буду Севером, так что останусь в Москве. (Другого нет пути.)

Как много эти дни в Испании я думал о Конст<антине> Феодор<виче> и вспоминал нашу жизнь в Козах,[21] когда жил в Pancorbo. Вот куда ему необходимо поехать. Это совсем пейзаж «Потерянного Рая».[22] Немного иное, но так же хорошо, как Кар<а>даг.[23] И все такое бесконечно близкое – очень много элементов Киммерии,[24] но при этом еще каменные деревушки, лачуги с лепными гербами, башни в горах, готические соборы и монастыри...

Влагаю, кроме стихов, еще фотографию одной из испанских восковых мадонн, которых носили по улицам,

очаровательно хорошеньких, кокетливо грустных, с кисейными платочками в руках и в шелковых модных платьях.[25]

До свиданья. Пожалуйста, пришлите все неотосланные письма. Привет Жозеф<ине> Густ<авовне>.[26]

Мах.

[1] По возвращении из путешествия по Испании 7/20 октября 1915 г. Волошин получил от А.М. Петровой открытку: «Дитятко мое милое! Горячее спасибо Вам за стихи! "Россия" мне более чем нравится; оно, — как молитва. Вы удивляетесь, что я ничего не писала о прежних стихах, но, значит, Вы не получили одного из моих писем. Они мне *все* нравятся; "Apollyon" — более всех других. К.В. Кандауров тоже в восторге от них. Катя Манасеина — тоже. Конечно, не нравятся: Марине <М.И. Цветаевой. — *Ред.*>, Пете Лампси и т.п., но не считаться же с их мнением? <...> Написала я Вам два больших письма, но не пошлю. Обещаю, что прочтете их по приезде. Очень уж смутно на душе. Все равно всего не выскажешь, да и летят события с неимоверной быстротой. <...> Читала Ваше "К.Ф. Бог<аевскому>". Начало очень нравится, а "заклятие" — будто нет. Боюсь, что придираюсь, прочла только 1 раз. Не могу согласиться с Вами, что вся соврем<енная> борьба — борьба спрутов промышленности. Дома Вы чувствовали бы иначе. <...> Только что получила письмо от Евг<ении> Каз<имировны>, где она и Ад<елаида> К<азимировна> <Е.К. и А.К. Герцык. — *Ред.*> очень просят прислать Вашу "Россию", о кот<орой> я писала им. Ждут через него примириться с Вами, т.е. понять Ваше отношение к России, кот<орое> до с<их> п<ор> не удовлетворяло. Верю, что поверят!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 47).

[2] Речь идет о письме Петровой от 14 июня (ст.ст.) 1915 г., в котором она откликалась на стихи Волошина. См. примеч. 3 к п. 120, примеч. 3 к п. 125.

[3] Об этом см. примеч. 8 к п. 161. Замысел поездки Волошина в Испанию был, отчасти, связан с его впечатлением от воспоминаний Одилона Редона о Северной Испании, которые он переводил для «Весов» еще в 1904 г. (Весы. 1904. № 4. С. 8), кроме того, своими испанскими впечатлениями делилась с Волошиным Маревна, вместе с которой он проживал на вилле Цетлиных в Биаррице в июле — августе 1915 г.

[4] О покупке Волошиным велосипеда см. п. 161, примеч. 8.

[5] См. примеч. 5 к п. 131. Известно несколько картин Волошина, изображающих Панкорбо: «Сиерра ди Панкорбо» (1915), б., акв.,

гуашь. 33 × 49 см. – Национальная картинная галерея им. И.К. Айвазовского, «Сиерра ди Панкорбо» (1915), «Панкорбо» (1921) – ДМВ. Ср. п. 170.

[6] Испанские зарисовки обнаруживаются в путевом альбомчике Волошина (№ 53) в его архиве (ИРЛИ, ф. 562, оп. 2, ед. хр. 61).

[7] О сложных отношениях с матерью см. примеч. 6 к п. 95. При этом Е.О. Кириенко-Волошина в 1915 г. вызывала сына в Россию и даже предлагала ему денег на возвратный путь.

[8] Возможно, речь идет о четырех стихотворениях (именно это количество Волошин называет в п. 169): «Над полями Альзаса» (сентябрь 1914), «Пролог» (11 сентября 1915 г.), «Армагеддон» (3 октября 1915 г.), «Усталость» (27 сентября 1915 г.). См. Т. 1 наст. изд. С. 225, 230–233, 236.

[9] К.Ф. Богаевский.

[10] Имеется в виду стихотворение «Другу». См. примеч. 5 к п. 158. Отзыв Петровой о стихотворении «К.Ф. Богаевскому» см. в примеч. 1.

[11] Речь идет о книге стихов «Anno mundi ardentis», над которой Волошин начал работать в этот период по инициативе М.О. Цетлина. См. примеч. 11 к п. 158.

[12] См. примеч. 11 к п. 158. Петрова высоко оценила стихотворение «Аполлион», см. примеч. 1.

[13] 14 июня 1915 г. Петрова писала Волошину: «Я верю в победу, в преодоление этих гнусных сил! А немцы именно гнусны. Оказывается, мое искание определения их духа совершенно правильно: это – новое израэлитство, только без печати Божественного указания. Недаром евреи так за них: ведь у немцев тоже противопоставление себя всему миру. Но какая это дешевка! А евреи лишний раз показали свою исключительную политическую глупость. Нужно быть здесь, знать о фактах из армии, чтобы понять, куда и на что этот дурацкий народ лезет. Ведь, ненавидя и подрывая Россию, они же подкапывают и Англию, Францию, Италию, т.е. те страны и духи народов, кот<орые> их вовсе не притесняли. Тут что-то глубже, чем простая политическая ненависть. Оматерилизовавшаяся Германия – вот их почва, вот где их новый Сион» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953).

[14] Э. Верхарн писал о влиянии «еврейского духа» на Германию в книге «Окровавленная Бельгия» (см. примеч. 15) в главе «Азиатская Германия»: «Еврейский дух <...> проник в жизнь буржуазии и аристократии всех германских государств <...> Особенно тесно он слился с духом Пруссии» и т.п.

[15] Речь идет об издании: *Верхарн Эмиль.* Окровавленная Бельгия. Авторизованный перевод с французского с предисловием автора к русскому изданию. Пер. Н. Кончевской. Стихи переведены Максимилианом Волошиным. СПб., Изд. Левенсона, 1916. Книга вышла до 16 марта 1916 г.

[16] О работе Волошина над переводами к этой книге Э. Верхарна см. примеч. 6 к п. 161.

[17] Петрова в письме от 14 июня 1915 г. уточняла, что внесла правку в текст стихотворения «Аполлион» (см. примеч. 3 к п. 125), однако речь, видимо, шла об изменениях, которые просил внести сам Волошин (см. п. 125).

[18] В письме от 14 июня Петрова делилась с Волошиным своими тревогами по поводу душевного состояния К.Ф. Богаевского, отмечая, что «он мучается тем, что он вовсе не такой, как о нем думают, что не достоин любви и внимания», и намекая на какую-то «глубокую внутреннюю драму» в его отношениях с женой (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953).

[19] Речь идет об открытке Ж.Г. Богаевской, отправленной из Феодосии 17 сентября 1915 г., в которой она писала: «Спешу Вас успокоить, Костя еще до сих пор со своей ротой под Севаст<ополем> у Херсонского Маяка, но, конечно, может выступить каждую минуту. Сейчас у него настроение очень скверное, он сильно пал духом» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 267, л. 13).

[20] Адрес К.Д. Бальмонта в Париже.

[21] См. примеч. 12 к п. 13.

[22] Имеется в виду поэма английского поэта Джона Мильтона (1608–1674) «Потерянный рай» («Paradise lost», 1667).

[23] Карадаг — горно-вулканический массив на берегу Черного моря, в непосредственной близости от Коктебеля. Название Кара-Даг переводится с турецкого и крымско-татарского языков на русский как «черная гора».

[24] Киммерия — в античной историографии название северных областей известной тогда Ойкумены, в частности, территории Северного Причерноморья и Приазовья. Сам Волошин писал: «Киммерией я называю восточную область Крыма от древнего Сурожа (Судака) до Босфора Киммерийского (Керченского пролива), в отличие от Тавриды, западной его части южного берега и Херсонеса Таврического» (Т. 5 наст. изд. С. 167).

[25] Образ «испанских восковых мадонн» нашел свое воплощение в стихотворении Волошина «Она» (см.: Т. 1 наст. изд. С. 117, 474–475).

[26] Ж.Г. Богаевская.

168. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

12/25 октября 1915 г. Биарриц

25/X 1915. Biarritz.

Многоуважаемая Мария Самойловна, я три дня как вернулся из Испании[1] и нашел письмо Мих<аила> Осиповича[2] о книгах, а вчера получил Ваше.[3]

Мой отъезд в Париж вопрос нескольких дней, одной недели. Сейчас я спешу зафиксировать все, что видел в Испании, и не отрывая<сь> рисую: за три дня написал 10 больших акварелей и надо еще сделать столько же. В Париже все это разобьется и не до того будет: надо будет приняться за журналистику, за газетную работу, а это для меня становится все мучительнее и труднее и неприемлемее. Это кажется так просто написать газетную статью в промежуток между стихов, а между тем это бесконечно трудно: надо всего себя переворачивать и перестраивать и писать газетную прозу после того, как привык по нескольку дней вынашивать и обдумывать одну фразу, один стих, одно слово, ужасно трудно. Начинаешь инстинктивно проделывать то же самое: а это не только нелепость, но прямой вред этой работе.

Книги, указанные Мих<аилом> Осипов<ичем>, отложены, уложены и завтра будут отправлены в Париж и в Швейцарию. В Ваш ящик малой скорости[4] я вложил тоже часть моих книг, скопившихся здесь за лето, и бальмонтовских журналов, пришедших сюда вслед за мной. Ничего? А то с тем количеством рисунков и акварелей, что у меня скопились, мне их совсем не увезти вместе с собою. Я их увязал отдельными пакетами.

Теперь начинаю радоваться своему возвращению в Париж, к которому долго был равнодушен. Сейчас с осенними месяцами начинается прилив работы. Июль и август были для меня почти бесплодны, а теперь все хочется делать сразу.

До свиданья. Привет Михаилу Осиповичу.

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 8 к п. 161.

[2] М.О. Цетлин еще 5 октября (н.ст.) 1915 г. писал Волошину: «...пришлите мне через консьержку “Старые Годы” и “Искусство и Печ<атное> Дело” – хочу иметь их в Париже, но мне не спешно, и если Вам будет удобно, можете взять их с собой, когда приедете. <...> Стихи о мире понравились мне меньше других. Но у Вас все больше стихов о войне. <...> Мне кажется, что скоро Ваша вторая книга упадет, как зрелый плод, и что она <по> кем-то установленному закону будет лучше первой! Правда, в Ваших книгах сконцентрировано несколько книг – и “закон” не будет опровергнут» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261, л. 12–13).

По возвращении из Испании Волошин, видимо, получил письмо Цетлина от 15 октября (н.ст.) 1915 г., в котором снова звучала просьба о книгах: «...посылаю Вам обратно список книг. Попросите консьержку послать их по тому же адресу <...>. Кроме того, хочу попросить Вас оказать аналогичную услугу лично мне. Снова посылаю Вам карточки книг, которые хотел бы иметь в Париже. Пусть консьержка отправит их, и *малою скоростью*. Кроме того, у меня к Вам другая просьба, личная. Не можете ли Вы для меня отобрать книги и послать их через Madam Lucie <Л. Мейсонёв. – *Ред.*>, но не большой, а *малою скоростью*, мне не спешно. <...> Кроме тех, которые есть на карточках, прошу Вас отобрать: все тома Нового Энциклопедического Словаря Брокгауза – Ефрона, все тома Еврейской Энциклопедии, все номера «Русской Мысли» и «Сев<ерных> Записок» за 1914 г., все, что есть поэта R.M. Rilke*» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261, л. 14–15 об.).

[3] Речь идет о письме М.С. Цетлиной от 22 октября 1915 г., в котором сообщалось: «Марья Флоровна <Селюк. – *Ред.*> привезла нам Ваши подарки. Они мне доставили истинное удовольствие, я их теперь отдала, чтобы их вставили в рамки, и жду их возвращения. Очень радовались мы Вашему письму, в котором Вы писали, что мы будем вместе читать в Париже стихи. У нас тоже совершенно определенное желание большего общения с Вами и собственно со всем Парижем духовного общения хочется; больше всего с Вами» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 21–21 об.).

[4] Малой скоростью называлась доставка грузов в товарных поездах обычной скорости. Малая скорость противопоставлялась большой скорости, при которой перевозка грузов совершалась в ускоренных товарных поездах с применением повышенного тарифа.

---

* а также его прозаические вещи. *(Примеч. М.О. Цетлина.)*

169. А.М. ПЕТРОВОЙ

13/26 октября 1915 г. Биарриц

26/X 1915. Biarritz.

Дорогая Александра Михайловна, несколько дней тому назад послал Вам толстое письмо с новыми стихами.[1] Писал его, торопясь ответить в первые дни по приезде из Испании,[2] и чувствую, что на слишком многое не ответил, и хочется писать еще.

Получил вчера письмо от К.Ф.[3] — ответ на стихи: письмо бесконечно грустное и все светящееся любовью, и страшно одинокое. Вчера же ответил ему[4] и послал Жоз<ефине> Густав<овне>.[5] Пожалуйста, когда она будет пересылать его — дайте ей мои последние стихи (те четыре, что я послал Вам).[6] Т.е. если можно переписать их для него.

Я доживаю последние дни в Биаррице. И мне не хочется расставаться с ним. Здесь мне не радостно и очень чужды все люди: но жаль расставаться с одиночеством. У меня все больше растет с годами потребность уединения. Я могу быть с людьми очень много, очень радуюсь им, готов говорить без умолку, но когда наступает уединение, я пью его, как жаждущий, и никогда не могу напиться досыта. Париж сейчас будет очень суров и глубоко безнадежен внутри. И все-таки жаль отрываться от него. Как мне хотелось бы видеть его сейчас же по заключении мира. Каким фейерверком жизни он вспыхнет. Но, верно, не придется.

Я вижу и чувствую, как мама ждет и тоскует без меня, и не могу не ехать...[7] Хотя... боюсь, что, когда приеду... в Коктебеле опять будет то же...[8] Не вижу, почему бы этому измениться. В разлуке все очищается. Сейчас все ясно и ничто не стоит между нами... Но когда придет теснота жизни со всем ее иррациональным...

Мне вот на что хотелось Вам возразить, Александра Михайловна. В Вашем письме (июньском — полученном теперь) Вы пишете, что я хочу «избежать ответственности, воздерживаясь от естественного и *святого* чувства гнева, чувства презрения к врагу».[9]

Да, я согласен с тем, что в человечестве чувство *любви* часто естественно выражается *гневом* (даже местью)! Огнь Христов, прорабатывая человеческую душу, выявлял часто любовь *гневом*. В этом внешний соблазн исторического христианства, церкви. Это я знаю. Но для того, кто знает это и сознает истинные пути *любви* в человечестве, любовь не есть гнев; гнев — только возможное и чистое проявление любви натур страстных. И сознающему это нельзя отдаваться гневу как святому чувству. Он есть, он подступает к горлу, отвер<г>нуть его — значит кастрировать себя — но его надо преобразить в любовь.[10] Для того чтобы сделать это одним чувством — надо быть святым. Но сознанием это возможно и для обыкновенного человека. И это должно делать теперь. Никак не должно *презирать* врага: ни морально, ни практически. Практически это ведет к поражению, а морально к унижению себя.

То же самое я думаю о вере в «победу». Это одна из опасных лжей наших дней. Думаю, что истинны слова:

«Не думай ни <о> победе, ни о поражении, но будь всею душой в борьбе» (Кришна).[11] Только в это<м> истина.

А наша борьба — т.е. тех, кто стоят вне самой войны — а свидетелей ее — не поддаться соблазну ненависти, презрения, «святого» гнева, а не уставать любить и врагов, и извергов, и даже союзников (вблизи это, пожалуй, труднее всего). Мне все образ Иисуса Навина с поднятыми руками во время битвы представляется,[12] как символ того, что надо делать теперь. Гнев — это естественный путь наименьшего сопротивления: миллионы придут к истине этим путем. Но раз осознавшие уже потеряли права на него: для них уже нет *святого* гнева. Ведь это общий закон: все, что от страсти, *свято*, пока бессознательно. Явилось сознание — это же самое уже становится грехом и туда нет возврата.

Вы знаете, что мне Германский дух был всегда враждебен и до войны.[13] Но отдаться теперь этому инстинкту, повторять все общие места и банальности, которыми только и говорят теперь про Германию, это было бы слишком легко. Это простительно для тех лишь, кто до войны благоговел перед нею.

Трагедия Германии очень страшна и поучительна: это трагедия народа, который свое историческое призвание, понятое провидцами, сделал площадным мнением масс и хотел его осуществить в материальных формах Империи. Быть может, именно теперь призвание Германской расы перейдет на Англо-Саксов, потому что в действительности они осуществляют идеал, нарисованный германскими идеологами.

Я представлял себе и возможности германской победы. Это было <бы> очень тяжело только первые десятилетия.

Вспомните, что было с Римом, проглотившим сперва Грецию, потом Иудею: он стал Эллинским, а позже Иудейским.

Через два десятилетия Германия бы галлицизировалась, а через сто лет была бы преображена славянской идеей.[14] Но именно борьба против нее ее сестры по крови — Англии, может повернуть колесо судьбы.

Германия совершила кощунство перед своим духом, сделав сокровенную истину о судьбах германской расы достоянием площадей. (Эта опасность грозит и России — в никола<е>вское царствование она была уже на грани такого же кощунства).

Германия государственно бездарна, лишена чувства свободы. А ее способность к «организации» это ведь рабское подчинение диктатуре *машин*. Меня поражала та *слепота*, которой все Германцы были поражены с начала войны. Это настало вдруг, как Божья Кара.

Посылаю Вам одно стихотворение, не имеющее никакого отношения к войне,[15] написанное еще зимой: помнится, я Вам его еще не посылал. Оно написано на один мотив из Глюковской «Ифигении», много лет не дававший мне покою.[16]

С кем говорил Де-Местр? — Не с Пушкиным — Пушкин тогда еще в лицее был мальчишкой. Это один из собеседников «Soirées de St. Petersbourg»[18] — безымянных. М<ожет> б<ыть> — «Сенатор».[17] А рифмы — в этом-то задача и заключалась, чтобы написать сонет с безвыходными рифмами

на «Петербург», чтобы его никак уже нельзя было переименовать в Петроград.[18]

До свиданья. Пишите мне чаще и отсылайте написанные письма.

Адрес: Paris. 60 Rue de la Tour.[19]

Мах.

[1] См. п. 167, примеч. 11.

[2] См. примеч. 8 к п. 161.

[3] 23 сентября (ст.ст.) 1915 г. К.Ф. Богаевский писал Волошину из Херсонеса: «Макс, как хороши твои стихотворения, особенно очень нравится — “Россия.” — В какой ты чудесной стране живешь, и как, я думаю, тебе должно хорошо работаться, как многим должна быть захвачена твоя душа среди этих стихийных бурь. Я прочел твои два фельетона в “Бирж<евых> Вед<омостях>” — очень хорошо, но вот уже давно ничего нет твоего. Я все жду, что ты напишешь о художниках Франции, ведь у тебя должно быть много интересного материала. <...> В одно прекрасное утро подошла к Кенегезскому берегу турецкая подводная лодка и обстреляла кенегезск<ую> пристань и амбары. <...> О Коктебеле я тебе ничего сказать не могу. Я был там в июле. Так необычайно странно было мне опять попасть в Коктебель <...>. Как во сне смотрел на все в Коктебеле и на прекрасный пейзаж, и на дачи, где нет жизни, и где она так недавно шумно билась, и на людей в пиджаках и как будто свободных, но как будто лишних. Особенно такое впечатление произвел на меня Толстой со своей супругой» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 267, л. 13—16).

[4] Это письмо Волошина не обнаружено.

[5] Ж.Г. Богаевская.

[6] См. примеч. 11 к п. 167.

[7] Е.О. Кириенко-Волошина неоднократно просила сына вернуться в Россию. Об этом см. также: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 446.

[8] Намек на сложные отношения, которые возникли у Волошина с матерью накануне его отъезда из России летом 1914 г. См. примеч. 6 к п. 95.

[9] Цитата из письма Петровой от 14 июня 1915 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953).

[10] Так Волошин сформулировал одну из принципиальных основ своей этической позиции. Об этом см. также п. 32, 235. Об этом же речь идет и в его стихотворении «Потомкам» (1921) и поэме «Святой Серафим»: «Не бежать греха, но грех приняв / На себя, собой его очистить» (Т. 2 наст. изд. С. 110). В понятие «греха», «зла» Волошин

включал прежде всего «гнев, жадность, своеволье, безразличие». (См. стихотворение «Война» (первоначально «Аполлион») из цикла «Путями Каина»: Т. 2 наст. изд. С. 40).

[11] Кришна – в индуистской мифологии воплощение бога Вишну. В поэме «Бхагавадгита» Кришна наставляет царевича Арджуну перед битвой: «Принимай с равной радостью счастье и горе, потерю и выигрыш, победу и поражение, будь всей душой в борьбе: так ты избегнешь греха» (запись Волошина в тетради выписок 1907–1909 гг.). Эта мысль закреплена в начале стихотворения Волошина 1910 г.: «Я верен темному завету: / «Быть всей душой в борьбе!» (Т. 1 наст. изд. С. 148). «Темный» здесь – намек на Кришну, чье имя в переводе значит: черный, темный.

[12] Волошин апеллирует к эпизоду из «Книги Иисуса Навина» (X, 12–13). Во время битвы израильтян с жителями Гаваона военачальник Иисус Навин обратился к Богу с просьбой остановить солнце (чтобы продлить день для полной победы). Однако Волошин, видимо, ориентируется не на библейский текст, а на его живописную интерпретацию: «свидетелем», стоящим в стороне, на холме, возвышавшемся над местом битвы, молился, воздев руки к небу, Моисей. Именно так изображалась эта битва, например, на картине Н. Пуссена «Битва Иисуса Навина с амалекитянами» (ок. 1626).

[13] Определенная неприязнь к немецкой культуре зародилась у Волошина еще в период первого пребывания в Берлине в конце 1899-го – начале 1900-х гг. (в этом он признавался Петровой в письме 9 января 1900 г. // Т. 8 наст. изд. С. 306–307). Не случайно и в 1905 г. он отверг предложение М.В. Сабашниковой «учиться у немцев» и писал ей 27 августа / 9 сентября 1905 г. из Парижа: «Идти к кому-то на выучку и еще к немцам, которых я глубоко ненавижу и презираю, – этого я не сделаю» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1059).

[14] Ср. с рассуждениями из статьи «Франция и война. Разговоры»: «Овладей нами Германия теперь, она через двадцать лет стала бы французской по тому же закону, по которому Рим, покорив Грецию, тотчас же стал греческим, а покорив Иудею, вскоре сделался иудео-христианским» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 328).

[15] Имеется в виду стихотворение «Трели», законченное 9 февраля 1915 г.

[16] «Ифигения в Авлиде» (1774) и «Ифигения в Тавриде» (1779) – оперы Кристофа Виллибальда Глюка. Глюковскую «Ифигению» в исполнении А. Дункан Волошин видел в 1911 г. на сцене театра Шатле в Париже, о чем писал в статье «Луи Фуллер и Айседора Дункан» (Т. 6 кн. 1 наст. изд. С. 457, 791).

[17] Речь идет о стихотворении Волошина «Петербург» («Над призрачным и нищим Петербургом...») (8 февраля 1915 г.). См.: Т. 2 наст. изд. С. 417, 701—702. Отклик Петровой см. в примеч. 3 к п. 125. Жозеф де Местр был посланником Сардинии в Петербурге в 1802—1817 гг.

[18] О неприятии переименования Петербурга в Петроград Волошин неоднократно писал своим корреспондентам. См. п. 108, 120.

[19] См. примеч. 4 к п. 166.

170. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

6/19 ноября 1915 г. Париж[1]

19.XI.1915. 60. Rue de la Tour. Paris.

Дорогая Юлия Леонидовна, Ваше письмо застало меня в Париже. Я здесь уже дней десять.[2] Но как будто не уезжал отсюда.

9 дней, проведенные в Испании,[3] были глубокой радостью, потому что это были единственные дни вне войны, единственные наедине с природой за все 15 месяцев.

Конечно, самое глубокое — это 3 дня в Обаренских горах, в Панкорбо. Это пейзаж потерянного рая, развитие темы Карадага и Яйлы. И как таковое мне глубоко близкое и волнующее.

Долина Эбро в дырявом, коричневом рубище трав, из-под которого сквозит меловое тело земли. Бургос как исступленный крик среди пустынных плоскогорий. Какое соединение суровой простоты железных линий с китайской подробностью мраморной кружевной резьбы.

И какие лица живых монахов молчальников в монастыре Miraflores.[4] Они вырезаны тем же исступленным резцом. Возвращаясь через Бискайю, я заехал нарочно на место родины Св. Игнатия. Старая башня родового замка Лойол[5] заключена в оправу порфирного, мраморного и гранитного барочного монастыря, имеющего вид орла, расправляющего крылья для полета.

Но сохранилась комната, в которой произошло его обращение. Оттуда видна из окна совсем голая, сплошная, без трещин и без скал и без зелени, огромная каменная гора

Исараис. Она все время висит и давит, к<ак> вечная грозовая туча. И цвет ее — цвет дождевой дали. Мне стало сразу ясно, что она была Синаем Иезуитизма.

Бискайя слишком нарядная и кудрявая, и тесная мне чужда. Пейзажи моей души на плоскогорьях Старой Кастилии, где синеют горные дали, на желтых холмах цепенеют сторожевые башни, и вековые вязы идут вдоль степных дорог.

Велосипед дал мне возможность пробежать по этим дорогам, коснуться тех мест, которые обычно бегут равнодушно и недоступно в окне вагона.

Вернувшись в Биарриц, я две недели зарисовывал все виденное (*23 кв. метра* акварели — руло<н> бумаги).

К сожалению, все это придется раздарить в Париже, т<ак> к<ак> везти с собою в Россию будет немыслимо.

А возвращаться в Россию я думаю к весне. С моим возвращением произошло некоторое недоразумение: я писал в августе маме, в то время, как русские дела были в таком критическом положении, что мне в первый раз захотелось быть в России. Но в то время я еще вовсе не считал свой возврат возможным. И только потом из писем мамы понял, как она ждет и хочет моего возвращения и что все, бывшее перед войной, действительно миновало.

Но уехать сейчас мне не хотелось бы: мне хочется утвердиться немного в «Бирж<евых> Ведомостях», чтобы сохранить их и в России, и еще много взять от Парижа. И море сейчас так бурно, что даже сообщения между Англией и Францией прерываются то и дело на несколько дней.

И потом мне не хочется совсем брать денег от Пра. Я думаю, что если это провести твердо, то это очень ее успокоит и очень много внесет порядка в наши отношения. Это, конечно, осложнит мою жизнь и не даст мне подолгу жить в Коктебеле, особенно зимой, о чем я мечтал, но это мне кажется необходимо.

Досадно только, что я газетные статьи пишу с большой медленностью и это так отвлекает от стихов и живописи, в то время как мне хочется непрестанно делать только эти две вещи, увы! не приносящие доходов.

Впрочем, я отправил в «Северные Записки»[6] цикл из семи стихотворений об войне, с надеждой, что они заплотят. Но всё же не верю, чтобы они напечатали, и просил их в случае неприятия переслать рукопись Вам, чтобы она не возвращалась в Париж.

Пожалуйста, если Вы еще не получили их, позвоните по телефону в «Северные Записки» (Загородный 21а) и спросите у редактора-издателя Софьи Исааковны Чацкиной о судьбе моих стихов.[7]

А ежели их Вам пришлют, что более чем вероятно, то Вы и К<онстантин> Вас<ильевич>,[8] может быть, придумаете, куда бы их можно было еще послать (кроме «Аполлона» и «Рус<ской> Мысли», где их уже не приняли). Мое единственное условие, чтобы их напечатали все вместе и заплатили по 50 к<опеек> за строчку. Если у Вас явится такая идея, то даю Вам полную «carte blanche».* Только известите меня об их судьбе. Хорошо? Ничего, что я Вас прошу об этом и распорядился о пересылке их Вам, не спросив предварительно Вашего согласия?

Среди них Вы найдете два, которые, верно, еще Вам неизвестны.

Что касается «России», то мамины слова о «чужой лошади» меня очень развеселили.[9] Но она не права. Во-первых, я *хотел*, чтобы <в> этой строфе было напоминание о Достоевском, т<ак> к<ак> считаю это мировым символом России; а во-вторых, эта реминисценция относится не только к сну Раскольникова, но еще больше к «Акулькиному мужу» из «Мертвого дома», где этот образ встает в гораздо большей полноте.[10] Почти в каждом из моих стихотворений скрыта завязь, связывающая его с образами и символами других поэтов. И я дорожу этой связью, вовсе не хочу скрывать ее, а часто нарочно хочу вызвать воспоминание. Это один из важных моментов в истории литературной эволюции, эти завязи — и истреблять их — малодушие и непонимание смысла творчества.

Очень, очень радуюсь тому, что Кон<стантин> Вас<ильевич> взялся за живопись.[11] Это действительно может стать цветеньем всей его жизни.

---

* Чистый листок (*фр.*); в значении: свобода действий.

Из Ваших слов об внутренних обстоятельствах понял только то, что теперь Вы вместе с Констант<ином> Вас<ильевичем> женаты <на> Анне Владимировне.[12]

Это очень грустно и тяжело.

Камин потух. Второй час ночи. Я начинаю коченеть.

До свиданья.

Весною я поеду, конечно, севером и, конечно, остановлюсь в Петербурге на несколько дней, поэтому мы увидимся раньше.

Привет Екатерине Ивановне и Феодору Константиновичу.[13]

Максимилиан Волошин.

[1] Почтовые штемпели на конверте: Paris. 20.XI.1915; Петроград. 26.11.15.

[2] Волошин возвратился в Париж из Биаррица около 24 октября/ 6 ноября 1915 г.

[3] Волошин выехал из Биаррица в Испанию на велосипеде 30 сентября / 13 октября, вернулся в Биарриц 7/20 октября 1915 г. (Труды и дни. С. 381–382).

[4] Монастырь Мирафлорес (La Cartuja de Miraflores) – картузианский монастырь (XV в.) к востоку от Бургоса.

[5] Замок Лойола в баскской провинции Гипускоа – место рождения св. Игнатия де Лойолы.

[6] «Северные Записки» – петербургский ежемесячный литературный, научный и политический журнал, издававшийся в 1913–1917 гг.

[7] Публикация стихотворений Волошина в «Северных Записках» не состоялась.

[8] К.В. Кандауров.

[9] 11/24 октября 1915 г. Оболенская писала Волошину из Москвы о его стихотворении «Россия» («Враждующих скорбный гений...»): «Ваши стихи прекрасны. Многим пришлось читать их. Я только споткнулась о стремительный переход к Достоевскому образу, не успевающему для меня сменить предыдущий. О него многие спотыкаются, и впервые в таком вопросе довелось мне согласиться с Пра, совсем без задней мысли сетующей: "так все было хорошо, и вдруг лошадь привел, да еще чужую..."» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 900, л. 61–62 об.). Имеются в виду строки из «России»: «Наотмашь хозяин

хлещет / Тебя по кротким глазам» (Т. 1 наст. изд. С. 221), — навеянные сценой истязания лошади в сне Раскольникова («Преступление и наказание», ч. 1, гл. V): «— По морде ее, по глазам хлещи, по глазам! <...> он видит, как ее секут по глазам, по самым глазам!» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. С. 48).

[10] См.: «Записки из Мертвого дома», ч. 2, гл. IV («Акулькин муж») (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. 1972. Т. 4. С. 165—173).

[11] 11/24 октября Оболенская писала о Кандаурове: «Самая большая моя радость — работа К.В.: он начал писать, но пока из-за усиленной службы и всяческой хвори успел закончить только один nature morte — четкий, простой, ясный, очень мне приятный. В нем видно, конечно, что я над душой стояла, но совсем своя матерьяльность, тяжесть вещей. А самое главное, что он будет теперь писать — и как радуется — светится прямо». Ту же тему Оболенская развивала в завершающей части письма (20 октября / 2 ноября): «Его работа (он пишет всего 2-й nature morte, пользуясь сиденьем дома) пошла так блестяще, что мне уже нечего указывать ему. Как он счастлив, сказать трудно, ведь это цветет вся его жизнь — полвека. Вообще, не только в живописи у него этот расцвет. Ему хочется писать и бродят любопытные темы в уме; но затрудняет запись. Я хочу попробовать помочь ему в этом, сколько могу. Если все пойдет удачно, если его хрупкость или чужое вмешательство не повредят результату, я буду совершенно счастлива и с радостью зачеркиваю свою жизнь, как жизнь».

[12] А.В. Кандаурова. 11/24 октября Оболенская писала Волошину: «...могу вполне определенно ответить на Ваш прежний вопрос, прожив здесь <т.е. в Москве. — *Ред.*> полтора месяца, что все окончилось к полному благополучию А.В.».

[13] Е.И. Оболенская и Ф.К. Радецкий.

171. Б.В. САВИНКОВУ

16/29 ноября 1915 г. Париж

29/XI 1915. 60. Rue de la Tour. Paris.

Дорогой Борис Викторович,

после Вашего отъезда[1] произошли разные большие события и передвижения масс: Эренбург бывает часто в отеле на Avenue Henri-Martin[2] — любим и оценен.

Его книга покорила себе сердца:[3] в субботу[4] (субботу!) он читал стихи, сидя в кресле среди персидского ковра, окруженный светскими дамами «точно козел — величественный, гнусный и смрадный» (трубка), как я уверял его. А выходя, к счастью уже в вестибюле (в том месте, где Андрей Соболь пробил собою зеркальную дверь), у его ветхого костюма отвалилась (красный хохот!) одна штанина. Но он благополучно под кровом ночи добрался до своего подполья.

Теперь он носит Ваш костюм, который Вы ему оставили с просьбой выкинуть, благословляет Вас, даже постриг волосы и вымыл их. Словом, почти элегантен.

Но стихи его, читанные в первый раз у меня только М<ихаилу> О<циповичу> и М<арии> С<амойловне>,[5] вторично на людной субботе произвели очень сильное впечатление.

И должен сказать, что на субботнем чтении, именно благодаря непривычной и неподходящей обстановке, я сам был ими потрясен, как совсем новыми. В Ротонде[6] они звучали, как одно из выявлений общего хаоса, а тут я имел возможность оценить их общий художественный размах, захват и пафос.

Мои стихи, которые я читал тогда перед ним, совершенно стерлись, померкли, потерялись. Я этому очень порадовался, т<ак> к<ак> этот контраст еще подчеркнул в глазах Цетлиных художественный размах его книги.

Ее издание решено окончательно. Кроме того, решено и издание его переводов из Виллона и книги о Шарле Пэги, которую мы подготовим совместно с ним и с Мих<аилом> Осипов<ичем>.[7]

Вообще это разрастается в целый ряд изданий маленьких книг — будет тоже издана теперь же и моя «Anno mundi ardentis».[8]

Словом, Эренбургу не придется ни искать места на трамвае, ни выгружать по ночам ящиков на Вожираре,[9] о чем он очень мечтал последнее время.

Я был все это время так занят всеми этими святыми интригами, что почти не видал Маревны. Она что-то при-

хварывает. Хотела быть у меня и не пришла. Эренбург лечил ее ромом и натопленной печкой. Помогло.

Сейчас сижу в статьях, корреспонденциях, подготовках книг... но человек никогда не бывает доволен, и душа моя тоскует по живописи, к которой мне не вернуть<ся> по крайней мере еще месяц: завидую Вашим цветущим мимозам.

Привет Евгении Ивановне и Вашему Львенку.[10]

Максимилиан Волошин.

[1] Савинков выехал из Парижа в Ниццу, видимо, 21 ноября (н.ст.) 1915 г. (Труды и дни. С. 383).

[2] Имеется в виду особняк Цетлиных на авеню Анри Мартен, 91, в котором они жили в 1911—1917 гг. (см.: *Аллой Рада*. Париж для зевак. СПб.: Коло, 2010. С. 341).

[3] Подразумевается рукопись книги И. Эренбурга «Стихи о канунах», которая вышла в свет в апреле 1916 г. в издательстве «Зерна», созданном на средства Цетлиных (М., 1916).

[4] 14/27 ноября.

[5] М.О. Цетлин и М.С. Цетлина.

[6] Кафе «Ротонда» (хозяин — Виктор Либион), открывшееся в 1911 г. на бульваре Монпарнас (Boulevard du Montparnasse, 105), было постоянным местом встреч русских художников и писателей. См.: *Эренбург Илья*. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: В 3 т. М.: Сов. писатель, 1990. Т. 1. С. 156—163; *Маревна (Воробьева-Стебельская М.)*. Моя жизнь с художниками «Улья». М.: Искусство — XXI век, 2004. С. 45—46.

[7] Книга «Отрывки из Большого завещания, баллады и разные стихотворения Франсуа Вийона в переводе И. Эренбурга» (М.: Зерна, 1916) вышла в свет весной 1916 г. Задуманная книга о Шарле Пеги (погибшем 5 сентября 1914 г. в бою у Марны) не была подготовлена. См. переведенное М.О. Цетлиным стихотворение Пеги «Париж — боевой корабль» (*Цетлин Михаил (Амари)*. Цельное чувство: Собр. стихотворений. М.: Водолей, 2011. С. 245—246).

[8] Книга стихов Волошина «Anno mundi ardentis 1915» (М.: Зерна, 1916) была отпечатана в типографии В.И. Воронова и вышла в свет (тиражом 500 экз.) в первой половине марта 1916 г.

[9] Подразумевается, видимо, разгрузка вагонов (на бульваре Вожирар, непосредственно примыкающем к вокзалу Монпарнас).

[10] Е.И. Зильберберг и сын ее и Савинкова Лев.

172. Л.С. БАКСТУ

19 ноября / 2 декабря 1915 г. Париж[1]

8 ч. Вечер. Четверг.

Дорогой Лев Самойлович,

только что звонил к Вам и не мог добиться. Могу ли я быть у Вас с М.С. Цетлиной завтра же в пятницу в 7½ часа?[2]

Что же касается «Беллоны», то мне очень хочется просить у Вас позволения воспроизвести ее как обложку для моей книги – это лучшее, что можно сделать.[3]

Если невозможно завтра в 7½, то, пожалуйста, известите меня сегодня же с вечер<ней> pneumatique (60 Rue de la Tour).

Maximil<ienne> Volochine.

[1] Послано пневматической почтой (carte pneumatique). Датируется по связи с ответным письмом.

[2] Бакст отвечал на следующий день («3 Décembre. Vendredi»): «Сегодня – нельзя! Я работаю с модели очень срочно <...> Но завтра в субботу жду, от 1½ до 3½ сеанс. Лучше всего телефон, ибо вашу телеграмму консьерж подала *сегодня* утром» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 225).

[3] Книга Волошина «Anno mundi ardentis 1915» (см. примеч. 8 к п. 171) была выпущена в свет с обложкой работы Бакста: гравюра с изображением Беллоны (имя от bellum, «война») – в римской мифологии богини круга Марса.

173. А.М. ПЕТРОВОЙ

2/15 декабря 1915 г. Париж

15/XII 1915. 60 Rue de la Tour.

Милая Александра Михайловна, это не письмо. Хочу только послать Вам стихотворение «Левиафан», недавно написанное.[1] Его считаю очень важным для себя.

Написав его, я закончил книгу стихов «1915. Anno mundi ardentis».[2] Она будет сейчас же печататься и выйдет к концу

февраля. К сожалению, только одно стихотворение «России» я не помещу в ней.[3] Мне кажется, что его сейчас, пока война не кончена, печатать нельзя еще: в нем есть слишком определенные пожелания.[4] Все это время по возвращении в Париж я работал над составлением этой книги.

В Россию я возвращаюсь весной. В апреле буду в Москве, а к маю приеду в Крым.[5]

В смысле стихов этот год был для меня редко плодотворен. Но это единственное, чем я мог ответить на совершающееся.

Думаю о возвращении в Россию с некоторым страхом. Возвращаюсь только потому, что знаю, как мама тоскует без меня. Но не уверен, что все бывшее перед войной не могло <бы> повториться снова.[6]

А эти полтора года я несмотря на весь окружающий ужас работал интенсивно и плодотворно во всех областях.

Очень хочется знать Ваше мнение о «Левиафане»,[7] и вообще жду от Вас писем.

Что Костенька?[8] Что Вы? Жозефина Густавовна?[9]

Напишите мне о Людвиге,[10] пожалуйста. Что с ним? Где он?

Маргарита недавно написала очень грустное письмо: очень там тяжело.[11] Художеств<енная> ее работа опять не ладится, и отношения с людьми смутны. О войне не пишет ничего. Да вообще сейчас все молчат здесь. Нечего сказать. Никто не знает даже, что сейчас пожелать. Пишите мне, пожалуйста. Очень жду Ваших писем.

Мах.

[1] Стихотворение «Левиафан» закончено 9 декабря 1915 г. См.: Т. 2 наст. изд. С. 57–59, 657–658.

[2] Об этой книге Волошина см. примеч. 11 к п. 158, п. 164, 167, примеч. 8 к 171, а также: *Купченко В., Давыдов З.* 75 лет изданию // Памятные книжные даты. 1991. М.: Книга, 1991. С. 165–168.

[3] Стихотворение «России» (Т. 1 наст. изд. С. 221, 511–512), высланное Волошиным Петровой в августе 1915 г. и высоко оцененное близким кругом его друзей (см. примеч. 1 к п. 167, примеч. 3 к п. 169), впервые опубликовано в 1917 г. в газете «Власть народа» (28 июля).

[4] Вероятно, речь идет о строке из стихотворения «России»: «Люблю тебя побежденной», резко контрастировавшей с преобладавшими тогда урапатриотическими настроениями русской публики.

[5] Волошин прибыл в Петроград 5/18 апреля 1916 г., был в Москве с 18 апреля (ст.ст.) по 24 апреля (ст.ст.), приехал в Феодосию 26 апреля (ст.ст.) 1916 г. См.: Труды и дни. С. 394–398.

[6] См. примеч. 6 к п. 95.

[7] В ответной открытке Петрова писала Волошину: «Вчера получила Вашего “Левиафана” и, конечно, в полном от него восторге. Это классическая вещь. Философская. Больно, что ее многие и многие не поймут. <...> Буду от души приветствовать появление новой книги Ваших стихов! Кто издает? Заглавие мне очень нравится; оно именно соответствует. Но, что “Россия” не войдет – это лучше. И не время, и есть какой-то основной недочет в этом стихотворении. <...> Ради мамы нужно приехать, а то не советовала бы пока. Ваше философское настроение совсем не ко двору будет» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953).

[8] К.Ф. Богаевский.

[9] Ж.Г. Богаевская.

[10] Л.Л. Квятковский.

[11] В письме от 6 декабря 1915 г. из Дорнаха М.В. Сабашникова сообщала Волошину: «Для меня лично этот год <...> был печален. В живописи не сдвинулась я нисколько» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1065).

174. Б.В. САВИНКОВУ

7/20 декабря 1915 г. Париж

Дорогой Борис Викторович,

посылаю Вам стихи о Вас, написанные сегодня ночью, а также и поэму «Левиафан», написанную для «Anno mundi ardentis» уже в Ваше отсутствие.[1]

Получили ли от Эренбурга мои стихи в его стиле?[2]

Получили ли мое письмо?[3]

Сейчас поздно. Валюсь с ног. Покойной ночи.

Максимилиан Волошин.

[1] К письму приложены автограф стихотворения «Ропшин» («Холодный рот. Щеки бесстрастной складки...»), датированный: 20 XII 1915. Париж, – и автограф (под копировальную бумагу) стихотворения «Левиафан» («Мне – Иову сказал Господь ...», 9 декабря 1915) (ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, ед. хр. 44, л. 16–20). См. наст. изд.: Т. 1. С. 195; Т. 2. С. 57–59. 25 декабря (н.ст.) 1915 г. Савинков отвечал Волошину: «Спасибо за Левиафана и за Лося. Мне Ваши стихи нравятся, понравился и Лось, но причем же я тут?» (*Волошин Максимилиан.* Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск, 1993. С. 377. Исправлено по автографу). Подразумеваются строки из стихотворения «Ропшин»: «И в звездной мгле стоит большой, сохатый, / Унылый лось с крестом между рогов».

[2] В письме к Савинкову, отправленном после 10 декабря (н.ст.) 1915 г., Эренбург привел список пародийного стихотворения Волошина под заглавием «Светский файвоклок» (в автографе Волошина озаглавлено: «Серенький денек» («Грязную тучу тошнило над городом...», с посвящением И.Г. Эренбургу, 10 декабря 1915); см.: Т. 2 наст. изд. С. 472–473) и пояснил: «Это описание Макс<имилианом> Алекс<андровичем> моего посещения Цетлиных» (Звезда. 1996. № 2. С. 174–175; *Эренбург Илья.* Дай оглянуться... Письма 1908–1930 / Изд. подгот. Б.Я. Фрезинским. М.: Аграф, 2004. С. 69).

[3] Имеется в виду п. 171.

175. М.Ф. ЛАРИОНОВУ и Н.С. ГОНЧАРОВОЙ

16/29 декабря 1915 г. Париж[1]

Милый Михаил Феодорович, и многоуважаемая
Наталья Сергеевна,

не успел, уходя и<з> Оперы, Вас увидать, сказать, как хороша Ваша постановка.[2] Я говорил со многими французами, и они находят ее вне сравнения самым интересным из всего спектакля.

Хочу предложить Вам встретить вместе Новый Год, если Вы ничего против этого не имеете. Будет много друзей из художников.

Если согласны, приходите ко мне 31-го. (9—10 ч. вечера). Адрес — Avenue Henri-Martin 91. (Chez M. Zetline),[3] я пока живу здесь (а не на 60 Rue de la Tour).

До свиданья. Ответьте (на Av<enue> Henri-Martin 91).

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по штемпелю парижской пневматической почты: 29.12.15.

[2] 29 декабря (н.ст.) 1915 г. в парижской «Opéra» состоялся спектакль русского балета в пользу английского «Красного креста». В программу входил одноактный балет «Полунощное солнце», поставленный Л.Ф. Мясиным на основе музыки танцев из оперы Н.А. Римского-Корсакова «Снегурочка» в декорациях и костюмах М.Ф. Ларионова. Работу Ларионова высоко оценил И.Г. Эренбург в корреспонденции «Русский балет в Париже. Письмо из Парижа» (Утро России. 1916. № 12. 12 янв. Подпись: И. Э.).

[3] См. п. 171, примеч. 2.

1916

176. Б.В. САВИНКОВУ

1/14 марта 1916 г. Париж[1]

Дорогой Борис Викторович,

Ваше письмо я получил совсем больной, в жару.[2] А едва выздоровевши, кинулся бегать и готовиться к отъезду, т<ак> к<ак> получил на дорогу и деньги, и уйму поручений. Ваше письмо выучил наизусть и все исполню в точности. Стихов сейчас, конечно, не писал новых.[3]

Маревну вижу лишь мельком. Приедете ли Вы в Париж еще до моего отъезда? Удалось ли Ваше дело?[4] Очевидно, смогу уже написать Вам только из России. Привет Евгении Ивановне и Льву Борисовичу.[5]

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 14.III.1916. Отправлено по адресу: Villa Saïssi. Chemin de Brancolar. Nice.

[2] Имеется в виду письмо Савинкова от 1 марта (н.ст.) 1916 г. из Ниццы; в нем были изложены поручения Волошину, уезжавшему из Парижа в Россию, и также говорилось: «Я очень счастлив, что познакомился с Вами и полюбил Вас. Простите меня, если я у Цетлинов был с Вами резок — я был не в себе. Простите — не осудите. И не забудьте меня в России» (*Волошин Максимилиан.* Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. Захара Давыдова и Владимира Купченко. С. 377—378). Минск: Мастацкая літаратура, 1993.

[3] В письме от 11 марта (н.ст.) 1916 г. Савинков, не получив своевременно ответа от Волошина, спрашивал: «Получили ли Вы мое письмо? Напишите два слова о Париже и пришлите, прошу Вас, стихов» (*Там же.* С. 378).

[4] 16 марта (н.ст.) Савинков отвечал: «Из моих дел пока ровно ничего не вышло, и я потонул в пучине морской. <...> У меня "тьма и больше ничего"» (*Там же*. С. 378, 379. Цитата – из стихотворения Э.А. По «Ворон» («The Raven», 1845) в переводе К.Д. Бальмонта, 1894).

[5] Е.И. Зильберберг и Л.Б. Савинков.

177. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

6/19 марта 1916 г. Париж

19/III 1916.

Милая мама,

теперь, когда отъезд мой решен и близок, скопилась такая масса суеты и дел, что совсем некогда писать письма, и самый отъезд, день которого я еще никак не могу назначить, все отодвигается и отсрачивается: столько разных хлопот, и формальностей, и прощаний, и неожиданных дел. Впрочем, я даже радуюсь этому, потому что наступила необычайно ранняя весна и каштаны уже начинают зеленеть. Это мой самый любимый момент в Париже, и было бы жаль не дождаться, пока они распустятся.

Вероятно, я выеду около назначенного тобою числа (15/29 марта). Только мне по дороге надо остановиться на 4 дня в Лондоне (это теперь обязательно).[1]

Толстой приезжал на два дня, совсем ошалелый от английских приемов.[2] Звал меня ехать обратно с ним. Но это мне совсем не рука: им всюду царские встречи и приемы. И мне гораздо любопытнее ехать одному. Так что он вернется, верно, на неделю раньше меня.

У меня возникла, между прочим, мысль предложить по приезде свои услуги газетам для посылки меня в Багдад; и если условия будут так же выгодны, как Толстого или Полякова, то я поеду. Это не надо опускать. Поляков (Литовцев), который сейчас здесь, говорит, что все шансы за то, что мое предложение будет очень хорошо принято «Рус<ским> Словом».[3] Я не очень верю – но попытаюсь все-таки.

Толстой отдал мне твоего долга — 5 фунт<ов> стерлингов. Не имею понятия, насколько это по курсу соответствует 80 рублям.

Пишу это письмо наскоро. Да едва ли оно придет раньше меня самого.

Крепко тебя целую. Благодарю за деньги.

МАХ.

[1] Волошин выехал из Парижа 26 марта / 8 апреля 1916 г. в Дьепп; переплыв Ла-Манш, утром следующего дня прибыл в Лондон, откуда 29 марта / 11 апреля отплыл пароходом в Норвегию. Прибыл в Петроград вечером 5/18 апреля (Труды и дни. С. 393—394).

[2] А.Н. Толстой приехал из Булони в Париж вместе с В.Д. Набоковым и Вас. И. Немировичем-Данченко 29 февраля / 13 марта и отбыл с ними из Парижа в Булонь 2/15 марта 1916 г. (*Там же*. С. 391); он входил в состав группы русских журналистов (представлял газету «Русские Ведомости»), делегированной в Англию по приглашению английского правительства; находился в заграничной поездке с 1/14 февраля по 18/31 марта (в письме к Н.В. Крандиевской от 3/16 марта 1916 г. сообщил, что выезжает из Лондона в Россию 11/24 марта; см.: Переписка А.Н. Толстого: В 2 т. М.: Худож. литература, 1989. Т. 1. С. 251).

[3] «Русское Слово» — московская ежедневная газета, издававшаяся товариществом И.Д. Сытина с 1894 г.; одна из самых распространенных российских газет. С.Л. Поляков (Литовцев) был ее парижским корреспондентом.

178. М.М. ГАККЕБУШУ

20 апреля 1916 г. Москва[1]

Многоуважаемый Михаил Михайлович,

так как теперь «Биржев<ые> Ведомости» остались без постоянного осведомителя из Франции,[2] то позвольте мне рекомендовать Вам как такового поэта Илью Григорьевича Эренбурга,[3] которого Вы, конечно, знаете по имени по его книгам и переводам старых и новых французских поэтов.[4]

Он прекрасно знает Францию и может быть очень интересен для газеты.[5]

Максимилиан Волошин.

Москва. 1916. Апр<ель>.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 396. В этот же день Волошин посетил мать и сестру И.Г. Эренбурга в Москве (Остоженка, 7, кв. 87).

[2] Волошин регулярно печатался в «Биржевых Ведомостях» с весны 1915 г. Отъезд из Парижа 26 марта / 8 апреля 1916 г. побудил его искать себе замену.

[3] С И.Г. Эренбургом Волошин сблизился весной 1915 г. по прибытии в Париж из Швейцарии. Об их отношениях см.: Эренбург, Савинков, Волошин в годы смуты (1915–1918) / Публ., подгот. текста, вступ. заметка, заключение и примеч. Б. Фрезинского и Д. Зубарева // Звезда. 1996 № 2. С. 157–201. Первоначально Волошин, видимо, хотел предложить Гаккебушу в качестве заграничного «осведомителя» Б.В. Савинкова, который просил его по приезде в Петроград способствовать установлению связей с газетами («Душевно Ваш В. Ропшин...» (Переписка Бориса Савинкова с Максимилианом Волошиным) / Публ. З. Давыдова и В. Купченко // *Волошин Максимилиан.* Избранное. Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск, 1993. С. 377–378). Видимо, поэтому в недошедшем до нас письме Волошин испрашивал согласия Савинкова на разговор с Гаккебушем относительно его сотрудничества в газете. В ответ Савинков писал 26 марта (н.ст.) 1916 г., что ему трудно приспособиться к журнализму, и одновременно излагал обстоятельства своего разрыва с Гаккебушем. Между тем, под давлением обстоятельств Савинков все же был готов «работать в его паршивой газете» и давал согласие на разговор с Гаккебушем (*Там же.* С. 380).

[4] Первый свой сборник «Стихи» И.Г. Эренбург издал за свой счет в 1910 г. (Париж); в 1911 г. увидела свет его книга стихов «Я живу» (СПб., Тип. Т-ва «Обществ. польза»), в 1912 г. – «Одуванчики. Стихи» (Париж), в 1913 г. – «Будни. Стихи» (Париж), в 1914 – «Детское. Стихи» (Paris, Тип. Рираховского), а также переводные книги: *Жамм Франсис.* Стихи и проза / Пер. И. Эренбурга и Е. Шмидт. М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1913; Поэты Франции. 1871–1913) / Переводы И. Эренбурга. Париж: Гелиос, 1914.

[5] Посредничество Волошина оказалось результативно, в 1916–1917 гг. Эренбург активно сотрудничал в «Биржевых Ведомостях».

179. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

29 апреля 1916 г. Коктебель

Коктебель. 29/IV 1916.

Дорогая Мария Самойловна,

ты спрашиваешь меня, «что же мы на Вы или на ты»? Поэтому я мужественно перехожу на «ты», и теперь от тебя будет зависеть, поддержать ли нам наше *ты* или нет.

Твое второе письмо нагнало меня в Коктебеле.[1] Я второй день здесь — *дома*.[2] Устраиваюсь, привожу в порядок мастерскую и библиотеку, в которой в прошлом году варварски хозяйничали Толстой и Мандельштам.[3]

Только теперь почувствовал сразу всю усталость, скопившуюся за пять недель странствий, из которых дни, проведенные в Москве и СПб,[4] были, конечно, самыми утомительными.

Как хорошо быть дома, среди своих книг и любимых картин и вещей. И наслаждаясь этой радостью возвращения в свою раковину, я удивляюсь, с какой легкостью я ее кинул без всякой печали о том, что может и не вернусь в нее больше.

Здесь сосредоточены отслоения меня самого за много лет, и вся смена моих интересов, вкусов, идей. Я очень люблю эту свою раковину, но радуюсь и тому, что лишись я ее совсем — огорчаться не буду.

И опять то же чувство: вот я проснулся в Коктебеле от Парижа. (Но стоит мне снова закрыть глаза, я вновь буду в Париже видеть сон о Коктебеле). И нет у меня никакого чувства разлуки, точно я сижу с гриппом на Rue de la Tour,[5] и когда захочется, пойду на avenue Henry-Martin.[6] И кроме того, меня и в пути, и тут продолжают сопровождать подаренные тобой предметы: я сплю и тут на твоей надувной подушке, покрываюсь твоим пледом, гляжу в твое зеркало, раскрываю книги, подаренные Михаилом Осиповичем. Я могу прибавить, что за время пути не было ни одного вечера, когда я хотя бы на несколько минут не уходил к Вам в Париж, каковы бы ни были впечатления и события дня.

К чему я не могу привыкнуть в России – это к незанавешенным по вечерам окнам. А здесь их снова надо занавешивать и затворять ставни, чтобы не давать прицелу диким Гебену и Бреслау,[7] вновь бродящим по Черному морю. Это заменяет в известной степени цеппелинов.[8]

Меня Россия приняла хорошо. Особенно неожиданна была хорошая встреча от Петербурга. И самой большой радостью было, конечно, то, что (я, помнится, писал тебе в одной из открыток) мне сообщил Брянчанинов:[9] что моя «Corona Astralis»[10] имела большое влияние на Скрябина в последний период его творчества. Я к этому отнесся с сомнением (слишком уж большая честь), но потом я расспрашивал Балтрушайтиса.[11] И он мне сказал, что Брянчанинов был самым близким Скрябину человеком. И выдумывать это, искать для того нарочно встречи со мной – было бы совсем бесполезно и никому не нужно. А Брянчанинов и Львова утверждали, что весь последний период скрябинского творчества был обусловлен влиянием моих стихов. И все-таки почему-то не решаюсь поверить этому.

На Москву мне мама дала только 5 дней (я думал ее проводить в Крым, а самому остаться еще, но она решительно воспротивилась таким комбинациям). Так что я успел повидать только лишь близких мне людей. Никаких литерат<урных> дел сделать не успел, не был ни в одной редакции и твоего брата[12] видел лишь несколько минут. А родители Мих<аила> Осип<овича>[13] были в Крыму, так что я только передал ящик с лекарствами, которые довез благополучно, хотя на выпускной границе в Швеции над ящиком долго думали.

Путешествовать по российским жел<езным> дор<огам> куда труднее и опаснее, чем по Немецкому морю.[14]

Вообще все трудности тут начались для меня только с Финляндского Вокзала. При рус<ском> беспорядке главное трудно найти того человека, которому надо дать «на чай». Но как он найден – все становится просто, хотя и дороже. Теперь

я уже знаю ряд магических NN носильщиков и посыльных, к которым надо обращаться.

Приятно то, что все в России идет дерзко наперекор здравому смыслу, логике и практике. Но в этом, конечно, и залог моральной победы России над Европой. «Credo quia absurdum»*?[15] Верю в Россию, потому что она и все в ней бессмысленно. Это я серьезно говорю. Это единственная достойная оппозиция здравому смыслу, приведшему Европу к войне.

Кончаю письмо. Привет Мих<аилу> Осипов<ичу>, Шурочке, Вале[16] и M-lle Cavin.[17]

MAX.

[1] Ответ Волошина на недатированное письмо М.С. Цетлиной, в котором она писала: «Мы получили Вашу телеграмму из Бергена <...> и Ваше письмо из Фольстока и Вашу открытку из Лондона <...>. Где Вы теперь? Чем живете? Как себя чувствуете? У меня все-таки такое ощущение, что я Вас потеряла, что Вы уехали далеко, главное, что жизнь Ваша никак и ничем не будет соприкасаться с моей, есть только какая-то смутная надежда, что когда-нибудь мы еще увидимся. <...> Что же мы на Вы или на ты?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 27–27 об.).

[2] Волошин приехал в Коктебель 27 апреля 1916 г. (Труды и дни. С. 396).

[3] А.Н. Толстой и Н.В. Крандиевская находились в Коктебеле с 14 июня по конец июля 1915 г. Первое упоминание о пребывании в Коктебеле О.Э. Мандельштама обнаруживается в письме Е.О. Кириенко-Волошиной от 14 июля 1915 г., последнее – в письме от 25 августа 1915 г. 10 августа 1915 г. она жаловалась сыну: «Мандельштам еще здесь, и мои отношения с ним все ухудшаются при посредстве твоей библиотеки, т<ак> к<ак> он, будучи неаккуратен, неряшлив, забывчив, бесцеремонен вообще, проявляется в том же духе и относительно книг, и вчера, заметив по всем полкам беспорядок в книгах при взятии и вставлении их на места, я ему указала это и опять запретила ходить в библиотеку» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657).

[4] Волошин прибыл в Петроград 5/18 апреля 1916 г., вечером 17 апреля (ст.ст.) выехал в Москву, которую покинул 24 апреля (ст.ст.) 1916 г. (Труды и дни. С. 394–396).

* «Верю, потому что нелепо» *(лат.)*.

[5] Адрес, по которому останавливался Волошин у Бальмонтов в Париже.

[6] На авеню Анри Мартен в Париже Цетлины имели свой особняк.

[7] Линейный крейсер «Гёбен» и легкий крейсер «Бреслау» — средиземноморская эскадра кайзеровских военно-морских сил, в 1914 г. фиктивно проданная Турции. О судьбе и роли этих кораблей в Первой мировой войне см. русский перевод воспоминаний радиста, служившего на крейсере «Гебен»: *Кооп Г.* На линейном крейсере «Гебен». СПб.: Корабли и сражения, 2002. (С ошибкой в фамилии автора, правильно: Копп).

[8] См. примеч. 22—24 к п. 120.

[9] Волошин общался с Брянчаниновым 12 апреля 1916 г. на вечере в редакции журнала «Аполлон» (Труды и дни. С. 394—395). О значении этой встречи в биографии Волошина см.: *Купченко Владимир.* «Люблю Глюка, Моцарта и Бетховена» // Сов. музыка. 1990. № 3. С. 115—117.

[10] Венок сонетов «Corona Astralis» вошел в первый волошинский сборник «Стихотворения. 1900—1910». См.: Т. 1 наст. изд. С. 119—126.

[11] Балтрушайтис был одним из близких друзей Скрябина в последние годы жизни композитора. В сезон 1911—1912 г. Скрябин «начал изучать пристально и серьезно лирику русских символистов. <...> Знакомство с Бальтрушайтисом было тому побудительным поводом» *(Сабанеев Л.Л.* Воспоминания о Скрябине. М.: Музсектор Госиздата, 1925. С. 148—149). Об отношениях Ю.К. Балтрушайтиса и Волошина см.: *Купченко В.* Юргис Балтрушайтис и Максимилиан Волошин //Дружба народов. 1878. № 1. С. 283—284.

[12] Речь идет о Лазаре Соломоновиче Тумаркине (?—1938), старшем брате М.С. Цетлиной, с которым Волошин встретился 23 апреля 1916 г. См.: Труды и дни. С. 396.

[13] Родители М.О. Цетлина — Анна Вульфовна, урожд. Высоцкая (1860—1935) и Есель (Осип) Шмеркович (Семенович, Сергеевич) Цетлин (1856—1933), московский купец 1-й гильдии.

[14] Через Немецкое (Северное) море Волошин возвращался из Парижа в Россию. 29 марта / 11 апреля отплыл из Ньюкасл-апон-Тайна к Норвегии 31 марта / 3 апреля прибыл в Берген. Об этом путешествии он писал: «...я выехал несмотря на усилившуюся подводную войну, несмотря на то, что момент для возвращения был самый неблагоприятный, но я совершенно не верил, что со мной что-нибудь может случиться катастрофическое. Но вместе с тем, я

никогда ближе не стоял к возможной катастрофе, как во время этого морского перехода» (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 446).

[15] Известное латинское выражение, возводимое к трактату Тертуллиана «De Corpore Christi» (О теле Христа).

[16] М.О. Цетлин, Александра Николаевна Авксентьева (см. примеч. 1 к п. 161), Валентин Вольф (Валентин Михайлович) Цетлин (Valentine Wolf Zetlin) (1912–2007), американский психоаналитик, сын М.С. и М.О. Цетлиных.

[17] Видимо, гувернантка детей Цетлиных. О ней идет речь в ответном письме М.С. Цетлиной от 12 августа (н.ст.) 1916 г. М.С. Цетлина писала: «M-elle Cewin сделалась какая-то странная, очень много начала плакать (мы предполагаем, что она влюбилась) и не могла исполнять своих обязанностей, теперь она уехала к себе домой и у нас русская барышня, очень милая» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 29–29 об.).

180. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

1 мая 1916 г. Коктебель[1]

1 мая 1916. Коктебель.

Дорогая Юлия Леонидовна, мы в Коктебеле – и произошло маленькое изменение в распределении комнат: Пра покинула свою комнату и заняла ту, где жили Вы, и соседнюю, чтобы быть рядом со мной. Она устроила свою спальню – в задней комнате, а Ваша стала гостиной и столовой. Если Вы приедете раньше – одна – то Вы будете жить в ней. Но когда приедет Екатер<ина> Ивановна,[2] то придется выбрать другую комнату. Бывшая комната Пра будет очень дорога. И мне кажется, что Вам лучше всего было бы устроиться с Екат<ериной> Иван<овной> в той комнате, что в хвосте дома за большой террасой (где жили вначале Фельдштейны) с отдельной терраской.* Она и поместительнее и уютнее, чем та, внизу, прямо на море, где жила раньше Магда Максимилиан<овна>.[3] Ответьте поскорее.[4] Привезите с собою запас обойных гвоздей для натягивания холстов – здесь их совсем нет. Также хорошо захватить с собой

* *Первоначально*: с отдельным очень завитым крылечком.

и сахару, ибо здесь отпускают не больше фунта. Я очень рад, что удалось уговорить Пра переменить комнату. Это удобно во всех отношениях и дает возможность давать приют друзьям. Вас же лично, пока Вы будете одни, Пра приглашает жить в ее новых апартаментах как гостью. Приезжайте скорее. Привет Ек<атерине> Ив<ановне>, Конст<антину> Вас<ильевичу>, Кон<стантину> Феод<оровичу>.[5]

М. Волошин.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Коктебель. 3.5.16. Адресовано в Петроград.

[2] Е.И. Оболенская приехала в Коктебель вместе с Ю.Л. Оболенской 8 июня (Труды и дни. С. 400).

[3] М.М. Нахман.

[4] Оболенская ответила из Москвы 6 мая: «Мне казалось бы наиболее подходящим занять те 2 комнаты, что выходят на общую террассу во флигеле Юнге <...> мне хочется иметь свой угол для работы на воздухе <...> Но не зная густоты населения и новых условий, не рискую настаивать и прошу оставить ту комнату, о кот<орой> Вы пишете» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 3).

[5] К.В. Кандауров, К.Ф. Богаевский.

181. А.М. ПЕТРОВОЙ

Около 2 мая 1916 г. Коктебель[1]

Дорогая Александра Михайловна, это письмо Вам передаст художник Александр Иванович Штурман[2] — хороший знакомый К.Ф., Кандаурова, Латри[3] и который сейчас поселился у нас.

Получил Ваше письмо.[4] Спасибо за адрес. Напишу.

Приду, как только отдышусь немного: усталость месячного пути со всеми впечатлениями и людьми сказывается.[5] А первые дни пришлось еще все время убирать и приводить в порядок мастерскую, пришедшую в запустение, и библиотеку, в которой похозяйничали-таки без меня прошлым летом Толстые с Мандельштамом.[6] Сейчас сел за статьи — надо отправить сейчас же 2.[7] Как только управлюсь — при-

бегу.[8] Кроме того, еще устраиваю маму в новых комнатах (бывших моих). Это очень удобно, т<ак> к<ак> таким образом у нас получается подобие отдельной квартиры с собственной террасой, непосредственным сообщением и комнатой для ночевок для друзей.[9]

По вечерам занимаемся звездочетчеством[10] со Штурманом: он Вам сам об этом расскажет.

Я понимаю, что нам надо говорить много и об интимном. Кое о чем мне сказала уже мама; но я все-таки ничего не знаю и не понимаю.

Скоро буду. Костеньке напишу. Привет Жозефине Густавовне.[11]

MAX.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 397.

[2] Александр Иванович Штурман (1869—1945), художник, ученик А.И. Куинджи, один из основателей в 1903 г. Нового общества художников, педагог. О нем А.А. Рылов вспоминал: «Он был добрый, славный товарищ, много видевший, хорошо знавший западное искусство» (*Рылов А.* Воспоминания. Л.: Художник РСФСР, 1977. С. 146). А.Н. Штурман приехал в Коктебель в конце апреля 1916 г. (Труды и дни. С. 397).

[3] К.Ф. Богаевский, К.В. Кандауров, М.П. Латри.

[4] В недатированной открытке А.М. Петрова сообщала Волошину: «Я узнала, что Конст<антин> Феод<орович> скоро в начале мая должен приехать сюда. Не знаю только, пробудет ли он здесь или отправится в Кенигез. Во всяком случае, известим Вас. Кажется, в Коктебеле есть земский телефон <...> тогда он сам поговорит с Вами <...>. Если Вас это не удовлетворяет, то напишите, и я достану все же его адрес. Ведь отпуск его может задержаться, а ему дорого будет получить от Вас привет. <...> Уже написала Вам, когда пошла по делу и кстати узнала адрес К.Ф. Вам: Севастополь. Штаб крепости, командиру 88 роты К.Ф. Бог<аевскому>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 49). Писем Волошина к Богаевскому за этот период не обнаружено. Встреча Волошина с Богаевским, приехавшим в отпуск из армии, состоялась 18 мая 1916 г. (Труды и дни. С. 398).

[5] Волошин выехал из Парижа для возвращения в Россию через Дьепп, Лондон, Северное море, Торнео, Белоостров 26 марта / 8 апреля, прибыл в Коктебель только 27 апреля (ст. ст.) 1916 г.

[6] См. п. 179, примеч. 3.

[7] Вероятно, речь идет о статьях «Франция и война» (закончена 5 мая, опубликована в утр. вып. «Биржевых Ведомостей» 19 мая) и «Шарль Пеги» (закончена 13 мая, опубликована в «Речи» 25 мая). См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 540–553, 820–821.

[8] В Феодосию Волошин выбрался 14 мая 1916 г. и пробыл там до 20 мая 1916 г. (Труды и дни. С. 397).

[9] Об этом см. также п. 180.

[10] Увлечение Волошина астрономией началось еще в гимназические годы с произведений К. Фламмариона. Отчасти для наблюдения звездного неба была сооружена «вышка» на крыше волошинского дома. В воспоминаниях о Волошине, относящихся к 1913 г., М.П. Редлих свидетельствовал: «Очень интересны были его “путешествия” по звездному небу. Он очень хорошо знал множество созвездий и звезд и рассказывал с необыкновенным интересом античные легенды, связанные с звездным небом» (*Редлих М.П.* Мои воспоминания о М.А. Волошине. Коктебель, 1964. Рукопись, 5 с. ДМВ). С годами увлечения Волошина «звездочетчеством» усилились. В образе звездочета Волошин появляется в рассказе Андрея Соболя «Обломки» (*Соболь А.* Обломки. М.: Пб.: Круг, 1923. С. 105–108). Весной 1927 г. по рекомендации харьковчанина Л.Л. Андренко Волошин был принят во Французское Астрономическое общество.

[11] Ж.Г. Богаевская.

182. А.М. ПЕТРОВОЙ

Между 8 и 14 мая 1916 г. Коктебель[1]

Дорогая Александра Михайловна,

Позвольте мне познакомить Вас с Юлией Феодоровной Львовой, хорошей знакомой Лили Дмитриевой,[2] поселившейся на месяц в Коктебеле.[3]

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по соотнесению с датой приезда в Коктебель Ю.Ф. Львовой (8 мая 1916 г.) и ответным недатированным письмом А.М. Петровой, в котором она писала: «Очень рада была познакомиться с Юлией Феодоровной и ее спутниками, но, к сожалению, мало пришлось повидаться <...>». Здесь же она сообщала Волошину

о ближайших планах К.Ф. Богаевского: «На днях Жоз<ефина> Густ<авовна> ждет сюда К.Ф., которого задерживает лишь приезд в Севастополь Государя (кажется). Жоз<ефина> Густ<авовна> здесь теперь и будет его ждать. Собирается тогда к Вам в Коктебель, чего, вероятно, он пожелает» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954, л. 36). См. примеч. 4, 8 к п. 181.

[2] Е.И. Дмитриева (Васильева) была гарантом Петербургского отделения Антропософского общества, членом которого состояла и Ю.Ф. Львова.

[3] Ю.Ф. Львова покинула Коктебель только 13 августа 1916 г.

183. И.В. ГЕССЕНУ

13 мая 1916 г. Коктебель[1]

13 мая. Коктебель. 1916 г.

Многоуважаемый Иосиф Владимирович,

Посылаю Вам одновременно:

1) статью о Шарле Пеги,[2]

2) 2 книжки моих стихов.[3]

3) Книжку Гюстава Лебона о войне, с просьбой вернуть ее, как будет возможно, т<ак> к<ак> я хочу еще писать об ней.[4]

Просьба:

Будьте добры сделать распоряжение, чтобы мне высылали «Речь» по адресу: Крым. *Коктебель*. Волошину, вычтя абонементную плату из первого же гонорара.

Позволю себе напомнить Вам, что наши условия были: Один фельетон в месяц и 20 к. за строку.

Надеюсь вскоре увидеть Вас, Иосиф Владимирович, в Крыму, и не забудьте, что Вы обещали заехать ко мне, проездом через Коктебель.

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Коктебель. 13.5.16. Отправлено в Петроград по адресу редакции газеты «Речь».

[2] Статья Волошина «Шарль Пеги» была опубликована в «Речи» 25 мая 1916 г. (№ 142). См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 547–553.

[3] Книги Волошина «Стихотворения. 1900–1910» (М.: Гриф, 1910) и «Anno mundi ardentis 1915» (М.: Зерна, 1916).

[4] Имеется в виду кн.: *Le Bon Gustave.* Premières conséquences de la Guerre. Transformation mentale des peuples. Paris, 1916.

184. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

15 мая 1916 г. Коктебель[1]

Дорогая Юлия Леонидовна,

с комнатами всё идут недоразумения: мамину большую заняли Котович телеграммой.

Самое лучшее сделать так: приезжайте прямо; Вы остановитесь с Екатер<иной> Ивановной[2] сперва в вашей прежней комнате (мама спит – в задней, а она общая), а потом сами выберете, т<ак> к<ак> к началу июня освободится целый ряд комнат. Так будет проще всего. Хорошо?[3]

Сейчас пропедалирую в Феодосию, чтобы повидать К<онстантина> Ф<еодоровича>.[4] Он возвращается на несколько дней. Увижу и Алекс<андру> Мих<айловну>,[5] с которой мы так и не успели еще поговорить толком: я застрял в Коктебеле.

До свидан<ия>. Приезжайте скорее, пожалуйста. Очень Вас ждем. Привет Ек<атерине> И<вановне>, К<онстантину> В<асильевичу> и Ф<еодору> К<онстантиновичу>.[6]

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю отправления: Феодосия. 15.5.16.

[2] Е.И. Оболенская.

[3] Оболенская ответила из Москвы 19 мая: «...пожалуй, самое лучшее действительно подождать, что освободится в июне <...>

только бы не очень темно было для меня и не сыро для мамы» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 4).

[4] К.Ф. Богаевский. Речь идет о поездке на велосипеде.

[5] А.М. Петрова.

[6] К.В. Кандауров, Ф. К. Радецкий.

185. Ю.Ф. ЛЬВОВОЙ

22 мая 1916 г. Коктебель

Многоуважаемая Юлия Феодоровна,

Вы дали мне прочесть брошюру г. Шилкина «Искусство и мистика»[1] и хотели знать мое мнение. Я думаю, что никакой спор на этой почве невозможен. Т.е. спор всегда возможен, но он глубоко бесполезен. Не может быть спора между стоящими в двух различных планах сознания потому, что у них нет ни общего языка, ни общей терминологии, ни общих доказательств. Они — всегда, как два дуэлянта, повернутых друг другу спиной и прокалывающих воздух своими шпагами. Это всегдашняя судьба полемик против оккультистов, мистиков, спиритуалистов, теософов, ведущихся материалистами, философами, позитивистами или наоборот. Убедительное для «духовного сознания» неубедительно для «разума», достаточное для разума — недостаточно для духовного сознания. В этой невозможности спора — громадное благодеяние, и ни в каком случае не надо от него отказываться.

Во всем том, что говорит господин Ш. против оккультизма и оккультистов, я не нашел ничего нового и интересного. С той точки зрения, на которой он стоит, все именно так и должно представляться. Если он захочет переменить точку зрения, то он увидит все иначе; дойдет до необходимости стать на оккультную точку зрения — увидит все наоборот тому, что он утверждает.

Я не понимаю только смысла появления этой брошюры: ведь если люди соединяются в Общество для исследования большого художественного явления, то они делают

это для того, чтобы найти общую почву для совместной работы, прийти к согласию. Несогласие существует всюду и всегда, между всеми; и для поисков несогласий устраивать еще Общества – излишняя роскошь.

Что же касается того, с какой точки зрения должно исследоваться творчество Скрябина, – с чисто ли эстетической, которой очевидно требует г-н Ш., или с оккультной – я думаю, что этот вопрос вполне разрешается требованием Гёте, чтобы критик, судя о произведении, прежде всего постарался стать на точку зрения автора. А так как Скрябин стоял на оккультной точке зрения в своем творчестве, то какой же вопрос может быть о том, с какой стороны следует подходить к нему.

Максимилиан Волошин.

Коктебель 22/V 1916.

Предоставляю Вам, Юлия Феодоровна, распоряжаться этим письмом по Вашему усмотрению, и, если это понадобится Вам, довести его до сведения Скрябинского Общества.[3]

М. В.

[1] См.: *Шилкин Д. С.* Искусство и мистика. (Друзьям А.Н. Скрябина). Пг.: Тип. «Железнодорожных изд.», 1916.

[2] Это соображение Волошин формулирует также в статье «"Горе от ума" на сцене Московского Художественного театра» (1906; Т. 5 наст. изд. С. 231), в рецензии «Книга раздумий» (1900) и в одном из черновых набросков (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 91, 579). Возможно, подразумевается следующее рассуждение Гёте в разговоре с Эккерманом 18 сентября 1823 г.: «Все мысли и чувства, что ежедневно теснятся в поэте, хотят и должны быть высказаны <...> когда поэт всякий день вбирает в себя настоящее и насвежо воссоздает то, что открывается ему, это бесспорное благо <...> Единичный случай приобретает всеобщий интерес и поэтичность именно потому, что о нем заговорил *поэт.* Все мои стихотворения – стихотворения "на случай", они навеяны жизнью и в ней же коренятся» (*Эккерман Иоганн Петер.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М.: Худож. литература, 1981. С. 71–72).

[3] Официально Общество друзей Скрябина было образовано в Москве в 1922 г.

186. В КОНТОРУ ГАЗЕТЫ «РЕЧЬ»

27 мая 1916 г. Коктебель[1]

Мил<остивые> Государи,

Будьте добры высылать мне газету по адресу: «Крым, *Коктебель*. Максимилиану Александровичу Волошину». Подписную плату прошу вычесть из моего гонорара, а остальное выслать мне. Пока у меня был в «Речи» один фельетон «Шарль Пеги».[2] Этот № прошу Вас выслать мне в 5-ти экземплярах.

Напоминаю, что мои гонорарные условия в «Речи» — 20 коп. за строчку.

Заранее благодарю.

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю (Коктебель. 27 <?> <...> 16) и печатке: «1 июн. 1916» (дата получения).

[2] См. примеч. 2 к п. 183.

187. С.К. МАКОВСКОМУ

7 июня 1916 г. Коктебель[1]

Дорогой Сергей Константинович,

посылаю Вам рукопись о Сурикове, — его автобиографию, записанную мной с его слов. Мне, конечно, очень хочется видеть ее в «Аполлоне», но я боюсь, что рукопись может оказаться для Вас слишком большой — там около 3-х листов, я думаю, а у Вас уже есть одна статья.[2] Сократить ее нельзя потому, что она составлена вся из подлинных слов В.И. и должна быть напечатана интегрально.[3]

Поэтому, если она Вам окажется слишком велика, пожалуйста, перешлите ее сами в «Русскую Мысль» от моего имени. Но мое желание, чтобы она была в «Аполлоне». Я считаю ее очень ценной в смысле такого количества совершенно неизданного и неизвестного материала, которым,

конечно, будут пользоваться все пишущие о Сурикове. Сделайте мне, пожалуйста, 10 оттисков текста. Стихи вышлю на днях. Пришлите мне «Аполлон» за 1915 и 1916 годы. Я имею лишь № о Рерихе.[4]

М. Волошин.

[1] Открытка; датируется по почтовому штемпелю: Коктебель. 7.6.16.

[2] По всей вероятности, в одном из писем, в его архиве не сохранившихся, Волошин был извещен о том, что в «Аполлоне» готовится к публикации статья Я.А. Тепина «Суриков» (1916. № 4/5. С. 21–39).

[3] Очерк Волошина «Суриков (Материалы для биографии)» был опубликован в № 6/7 «Аполлона» за 1916 г. (С. 40–63).

[4] Имеется в виду № 4/5 «Аполлона» за 1915 г., в котором были опубликованы четыре стихотворения Волошина; там же были помещены статья Александра Гидони «Творческий путь Рериха» (С. 1–34), «Список главных работ Н.К. Рериха» (С. 35–39) и репродукции работ художника.

188. И.В. ГЕССЕНУ

7 июня 1916 г. Коктебель[1]

7/VI 1916. Коктебель (Крым).

Многоуважаемый Иосиф Владимирович, посылаю Вам одновременно фельетон о *Сурикове*: это не художест<венная> статья, а ряд воспоминаний о нем, если Вы не сможете ее напечатать, то, пожалуйста, верните мне рукопись.[2]

Я получил Ваше письмо.[3] Очень сожалею, что так вышло, и, *конечно*, не имею никаких претензий на Вас. Удержите книгу Лебона[4] сколько Вам надо, но, если можно, верните в середине лета.

Просьба: распорядитесь, пожалуйста, в конторе, чтобы мне высылали газету, вычтя подписную плату из гонорара. Я писал в контору, но еще не имею газеты. Приедете ли Вы в Крым, как собирались?

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Коктебель. 8.6.16; Петроград 11.6.16.

[2] Статья Волошина «Суриков» была опубликована в газете «Речь» 13 июня 1916 г. (№ 160). См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 554–559.

[3] Письма И.В. Гессена в архиве Волошина не сохранились.

[4] См. п. 183, примеч. 4.

189. А.М. ПЕТРОВОЙ

8 июня 1916 г. Коктебель[1]

Дорогая Александра Михайловна,

К.Ф.[2] обещал мне купить для меня у Котлова[3] rouleau (целый свиток) акварельной бумаги и оставить у себя в мастерской. Ежели он это успел сделать — пожалуйста — возьмите его в мастерской и пришлите мне вместе с Юлией Фео<доро>вной.[4]

Его легко узнать по форме — это плотный и тяжелый свиток бумаги в 2 аршина высоты.

Получили ли Вы известие от Миши?[5] Во мне все время беспокойство об Вас. Я написал воспоминание о Сурикове:[6] при случае принесу прочесть. Сейчас почему-то заболел. Очень болит голова.

MAX.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 400.

[2] См. примеч. 4 к п. 181. Волошин виделся с Богаевским в Феодосии, а затем принимал его у себя в Коктебеле, где, видимо, и состоялась договоренность о приобретении акварельной бумаги (Труды и дни. С. 398– 399).

[3] Феодосийский книготорговец.

[4] Имеется в виду Ю.Ф. Львова.

[5] М.М. Петров, призванный в действующую армию. В ответной открытке от 10 июня 1916 г. А.М. Петрова писала: «Сегодня, наконец, получила маленькое письмецо от денщика Миши, из кот<орого> узнала, что он пока, слава Богу, жив и здоров. Миша мне написал лишь в день наступления и письмо, полное самого восхищенного настроения по поводу “часа всеобщего наступления...”. Спасибо Вам за внимание и память о нем!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953).

[6] См. п. 187, примеч. 3.

190. И.Э. ГРАБАРЮ

13 июня 1916 г. Коктебель[1]

Многоуважаемый Игорь Эммануилович,

письмо Ваше получил и тотчас принялся за работу: в конце июня Вы получите всё.[2] Я как раз пред Вашим письмом закончил точную запись все<х> «разговоров» В.И., которую дам в «Аполлон» отдельной статьей.[3]

Жалею, что этих «разговоров» нельзя вставить целиком в монографию; очень живо удалось ухватить манеру речи: люди, знавшие лично В.И., которым я читал, очень одобрили в смысле верности тона. Я с приезда[4] работаю над Суриковым. Но не зная, что Вам удастся достать бумаги, я не брался за окончание самой монографии. Весь вопрос в том, чтобы переписать ее набело. Но это, как всегда, у меня новая работа с массой вставок и поправок.

Не можете ли Вы мне прислать *общие* фотографии «Ермака», «Разина» и «Царевны», которых у меня нет.[5] Мне было бы их очень полезно иметь перед глазами.

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

«Серова» я так и не получил.[6] Пожалуйста, пришлите.

М.В.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю (13. <...> 16) и по связи с письмом И.Э. Грабаря к Волошину от 31 мая 1916 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 451).

[2] В письме от 31 мая Грабарь извещал Волошина об открывшейся вновь возможности опубликовать в серии «Русские художники» Издательства И.Н. Кнебеля его книгу о В.И. Сурикове: «...хоть и за чудовищную цену и на сумасшедших условиях, но все же Кнебелю удалось раздобыть у финляндцев бумагу, а посему — ради Бога, давайте скорее рукопись “Сурикова” <...> пишите или, вернее, кончайте и шлите мне весь материал, т.е. рукопись и все фотографии, проредактировав на них надписи и даты сообразно тексту и перенумеровав их в порядке упоминания в тексте».

[3] См. примеч. 3 к п. 187.

[4] Подразумевается возвращение в Коктебель (27 апреля 1916 г.).

[5] См. примеч. 2 к п. 62. Упоминается также картина Сурикова «Степан Разин» (1900–1906).

[6] См. примеч. 5 к п. 62. В письме к Волошину от 16 июня 1916 г. Грабарь просил рассматривать свою монографию о В.А. Серове как образец для издания в серии «Русские художники» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 451).

191. И.Э. ГРАБАРЮ

16 июня 1916 г. Коктебель[1]

16/VI 1916. Коктебель.

Многоуважаемый Игорь Эммануилович,

для того, чтобы не задерживать печатанье монографии, посылаю Вам рукопись первой половины ее и одновременно фотографии, к ней относящиеся, за №№.[2] Вторая половина будет готова через дней 10–15, и вышлю ее тотчас же. Она будет состоять из глав, посвященных каждой картине в отдельности, и заключаться глав<ами> «Личность». «Творчество». Пришлите мне «Серова».[3]

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Коктебель. 19. <...> 16.

[2] См. п. 190, примеч. 2. 22 июня 1916 г. Грабарь писал Волошину: «...вчера получил первые 6 глав Вашей рукописи “Суриков”, первую партию фотографий и открытку» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 451).

[3] См. примеч. 6 к п. 190. Грабарь отвечал в том же письме: «Сегодня же Вам должны были послать моего “Серова”, которого раньше не было на складе».

192. В КОНТОРУ ГАЗЕТЫ «РЕЧЬ»

20 июня 1916 г. Коктебель[1]

В контору газеты *«Речь»*

М. Г.

Благодарю за гонорар (71 р.) и за №№ с моей статьей, которые получил.[2]

Газеты *еще* не начал получать. Покорнейше прошу записать меня абонентом не на месяц, а *на год*, вычтя плату равным образом из моего гонорара.

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Коктебель. 20. <...> 16. Печатка: «24 июн. 1916» (дата получения).

[2] Номера газеты «Речь» со статьей «Суриков» (см. п. 188, примеч. 2).

193. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

7—22 июня 1916 г. Коктебель

Коктебель 7. VI. 1916.

Дорогая Мария Самойловна, только вчера получил твое письмо, отправленное 9 мая.[1] Оно написано в Москву, и в нем слова о «водовороте» московской жизни. Я так кратко его видел.[2] Но и сюда доплескивают люди. Приезжают даже из Петербурга сюда для разговоров: только что я проводил Брянчанинова,[3] приезжавшего специально для разговоров о Скрябине[4] и о литературн<ом> наследии его, т.е. тексте «Предварительного Действа».[5] Очень трудно мне здесь высказывать свое мнение, потому что не считаю себя вправе судить о музыке и не хочу публично говорить об оккультизме — (не языком символов и поэзии).[6] Здесь мало говорят о войне. Такое чувство: теоретически все переговорено: значит, пора ей кончаться. Только скитание вражеских подводных лодок по морю под-

держивает некоторый личный интерес.[7] Хорошо и верно говорил о войне и о своих живых впечатлениях Гр<игорий> Петров, который сейчас в Коктебеле и с которым примирение у нас состоялось наконец.[8]

Я записал все свои разговоры с Суриковым, и они, верно, будут в «Аполлоне».[9] А теперь спешу закончить монографию о нем, она будет печататься летом.[10]

Мало времени на живопись. Но работается хорошо и интенсивно.

«Люди» пока не мешают, но вливаются в жизнь равномерно и дают ей напряженность.

Рецензию в «Летописи» пока не видал: здесь ни у кого нет, кажется.

Меня очень интересуют переводы моих стихов: если можно, пришли мне переведенные стихи.[11] Можно?

По поводу переводов: Мих<аил> Ос<ипович> писал мне, что не знает точно, каким словом передать «полынь». Мне лично по-французски ближе «armoise», а не «absinthe» или старинное «armeise». Латинское имя «Arthemisia».

Уже поздно. Допишу завтра. Покойной ночи.

22. VI. 1916.

«Завтра» оказалось через две недели. Грабарь[12] потребовал немедленной присылки монографии о Сурикове. Пришлось сейчас же сесть за работу. С утра до 3-х часов я пишу ее. С 4-х (после обеда) рисую и позирую для портрета.[13] Освобождаюсь только в сумерки. И тогда вечер бывает посвящен людям. Не успеваю даже проглядеть газеты как следует. Ничего не читаю. Весь день переполнен до краев.

Людей сейчас очень много.

Мои неожиданные аристократические связи продолжают развиваться. Я писал тебе про Ю.Ф. Львову,[14] внучку композитора[15] и дочку петрашевца,[16] самое — композитора, писавшую хоралы на мои стихи, что живет у нас теперь.[17] Она оказалась интимным другом Государыни и спрашивает, можно ли приехать к нам на осень герцогу Лейхтенбергскому (!?!!).[18]

А в виде антитезы третьего дня нанял у нас комнату Арцыбашев (!!!!).

Жена его сейчас сидит у меня в мастерской рядом с мопсом и пишет письма.[19] Так что можешь себе представить, какое человеческое столпотворение идет весь день. Мне наш дом представляется каким-то океанским пароходом. И к довершению хаоса мама собирается продавать и дом, и землю со всеми жильцами и моей мастерской какому-то интендантскому офицеру, и все это только потому, что в кухне оказались клопы.[20]

Кроме всех этих людей живут у нас и другие, очень мне близкие – Эфроны, Оболенские, Рагозинский и Фельдштейн.[21] Поэты Мандельштам и Ходасевич.[22] Вот приблизительная картина того, что переполняет мою жизнь. И нужна большая настойчивость, чтобы отстоять среди этого множества свои 5 часов для писания и 3 часа для живописи

Я кончаю это письмо и посылаю его тотчас же, чтобы оно не залежалось.

Да, еще, кроме того, часто вижусь с Елен<ой> Давид<овной> Высоцкой,[23] живущей рядом, у Дейши-Сионицкой.[24] Но к 1/2 августа все это схлынет, и снова наступит тишина и молчание.

Привет Мих<аилу> Осип<овичу>.[25]

МАХ.

[1] 9 мая (н.ст.) 1916 г. М.С. Цетлина писала Волошину: «...сегодня, одновременно с книжкой Ваших стихов, получила Вашу первую открыточку из Петрограда. <...> Перечла опять, уже однажды переписанную мною, всю Вашу книгу; очень хорошо ее читать. Об этой войне лучше или молчать, или говорить в том торжественном, глубоком тоне, каким написана Ваша книга. И как радостна в ней любовь, или страсть к любви, и как уцелела только надежда на семена всемирных всходов, хотя у меня нет никаких надежд. Я не понимаю, что происходит <...>. Эта борьба народов не по моему уму, не по моим духовным силам и не по моим способностям чувствовать, так как и чувством, и интуитивно я испытываю только какой-то хаос» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 25–25 об.). Открытка, посланная Волошиным из Петрограда, не обнаружена. Речь идет о книге стихов Волошина «Anno mundi ardentis. 1915», вышедшей в издательстве «Зерна» весной 1916 г. в Москве.

[2] В Москве Волошин находился с 17 по 24 апреля 1916 г. (Труды и дни. С. 395–396). Он откликается на рассуждения Цетлиной в цитированном письме: «...я чувствую Вас во всем сложном водовороте московской и российской жизни, и мысли о Париже у Вас, наверное, только на мгновенье мелькают и утопают во всех других реальных впечатлениях. Прочла сегодня в мартовской книжке "Летописи" рецензию на "Окровавленную Бельгию" Верхарна и очень пожалела, что и Вы, и Сергей Аполлонович над ней трудились, и даже к самому Верхарну в St-Cloud не захотелось ехать. Прочтите эту рецензию» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 26 об.). Упоминаются С.А. Скирмунт, рецензия В. Базарова (псевдоним В.А. Руднева) на книгу Верхарна «Окровавленная Бельгия» в «Летописи» (1916. № 3. С. 351–353). О сотрудничестве С.А. Скирмунта и Волошина см. примеч. 6 к п. 161.

[3] См. примеч. 9 к п. 179. А.Н. Брянчанинов приезжал в Коктебель в начале июня 1916 г. (Труды и дни. С. 399, 401).

[4] См. также п. 179, примеч. 11.

[5] «Предварительное действо», или «Предварительное действие» – стихотворный текст Скрябина, часть синтетического незавершенного замысла, работу над которым прервала смерть композитора; музыкальная составляющая воссоздана по черновым набросках автора А.П. Немтиным лишь в 1970-е гг. Текст «Предварительного действия» был опубликован в двух редакциях – ранней и окончательной. См.: Русские пропилеи: Материалы по истории русской музыки и литературы. Т. 6. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1919. С. 202–247.

[6] См. ниже, п. 202.

[7] Возможно, речь идет о переживаниях, связанных с гибелью кораблей в Северном море, через которое лежал путь из Европы в Россию в годы Первой мировой войны. См. примеч. 14 к п. 179. Подробнее см.: *Грей Эдвин*. Немецкие подводные лодки в Первой мировой войне, 1914–1918 гг. / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2003.

[8] Размолвка Г.С. Петрова с Волошиным произошла в 1913 г. из-за выступления поэта с критикой картины И.Е. Репина «Иоанн Грозный и сын его Иван». Подробнее см. примеч. 5, 6 к п. 1, примеч. 3 к п. 4.

[9] См. п. 187, примеч. 3. См. также: *Александрова К.А.* Максимилиан Волошин и Василий Суриков. История одной встречи. Москва. 1913 год. // Творчество Максимилиана Волошина: Семантика. Поэтика. Контекст. Сб. статей. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2009. С. 285–295.

[10] См. выше примеч. 2.

[11] Речь идет о переводах стихотворений Волошина на французский язык, выполненных М.О. Цетлиным и Андре Фонтена (Fontainas, 1865—1948). Переводы не были опубликованы. Замысел перевода возник еще в бытность Волошина в Париже в 1915 г. В недатированном письме М.С. Цетлина сообщала Волошину: «М.О. еще не начал работать над переводом Ваших стихов, что меня огорчает, но обещает начать» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 27 об.). В другом письме от 15/28 апреля 1916 г. она извещала, что Цетлин приступил к работе над переводом. Сам Цетлин рассказывал Волошину в письме от 7 мая (н.ст.) 1916 г. о ходе работы над переводами его стихотворений: «Видел на днях в первый раз Fontainas'а. Перевел он десяток стихотворений, но с ним мы проработали пока только два: "Теперь я мертв" и "У излучины бледной Леты". Ему всё очень нравится, но что выйдет, еще боюсь сказать. В последнем необыкновенно звучат гласные, я ему написал русский текст в довольно примитивной фонетической транскрипции. Удастся ли ему приблизиться к нему — увидим. <...> Между прочим, нас смутили некоторые слова: "чобр" и даже "полынь". Мой маленький Макаров дал для полыни четыре слова, одно из них "absinthe". Так вот что объясняет твое пристрастие к ликерам — горький дух полыни, действительно, не остался ли в тебе, Макс pêcheur*?!? <...> На днях думал зайти к Александре Васильевне <Гольштейн. — *Ред.*>. Посоветоваться с ней о переводах, но немного боюсь» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261, л. 19—20 об.). Упоминается французско-русский словарь Н.П. Макарова. 1/14 июля 1916 г. Цетлин известил Волошина: «Перевод закончен, лежит у меня на столе. На днях я дам переписать его на машинке и пошлю тебе один экземпляр. <...> Работали мы над переводом около двух месяцев, встречаясь почти регулярно по два раза в неделю от 4½ до 7 часов. Я <...> переводил дословно, читал <...> с объяснениями, а он дома приводил французский текст в окончательный вид. Иногда я даже давал ему звуковую транскрипцию <...> там, где музыка стиха очень определенна и красива. Fontainas научился читать по-русски. Отнесся он к работе очень тщательно. В середине работы, когда мы переводили "Anno Mundi Ardentis" — он был немного разочарован и расстроен, но потом снова переводил с любовью. <...> У Fontainas'а есть большое качество, он любит. Дух твоих стихов в общем ему близок. <...> Может быть, ты будешь очень доволен, может быть, сильно разочарован, ни то, ни другое не удивляет меня. <...> В манере точного полупрозрачного перевода — мы дали, по-новому, все, что

* Рыбак *(фр.)*.

можно. <...> Но сама эта манера меня очень не удовлетворяет <...> от твоего списка стихотворений я несколько отступил. “В эту ночь я буду лампадой...”, “Любовь твоя ждет так много...”, некоторые портреты были мной переведены, но без блеска рифм, без страсти ритма – совершенно бледнеют, и я их устранил. Тоже “Весна”. Откинул я и “Благодарность”. Зато прибавил “Пурпурный лист на дне бассейна” и “Бирюзу”. “Lunaria”, к сожалению, (ты ведь хотел видеть их переведенными) я вместе с Fontainas’ом – откинули. Лично я эти сонеты не очень люблю. В переводе они отяжелили бы книгу. Зато мы перевели “Corona Astralis”. <...> В этом “Венке” нет ни однообразия первого венка Вяч. Иванова. Ни абсолютной несвязности Бальмонтовского “Адама”, а то, что сказано <...>, сказано очень сильно. <...> Тебе известно, что Александра Васильевна очень враждебна к твоим последним стихам. Fontainas это знает. Когда мы переводили стихи из “Anno”, которые ему не нравятся – он все же соглашался со мной, что они нужны для того, чтобы твой образ был целен и говорил, что он только переводчик и не ответственен за твои идеи. Но в день отъезда я получил письмо, где он говорит, что в предисловии должно быть оговорено его несогласие с тобой. Мало того, он предлагает не ставить над переводом его имени. Но так как я не могу поставить своего имени (его доля гораздо больше, чем моя), то книжка должна была бы выйти в анонимном переводе. Это недопустимо и смущало бы франц<узских> читателей <...>. Fontainas очень советует откинуть “Левиафана” и “Аполлиона”. <...> решительно против “Пещеры”, которая по-французски (здесь он прав) звучит местами слишком резко. Почему-то он еще против “Стигматов” из “Руанского Собора”. Что Вы на это скажете? <...> Я думаю устранить “Портрет Бальмонта”, “Пещеру” и “Стигматы”. Но оставить остальное» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261, л. 22–30). 28 декабря 1916 г. Цетлин сообщил Волошину: «На днях послали тебе рукопись перевода твоих стихов» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261, л. 35 об.).

[12] См. п. 190, 191.

[13] Волошин позировал В. Баруздиной (см.: Труды и дни. С. 401), исполнившей его поясной портрет маслом (ГЛМ) и рисунок головы (ДМВ). См.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 238, 255, 573.

[14] С Ю.Ф. Львовой Волошин познакомился в Петрограде (встреча отмечена в записной книжке Волошина – 13 апреля 1916 г.). См. п. 179.

[15] Композитор Алексей Федорович Львов (1798–1870) не был дедом Ю.Ф. Львовой, она была замужем первым браком за его внуком Александром Александровичем Вакселем.

[16] Отец Ю.Ф. Львовой – Федор Николаевич Львов (1823–1885), участник кружков Н.А. Момбелли, М.В. Петрашевского, С.Ф. Дурова, штабс-капитан, химик. В 1849 г. сослан в Сибирь по делу Петрашевского, впоследствии был секретарем Русского технического общества.

[17] Речь идет о волошинском цикле «Алтари в пустыне», два стихотворения из которого – «Сердце мира, солнце Алкиана...» и «Созвездия» – положила на музыку Ю.Ф. Львова. Ею также написана музыка на стихи Волошина «О, как чутко, о, как звонко...», «Эта светлая аллея...», «Гностический гимн деве Марии», последний сонет из венка сонетов «Lunaria» – «Жемчужина небесной тишины...».

[18] Георгий Николаевич Романовский, герцог Лейхтенбергский, принц де Богарне (1872–1927), музыкант, председатель общества ревнителей истории, служил в императорской гвардии, был поручиком лейб-гвардии Преображенского полка, кавалер Ордена Святого Георгия 4-й степени, к 1917 г. имел должность флигель-адъютанта Николая II и звание полковника. Информации о посещении Г.Н. Романовским Коктебеля нет.

[19] Елена Ивановна Арцыбашева (урожд. Княжевич), актриса театра К.Н. Незлобина. Арцыбашев с женой пробыли в Коктебеле до 1 августа.

[20] Один из «проектов» Е.О. Кириенко-Волошиной, вызванный ее усталостью от ведения хозяйства. 5 сентября (н.ст.) 1916 г. М.С. Цетлина писала: Волошину: «...можешь маме твоей <передать>, что, вместо интендантского офицера, пусть она продаст Коктебель с жильцами, с твоей мастерской и книгами нам, тогда ты сможешь так же спокойно там жить, как и теперь, я же согласна ради тебя и библиотеки иметь в качестве жильцов и кл----въ <клопов?>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 36–36 об.).

[21] В.Я., Е.Я., С.Я. Эфроны, Ю.Л. Оболенская и Е.И. Оболенская, В.А. Рогозинский, М.С. Фельдштейн.

[22] О.Э. Мандельштам (пребывал в Коктебеле с 9 июня по 25 июля), В.Ф. Ходасевич (с 3 июня по конец сентября) (Труды и дни. С. 399–400, 405, 407).

[23] Елена Давыдовна Высоцкая (1894–1920), двоюродная сестра М.О. Цетлина, художница. К ней обращалась через Волошина в ответном письме от 5 сентября (н.ст.) М.С. Цетлина: «Если Леночка Выс<оцкая> еще в Коктебеле, я ей посылаю через тебя самый сердечный привет» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 36 об.)

[24] Мария Адриановна Дейша-Сионицкая (1861–1932) – оперная певица, имела в Коктебеле дачу по соседству с Волошиными.

[25] М.О. Цетлин.

194. С.К. МАКОВСКОМУ

22 июня 1916г. Коктебель[1]

Дорогой Сергей Константинович,

Посылаю Вам три цикла стихов «Облики» (8), «Портреты» (5), «Selva Oscura» (8).[2] Я стихи согласен печатать *только циклами.* Так что выберите, что Вам нравится, не разразнивая их. Если какое-нибудь из стихот<ворений> окажется неприемлемым, то мы, конечно, согласимся. Но я должен знать. Те, что не используете, — верните поскорее.

Получили ли «Сурикова»?[3] Мне необходимы его корректуры, т<ак> к<ак> я после отправки сделал еще коекакие дополнения, дешифровав мои записи. А такая статья должна быть полной. Если она Вам не подходит, то пришлите рукопись мне обратно, а не посылайте в «Рус<скую> Мысль», как я просил Вас раньше.

Есть ли у Вас иллюстр<ативный> материал для Пикассо?[4] Или надо достать?

Максимилиан Волошин.

Мне уже год как прекратили высылку «Аполлона». Пожалуйста — пришлите.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Коктебель. 22.6.16.

[2] Ответ последовал от М.Л. Лозинского 12 июля 1916 г.: «...невозможность разрознивать присланные Вами циклы стихов, к сожалению, вынуждает редакцию отказаться от намерения их напечатать. Нам и так приходится до крайности стеснять поэтический отдел <...>. Места для целого цикла стихотворений совершенно не остается, как это ни жаль. Адробить Ваши циклы было бы, конечно, глубоко обидно» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 484). Стихотворения первых двух циклов позднее вошли в раздел «III. Облики» книги 2-й собрания стихотворений Волошина («Selva oscura»), представленной в Государственное издательство в 1922 г. и оставшейся ненапечатанной (цикл «Портреты» составлен из стихотворений, обращенных к поименованным лицам или воссоздающих их «облики»). Стихотворения третьего цикла вошли в раздел «I. Блу-

ждания» той же книги (почти без изменений он повторяет раздел «I. Selva oscura» оставшейся неизданной при жизни Волошина его поэтической книги, сформированной в 1919 г.; см.: *Волошин Максимилиан.* Стихотворения 1910–1920. Книга вторая. М.: Норма, 2000). См.: Т. 1 наст. изд. С. 129–155, 177–202.

[3] См. п. 187, примеч. 3.

[4] Речь идет об иллюстрациях к статье Волошина о творчестве Пикассо, планировавшейся для «Аполлона», но ненаписанной (ср. примеч. 2 к п. 148). 22 июня 1916 г. Маковский спрашивал Волошина: «Собираетесь ли писать о “втором” Пикассо, о котором говорили мне?» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. С. 482. Под «вторым» Пикассо подразумевается, видимо, определенный период в творческой эволюции художника – скорее всего «кубистический»).

195. И.Э. ГРАБАРЮ

29 июня 1916 г. Коктебель.[1]

Многоуважаемый Игорь Эммануилович,

вполне согласен с Вашими замечаниями, очень благодарен Вам за них.[2]

Высылать мне рукописи для поправки не стоит: я переписываю всё с дубликатом (поэтому рукопись и написана карандашом) и, имея дубликат перед собою, могу сделать перемены заочно. Высылаю Вам лист поправок, вернее перестановок, которые надо сделать во главе «Историческая живопись». Я думаю, что так будет лучше, ибо вполне согласен, что такую интродукцию не следует начинать с имени Сурикова. Но в то же время все мысли, выраженные в Предисловии по возможности кратко, мне нужны будут, как опорные точки в конце монографии.

Сложнее о главах III, IV и V-ой. Помните, я Вас спрашивал, можно ли мне рассказать жизнь В.И. подлинными его словами: т.е. привести целиком разговоры наши с ним, сгруппированные в хронологическом порядке. Вы ответили мне, что это будет неудобно, т<ак> к<ак> выпадет из порядка серии.

Тогда я, скрепя сердце, переписал все эти главы в третьем лице. И нахожу, конечно, что это гораздо хуже, чем то, как это у меня записано в оригинале, где звучит живой голос В.И. Его все выражения и словечки, которые я старался и здесь не упустить, конечно, бессмысленны и становятся «ах ты гой еси», как Вы это очень верно заметили, в моем изложении. Поэтому, если Вы в этом теперь убедились, то позвольте мне восстановить эти главы в их первоначальном виде. Неужели из-за того, что в других монографиях серии нет этого приема изложения, нужно упускать такой ценный материал и давать его в искаженном и обесцененном виде? Это для меня, конечно, двойной труд: для меня ведь самое долгое и мучительное — это самый процесс писания с моей переломанной правой рукой при отсутствии переписчика и машинки. Но я сделаю его с радостью, потому что считаю очень ценным и важным дать детство Сурикова в его собственном освещении и его голосом, который мне удалось запечатлеть, как Вы можете судить по цитатам его подлинных слов.

Неужели Вы станете настаивать на таком формализме, когда это идет явно в ущерб художественности?

Поэтому погодите ремингтонировать III, IV и V главы, — и ответьте мне телеграммой о согласии — я сейчас же пришлю их, восстановив и переписав. (Адрес телегр<афный>. Феодосия. Коктебель. Волошину). Хорошо?[3]

Что касается корректур, то буду действовать согласно Вашим указаниям: я вовсе не любитель переделывать в корректурах раз написанное.

Если же Вас будет что-нибудь смущать в дальнейших частях монографии, то достаточно указать Вам только страницу и строчку — я, имея в руках дубликат, — сию же минуту могу внести поправку до печати.

«Ермака» я нашел довольно сносное воспроизведение. Но «Разин» и «Царевна» меня очень смущают. Первого я совсем не видал, а вторую — мельком.[4]

Мне вообще обзор последних картин сравнительно придется скомкать — но я вывернусь — остановившись на

этюдах, которые и ценнее самых картин, кстати. Главный центр тяжести будет лежать на Стрельцах, Меньшикове и Морозовой. До свиданья. Жду немедленного ответа.

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю на конверте: Коктебель. 29.6.16.

[2] Получив от Волошина начальные главы книги «Суриков», Грабарь писал ему 22 июня 1916 г.: «Эти 6 глав вышли у Вас, по-моему, превосходно, как по общей концепции, так и в деталях. Думаю, что книга Ваша будет занимательной, значительной и прежде всего очень литературной. Боюсь даже, что местами — впрочем, только в самом начале — немножко слишком литературной. Поясню свою мысль в двух словах. Мне показалось, что в первой главе есть несколько фраз или даже просто отдельных слов, создающих не совсем надлежащий тон для темы: в первой же строке упоминается уже имя Сурикова, а потому идущее вслед затем очень яркое, красивое, остроумное и верное настроение какими-то случайными чуть-чуть "Аполлоническими" выражениями становится в странное противоречие со всем простым, здоровым, крепким обликом героя Вашего чудесного романа. Излишне пряно, европеисто и модно для веселого казака, благодаря чему первые же подлинные "словечки" самого героя можно с разбега принять за дешевенькое "ой ты гой еси". И это только в силу контраста. Может быть, это впечатление получается оттого, что вначале "словечки", т.е. речи "самого" Вы не даете в кавычках и от первого лица — прием, которым пользуетесь только начиная с четвертой главы, — а вплетаете их в общий рассказ и свою собственную речь, получающую поэтому местами стиль почти Рериховских писаний. Кроме того самое начало не достаточно *начало*: как-то нет портика у здания и все взято ex abrupto <внезапно (*лат.*)>. Надеюсь Вы не разгневаетесь на меня за эти строки, которыми я с Вами поделился после прочтения рукописи, которая, повторяю это настойчиво, произвела на меня самое отрадное впечатление. Сообщите, имели ли Вы в виду еще пройтись несколько по ней, или хотите пустить все как есть. Я отдам ее ремингтонировать, а затем пущу в набор» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 451).

[3] В ответном письме от 6 июня 1916 г. Грабарь пошел навстречу предложению Волошина: «Думаю, что в первом лице будет интереснее все то, что говорит сам Суриков, хотя не совсем уверен в том,

что все детство надо подряд провести в форме записанных бесед: не вышло бы утомительно и не получилось бы легкого привкуса “интервью”! Но, однако, не мне Вас учить, — Вам самому виднее. Подожду отдавать в ремингтон до получения новой редакции». По получении от Волошина нового варианта текста ранее присланных начальных глав Грабарь писал ему (19 июля 1916 г.): «Получил рукопись первоначальной редакции “Сурикова”. По-моему, это лучше той, компромиссной редакции; хотя à la longue <в конце концов (*фр.*)> оно немного утомительно и однообразно из-за неизменности приема, но зато совсем нет “ах ты гой еси” и все логично» (*Там же*).

[4] См. примеч. 2 к п. 62, примеч. 5 к п. 190. 22 июня Грабарь писал Волошину о запрошенных им фотоснимках с картин Сурикова: «Мне их не удалось пока достать, но взамен их (и то не всех, ибо “Стеньки” и “Царевны” нет) посылаю Вам черновые, очень плохие оттиски с клише, которые прошу приобщить к комплекту фотографий и прислать обратно вместе с последними. Я на них отметил, какие детали будут сняты с картин особо. Как Вы знаете, эти детали бывают самыми эффектными страницами в книгах».

196. С.К. МАКОВСКОМУ

29 июня 1916 г. Коктебель[1]

Дорогой Сергей Константинович, вот уже месяц, как не имею от Вас извещения, получена ли рукопись моих воспоминаний о Сурикове.[2] Это меня беспокоит. Мне *необходимо* иметь корректуры для того, чтобы внести ряд дополнений новых черт, очень важных.

Получили ли стихи?[3]

Я не подымал с Вами при личном свидании вопроса о гонораре, который, конечно, не может оставаться тем же при изменившейся ценности денег. Т<ак> к<ак> в других изданиях, где я работаю, он был изменен пропорционально даже без моих упоминаний, то я думаю, что и с «Аполлоном» мне нечего подымать этот вопрос: Вы сами измените пропорционально размеры полистной оплаты.

Жду извещения о Сурикове и стихах. Пришлите мне «Аполлон» за прошлый и этот год!!

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Коктебель. 29.6.16.

[2] См. п. 187, примеч. 3.

[3] См. п. 194, примеч. 2.

197. С.К. МАКОВСКОМУ

10 июля 1916 г. Коктебель[1]

Дорогой Сергей Константинович, корректуры «Сурикова», исправив и дополнив, посылаю одновременно.[2] Т<ак> к<ак> № «Аполлона» с другой статьей о Сурикове я не получил, то не мог сделать сокращений в совпадениях.[3] И прошу их без моего ведома не делать. Вообще мне бы очень не хотелось урезывать собств<енные> слова Вас<илия> Иван<овича>. Получили стихи?[4]

Сейчас спешно кончаю «Монографию» для Кнебеля.[5] Не знаю, когда примусь за статью о Ривера и Пикассо.[6]

Пожалуйста, пришлите мне еще экземпляров 7–8 «Ликов Творчества».

До свидания.

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Коктебель. 10.7.16.

[2] Об отправке Волошину корректур «Сурикова» в гранках Маковский сообщал ему 22 июня 1916 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 482). 25 июля 1916 г. Лозинский писал Маковскому, высылая полученную в редакции «Аполлона» корректуру «Сурикова»: «У Волошина у меня ряд мест отмечен красным. Их необходимо сверить с рукописью (точнее – с добавлениями автора в корректуре). Я это сделаю по возвращении моем. Но если дело не терпит, то будьте добры взять этот труд на себя» (ГРМ, ф. 97, ед. хр. 149).

[3] См. примеч. 2 к п. 187. Сообщая Волошину в том же письме о высылке ему номера «Аполлона» со статьей Я. Тепина о Сурикове, Маковский добавлял: «Меня нисколько не заботит мысль о *второй* большой статье, посвященной Сурикову; на то он — Суриков. Смущают только иные совпадения в статьях. Если Вы найдете нужным, сократите те места Вашего рассказа, где биографические подробности явно повторяются и почти в тех же выражениях (ибо — источник один и тот же!). У Вас столько нового, что это нисколько не повлияет на содержательность Ваших “воспоминаний”» (*Там же*).

[4] См. п. 194, примеч. 2.

[5] Имеется в виду монография «Суриков» для издательства И.Н. Кнебеля.

[6] См. примеч. 2 к п. 148, примеч. 4 к п. 194. 2 июня 1916 г. М.Л. Лозинский напоминал Волошину о его обещании дать для «Аполлона» «статью о Пикассо и Ривера (?)» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. С. 480–481). Статью о творчестве Диего Риверы Волошин не написал.

198. И.Э. ГРАБАРЮ

31 июля 1916 г. Коктебель[1]

Многоуважаемый Игорь Эммануилович, послал Вам еще три главы — о главных картинах Сурикова.[2] Мне остается таким образом дослать еще лишь ¼ всей монографии. Летняя сутолка задержала мою работу, но я не замедлю ее окончить. Со всеми стилистическими поправками Вашими я вполне согласен. Приятно доверять редактору, когда он делает именно те исправления, которые сделал бы сам. Думаю, что досланные главы убедят Вас в правильности моего приема письма: мне хочется предоставить высказываться как можно больше самому Сурикову: и картинами и словами, а самому только комментировать, где надо, и то и другое, как можно более стушевавшись.[3]

Жму Вашу руку.

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Коктебель. 31.7.16.

[2] Имеются в виду главы VII—IX монографии «Суриков», озаглавленные, соответственно, «Стрельцы», «Меншиков», «Боярыня Морозова».

[3] См. п. 195, примеч. 3.

199. А.Н. БЕНУА

1 августа 1916 г. Коктебель[1]

Коктебель. 1/VIII 1916.

Дорогой Александр Николаевич,

я все ждал, что Вы подадите какую-нибудь весть о себе или сами соберетесь в Коктебель. И теперь начинаю бояться, что Вы, пожалуй, скоро уедете из Судака. А мне необходимо было бы Вас повидать *основательно* для беседы об статье.[2] Я все лето был занят монографией о Сурикове, которая наконец приходит к концу и я становлюсь свободен.

Напишите мне, когда бы я мог к Вам прийти и до каких пор вы остаетесь.[3] Надеюсь, что Вы еще не уедете в августе и останетесь на осень все-таки. До свиданья.

Привет Анне Карловне[4] и всем Вашим.

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Коктебель. 2.8.16; Судак. 2.8.16. Отправлено по адресу: Капсель. Имение ген. Колюбакина. Судак. Бенуа прибыл туда в конце июля 1916 г.

[2] Речь идет о статье Волошина, предназначавшейся для коллективной художественной монографии «Александр Бенуа», готовившейся в петроградском издательстве «Свободное искусство» в 1916—1917 гг. и оставшейся неизданной; не была напечатана при жизни Волошина и его статья о Бенуа. См.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 329—338, 860—862. Судя по проспекту, напечатанному в начале 1917 г., в монографию должны были войти 50 воспроизведений факсимиле в красках, 10 гравюр — меццо-тинто, свыше 250 репродукций, автобиография Бенуа и, помимо волошинской, статьи о Бенуа С.М. Волконского, А.Я. Левинсона, Г.К. Лукомского, С.К. Маков-

ского, Д.В. Философова и С.П. Яремича. В письме к И.С. Зильберштейну от 31 августа 1957 г. Бенуа вспоминал: «Мне ужасно не повезло с моей монографией. Как раз когда все было готово, грянула революция, мой издатель исчез, бросив все на произвол судьбы. Кое-какие отпечатки Лукомский передал мне гораздо позже уже здесь в Париже, целая же партия их оказалась в какой-то чайной на Екатерингофском проспекте, где эти бумажки служили салфетками. <...> Из статей для моей монографии у меня сохранились все три (переданные мне тем же Лукомским: Волконского, Волошина и Яремича)» (Александр Бенуа размышляет... / Подгот. изд., вступ. статья и коммент. И.С. Зильберштейна и А.Н. Савинова. М.: Сов. художник, <1968>. С. 657).

[3] Бенуа ответил Волошину 4 августа: «...страшно рады будем Вас видеть. Собирайтесь. Мы все дни дома и никуда не собираемся. <...> Думаем оставаться здесь до 10, 15 сентября <...>» (*Волошин Максимилиан.* Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск, 1993. С. 312).

[4] А.К. Бенуа.

200. И.Э. ГРАБАРЮ

3 августа 1916 г. Коктебель[1]

3/VIII 1916. Коктебель. (Крым).

Многоуважаемый Игорь Эммануилович,

получил Вашу открытку. Очень рад, что Вы одобряете мой подход к суриковским картинам: я не знал, как Вы примете его и как отнесетесь.[2]

Но относительно «эволюции форм» у меня сомнения и свои соображения.[3]

Мы ведь условились с Вами, что монография должна быть оценкой *положительной.* Я так ее и принимаю. А ведь по отношению к форме, к рисунку Василий Иванович, увы, очень слаб. Он эту слабость с избытком выкупает другими чертами и достоинствами, но об самой *форме* его лучше из милосердия не говорить. Меня «эволюция форм» в истории живописи интересует больше всего. Но в русском искусстве я нахожу для себя (если исключить Алекс<андра> Иванова и Врубеля) слишком мало.

Должен прибавить, что я и мало его знаю. Оно меня не интересует с этой стороны так, как интересует франц<узское> и японское, например. Мне оно представляется очень богатым в смысле *психологии творчества*, что я и использовал в «Сурикове». Но как рисунок, как форма – все это так мало имеет отношения к нахождению «законов формы». На мой взгляд лучше об этом умолчать. Я, конечно, коснусь этого кое-где, но весьма мало.

Не достали ли Вы фотографии со «Стеньки»? Очень она мне нужна. Я ведь картины-то совсем не видал. А писать о невиденном, не имея даже фотографии перед глазами, – полное шарлатанство. Также надо фотографию «Посещения Царевны».[4]

Относительно иллюстраций: не дополните ли Вы иллюстрационного материала еще всеми теми этюдами, что находятся в Третьяковке и Музее Ал<е>кс<андра> III?[5] Кроме того, я хочу сделать небольшое нарушение хронологического порядка в конце в распределении иллюстрацион<ного> материала.

«Ермака», «Суворова» и «Стеньку» я дам в одной главе, под именем «Эпическая трилогия»[6] (в противоположность «Драматической трилогии» – Стрель<цов>, Меншик<ова> и Морозовой).[7] А все женские портреты и этюды, не относящие<ся> к этому материалу, – в последней главе, где буду говорить о «Посещении Царевны». Перестановка выйдет не слишком бьющая в глаза анахронизмом, но весьма важная для системы.

Хорошо, конечно, было <бы> еще дать несколько дополнительных иллюстраций по тем системам композиции, что я даю. Напр<имер>, снимок *свечей* в «Стрельцах» и отдельные ряды психологических волн в «Морозовой». Это было бы очень полезно. Но я не решаюсь просить об этом.

Снимки деталей толпы, размеченные Вами, ведь очень случайны и не находятся ни в каком отношении к моей концепции. Но если бы к ним можно было прибавить еще несколько по приложенному к тексту чертежу композиции – было бы совсем хорошо.[8]

Еще об «эволюции форм». Об ней необходимо говорить, когда художник «творит свой язык». А Василию Ивановичу нужно было много «сказать», и он просто брал готовые слова имевшегося налицо в его время языка. Слова были сами по себе по большей части стертые, не подлинные, всё «клише». Но он и ими сказал, что ему было нужно. Это его заслуга. И говорить о слабости его формы это взваливать на него ответственность за чужие грехи. Лучше не подымать по его поводу этих историй.

Зато хочу его вытащить немного в иную сторону и сопоставить с Достоевским в смысле исканий женских характеров и с Толстым в смысле чувства *эпоса* жизни. Это будет для него выгодно.

До свиданья. Ради Бога достаньте «Стеньку» и «Царевну».

Максимилиан Волошин.

[1] Почтовые штемпели на конверте: Коктебель. 4.8.16; Москва. 7.VIII. 1916.

[2] 27 июля 1916 г. Грабарь писал Волошину: «Новые главы Вашего “Сурикова” прочел с большим удовольствием: очень логично, ясно и красиво построено, и – least, not last <что весьма существенно (*англ.*, *искаж.*)> – верно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 451).

[3] Отклик на рассуждения Грабаря в том же письме: «Не знаю, как бы разрешить более трудный, сложный, но не менее важный вопрос – проблемы эволюции форм: откуда (кроме той головы Зевса, которым является собственная кровь, детство, Сибирь и пр.) вышел Суриков, т.е. его Русь и еще больше (ибо больше поддается учету) его живопись. Как Вы знаете помимо Тэновских приемов, новое время научило нас верить, что нет ничего *незаимствованного*, как бы ни казалась соблазнительной апология “самородчества”. Все *своровано*, и бездарные и гениальные воруют; Америк открывается гораздо меньше, чем принято думать, и сам Микеланджело вор. Вот в этом смысле, – в смысле происхождения и эволюции форм, вообще в плоскости *проблемы формы* желательно бы поискать, дав особую о сем главу. Как Ваше мнение?».

[4] См. п. 195, примеч. 4.

[5] Русский музей императора Александра III в Петербурге (учрежден в 1895 г., открыт в 1898 г. в Михайловском дворце).

[6] Волошин, однако, каждой из этих картин Сурикова посвятил отдельную главу своей монографии (гл. XI–XIII).

[7] См. примеч. 2 к п. 198.

[8] Имеется в виду выполненная Волошиным схема композиции картины «Боярыня Морозова». См.: Т. 3 наст. изд. С. 414. О различных вариантах иллюстрирования «графики волн» в «Боярыне Морозовой» Грабарь написал Волошину 16 августа 1916 г., добавив: «Морозова будет дана во всю страницу особым приложением. Кроме того, будут в тексте даны еще 5 деталей, мною уже снятых. Они чертовски эффектны и живописны вышли. Затем в тексте же я пущу небольшое клише опять всей “Морозовой”, разграфленное по Вашей схеме» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 451).

201. С.К. МАКОВСКОМУ

4 августа 1916 г. Коктебель[1]

Дорогой Сергей Константинович, я так и не получаю «Аполлона». Очень прошу Вас распорядиться об этом. Статью Тепина просмотрел у Богаевского.[2] Конечно, там есть много того же материала, что у меня.[3] Но т<ак> к<ак> он у меня в подлинных словах, то имеет совсем иное значение, особенно, как *документ*, и прошу не делать никаких сокращений в моем тексте, т<ак> к<ак> при напечатании его мне *особенно* важно, чтобы он был дан целиком. Иначе я предпочитаю не печатать. Стихи мои я получил обратно.[4] Был немного удивлен, к чему же Вы их просили — ведь я предупреждал, что я не хочу печатать стихи иначе, чем циклами. До свидания.

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка; датируется по почтовому штемпелю: Коктебель. 4.8.16; Петроград. 8.8.16.

[2] См. примеч. 2 к п. 187.

[3] Подразумевается представленный для публикации в «Аполлоне» очерк «Суриков (Материалы для биографии)». См. примеч. 3 к п. 187.

[4] См. п. 194, примеч. 2.

202. А.Н. БРЯНЧАНИНОВУ

Первая декада августа 1916 г. Коктебель[1]

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Вы передали мне текст «Предварительного Действа» и просили меня написать о нем статью.[2] Вы ставите мне очень трудную задачу.

Прежде всего я должен предупредить, что музыка — единственное из искусств, о котором я не считаю себя вправе говорить и судить. Отдаваться эмоциям искусства может каждый, но оценивать, определять, *судить* может только тот, для кого не скрыта техника данного искусства и кто хотя бы в малой мере несет в себе возможность творчества в этой области.

Я полный невежда в музыке. Я не хочу этим сказать, чтобы я был равнодушен к музыке. Музыка может меня глубоко волновать. Но почему и чем она волнует, остается для меня тайной. Думаю, что во мне вызывает эмоции то, что живописцы с презрением называют «литературой». Вероятно, этот элемент есть и в музыке, и он становится легче всего понятен таким невеждам, как я. Больше всего волнует меня, например, французская музыка XVIII века — Рамо, Гретри, Куперен, и звук старинных инструментов — клавесина, виоль д'амура, кентона. Я люблю Глюка, Моцарта и Бетховена. Все же, что ближе их — т.е. вся музыка XIX века для меня или слишком сложна, или безразлична. Звук человеческого голоса в опере и на эстраде для меня в большинстве случаев определенно неприятен, а музыка, написанная на слова любимых мною поэтов, по большей части вызывает во мне возмущение, как кощунство. Перечисляю все эти подробности только для того, чтобы дать Вам понятие о глубине моего невежества.

Музыки А.Н. Скрябина я не знаю совершенно: те годы, когда ее чаще можно было услыхать на концертах, — я провел либо в Париже, либо сидел у себя в Коктебеле. Я слыхал только несколько коротких вещей, исполненных им самим

в тот вечер в студии Е.И. Рабенек, когда встретился с ним впервые. Эта встреча была единственной.[3]

Вы можете мне сказать, что Вас интересует мое мнение о тексте поэмы Скрябина, а не об его музыке. И Вы будете неправы. Отделять случайные произведения большого мастера, сделанные не в его искусстве, а в соседнем, от основного его творчества – несправедливо и невозможно.

Сонеты Микельанджело и рисунки Виктора Гюго, несмотря на всю их мощь и безотносительную ценность, все же получают весь свой смысл, только когда знаешь, кем они сделаны, и тогда, в свою очередь, освещают по-новому их основное творение.

Но текст «Предварительного Действа» я никак не могу сравнить ни <с> сонетами Микельанджело, ни с рисунками Гюго, потому что и Гюго, и Микельанджело обнаруживают в этих побочных своих выявлениях мастерское владение *техникой* им чуждого искусства.

Микельанджело прекрасно владеет словом, а Гюго виртуозно распоряжается светотенью. Между тем, когда читаешь текст «Предварительного Действа», становится совершенно ясно, что Скрябин, работая над ним, в это же время и на нем же только лишь *начинал учиться писать стихи.*

Он еще совершенно бессознательно относится и к рифме, и к ритму, и к синтаксической конструкции стиха. Он писал эти стихи по слуху, нанизывая слова и фразы на нить звучавшего ему мотива. Он стремился его закрепить и утвердить довольно при<ми>тивной словесной инструментовкой – внутренними созвучиями, ассонансами, аллитерациями; но о том, как стих ваяется, гнется, напрягается, он еще не имел никакого понятия. Можно возразить на это: но нужна ли была ему эта самодовлеющая музыкальность стиха, когда он искал только таких гармоничных слов, на которые могла опереться его музыка?

Вот тут-то начинается та область, в которой я и не имею никаких прав высказывать свои мнения.

Французы говорят: «Это стихотворение так плохо, что на него можно только написать музыку». Они правы в том

смысле, что стихи, несущие сами в себе свою музыкальную полноту, не нуждаются в музыке, а народная песня выбирает себе слова на<и>более простые и бедные и сама наполняет их своим музыкальным содержанием. Так что, пожалуй, Скрябину вовсе и не были нужны для его музыкального замысла стихи, сами по себе музыкально богатые.

Но, во всяком случае, ему была нужна словесная программа, ясно и планомерно выражающая его мысль.

Этого в тексте «Предварительного Действа» я тоже не нахожу. Скрябин, пишучи его, находился еще в том периоде, когда не поэт владеет стихом, а стих владеет поэтом и на каждом шагу уводит его в сторону по протоптанным дорожкам общеупотребительных клише, давно притертых рифм и этим постоянно искривляет развитие основной его мысли, создавая утомительное многословие и логическую темноту, которая отнюдь не является результатом насыщенности содержания.

Текст «Предварительного Действа» длинен безмерно. В нем свыше *тысячи* стихов! Эту тысячу стихов нужно сжать до ста, и все лирическое, музыкальное и философское содержание поэмы в них уложится свободно. Я прочел «Предварительное Действо» очень внимательно и не менее пяти раз. Оно воспринимается очень трудно и смутно, но вовсе не от глубины и трудности выраженных мыслей — и образы, и идеи, выраженные там, мне знакомы и близки, — но именно благодаря отсутствию строгого логического плана, необходимого для такого рода произведений, и совершенно невыносимому для меня многословию.

Словом, получи я эту поэму как рукопись начинающего поэта, я бы посоветовал ему продолжать учиться писать стихи, но эту рукопись ни в каком случае не печатать.

Совершенно иначе обстоит дело, раз это произведение великого композитора. Тогда каждое слово этой поэмы, самые недостатки ее могут служить ценными комментариями к его музыке и развитию его идей. Но не мне, к сожалению, об этом судить и писать.

[1] Письмо печатается по автографу, сохранившемуся в архиве Волошина. Отправленный адресату текст письма неизвестен. Предполагаемая датировка: Труды и дни. С. 406.

[2] О «Предварительном действии» см. примеч. 5 к п. 193. Как сообщается в «Записке Б.Ф. Шлецера о Предварительном действии», «в течение зимы 1914–1915 гг. Скрябин предполагал заняться музыкой к Предварительному Действу, а также окончательной отделкой текста <...> Предварительное Действо в окончательной своей форме должно было стать произведением искусства синтетического <...> В Предварительном Действе Скрябин хотел восстановить гармонический синтез трех искусств: музыки, поэзии и танца (включая мимику и пластику) путем сложного контрапунктирования слова, музыкального звука и жеста. Музыка не должна была вовсе следовать за словом или за движением, но слово, действие и звук, сплетаясь в тесном сочетании, образовывали единую сплошную ткань произведения» (Русские пропилеи: Материалы по истории русской музыки и литературы. Т. 6. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1919. С. 117–119). Список «Предварительного действия» Брянчанинов передал Волошину во время своего пребывания в Коктебеле в первой половине июня 1916 г. (в письме к Волошину от 17 мая 1916 г. он извещал о своем приезде туда 31 мая; в письме из Михайлова Погоста Псковской губернии от 20 июня благодарил Волошина за гостеприимство и «интереснейшие беседы» // ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 293). Настоящее письмо было передано с возвращавшейся в Петроград Ю.Ф. Львовой, к началу сентября 1916 г. Брянчанинов, еще остававшийся в Псковской губернии, его не получил (в письме от 3 сентября он напоминал Волошину: «...а как насчет П<редварительного> Д<ействия> – когда думаете Вы написать комментарии – вот бы в сентябре, на досуге?!» (*Там же*).

[3] Встреча со Скрябиным произошла, скорее всего, весной 1911 г., когда Волошин часто посещал в Москве студию Е.И. Рабенек на Малой Басманной ул. (см.: *Купченко Вл.* «Люблю Глюка, Моцарта и Бетховена...» Максимилиан Волошин о музыке // Музыкальная жизнь. 1989. № 24. С. 27). Скрябин находился в Москве с 17 февраля до 16 мая 1911 г. (Летопись жизни и творчества А.Н. Скрябина / Сост. М.П. Пряшникова и О.М. Томпакова. М.: Музыка, 1985. С. 192, 196).

203. И.Э. ГРАБАРЮ

16 августа 1916 г. Коктебель[1]

16/VIII 1916.

Из открыток Ваших вижу, Игорь Эммануилович, что мы в разном смысле поняли понятие «формы».[2] Я понимал конкретно – рис<ун>ок, массу, объем, а вовсе не колорит и не цвет. В этом мы не разойдемся с Вами. Я не понял, что, говоря об «эволюции форм», Вы говорите о колорите и цвете.

Ваши же слова о Достоевском меня удивили. Я никак не могу согласиться с его «косноязычием».[3] Меня, напротив, поражает микельанджеловская сила *рисунка* в смысле человеческой анатомии и архитектурность общих построений его романов. (См. мою статью «Русская трагедия возникнет из Достоевского»[4]). От слов об «оскомине» я совсем увял. Да ведь нам еще по крайней мере лет 200 придется все явления рус<ского> искусства сводить к Достоевскому и устанавливать их связь с ним. Тут не в темпераменте и не в психологии дело, а в явлениях русской жизни и рисунке характеров, выявленных у Достоевского. И сам Вас<илий> Иван<ович> не раз ссылался на Достоевск<ого>, говорил, что Морозову как «Настасию Филиповну» чувствовал.[5] Тут-то и любопытно, что у Достоевского клубки воль – без лиц, а у Сурикова *только* лица, а всё об одном и том же. И это уже совсем вне Тэновой «среды»,[6] а об исконно-русском. Что в этом отношении уже были сделаны сопоставления Бенуа, я и не подозревал. Непременно его расспрошу, как поеду к нему в Судак на днях.[7] Хотя для меня это не так важно. Размазывать это долго не буду. Но обойти никак нельзя.[8]

Относительно «эволюции форм» прибавлю еще, что я «формой» называю ту область, где художник встречается с естествоиспытателем: область *строения* вещества. А цвет это уже душа – *страсть* вещества, по моей терминологии.

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Коктебель. 16.8.16.

[2] См. примеч. 3 к п. 200. 10 августа 1916 г. Грабарь отвечал Волошину (на п. 200): «Насчет эволюции форм мы, видимо, не поняли друг друга, что при краткости писем вполне естественно. Дело в том, что не нахожу нужным затушевывать суриковского “косноязычия” прежде всего потому, что оно один из его плюсов. Это его косноязычие весьма сродни “косноязычию” Сезанна и его школы, если угодно, и косноязычию (в противоположность красноречию Тургенева) Льва Толстого и Достоевского: ведь оба они в сущности “лыка не вяжут” — но в этом вся сила их языка. А вот если Вы думаете, что это “порок” у Сурикова, подлежащий сокрытию, — Вы, дорогой мой, глубочайшим образом ошибаетесь. Обратите внимание на следующие мысли: 1) Суриков обожал Венецианцев или никого кроме не признавал. 2) В дни, когда были написаны “Стрельцы”, никому в России и не снилась та красочная гармония, которая в этой картине есть. <...> 3) Снег Морозовой трактован, как ни у кого из его русских современников, импрессионистично. 4) Суриков вообще был в живописи противен всем современникам, и только мы разглядели его красочные искания. Все это вещи, о которых умолчать нельзя. Это и есть область “формального” анализа, — проблема формы» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 451).

[3] Откликаясь на апелляцию Волошина к Достоевскому (п. 200), Грабарь возражал в письме, отправленном из Москвы 11 августа: «А вот Достоевского бросьте: ей богу оскомину набило. Бенуа пустил когда-то, и хотя это и глубоко неверно (хотя бы просто потому, что тот эпилептик и хворый, а Суриков — железо, исполинское здоровье, тот мрачен, а этот веселый), но — куда ни шло, один раз терпимо. А за ним подхватили все репортеры и вся пошлая газетная свора. Ради Бога, оставьте эту несчастную мысль. С Толстым сравнивайте, на Достоевского плюньте: невыносимо стерлась эта монета, и за прекрасную книгу будет обидно» (*Там же*).

[4] Эта статья была опубликована в газете «Русская Молва» в 1913 г. (№ 93, 15 марта). См.: Т. 5 наст. изд. С. 203–207.

[5] Проведенную В.И. Суриковым параллель между боярыней Морозовой и героиней романа Достоевского «Идиот» Волошин привел в своей монографии (см.: Т. 3 наст. изд. С. 410).

[6] Подразумевается обоснованная Ипполитом Тэном позитивистская теория трех факторов: расы, среды и момента, — положенная им в основу изучения явлений культуры.

[7] См. примеч. 3 к п. 199.

[8] Грабарь возражал Волошину в ответном письме от 20 августа 1916 г.: «...сейчас вижу, что Вы не в курсе того действительно непристойного трепания всуе Достоевского, которое мы здесь, в России наблюдаем с дней основания “Мира Искусства”. “Ударь раз, ударь два, но зачем же до бесчувствия”! Очень вовремя и умно “достоевил” Мережковский, но он все же перемудрил. Потом хуже “достоевил” Шестов, а там все репортеры вперегонки пустились по проторенной дорожке и до того набили оскомину, что я одно время бежал вон при одном имени “Достоевский”. А там как знаете. Хотел только предупредить, что с этой темой надлежит быть сугубо осторожным. И чем короче, тем лучше. Ей Богу, и Суриков это выдумал все postfactum: про Настасью Филипповну Бенуа как раз и писал» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 451).

204. А.Н. БЕНУА

24 августа 1916 г. Коктебель[1]

Дорогой Александр Николаевич,

я очень хочу к Вам приехать, но мне удобнее приехать как можно позже осенью. Пожалуйста, напишите мне, до каких пор Вы останетесь?[2] И ведь Вы заедете ко мне непременно на возвратном пути? Лукомский не хочет мне высылать воспроизведения Вашей книги.[3] Это меня очень огорчает. Это необходимо для работы.

Меня сейчас задерживает монография Сурикова. Работы осталось очень мало и хочется закончить до поездки к Вам, т<ак> к<ак> Грабарь торопит. Привет Анне Карловне[4] и всем Вашим.

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Коктебель. 24.8.16.

[2] См. п. 199, примеч. 3. Бенуа отвечал Волошину 30 августа: «Мы достали билеты на поезд, идущий из Севастополя 11-го. Таким образом, вероятно, до 9-го мы будем в Капселе. До сих пор, однако, не решили, как поедем – на Симферополь или на Феодосию. У Анны Карловны какие-то резоны за первое <...> Будем каждодневно под-

ждать Вас, но все же лучше не на последних днях, когда, вероятно, будет много возни со сборами» (*Волошин Максимилиан.* Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск, 1993. С. 312).

[3] Г.К. Лукомский координировал работу над подготовкой монографии «Александр Бенуа» (см. примеч. 2 к п. 199). 15 августа 1916 г. он писал Волошину: «О художнике Бенуа, о худож<ественном> деятеле Бенуа, об учителе, версальском мастере <...> – вот о чем я хотел, чтобы Вы написали. То записали, что у Вас в мыслях, в воспоминании сохраняется о Бенуа, безотносительно его работ только живописных. <...> Я хочу Вашей статьи о постановках Бенуа в Париже, которые Вы, кажется, (все?) видели? <...> Словом – “мемуары” о Бенуа. В сентябре? Жду» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 794).

[4] А.К. Бенуа.

205. А.Н. БЕНУА

3 сентября 1916 г. Коктебель[1]

3 сентября 1916 г. Коктебель.

Дорогой Александр Николаевич,

мне, кажется, так и не удастся навестить Вас в Копселе:[2] все невозможно выбраться из дому: и собственная работа, и приезды и отъезды друзей, и так все лето. Для статьи о Вас я нашел мне нужные даты, факты в «Золотом Руне».[3] Но ежели Вы увидите Лукомского – настойте на том, чтобы он выслал мне оттиски воспроизведений. Совсем другого рода слагается статья, когда имеешь материал перед глазами. Я надеюсь, что все-таки Вы заедете ко мне, возвращаясь из Судака. Думаю, что путь на Феодосию все же Вам удобнее. Вы ведь верно запаслись плац-картами?

Непременно хотел бы увидать Вас у себя. Привет Анне Карл<овне>.[4] Не знаете ли, где сейчас Аргутинский?

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Коктебель. 4.9.16; Судак. 4.9.16.

[2] См. п. 204, примеч. 2.

[3] См. примеч. 2 к п. 199. Имеется в виду № 10 журнала «Золотое Руно» за 1906 г., в котором были помещены 26 снимков с произведений Бенуа и статья А.К. Шервашидзе «Александр Бенуа» (С. 3–6).

[4] А.К. Бенуа.

206. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

3 сентября 1916 г. Коктебель

3 сентября 1916. Коктебель.

Дорогая Марья Самойловна, наконец после перерыва в 3 месяца я получил от тебя сразу 2 письма[1] (и Монбланские камни[2]). И тому, и другому я страшно обрадовался: я так давно не слыхал твоего голоса, а в письме очень звучат интонации. Я сам пишу тебе тоже после очень большого перерыва. В летние месяцы бывает у меня почему-то всегда невольный перерыв в писании писем: внимание бывает слишком приковано к текущему и здесь совершающемуся. В Коктебеле же в это время становится все более и более тесно от людей. Я к тому же очень систематично работал все это лето (по системе Мих<аила> Осипов<ича> – до 2-х часов сидел в бесте[3] невидимый – а после обеда снова впивался в живопись, а вечера были переполнены гостями и людьми.

Теперь волна людей схлынула и с первыми дыханиями северного ветра стала душа снова уходить в себя и к далеким.

Ты спрашиваешь о моем домашнем положении. В смысле материальном у меня все обстоит благополучно. За монографию о Сурикове[4] я получу, когда поеду в Москву зимой, и мне этого хватит на зиму. Кроме того, я могу писать теперь в 2-х газетах[5] и с хорошей оплатой (по 20 к. за строку). Правда, летом, занятый Суриковым, я мало писал для газет, но это постоянный ресурс. И в «Речи»[6] ко мне относятся хорошо и ценят. Так что в этом отношении – все обстоит благополучно. Что же касается материалов для работы, то красок у меня много, но я был бы очень благодарен, если бы ты прислала мне, если будет оказия (б<ыть> м<ожет>, с родителями Мих<аила> Ос<иповича>[7]) акварельной бумаги – ват-

манской большими листами (Format Imperiale — grai fin).* И серовато-жёлтой (прилагаю образец) для гуаши. Последнюю можно найти в магазине «American Art» на Монпарнасе, кажется № 123 (это совсем близко от Ротонды[8] на той стороне по направлению к Обсерватории).[9] Т<ак> к<ак> последние листы очень велики и толсты, то их можно разрезать пополам для удобства перевозки.

Вот все, что мне надо для работы. А что касается количества — это будет зависеть от того, кто повезет. Я прошу об этом потому, что в России бумаги для акварели совсем нет.

И еще одна просьба: те две ткани, что ты мне подарила, я отдал маме, т<ак> к<ак> они ей очень понравились, и они висят в ее комнатах. Если можно, пришли мне еще две — индусские длинные, все равно каких тонов — по твоему выбору (именно индусские, а не персидские, — те, которые на грубом холсте и дешевле). Мы их, кажется, покупали в «Printemps».[10]

Очень благодарю за кристаллы[11] — мне они будут очень полезны.

Внутренняя жизнь моя с мамой пошла гораздо лучше, чем я думал. Мама лучше себя чувствует и менее ко мне придирается. А в начале лета я боялся, что будет опять совсем плохо. Тут что-то Ю.Ф. Львова[12] наколдовала.

Теперь мои планы — написать ряд газетных статей: я буду в «Речи» писать о поэтах,[13] имея в виду будущую книгу о русских поэтах, а затем написать за осень часть «Духа Готики»[14] и стихов. Я стихов с самого отъезда из Парижа не писал.

У меня целый ряд соображений относительно нашего издательства, но об этом я пишу одновременно Михаилу Осиповичу.[15]

Мне кажется, что я здесь же в Коктебеле нашел человека, который бы соединял практичность и бескорыстие, необходимое для «Зерен».[16] Это поэт Ходасевич,[17] которого я близко узнал и очень полюбил за это лето (по вопросу рас — т<ак> к<ак> ты бываешь в этом отношении требовательна,

* Зернистой *(фр.)*.

спешу сообщить, что хотя он по отцу и поляк, но по матери еврей,[18] так что уравновешивается).

Сейчас все близкие знакомые из Коктебеля уже разъехались, кроме Ходасевича и Софии Исааковны Толстой, приехавшей лишь недавно.

У нее отняли дочку.[19] Вообще к семье Крандиевских я начинаю чувствовать определенную антипатию[20] (от которой моя симпатия и уважение к Сергею Аполлоновичу[21] только возрастает).

Ходасевич, между прочим, и Пушкинианец[22] — у него есть очень интересная статья о петербургских повестях Пушкина, изданная у Антика: «Уединенный домик на Васильевском».[23]

Книжка Липскерова[24] у меня есть. И должен сказать, что сначала — внешне она меня очень привлекла. Но, в общем, совсем не удовлетворила. Все расплывчато, не стройно, не сделано до конца. Хорошие строки потоплены в стихах безразлично-слабых. Сравни эти стихи с «Le Miroir des heures» Henri Regnier,[25] с отделом «Medailleus», очевидно служившими образцом Липскерову, насколько франц<узские> стихи совершеннее и полнее по чувству востока! И главное, нет подделки. Это Европеец чувствует восток и вовсе не рядится в тюбиданы и халаты. Липскеров слишком эстет.

Кто меня очень поразил своими стихами за это лето — это Мандельштам. Я ни у кого из современных поэтов не встречал такой сосредоточенной звучности стиха. Стихи Ходасевича очень интимны и совершенны, но скромны. И обаяние свое они приобретают лишь в его голосе.

Прекрасны последние стихи Марины Цветаевой.[26] Но, к сожалению, я слыхал их только в голосе и не видел глазами.

Из поэтов видел еще мельком С. Парнок.[27] Хотела еще приехать Кузьмина-Караваева.[28]

Я до сих пор не видал еще ни одной рецензии на «Anno mundi ardentis», хотя Мих<аил> Осип<ович> мне писал, что была в «Русской Мысли»,[29] но я ее нигде здесь не мог

найти. Очевидно, в Коктебеле все же больше бываешь оторван от русской жизни, чем в Париже. Ужасно далеко себя чувствуешь здесь, да и вообще в России, вне войны.

Только дороговизной да отсутствием то сахара, то мяса ее и чувствуешь. А все остальное так далеко, точно в Манджурии. Очень грустно.

Часто я вспоминаю и Биар<р>иц.[30] Там, в этой уединенности, была большая сосредоточенность жизни, и теперь жду, что она наступит с осени здесь.

Тебя это письмо верно застанет в Биаррице... Шлю мой привет M-me Lucie, M-r Jean.[31]

Очень мечтаю о том, что война кончится среди будущего лета, и тогда тотчас же устремиться к вам в Париж. Как хорошо будет в Париже тотчас же после конца войны. Как странно – от прошлой зимы, несмотря на наш светский образ жизни, у меня осталось гораздо меньше Парижа, чем тебя и Миши. Когда я вспоминаю прошлую зиму, то вижу себя только у вас и наши прогулки в Булонском лесу.[32]

До свиданья. (Где?)

Привет всем друзьям.

МАХ.

[1] Речь идет о письмах М.С. Цетлиной от 12 августа (н.ст.) 1916 г. и 22 августа (н.ст.) 1916 г.

[2] 12 августа (н.ст.) Цетлина писала Волошину: «...если ты хочешь доставить мне истинное удовольствие, то напиши один разочек, как складывается твоя жизнь в домашнем смысле. Есть ли у *тебя* все, что тебе надо, и устроен ли ты материально. Меня иногда почему-то это беспокоит и хочется тебе что-нибудь послать, да не знаю, что, и потом ведь посылок железнодорожных посылать нельзя, только почтовые. (Послала тебе отсюда камни, получил ли ты их?). Об этом, пожалуйста, напиши подробно, вообще о твоих *доходах*» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 30). Ящик с горными породами, полученный Волошиным от Цетлиной, ныне находится в ДМВ.

[3] Бест (*персид.*) – «священное убежище», откуда преступник не может быть взят силой. Выражение «сесть в бест» означает «укрыться в каком-нибудь недосягаемом, но не скрытом убежище».

[4] Об этой работе Волошина летом 1916 г. см. п. 190, 191.

[5] Речь идет о газетах «Биржевые Ведомости» и «Речь».

[6] О сотрудничестве с газетой «Речь» см. письма Волошина И.В. Гессену (п. 183, 188).

[7] См. примеч. 13 к п. 179.

[8] В легендарном кафе «Ротонда» (La Rotonde), содержавшемся Виктором Либионом в Париже по адресу бульвар Монпарнас, 105, собиралась литературно-художественная элита Парижа.

[9] Парижская обсерватория (Observatoire de Paris) открыта в 1667 г.

[10] Универмаг Прентам (Printemps), один из самых престижных модных магазинов Парижа, основан в 1865 г. Жюлем Жалюзо.

[11] См. примеч. 2.

[12] Ю.Ф. Львова в 1916 г. была в Крыму с перерывами с 8 мая по 13 августа.

[13] В газете «Речь» были опубликованы статьи Волошина: 31 октября 1916 г. — «Илья Эренбург — поэт» (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 594—602, 830), 1 января 1917 г. — «Судьба Верхарна» (*Там же.* С. 603—611), 4 июня 1917 (№ 129) — «Голоса поэтов» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 13—23, 760). Большой замысел книги о поэтах не был реализован.

[14] Об этом проекте Волошина см. примеч. 2 к п. 9.

[15] Письмо к М.О. Цетлину не обнаружено.

[16] Издательство «Зерна» было основано М.О. Цетлиным в 1915 г. в России не без участия Волошина. В письме от 1 августа (н.ст.) 1916 г. Цетлин сетовал Волошину: «Я не бросил мысли об издательстве <...> Жаль, что ты не дал о "Зернах" объявления. О нас вообще молчат» (ИРЛИ, ф. 562, оп.3, ед. хр. 1261, л. 34).

[17] В.Ф. Ходасевич. Цетлина в недатированном и, видимо, не полученном Волошиным вовремя письме извещала: «О человеке для издательства не хлопочи, потому что мой брат Лазарь Соломонович такого уже нашел, он кажется во всех отношениях очень подходящим» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 33). Речь идет о старшем брате М.С. Цетлиной Л.С. Тумаркине и публицисте Льве Яковлевиче Берлинрауте. Письмо Волошина очень задержалось в пути, и ответные письма были отправлены Цетлиными только в ноябре и декабре 1916 г. Так, 12 ноября 1916 г. М.С. Цетлина сообщала: «Уже месяца два тому назад как мы пригласили для издательства некоего господина Берлинраута (универсант) по рекомендации моего брата Лазаря Соломоновича, и Миша находится с ним в переписке» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 38). В свою очередь М.О. Цетлин писал Волошину 28 декабря (н.ст.) 1916 г.: «...Ходасевич не кажется мне вполне подходящим. Он скорее годился бы в редакторы издатель-

ства. К тому же в издательстве уже есть заведующий, это Л.Я. Берлинраут, адрес которого ты можешь узнать у Изабеллы Григорьевны <...>. Впрочем, сообщаю его тебе: Москва, Садовая-Черногрязская, д. 3, кв. 117. Он уже более двух месяцев числится на службе у “Зерен”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261, л. 37). Упоминается Изабелла Григорьевна Эренбург (1886—1965), сестра И.Г. Эренбурга.

18 Отец В.Ф. Ходасевича — Фелициан Иванович Ходасевич (ок. 1834—1911), выходец из польской дворянской семьи, фотограф; мать — Софья Яковлевна Брафман (1846—1911), дочь Якова Александровича Брафмана (около 1825—1879), публициста, автора антисемитских статей и книг.

19 Речь идет о дочери С.И. Дымшиц-Толстой и А.Н. Толстого — Марианне Алексеевне Толстой. Спор о Марианне возник из-за разрыва родителей. В ответ Цетлина возмущенно писала: «Я пришла в ужас от того, что у Соф<ьи> Ис<ааковны> Т<олстой> отняли дочь <...>. Но ведь это невозможное варварство и издевательство. Как же ты не сел сейчас же в поезд и не поехал отнимать обратно. Ведь они оба твои друзья. Ведь для ребенка мать незаменима и большего ужаса матери сделать нельзя» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 41 об.).

20 Семья Крандиевских: Василий Афанасьевич (1861—1928), публицист, редактор-издатель «Бюллетеней литературы и жизни», Анастасия Романовна (урожд. Тархова, 1866—1938), писательница и их дочери Наталья и Надежда (Наталья стала третьей женой А.Н. Толстого).

21 С.А. Скирмунт был близок семье Крандиевских, которые с конца 1890-х жили в Гранатовом переулке в его доме.

22 Отклик на признания Цетлиной. Так, 9 мая (н.ст.) 1916 г. она сообщала, что во времени болезни увлеклась Пушкиным: «У Пушкина одолела детство и перешла уже к “лицейскому периоду”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 25 об.), 12 августа (н.ст.) писала: «Я все больше ухожу в Пушкина, уже чувствую его своим близким знакомым, ощущаю уже как-то реально его душу и должно быть до января из него не выберусь» (*Там же*, л. 30), в открытке от 15/28 августа 1916 г. продолжала: «<...> я читаю о Пушкине (все еще!)» (*Там же*, л. 32), а в письме от 22 августа (н.ст.) 1916 г. подводила некоторый итог своего увлечения: «Я все о Пушкине. Совсем с ним лично, близко познакомилась, даже всех его друзей как-то лично знаю. Это очень большое наслаждение, когда настолько уже знакомишься с автором, что начинаешь чувствовать его душу в самом главном; все его слова, мысли и поступки становятся понятными, как это только понимаешь у самых близких друзей <...>» (*Там же*, л. 34 об.).

[23] Имеется в виду статья В.Ф. Ходасевича «Петербургские повести Пушкина» (Аполлон. 1915. № 2. С. 33–50); перепечатана как вступительная статья в издании: Пушкин — Титов. Уединенный домик на Васильевском. М.: Универсальная библиотека, 1915. Владимир (Вольдемар) Морицевич Антик (1882–1972), владелец издательства «Польза», издатель популярной многотиражной серии «Универсальная библиотека».

[24] Речь идет о сборнике стихотворений К.А. Липскерова «Песок и Розы» (Альциона, 1916), написанном под впечатлением от поездки в Туркестан. Липскеров — автор отзыва о книге Волошина «Anno mundi ardentis», опубликованного в «Русских Ведомостях» 11 января 1917 г. Разговор о книге Липскерова возник по инициативе Цетлиной, которая писала 22 августа 1916 г.: «Прочла недавно и была очарована “Песками и Розами” Константина Липскерова, ты его, наверное, знаешь, одно его стихотворение совсем в твоем духе:

“Всё спешим полюбить, ибо все преходяще и тленно.
Всех спешим полюбить, ибо люди проходят как сон.
Кто вблизи от тебя, тот не будет с тобой неизменно” и т.д.

Ты знаешь? А самое лучшее это: “Зачем опять мне вспомнился Восток!”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 34 об.). Позже Цетлина согласилась с критическим отзывом Волошина в письме к нему от 12–13 ноября (н.ст.) 1916 г.: «Насчет Липскерова я с тобой согласна, он меня очаровал только в первый момент чтения, а потом у меня тоже прошло увлечение им» (*Там же*, л. 40).

[25] Имеется в виду сборник стихотворений французского поэта Анри де Ренье «Зеркало часов» («Le miroire des heures», 1910).

[26] Видимо, речь идет о стихах М.И. Цветаевой, которые позже составят ее поэтическую книгу «Версты. Вып. I» (М., ГИЗ, 1922).

[27] С.Я. Парнок 6 августа 1916 г. по пути из Судака в Феодосию заезжала в Коктебель (Труды и дни. С. 406).

[28] С Е.Ю. Кузьминой-Караваевой Волошин встречался в Петрограде 11 апреля 1916 г. (Труды и дни. С. 394). Намеченный ее приезд в Коктебель тогда не состоялся.

[29] М.О. Цетлин писал Волошину 1 августа (н.ст.) 1916 г. о рецензии В. Брюсова на его книгу «Anno mundi ardentis» (Русская Мысль. 1916. № 6. Отд. IV. С. 1–2): «Только что получил “Русскую мысль”. Как издатель я рад рецензии. Но она несправедлива и так подчеркивает твою “трудность”, что, пожалуй, и отпугнет читателей» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261, л. 34 об.).

[30] С июля по октябрь 1915 г. Волошин прожил в Биаррице на вилле Цетлиных.

[31] Речь идет о Люси Мейсонёв, консьержке на вилле Цетлиных в Биаррице и, видимо, ее муже.

[32] Волошин много общался с Цетлиными перед своим отъездом в Петроград осенью 1915 г. См. его записи 1932 г. (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 445).

207. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

3 сентября 1916 г. Коктебель[1]

Многоуважаемая Анна Ивановна, Вы были совершенно правы: после Вашего отъезда начались чудеса в мастерской: ушел портрет с Таиах,[2] а на следующее утро сам вернулся и вбился гвоздями. Думаю, что здесь не без Зайцепса,[3] ибо остальная вся компания ринулась Вам вслед. Юлия Леонидовна так удачно держится Вами, что никто еще не заметил подмены. Есть и еще тревожные признаки: в Коктебеле начался сбор камешков, для «психически расстроенных курсисток-медичек». Один ящик с дырочкой поставлен у наших ворот. Необходимо собрать 10 000 камней. Ходасевич опять без Вас мается и ждет ежедневно писем и почталиона. ANNA VOLOCHKA – я узнал сразу. Сходство поразительное.[4] Не знаю, как благодарить Вас.

От коктебельцев мы пока скрываем очень успешно о Вашем бегстве с Ф.К.[5] Скандал не успел разразиться. В.Ф. подавлен, но мужествен. Он все простит. Юлия его утешает. Мой привет Ф.К.

MAX. VOLOCH.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Коктебель. 3.9.16. Отправлено по московскому адресу Оболенской: 1-я Тверская-Ямская, 26, кв. 8. Обращение к А.И. Ходасевич, жене В.Ф. Ходасевича, находившейся в это время в Коктебеле (в письме к Ходасевичу от 6 августа 1916 г. она сообщала, что выезжает из Москвы в Коктебель 10 августа // РГАЛИ, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 88; о приезде жены в Коктебель Ходасевич писал Б.А. Садовскому 14 августа, см.: Письма В.Ф. Ходасевича Б.А. Садовскому / Послесл., сост. и подгот. текста И. Андреевой. Ann Arbor: Ardis, 1983. С. 35),

и все содержание письма – элементы шуточной мистификации, устроенной в Коктебеле Ходасевичем после отъезда оттуда Оболенской в Москву и поддержанной в данном случае Волошиным. К двум письмам Ходасевича к ней Оболенская сделала пояснение: «Шуточная переписка В.Ф. Ходасевича с Ю.Л. Оболенской (после отъезда Ю. Оболенской из Коктебеля условились считать, что уехала не она, а Анна Ив<ановна> Ходасевич, а Оболенская осталась с Ходасевичем. Письма обращены к Анне Ивановне)». Ср. начало первого письма Ходасевича, входящего в эту подборку («Коктебель, 21 авг<уста> 916. Вечер»): «Милая Нюра! Вот уже второй день я без тебя. Очень соскучился, – особенно надоела мне Юлия Леонидовна. И зачем ты с ней поменялась! Не надо было. Она по-прежнему нестерпима. <*3 строки вымарано.*> Злится все время: ревнует меня к каждой девушке. Просто сил нет. <*4 строки вымарано.*> В Коктебеле неладно: стали пропадать вещи. Это, конечно, ее рук дело. Еще до твоего приезда я это за ней заметил: у меня – деньги, книги, 2 носовых платка, у Пра – сахар, у М.А. – краски. Он ругает меня за то, что я отпустил вашу мену» – и т.д. (РГАЛИ, ф. 2080, оп. 1, ед. хр. 67).

[2] Вероятно, имеется в виду один из фотопортретов Волошина на фоне гипсового слепка со скульптуры египетской царицы Таиах. См.: Сокровища дома Волошина. Альбом. Симферополь: Сонат, 2004. С. 71, 74.

[3] Пояснение Оболенской к адресованному ей в день ее отъезда из Коктебеля (20 августа 1916 г.) письму, составленному Ходасевичем при участии Волошина (под текстом – 11 стилизованных подписей, в том числе – Зайцепёс): «Пудель и Зайцепёс – вымышленные демонические существа» (РГАЛИ, ф. 2080, оп. 1, ед. хр. 67).

[4] Отклик на отправленную Оболенской из Феодосии 20 августа открытку с изображением молодой крестьянки в национальной одежде с надписью: «Волошка» (приписка Оболенской: «По исследованиям Волошиньянцев – Anna mundi ardentis»): «Портреты Беатриче, Лауры бесследно утрачены. Мне удалось найти несомненное и подлинное изображение Анны (mundi ardentis). Конечно, оно должно принадлежать Вам. Ю.» (ИРЛИ, ф. 562, ед. хр. 901, л. 5. В тексте обыгрывается заглавие книги стихотворений Волошина «Anno mundi ardentis 1915»).

[5] Ф.К. Радецкий – в данном случае также участник игровой мистификации. Цитированное выше письмо Ходасевича заканчивается строками: «Фед<ору> Конст<антиновичу> жму руку. Ю.Л. здесь распускает про него самые гнусные сплетни. Какая гадость!». В ту же подборку входит шуточное письмо Ходасевича Радецкому: «Елена! Вы меня спутали с Ф.К. Радецким: это он Вас целовал. Ваша юбка у

Юлии Леонидовны. (Стриженой). Постараюсь ее усовестить, может быть — отдаст. Не волнуйтесь и не расстраивайтесь. Если будет ребенок — взыщем с Радецкого на содержание. Я вам это устрою».

208. И.Э. ГРАБАРЮ

24 сентября 1916 г. Коктебель[1]

Коктебель. 24/IX 1916.

Многоуважаемый Игорь Эммануилович,

Посылаю Вам наконец законченными последние главы монографии (и фотографии одновременно).[2] Относительно графических схем композиций я лучше их вычерчу просто, вне фотографий — это будет нагляднее.[3] Я одного не смог сделать: упомянуть о каждой иллюстрации в тексте отдельно: это бы нарушило цельность моего построения, как Вы увидите по последним главам.

Скоро ли получу корректуры первой части? В Коктебеле я останусь до декабря, если только отсутствие керосина и топлива не выгонит раньше в Москву.

Максимилиан Волошин.

P.S. Все заказные бандероли адресованы на Пятницкую 2, как Вы писали.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Коктебель. 30.9.16.

[2] Грабарь ответил 4 октября: «Спасибо за присланное окончание рукописи вашего “Сурикова“»; 10 октября писал Волошину: «По-моему, окончание удачно и вся книга — я это предвкушаю — будет хороша» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 451). Монография Волошина в серии «Русские художники» в издательстве И.Н. Кнебеля не была выпущена из-за фактического прекращения деятельности издательства в наступившую пору исторических катаклизмов, безуспешными оказались и последующие попытки Волошина опубликовать книгу о Сурикове. Первое отдельное издание книги: *Волошин Максимилиан.* Суриков / Публ., вступ. статья и примеч. В.Н. Петрова. Л.: Художник РСФСР, 1985.

[3] См. п. 200, примеч. 8.

209. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

Не ранее 24 сентября 1916 г. Коктебель[1]

Дорогая Юлия Леонидовна,

Когда, получив Ваше письмо, меня позвали к телефону[2] и я услыхал голос Ходасевича, который мне сообщил, что он снова приехал в Феодосию, – я подумал, что это опять штуки Вислоухова.[3] Но оказалось, что это действительно он. Он являлся, и его освободили.[4] Так мы с ним и не виделись. Я кончил, Слава Богу, «Сурикова» и отослал Грабарю. Теперь, прежде чем приступить к «Бенуа»,[5] пишу статьи для газеты.

Знаете ли Вы уже, как неожиданно в Коктебеле обнаружился Леонид Веснин? Он будет строить на Карадаге цементный завод (за кордоном на плоскогорье, выходящем в маленький заливчик). То, что он будет строить, меня очень обрадовало, т<ак> к<ак> явилось большим утешением то, что завод вообще будет.

Он обещает выстроить его монументально и просто и в стиле местности. Вот Володе Рагозинскому бы пристроиться к постройке. Он начнет строиться сейчас же после окончания войны и постройка будет длиться 2 года.[6]

Кроме того, здесь была большая компания профессоров – геологов и цементщиков, так что все время светский образ жизни не кончался.

Теперь и они уехали. У нас остается только Соня.[7] Настроение уже давно стало осенним и рабочим. Только вот беда: если не будет керосину, то в Коктебеле оставаться мне не придется. И так мы экономим и по вечерам все сидим под одной маленькой лампой.

Живописи все никак не могу отдаться всецело благодаря непрекращающейся обязательной утренней работе. Каждый день пишу, но все как-то не по существу. И черная серия с той самой поры, как я решил из нее сделать венок сонетов, – замерла на 8.[8]

Вчера ходил в горы зарисовать несколько линий, и охватила смертельная тоска по работе с натуры. Когда же

можно будет вернуться наконец к горам с красками?[9] Соня ищет «материалы» и «поверхности», очень мила и старается, чтобы все любили друг друга и ее. Поэтому всем говорит о других только хорошее. Это очевидно произошло и по отношению к Ан<не> Вл<адимировне>,[10] т<ак> к<ак> ни Пра, ни я в хороших отзывах о ней, право, не виноваты. Процесс Пуаре служит темой наших вечерних бесед и волнует больше войны.[11]

Хочу ли я писать об Айвазовском.[12] Конечно, хочу. Но материалы... Но картины... Надо искать, собирать... Все лето хотел поговорить с Соломоном Крымом, который готовит книгу о нем.[13] Но так его и не видал. Если он согласит<ся> мне сообщить свои материалы, тогда я смогу взяться за этот труд.[14] Что делает Кон<стантин> Вас<ильевич>?[15] Доволен ли он «Вашими» работами, присланными из Коктебеля для «Мира Искусства»?[16] Приветы Феод<ору> Конс<тантиновичу>,[17] Конс<тантину> Вас<ильевичу>, Екат<ерине> Иван<овне>,[18] Рагозин<скому>.

MAX.

Письма Ан<ны> Ивановны были великолепны по стилю.[19] Она сама начинала забываться и говорить выраженьями оттуд<а>. Видитесь ли Вы?[20]

[1] Датируется по связи с письмом Оболенской от 17 сентября 1916 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 7–8 об.) и по упоминанию об отправке в Москву рукописи «Сурикова» (см. п. 208).

[2] Видимо, телефон в почтовом отделении Коктебеля.

[3] Пояснение Оболенской к шуточному письму В.Ф. Ходасевича от 20 августа 1916 г., обращенному к ней: «Щекотихин, Вислоухов – личности, вымышленные Ходасевичем» (в данном случае пояснение верно лишь в отношении второй фамилии; московский студент Н. Щекатихин жил в Коктебеле в августе 1916 г., см.: Труды и дни. С. 406); ср. в тексте письма: «В тебе соединялись все качества, отличающие каждого из нас в отдельности. Талантливая, как Щекотихин; начитанная, как Вислоухов <...>» (РГАЛИ, ф. 2080, оп. 1, ед. хр. 67, л. 2, 1). Среди писем Оболенской к Волошину – недатированная открытка: «Шлем привет. Спешим. Н. Щекотихин, П. Вислоухов. Ю. Оболенская» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 6).

[4] Речь идет об освидетельствовании и освобождении Ходасевича от военной службы.

[5] Подразумевается статья для монографии «Александр Бенуа» (см. примеч. 2 к п. 199).

[6] Проект не был осуществлен.

[7] С. И. Дымшиц-Толстая.

[8] Имеется в виду серия пейзажей.

[9] По причине военного положения был введен запрет на зарисовки местности с натуры.

[10] А.В. Кандаурова. В письме от 17 сентября Оболенская сообщала Волошину о С.И. Дымшиц-Толстой: «Она в своем письме А.В. <Кандауровой. — *Ред.*> как-то хорошо отозвалась о Вашем и Пра отношении к ней, что дало А.В. повод обвинить Пра в ее разлуке с Ал<ексеем> Ник<олаевичем> <Толстым. — *Ред.*>!».

[11] Предмет судебного разбирательства изложен в хроникальном сообщении:

«19-го сентября в петроградском окружном суде начинается слушание нашумевшего *дела артистки императорских театров М.Я. Пуарэ, по мужу — графини Орловой-Давыдовой.*

Она обвиняется в подлоге ребенка. Пуарэ, будучи по физиологическим причинам не способна быть матерью, симулировала рождение сына от своего мужа графа А.А. Орлова-Давыдова. Обвинение против нее возбуждено по жалобе мужа. Гр. А.А. Орлов-Давыдов — крупный землевладелец Калужской губ., уездный предводитель дворянства, уездный и губернский земский гласный и член Гос. Думы. Он обладатель майората и крупного состояния в 20 милл. руб.

Вместе с Пуарэ обвиняются в качестве ее соучастниц акушерки-сестры Ф.Б. Давыдова и М.Б. Ушакова» (Речь. 1916. № 258, 19 сентября. С. 3).

В последующих номерах «Речи» (№ 259—266, 20—27 сентября) ежедневно печатались развернутые репортажи из зала суда («Дело графини Орловой-Давыдовой»), вплоть до вынесения приговора: «Присяжные <...> признали факт подлога доказанным, а всех трех подсудимых невиновными» (№ 266, 27 сентября. С. 4). Подробно освещали процесс и другие столичные газеты (см., например: Биржевые Ведомости. Утр. вып. 1916. № 15813—15827, 20—27 сентября).

[12] В письме от 17 сентября Оболенская передает Волошину вопрос К.В. Кандаурова: «Хотите ли писать об Айвазовском?».

[13] Книга С. Крыма об Айвазовском не была опубликована.

[14] Специальной работы, посвященной творчеству И.К. Айвазовского, Волошин не написал.

[15] К.В. Кандауров.

[16] Речь идет о выставке работ художников «Мир Искусства», экспонированной в Москве в «Художественном салоне» с 26 декабря 1916 г. по 2 февраля 1917 г. (см.: *Лапшин В. П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М.: Сов. художник, 1983. С. 318).

[17] Ф.К. Радецкий.

[18] Е.И. Оболенская.

[19] Подразумеваются письма Оболенской, написанные от имени А.И. Ходасевич и адресованные, по-видимому, Ходасевичу. См. примеч. 1 к п. 207.

[20] Во второй половине сентября 1916 г. В.Ф. Ходасевич и А.И. Ходасевич возвратились из Коктебеля в Москву. Ср. игровое замечание в письме Оболенской к Волошину от 17 сентября 1916 г.: «Сегодня я, по-видимому, благополучно прибыла в Москву, и раздвоение моей личности кончилось».

210. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

20–25 сентября 1916 г. Коктебель

Дорогая Марья Самойловна, почти одновременно получил от тебя два письма от 28/VIII и 5/IX.[1] Сижу и пишу это письмо с маленькой кухонной лампочкой, т<ак> к<ак> надо экономить керосин: ни в Феодосии, ни в Коктебеле больше его нет (свечей нет уж давно). Отсутствие керосина меня пугает больше всех остальных недохватов: запрещение мяса, отсутствие сахара – мало меня беспокоит. Но отсутствие света для вечерней работы меня очень кручинит. Правда, будем теперь ложиться рано и вставать с рассветом, но все же длинные вечера совсем без света меня пугают. Боюсь, что придется покинуть Коктебель раньше, чем я предполагал, и это будет прискорбно, т<ак> к<ак> я рассчитывал остаться здесь до декабря. Мой «Суриков» очень затянулся и заполнил собою все лето.[2] Правда, это будет очень солидный том, не меньше «Серова»,[3] а вероятно, даже потолще. Но он заслонил все остальное и отодвинул все остальные работы, о которых я думал. Слава Богу, он уже на последней главе.

Как обрадовали меня твои слова о том, что у вас в квартире будет всегда комната для меня.[4] Пусть этого и не случится, но и в твоем желании, и в возможности этого для меня будет всегда большая радость.

---

25 сен<тября>. Слава Богу, вчера окончил монографию о Сурикове.[5] И сегодня одновременно с этим письмом посылаю ее Грабарю. Тебе послал бандеролью[6] ряд моих старых фельетонов из «Руси», ты их получишь, верно, раньше этого письма. Дубликат рукописи «Суриков» я потом отдам тебе, если ты хочешь. Я смогу его послать месяца через 2, когда будут окончены корректуры.

Я очень мало писал летом в газеты, т<ак> к<ак> все было заполнено «Суриковым». Теперь я примусь за малые статьи для «Речи» и за статью о Бенуа, для большой книги о нем, издаваемой «Унионом».[7]

Увы, с самого отъезда из Парижа я не писал стихов. Я все откладывал на осень, когда мама уедет и я останусь совсем один. Но боюсь, что мне не придется воспользоваться этим уединением. Я согласен ничего не есть и не иметь сахара, но без керосина и топлива я не смогу работать. А зима начинается в России ранняя: в Москве уже снег. Это сказывается и у нас необычными холодами.

На всякий случай вот заранее мои адреса в Москве и в Петербурге: Москва, Бол<ьшой> Ржевский пер., 7, кв. Рагозинских; СПб., Тверская ул., 1, кв. Ю.Ф. Львовой.

Ты пишешь о тоске и о неудовлетворенности в жизни, которая опять поднялась у тебя.[8] Ах, мне кажется, так легко победить их и устранить из жизни навсегда. Но то, что знаешь так ясно для себя, невозможно передать другому. Каждый должен найти свой смысл <и> выход для себя лично. Но самое главное, не надо ни на минуту забывать, что неудовлетворенность – это рост души. В период юношеского роста тело так же тупо болит временами, как и в зрелые годы душа. Всякая тоска есть признак силы, не находящей себе

выхода. Только выхода нельзя найти ни в одной из внешне готовых дорог, его надо найти внутри себя. В такие минуты надо идти навстречу своей тоске, брать ее в руки и внимательно разглядывать как существо от себя отделенное.

Теперь у нас жизнь стала тише и опустела. Ходасевич, с которым я был дружен все лето, – уехал. Осталась только Софья Исааковна Толстая. Я ее очень люблю <...> Привет Мих<аилу> Осипов<ичу>[9] и всем парижским друзьям <...>

MAX.

Я теперь буду писать чаще и регулярнее. «Суриков» и торопление Грабаря лежали все лето жерновом на душе.

[1] Письма М.С. Цетлиной от 15/28 августа 1916 г. и 5 сентября (н.ст.) 1916 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 33–36 об.).

[2] Речь идет о работе Волошина над монографией «Суриков». См. п. 190, 191.

[3] Имеется в виду монография: *Грабарь И.* Валентин Александрович Серов. Жизнь и творчество. М., 1914.

[4] 5 сентября (н.ст.) 1916 г. Цетлина писала Волошину: «Мы, может быть, переменим квартиру и тогда возьмем такую, чтобы твоя в ней была большая и светлая, и никому ее без твоего разрешения отдавать не будем» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 36).

[5] См. п. 208.

[6] Посылка бандероли была связана, видимо, с настоятельными просьбами Цетлиной выслать печатные работы в Париж. Так, 15/28 августа 1916 г. она писала: «С тех пор, как ты уехал, я ничего твоего кроме статьи о Поэте не читала. Пожалуйста, пришли статьи и новые, очень хочется побыть, как следует, с тобой, а читать тебя – это теперь единственный способ <...>. Пришли, пожалуйста, все статьи твои, напечатанные в "Бирж<евых> Вед<омостях>". Мы этой газеты не получаем» (*Там же*, л. 33 об.), а 5 сентября (н.ст.) 1916 г. возвращалась к этой теме: «Но когда же я получу твои печатные работы, к<о>т<о>рые ты обещал мне прислать?» (*Там же*, л. 35). Возможно, Волошин выслал Цетлиной подборку своих статей под общим названием «Лики Творчества», которые были опубликованы в газете «Русь» с декабря 1906 г. под май 1908 г.

[7] См. п. 199, примеч. 2.

[8] Цетлина писала Волошину 5 сентября (н.ст.) 1916 г.: «Чем дальше, тем больше чувствую, что ничего постоянного нету, или я к нему не восприимчива, и что в жизни можно или глубоко тосковать, или “проводить” время, и тогда как можно шумнее и разнообразнее, чтобы тоска как можно меньше чувствовалась» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 35 об.).

[9] М.О. Цетлин.

211. А.М. ПЕТРОВОЙ

2 октября 1916 г. Коктебель[1]

Дорогая Александра Михайловна, мне что<-то> очень трудно стало выбирать<ся> из Коктебеля. Я закончил, наконец, монографию о Сурикове,[2] но сию же минуту стало нужно спешно писать другие запущенные статьи,[3] и вот сижу опять. Я думаю, что приказ не коснется Влад<ислава> Фелиц<иановича>,[4] т<ак> к<ак> он говорит о белобилетниках, освобожденных до 1 августа 1915 г. А он освобожд<ен> только теперь. И Нат<алья> Ив<ановна> и Поликс<ена> Серг<еевна> чувствуют себя лучше.[5] Особенно первая. П.С. что-то говорила о том, что ей стыдно, что она Вам не ответила — но что не помню.

Очень будем Вас ждать все. Какие у Вас новости о Мише,[6] Людвиге,[7] Пете?[8] Теперь у нас совсем опустело с отъездом Соф<ьи> Исааковны.[9] Но внизу жильцы еще не переводятся. Инженеры делают изыскание для жел<езной> дор<оги> сейчас в Коктебеле. Вообще теснота надвигается.

До свиданья.

Мах.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 409.

[2] Волошин закончил работу над монографией о Сурикове 22 сентября 1916 г. и последние главы выслал И.Э. Грабарю 25 сентября 1916 г. См. п. 210.

[3] Речь идет о статье «Илья Эренбург — поэт», отправленной в «Речь» 7 октября, и статье о творчестве А. Бенуа (см. п. 199, примеч. 2).

[4] А.М. Петрова писала Волошину 29 сентября 1916 г.: «Что Вы так плотно засели там, не являетесь, и я ничего не знаю? <...> Тре-

вожусь за Влад<ислава> Фелиц<иановича> <Ходасевича. – *Ред.*>, ведь было распоряжение (после осмотра и отпуска уже), чтобы брать всех, “кроме явных калек”. Призыв убил бы его при его туберкулезе» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953). В.Ф. Ходасевич приехал в Коктебель 6 июня 1916 г. Сначала жил на даче Мурзанова, 7 июля перебрался к Волошиным. У него был поврежден позвоночник, он ходил в корсете и, тем не менее, был призван в армию в качестве ратника. Об этом он писал жене из Коктебеля 8 июля (РГАЛИ, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 45). Ходасевич уехал из Коктебеля 24 сентября 1916 г.

[5] Отклик Волошина на замечание Петровой в цитированном письме: «Меня очень тревожит состояние здоровья Наталии Ив<ановны> <Манасеиной. – *Ред.*> и Поликсены Серг<еевны> <Соловьевой. – *Ред.*>. Там ли они? Как они? Я два раза писала Поликс<ене> Серг<еевне>, но ответа нет» (*Там же*).

[6] М.М. Петров. См. примеч. 5 к п. 189.

[7] Л.Л. Квятковский.

[8] П.М. Петров, брат А.М. Петровой, военный.

[9] С.И. Дымшиц-Толстая приехала в Коктебель в августе 1916 г. См. п. 206, 209.

212. И.В. ГЕССЕНУ

7 октября 1916 г. Коктебель[1]

Коктебель. (Феодосия).

Многоуважаемый Иосиф Владимирович, посылая Вам одновременно фельетон об «Эренбурге»,[2] очень прошу Вас не забыть сделать распоряжение о высылке мне газеты, как Вы мне обещали при свидании.[3]

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Коктебель. 7.10.16. Штемпель получения: Петроград. 10.10.16.

[2] Статья Волошина «Илья Эренбург – поэт» была напечатана в газете «Речь» 31 октября 1916 г (№ 300). См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 594–602.

[3] Обещание высылать Волошину «Речь» Гессен дал при свидании с ним в августе или сентябре 1916 г., когда жил поблизости от Коктебеля – в Отузах.

213. А.Н. ТОЛСТОМУ

14 октября 1916 г. Коктебель[1]

Дорогой Алехан,

большое спасибо за быстрый и точный ответ.[2]

Я был только что в Феодосии и советовался с врачами. У меня все шансы быть освобожденным совершенно, благодаря невладению правой рукой[3] (по ст<атье> 80). Так что я решил являться здесь. Это верно будет уже в конце октября.

Еще раз благодарю.

Мах.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Коктебель. 14.10.16. Штемпель получения: Москва. 17.Х.16.

[2] Волошин обратился к Толстому в неизвестном нам письме в связи с предполагавшимся призывом на военную службу. Толстой, будучи в это время уполномоченным Всероссийского земского союза, сообщал Волошину в недатированном письме (видимо, около 10 октября 1916 г.): «...должности в Союзе городов и в Земском союзе *не* освобождают от призыва. Исключениями являются только те случаи, когда Союзы сами возбуждают ходатайство о непризыве такого-то лица (точнее, о закреплении его на занимаемой должности как военного чиновника), но для этого нужно: 1) стать Союзам необходимым, 2) занимать такую должность, которая по закреплении дала бы офицерский чин (заведовать госпиталем, летучим отрядом или отрядом земляных рабочих). Тебе необходимо немедленно приехать в Москву и хлопотать» (Переписка А.Н. Толстого: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. литература, 1989. С. 258).

[3] Волошин повредил правую руку при падении с велосипеда в 1905 г. См.: Т. 9 наст. изд. С. 188—189.

214. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

16 октября 1916 г. Коктебель

16/Х 1916. Коктебель.

Дорогая Марья Самойловна, вернувшись из Феодосии,[1] нашел твое письмо от 29/1Х[2] и телеграмму от Мих<аила> Ос<иповича>.[3] Ездил я в Феодосию после трехмесячного,

кажется, безвыходного сиденья у себя, чтобы узнать о воинской повинности. Потому что следующий призыв, который будет, по-видимому, в начале ноября, коснется на этот раз и меня, и хотя я крепко надеялся на мою исковерканную правую руку, но «разъяснение», требующее, чтобы брали на службу и с укороченными оконечностями,[4] меня сильно смутило. Выяснилось, что я вишу между двумя параграфами — одним действующим, другим отмененным. Меня могут и признать негодным на вполне законном основании, но могут и «забрить».

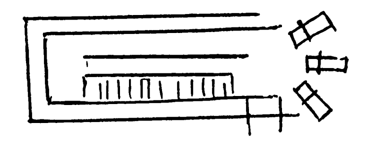
Ты ведь знаешь мое отношение к военной службе. На фронт меня не пошлют ни в каком случае. Но тем хуже. Вообще есть перспектива больших усложнений. Но все же надеюсь, что все минет меня благополучно, а пока тороплюсь закончить разные обязательные долги в смысле статей.[5] Монография о «Сурикове»,[6] заполнившая все мое лето и меня никуда не отпускавшая, наконец, закончена, отослана и признана Грабарем «очень удачной».[7]

На днях послал в «Речь» фельетон «Илья Эренбург — поэт»[8].

Теперь спешу закончить большую статью о Бенуа.[9] Спешу докончить начатые серии акварелей, распределить и склассифицировать материалы для будущих книг, чтобы быть готовым ко всяким случайностям.

Теперь мы с мамой живем вдвоем во всем доме. Сегодня была «неожиданная радость», достали пуд керосину и воз угля, что является страшной редкостью и ценностью и гарантирует работу в Коктебеле до конца декабря. Так что если ничего не случится, я останусь здесь долго.

Сегодня первый холодный и бурный день. Море разбушевалось не хуже, чем в Биаррице. Мне бы хотелось, чтобы ты представила мою мастерскую. Она очень высокая, узкая, как часовня, и на восток к морю трехгранная.



С четырьмя узкими и высокими окнами. За ними море. Лестница наверх, и библиотека по галереям, а в глубине, в нише, два дивана, как в спальном вагоне, и Таиах,[10] вмурованная в стену. Вдоль лестницы тоже полки с книгами. Мой кабинет и спальня наверху, но теперь там холодно, и я перебрался вниз.

Когда я лежу, мне стоит только приподнять голову, чтобы видеть море, восточный мыс и восход солнца, т<ак> к<ак> теперь мы, для того, чтобы экономить керосин, ложимся в 10 и встаем с восходом.

Книгу Мопассана «Sur l'eau»[11] я читал, но очень давно, еще по-русски. (Она издана «Посредником» со статьей Л.Н. Толстого).[12]

Помню, тогда она меня поразила главным образом тем, как она написана. Не знаю, с каким чувством я бы ее прочел теперь, и мироощущение ее стерлось в моей памяти, и нет ее под рукой, чтобы перечесть.

Очень часто я теперь мечтаю о Париже вне войны и даже пересматриваю романы, где упоминаются знакомые улицы. И теперь Париж мне трудно представить без вас — тебя и Миши. И возврат в Париж это — возврат к вам.

Поскорей бы кончалась эта мировая нелепица. Странно: в Базеле я воспринимал войну *апокалипсически*, в Париже, как великую трагедию, в России же не могу к ней относиться иначе, как к чудовищной нелепости. Так все нелепо кругом, такие грандиозно-нелепые формы принимают ее отражения в окружающей жизни.

Кончаю письмо и влагаю в него записку для Мих<аила> Осип<овича> по издательским делам.[13]

Крепко жму руки.

MAX.

Я с самого начала возвращения из Парижа не написал ни одного стихотворения. Все рассчитывал на осень. Если все кончится благополучно, надеюсь, тот месяц, что у меня останется, посвятить только стихам. У меня последнее время начало расти чувство, что книга моя[14] в том виде, как я ее оставил, уже внутренне закончена.

Так что если меня возьмут,[15] то, пожалуйста, сделай, чтобы ее издать как можно скорее в том виде, как она у тебя. Если же это минует, то я, может быть, теперь же дам себе отчет, можно ли ее уже издавать.

Хорошо?

Максимилиан Волошин.

[1] Волошин с 8 октября приблизительно по 15 октября 1916 г. был в Феодосии, останавливался у А.М. Петровой (Труды и дни. С. 410).

[2] Письмо М.С. Цетлиной от 29 сентября (н.ст.) (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262).

[3] Телеграмма М.О. Цетлина, о которой идет речь, не обнаружена. Отчасти ее содержание восстанавливается по п. 215.

[4] См. также примеч. 4 к п. 211.

[5] См. примеч. 3 п. 211.

[6] См. п. 190—192, 203.

[7] См. примеч. 2 к п. 208.

[8] См. примеч. 7 к п. 210. М.О. Цетлин откликнулся 28 декабря (н.ст.) 1916 г.: «Фельетон об Эренбурге сыграет верно большую роль в его литературное карьере. Русская публика любит знать реальную личность художника» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261, л. 35 об.).

[9] См. примеч. 3 к п. 211.

[10] См. примеч. 7 к п. 17.

[11] О книге путевых очерков Ги де Мопассана «На воде» («Sur l'eau», 1888) Цетлина писала Волошину 29 сентября: «Самое сильное, что мне пришлось пережить за последние недели, это было то, что я читала Мопассана, и прочла дневник его души под названием "Sur l'eau". Меня до чрезвычайности поразило сходство по мироощущению с моим теперешним. Мне кажется, что если бы я имела дар беллетриста, и стала бы теперь о себе писать, я бы написала то же самое и не только в главном, а во всех мелочах, делала бы те же самые замечания о человечестве, как и он, я их и делала до него. Но дело не в отдельных мыслях, а именно в мироощущении. Это переживание мне было и тяжело, оно как-то утвердило это мироощущение. Если ты знаешь это сочинение, ты увидишь, как я далека сейчас от твоего умонастроения и как мне без этого не хорошо».

[12] Имеется в виду издание: *Мопассан Г. де* На воде. Сборник рассказов / Пер. с франц. С предисловием Л.Н. Толстого. М.: Посредник, 1894.

[13] См. п. 215.

[14] Вероятно, речь идет о неосуществленном замысле издания собрания стихотворений Волошина.

[15] Речь идет о возможном призыве Волошина в армию.

215. М.О. ЦЕТЛИНУ

16 октября 1916 г. Коктебель[1]

16/X 1916. Коктебель.

Дорогой Михаил Осипович, получил твою телеграмму о продолжении издательства[2] и сейчас же написал Марине Цветаевой в Москву,[3] чтобы она выслала тебе рукописи своих обеих новых книг стихов[4] и чтобы написала Есенину,[5] (т<ак> к<ак> я с ним не знаком и не знаю, где он, а она с ним хороша).

Вторая часть телеграммы неясна благодаря перепутанным словам. Там значится «AUTRES VOON AVIS ENVOIE MANUSCRITS ISI». Читаю это так: «autres ton avis».* Если это так, то из поэтов могу рекомендовать Мандельштама и Ходасевича, которых стихи и самих полюбил за это лето.[6]

Что же касается «Œuvres Volochine»**, то думаю, что могу предложить два: «Акселя»[7] (как было решено раньше), а из своих книг – книгу о художниках[8] (как II том «Ликов творчества»).

Относительно «Акселя» есть некоторая слабая возможность заставить его издать Брянчанинова.[9] Если ты найдешь, что это облегчило бы «Зерна»,[10] то я произведу соответствующее давление. Если же ты считаешь «Акселя» ценным для издательства, то, конечно, я предпочту «Зерна».

На книге о художниках я останавливаюсь вот почему: статьи о литературе более разрозненны, и я предпочитаю их придержать в надежде со временем опубликовать исчерпывающую книгу о современных поэтах, как мы говорили. В то же время это будет и не «книга о живописи» – т.е. по тео-

* «Вы думаете о других» *(фр.)*.

** «Сочинений Волошина» *(фр.)*.

рии живописи, которой еще надо время для осуществления. Я просто соберу в эту книгу мои большие статьи о художниках из «Аполлона», «Золотого Руна» и «Весов». Получится вполне солидная книга.

Я приложу ее программу. А тексты почти все есть у тебя. Можно тоже подобрать небольшую книгу статей о русской литературе, не включая туда поэтов. Но обо всем этом я напишу через несколько дней.[11]

Большая просьба: не можешь ли мне прислать только что вышедшую книгу «André Chéradame. Le Pangermaniste démasqué. Ed. Plon».[12]

Да, относительно иллюстраций. Я говорил в Петерб<урге> весной с Маковским.[13] Он издавать не хочет, а от разговора об уступке клише — явно уклонился. Мое личное желание и даже предпочтение — издавать без иллюстраций.

Mauclair[14] так издает свои книги о живописцах.

Мои статьи такого характера, что не нуждаются в иллюстрациях. «Лики творчества, т. II» должно быть подзаголовком, а заглавие я еще не знаю. Есть старое «Перламутровая Раковина»,[15] но сомневаюсь в нем. Пока. До свиданья.

Максимилиан Волошин.

[1] Об этом письме см. п. 214.

[2] Речь идет об издательстве «Зерна».

[3] Письмо Волошина к М.И. Цветаевой неизвестно. М.О. Цетлин писал Волошину 28 декабря (н.ст.) 1916 г.: «Я еще не получил стихов Цветаевой, очень им рад. Есенин меня немного разочаровал, когда прочел его книжку. Все же он милей других поэтов этого рода <...>. Мандельштама я знаю мало. Охотно издал бы его стихи. Но он пишет мало, и, м<ожет> б<ыть>, связан с другим издательством. Есть ли сборник у Ходасевича?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261, л. 38 об.).

[4] См. примеч. 28 к п. 206.

[5] М. Цветаева познакомилась с Есениным в конце 1915-го — начале 1916 г. в Петрограде и описала эту встречу в очерке «Нездешний вечер» (1936). (См.: *Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. М.: Эллис Лак, 1994. С. 284). 4 февраля (н.ст.) 1917 г. Цетлин сообщал Волошину: «Я еще не получил стихов М. Цветаевой и С. Есенина. Жду их с трепетом, ибо успел разочароваться в обоих. То, что печатала

М. Цветаева, мне мало нравится, длинно, приблизительно внешне, импровизация <...>. И у Есенина чересчур много общего с его сотоварищем Клычковым и прочими “рыбками”. Никак не могу себя заставить полюбить Мандельштама. <...> Из “тяжести недоброй” он еще не создал “прекрасного”, да и тяжести в смысле настоящей вескости в нем мало. Есть ум и еще больше умничанья. <...> Больше чем М. Цветаеву хотелось бы мне издать Ахматову, М. Шагинян – из женщин» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261, л. 43).

[6] О пребывании В.Ф. Ходасевича и О.Э. Мандельштама в Коктебеле см. примеч. 22 к п. 193.

[7] Драма Вилье де Лиль-Адана «Аксель» была переведена Волошиным еще в 1909 г. Цетлин писал Волошину 28 декабря 1916 г.: «Теперь об Œuvres Voloshine. Если ты уже составил “Книгу о художниках”, то пошли рукопись г. Берлинрауту. Напиши ему, какой формат тебе желателен, хотя, верно, это зависит от бумаги, которую он достанет. Позаботься об обложке. Лучше всего мне кажется какой-нибудь шрифт. Наш способ деревянной гравюры кажется мне очень хорошим. Относительно “Акселя” я представляю тебе обратиться к Брянчанинову. Небольшая книжка о прозе мне не кажется очень привлекательной. Подождем книгу о поэтах. И мне вторая книга твоих стихов представляется законченной. Жду твоего решения» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261, л. 39–39 об.). В издательстве «Зерна» не одно из этих изданий не было осуществлено.

Осенью 1916 г. Волошин при посредничестве Ю.Ф. Львовой пытался опубликовать перевод «Акселя» в «Вестнике Теософии», что вызвало неодобрение Е.И. Васильевой, которое она высказала в письме к Волошину от 18 октября 1916 г. См.: *Черубина де Габриак.* Из мира уйти неразгаданной: Жизнеописание. Письма 1908–1928 годов. Письма Б.А. Лемана к М.А. Волошину / Сост., подгот. текстов и примеч. В.П. Купченко и Р.П. Хрулевой. Феодосия; М.: Издат. дом Коктебель, 2009. С. 82. Еще одна попытка публикации этого перевода, также неудачная, предпринята Волошиным в конце 1916. г., когда он обратился в петербургское издательство «Грядущий день» и получил от издательства ответ (9 января 1917 г.): «Рукопись Вашего перевода “Аксель” Вилье де Лиль-Адана нами получена, но, к сожалению, не может быть нами использована, так как мы вообще драматических произведений не издаем» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 54, л. 1). Впервые перевод опубликован в полном объеме П.Р. Заборовым: Из лит. наследия-3. С. 3–108. См. также: Т. 4 наст. изд. С. 84 – 233, 932 – 933.

[8] Этот замысел осуществлен не был. Волошин вынашивал его с 1914 г., сохранились написанные им два черновых предисловия к планируемой книге. См.: Т. 5 наст. изд. С. 653 – 655.

[9] О знакомстве Волошина и Брянчанинова см. примеч. 9 к п. 179.

[10] Речь идет об издательстве «Зерна», организованном на средства М.О. Цетлина в Москве.

[11] Письмо Волошина соответствующего содержания неизвестно.

[12] *Chéradame André.* Le plan pangermaniste démasqué. Paris: Plon-Nourrit et cie, 1916.

[13] С С.К. Маковским Волошин встречался 14 апреля (Труды и дни. С. 395); речь шла об отложенном проекте – публикации второй книги Волошина «Лики творчества», посвященной изобразительному искусству. См. примеч. 4 к п. 1.

[14] Возможно, имеются в виду издания Камиля Моклера «Импрессионизм: его история, его эстетика, его мастера» (Пер. с фр. под ред. художника Ф.И. Рерберга. Издание Ю.И. Лепковского. <б. м.> Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1909); «Миниатюры XVIII века. (Женские портреты)» (Париж, <1912>). Эту идею Цетлин не поддержал. 2 февраля (н.ст.) 1917 г.: он писал Волошину: «Боюсь, что книга без иллюстраций совсем не пойдет, но *совсем.* Иллюстрации же вещь трудная и сложная, и пока невозможная. Хочу тебе предложить еще с ней подождать, до того времени пока издательство материально окрепнет и организуется, и будет иметь опыт. Если книга не пойдет совсем (а это *возможно*), она будет большой помехой для нормального роста издательства. Ты прав: книга не нуждается в иллюстрациях. Но статьи твои о живописи порой трудны: читатели, интересующиеся искусством, знают их по “Аполлону”, а другие... боюсь, привыкли в книгах о живописи к иллюстрациям. Позже издательство сможет позволить себе больший риск, да у меня будет большее знание. С иллюстрациями книга *может* иметь и большой успех, без иллюстраций она может *вся* остаться на складе, а она дорога. Меня привлекает книга о Париже. Если она не велика, листов 6–7, то думаю, ее стоит издать, и она может “пойти”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261, л. 41–42).

[15] Это заглавие использовано Волошиным в предварительном плане содержания «Ликов Творчества» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 157, л. 1, 2) для второй части, посвященной по преимуществу «ликам» художественного искусства. Статью под заглавием «Перламутровая раковина» Волошин собирался представить в журнал «Весы» в 1905 г. (см.: Т. 9 наст. изд. С. 181–182).

216. А.Н. БЕНУА

19 октября 1916 г. Коктебель[1]

Коктебель. 19/X 1916.

Дорогой Александр Николаевич,

Я окончил статью о Вас и посылаю ее Лукомскому: мне хочется, чтобы Вы ее прочли.[2] Если что-либо покажется Вам нежелательным, то я с удовольствием исправлю. К сожалению, мне так и не удалось добиться от Лукомского фотографий,[3] и потому пришлось, не имея перед глазами графического материала, говорить обо всем в более общих чертах.

Как мне жаль, что не удалось приехать к Вам в Судак.[4] Все это лето у меня оказалось занятым сплошь монографией о Сурикове и было психологически невозможно прерывать работу, и я все лето просидел у себя безвыходно. А закончил сравнительно недавно.

В январе надеюсь быть в Петербурге,[5] если только благополучно меня минет военная служба: ближайший призыв меня коснется. Привет Анне Карл<овне>,[6] детям, Яремичу, Аргутинскому (если он в Петербурге).

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Коктебель. 23.10.16.

[2] См. примеч. 2 к п. 199. Отзыв Бенуа о статье Волошина содержится в дневниковой записи от 2/15 ноября 1916 г.: «Вечером я <...> у Г.К. Лукомского. Читали статьи Макса Волошина для моей монографии. Поражен тем, что, при некоторой литературной фразеологии, столько действительного понимания, столько верного и меткого. Милый Макс!» (*Бенуа А.Н.* Мой дневник. 1916–1917–1918. М.: Русский путь, 2003. С. 37).

[3] См. п. 204, примеч. 3.

[4] См. п. 199, примеч. 1.

[5] Это намерение не было реализовано.

[6] А.К. Бенуа.

217. Г.К. ЛУКОМСКОМУ

21 октября 1916 г. Коктебель[1]

Многоуважаемый Георгий Кресцентович,

я закончил статью о Бенуа и посылаю ее одновременно.[2] Покажите ее Алек<сандру> Никол<аевичу>, т<ак> к<ак> мне хочется, чтобы он ее раньше прочел и сделал бы свои замечания.[3] Очень мне не хватало графического материала под руками, и пришлось сделать ее гораздо короче.

До свиданья. Надеюсь быть в Петербурге в январе.[4]

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Коктебель. 21.10.16.

[2] См. примеч. 2 к п. 199.

[3] См. примеч. 2 к п. 216.

[4] См. примеч. 5 к п. 216.

218. ВОЕННОМУ МИНИСТРУ Д.С. ШУВАЕВУ

Третья декада октября (?) 1916 г. Коктебель[1]

Я слишком много мыслил, чтобы унизиться до действия.

Граф Ф.А. Вилье де Лиль-Адан[2]

М<илостивый> Г<осударь>!

Я призван на военную службу, как ратник ополчения II р<азряда> 1898 г<ода>. Мой разум, мое чувство, моя совесть запрещают мне быть солдатом. Поэтому я *отказываюсь* от военной службы.

Во избежание недоразумений заявляю, что отказ этот не имеет ничего общего ни с принадлежностью к какой-нибудь религиозной секте или политической партии.

Я отказываюсь быть солдатом, как Европеец, как художник, как поэт: как Европеец, несущий в себе сознание единства и неразделимости христианской культуры, я не могу принять участия в братоубийственной и междоусобной войне, каковы бы ни были ее причины. Ответственен не тот,

кто начинает, а тот, кто продолжает. Наивным же формулам, что это война за уничтожение войны, — я не верю.

Как художник, работа которого есть созидание форм, я не могу принять участия в деле разрушения форм, и в том числе самой совершенной — храма человеческого тела.

Как поэт, я не имею права подымать меч, раз мне дано Слово, и принимать участие в раздоре, раз мой долг — понимание.

Тот, кто убежден, что лучше быть убитым, чем убивать, и что лучше быть побежденным, чем победителем, т<ак> к<ак> поражение на физическом плане есть победа на духовном, — не может быть солдатом.

Считаю необходимым прибавить, что Германский милитаризм, Германская промышленная культура и Германская государственность для меня глубоко неприемлемы.

Но тот, кто принимает оружие противника, — уподобляется ему. Это случилось с Европой. Борьбу с германской отравой можно вести только с морального плана. Европа уже заражена теми же болезнями, что Германия. Моральное преодоление экономической культуры и победа над силами материализма может прийти только из России. И мой отказ от военной службы в это время есть одно из проявлений этой борьбы, ибо всеобщая воинская повинность и теория «нации под оружием» есть одна из основных прусских идей, отравивших Европу.

Отказ мой чисто индивидуален: он не имеет ни цели пропаганды, ни содержит в себе упрека тем, кто идет на войну. Один и тот же поступок может быть подвигом для одного и преступлением для другого. Я преклоняюсь пред святостью жертвы гибнущих на войне и в то же время считаю, что для меня, от которого не скрыт ее космический моральный смысл, участие в ней было бы преступлением. Я знаю, что своим отказом от военной службы в военное время я совершаю тяжкое и сурово караемое преступление, но я совершаю его в здравом уме и в твердой памяти, готовый принять все его последствия.

Максимилиан Волошин.

[1] Автограф карандашом под копировальную бумагу — 2 экземпляра в архиве Волошина. Предполагаемая датировка: Труды и дни. С. 411. Было ли это письмо отправлено по назначению — неизвестно.

[2] Слова Акселя из переведенной Волошиным драмы Вилье де Лиль-Адана «Аксель» (Четвертая часть, сцена V, § 2); в тексте волошинского перевода: «Я слишком много мыслил, чтобы снизойти до действия» (Т. 4 наст. изд. С. 228).

219. К.И. ЧУКОВСКОМУ

31 октября 1916 г. Коктебель

31/X 1916. Коктебель.

Дорогой Корней Иванович,

очень благодарю Вас за память и предложение.[1] Но не знаю совсем, смогу ли что-нибудь сделать. Дело в том, что я только что призывался на военную службу и меня отправляют на днях в военный лазарет в Керчь на испытание.[2] Там меня могу<т> продержать и неделю и месяц и несколько месяцев, могут отпустить, но могут и забрать для тыловой службы. Словом, я ничего не знаю о своей судьбе. Эта глупая история прервала все мои работы и нарушила весь строй жизни. Сейчас я дома лишь на несколько дней.

Посылаю Вам пока перевод шведской колыбельной песенки, сделанный очень давно.[3] Может, он Вам пригодится.

Из художников я бы посоветовал Вам обратиться к Юлии Леонидовне Оболенской (Москва, I-ая Тверская-Ямская 26, кв. 8).

Из поэтов к Марине Цветаевой (Москва. Борисоглебский 6, кв. 3. Марина Ивановна Ефрон)

и к Ходасевичу (Владислав Фелицианович. Москва. Плющиха, 7-ой Ростовский 11, кв. 24).

Сейчас не вижу других, которых бы Вы сами могли не знать и уже не обратиться к ним.

До свиданья. Крепко жму руку.

Адрес Цетлиных: 91 Avenue Henri-Martin.[4]

Максимилиан Волошин.

[1] В середине октября 1916 г. Чуковский писал Волошину: «Тут затевается целое издательство, под эгидой Горького. Участвуют Бенуа, Добужинский и др. Мне поручили редактировать сборник альманаха для самых маленьких детей. Первое имя, к<ото>рое пришло мне в голову, – Ваше. Пришлите возможно скорее все, что у Вас напишется, если не оригинальное, то хоть переводное. Если не хотите для самых маленьких, пришлите для старших (от 10–12 лет) – что-н<и>б<удь> "героическое", "авантюрное", напр<имер> балладу, повестушку об индейцах – пожалуйста» (*Чуковский Корней.* Собр. соч.: В 15 т. М.: Терра, 2008. Т. 14. С. 395). Ср. дневниковую запись А.Н. Бенуа от 19 октября 1916 г.: «В три часа совещание у Максима Горького об издательстве художественных детских книжек» (*Бенуа А.Н.* Мой дневник. 1916–1917–1918. М.: Русский путь, 2003. С. 28). В результате в издательстве «Парус», организованном по инициативе М. Горького, вышел в свет сборник: Елка: Книжка для маленьких детей / Сост. А. Бенуа и К. Чуковский. Под ред. А. Бенуа и М. Горького. Пг., <1917>.

[2] Волошин выехал в Керчь 10 ноября 1916 г, где поступил на обследование в военный госпиталь, возвратился из Керчи в Феодосию 16 ноября.

[3] К письму приложен беловой автограф стихотворения «Колыбельная песня» («Шибче, шибче, мальчик мой...») (РГБ, ф. 620, карт. 62, ед. хр. 56, л. 6). См.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 540–541 (перевод шведской народной песни в обработке Цакариаса Топелиуса).

[4] В цитированном письме Чуковский просил Волошина сообщить адрес «милых Цетлинов».

220. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

31 октября 1916 г. Коктебель[1]

31.X.1916. Коктебель.

Дорогая Юлия Леонидовна, что с Вами и что Вы делаете? Хотите участвовать в Альманахе и Детском Журнале, который будет выходить при «Ниве» под редакцией Ал. Бенуа и Горького? Меня Чуковский запрашивал о художниках. Я назвал Вас.[2] Напишите ему прямо в редакцию «Нивы».[3] Мои дела с воинской повинностью не хороши: меня отправляют в Керченский госпиталь на испытание.[4] Это месть

того, кто говорил «называйте меня просто Миша», т<ак> к<ак> все врачи стояли за то, чтобы меня отпустить сейчас же, а он говорил: годен.[5] Меня бы это не возмущало, если бы это было летом, но теперь это перебивает, как раз, мою стихотворную работу: за Венок «Tarot»[6] мне, значит, не приняться до будущей зимы. В керченском «клоповнике» держат целыми месяцами, и я не знаю, смогу ли приехать в Москву.

До свиданья. Привет Ек<атерине> Ив<ановне> и Феод<ору> Константин<овичу>.[7]

Получены ли мои «Города в пустыне» с сонетом? Ваше впечатление?[8]

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Коктебель. 1.11.16.

[2] См. п. 219, примеч. 1.

[3] Письмо Чуковского к Волошину (п. 219) было написано на бланке редакции журнала «Нива», по адресу которой (Петроград, ул. Гоголя, 22) Чуковский предлагал ему отвечать. Оболенская сообщила Волошину 25 ноября 1916 г.: «С Чуковским ничего не вышло, а я было порадовалась» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 9).

[4] См. примеч. 2 к п. 219.

[5] Речь идет о ранее проведенном медицинском освидетельствовании Волошина (видимо, в Феодосии) в связи с вероятным призывом на военную службу. «Миша» – феодосийский уездный исправник Михаил Александрович Солодилов. Летом 1913 г. он распорядился разделить морской берег в Коктебеле на купальные участки «для дам», «для мужчин» и «для лошадей», установив соответствующие разделительные столбы. Волошин (согласно дневниковой записи Оболенской от 11 августа 1913 г.) «замазал белилами надписи на целомудренных губернаторских столбах, находя, что они напоминают станционные» (Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. С. 304). Солодилов возбудил против Волошина тяжбу, обстоятельства которой нашли отражение в столичной печати – в частности, в анонимной заметке «М. Волошин и исправник: Нам пишут из Феодосии», опубликованной в вечернем выпуске «Биржевых Ведомостей» 2 июля 1914 г. См.: *Там же.* С. 672–673 (комментарии В. П. Купченко и З. Д. Давыдова).

[6] Неосуществленный замысел венка сонетов.

[7] Е.И. Оболенская и Ф.К. Радецкий.

[8] Оболенская отвечала 25 ноября: «"Города в пустыне" очень хороши». Имеются в виду серия пейзажей «Города в пустыне» (1916) и сонет «Акрополи в лучах вечерней славы...» (24 октября 1916 г.), осмыслявшийся Волошиным как магистрал к ненаписанному венку сонетов. Каждый из пейзажей, составивших цикл «Города в пустыне», подписан строкой из этого сонета. См.: Т. 1 наст. изд. С. 171, 491.

221. К.В. КАНДАУРОВУ

31 октября 1916 г. Коктебель[1]

31.X.1916. Коктебель.

Дорогой Константин Васильевич,

мои военные дела оборачиваются плохо: меня посылают на испытание в Керченский госпиталь,[2] что, говорят, совершенно ужасно: там грязь, вши, переполненности и держат месяцами. Словом, полный кошмар. И это рискует меня задержать всю зиму, и уже теперь перебило мне всю работу. Это месть исправника (помнишь историю с купальными столбами?). Потому что все военные врачи на осмотре высказали<сь> единогласно за мою полную непригодность из-за руки.[3]

Получил ли ты «Города в Пустыне»? Думаешь, можно их выставить в «Мире Искусства»?[4] Костенька[5] в Феодосии на 3 недели. Исхудалый. Молчаливый.

В Феодосии основалось «Литературно-Художественное общество», я принимаю в нем ближайшее участие и имею много планов.[6] Есть проект основания Художеств<енно>-Промышленного Музея — Киммерийского Искусства. Надо будет с тобой об этом подробно говорить, если только я останусь вообще в человеческом обращении, ибо решение мое неизменно, хотя предварительно я сделаю всё, чтобы избежать этой необходимости законным порядком.

МАХ.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Коктебель. 1.11.16.

[2] См. примеч. 2 к п. 219.

[3] См. примеч. 5 к п. 220.

[4] См. примеч. 8 к п. 220. 25 ноября 1916 г. Кандауров отвечал Волошину: «Рисунки получил, и очень они хороши. Думаю их выставить. Нужно будет их окантовать. Если ты приедешь до 10-го декабря, то мы обсудим все вместе» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 9). Пейзажная серия «Города в пустыне» демонстрировалась на выставке «Мир Искусства» в Москве, открывшейся 26 декабря 1916 г.

[5] К.Ф. Богаевский.

[6] Устав Феодосийского литературно-художественного общества был утвержден Таврическим губернатором 14 марта 1915 г., свою деятельность общество начало в конце 1916 г. См.: Феодосийское литературно-художественное общество «Киммерика». Очерк возникновения, организации и задач общества. Феодосия: Типогр. «Прогресс», 1916; Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 592—593, 829—830.

222. А.М. ПЕШКОВСКОМУ

31 октября 1916 г. Коктебель[1]

31/X 1916. Коктебель.

Дорогой Саша,

я очень пред тобой виноват: и твое письмо и брошюры и открытку я получил в свое время и до сих пор еще не ответил.[2] Дело в том, что летом у меня совершенно не было времени для писем. Я написал за это лето монографию о Сурикове для Издат<ельства> Кнебеля (том такой же величины, как «Серов»[3]), и день у меня распределялся так: с утра до 2-х (до обеда) я писал «Сурикова», после обеда рисовал до полной темноты. Затем виделся с людьми, которых было в этом году особенно много и на мое несчастье всё мне интересных и симпатичных, так что все время было чувство, что я что-то не успеваю и пропускаю. Где уж тут было писать письма.

Вообще с тех пор, как в мою жизнь вошло столь твердо и настойчиво второе искусство — живопись, — я чувствую каждый свой день переполненным.

Так шло все лето. «Сурикова» закончил осенью. Написал несколько обязательных статей для газет и собирался приняться за несколько больших стихотворных вещей, как пришла идиотская вещь: меня призвали на военную службу. Я думал, что моя перебитая и полуатрофированная правая рука меня освободит немедленно, но меня посылают на испытание в военный госпиталь,[4] что может продлиться неопределенно долгое время и притом в обстановке, при которой совершенно невозможно работать. При этом у меня отнимают самые драгоценные дни в году, которые я всегда оставляю для стихов.

В «Anno Mundi Ardentis» собраны только стихи об войне.[5] Это не II-<я> книга, а лишь один отдел из II-ой книги, которая выйдет позже.[6] Так что тех стихов, о которых ты спрашиваешь, там нет.

По поводу твоих работ над ритмом речи: я помню, лет пять назад читал Compte-rendu* об одном, сколько мне помнится, коллективном труде, сделанном в Сорбонне, исследование французского стиха при помощи изучения ритма речи с помощью граммофона. Меня заинтересовало тогда лишь то, что там доказывалось, что весь строй французского стихосложения построен неправильно, на принципах, противоречащих духу языка. Знаешь ли ты этот труд? Он был бы тебе интересен, я думаю.

Адрес Галабуцкого: СПб. Манежный 16.

Якова Алек<сандровича> *Глотова*: Тифлис. Грибоедовская, 15.[7]

Галабуцкий занимает очень важный пост в Минис<терстве> Торговли и Пром<ышленности>, соответствующий Попечителю Округа. Я его видел мельком летом. Он спрашивал о тебе, очень хотел иметь твою книгу.

Глотов на Кавказе, занят работой по отысканию и основанию новых курортов. Не знаю, коснулся ли его теперешний призыв и как.

---

* Отчет *(фр.)*.

Кстати, откуда ты взял, что я летом «дурю» — это как раз обычное время всех моих больших работ.[8] Попаду ли я теперь зимой на север со всею этой канителью, я совсем не знаю. До свиданья. Привет Людмиле Сергеев<не>.[9]

MAX.

[1] Почтовые штемпели на конверте: Коктебель. 4.<11.>16; Москва. 11.11.16.

[2] Имеются в виду письмо Пешковского от 19 августа 1916 г. («На днях только собрался послать тебе свои мелкие работы. Они, конечно, неудобочитаемы для неспециалиста, и посылаю я их только для того, чтобы дать тебе представленье о том, чем я занимаюсь. В свою очередь и я хотел бы знать, что ты поделываешь, как идет намеченная работа и т.д.»), открытка, отправленная из Москвы 3 октября1916 г. («Получил ли ты от меня брошюрки и письмо? Если да, то почему не отвечаешь?») (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 964), и, вероятно, книги Пешковского «Школьная и научная грамматика. Опыт применения научно-грамматических принципов к школьной практике» (М.: Тип. В.М. Саблина, 1914; приложение к книге Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» (М.: Тип. В.М. Саблина, 1914)) и «Синтаксис в школе» (Харьков: Тип. «Печатное дело», 1915).

[3] См. примеч. 6 к п. 62.

[4] См. примеч. 2 к п. 219.

[5] Пешковский в письме от 19 августа спрашивал Волошина в связи с выходом его книги «Anno mundi ardentis 1915»: «...заключает ли этот сборник *все*, написанное тобой со времени выхода первого сборника, или нет? Есть ли в нем, н<а>пр<имер>, те стихи, которые ты читал мне несколько лет назад при нашей кратковременной встрече?».

[6] «Anno mundi ardentis 1915» включено как 6-й, заключительный раздел в макет книги Волошина «Стихотворения 1910—1920. Кн. 2», в свет не вышедшей (ныне книга издана по макету, хранящемуся в собрании А.Ф. Маркова: *Волошин Максимилиан.* Стихотворения 1910—1920. Книга вторая. М.: Норма, 2000). В более позднем собрании стихотворений Волошина («Книга третья. Неопалимая купина. Стихи о войне и революции») книга «Anno mundi ardentis 1915» расформирована.

[7] В письме от 19 августа Пешковский спрашивал Волошина о Я.А. Глотове и Ю.А. Галабутском, которых «потерял из вида».

[8] Отклик на слова в письме Пешковского от 19 августа: «Обыкновенно летом в Коктебеле ты много дуришь и мало работаешь, кажется; как вышло на этот раз?» В письме к Волошину от 19 декабря 1916 г. Пешковский отреагировал на его ответную реплику: «Что ты летом "дуришь", я вывел из твоих слов, когда ты мне однажды объяснял, почему не удосужился просмотреть первого наброска моей книги <...>. Ты тогда говорил именно о стихийно-бессмысленном времяпрепровождении» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 964).

[9] Л.С. Пешковская.

223. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

5 ноября 1916 г. Коктебель[1]

5.XI.1916. Коктебель.

Дорогая Юлия Леонидовна, только что получил Ваше письмо.[2] Из моих открыток – к Вам и К<онстантину> В<асильевичу> – Вы знаете уже, что со мною делается: пребываю в ожидании Керченского Лазарета.[3] И его еще, кажется, надо долго ждать и там быть неопределенный срок. Так что я совсем не знаю, что будет зимою. Может, здесь задержат очень надолго. Хуже всего, что все рабочее настроение, которое возникло, этим сорвано: ни за что большое не примешься, т<ак> к<ак> могут вызвать и сию минуту и через месяц. Поэтому опять рисую с утра до вечера и ничего не пишу словами. Пра опять в дурном настроении. Кроме того, читаю феодосийцам лекции и стихи.[4] Завтра еду читать лекцию о Сурикове. Тамошнее Литер<атурно>-Худ<ожественное> Общество, основанное Новинским, устраивает Вечер памяти Сурикова.[5] Так поручайте мне, что хотите в Феодосии: я пришлю с мамой.[6] Впрочем, мама тоже не знает, когда выедет, т<ак> к<ак> хочет дождаться выяснения моей судьбы. Вся эта история все перепутала и нарушила все планы. Получились ли мои «Города в Пустыне»?[7] Ваше впечатление? Можно ли их выставить на «Мире Искусства»?[8] Как К<онстантин> В<асильевич> к ним отнесся? Очень горжусь успехом Juliae Oboleniensis.[9] Лекции мои, представьте себе, имеют успех в Феодосии и делают сборы. Так

что «падение» полное. До свиданья. Привет Ек<атерине> Ив<ановне>, К<онстантину> В<асильевичу> и Ф<еодору> К<онстантиновичу>.[10]

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Феодосия. 8.11.<16>.

[2] Имеется в виду недатированное письмо, отправленное, видимо, около 1 ноября 1916 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 1–2).

[3] См. п. 220, 221.

[4] 29 октября 1916 г. Волошин прочитал лекцию «Жестокость в жизни и ужасное в искусстве» на заседании Литературно-художественного общества (в гимназии Гергилевич); с чтением стихов он выступил 6 ноября в литературном отделении концерта, устроенного обществом «За Родину» (Труды и дни. С. 411, 412).

[5] С лекцией о Сурикове Волошин выступил в Феодосии в зале гимназии Гергилевич вечером 7 ноября.

[6] Подразумевается предполагаемый отъезд Е.О. Кириенко-Волошиной в Москву.

[7] См. примеч. 8 к п. 220.

[8] См. примеч. 4 к п. 221.

[9] Шуточная латинизация имени и фамилии адресата – отклик на слова Оболенской из упомянутого выше ее письма: «Вы спрашивали о “моих работах” – “Юлия” очень талантлива, почему бы ей не заняться иллюстрациями – налицо настоящие задатки. Особенно понравились “Поэты” и “Таттон”. Конст<антин> В<асильевич> в восторге и стремится их застеклить, Ходасевичи отнимают. А.И. <Ходасевич. – *Ред.*> и не ожидала такого их успеха <...>».

[10] Е.И. Оболенская, К.В. Кандауров, Ф.К. Радецкий.

224. А.М. ПЕТРОВОЙ

19 ноября 1916 г. Коктебель[1]

Суббота.

Дорогая Алекс<андра> Михайловна,

на другой день после моей лекции[2] я проснулся совершенно больной с сильнейшей головной болью и должен был все утро просидеть в Воинском Присутствии, и меня *еще* не

отпустили, т<ак> к<ак> мои бумаги еще не пришли.[3] Надо являться в следующий четверг.[4]

Вчера еще больной уехал в Коктебель, не имея возможности заглянуть к Вам и не зная о поручениях, данных Вам мамой.[5]

Посылаем теперь поэтому лавочника Стуся[6] за купленной провизией.

Я приеду в четверг снова и хочу прочесть об Верхарне и об живописи.[7]

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 413.

[2] Лекцию «Отцеубийство в античном и христианском мире» Волошин читал в Феодосии в гимназии Гергилевич вечером 16 ноября 1916 г. (Труды и дни. С. 413). Лекция была организована литературно-художественным обществом «Киммерика» (см. о нем: *Купченко В.* Феодосийское общество «Киммерика» // Победа (Феодосия). 1976. 11 и 12 авг.); см. также п. 221, примеч. 6. См.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 264—289, 847.

[3] О новом «разъяснении» о призыве в армию см.: примеч. 4 к п. 211, п. 216, п. 226. Согласно этому разъяснению, Волошин был призван и проходил освидетельствование в Керченском лазарете (см. п. 226).

[4] 24 ноября (четверг) Волошин вновь отправился в Феодосию (Труды и дни. С. 413).

[5] Е.О. Кириенко-Волошина.

[6] Григорий Филиппович Стусь (1870—1922) — коктебельский лавочник.

[7] Желание читать лекцию об Эмиле Верхарне было связано с трагической гибелью последнего 15/27 ноября 1916 г. под колесами поезда.

Лекцию о Верхарне Волошин прочитал позже — 8 декабря 1916 г. на верхарновском вечере в гимназии Гергилевич (Труды и дни. С. 415). 25 ноября (пятница) в гимназии Гергилевич Волошин прочел лекцию «Истоки современного искусства» (Труды и дни. С. 413—414). См.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 707, 996.

225. К.В. КАНДАУРОВУ

20 ноября 1916 г. Коктебель[1]

Коктебель. 20.XI.1916.

Дорогой Константин Васильевич, мои военные дела кончаются благополучно. После испытания в Лазарете в Керчи, которое длилось, к счастью, только одни сутки, я признан для военной службы негодным из-за невладения правой рукой (ст<атья> 80), и меня освобождают совершенно.[2]

Когда я получу все бумаги, касающиеся этого, я буду свободен и приеду в Москву. Это верно будет в середине декабря. Моя осенняя работа, конечно, вся разбита этими разъездами между Коктебелем, Феодосией и Керчью. Но я пользуюсь этим: прочел целый ряд лекций в Феодосии, в новом «Литер<атурно->Худ<ожественном> Обществе»,[3] о котором надо много с тобою говорить. Получил ли ты мои рисунки «Города в Пустыне»?[4] Как тебе они понравились? Что с ними думаешь сделать? За последний месяц я совсем перестал получать письма. Боюсь, что это цензура задерживает их до бесконечности. Даже открытки из Феодосии в Коктебель идут по 3 недели.

Может, ты и писал мне, и Юл<ия> Леон<идовна>, но я ничего еще не имею.

Привет Ан<не> Влад<имировне>, Юл<ии> Леон<идовне>, Соне.[5]

МАХ.

P.S. Костенька долго был в Феодосии.[6] Мрачный, молчаливый. На днях вернулся в Севастополь. Латри служит в Земском союзе.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Коктебель. 21.11.16.

[2] 25 ноября 1916 г. Волошин получил в Феодосийском уездном воинском присутствии бессрочное свидетельство, признававшее его «совершенно неспособным к военной службе» (Труды и дни. С. 413).

[3] См. п. 221, примеч. 6, п. 223, примеч. 4.
[4] См. примеч. 8 к п. 220.
[5] А.В. Кандаурова, Ю.Л. Оболенская, С.И. Дымшиц-Толстая (в 1916 г., она жила в квартире К.В. Кандаурова; см.: *Оболенская Ю.Л.* Материалы к биографии К.В. Кандаурова / Вступ. статья и публ. Г.Н. Кирьянова // А.Н. Толстой. Новые материалы и исследования. (Ранний А.Н. Толстой и его литературное окружение). М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 208).
[6] К.Ф. Богаевский.

226. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

21 ноября 1916 г. Коктебель

21/XI 1916. Коктебель.

Дорогая Марья Самойловна,

вот уже месяца 1½, а может и больше, не имею никаких вестей ни от тебя, ни от Михаила Осиповича. Как ты, верно, уже знаешь по моим последним письмам, на меня свалилась воинская повинность.[1] К счастью, теперь это почти совершенно ликвидировано. Я был на испытаниях в Керченском лазарете,[2] меня свидетельствовали 8 военных врачей и единогласно признали негодным из-за руки. Я очень боялся, что меня там задержат месяц и больше, как это делают обычно. Но, к счастью, оказалось, что меня там все более или менее знали и продержали только сутки, чего еще, кажется, ни <с> кем не бывало. Однако на все эти разъезды, явки, осмотры ушла вся осень — самое драгоценное мое время, на которое я рассчитывал для писания стихов. А теперь это уже <не> удастся: т<ак> к<ак> надо в половине декабря ехать на север.[3] Так я с отъезда из Парижа ни одного стихотворения не написал и, очевидно, не напишу уже в этом году.

Чтобы не терять время в Феодосии — я там начал читать публичные лекции[4] — благо там основалось литературно-художественное общество.[5] И совершенно неожиданно для меня, они заинтересовали публику, и я должен читать еще и еще.

Словом, твое и Мишино предсказание о том, что по отношению ко мне начнется перелом во мнении русской публики, очевидно, начинает сбываться. У всех должностных, официальных и военных лиц, <с> которыми мне приходилось иметь дело все это время, я встречал такой радушный и предупредительный прием, что отовсюду уезжал, приобретя несколько дружеских связей.

В Керченском лазарете, о котором меня со всех сторон предупреждали, что это гораздо хуже каторжной тюрьмы, — это было особенно удивительно.

Вчера я был потрясен вестью о гибели Верхарна.[6] И мне вспомнилась та статуя «Dharma»[7] (странника на облаке, с башмаком в руке и пронзительными глазами), около которой мы его встретили. Дхарма это ведь — моральное долженствование. И вспоминая неотступный взгляд того деревянного путника на облаке, мне кажется, что смерть Верхарна не случайна, что в его ненависти, так не подходившей его задумчивому и бесконечно доброму облику, было какое-то поэтическое отступничество от закона любви и восторга, что он, достигший уже этих высот познания мира, не должен был соблазняться краткой человеческой ненавистью — легким ответом на совершающееся, и погиб, символически, раздавленный тою грубой силой, для которой он в этот апокалипсический момент Европы не нашел заклинающего слова.

Его гибель страшно жестока, но не случайна.[8]

На всякий случай сообщаю еще раз мои адреса в Москве и Петербурге.

В Москве с 15 декабря. Бол<ьшой> Ржевский, 7, кв. 2 (Рагозинского). В СПб. с 15 янв<аря>: Тверская, 1, кв. Ю.Ф. Львовой.

Сколько я там останусь — не знаю. Во всяком случае, вернувшись из СПб., еще останусь в Москве. Так что лучше адресовать туда. Тем более, что письма до Москвы доходят гораздо скорее, чем до Крыма, благодаря медлительности южной цензуры.

Обнимаю Мих<ила> Осип<овича>.[9] Привет Бор<ису> Вик<торовичу>, Эренбургу, Риверам[10] и всем друзьям.

Дошла ли до Парижа моя статья об Эренбурге в «Речи».[11]

[1] См. п. 224, примеч. 3 и п. 214.

[2] См. п. 224, примеч. 3.

[3] Волошин планировал провести зимние месяцы в Москве или Петрограде. См. п. 210. 24 декабря 1916 г. он вместе с матерью выехал в Москву (Труды и дни. С. 417).

[4] Речь идет о лекциях, прочитанных в Феодосии в гимназии Гергилевич. См. примеч. 2, 7 к п. 224. Кроме того, 7 ноября 1916 г. Волошин читал лекцию о Сурикове (Труды и дни. С. 413).

[5] Имеется в виду феодосийское литературно-художественное общество «Киммерика». См. п. 221, примеч. 6.

[6] М.С. Цетлина писала 26–28 ноября (н.ст.) о страшной смерти Верхарна: «Хочу кончить свое письмо. Какой сегодня печальный день: Верхарн погиб, раздавленный поездом. Не помню, писала ли я тебе, что мы недавно с ним ужинали <...> и он, его жена произвели необычайно милое впечатление, и у меня сегодня болит душа за них, как за близких людей. Как больно, что ушел он, такой гениальный и такой необыкновенный и полный жизни. На этом вечере он читал нам свое стихотворение о маленьком кусочке бельгийской земли, который еще остался у немцев. Теперь бельгийский король телеграфировал, что его там похоронили, кажется оно называется Латан <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 44).

[7] В статье «Судьба Верхарна» (Речь. 1917. № 1. 1 янв. С. 4) Волошин писал о своей последней встрече с Верхарном весной 1916 г.: «Мы встретились случайно накануне моего отъезда в музее Гиме (музее религий), в угловой зале, посвященной буддийскому искусству. Он стоял перед статуей "Дхармы" и внимательно рассматривал ее. Дхарма – это высший религиозный долг. Он олицетворен в виде странника, идущего на облаке с башмаком в руке, в черной одежде, развеваемой ветром времен» (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 603).

[8] Ср. в статье Волошина «Судьба Верхарна»: «Жестокая и нелепая смерть Верхарна с отрезанными ногами, под колесами поезда, является совершенно точным отображением в мире физическом того душевного разлада, разорванности, расчлененности, которую он нес в своем духовном мире» (*Там же*. С. 611).

[9] М.О. Цетлин.

[10] Б.В. Савинков, И.Г. Эренбург, Диего Ривера и А.М. Белова, вторая жена Д. Риверы.

[11] Речь идет о статье «Илья Эренбург – поэт». См. примеч. 2 к п. 212.

227. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

28 ноября 1916 г. Коктебель[1]

28.XI.1916. Коктебель.

Дорогая Юлия Леонидовна,

наконец, свидетельство моей полной непригодности к военной службе у меня в кармане, и снова свободен.[2] Мы выедем в Москву 15 декаб<ря>.[3]

Очень беспокоит меня, почему нет от Вас (ни от К<онстантина> В<асильевича>[4]) никаких писем, хотя я это время написал Вам и ему ряд открыток. Неужели опять психологические усложнения жизни?[5]

Дошли ли мои «Города в Пустыне»?[6] Я их послал так давно.

Вообще из Москвы никаких известий не доходит. Я думал сперва, что это цензура задерживает. Но нет, другие письма доходят.

Привет. Крепко всех целую и радуюсь увидеть.

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Коктебель. 30.<11.>16.

[2] См. примеч. 2 к п. 225.

[3] Волошин и Е.О. Кириенко-Волошина выехали из Феодосии в Москву позднее — 24 декабря.

[4] К.В. Кандауров.

[5] Оболенская отвечала 5 декабря: «Нет, “психологических усложнений“ нет, и они бы не помешали, но я, право, была аккуратна в ответах <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 10).

[6] См. примеч. 8 к п. 220.

228. К.В. КАНДАУРОВУ

29 ноября 1916 г. Коктебель[1]

29.XI. 1916. Коктебель.

Дорогой Константин Васильевич, получил твою открытку сегодня.[2] Мои воинские дела кончились, белый

билет у меня в кармане и я снова свободный человек. Все прошло больше чем благополучно. Мы с Пра выедем в Москву*[3] 15 декабря (мне надо еще съездить в Керчь прочесть лекцию 11 декаб<ря>).[4] Очень рад, что «Города в Пустыне» тебе понравились.[5]

Пожалуйста, окантуй их без меня — вполне тебе доверяю, а расходы возмещу немедленно по приезде. Сейчас готовлю лекцию о Верхарне и делаю ряд новых переводов из него.[6] Прочту ее сперва в Феодосии, потом, б<ыть> м<ожет>, в Москве. Я это время, т<ак> к<ак> мне все время приходилось ездить в Феодосию,[7] чтобы не терять даром времени, прочел там ряд лекций, имевших успех и вызвавших настоящий интерес. Это все благодаря «Феодос<ийскому> Лит<ературно>-Худ<ожественному> Общ<еству>», о котором я писал тебе и собираюсь много говорить, советоваться и просить твоего содействия.[8] До скорого свиданья.

Привет Анне Владимировне, Соне и Юлии Леонидовне.[9]

MAX.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Коктебель. 3 <?>.12.16.

[2] На этой открытке, отправленной из Москвы 25 ноября 1916 г., содержатся два послания к Волошину — от Кандаурова и Ю.Л. Оболенской (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 9).

[3] См. примеч. 3 к п. 227. Волошин и Е.О. Кириенко-Волошина прибыли в Москву вечером 26 декабря, во второй день Рождества.

[4] 6 декабря 1916 г. Волошин выступил в Керчи в Зимнем театре с лекцией «Жестокость в жизни и в искусстве» и с чтением стихов из книги «Anno mundi ardentis 1915» (Труды и дни. С. 415).

[5] См. примеч. 4 к п. 221.

[6] В конце ноября — начале декабря 1916 г. Волошин, потрясенный гибелью Верхарна (см. примуч. 7 к п. 224), перевел шесть его стихотворений («Дерево», «Завоевание», «Город», «Душа города», «Любовь», «Статуя. Монах»).

* Только что все изменилось. Я еду читать в Керчь 6 декаб<ря>. Но это снова перебивает мою текущую работу. Поэтому я вернусь снова в Коктебель, и мы выедем с Пра в Москву с тем расчетом, чтобы приехать на 1-й или 2-й день праздника. Тогда успею кое-что окончить. *(Примеч. М. Волошина.)*

[7] В Феодосии Волошин прочитал лекцию о Верхарне 8 декабря 1916 г. в зале гимназии Гергилевич (Труды и дни. С. 415).

[8] См. п. 221, примеч. 6.

[9] А.В. Кандаурова, С.И. Дымшиц-Толстая, Ю.Л. Оболенская.

229. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

30 ноября 1916 г. Коктебель

30/XI 1916. Коктебель.

Дорогая Марья Самойловна,

Сегодня пришло твое письмо от 12/XI.[1] Все это время часто писал тебе и М<ихаилу> О<сиповичу>[2] о событиях моей жизни, по мере того, как они развивались. Теперь история с моим призывом ликвидирована окончательно и у меня в кармане свидетельство о полной моей непригодности к военной службе.[3] В сущности, мне повредила (т.е. осложнила дело) моя известность в Крыму. Было явно и бесспорно, что моя правая рука меня делает к военной службе совершенно непригодным, но комиссия побоялась возможных нареканий и послала на испытание в Керченский Лазарет. Это грозило очень большой потерей времени. Но, к счастью, со мной были необыкновенно внимательны и освободили очень быстро. Но все же на все эти приезды, отъезды, возвращения, явки ушло почти 2 месяца самого драгоценного для работы осеннего времени. Так что я так и не успел сесть за осуществление собственных своих стихов. Сейчас спешу составить лекцию о Верхарне (для Феодосии),[4] но с мыслью ее потом расширить и использовать для Москвы. Но мне понадобилось для нее несколько цитат, и <поэтому> перевел несколько его поэм целиком — моим новым способом: ритмически, но вне рифм.[5] Выходит очень звучно и полно и гораздо точнее: иногда до полного совпадения порядка слов. Хочется сделать еще ряд переводов, и тогда вместе с моими старыми переводами[6] у меня получится целая книжка для «Зёрен» со вступительной статьей (лекцией).[7]

В книге Верхарновских переводов Брюсова только 12 стихотв<орений>.[8] У меня уже столько же. До моего отъезда в Москву я переведу еще 8—10. Сейчас я не успею переписать и вложить в это письмо новые мои переводы: они слишком длинны. Я перевел уже «La Ville» (пролог и «La villes Tentaculaires»), «La conquête», «L'Arbre».[9] Но придется опять прервать работу: я обещал прочесть лекцию в Керчи в пользу родительского комитета и иду снова на днях туда![10] Словом, как я только вышел из своего затворничества — сейчас же началась масса внепланных дел и разъездов. Но вернувшись, я надеюсь еще недели 1½ поработать до отъезда на север. В Москву я приеду как раз на праздники.[11]

Телеграмму от издательства[12] о рукописях я в свое время получил и все сделал, как писал.

Если ты и Миша хотите все-таки, чтобы я послал текст моей книги «о живописи» и о «театре» в собранном виде,[13] то я это сделаю, когда буду в Петербурге. Это будет и вернее, и скорее. А отсюда я не могу использовать эти пути.

Все, что ты пишешь о Маревне и Ривере, и Ангелине Михайловне меня глубоко печалит.[14] Всюду, где встречается то, что принято называть любовью (и что всегда противоречит любви истинной), все человеческие отношения путаются. Маревну мне всегда надрывающе жалко, не потому что она «беспомощный и чистый ребенок», а потому что в ней есть «чистое», которое гибнет беспомощно, и, конечно, погибнет совсем. Но она тяжела, капризна и может кому угодно отравить существование при совместной жизни, даже без всякой «любви», при которой в сущности это даже принято. За Маревну не радуюсь, за Ангелину Михайловну страдаю очень, и жалко Диего.

Думаю, что Ангел<ина> Мих<айловна> в этом испытании будет прекрасна, потому что она знает, что такое любовь истинная.

Твои слова обо мне, когда не пишу, «наверное, он женился, и его жена нас не любит»,[15] очень верно формулируют то, что меня всегда и больше всего страшило в таких обстоятельствах. Жена, как нормальный уток всего

избытка любви к людям, необходимость любить вдвоем или не любить... Нет, я думаю, что я никогда не женюсь и именно из любви к своим друзьям. Только не сердись, что пишу редко. Я ведь пишу только тебе и Мише. Я так и не написал не только Ривере, но и Эренбургу и Бор<ису> Викторовичу[16] – никому. И видно, не смогу написать. Ах, как мало времени в жизни и как много любимых и прекрасных людей. Никогда не успеть отдать каждому столько, сколько ему нужно. Летом я разрываюсь от этого и теперь, когда мне приходилось иметь дело со столькими официальными лицами, от которых я мог ожидать только неприятностей, и всюду попадал на людей исключительно симпатичных, и у меня в результате завязывалась новая дружба с самыми неожиданными людьми: военными врачами, генералами, градоначальниками, начальниками портов, индийских телеграфов и т.д.

Пожалуйста, передай всем моим друзьям: Бор<ису> В<икторовичу>, Эр<енбургу>, Риверам,[17] Маревне, что я их всех очень люблю, всегда помню, но у меня нет физической возможности писать письма. Пусть их не ждут и не сердятся. Как я рад, что Эренбург стал бриться и одеваться.[18] Горжусь, что я тут кое при чем, т<ак> к<ак> устроил его в «Бирж<евые> Ведомости».[19]

[1] Письмо М.С. Цетлиной от 12–13 ноября (н.ст.) 1916 г. было ответом на п. 206.

[2] См. п. 214, 215.

[3] См. п. 225, примеч. 2.

[4] Об этой лекции см. п. 224, примеч. 7.

[5] См. примеч. 6 к п. 228.

[6] Речь идет о переводах Волошина: 1904 г. – «Казнь» (Русь. 1906. № 188, 14 авг.), «Человечество» (*Там же*), «Ужас» (Русь. 1907. 1 янв. Иллюстр. прилож. № 1), «На север» (Двадцатый Век. 1906. № 10. 5 апр.), «Осенний вечер» (Русь. 1907. 1 янв. Иллюст. прилож. № 1), «Ноябрь» (*Там же*).

[7] Замысел публикации книги о Верхарне в издательстве «Зерна» осуществлен не был. Книга Волошина «Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы» вышла только в 1919 г. в Москве в издательстве «Творче-

ство» и параллельно в Одессе в издательстве «Омфалос». Подробнее см.: Т. 4 наст. изд. С. 927.

[8] Речь идет о кн.: *Верхарн Эмиль*. Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1906.

[9] Речь идет о стихотворениях «La Ville» («Город»), «Города-спруты», «Завоевание» («La Conquête»), «Дерево» («L'Arbre»). См.: Т. 4 наст. изд. С. 45–48, 49–52, 60–62, 68–70.

[10] 6 декабря 1916 г. Волошин прочитал в Зимнем театре в Керчи лекцию «Жестокость в жизни и искусстве», а также стихи из своей книги «Anno mundi ardentis» (Труды и дни. С. 415).

[11] См. примеч. 3 к п. 226.

[12] См. п. 215.

[13] Волошин предлагал опубликовать в издательстве «Зерна» вторую книгу «Ликов творчества». См. п. 215.

[14] Цетлина писала Волошину 12–13 ноября 1916 г.: «А у Риверов большое несчастье: Ривера и Маревна увлеклись друг другом, и Маревна живет с ним в ателье, а Ангелина Михайловна <Белова. – *Ред.*> одна в квартире с ребенком. Боже меня избави от такой глупости, как осуждать кого бы то ни было. Но, несомненно, стало для людей близких Маревне, что Маревна это не беспомощный чистый ребенок, а человек, уже живший на своем веку и кое-что в «жизни понимающий», в физическом смысле слова. Я даже думаю, что она "понимает в жизни" больше, чем и я, и Ангелина Михайловна. Ангелина Мих<айловна> как казалась мне ангелом, так теперь еще больше кажется. Она с своей стороны исполнила свято твою просьбу и создала Маревне из их семьи ей родную. И была ей истинной сестрой. И теперь у Анг<елины> Мих<айловн>ы к ней оч<ень> много доброты, только, как она мне говорила, некоторые подробности поведения Маревны заставили ее совсем изменить ее прежнее мнение и представление о Маревне» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 39–39 об.). См. гл. 2 («Диего и Маревна») в кн.: *Маревна (Воробьева-Стебельская М.)*. Моя жизни с художниками «Улья». М.: Искусство-XXI век, 2004. С. 69–162.

[15] Цетлина шутя признавалась в цитированном письме: «Милый и дорогой Максимилиан Александрович, пиши почаще, а то, когда долго от тебя нет писем, я начинаю беспокоиться и говорить Мише, что, наверное, ты женился, и твоя жена нас не любит. Вообще мне очень не хочется, чтобы ты женился (знаешь, бывают такие ревнивые, несимпатичные матери, которые хотят, чтобы сын не женился, а был при них), мне очень хочется, чтобы ты к нам приехал».

[16] Б.В. Савинков.

[17] Д. Ривера и А.М. Белова.

[18] Отклик на замечание Цетлиной в письме от 12–13 ноября: «Здесь с твоими друзьями произошли вещи необычайные. Илья Григорьевич стал изящнее <...> говорю это серьезно. Он бреется, у него новый костюм, и очень изящного серого цвета шляпа и пальто, оба в тон. Мы спорим и дружим» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 38 об.).

[19] См. п. 178, примеч. 3.

230. А.М. ПЕТРОВОЙ

30 ноября 1916 г. Коктебель

30/XI 1916.

Дорогая Александра Михайловна, с мамой все благополучно: она просто перерешила и будет свои зубы лечить в Москве.[1] Она в хорошем расположении духа, весела и здорова. Все к лучшему, т<ак> к<ак> оказалось, что я еду в Керчь читать 6-го декабря (во вторник).[2] Т.е. я выеду в понедельник, вечер проведу в Феодосии, а утром выеду в Керчь. Вернусь в среду ночью, а в четверг буду читать о Верхарне в Феодосии.[3] Я перевел еще две поэмы.[4] Лекция расширяется и формируется. В понедельник вечером, вероятно, не успею забежать к Вам, т<ак> к<ак> Ал<ександр> Алекс<андрович>[5] устраивает заседание в этот день, для окончательной срепетовки Верхарновского Вечера.[6]

После я снова вернусь в Коктебель, и мы пробудем до самых праздников – чтобы выехать прямо к праздникам в Москву. Неужели Вы не будете на лекции о Верхарне?

Очень горюю над всеми Вашими злосчастиями. Я сам заразиться не боюсь: но не заражу ли я детей Новинского?[7] Вот что меня беспокоит. Напишите мне. Я, значит, смогу быть у Вас только 8 дек<абря> (т.е. в день лекции).[8]

Хочется лекцию очень расширить, чтобы в Москве потом прочесть и сделать еще ряд переводов. Я теперь весь в этом.

До свиданья.

Мах.

[1] Видимо, Е.О. Кириенко-Волошина собиралась лечить зубы в Феодосии, так как А.М. Петрова в своей открытке от 30 ноября 1916 г. спрашивала: «Напишите сейчас же: почему Елена От<тобальдовна> не приехала? Здорова ли?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953).

[2] См. п. 229, примеч. 10.

[3] См. п. 224, примеч. 7.

[4] См. примеч. 5 к п. 229.

[5] А.А. Новинский. О нем см. мемуарный очерк О. Мандельштама «Начальник порта» в его кн. «Шум времени» (1925) (*Мандельштам О.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. Т. 2. С. 259–263).

[6] Репетиция Верхарновского вечера состоялась 5 декабря, сам вечер – 8 декабря 1916 г. См.: Труды и дни. С. 414–415.

[7] В открытке от 30 ноября Петрова сообщала Волошину о болезнях – своей и находившихся на ее попечении племянников: «...разразился запущенный катар кишек, а детей всех подряд обсыпало ветряной оспой <...> Мой карантин окончится 15-го, но я Вас жду непременно к себе, т<ак> к<ак> болезнь плевая (т.е. ветр<яная> оспа)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 52).

[8] В Москве Волошин прочел лекцию «Судьба Верхарна» в Драматическом театре 1 февраля 1917 г. К Верхарновскому вечеру в Феодосии были переведены «Города», «Душа города», «Любовь», «Статуя» (См.: Т. 4 наст. изд. С. 43, 49, 53, 71).

231. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

30 ноября 1916 г. Коктебель[1]

30.XI.1916. Коктебель.

Дорогая Юлия Леонидовна, получил, наконец, сегодня письмо от Вас.[2] Очень радуюсь, что мои «Города в Пустыне» одобрены и Вами и К<онстантином> В<асильевичем> (-чами П<етербургским> и М<осковск>им).[3] Если бы лето мое было менее литературно, чем было, они были бы, конечно, лучше. Но увы, приходилось все время заниматься живописью урывками. И осенью было то же. Сейчас я разрываюсь. Мои военные «мытарства», несмотря на то, что они были приятны и кончились так благополучно, заняли 2 месяца почти. Теперь мне остается очень мало времени до отъезда (несмотря на то, что он снова отложен: мы приедем прямо на праздники), и надо еще съездить в Керчь читать лекцию

«О жестокости в жизни и в искусстве».[4] Но мне пришло в голову прочесть лекцию о Верхарне в Феодосии,[5] и теперь захотелось ее развернуть, чтобы использовать в Москве, и захотелось щедро украсить ее новыми переводами. Я за эти дни перевел 3 больших поэмы и удачно, кажется.[6] И чувству<ю>, что мог бы перевести их еще с 10-ток, и ужасно, что не успею. А тогда можно было бы подготовить не лекцию, а целую книжку о Верхарне с собственными переводами.[7] Хочется сделать все, что возможно и успеется до отъезда. Не понимаю Вашего недоразумения с Чуковским, т<ак> к<ак> не знаю, что он писал Вам. Но я ему Вас рекомендовал определенно, как художника.[8] Думаю, что надо было послать рисунки, что есть, не считаясь с ответом, не поздно послать их теперь же. А то и он мог не успеть ответить (трудно давать темы и заказы, не зная характера художн<ика>), и письмо могло задержаться. Вот письма из Феодос<ии> в Коктебель идут по 3 недели с заходом в Одессу! Пошлите сейчас же всё, что есть. Мое «падение» в Феодосии полное, мне кажется, что я снова стал гимназистом V кл<асса>, когда учителя меня называли «Кумиром Феодосийского общества».[9] Мама мужественно терпит, и относится тоже как <к> гимназисту V класса. Привет Екат<ерине> Ив<ановне>, Ф<еодору> К<онстантиновичу>,К<онстантину> В<асильевичу>.[10]

Мах.

Очень прошу К<онстантина> В<асильевича> «Города в Пустыне» окантовать. Всё возмещу по приезде.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Коктебель. 1.12.16.

[2] Имеется в виду недатированное письмо Оболенской, отправленное, вероятно, не ранее 25 ноября 1916 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 14–15 об.).

[3] См. примеч. 8 к п. 220. В упомянутом письме Оболенская сообщала: «“Города в Пустыне” за это время успели прийти. Они очень хороши, хотя не все одинаково удались, по-моему, имея в виду Венок. Их видел “Петербургский Конст<антин> Вас<ильевич>”, т.е. устроитель “Мира Искусства” в Пб. Очень удивлялся, что Вы до с<их> п<ор> не выставляли. Он видел также акварели, принадлежащие К.В., и нашел их очень талантливыми <...> Я привожу его мнение, т<ак> к<ак> это, вероятно, средний взгляд всего “Мира Искус-

ства", и можно будет их там выставить. Конст<антин> Вас<ильевич> хочет это сделать, спрашивает, можно ли окантовать». Выставка произведений художников общества «Мир Искусства» в Петрограде проходила в художественном бюро Н.Е. Добычиной с 19 февраля по 26 марта 1917 г., на ней демонстрировались работы Волошина. Как указано в «Каталоге "Мир Искусства"» (Пг., 1917), уполномоченным и секретарем выставки был Александр Михайлович Арбенин.

[4] См. примеч. 3 к п. 228.

[5] См. примеч. 7 к п. 228.

[6] См. примеч. 6 к п. 228.

[7] Этот замысел (книга Волошина «Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы») был осуществлен позднее — в 1919 г. См.: Т. 4 наст. изд. С. 7–78, 927–928.

[8] См. п. 219, п. 220, примеч. 3. В цитированном выше письме Оболенская спрашивала Волошина: «Скажите, что такое случилось с Чуковским? <...> в ответ на его чрезвычайно милое приглашение я немедленно ответила полной готовностью участвовать, прося только поскорее дать сведения о матерьяле, теме и т.п. Ответа не получила и, зная, что срок — 1-е декабря, конечно, не получу. Мне пришло в голову, чтó, если он пригласил меня по ошибке как поэта? Вечно у меня все кончится фарсом. А я было приготовила на всякий случай несколько иллюстраций к "Снегурочке" и одной песенке».

[9] Речь идет об успехе, который имели у феодосийской публики публичные выступления Волошина (см. примеч. 4, 5 к п. 223, примеч. 2 к п. 224). «О Вашем "упадке" К.В. получает вести из Феодосии косвенным путем, успех, говорят, небывалый, — сообщала Оболенская Волошину в цитированном письме. — Да я и сама вижу, судя по общему успеху "Городов в Пустыне"».

[10] Е.И. Оболенская, Ф.К. Радецкий (в автографе описка — инициалы в обратной последовательности: К.Ф.), К.В. Кандауров.

232. В КОНТОРУ ГАЗЕТЫ «РЕЧЬ»

30 ноября 1916 г. Коктебель[1]

В контору газеты «РЕЧЬ»

М. Г.

В исправление моего открытого письма, посланного 2 дня назад,[2] покорнейше прошу начать мне посылать газету по московскому адресу (Бол<ьшой> Ржевский 7, кв. 2), начи-

ная с *20 декабря* (а не 10-го).[3] Причитающийся же мне гонорар прошу направить сюда в Коктебель (Феодосия) теперь же.

Максимилиан Волошин.
30/XI 1916.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Коктебель. 1.12.16; Петроград. 4.12.16. Печатка: 5 дек. 1916.

[2] Это письмо не сохранилось.

[3] Распоряжение вызвано изменением намеченного срока приезда Волошина в Москву (см. примеч. 3 к п. 228).

233. В.Я. ЭФРОН

4 декабря 1916 г. Коктебель[1]

4/XII 1916. Коктебель.

Милая Вера, очень был рад получить твой вопль ревности,[2] во-первых потому, что, значит, ты меня любишь, во-вторых потому, что твоя ревность должна была быть тотчас же утолена, т<ак> к<ак> я написал тебе как раз в тот же день, как писал <?> Фельдштейнам. Завтра еду в Керчь — на этот раз не в лазарет, а читать лекцию.[3] Я уговорил Пра отложить наш отъезд до праздников. Так что мы приедем верно на 1-й или 2-й день.[4] Я все это время работал над лекцией о Верхарне и перевел для нее 5 больших поэм его из «Villes tentaculaires».[5] Хочется еще сделать ряд переводов и других работ до отъезда, а то в Москве будет не до этого. Ужасно не хочется прерывать работы: ведь у меня 1½ месяца ушло на все дела с воин<ской> службой. Хочется знать больше про тебя, про Лилю, Сережу.[6]

В чем дело с твоим театром? Почему твое разочарование?[7] Ах, как хочется и увидать всех вас поскорее, и в Коктебель успеть пробыть подольше. Крепко целую Лилю, Сережу, Марину.[8]

МАХ.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Феодосия. 6.12.16.

[2] Имеется в виду недатированное письмо В. Эфрон: «Максинька, сердце мое разрывается от ревности, как только узнаю, что кто-либо получает твои письма. Все письма, все мысли, все любви должны идти ко мне. Ты верно в ужасе вскакиваешь и кричишь, содрогаясь: “Мама, что с Верой?!“ Ничего, Максинька, но только ревность паче любви снедает меня. У меня на тебя и на Пра чувство собственности, и когда в вашей жизни что-то минует меня, Сережи, Лили, в душе моей чувство удивления немножко больного. А ведь это часто приходится испытывать, увы! Эти умные строки вызваны известием от Евы – Фельдшт<ейны> получили от тебя письмо!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1345, л. 20).

[3] См. примеч. 4 к п. 228.

[4] См. примеч. 3 к п. 228.

[5] См. примеч. 6 к п. 228. «Les villes tentaculaires» («Города-спруты», 1895) – книга стихотворений Э. Верхарна. Из переведенных Волошиным в конце ноября – начале декабря 1916 г. стихотворений Верхарна в нее входят лишь «Душа города» и «Статуя. Монах».

[6] Е.Я. Эфрон, С.Я. Эфрон.

[7] В. Эфрон, принятая в труппу Московского Камерного театра летом 1915 г., проработала там два сезона.

[8] М.И. Цветаева.

234. К.В. КАНДАУРОВУ

11 декабря 1916 г. Коктебель[1]

11.XII.1916. Коктебель.

Дорогой Константин Васильевич, сегодня вернувшись из Керчи (с лекции), получил твою открытку.[2] Взяли билеты на 24/XII, т.е. будем в Москве на второй день праздника вечером:[3] хочется еще 10 дней поработать перед отъездом и над рисунками и над стихами (переводы Верхарна).

У меня для Москвы будет три лекции: о Сурикове, о Верхарне (с многими новыми переводами) и «Жестокость в жизни и в искусстве».[4] (Последняя имела наибольший успех в Керчи и Феодос<ии>). Согласен их читать в пользу чего угодно с гонораром в 100 р. Окантовать «Города в Пустыне»

все равно придется, так что, пожалуйста, окантуй: у меня будут деньги всё тебе сейчас отдать.[5] Продать, конечно, хотелось бы все вместе. Но продам (если купят), конечно, и отдельно. Не сделать ли так: назначить за каждый рисунок по 100 руб. в отдельности, а за всю серию вместе 700 р.? т.е. вдвое меньше. Мне кажется это разумно.* Очень настаиваю на помещении *сонета*[6] в каталоге и в точном распределении рисунков по строчкам, как они обозначены и перенумерованы. Костеньку[7] видел все мельком, т<ак> к<ак> это было время моих военных мытарств. Он был мрачен, уезжая. Знаю, что очень мучится политикой. Алекс<андра> Мих<айловна> болеет желудком и у детей ветрен<ая> оспа — сидят опять в карантине.[8] До скорого свиданья. Скажи Соне, что *песок* привезу.[9] Привет Ан<не> Влад<имировне> и Юл<ии> Леон<идовне>.[10]

МАХ.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Коктебель. 12.12.16.

[2] См. примеч. 4 к п. 228. 4 декабря 1916 г. Кандауров писал Волошину: «...можешь ли приехать раньше и прочесть лекцию о Сурикове <...> можно ли продавать рисунки в отдельности и за сколько? Я думаю, что не менее как по сто руб. за рисунок» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 615).

[3] См. примеч. 3 к п. 228.

[4] Во время своего пребывания в Москве в начале 1917 г. Волошин прочитал лекции о Верхарне (3 марта в Петровско-Разумовском, в аудитории Земгора) и о Сурикове (20 марта в подвале Общества призрения). См.: Труды и дни-2. С. 14, 16.

[5] См. примеч. 4 к п. 221.

[6] См. примеч. 8 к п. 220.

[7] К.Ф. Богаевский. 4 декабря Кандауров писал Волошину: «Меня очень огорчил Котик своим письмом. Что с ним делается?».

[8] А.М. Петрова. См. примеч. 7 к п. 230.

[9] С.И. Дымшиц-Толстая.

[10] А.В. Кандаурова, Ю.Л. Оболенская.

* Впрочем, все вполне предоставляю твоему окончательному решению. *(Примеч. М. Волошина.)*

235. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

11 декабря 1916 г. Коктебель[1]

11.XII.1916.

Дорогая Юлия Леонидовна,

только что вернулся из Керчи, где прочел лекцию с «обычным успехом».[2]

Местный полицеймейстер на следующую ночь во сне «Великого Инквизитора»[3] видел. Вот, как я потрясаю сердца... После этого читал еще об Верхарне в Феодосии.[4] Я перевел за это время пять его больших поэм (каждая стр<аницы> по 3—4) — «Город-Спрут» (пролог), «Душа Города», «Завоевание» (о золоте), «Дерево», «Любовь».[5] Люблю особенно два последних. Сейчас хочу перевести еще 2—3 поэмы до отъезда. Конечно, я хочу в Москве прочесть лекцию о Верхарне (для этого и работаю) и о Сурикове, а также и о «Жестокости в жизни и в искусстве».[6] Я ее читал раньше только в том моем злосчастном «турне» с Фельдау-де-Граве-Эсс-Лоран-Гарри...[7] Но теперь она приобрела смысл совсем иной, чем имела до войны, и здесь возбуждала наибольший интерес.

Очень, очень радуюсь продажному успеху Конст<антина> Васильевича.[8] Это, правда, необычайно и чудесно, как вообще все, что совершается в мире по заслугам, а не наоборот.

Ваше письмо сегодняшнее проникнуто все таким внутренним светом и трепетом.

Я думаю, что все так и есть, как Вы пишете.[9] Ведь мы видим вокруг себя вселенную, проникнутую глубокой *мудростью*: все вокруг глубоко связано и обусловлено законами причинности. А наше дело создать вселенную, проникнутую *Любовью*, так же, как наша проникнута мудростью. Ведь в этой мудрости нет любви. А нужно, чтобы во всякой частице мира была разлита любовь, и стала его логикой, его причинностью.

Мы творим эту вселенную. И думаю поэтому, что Ваше чувство извергнутости из порядка мира внешнего и объясняется тем, что вы сейчас всецело находитесь в творчестве «Вселенной Любви», и разъединены со вселенной логики, разума, причинности.

Я знаю, что ваши слова не горьки, что «нет в мире радости светлее, чем печаль».[10]

Я постараюсь, когда буду в Петербурге, выяснить, что было с Чуковским, но думаю, что ему прямо было некогда ответить.[11] Но ведь кроме Альманаха там еще предполагается издание нового журнала для детей,[12] которому тоже нужны иллюстрации, так что тут еще не все пропало.

Хотите послать рисунки во франц<узский> журн<ал> «L'Elan», о котором я Вам писал когда-то?[13] Я ручаюсь, что они будут помещены.

Очень радуюсь за роспись церкви, и, конечно, это *должно* осуществиться.[14]

До свиданья. Привет Ек<атерине> Ив<ановне>, Феод<ору> Кон<стантиновичу>, Кон<стантину> Вас<ильевичу>.[15]

Мы приедем 26-го вечером.[16] Билеты уже взяты мною.

MAX.

[1] Почтовые штемпели на конверте: Коктебель. 12.12.16; Москва. 15.12.16.

[2] См. примеч. 3 к п. 228.

[3] Персонаж поэмы «Великий инквизитор», сочиненной Иваном Карамазовым, героем романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (ч. 2, кн. 5, гл. V).

[4] См. примеч. 7 к п. 228.

[5] См. примеч. 6 к п. 228, примеч. 5 к п. 229. Упоминаются стихотворения «Город-спрут» («Город», «La Ville») из книги Верхарна «Бред полей» («Les Campagnes hallucinées», 1893), «Душа города» («L'Ame de la ville») из книги «Города-спруты» («Les Villes tentaculaires», 1895), «Завоевание» («La Conquête») из книги «Многоцветное сияние» («La Multiple splendeur», 1906), «Дерево» («L'Arbre») из той же книги, «Любовь» («Amours») из книги «Вся Фландрия. II. Гирлянда дюн» («Toute la Flandre. II. La Guirlande des dunes», 1907). См.: Т. 4 наст. изд. С. 45–52, 60–62, 68–73, 930–931 (комментарии П.Р. Заборова).

[6] См. примеч. 4 к п. 234.

[7] С упомянутым антрепренером Волошин совершил поездку с чтением лекции «Жестокость в жизни и ужасы в искусстве» с 20 по 25 марта 1913 г. (Смоленск – Витебск – Вильно). См. п. 8. Предполагавшиеся выступления в Гродно, Белостоке и Бресте не были разрешены губернатором, а намеченные поездки в Варшаву и Лодзь не

состоялись, видимо, по причине незначительного успеха прочитанных лекций. См.: Труды и дни. С. 317–318.

[8] На выставке общества художников «Бубновый валет» в 1916 г. демонстрировались шесть натюрмортов К.В. Кандаурова (см.: *Поспелов Г.Г.* Бубновый валет. Примитив и городской фольклор в московской живописи 1910-х годов. М.: Сов. художник, 1990. С. 264). 5 декабря 1916 г. Оболенская писала Волошину: «...с работой Конст<антина> Вас<ильевича>: на “Бубн<овом> Валете” 7 или 6 его этюдов похуже. Одно лицо, ему совершенно незнакомое, хотело купить 2 вещи, а теперь спрашивает цену всех вместе и, кажется, возьмет за 1000. Если бы это даже не состоялось, то и самое предложение беспримерно – кто же когда покупал с выставки “гуртом” всего художника, да еще начинающего» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 10–13 об.).

[9] Отклик на признания Оболенской в письме от 5 декабря: «Я опять увидела единство и идею собственного путешествия по Земле, что скрывалось от меня последние 3 года за обломками последних реальностей в моей жизни, какими-то углами и ребрами всяческих несоответствий. Очень легко стало, черезмерно; мне все равно теперь, что будет лично со мною. С напряжением учусь не убивать чужой улыбки и радости, как бы легковесна она не была. Кажется, большего нельзя сделать (я стала очень скромной). Это в том смысле, что стремления создавать чье-нибудь счастье чаще всего очень тягостны для обреченного на это счастье. Мои слова не горьки, если я была когда-нибудь счастлива, то только теперь, и вообще каждый год лучше предыдущего. Все же “усложнения” могут произойти от сочетания всякого рода законов сего мира с тем, что мне в этом мире места нет. (Вот вроде Чуковского хотя бы)».

[10] Заключительная строка стихотворения Волошина «То в виде девочки, то в образе старушки...» (1911). См.: Т. 1 наст. изд. С. 183.

[11] См. п. 231, примеч. 8. 5 декабря Оболенская сообщала Волошину: «С Чуковским дело обстояло так: он пригласил меня “принять участие” в альманахе, одновременно приглашая (по его словам) Ходасевича, М. Цветаеву и Маяковского. Также упоминалось о Вас. Меня удивило, что нет ни намека на то, в чем выразится мое участие: нужны ли виньетки или же иллюстрации к данному матерьялу, или я свободна в выборе темы и пригодятся картинки без текста. <...> Вот я и спросила его – *что ему подойдет*, годятся ли, напр<имер>, иллюстрации к народным сказкам? <...> Но беда в том, что в “Мире Иск<усства>” меня слишком хорошо знают, а Чуковский упомянул, что художественной частью заведует Бенуа. Я думаю, от этого и не было ответа. Ведь Чуковский мог мне предложить прислать вещи на пробу, но он требовал только ответа немедленно, а для вещей срок

1-е декабря (теперь уже поздно). А я писала ему 12/XI. Если случится — узнайте у него, в чем было дело, мне все-таки интересно. Его письмо было такое милое».

[12] В конце 1916 г. было предпринято издание журнала «Для детей» под редакцией К.И. Чуковского — как ежемесячное иллюстрированное приложение к журналу «Нива».

[13] См. п. 128.

[14] Отклик на сообщение в письме Оболенской от 5 декабря: «Теперь я получила приглашение летом расписывать церковь в 60 в<ерстах> от Москвы в стиле XVII в. Что-то не верится, что обойдется, как у людей, — опять же что-нибудь выйдет невозможное».

[15] Е.И. Оболенская, Ф.К. Радецкий, К.В. Кандауров.

[16] Подразумевается приезд (вместе с Е.О. Кириенко-Волошиной) в Москву.

236. В КОНТОРУ ГАЗЕТЫ «РЕЧЬ»

14 декабря 1916 г. Коктебель[1]

В главную контору газеты «РЕЧЬ»

М. Г.

Благодарю за гонорар (86 р. 75 к. за ст<атью> в № 300),[2] который получил сегодня.

Максимилиан Волошин.
14/XII 1916. Коктебель.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Коктебель. 14.12.16; Петроград. 18.12.16. Печатка: 18 дек. 1916.

[2] В этом номере «Речи» от 31 октября 1916 г. была напечатана статья Волошина «Илья Эренбург — поэт». См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 594–602.

237. И.В. ГЕССЕНУ

14 декабря 1916 г. Коктебель[1]

14/XII 1916. Коктебель.

Многоуважаемый Иосиф Владимирович, к сожалению, я был лишен все это время возможности посылать статьи в «Речь», т<ак> к<ак> до меня дошел черед воинской повин-

ности, меня посылали на испытание в Лазарет, и теперь в конце концов освободили совершенно,[2] но на это ушло 2 месяца. Посылаю Вам фельетон «Судьба Верхарна».[3] Хотя в «Речи» было за это время несколько статей, ему посвященных, я надеюсь, что все же моя представит интерес, т<ак> к<ак> я останавливаюсь в ней главным образом на душевном разладе, вызванном в Верхарне войной, и стараюсь поставить его в связь со всем его творчеством. Эта сторона еще не была затронута в его оценке.

С 26 декабря мой адрес: Москва. Б. Ржевский 7, кв. 2.[4]

А в январе я надеюсь быть в СПб.[5]

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Коктебель. 14.12.16; Петроград. 18.12.16.

[2] См. примеч. 2 к п. 219, примеч. 2 к п. 225.

[3] Эта статья Волошина была напечатана в «Речи» 1 января 1917 г. (№ 1). См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 603–611.

[4] Квартира Рогозинских близ Арбата.

[5] Неосуществленное намерение.

238. И.В. ГЕССЕНУ

15 декабря 1916 г. Коктебель[1]

15/XII 1916. Коктебель.

Многоуважаемый Иосиф Владимирович, на днях послал Вам фельетон «Судьба Верхарна», теперь посылаю «Голоса Поэтов».[2]

Большая просьба: если Вы не найдете почему-либо возможным их использовать, не откажитесь мне выслать рукописи (у меня нет копии, ни черновика) в Москву (Арбат. Б. Ржевский, 7, кв. 2). Я там буду с 26 декабря. А в январе буду в СПб.[3]

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Коктебель. 16.12.16; Петроград. 20.12.16.

[2] См. п. 237, примеч. 3. Статья «Голоса поэтов» была опубликована в «Речи» 4 июня 1917 г. (№ 129). См.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 13–21.

[3] См. примеч. 4, 5 к п. 237.

239. П.Б. СТРУВЕ

20 декабря 1916 г. Коктебель

20 XII 1916. Коктебель.

Многоуважаемый Петр Бернардович,

посылаю Вам для «Русской Мысли» перевод трех поэм Верхарна «L'Arbre», «Les amours», «Une statue (Le Moîne)»:[1] это из классических его вещей и до сих пор, сколько я знаю, не переведенных.

Наверное, «Рус<ская> Мысль» посвятит несколько статей Верхарну? Если переводы Вам подойдут, то мое условие – их не дробить, а печатать все вместе.[2]

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

P.S. Мой адрес с Рождества:
Москва. Б. Ржевский пер. 7, кв. 2.

[1] См. примеч. 5 к п. 235. Стихотворение «Une statue» («Статуя») – из книги Верхарна «Города-спруты».

[2] На письме – резолюция: «Может пойти в феврале или марте. 2 I 917». Присланные Волошиным переводы трех стихотворений Верхарна были опубликованы в февральском номере «Русской Мысли» за 1917 г. (Отд. I. С. 121–126). В связи с гибелью бельгийского поэта в «Русской Мысли» были помещены две статьи – «Эмиль Верхарн» Георгия Чулкова (1916. № 12. Отд. III. С. 13–18) и «Эмиль Верхарн. По письмам и личным воспоминаниям» Валерия Брюсова (1917. № 1. Отд. II. С. 1–42).

1917

240. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

21 января 1917 г. Москва

21/I 1917.

Дорогой Борис Николаевич,

Елисавета Сергеевна Кругликова сегодня заходила к Вам и не застала. Она хотела бы Вас видеть на 5—10 минут, чтобы зарисовать Ваш силуэт для своей книги силуэтов русских поэтов,[1] и зайдет к Вам завтра в 12 ч. дня и просит меня предупредить Вас об этом.

Максимилиан Волошин.

[1] См.: *Кругликова Е.С.* Силуэты современников. Вып. 1. Поэты. М.: Альциона, 1922. Кругликова выполнила силуэтный портрет Андрея Белого в профиль во весь рост, выступающим на трибуне; впоследствии он многократно воспроизводился. Вариант этого силуэта, предположительно принадлежащий Кругликовой, см. в кн.: Андрей Белый. Александр Блок. Москва / Сост. М.Л. Спивак, Е.В. Наседкина, А.Э. Рудник, М.Б. Шапошников. М.: ОАО «Московские учебники», 2005. С. 194.

241. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

9 февраля 1917 г. Москва

9/II 1917. Москва. Б<ольшой> Ржевский, 7, кв. 3.[1]

Дорогая Мария Самойловна,

Вот я уже месяц в Москве[2] и до сих пор не написал тебе ни строчки... Я разобран на мелкие кусочки и уже устал смер-

тельно. Кроме того, живу так, что день и ночь на людях, и ни минуты не было с собою наедине. Уже хочется в Коктебель, уже тоска по работе. А я до сих пор еще не успел съездить в СПб, что для меня необходимо. И все равно раньше апреля в Коктебель не вернуться мне. Но с людьми часто вспоминаю тебя, т<ак> к<ак> видаю и родител<ей>[3] Мих<аила> Осип<овича>, и Высоцких.[4]

Внешне дела мои идут блестяще: я выставил в «Мире Искусства» — свои 14 рисунков «Города в Пустыне»[5], и из них половина куплена.

Так что я получил за картины 700 руб<лей> — для меня деньги совершенно небывалые. Но важнее этого для меня самый факт возможности для меня выставления и продажи моих акварелей. Так же неожиданно благоприятно слагаются для меня и литературные мои дела: со всех сторон идут ко мне предложения, просьбы и заказы на разные издания.

Прости... Я думал написать сегодня вечером сразу большое письмо, но чувствую, что умираю от усталости и вижу, придется писать его урывками.

Покойной ночи.

[1] См. примеч. 4 к п. 237.

[2] Волошин приехал в Москву 28 декабря 1916 г.

[3] См. примеч. 13 к п. 179.

[4] 5 января 1917 г. Волошин встречался с Цетлиными, 11 января и 18 января был у Высоцких (Труды и дни-2. С. 9—10)

[5] Речь идет о выставке картин «Мира Искусства», которая открылась 26 декабря 1916 г. в Москве, в помещении Художественного салона (Б. Дмитровка, 11). Длилась по 2 февраля 1917 г. В выставке участвовало 56 художников, экспонировалось 387 произведений. В «Каталоге выставки картин “Мир Искусства”» (2-е изд. М., 1917) было репродуцировано 10 произведений Волошина: «Перешеек», «Полдень», «Земля в снегу», «Киммерийская весна», «Облака», «Париж» и 4 пейзажа из цикла «Города в Пустыне» (Труды и дни-2. С. 13). См. примеч. 8 к п. 220.

242. М.О. ЦЕТЛИНУ

Февраль 1917 г. Москва[1]

Zetlin.
91 Avenue Henri Martin.
Paris.

Mousagete propose éditer toutes mes poésies deux volumes conditions avantageux à toi decider reponds Petrograd.[2]

Volochine.

Москва. Б. Ржевский 7 кв. 3. Волошин

Перевод:

Цетлину.
91 Авеню Анри Мартен.
Париж.

Мусагет предложил издать все мои стихи в двух томах на выгодных условиях. Решай, и шли в Петроград.[2]

Волошин

[1] Датируется по соотнесению с п. 241 и со сведениями о встречах Волошина с секретарем издательства «Мусагет» Н.П. Киселевым в феврале 1917 г. (Труды и дни-2. С. 12–13).

[2] Издательство «Мусагет», организованное в Москве в 1909 г., в 1917 г. завершало свою деятельность (в 1915 г. была достигнута договоренность между руководителем «Мусагета» Э.К. Метнером и В.В. Пашуканисом, заведовавшим в «Мусагете» «коммерческой частью», о реорганизации издательства и создании последним на его базе издательства собственного имени; последняя книга под маркой «Мусагета», вышедшая в России, – Стихотворения Юрия Верховского. Т. 1. Сельские эпиграммы. Идиллии. Элегии – увидела свет в 1917 г.). См.: *Толстых Г.А.* Издательство «Мусагет» // Книга: Исследования и материалы. М.: Книжная палата, 1988. Сб. LVI. С. 125–127. Следов подготовки какого-либо издания собрания стихотворений Волошина в «Мусагете» не зафиксировано.

243. В КОНТОРУ ГАЗЕТЫ «РЕЧЬ»

16 марта 1917 г. Москва[1]

В контору газеты «Речь»

Покорнейше прошу выслать мне причитающийся мне гонорар, если таковой на моем счету за это время числится.

Максимилиан Волошин.

Ржевский пер. 7, кв. 3. Москва.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Москва. 16.3.17. Печатка: 18 мар 1917.

244. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «БИРЖЕВЫЕ ВЕДОМОСТИ»

Первая декада апреля 1917 г. Коктебель[1]

В Редакцию Газеты «Биржевые Ведомости»

Милостивый Государь,
Господин Редактор,

В декабре 1916 г. я отправил Вам три моих перевода из Верхарна со вступительной заметкой и условием поместить их все вместе. Из них я видел напечатанными только заметку и стихотв<орение> «Город».[2] Прошу Вас известить меня немедленно, были ли (или когда будут) напечатаны «Душа города» и «Завоевание», а также выслать мне гонорар (50 к. за строку, как было условлено).

Это *второе* письмо, которым я запрашиваю Вас об этом.[3]

Максимилиан Волошин.

Адрес: *Феодосия. Коктебель.*

[1] Письмо отложилось в личном фонде А.Л. Волынского, редактировавшего с 1916 г. литературный отдел в «Биржевых Ведомостях».

[2] Заметка «Эмиль Верхарн» (см.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 612–613) и стихотворение «Город-спрут» (перевод стихотворения Верхарна

«La Ville») были опубликованы в утреннем выпуске «Биржевых Ведомостей» 6 января 1917 г. (№ 16022).

[3] Переводы упомянутых стихотворений Верхарна (см. примеч. 5 к п. 235) в «Биржевых Ведомостях» не были напечатаны.

245. П.Б. СТРУВЕ

4 мая 1917 г. Коктебель[1]

Коктебель (Феодосия).

Многоуважаемый Петр Бернардович,

посылаю Вам для «Рус<ской> Мысли» цикл из 4-х стихотворений «Облики» – ряд стихотв<орных> портретов.

Максимилиан Волошин.

P.S. Условия:

1) Все четыре стихотворен<ия> должны быть напечатаны вместе.

2) Гонорар – 50 к. за строку.[2]

[1] Датировка: Труды и дни-2. С. 19.

[2] На письме – резолюции С.Л. Франка (фактического литературного редактора «Русской Мысли» в 1914–1918 гг.): «Следует принять, если П.Б. согласен на требуемый автором гонорар» – и П.Б. Струве (главного редактора «Русской Мысли»): «Согласен на 50 коп. *для этого цикла*» (15 мая 1917). Цикл «Облики» был опубликован в «Русской Мысли» (1917. № 11/12. Отд. I. С. 135–138) в составе четырех стихотворений: «Ропшин» («Холодный рот. Щеки бесстрастной складки...»), «Бальмонт» («Огромный лоб, клейменный шрамом...»), «Фаэтон» («Здравствуй, отрок солнцекудрый...»), «Р.М. Хин» («Я мысленно вхожу в Ваш кабинет...»).

246. В КОНТОРУ ФИРМЫ «СМИС-ПРЕМЬЕР»

4 мая 1917 г. Коктебель

Коктебель (Феодосия).
4 мая 1917 г.

К<онто>р<а> С<мис-Премьер>
Милостивый Государь,

пишущую машинку я получил в полной исправности и без задержки.[1] Благодарю.

Но вот в чем дело: когда я спрашивал Вас, у всех ли машинок «Смис-Премьер» одинаковый шрифт, Вы мне ответили утвердительно. Между тем, сравнив теперь шрифт моей с шрифтом машины графа А.Н. Толстого, который мне рекомендовал тип «С<мис->П<ремьер>», я убедился, что мой шрифт гораздо крупнее, а его мельче и убористее.

Т<ак> к<ак> я пишу свои литературные рукописи исключительно на четвертушках и нуждаюсь именно в убористости и возможной сжатости (здесь дело не только в том, сколько может уписаться, но и в зрительном впечатлении), то естественно я этим огорчен и думаю о том, как можно было бы это исправить. Отсылать Вам снова машинку на исправление при теперешних условиях транспорта, конечно, немыслимо, а сам я попаду в Москву не раньше чем через год. Не мог бы я сам под Вашим письменным руководством совершить перемену шрифта, если это не очень сложно? Тогда я просил бы Вас выслать мне наложенным платежом набор более мелкого шрифта (прилагаю образец), и те инструменты, которые необходимы для этой операции. Но это, конечно, только в том случае, если это возможно сделать самому, не испортив машины[2]

[1] Волошин заказал для себя пишущую машинку в отделении американской фирмы «Смис-Премьер» в Москве в марте 1917 г., получил ее в Коктебеле 29 апреля (Труды и дни-2. С. 17, 18).

[2] На этом кончается лист машинописного текста, окончание письма (если оно было) утрачено. Поскольку шрифт машинописи данного текста не отличается от более поздних машинописных текстов Волошина, можно заключить, что ходатайство Волошина последствий не возымело; не исключено также, что письмо осталось неотправленным.

247. С.А. АБРАМОВУ

5 мая 1917 г. Коктебель

Коктебель (Феодосия).
5 мая 1917.

Многоуважаемый Соломон Абрамович,

посылаю Вам одновременно мои «Избранные стихи», вполне подготовленные к печати.[1] Я нашел, что им лучше дать отдельное имя, а «изб<ранные> ст<ихотворения>» оставить подзаголовком. Имя книги будет «*Иверни*» (Иверни — это обломки др<агоценных> камней).[2] Я включил в книгу многие еще не напечатанные стихи, т<ак> к<ак> без них она бы утратила цельность. В общем это составляет больше трех тысяч стихов, и вместе с предисловием займет не 64 стр<аницы>, как мы предполагали, а около 120, то есть составит двойной номер.[3] Конечно, книжку можно было бы урезать, но это было бы ей во вред. Сейчас в продаже нет ни одной книги моих стихов, а предполагаемое полное собрание в двух томах, конечно, не выйдет до конца войны. Поэтому более полный выбор и желательнее, и выгоднее.

Итак, я предлагаю Вам двойной номер, с соответственным повышением гонорара со 120 р<ублей> (за каждые 12 000) до 200 р<ублей>. Я думаю, что это будет к обоюдной нашей выгоде.

Книжка с портретом и предисловием, составленная наполовину из стихов или разбросанных по разным журналам, или неизданных, будет представлять интерес полной новизны, особенно при цене в 40 к<оп.> (или норм<альной> 20 к<оп.>).[4]

«*Верхарна*» я вышлю Вам недели через полторы. Работа моя несколько замедлилась благодаря задержке моей пишущей машинки в пути: у меня болит рука, и я не могу ею делать большой переписки.[5]

Жму Вашу руку.

[1] С С.А. Абрамовым, руководителем издательства «Творчество» (см.: *Рац М.* С.А. Абрамов и его издательство «Творчество» // Альманах библиофила. Вып. VIII. М.: Книга, 1980. С. 165–176), Волошин договорился об издании сборника своих избранных стихотворений в Москве 14 февраля 1917 г., в марте последовала аналогичная договоренность об издании сборника волошинских переводов из Верхарна (Труды и дни-2. С. 13, 17).

[2] Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» Владимира Даля (СПб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1881), *иверень* – «вершок, щепа, ощепок; черепок, осколок, осколыш, отломочек» (Т. 2. С. 6). Книга Волошина получила заглавие «Иверни (Избранные стихотворения)» (М.: Творчество, 1918. Серия «Художественная библиотечка "Творчество"»).

[3] Подразумевается: двойной номер серии «Художественная библиотечка "Творчество"». На обложке сборника «Иверни» обозначено: № 9–10.

[4] На задней стороне обложки «Иверней» указана цена: 1 р. 20 к.

[5] О получении рукописи «Избранных стихов» Абрамов известил Волошина 25 мая 1917 г.: «Мне тоже кажется, что в двойном издании книжечка будет более интересна, и я с удовольствием передаю ее в набор. Еще 80 руб. (до 200) посылаю одновременно почтовым переводом. Прошу немедленно прислать хороший фотографический отпечаток Вашего портрета, чтоб иметь его к сроку набора книги» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 157). Портрет Волошина в «Івернях» помещен не был. О том, что Волошин выслал его, а также дополнительно стихотворение «Подмастерье», открывавшее сборник, известно из письма Абрамова к нему от 5 августа 1917 г. (из которого, в частности, выясняется, что несколько писем Волошина к Абрамову, связанных с подготовкой к изданию «Иверней» и переводов Верхарна, утрачено): «Все Ваши письма я получил: и с портретом для сборника, и с предисловием "Подмастерье". Удивляет меня, что в письмах Ваших не подтверждаете Вы получения моего письма и перевода на 80 руб. <...> Предисловие в стихах получено своевременно и передано в типографию, где набирается сборник. Корректура Ваших личных стихов будет на будущей неделе. Но так как письма долго идут, не смогу задержать печать и проверю по оригиналу всё на месте сам» (*Там же*).

248. А.М. ПЕТРОВОЙ

9 мая 1917 г. Коктебель

9 мая 1917 г.
Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна,

ну вот видите последнее мое безумие: пишущая машинка, даже письма на ней пишу.[1] Но это имеет свой смысл: необходимо научиться писать как можно скорее, т<ак> к<ак> правая рука от письма быстро устает и немеет.[2] Если б мне пришлось рукой написать столько, сколько я должен был переписать за это время стихов, то у меня бы уже пальцы отнялись. Я только что подготовил к изданию избранные мои стихи (из обеих книг, под названием «Иверни»).[3] Это будет маленькое дешевое издание по 20 к., и издано оно будет в нескольких десятках тысяч; это мне пер<е>д отъездом предложили.[4] По крайней мере мои стихи можно будет иметь в продаже. Сейчас готовлю такое же издание моих переводов Верхарна со статьей и перевожу для него еще новые стихи.[5] Сегодня закончил перевод поэмы о Микельанджело.[6] Посылаю его Вам: он будет, верно, близок. Прочтя, пошлите его Костеньке.[7] Совершающееся волнует и тревожит. Но я еще не могу всего осознать, связать с мировым, с войной, с судьбами славянства... В Германизм-Иезуитизм-Юдаизм[8] я не верю (хотя Верхарн в книге «Окровавленная Бельгия» — она переведена[9] — говорит нечто подобное о союзе германизма с юдаизмом).[10] Меня страшит сейчас то, что все то, что год тому назад мне казалось настолько верным, как чувство и мысль относительно войны, теперь, когда оно повторено и провозглашено массами, представляется настолько неприемлемым и враждебным мне теп<е>рь.[11]

Бернард Шоу прав, говоря: «Как социализм был бы популярен, если бы не было социалистов!»[12] Я же пока понял одно: будущее выявляется безумием и верой; настоящее — здравым смыслом и скептицизмом. Смешивать эти два метода отнюдь не следует и надо точно знать, о чем сейчас идет дело. Но необходимо нести в себе и то, и другое. Доброго

во внешнем мире я не жду ничего: не такова теперь эпоха и не такова нравственная культура Европейцев, чтобы добро и свобода могли бы торжествовать. Теперь победа за эгоизмом и жадностью. Социализм, который, к<о>нечно, восторжествует, принесет с собою лишь более крепкие узлы еще более жестокой государственности. А с точки зрения ГРАДА ГОСПОДНЯ[13] и «буржуазия», и «пролетариат» — это едино, ибо основано на том же эгоизме и жажде благополучия. Я вижу только один с<о>циальный строй, согласный с духом Христовым: когда каждый будет работать на других бесплатно, а нужное для себя будет получать от других в виде милостыни.[14] Чтобы все было благодеянием и даром. Чтобы весь экономический строй был основан на нищенстве. Тогда и машины будут приносить пользу, и богатство будет на благо. А пролетариат — это, прости Господи, — фабричная фальсификация нищенства.[15] Изумительное слово кого-то из отц<о>в церкви: «Если бы по божественному соизволению нам было дозволено увидеть душу человеческую такой, как она есть, мы бы погибли в то же самое мгновенье, как если бы мы были ввергнуты в горн пылающий».[16] Эпохи потрясений народных краюшком приподымают завесы человеческой души, что ж тут удивляться пиротехническим эффектам? Если разложение междуатомной энергии рождает взрывы небывалой силы,[17] то что же делается в мире, когда человеческие души распадаются на первичные силы?

Когда Вы решили делать операцию? Как себя чувствуете?[18] Напишите прежде, чем решите ехать. До свиданья, у нас все благополучно. Как судьба Людвига?[19] Не знаете ли, надолго ли уехал Новинский[20] из Феодосии?

Мах.

[1] См. п. 246.
[2] См. примеч. 6 к п. 158.
[3] См. п. 247, примеч. 5.
[4] См. примеч. 1 к п. 247.
[5] См. примеч. 7 к п. 229.

[6] См.: Т. 4 наст. изд. С. 63–67, 931. 12 мая 1917 г. в ответном письме А.М. Петрова признавалась: «Я с ума сойду от “Микельанджело”. Получила – читала; 2 раза, три раза читала. На ночь – читала, утром, – вновь и вновь. Какое Вам мое спасибо за него. От Микельанджело, от Юлия, от Верхарна, от Самого Бога оно Вам может быть. Своим духовным трудом, переживая с ними, Вы их воплотили в России, собрав им живую плоть – живые Слова – для них, вечноживых» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954).

[7] К.Ф. Богаевский.

[8] Отклик Волошина на рассуждения Петровой в письме от 5 мая 1917 г. о германизме-иезуитизме-юдаизме как антихристианской коалиции, инициирующей гибельную войну. В ответном письме от 12 мая 1917 г. Петрова продолжала спорить с Волошиным: «Да, мы как-то совершенно разно с Вами смотрим и реагируем на развернувшуюся борьбу. Для меня совершенно ясен главный волевой центр в крайне знаменательном слиянии трех “измов” (германо – юда – иезуитизма) <...>. Да, разве не видна работа “черных”? Кому и кем могут быть предложены “все царства мира сего?”. Сгинут. Провалятся опять. А Славяне? – Они *должны* противостоять. И, конечно, будут; т<ак> как теперь еще (в этой борьбе) не *их* время».

[9] О книге Э. Верхарна «Окровавленная Бельгия» и участии в этом издании Волошина см. примеч. 6 к п. 161, примеч. 16 к п. 167.

[10] Об этом см. п. 167, примеч. 14.

[11] Речь идет об изменении отношения Волошина к войне после Февральской революции в России. См. п. 249.

[12] Источник цитаты не обнаружен. Подобные мысли Б. Шоу высказывал в романе «Неуживчивый социалист» («An unsocial socialist», 1883, русский перевод – «Социалист-любитель», 1910).

[13] Понятие Града Господня восходит к трактату Августина Аврелия «De civitate Dei» (ок. 413–426), где под «градом» понимается духовная общность братьев по вере. Позднее эти идеи развиты Волошиным в заметке «О Граде Господнем» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 353–355, 868). Это замечание Волошина было горячо поддержано Петровой, которая писала ему: «Какая радость мне, что Вы формулировали, и так удивительно, строй в Духе Христа! Это то, что душа всегда так искала и чуяла. Будете развивать их дальше?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954).

[14] Право поэта жить «милостыней» Волошин впервые утверждал в статье «Апофеоз мечты и смерти» (Аполлон. 1912. № 3/4. С. 83), рисуя образ Вилье де Лиль-Адана. (См.: Т. 3 наст. изд. С. 7–40, 461). В 1923 г. он развивает эту мысль в поэме «Бунтовщик» из цикла «Путями Каина» (См.: Т. 2 наст. изд. С. 34–38, 650). Петрова поддер-

жала рассуждения Волошина и, цитируя его, писала: «Когда каждый будет работать на других бесплатно, а нужное для себя будет получать от других в виде милостыни. Чтобы все было благодеянием и даром. Чтобы весь экономический строй был основан на нищенстве. Тогда и машины будут приносить пользу, и богатство будет на благо. — Исполать Вам, славянская душа!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954).

[15] Это суждение Волошиным развито в статье «Поэзия и революция» (Камена. 1919. Кн. 2). См. Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 25—45, 774).

[16] Мысль Л. Блуа, которую Волошин позднее вложит в уста старца Серафима в поэме «Святой Серафим» (1919, 1929):

Каждый человек есть ангел,
Замкнутый в темницу плоти.
Если бы соизволеньем Божьим
Мы могли увидеть душу
Ничтожнейшего из людей такою,
Как есть она, мы были б сожжены
Ее огнем в то самое мгновенье,
Как если б были ввергнуты в жерло
Вулкана огнедышащего.

(Т. 2 наст. изд. С. 116). См. п. 301, примеч. 4.

[17] Основы ядерной физики Волошин мог почерпнуть из выписывавшихся им французских журналов, позднее в его библиотеке появились труды Э. Резерфорда, переведенные на русский язык, Дж. Томсона, Н. Бора.

[18] О решении оперироваться в Симферополе по поводу фибромы Петрова могла рассказать Волошину во время его пребывания в Феодосии по пути из Москвы в Коктебель с 14 по 17 апреля 1917 г. Операция состоялась только в августе 1917 г. и «сошла отлично», по утверждению самой Петровой из ее письма Волошину от 3 сентября 1917 г. В ответном письме Петрова сообщала Волошину: «Я пока не поеду; Мих<аил> Ив<анович> Никольский сказал, что нужно сил набраться перед операцией» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954).

[19] Л.Л. Квятковский. Петрова сообщала Волошину: «Людвиг вчера отправился в Симф<ерополь>, рассчитывая снова вернуться. Не думаю, чтобы удалось. Впрочем, ему “везет” невероятно» (*Там же*).

[20] А.А. Новинский. О нем Петрова написала Волошину: «Новинский исчез на 1½ месяца, — знаю из газет» (*Там же*).

249. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

10 мая 1917 г. Коктебель

10 мая 1917. Коктебель.

Дорогая Марья Самойловна,

я очень давно не писал тебе и также давно не получал писем ни от тебя, ни от М<ихаила> О<сиповича>.[1] Из Москвы я писал вначале только открытки, а потом, когда пришла революция, совсем не писал: думал, что мы скоро увидимся... Но, конечно, вы очень хорошо сделали, что не приехали. Но прежде всего хочется сказать, что я ничего не забыл и верен нашей дружбе и постоянно мысленно беседовал, когда бывал один. Но это бывало только ночью. От людей и разговоров, в которых Революция главным образом и выражалась, я устал смертельно. Хочется здесь в уединении осознать, осмыслить исторически и апокалиптически совершающееся, и пока это невозможно: все одна боль и тревога... Надо ли говорить, что с первого марта мое отношение к войне сразу переменилось.[2]

Если бы теперь мне пришлось быть призванным, я бы, конечно, не стал отказываться. Мне самому выяснилось, что в моем предполагающемся отказе главным побуждением было недоверие. Мое отношение к войне, разумеется, не изменилось, но явилось новое чувство: личной ответственности за поведение России. Все невыносимо тревожно: никто не знает ни смысла, ни объема тех сил, что призваны к действию. Точно кидаешься с шестого этажа и даже не знаешь, куда полетишь — вверх или вниз, потому что самые законы тяготения изменились. Психология социалистов — это еще самое простое. Но я не хочу говорить о событиях: конечно, я живу только от газеты до газеты. С горечью заглядываю в глубину души и думаю о том, что внешний мир так расхлябался, что, очевидно, много лет придется теперь думать только о нем. Хорошее время для тех, кому надо бежать от самого себя. Тем, кто живет в себе своим миром, будут большие неудобства. Несколько слов о моей зиме и о личных делах: я приехал в Москву только на

Рождество.[3] В Петербург так и не попал — сперва из-за товарной недели, потом из-за революции: было стыдно ехать из любопытства, когда поехать было так трудно и стольким необходимо. Я выставил 14 своих картин в Мире Искусства[4] и с успехом: моральным и материальным: половину продал... На 700 руб<лей> продал, так что у меня образовалось перенасыщение золотом, и я мог себе купить эту машинку,[5] т<ак> к<ак> моя рука начала неметь и парализоваться от писания. Конечно, я видел массу людей... Пожил в Москве четыре месяца, и это было слишком много. Как утомительно исключительное переживание мира внешнего безо всякой своей работы!

Мне хочется знать о твоих и М.О. планах. Мне кажется, что, несмотря на весь соблазн, вы очень хорошо сделали, что не приехали, потому что сейчас ехать в Россию — безумие; да и жизнь здесь — все полная неизвестность. Хорошо только то, что совершенно нельзя предвидеть, откуда и как может прийти опасность, так что спокойно можно оставаться на своем месте, никуда не спасаясь, потому что во всем мире больше нет спокойного и безопасного места. Я кончаю это письмо, чтобы его не задерживать. Теперь я буду писать регулярно, не ожидая ответа, чтобы возобновить переписку.

Крепко обнимаю тебя и М.О.

Большое спасибо за книги Л. Блуа.[6] Только я получил всего 4, т<ак> к<ак> остальные задержала цензура ст<арого> реж<има>, а ценз<ура> нового не нашла их.

До свиданья. Где?

[1] М.О. Цетлин.

[2] Подразумевается поворотный исторический момент — падение самодержавия.

[3] См. примеч. 2 к п. 241.

[4] См. примеч. 5 к п. 241

[5] См. примеч. 1 к п. 246.

[6] В библиотеке Волошина сохранились 14 книг Леона Блуа (Bloy), из них 4 изданы после 1917 г., одна приобретена в 1913 г., три имеют владельческие пометы («Maximilien Volochine. Moscou. 30/III 1917»): «Mon journal: Pour faire suite au Mendiant ingrat: 1896–1900: Dix-sept mois en Danemark» (Paris: Mercure de France, 1904), «Le vieux

de la montagne: Pour faire suite au Mendiant ingrat a Mon journal a Quatre ans de captivité à Cochons-sur-Marne et a L'invendable: 1907—1910» (Paris: Mercure de France, 1911), «Le Pèlerin de l'Absolu: Pour faire suite au Mendiant ingrat a Mon journal a Quatre ans de captivité à Cochons-sur-Marne et a L'invendable et au Vieux de la montagne: 1910—1912» (Paris: Mercure de France, 1914). Наиболее вероятно, что в данном случае идет речь об этих трех изданиях.

250. М.О. ЦЕТЛИНУ

10 мая 1917 г. Коктебель[1]

Дорогой Михаил Осипович,

приписываю только несколько деловых слов. В марте я ждал со дня на день твоего приезда в Москву. Потом понял, что ты очень хорошо сделал, что не поехал сейчас. Но, ожидая приезда, я совершенно перестал тебе писать. Я передал своевременно Берлинрауту «Облики Парижа, до и во время войны»,[2] но потом мы решили ничего не предпринимать до твоего приезда, а потом я сам уехал.[3] Едва ли возможно будет предпринять что-либо теперь в смысле изданий в виду бумажного кризиса, еще обострившегося обилием газет и «литературы». Да и до того ли теперь? Хотя вон один издатель заказал мне книжку «Избранных стихотворений» (моих) для дешевого издания в 20 к. и такую же моих переводов Верхарна.[4] По-моему, такая книжка будет хорошей рекламой для полного собрания моих стихов в двух томах, которое ты после войны, надеюсь, издашь.[5]

Теперь, когда ты будешь в России, конечно, и смысл, и план «Зерен» — все переменится. Только когда ты будешь?[6] Есть ли у тебя определенные планы и ожидания? А до твоего приезда «ЗЕРНАМ»[7], думаю, нечего делать. В марте я больше всего порадовался о том, что годы твоего изгнанничества окончились. Нет, пожалуй, еще больше о Борисе Викторовиче.[8] Как хотелось бы знать, что он сейчас делает в Петербурге. Собирается ли Эренбург в Россию?[9] Крепко целую тебя.

[1] Датируется по п. 249.

[2] О замысле несостоявшегося издания книги статей «о художниках» в издательстве «Зерна» см. п. 215. С Л.Я. Берлинраутом Волошин встречался в Москве в феврале 1917 г. (Труды и дни-2. С. 14).

[3] Волошин покинул Москву 12 апреля 1917 г.

[4] См. примеч. 1 к п. 247.

[5] Планы этого неосуществленного издания, видимо, вынашивались Волошиным и Цетлиным в течение 1916 г. (Ср. с п. 242).

[6] Цетлин находился за границей в статусе политического эмигранта, и после Февральской революции было вполне логично его возвращение в Россию. См.: *Хазан Владимир.* «От книги глаз не подыму». О личности и творчестве Михаила Цетлина // Цетлин Михаил (Амари). Цельное чувство. Собрание стихотворений. М.: Водолей, 2011. С. 267–270.

[7] Об издательстве «Зерна см. примеч. 16 к п. 206.

[8] Б.В. Савинков возвратился в Россию вместе с лидерами партии эсеров В.А. Черновым и Н.Д. Авксентьевым в апреле 1917 г. Сразу после этого он получил пост комиссара Временного правительства, сначала в 8-й армии, потом — при Ставке Верховного главнокомандующего.

[9] И.Г. Эренбург приехал в Россию в июле 1917 г.

251. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «БИРЖЕВЫЕ ВЕДОМОСТИ»

11 мая 1917 г. Коктебель[1]

Коктебель (Феодосия).
11 мая 1917 г.

Милостивый Государь,

Т<ак> к<ак> мои переводы Верхарна «ДУША ГОРОДА» и «ЗАВОЕВАНИЕ» Вы еще до сих пор не напечатали, то предупреждаю Вас, что я распорядился ими иначе.[2]

За ст<ихотворение> «ГОРОД-СПРУТ» и заметку[3] я получил от Конторы «Б<иржевых> В<едомостей>» 35 р. 40 к. Между тем по моим условиям (20 к. за строку и 50 к. за стих) мне приходится около 70 рублей. Если даже считать, что контора вычла из гонорара подписную плату с мая до конца

года (хотя газеты я не получаю до сих пор), то все же мне не доплачено около 20 р.

Все это, так же, как неисполнение Вами моего условия одновременного напечатанья всех трех моих переводов, я считаю крайне некорректным и покорнейше прошу Вас сделать соответствующее распоряжение, чтобы все это выяснить и дослать мне следуемые деньги.

[1] Печатается по машинописной копии в архиве Волошина.

[2] См. п. 244, примеч. 3; примеч. 5 к п. 235. Переводы обоих стихотворений Э. Верхарна были напечатаны в журнале «Красное знамя» (1917. № 3/4, июнь. С. 64—70).

[3] См. п. 244, примеч. 2.

252. А.М. ПЕТРОВОЙ

14 мая 1917 г. Коктебель[1]

Дорогая Александра Михайловна.

Пользуюсь оказией, чтобы послать еще связку моих переводов Верхарна за эти дни.[2] Письмо только что получил.[3] Спасибо. Отвечу почтой.

Max.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни-2. С. 20.

[2] Переводы Верхарна были отправлены с Д.Е. Свистельниковым, который, видимо, посещал Волошина в Коктебеле в связи с планами общества «Киммерика». Дмитрий Евграфович Свистельников — преподаватель русского языка и истории в Феодосийском реальном училище (с 1911 г.). А.А. Новинский, уезжая из Феодосии, назначил его руководителем «Киммерики» и писал Волошину 7 мая 1917 г.: «Совершенно неожиданно получил экстренную командировку <...> на Каспийское море <...> дела художеств<енного> об<щества> сдал Свистельникову» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 891, л. 5 об.).

[3] Речь идет о письме А.М. Петровой от 12 мая 1917 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954). Ответ Волошина — п. 254.

253. В КОНТОРУ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ МЫСЛЬ»

14 мая 1917 г. Коктебель

Коктебель (Крым).
14/5 1917 г.

М.Г.,

я получил Ваше письмо от 6/5, и напишу по вопросу о гонораре лично Петру Бернардовичу.[1] Хотя, по моей просьбе, подписная плата за «Русскую Мысль» с приложением на 1917 г. и была изъята из моего гонорара, я до сих пор не получил ни одного номера, ни нового, ни старых. Покорнейше прошу Вас сделать соответствующее распоряжение.

[1] П.Б. Струве. См. п. 245, примеч. 2.

254. А.М. ПЕТРОВОЙ

19 мая 1917 г. Коктебель

19 мая 1917 г. Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна,

получили ли Вы еще стихи Верхарна, что я послал Вам со Свистельниковым?[1] С тех пор я так и не успел написать Вам, потому что Коктебель становится очень люден, а я продолжаю усиленно свои работы, то есть перевожу Верхарна и рисую. Приехали Манасеины?[2] Катя[3] на днях у Вас будет и вам сама расскажет все болезни и несчастья этого времени. Они приехали с Михаилом Петровичем,[4] который очень болен и выглядит восьмидесятилетним стариком (ему 58).

Каждый день теперь кто-нибудь приезжает: только, кажется, никого из своих это лето не будет. Все обормоты[5] разбрелись по разным местам. Юлии Феодоровны[6] еще нет, Ходасевич приедет в начале июня.[7] Здесь дочь его брата Валентина Ходасевич — художница.[8]

Вчера проезжал в Судак Кончаловский — художник.[9] Он сейчас офицер. В нескольких словах он совсем по-иному

осветил все, что делается на фронте: почему солдаты сейчас не хотят наступления. Мы раньше против машин и пушек выставляли живое человеческое мясо, а теперь это стало невозможно, потому что солдатские комитеты следят за тем, чтобы на каждую роту было достаточное количество пулеметов и снарядов, и без этого идти в бой отказываются. Но настроение армии сейчас, по его словам, прекрасное, и сейчас же, как все будет подготовлено, наступление начнется. Армия очень довольна Керенским[10] и верит ему.

Больше, чем когда-либо, я чувствую неприязнь к социализму и гляжу на него, как на самую страшную отраву машинного демонизма[11] Европы. Пролетарии, так страстно ненавидящие «буржуазию», берут от нее все ее яды, отбрасывая все то, что есть в ней от общей духовной культуры — «аристократической» культуры человечества.[12] Социализм и «Германизм», в конечном счете, одно и то же: обожествление «здорового комфортабельного эгоизма». Поэтому они и чувствуют друг к другу неодолимую симпатию. Ведь нельзя отрицать, что все С<оциал>-Д<емократы> влюблены в Германию и глубоко ненавидят Англию, равнодушны к Франции и совсем не интересуются мнениями английских и французских «т<о>варищей». Во всей революции я еще голоса РУСИ не слыхал. Самое отрицание войны было пока сказано на чужом языке и чужими устами. Я жду голоса старообрядцев: оттуда придет подлинное.[13] Я кое-что уже видел в одном литографированном обращении к московским писателям, на которое они не обратили никакого внимания. Андрей Белый, который случайно был во время переворота в Петербурге в эсерской среде, рассказывал мне поразительные вещи об сношениях с<оциалистов>-р<еволюционеров> с сектантами,[14] большинство с<оциалистов>-р<еволюционеров> благодаря этому общению настроено мистически и религиозно.

Чувствую, что я безнадежно чужд политической активности: читая газеты, я по очереди соглашаюсь <с> самыми противоположными мнениями, только проявления человеческой глупости меня выводят из себя. Есть ли для Вас партия, с которой вы бы себя чувствовали солидарной?

в которой хотя бы отчасти выражалось то, чего можно было бы пожелать России?[15]

Практически я думаю, что рус<ская> рев<олюция> задержала заключение мира еще года на два. Я теперь предвижу стадию, когда Россия превратится просто в поле военных действий, когда союзники для того, чтобы не нарушать блокады Германии на востоке, просто двинут через Россию американские и японские войска на наш восточный фронт, чтобы укрепить его. Это единственное место, куда Америка может приложить свои силы и вооружения.

Пришлите мне статьи Розанова.[16] Очень интересно. До свиданья.

Напишите о Вашем здоровьи.

MAX.

[1] См. п. 252. Петрова отвечала Волошину: «Спасибо за стихи! В восторге от них, как всегда, но “Микельанджело” продолжает царить, затемняя пока все» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954, л. 6).

[2] Н.И. Манасеина, М.П. Манасеин, их дочь Е.М. Манасеина приехали в Коктебель 15 мая 1917 г. вместе с П.С. Соловьевой.

[3] Е.М. Манасеина.

[4] М.П. Манасеин.

[5] См. примеч. 9 к п. 21.

[6] Ю.Ф. Львова.

[7] В.Ф. Ходасевич 1 июня 1917 г. писал жене, что обосновался в Коктебеле у Волошиных (Труды и дни-2. С. 21).

[8] В.М. Ходасевич была в Коктебеле с 15 мая по сентябрь 1917 г. См. главу «У М.А. Волошина в Коктебеле» в ее воспоминаниях (*Ходасевич Валентина.* Портреты словами. Очерки. М.: Бослен, 2009. С. 140–142).

[9] О творчестве П.П. Кончаловского, члена общества «Бубновый валет» Волошин писал в обзорах «Художественные итоги зимы 1910–1911 (Москва)» (Русская Мысль. 1911. № 5, 6), «Москва. Художественная жизнь» (Русская Художественная Летопись. 1911. № 6) и др. См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд., по ук. В 1912 г. Кончаловский подарил Волошину книгу Э. Бенара «Сезанн» в своем переводе. В действующую армию Кончаловский был призван в самом начале войны. В Судаке он поселился на даче Д.Е. Жуковского, откуда писал И.И. Машкову 23 мая 1917 г. (Панорама искусств. 3. М.: Сов. художник, 1980. С. 179–180).

[10] А.Ф. Керенский был в период с 5 мая по 8 июля 1917 г. военным и морским министром.

[11] О «машинном демонизме» как главной болезни современной цивилизации и культуры Волошин размышлял неоднократно и в письмах к своим корреспондентам (см. п. 120, 158), и в статьях (см. примеч. 18 к п. 120).

[12] Петрова отвечала Волошину 23 мая 1917 г.: «У меня есть несколько впечатлений и длительных переживаний, которые сделали меня, давно уже, бесповоротно *всегда* на стороне рабочего класса. Не могу не быть душою теперь с ними. Ведь их “буржуазное” состояние — этап, неизбежный к высшему. В них “аристократизм” вижу; в “буржуазии” = мещанстве — нигде и никогда. “Доброта” ее — и та ради “заработка” Царствия небесного, а не просто по братству, часто неуклюже» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954).

[13] Петрова откликнулась на эти рассуждения Волошина: «Бесконечно интересно то, что Вы пишете о старообрядцах. Это — линия, и твердая. Вообще мне кажется, что нашему “народу” (крестьянству особенно) нужно лишь ясную и точную голую смету представить хозяйственного состояния России, а разберутся они отлично и сами; “партии” им мешают и досаждают. Но без разъяснений <...> нельзя же с этой тьмой, конечно, не привыкшей к масштабу государственного хозяйства, да еще с современной ее спешностью. Пускай себе “товарищи” <...> сомневаются, — свою, педагогическую пользу принесут, хотя бы и отрицательно» (*Там же*).

[14] С Андреем Белым Волошин регулярно встречался в Москве в январе — апреле 1917 г. Андрей Белый с 30 января по 8 марта 1917 г. находился в Петрограде и Царском Селе, где останавливался у Р.В. Иванова-Разумника, близко общавшегося с кругом социалистов-революционеров. Волошин встречался с Белым сразу после его возвращения из Петрограда — 9 марта 1917 г. и на Пасху 2 апреля (Труды и дни-2. С. 15, 17).

[15] Отклик Петровой в ответном письме: «Вы спрашиваете, какой бы я партии? — Но, конечно, Партии Розанова. <....> Вы поймете всю соль “неприличия” этого в наше время. Однако не переделаюсь и не намерена. Если бы пришлось работать в какой-либо школе, то потребовалась и марка на лоб. Что-нибудь выдумаю тогда, время покажет. Д<олжно> быть к “трудовикам”, но “Нового Времени” не откажусь читать, хоть пусть треснут».

[16] О статьях В.В. Розанова Петрова писала 12 мая 1917 г.: «Опять перечитываю “Нов<ое> Вр<емя>”; все-таки, единственная “газета”. Как Вам нравится Розанов там под псевдонимом “Обыватель”? Ну не ядовитый ли старик? Спасибо ему — своими двумя статьями он

мне дал “хлеб насущный” теперь. У меня просто жажда была: что он чувствует и говорит? Мудр. Я сохраняю одну из статей и для Вас». 23 мая 1917 г. Петрова сообщала Волошину: «Статей Розанова пока не могу прислать, т<ак> к<ак> Д.Е. Жуковский увез их в Судак». Под псевдонимом «Обыватель» Розанов опубликовал статьи: «В Совете Рабочих и Солдатских депутатов» (№ 14747. 9 апр.; № 14750. 13 апр.), «Что такое теперь народ?» (№ 14757. 20 апр.), «В наши тревожные дни» (№ 14762. 27 апр.).

255. А.М. ПЕТРОВОЙ

2 июня 1917 г. Коктебель

2 июня 1917 г. Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна,

Сию минуту я никак не могу приехать, потому что очень усиленно работаю над книгой об Верхарне: пока прекратил переводы и работаю над статьей, т.е. перерабатываю мою лекцию сызнова.[1] Боюсь поэтому дождей, которые, очевидно, не собираются оканчиваться. Вон и сейчас из-за Имаретского леса[2] ползет туча с крыльями и бородой – явно грозовая. Боюсь, что приеду, а потом застряну на несколько дней. Это будет ужасно в смысле работы. А мне необходимо уже давно ее отослать в печать: я ее задерживал только ради переводов. Как только закончу – приеду. Очень обрадован привезенной Ходасевичем[3] вестью об окончательном выздоровлении Константина Васильевича.[4]

Когда Вы решили делать себе операцию? Ездили ли уже в Симферополь?[5] Серьезно ли хотите Вы, чтобы я Вас лечил пассами?[6] Спрашиваю потому, что Вы всегда против этого протестовали. Приезжают ли Бердяевы?[7] Очень радуюсь за них и за Вас, ежели они у Вас поселятся.[8]

Письмо Ваше получил на днях.[9] Вашим «предсмертным» распоряжениям я не очень-то верю (как и Вы сами). Правда, теперь совсем не время помирать. Мне вспоминаются слова парижского мальчишки на чьих-то похоронах: «Однако покойник-то был совсем не любопытен!». В Вас

же достаточно любопытства, чтобы не сделать в эти годы такого поступка, явно безразличного к текущим событиям. Во всяком случае, конечно, все, что Вы говорите относительно писем, исполню.[10]

О политических событиях: уменя впечатление, кот<о>-рое все более и более крепнет, что вся наша революция, в конце концов, окажется грандиозной германской провокацией.[11] Мы уже побеждены Германией, и свержение самодержавия было тем куском сала, за которым мы не могли не полезть в мышеловку. И они знали это. Они действовали наверняка, и у нас психологически никакого иного выхода не было. Вся наша история Петербургского периода заключалась в принесении духовного развития народа в пользу чудовищному территориальному расширению. Явно, что теперь начинается обратный процесс: нас будут постепенно обрезать, то с запада, то с востока, но это духовно пойдет нам на пользу. В отказе от аннексий, несмотря на политическую наивность и нелепость его, есть глубокая народная мудрость, мудрость самосохранения: желание прежде всего отказаться от того, что больше всего давило и тормозило дух в течение столетий имперского развития: освободиться от не<н>ужного, тяжелого, избыточного богатства, и, конечно, никаким разумным доказательствам не победить этого здорового национального инстинкта.[12]

К сожалению, не видав ни одной статьи Розанова за Революцию, я не могу понять всего смысла Вашего присоединения к его партии.[13]

Знаете, ли Вы, что Асин муж Маврикий умер?[14] Она его уже не застала в живых. Она сама написала об этом. Она возвращается в Коктебель. Поликсена Сергеевна[15] очень грустна: но посреди всеобщего развала и болезней в доме она самая бодрая и здоровая.

Я не могу сказать, чтобы мне почему-либо рабочий класс был ближе, чем буржуазный: мне вообще все классовые деления по средствам и по занятиям неприятны, т<ак> к<ак> кажутся совершенно бессмысленными и условными, не имея никакого отношения к духу.[16] А в духовных иерархиях[17] имеет значение только лучшее, отборное, то есть ари-

стократизм. Конечно, только его я и признаю. Демократизм же — это только моральный долг аристократа по отношению к своим ближним. Демократизм сверху — прекрасен, настолько же, насколько демократизм, как принуждение снизу, отвратителен.[18] До свиданья. Пишите мне, не считаясь с тем, что я постараюсь приехать при первой возможности.

[1] См. примеч. 5 к п. 248. Речь также идет о лекции, посвященной Э. Верхарну, которую Волошин неоднократно читал в Феодосии и Москве. См. примеч. 7 к п. 224, примеч. 8 к п. 230.

[2] Это название, вероятно, связано с Эмаретом, который находился к северо-западу от Коктебеля по пути к Старому Крыму. Эмарет (*татар.*) — богадельня, странноприимный дом.

[3] См. примеч. 8 к п. 254.

[4] К.В. Кандауров.

[5] См. примеч. 18 к п. 248.

[6] Пассы — манипуляции, которыми гипнотизер усыпляет пациента. Отклик на признания А.М. Петровой: «Вас удивило, что я прошу лечения пассами? — Боли так ужасны, такой у меня, буквально, животный страх перед ними: что черта, не только Вас (?!..) готова умолять спасти. Да и верю-то я только пассам, особенно в данном случае, где болезнь нервов» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954, л. 9).

[7] Н.А. Бердяев и его жена Л.Ю. Бердяева.

[8] Знакомство Петровой с Бердяевыми произошло, видимо, в 1910 г., когда они гостили в Судаке у сестер А.К. и Е.К. Герцык. 23 мая 1917 г. Петрова сообщала Волошину: «Он же <Д.Е. Жуковский. — *Ред.*> говорил мне, что сюда в Феодосию собираются Бердяевы и хотели писать мне запрос. Я написала не дожидаясь, чтобы ехали прямо ко мне, т<ак> к<ак> у меня свободные комнаты» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954). Поездка в Феодосию не состоялась, о чем Бердяев уведомлял Петрову в письме от 14 июня 1917 г.: «Теперь окончательно выяснилось, что я не могу уехать на далекое расстояние от Москвы, так как привязан к ней разными обязательными делами <...>. Оч<ень> бы хотелось поехать к морю, но в этом году забыть надо о Крыме» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 18, л. 1).

[9] Речь идет о письме Петровой от 23 мая 1917 г.

[10] Петрова писала Волошину: «...выпроваживают меня в Симферополь (поеду 25-го) <....> Надеюсь дня через 2—3 вернуться. Но если операция понадобится экстренно, да еще экстренно после нее помру, то, в 1-х, до свидания! Во 2-х, смотрите, заберите письма к

себе и можете в них разбираться ск<олько> охоты будет, — ведь от Вас у меня секретов не было. Потом опечатайте, и раньше 50 лет чтобы никто носа не совал. В 3-х, умирать теперь совсем неприлично, а потому, так ли, иначе ли вывернусь» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954).

[11] Об этом же Волошин писал в заметке «Демократизация искусства», датируемой предположительно мартом — апрелем 1917 г. (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 346—352, 868).

[12] В свою очередь Петрова писала Волошину по этому поводу 7 июня 1917 г.: «Для меня ясно было завершение империализма скорлупы с закреплением за нами проливов, и тогда — простор для внутреннего устройства и развития до.... следующего “выхода” — в Инд<ийский> океан. (Но база — империя — нам нужна). “Республика”, конечно, все карты перемешает. Но, увы, я в нее не верю. Однако пока что, эксперимент нам, вероятно, дорого обойдется. Спасибо глубокое за указание на старообрядцев. Я вижу еще казаков. Слышите Вы их голоса? <...> Не думаю, чтобы с ними легокразговор был <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954).

[13] Петрова в ответном письме поясняла Волошину: «Розанов верит в народ, вот почему я с ним. И в хозяйственность, и в глубочайшую душу нашего народа. Прочла вчера “Оптинского старца о. Амвросия”. Вся душа поднята верой, надеждой и любовью» (*Там же*).

[14] А.И. Цветаева. Приехав в Феодосию около 17 мая 1917 г., уже 24 мая она выехала по телеграмме М.И. Цветаевой обратно в Москву. Однако ее второй муж инженер Маврикий Александрович Минц (1886—1917) скончался от гнойного аппендицита до ее приезда. Об этом см.: *Цветаева Анастасия.* Воспоминания. М.: Изограф, 2003. С. 613—614.

[15] П.С. Соловьева.

[16] Отклик на утверждения Петровой о вере в рабочий класс. См. примеч. 12 к п. 254.

[17] Понятие духовных иерархий используется в терминологии антропософов.

[18] Петрова в ответ писала Волошину: «Насчет “демократизма” и “аристократизма” у меня давно уже готова формула: “Необходимо аристократизировать народные массы, а никак не опускаться уже аристократизированной части до ступеней демократии”. Путь к этому, конечно, через социализм. Через “свободу и равенство” к “братству”. Но это легчайший, шаблонный. Нужно вышвырнуть лживую <...> предпосылку о “материализме”, иначе каждая муравьиная куча всегда будет идеальнее *человеческого* “общества”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954).

256. А.М. ПЕТРОВОЙ

10 июня 1917 г. Коктебель

10 июня 1917 г. Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна,

прежде всего дела: относительно жен-солдаток, конечно, все сделаю с большим удовольствием.[1] Мы с Ходасевичем[2] можем взять на себя все художественное устройство дела: сговориться с другими участниками. То есть организовать артистическую часть так, чтобы участников было не много, но все ценные. А они пусть сделают все материальное и практическое. Что же касается кадетов,[3] то я думаю это отклонить: теперь выступать от имени партии — это значит наклеивать на себя партийный ярлык, чего мне отнюдь не желательно: я ведь с ними могу совпасть только в отрицательном отношении к социализму, но ведь по совершенно иным причинам. Я не хочу его скрывать, но вовсе не хочу, чтобы составилось представление, что это отношение кадетское. Нет, я не хочу выступать ни от имени, ни в пользу кадетов.[4]

Ходасевич едет в понедельник на переосвидетельство<в>ание,[5] и я приеду вместе с ним (в воскресенье).[6] Тогда хорошо было бы повидать и жен-солдаток А то что им даром в Коктебель ехать...

Верхарна я заканчиваю[7] и буду свободен... относительно.

Относительно Вашей операции я глубоко уверен, что она окончится благополучно,[8] и только хочу, чтобы Вы как можно скорее через это прошли и освободились.

Не пишу ничего по тем вопросам, что п<о>дымаете Вы, потому что обо всем поговорим при свидании. Можно ли мне у Вас остановиться? До свиданья, всего лучшего.

Мах.

[1] Ответ на обращение А.М. Петровой от 7 июня 1917 г.: «...“делегатки” от жен-солдаток от имени “Сов<ета> раб<очих> и солд<атских> депут<атов>” <...> тоже хотят Вас просить участвовать в концерте в пользу семей запасных. Помогите! Не может ли и Хода-

севич? Помогите устроить, пригласите. Трогательно и прекрасно <...> как солдаты хотят и стараются, чтобы на устраиваемом вечере “все, как можно лучше было” в их заботе об оставляемых семьях (не их, они — из других мест). “Буржуазия” наша крайне холодна к ним, уже с упреками и злобным, ответным оскалом» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954, л. 10).

[2] В.Ф. Ходасевич находился в Коктебеле с 1 июня 1917 г.

[3] В цитированном письме Петрова также спрашивала у Волошина: «Здешние кадеты хотят Вас просить прочесть лекцию (или лекции). Согласились ли бы Вы? Я не знала, что ответить за Вас хоть приблизительно, т.е. при вопросе: ехать ли Вас приглашать ввиду неизвестности, как Вы насчет партий? Напишите, как Вы в данном случае».

[4] Позднее свое отрицательное отношение к партийности Волошин формулирует в стихотворении «Доблесть поэта» (1923): «...знамена, партии и программы / То же, что скорбный лист для врача сумасшедшего дома» (Т. 2 наст. изд. С. 67). В «Автобиографии» (1925) он подчеркивает: «...дух партийности мне ненавистен» (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 252–253).

[5] Еще летом 1916 г. Ходасевич проходил освидетельствование, связанное с призывом в армию. См. п. 211, примеч. 4. В письме к А.И. Ходасевич от 12 июня 1917 г. из Феодосии он сообщал: «Мне дали опять белый билет» (РГАЛИ, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 43).

[6] Волошин выехал в Феодосию 11 июня (воскресенье) 1917 г. (Труды и дни-2. С. 21).

[7] Речь идет о работе Волошина над книгой о Верхарне. См. примеч. 7 к п. 229.

[8] См. примеч. 18 к п. 248.

257. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

6–22 июня 1917 г. Коктебель[1]

Коктебель, 6 июня 1917.

Дорогая Юлия Леонидовна,

с глубокой радостью мы узнали об чудесном исцелении Константина Васильевича.[2] Эту весть привез Ходасевич,[3] узнавший ее, в свою очередь, от Володи Рогозинского. Последнего мы ждем со дня

22 июня...

Увы... Володю мы так и не дождались, а К<онстантин> В<асильевич> сам известил на днях открыткой о своем проезде в Шах-Мамай.[4] А я, как видите, согласно установившейся летней традиции, не могу выбрать времени простое письмо написать. Простите... Неужели Вы не приедете к нам летом? Моя мастерская и мамина комната всегда готовы принять Вас – не забывайте этого. А без Вас очень пусто, и отсутствие Ваше чувствительно. Никого из обормотов в этом году, потому что ни Ходасевич, ни Ася Цветаева не обормоты в точном смысле.[5] Это не мешает неистовой Дейше обвинять «обормотов» во всем, что происходит в Коктебеле, и даже собирать подписи среди крестьян и нормальных дачников под постановлением о том, чтобы выселить нас с Пра из Коктебеля на вечные времена. Пожалуйста не думайте, что я выдумываю. Это всё результаты нового куплета к «Крокодиле»,[6] который звучит так:

Из Крокодилы с Дейшей
не Дейша ль будет злейшей?
Чуть что не так –
проглотит натощак...

У Дейши руки цепки,
у Дейши зубы крепки.
Не взять нам в толк,
Ты бабушка иль волк?[7]

Остальное мало изменилось: Кедровы, Львовы, женившийся Гончаров, овдовевшая Ася,[8] из новых лиц нашей компании Валентина Ходасевич и Ел<изавета> Ив<ановна> Старынкевич – подруга Евы. Едет Мандельштам, едет А.И. Ходасевич.[9] Кафар,[10] ввиду наплыва публики, взял помощника, но публику катать отказывается, т<ак> к<ак> находит, что это «невигодно», а предпочитает кататься сам.

Володю видел только мельком в Феодосии на несколько минут.[11] Александра Михайловна[12] больна, ей надо делать операцию: вырезать фибромы. У нее боли, и она завидует Константину Васильевичу, что он уже прошел через все это. Вероятно, на днях она уедет в Симферополь за этим. Поли-

тика отражается здесь относительно очень мало. Только постоянно возобновляются слухи о большевиках, которые будто бы уже ведут агитацию между болгар, но эти агитаторы остаются неуловимы и невидимы.

Я за это время приготовил и отослал в печать 2 книги: моих избранных стихов «ИВЕРНИ» и книгу о Верхарне со всеми моими переводами, которых я сделал еще несколько.[13]

Кроме того, я надумал окантовывать мои маленькие акварели и вывесил их на продажу у Елены Павловны[14] в столовой, по 10, по 15 руб<лей>, и представьте себе, что я уже продал больше, чем на 200 р<ублей>, чем Пра, конечно, внешне ужасно недовольна и ворчит, что я опять ничего не делаю.

Посылаю Вам одно новое стихотворение. Привет Екатерине Ивановне и Феодору Константиновичу.[15]

А Вы сами все-таки приезжайте в Коктебель.

МАХ.

[1] Почтовые штемпели на конверте: Коктебель. 23.6.17; Москва. 7.7.17.

[2] К.В. Кандауров перенес хирургическую операцию.

[3] В.Ф. Ходасевич вместе с пасынком Эдгаром Гренционом приехал в Коктебель 1 июня 1917 г. (Труды и дни-2. С. 21). Ср. сообщение в недатированном письме Е.О. Кириенко-Волошиной к Ю.Л. Оболенской: «Ходасевича мы наконец дождались: совсем смертеньшем приехал; поселился с пасынком на чердаке <...> заговаривается с Максом до 2 ч. ночи, переводит с французс<кого> какой-то роман и ищет девушку-дитя. Вряд ли найдет. По-прежнему мил сердцу моему» (РГАЛИ, ф. 2080, оп. 1, ед. хр. 21).

[4] К.В. Кандауров писал Волошину из Феодосии 18 июня 1917 г.: «Здравствуй, толстый друг! Тебя не стоило приветствовать — но у меня сердце доброе. Ты ни мне, ни Юл<ии> Л<еонидовне> ни разу не написал и выкинул нас из своей головы. Сегодня я приехал и завтра еду в Шейх-Мамай. Чувствую себя хорошо, но мне надо отдохнуть после операции» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 615). Шах-Мамай (Шейх-Мамай) — село в Феодосийском уезде близ города Старый Крым, имение И. К. Айвазовского.

[5] К сообществу «обормотов» в «точном», т.е. узком, смысле Волошин причислял, видимо, помимо своей матери и себя, сестер

Эфрон, С.Я. Эфрона, М.И. Цветаеву, А.Н. Толстого и С.И. Дымшиц-Толстую, Е.А. и М.С. Фельдштейнов, М.П. Кювилье. Точно очертить круг лиц, вовлеченных в доверительную и эпатажную игровую атмосферу коктебельского быта, устроителем которого был Волошин, не представляется возможным.

[6] Имеется в виду песенка неизвестного автора «По улицам ходила большая крокодила...», исключительно популярная в 1910-е гг. и обраставшая разнообразными вариациями. Исполнялась на музыку популярного в начале XX в. марша Л.И. Чернецкого «Дни нашей жизни» (официальный марш 129-го Бессарабского пехотного полка Российской армии). В воспоминаниях Е.П. Кривошапкиной «Веселое племя “обормотов”» приводятся «коктебельские» куплеты на тему «Крокодилы»:

В курорт она явилась
И очень удивилась.
Сказать тебе ль:
То был наш Коктебель! <...>
Забралась она в «Бубны»,
Сидят там люди умны,
Но ей и там
Попался Мандельштам.
Явился Ходасевич,
Заморский королевич,
Она его...
Не съела, ничего. <...>
Максимильян Волошин
Был ей переполошен,
И он, и Пра
Не спали до утра,
и т. д.

(Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. С. 317–318. Упоминается коктебельская кофейня А.Г. и В.С. Синопли «Бубны», открывшаяся в августе 1912 г.).

[7] Стихотворение было написано Волошиным на плакате его работы с изображением М.А. Дейши-Сионицкой в виде ведьмы на помеле (ДМВ; ср.: Т. 2 наст. изд. С. 474).

[8] См. примеч. 14 к п. 255.

[9] О.Э. Мандельштам приехал в Коктебель около 23 июня, А.И. Ходасевич – вероятно, 26 июня (Труды и дни-2. С. 22).

[10] Рыбак и лодочник, сторож на коктебельских дачах.

[11] Встреча Волошина с В.А. Рогозинским, приехавшим в Феодосию из Москвы вместе с Ходасевичем 1 июня, состоялась, видимо, 11 июня (Труды и дни-2. С. 21).

[12] А.М. Петрова.

[13] См. п. 247, примеч. 1, 2.

[14] Е.П. Паскина.

[15] Е.И. Оболенская и Ф.К. Радецкий.

258. К.В. КАНДАУРОВУ

27 июня 1917 г. Коктебель

27-го июня 1917 года.

Дорогой Константин Васильевич,

мы все глубоко обрадовались, когда пришла весть о твоем исцелении, и предчувствовали, что ты проедешь в Шах-Мамай.[1]

Заглянешь ли ты в Коктебель? И мама и я, мы звали каждый от себя приезжать Юлию Леонидовну.[2] Есть ли надежда, что она приедет?

В этом году никого из обормотов. Из близких только Львовы и Ходасевичи. Даже Володя[3] еще ни разу не собрался к нам.

Это, впрочем, не мешает Дейше обвинять обормотов во всех невыясненных коктебельских нарушениях порядка и меня в подстрекательстве, большевизме и собирать подписи в деревне для изгнания нас с Пра из Коктебеля.[4]

Я за это время подготовил книгу переводов Верхарна и другую собственных Избранных Стихотворений «ИВЕРНИ»;[5] писал за это время и свои стихи (одно посылаю).[6] Мама все время чувствовала себя не хорошо, но и не слишком плохо, только теперь она начинает чересчур утомляться. В Феодосии я почти не бываю, вообще все время сижу дома и работаю. Что делается у Лампси? Как поживает Анна Владимировна?[7] До какого времени у тебя отпуск и ты сможешь остаться в Крыму? Мне бы очень хотелось собраться на несколько дней в Шах-Мамай, пока ты там,

но почему-то стало ужасно трудно куда-нибудь выбраться из Коктебеля летом. Мне предстоит новая явка в Воинское присутствие на осмотр, вероятно в августе. Ходасевич уже прошел это и освобожден окончательно.[8] Из художников, кроме Валентины Ходасевич, в этом году нет никого, зато обилие балетных.

Я надумался выставить в столовой у Елены Павловны[9] мои акварели на продажу по 10-15 рублей и уже продал на 200 рублей.

До свиданья. Привет Анне Владимировне, Лиде и Николаю Михайловичу.[10]

МАХ.

[1] См. п. 257, примеч. 2, 4.

[2] См. п. 257. Е.О. звала Ю.Л. Оболенскую в недатированном письме приехать в Коктебель по получении известия о полном выздоровлении К.В. Кандаурова (РГАЛИ, ф. 2080, оп. 1, ед. хр. 21).

[3] В.А. Рогозинский.

[4] Ср. п. 257, примеч. 7.

[5] См. п. 247, примеч. 1.

[6] К письму приложен автограф стихотворения «Ветер с неба клочья облак вытер...» (20 июня 1917). См.: Т. 1 наст. изд. С. 167.

[7] А.В. Кандаурова.

[8] В.Ф. Ходасевич получил освобождение от военной службы на переосвидетельствовании в Феодосии 12 июня (Труды и дни-2. С. 21).

[9] Е.П. Паскина.

[10] Л.А. и Н.М. Лампси, жившие в Шах-Мамае.

259. А.М. ПЕТРОВОЙ

4 июля 1917 г. Коктебель

4-го июля 1917 г. Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна,

очень огорчился, узнав, что Ваша операция опять откладывается и, значит, снова надо будет готовиться и волноваться.[1] Но, может, так лучше. Вчера совершенно неожиданно полу-

чил цыдульку от Маргариты, в которой она извещает о своем благополучном прибытии в Россию. Она только три дня как в Москве, да четыре дня провела в Петербурге у Лили.[2] Я, конечно, зову ее в Коктебель и думаю, что она приедет или сейчас, или осенью, потому что дома у них, как она пишет, очень тяжелая и безнадежная атмосфера. Я несказанно рад тому, что она, наконец, в России и дышит русским воздухом. Пишет, что после революции совсем не находила себе места за границей, что почувствовала в Петербурге, какая полнота жизни в России, но в Москве, «как всегда, благодаря домашнему настроению, душно и видишь одну негативную сторону жизни». Просит передать Вам, что очень любит Вас.[3]

Была в Коктебеле Юлия Феодоровна,[4] но вчера, получив какие-то неприятные вести, должна была уехать вместе с бароном[5] в Петербург. Лютик осталась здесь.[6] Вар<вара> Матв<еевна> не приезжала.[7] Ваше «Евангелие от ИОАННА»[8] Вы, по ее словам, дали не ей, а Варваре Матвеевне, и оно осталось у нее еще.

Юлия Феодоровна очень жалела, что так Вас и не повидала, но она провела здесь меньше двух недель. Мне жаль, что она уехала: за отсутствием обормотов[9] она была самым близким человеком.

У нас неспокойно: пошаливают по дачам, хотя и не серьезно, у меня в мастерской были раз на рассвете, но не успели ничего дурного наделать, ни украсть.

Я последнее время опять начал писать стихи. Посылаю Вам два.[10] Обратите внимание на «Подмастерье».[11] Оно будет служить вступлением к «Иверням»,[12] я хот<е>л раньше это написать прозой,[13] но потом вышли естественно стихи. В нем мое поэтическое «Исповедание Веры». Сейчас пишу еще одно большое стихотворение о материнстве и сыновности, но еще не могу его послать.[13]

Сейчас стихи вытеснили живопись, и я пока в этом году, кроме акварелек для продажи, ничего не делал. Я в Коктебеле продал на 200 рублей.[14] И еще 40 Юл<ия> Феод<оровна> увезла в Петербург, чтобы пустить в продажу там. Если так будет продолжаться, то это прямо устроит материально мою

жизнь и освободит от ненужной журнальной работы, о чем я всегда мечтал.

До свиданья, Александра Михайловна. На когда же отложена Ваша операция? Как Вы себя сейчас чувствуете?

Привет Нине Александровне.[15] Видаете ли Кандауровых?[16] Что там делается?

Max.

[1] См. примеч. 18 к п. 248, примеч. 11 к п. 256. 29 июня 1917 г. А.М. Петрова сообщила Волошину: «Вернулась из Симферополя, где, ввиду сильного истощения и отсутствия угрозы со стороны опухоли, решено было операцию отложить» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954, л. 12).

[2] В письме к Волошину от 30 июня 1917 г. М.В. Сабашникова сообщала, что приехала в Москву «во вторник», т.е. 27 июня: «...в Петербурге жила 4 дня у Лили <Е.И. Васильева. – *Ред.*>. Нашла маму и папу ужасно постаревшими и дома все в том же духе тяжело и еще тяжелее. Но я рада, что вернулась в Россию. После революции совершенно не находила себе места за границей <...>. В Петербурге мне было очень хорошо, и я почувствовала, какая полнота жизни в России. Тут же, как всегда, благодаря домашнему настроению, душно и видишь одну негативную сторону жизни» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1065).

[3] Отношения Сабашниковой и Петровой какое-то время были осложнены обстоятельствами, связанными с выходом последней из состава Антропософского общества, и «поведением» Л.Л. Кватковского. (Об этом см.: примеч. 5 к п. 74).

[4] Ю.Ф. Львова приехала в Коктебель предположительно 20 июня (Труды и дни-2. С. 22).

[5] Штаб-ротмистр барон Георгий Владимирович Кусов (1887 – ок. 1943).

[6] Ольга Александровна Ваксель, дочь Ю.Ф. Львовой.

[7] В.М. Баруздина отдыхала в Коктебеле летом 1916 г. См. п. 189, примеч. 16.

[8] Видимо, имеется в виду цикл из 12 лекций Р. Штейнера «Евангелие от Иоанна» («Das Johannes-Evangelium»), прочитанный в Гамбурге 18–31 мая 1908 г., который Петрова получила в пору своего членства в Антропософском обществе. Об этом цикле Сабашникова

спрашивала Волошина в письме от 13/26 ноября 1913 г.: «Прочел ли русскую лекцию и Евангелие Иоанна <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1065).

[9] См. примеч. 9 к п. 21.

[10] Вероятно, кроме стихотворения «Подмастерье» Волошин выслал Петровой стихотворение «Ветер с неба клочья облак вытер...» (20 июня 1917 г.). (См.: Т. 1 наст. изд. С. 167, 216).

[11] Стихотворение «Подмастерье», посвященное Ю.Ф. Львовой, было напечатано в качестве вступления к сборнику избранных стихотворений «Иверни». См. примеч. 5 к п. 247.

[12] Сохранилось прозаическое предисловие к сборнику «Иверни», написанное Волошиным, под названием «Предварение» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 362–363).

[13] Речь идет о стихотворение «Материнство», законченном 8 июля 1917 г. (см.: Т. 1 наст. изд. С. 151, 487).

[14] См. п. 257.

[15] Н.А. Айвазовская.

[16] К.В. Кандауров и его жена А.В. Кандаурова приехали в Феодосию 18 июня 1917 г., на другой же день отбыли в имение Н.М. Лампси Шах-Мамай. См. п. 258.

260. В КОНТОРУ ГАЗЕТЫ «РЕЧЬ»

4 июля 1917 г. Коктебель[1]

Коктебель (Крым). 4/7 1917.

В контору газеты «Речь».

Покорнейше прошу Вас выслать мне 5 номеров «Речи» от 4-го июня 1917 г. (номер 129-й), а также гонорар за фельетон «Голоса поэтов», помещенный в этом номере.[2]

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Коктебель. 5.7.17. Печатка: 24 июл 1917.

[2] См. п. 238, примеч. 2.

261. Ю.Ф. ЛЬВОВОЙ

15 июля 1917 г. Коктебель[1]

15/7 – 1917 г. Коктебель.

Дорогая Юлия Феодоровна,

кажется, что с Вашего отъезда прошло не десять дней,[2] а много месяцев, до такой степени события внешней жизни идут нарастая. Как и каким застали Вы Петербург? В Коктебеле это переживается туманно преувеличенно и перемешивается со здешними событиями: умер третьего дня Манасеин.[3] Он умирал тяжело и без просветления. Мы с Григорием Спиридоновичем[4] его обмывали и одевали: в первый раз я видел смерть в такой неприглядной близости, точно это было предупреждение, что теперь надо быть готовым ко многим зрелищам и скрепить сердце круто. Вчера его похоронили. Как всегда, патетическое было перемешано с шутовским и от плакатов для кабаре надо было переходить к омовению покойника, а от похорон к писанию декораций. Не знаю, Вашими ли влияниями, но с мамой теперь стало гораздо лучше и наступило какое-то успокоение. Посылаю Вам стихи «Материнство», которые я дописал дня через два после вашего отъезда.[5] Во мне сейчас нарастает какая-то новая большая вещь, в которой будет ответ на совершающееся в России. Она требует себе места.

Не помню, при Вас ли еще я получил от Маргариты Васильевны извещение, что она приехала в Россию?[6] Получил тоже телеграмму от моих друзей Цетлиных, что они уже в Москве. Жду их всех в Коктебель осенью. Но сейчас также странно говорить об каких бы то ни было ожиданиях и планах, как если бы мы уже сорвались в последний водоворот Апокалипсиса.

Как обстоят Ваши личные дела? Есть ли надежда на то, что Вы вернетесь осенью в Коктебель?

Видали ли или увидите Вы Лилю?[7]

Привет Кусявке.[8] Очень прошу его не забыть о моих поручениях. Как жаль, как несправедливо, что вы теперь именно уехали, и как чувствуется ваше отсутствие во всем.

Максимилиан Волошин.

Спасибо за книги и за оттиски статей.

[1] Машинопись. Подпись и приписка под нею — автограф.

[2] Ю.Ф. Львова приехала в Коктебель, видимо, 20 июня 1917 г., отбыла в Петроград 3 июля (Труды и дни-2. С. 22, 23).

[3] М.П. Манасеин скончался 13 июля.

[4] Г.С. Петров.

[5] Стихотворение «Материнство» («Мрак... Матерь... Смерть... созвучное единство...»), датировано 8 июля 1917 г. См.: Т. 1 наст. изд. С. 151—152. Машинописный текст стихотворения приложен к письму (РГАЛИ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 8, л. 2).

[6] Это письмо М.В. Сабашниковой от 30 июня 1917 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1065, л. 40) было получено Волошиным в день отъезда Львовой из Коктебеля — 3 июля.

[7] Е.И. Васильева. 5 июня 1917 г. она писала Волошину из Петрограда: «...хотела бы что-нибудь знать о тебе — нет ли новых стихов? Писала тебе два раза зимой — ответа не было; помнишь ли ты меня, знаешь ли ты еще меня, Макс?» (*Черубина де Габриак.* Из мира уйти неразгаданной... Феодосия; М., 2009. С. 83).

[8] Прозвище штаб-ротмистра барона Г.В. Кусова, сопровождавшего Львову в Коктебель.

262. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

17 июля 1917 г. Коктебель

17/7.1917 г. Коктебель. (Крым).

Дорогая Александра Васильевна,

Я пишу Вам это письмо и не знаю, дойдет ли оно до Вас... У меня такое чувство, точно я говорю из глубины какой-то преисподней, отделенный не только пространствами, но и веками от Европы и Парижа. Всероссийский развал сразу кинул нас в эпоху переселения народов и монгольских нашествий. И хотя сохранились еще отдельные оазисы, где

жизнь еще течет по инерции и действительность врывается только в виде газетных листов (Коктебель – один из них), но сознаешь ясно, что это только короткая отсрочка и что следующая волна захлестнет и затопит собою. Я стараюсь представить себе Ваше отношение и Ваш гнев, но не могу. Но еще меньше могу себе представить Ваш дом и Ваши комнаты без Владимира Августовича.[1] Когда человек уходит из жизни в такое время и на таком расстоянии, то нельзя поверить его уходу: я слышу ясно его желчные интонации и вижу жест, которым он развертывает вечернюю газету. Здесь мы живем окруженные смертями далеких и близких,[2] и этот круг постепенно подступает и суживается. Воистину наступили времена, когда живые могут завидовать тем, кто уже умер. С самого начала я не питал никаких иллюзий относительно русской революции: я глубоко радовался тому, чему можно было порадоваться: падению старого строя, но не возлагал никаких надежд на революционное строительство. Ни на международную честность. Все совершающееся теперь я предвидел и предвижу еще худшее, но в этом предвидении нет ничего утешительного. Первое, что меня уязвило еще в самом начале марта, – это дух предательства по отношению к союзникам, скрытая нелюбовь к Франции и Англии, тайное, а потом и явное тяготение к Германии. Когда я пытался говорить и писать о международном «долге чести» России и об историческом наследстве, то это производило впечатление скандала, а статьи мои не могли пройти нигде.[3] Тогда от русских «писателей» мне приходилось слышать в ответ: это всё обязательства старого правительства, которые для нас не могут иметь значения – у нас есть теперь более важное, чем война, – наша революция. Словом, первое инстинктивное движение интеллигенции было то же самое, что теперь расцвело и принесло свои плоды у большевиков. Да и могло ли быть иначе у тех, кто всегда был в вассальном подчинении у Германии?

Только что меня прервали: пришли сказать, что одна молодая дама, что живет у нас и у которой умирает сейчас ребенок, ползает на коленях по острым камням вокруг дома

и молится...[4] Дама – писательница и атеистка. Вот еще одно судорожное движение той волны, которая растет в России со всех сторон и от которой, очевидно, не уйдет ни один человек.

До свиданья, дорогая Александра Васильевна (где и когда?). Привет Лоло, Тата[5] и Каролине.

Максимилиан Волошин.

P.S. Простите, что пишу на машинке:[6] рукою писать все труднее, от перелома она немеет.[7]

[1] В феврале 1917 г. умер В.А. Гольштейн, муж А.В. Гольштейн.

[2] См. примеч. 14 к п. 255, примеч. 3 к п. 261.

[3] Об этом Волошин писал в статье «Ответственность за правительство» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 358–361, 869). См. также статью Волошина «Россия Распятая» (*Там же*. С. 454–505, 894).

[4] Речь идет об А.И. Цветаевой и ее сыне Алеше.

[5] А.Ю. Семенов, Н.Ю. Семенова.

[6] См. примеч. 1 к п. 246.

[7] См. примеч. 6 к п. 158.

263. А.М. ПЕТРОВОЙ

17 июля 1917 г. Коктебель

17/7 1917 – Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна,

13 июля умер Михаил Петрович Манасеин,[1] а на следующий день его хоронили. Катя[2] приняла этот удар порывисто и страстно. Наталья Ивановна[3] более спокойно, вероятно, благодаря собственной болезни. Поликсена Сергеевна[4] на следующий день сама слегла от припадка печени. Но в общем это, конечно, для всех большое облегчение, потому что М.П. во время болезни был ненормален, буен, постоянно терял сознание действительности, и атмосфера в доме была совершенно невыносима. Похоронили его на Коктебельском кладбище рядом с Павлом Павловичем[5] и ба<б>ушкой.[6]

Очень меня огорчило, Александра Михайловна, что вы не приняли моих новых стихов.[7] Не то, конечно, что Вы об них пишете: вы знаете, что я люблю Вашу критику независимо от того, кажется ли она мне справедливой или нет, а просто потому, что люблю ее страстность, искренность и стремительность. Но относительно этих стихов я думаю, что Вы просто их не восприняли, как следует, или не тем ритмом прочли про себя. Я в обоих них уверен. И такой придирчивый критик и пурист стиха, как Ходасевич, их одобрил вполне. Но «Подмастерье» и есть по замыслу стихотворение дидактическое и написано, и обработано, как таковое.[8] Оно написано вполне по тому рецепту, который в нем изложен: «Речение, в котором все слова притерты, пригнаны и сплавлены... становится лирической строфой...». Боюсь, что Вас сбило мое сообщение о том, что вначале оно было прозаическим предисловием. Но я вовсе не «переделывал» мою прозу в стихи: я просто ее продолжал обрабатывать и чеканить до тех пор, пока она не стала стихом — вот и все: так же написаны были и *«Аполлион»*,[9] *«Воскресение Мертвых»*.[10] А дидактично оно по самой теме своей и по замыслу. Дидактическая поэзия существует и имеет все права на существование, и может быть плохой и хорошей в зависимости от того, как она сделана, а вовсе не потому, что она «дидактическая». Если лирика переход<и>т в дидактику — это, конечно, недостаток, но в дидактике самой по себе ничего антиэстетического нет.

Словом, мне необходимо самому пр<о>честь его Вам вслух, и тогда Вы, наверное, с ним примиритесь. Что же касается другого, то оно задумано чисто музыкально, и к нему нечего прибавить.

Посылаю Вам новое стихотворение *«Материнство»*.[11] Я очень стою за него; оно образует параллель *«Пещере»*.[12]

Мы с мамой говорили на днях о том, где и как придется проводить эту зиму: едва ли возможно будет уехать куда-нибудь на север. Для меня тогда прямой расчет зимовать в Коктебеле, но мама немного боится этого и говорила о том, чтобы устроиться на самые неприютные месяцы в Феодосии

и, кажется, хочет просить Вас, не отдадите ли вы ей комнаты. Об себе я ничего не знаю, т<ак> к<ак> все еще будет зависеть от того, буду ли я призван на военную службу, что решится 25 августа.[13]

Пока до свиданья. Привет Нине Александровне.[14]

MAX.

[1] Об этом см. также п. 261.

[2] Е.М. Манасеина, дочь М.П. Манасеина.

[3] Н.И. Манасеина, жена М.П. Манасеина.

[4] П.С. Соловьева.

[5] П.П. фон Теш, врач, гражданский муж Е.О. Кириенко-Волошиной.

[6] Н.Г. Глазер (урожд. Зоммер), бабушка Волошина.

[7] См. п. 259, примеч. 10—12. Отклик Волошина на критику Петровой, которая писала в недатированном письме: «“Подмастерье” — какая-то дидактика», а 28 июля еще раз признавалась: «Я *не поняла* “Подмастерья”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954, л. 13).

[8] Цитата из стихотворения «Подмастерье» (Т. 1 наст. изд. С. 216).

[9] Стихотворение Волошина 1915 г. (окончательное название после переработки — «Война»). См.: Т. 2 наст. изд. С. 39—43. Отклик Петровой о нем см. в примеч. 3 к п. 125.

[10] Окончательное название этого стихотворения — «Суд» (Т. 2 наст. изд. С. 60—64).

[11] О стихотворении «Материнство» Петрова писала: «От “Материнства”, конечно, в полном восторге. Приветствую! Мне глубоко интересно, как Елена Оттоб<альдовна> к нему? Ведь это ее стихотворение. Нравится ли ей. Жду очень прослушать от Вас. Вы скажете, что мало пишу о нем? — “Анатомировать” можно лишь труп — плохо то произведение искусства, которое можно “разбирать”. Это мой (ого!) афоризм. Не спрашивайте больше. В ответе на такой стих можно запеть, протанцевать, но не “разбирать” его. Оставьте уж в моей душе эту первобытность» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954, л. 13).

[12] Об этом стихотворении см. примеч. 5 к п. 164.

[13] Речь идет об очередном призыве в действующую армию.

[14] Н.А. Айвазовская.

264а. Б.В. САВИНКОВУ

Начало августа 1917 г. Коктебель.[1]

Д<орогой> Б<орис> В<икторович>,

Ваша судьба волнует и приводит в восторг.

В революции пленяет меня сказочность превращений человека и вещей – неожиданность падений, и сказочность взлетов.

Только в них выявляется на миг лик Божий из мрака.

Все остальное: весь ил и муть растревоженных душ – это просто физиология, простейший процесс – как разложение трупа (и медленное чудо прорастания ростка).

Еще не прошло 20 месяцев с тех пор, как Вы, собираясь поступать во французскую армию,[2] говорили о том, что к концу войны вы будете никак не меньше, чем квартирмейстером от кавалерии, и вот вы во главе *русского* военного министерства.[3] Это головокружительно и глубоко логично, не логикой ежедневности, но «звездной» логикой, логикой звезд, руководящих ходом истории и судьбами отдельных людей.

Ваша жизнь, как она идет в целом, – такова.

У человека есть две творческие силы:

По отношении к будущему – это *Вера,* «обличение вещей невидимых»[4], – по отн<ошению> к настоящему – разум, с его все обнимающими микроскопическими делениями – скептицизмом, критицизмом, здравым смыслом, презрением.

Эти две силы противоположны, и соединение их в одном луче рождает взрыв – молнию – *действие.*

Но эти силы обычно стараются соединить химически в политический пакт, партийную программу (целлулоид из нитроглицерина!).

Отсюда ненависть и презрение к «идеологии» у тех, кто работал не над разложением общины, а над новыми государственными сплавами, как Цезарь и Наполеон. Сюда же я

отношу и Ваше презрение к партийным программам. Вера в человека, презрение к человечеству.

Из всех людей, выдвинутых революцией, я вижу в вас единственно<го> «литейщика», потому что только <в> вас <?> глубокая религиозная вера соединяется с таким же глубоким критическим знанием человека.

Так в Керенском я вижу эту глубокую веру в человека, но не знаю, достаточно ли в нем *«презрения» к человечеству.* А без этого ничего не выйдет.

Между тем вся линия Вашей судьбы и то удивительное счастье, которое хранило Вас на всех путях, дают право верить в Вашу предназначенность.

Не знаю, будет ли у Вас время пробежать эти слова, но мне казалось, что нужно написать их Вам.

Я сам живу в своей пустыне — в Коктебеле: верно, останусь здесь всю зиму. Мое дело — понимание и претворение в слово. Ему я и отдаюсь.

Но если те именно силы, что есть во мне, могут понадобиться для Вашего сплава, то я с радостью даю Вам право располагать мною.

Крепко обнимаю Вас.

М.

[1] Первоначальная черновая редакция текста письма. Автограф — в архиве Волошина.

[2] См. примеч. 1 к п. 152, примеч. 3 к п. 153.

[3] С 19 июля 1917 г. Савинков — товарищ министра, управляющий Военного министерства при министре А.Ф. Керенском. Выступал за восстановление в армии железной дисциплины, против разлагающего армию большевизма. Позднее, 27 августа 1917 г. был назначен военным губернатором Петрограда и исполняющим обязанности командующего войсками Петроградского военного округа с оставлением в должности управляющего Военным министерством, однако под давлением левых сил был отправлен в отставку с освобождением от всех постов.

[4] См.: Евр. XI, 1.

2646. Б.В. САВИНКОВУ

6 августа 1917 г. Коктебель[1]

Коктебель (Крым).
6 августа 1917 г.

Дорогой Борис Викторович,

ваша судьба глубоко волнует меня. Меня всегда пленяла сказочность неожиданных превращений: человеческих взлетов и падений. Только они выявляют на мгновение скрытые лики руководящих сил. Вся остальная обыденность революций, ил и муть растревоженных душ и вожделений, только естественный физиологический процесс, простой, как разложение трупа.

Не прошло еще двадцати месяцев, как Вы, собираясь идти волонтером, говорили мне, что к концу войны Вы будете никак не меньше, чем квартирмейстером от кавалерии, и вот Вы во главе *русского* военного министерства! Это головокружительно и логично: конечно, не обыденной, но «звездной» логикой планет, руководящих ходом истории и судьбами отдельных избранных.

Человеку даны две творческие силы: по отношению к будущему – вера (обличение вещей невидимых), по отношению к настоящему – разум (критицизм, скептицизм). Их субъективная окраска – энтузиазм и презрение. Эти силы противуположны и полярны, и соединение их в одном лице рождает взрыв, молнию – действие. Но обычно их стараются обезопасить и соединить в устойчивой химической комбинации в виде политической теории или партийной программы: целлулоид, приготовляемый из нитроглицерина. Отсюда рождается та ненависть к «идеологиям», отличающая носителей молний, создававших великие государственные сплавы, – Цезарей и Наполеонов.

И я невольно, Борис Викторович, вспоминаю Вашу веру в человека и Ваше презрение к человечеству и ненависть к «партийным программам». Среди всех людей, выдвинутых революцией, и являющихся в большинстве случаев микробами разложения, я только в Вас вижу настоя-

щего «литейщика», действенное сочетание религиозной веры с безнадежным знанием людей.

Не знаю, в какой момент доведется Вам пробежать это письмо, но мне казалось, что его надо написать. Я сам живу в Коктебеле, в уединении и молчании, и заклинаю действительность теми силами, что мне даны: пониманием и словом. Вероятно, буду здесь и зимовать.

Но если те силы, что есть во мне, могут понадобиться для вашего сплава, то я с радостью предоставлю их в Ваше распоряжение.

Крепко обнимаю Вас.[2]

[1] Машинописная копия текста, отправленного адресату.

[2] Савинков ответил 15 августа 1917 г. телеграммой: «Спасибо за письмо, обнимаю» (Звезда. 1996. № 2. С. 191).

265. А.М. ПЕТРОВОЙ

7 августа 1917 г. Коктебель

7 августа 1917 г. Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна,

все это лето отмечено у нас необъяснимым рядом смертей: главным образом детских. Только в нашем доме умерло трое детей.[1] Между ними Асин Алеша, сын Маврикия. В доме Манасеиных веянье смерти. Наталья Ивановна[2] совсем плоха и приводит всех в полное отчаянье своим нежеланием лечиться и упрямством. Поликсена Сергеевна[3] после смерти М.П.[4] совсем слегла и теперь только с трудом начинает поправляться. Все лежит на Кате,[5] которая сама еле перемогается и которой надо ехать в Петербург устраивать дела с наследством, с квартирой, со своим отпуском из театра. Самое разумное было бы перевести Н.И. в санаторию хотя бы в Ялту, пока это возможно, но она и слышать об этом не хочет и все порывается хлопотать по хозяйству, когда ей и двигаться строго запрещено. Приезжала Юлия Леонидовна,[6] тотчас же забо-

лела, лежала, тосковала, не получая никаких известий от Кон<стантина> Вас<ильевича>[7] и теперь, поправившись, уехала к Рагозинским <в> Феодосию, т<ак> к<ак> там все легче установить сношения с Шах-Мамаем.[8] Анна Владимировна[9] начала неистовствовать совершенно неожиданно в день приезда Ю.Л.: устроила большой спектакль специально для Лампси,[10] чтобы показать, какая она жертва и как много она терпит. Как всегда, это было великолепно по своей неожиданности и буйности проявлений. (Пред этим в Москве у нее были самые лучшие отношения с Ю.Л.). Бедный Кон<стантин> Вас<ильевич> — он даже по телефону, даже написать не мог Юл<ии>, а она мучилась все время т<е>м, что вместо радости она принесла своим приездом только возобновление старых историй, не повторявшихся в таком размере с 1914 г.[11] Да, она умеет исчерпать все возможности своего законного положения — АН<на> ВЛ<адимировна>!

Как я рад. что Вы все же признали *«Подмастерье»*.[12] Мне очень важно Ваше мнение. Вы это знаете, и Ваше отрицание меня очень огорчило, тем более что мне предстоит еще ряд стихотворений в этой же полосе. Я их уже начал, но разные внешние события перебили опять мою работу, и теперь я жду первого дуновения августовской свежести, чтобы снова приняться за работу. Осень рано в этом году свеяла всех близких, но не разредила ненужного народонаселения Коктебеля. Ходасевичи уже уехали, к великому сожалению.

Наши внешние дела меня стали меньше волновать, вероятно, благодаря составу нового правительства, в которое вошли люди, которых я знаю так близко и которым верю: Авксентьев,[13] Савинков... Особенно последний. В нем есть все данные созидающей государственной воли. Я писал ему на днях:

«Ваша судьба глубоко волнует меня. В революциях меня всегда пленяла сказочность неожиданных превращений: человеческих взлетов и падений. Только они выявляют на мгновение скрытые лики руководящих сил. Вся остальная обыденность революций, ил и муть растревоженных

душ и вожделений – только естественный физиологический пр<о>цесс, простой, как разложение трупа. Не пр<о>шло еще двадцати месяцев, как Вы, собираясь идти волонтером во Франции, говорили мне, что к концу войны будете квартирмейстером от кавалерии и не помиритесь на меньшем. И вот Вы во главе *Русского* военного министерства! Это головокружительно и логично: конечно, не обыденной, но "звездной" логикой планет, руководящих ходом истории и судьбами отдельных избранных. Человеку даны две творческих силы: по отношению к будущему – Вера (обличение вещей невидимых), по отношению к настоящему – разум (критицизм, скептицизм). Их субъективная окраска – энтузиазм и презрение. Силы эти противоположны и полярны, и соединение их в одном лице рождает взрыв, молнию – действие. Но обычно их стараются обезопасить, соединить в устойчивой хим<и>ческой комбинации, в виде политической теории или партийной программы: целлулоид, приготовляемый из нитроглицерина! Отсюда ненависть к *«идеологиям»*, отличающая носителей молний, создававших великие государственные сплавы, – Цезарей и Наполеонов. Из всех людей, выдвинутых революцией и являющихся в большинстве случаев микробами разложения, я только в Вас вижу настоящего "литейщика", действенное и молниеносное сочетание религиозной веры с безнадежным знанием людей».[14]

Я все это лето живу опять с пророками, главным образом с Иеремией:[15] вот настоящий большевик, дошедший до последних выводов. И еще с одним только что умершим французским писателем с гневной и пламенной душой библейского пророка – Леоном Блуа. Я Вас как-нибудь познакомлю с ним в отрывках. Он совсем не переведен на русский язык.

До свиданья. Привет Нине Александровне.[16] Напишите о ходе Вашего здоровья.

МАХ.

[1] Алеша Минц (1916–1917), сын А.И. Цветаевой и М.А. Минца, умер в Коктебеле 18 июля. В июле 1917 г. в доме Волошина у жильцов – художника Владимира Курдюмова и его жены Ольги Николаевны умер сын Алик (Труды и дни-2. С. 24).

[2] Н.И. Манасеина.

[3] П.С. Соловьева.

[4] М.П. Манасеин.

[5] Е.М. Манасеина.

[6] Ю.Л. Оболенская приезжала в Коктебель в конце июля 1917 г. (Труды и дни-2. С. 24).

[7] К.В. Кандауров.

[8] Интерес Оболенской к имению Н.М. Лампси Шах-Мамай был связан с пребыванием там К.В. Кандаурова. См. примеч. 16 к п. 259.

[9] А.В. Кандаурова, жена К.В. Кандаурова.

[10] П.Н. Лампси.

[11] См. п. 95, примеч. 11.

[12] Петрова первоначально высказалась критически в адрес новых стихов Волошина, и в первую очередь «Подмастерья». См. примеч. 10, 11 к п. 259.

[13] Второе коалиционное правительство во главе с А.Ф. Керенским сформировалось 24 июля 1917 г. Николай Дмитриевич Авксентьев – товарищ Волошина по университету, первый муж М.С. Цетлиной, один из лидеров и член ЦК партии эсеров, после Февральской революции – председатель Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, позже министр внутренних дел.

[14] Цитата из п. 264. 10 августа 1917 г. Петрова отвечала Волошину: «Я немного уснула, а Вы мне опять душу дыбом подняли <...> выразили Савинкову о нем то, что формулировалось у меня относительно Корнилова. Вы – в Савинкове, а я в Корнилове вижу то, что Вы так изумительно написали. Эта Ваша страница – сплошная красота, потому что – сплошная правда. Не знаю, с которой стороны даже восхищаться ею: со стороны ли содержания, или ее изумительной чеканки. <....> Вы Савинкова знаете; мне крайне интересно то, что Вы в нем и по поводу него видите. Но за это время, в этом же аспекте у меня Корнилов. Его "чеканка" мне кажется из более упругого материала. <....> он сам, и вокруг него "нарастает". Не кажется ли Вам, что все наши силы, в числе их и Савинков, как бы пестуют его, готовя к великой, жертвенной роли – диктатора?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954, л. 15 – 15 об.).

[15] Иеремия (ок. 645 – после 586 до н.э.) – второй из так называемых «больших пророков» Ветхого Завета. «Книга пророка Иеремии» охватывает Вавилонское пленение, возвращение евреев к свободе после 70 лет рабства, всемирное их рассеяние и содержит пророчества о суде над язычниками и судьбе остатка еврейского народа.

[16] Н.А. Айвазовская.

266. А.К. ГЕРЦЫК

7 августа 1917 г. Коктебель

7 мая[1] 1917 г. Коктебель.

Дорогая Аделаида Казимировна,

только на днях получил Вашу открытку.[2] Спасибо за приглашение: я сам все время думал о поездке в Судак, но обстоятельства складываются так, что летом бывает очень трудно выбраться из Коктебеля – и внешне, и внутренне. Все это лето сложилось катастрофично: три детских смерти у нас в доме,[3] смерть Манасеина,[4] все это превратило текущее лето в ряд похорон и умираний. Вы знаете, верно, что умер Асин муж Маврикий[5], а вслед за ним его ребенок Алеша. Теперь Ася переехала с Андрюшей[6] в Феодосию и будет там зимовать и надеется, что Марина[7] приедет зимою к ней. Мы тоже, вероятно, вместе с мамой останемся на всю зиму в Коктебеле. Куда же теперь ехать? А Вы? Когда думаете Вы ехать в Москву? Впрочем, моя лично судьба будет еще зависеть от призыва: мне снова надо являться 25 августа.[8] Еще затрудняет мою поездку в Судак способ передвижения: мой велосипед в неисправности, а бежать пешком у меня что-то не хватает энергии, несмотря на желание повидать Вас, Герш<е>нзонов и О.В. Кончаловскую.[9]

За это лето я подготовил целую книжку о Верхарне со многими новыми переводами, книжку своих стихов (избранных) «ИВЕРНИ».[10] Обе они должны выйти осенью в дешевом издании.

Кроме того, писал и свои стихи. Посылаю Вам одно – «Материнство».[11]

Привет всем, напишите, до каких пор Вы остаетесь в Судаке? Быть может, я найду еще оказию приехать к Вам. Как выросли все пространственные расстояния за эти годы!

Максим<лиан>.

[1] В авторизованной машинописной копии ошибка в датировке.

[2] В открытке от 19 июля 1917 г. из Судака А.К. Герцык писала: «От Ал<ександры> Мих<айловны> <Петровой. – *Ред.*> знаю, что у Вас была астма – поправились теперь? У нас живет Ольга Васильевна Кончаловская (дочь Сурикова); она просит меня напомнить Вам, что Вы хотели прочесть ей монографию об ее отце до напечатания ее. Она остается в Судаке до августа. Напишите, предвидится ли возможность побывать у нас, и чем Вы сейчас заняты более всего? <...> Гершензоны – здесь и в восторге от Судака» (*Сестры Герцык.* Письма / Сост. и коммент. Т.Н. Жуковской. СПб.: ИНАПРЕСС; М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2002. С. 165. Исправлено по автографу: ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 409, л. 32).

[3] См. п. 262, примеч. 4, примеч. 1 к п. 265.

[4] См. п. 263.

[5] М.А. Минц. См. примеч. 8 к п. 257.

[6] А.И. Цветаева и ее сын от первого брака Андрей Борисович Трухачев.

[7] М.И. Цветаева.

[8] См. примеч. 13 к п. 263.

[9] Мария Борисовна Гершензон (урожд. Гольденвейзер; 1873–1940), Михаил Осипович Гершензон (1869–1925), философ, историк литературы, публицист; Ольга Васильевна Кончаловская (урожд. Сурикова, 1878–1958), дочь В.И. Сурикова, жена П.П. Кончаловского. См. п. 254, примеч. 10.

[10] См. примеч. 1, 3, 5 к п. 247.

[11] Откликаясь на стихотворение «Материнство», А.К. Герцык писала Волошину 30 августа 1917 г.: «Спасибо горячее за “Материнство”. Есть в нем великолепные строки и самый образ, и антитезы... Не знаете Вы только, что мать *не тоскует*, когда узнает в сыне не ею рожденного, иного непокорного... В этом – восторг и награда. <...> Мы здесь зимуем *все* – это решено. И потому ждем Вас хотя бы поздней осенью – все равно когда» (*Сестры Герцык.* Письма. С. 165).

267. Р.М. ГОЛЬДОВСКОЙ

8 августа 1917 г. Коктебель

8-го августа 1917 г. Коктебель.

Дорогая Рашель Мироновна,

прошло два летних месяца, и я за это время не мог найти минуты внутренней тишины и внешнего молчания, чтобы написать Вам. Это лето Коктебель переполнен людьми и всё чужими: своих почти никого. Катастрофы русской жизни в нем мало отражаются прямыми отражениями, но подступают к сердцу изнутри. И почему-то это лето полно смертей и похорон. За эти месяцы трое детей умерло на нашей даче и несколько взрослых на соседних: всё какие-то случайности, неожиданные болезни, несчастные случаи, не имеющие никакого отношения к катастрофам большой жизни, но психологически с нею связанные, как мертвая зыбь.

Сейчас наш дом уже поредел своими, уехал Ходасевич,[1] переехала в Феодосию Ася Цветаева, потерявшая за это лето мужа и ребенка...[2] А приезжают и живут и, очевидно, собираются жить всю осень какие-то люди чуждого склада и говора. Верно, беженцы.

Зимою нам, вероятно, придется остаться в Коктебеле: маме нечего и думать ехать в Москву при современном неудобстве путешествия. Да и жить нам там больше негде, так как Рагозинские сами остаются на зиму в Феодосии, он призван на военную службу. Если мама на январь и февраль — самые суровые месяцы — переедет в город, то я постараюсь приехать в Москву (если мама еще отпустит меня, а то я заговорил об этом как-то, и она пришла в ужас, что мы вдруг останемся отрезаны прекращением железнодорожного движения).

Я-то всегда могу остановиться у Цетлиных — молодых моих парижских друзей, которые только что возвратились из эмиграции через Америку и Японию. Мне бы очень хотелось познакомить Вас с ними, если Вы ничего против этого не имеете, Рашель Мироновна. Он, ведь Вы знаете, поэт

очень тонкий и с большим вкусом, а ее Вы, верно, помните по серовскому портрету наклоненной в дверях.[3]

Мне 25 августа предстоит снова являться на воинский осмотр и снова ждать решения своей судьбы.

Это лето я писал много стихов, сперва продолжал переводы Верхарна, потом писал и свои. Посылаю Вам кое-что из нового.

Чем дальше идут исторические события, тем больше неприязни и презрения я чувствую к политике как таковой. Впрочем, это уже застарелая антипатия. Каждый проваливающийся в эту кашу отказывается одновременно и от здравого смысла и от религиозной веры, то есть от тех двух сил, в которых исчерпаны все возможности общественного творчества. Когда они встречаются в одном лице, то происходит взрыв, молния, возникает новый сплав человечества. А мы эти силы стараемся всячески нейтрализировать, изготовляя из них безопасные политические программы... нитроглицерин перерабатываем в целлулоид. Если бы <в> избирателях была хоть капля сознания того, как творится Государственная жизнь, то они никогда не доверили бы власти ни одному человеку, обладающему политической «программой». А между тем эти патенты на творческое бессилие являются в современном политическом строе единственным свидетельством министериабильности. Даже народный восторг, избирающий себе симпатичного героя par acclamation,* предпочтительнее, это напоминает птичку, вытягивающую билетики судьбы, и остается хоть шанс на счастливую случайность.

В составе нового правительства я невольно возлагаю большие надежды на Савинкова, зная его презрение к партийным программам, его практическую волю и его «удачу», которые древние недаром причисляли к добродетелям человека. Я думаю, что у войны есть возможность окончиться к началу 1918 года в том случае, если мы не будем слишком миролюбивы. Но, если нас соблазнит pax Germanica,** то я

* Без голосования *(фр.)*.

** Германский мир *(лат.)*.

думаю, что ни один из ныне живущих на земле, кроме самых маленьких детей, не увидит конца ее, потому что тогда Япония и Америка раскроют шлюзы Китая и смерти хватит материала на сорок лет еще. В последнем случае дело пойдет явно к Страшному Суду. «...И кто будет в то время на крыше дома, не спускайся вниз, чтобы захватить одежду...».[5]

До свиданья, Рашель Мироновна. Привет Надежде Ивановне, О<нисиму> Б<орисовичу>, Лиле, Мише, Еве...[6] я пишу ей.[7]

Максимилиан Волошин.

[1] В.Ф. Ходасевич и А.И. Ходасевич уехали из Коктебеля в конце июля 1917 г.

[2] См. примеч. 8 к п. 257, примеч. 1 к п. 265. А.И. Цветаева вспоминает: «...у Пра и Макса <...> умер в пять дней от дизентерии Алеша. Макс был со мной неотступно» (*Цветаева Анастасия.* Воспоминания. М.: Изографус, 2003. С. 614).

[3] См. примеч. 7 к п. 151.

[4] Развитие положений, сформулированных в письме к Б.В. Савинкову (п. 264).

[5] Мк. XIII, 15–16: «...а кто на кровле, тот не сходи в дом и не входи взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, не обращайся назад взять одежду свою».

[6] Н.И. Ивановская, О.Б. Гольдовский, Е.Я. Эфрон, М.С. Фельдштейн, Е.А. Фельдштейн.

[7] См. п. 268.

268. Е.А. ФЕЛЬДШТЕЙН

10 августа 1917 г. Коктебель

Коктебель. 10 августа 1917 года.

Милая Ева, как всегда летом не оставалось совершенно времени для писем, и вот теперь только выпадают минуты молчания и уединения для беседы с далекими. Я писал Рашель Мироновне,[1] как странно слагалось это лето и сколькими смертями оно было обставлено.[2] Бедной Елисавете Ивановне[3] приходилось играть все время роль

сиделки при чужих детях. Ты спрашиваешь, как она мне нравится.[4] Она сразу пришлась ко двору: и все сразу с ней подружились. Мне нравится ее повадка, манеры, голос, ее сущность, нравится, как она говорит, но часто мешает, *что* она говорит; у нее какая-то однобокость ума, может быть потому, что она так полна университетско-научных суеверий: постоянно становится досадно, что она открывается только от одного ключа. Это все было бы ничего, если бы не находилось в противоречии с самой ее инстинктивной сущностью: она ведь исключительно инстинктивный человек. У нее удивительный разрез губ в самых углах и трогательная посадка головы на шее, особенно по отношению к подбородку. Даже самая душевная несмазанность, выражающаяся замедленностью ответов и скрипучестью голоса, ей идет.

Это первое лето в Коктебеле без обормотов[5] с самого возникновения их в мире. Это очень грустно. Сейчас уже все из более близких знакомых разъехались. Остаются только Елисавета Ивановна и Валентина Ходасевич,[6] но и они скоро исчезнут. Между тем Коктебель не только не пустеет, но все приезжают еще какие-то совершенно чуждые и неподходящие люди.

Мы совсем не знаем ничего еще о наших зимних планах. Вероятно, никуда не удастся уехать из Коктебеля. Да и что можно было бы теперь предвидеть. Недавно вернулись из Парижа мои друзья Цетлины (через Америку!) и будут жить зимой в Москве. Мне бы очень хотелось познакомить с ними тебя и Мишу.[7] Можно?

Посылаю тебе кое-что из моих новых стихов.[8]

До свиданья, привет Мише, Рашель Мироновне, Надежде Ивановне, Он<исиму> Бор<исовичу>.[9]

МАХ.

[1] Р.М. Гольдовская. См. п. 267

[2] См. примеч. 8 к п. 257, примеч. 3 к п. 261, п. 263, примеч. 1 к п. 265.

[3] Возможно, имеется в виду Елизавета Ивановна Старинкевич (1890–1966), критик, искусствовед.

[4] Письмо Е.А. Фельдштейн, в котором она задавала подобный вопрос, не обнаружено.

[5] См. примеч. 9 к п. 21.

[6] В.М. Ходасевич, племянница В.Ф. Ходасевича.

[7] М.С. Фельдштейн.

[8] Возможно, Волошин выслал Е.А. Фельдштейн стихотворения «Подмастерье», «Ветер с неба хлопья облак вытер...», «Материнство».

[9] Н.И. Ивановская, О.Б. Гольдовский.

269. М.А. НЕСТЕРОВОЙ

11 августа 1917 г. Коктебель

11-го августа 1917 года. Коктебель. (Крым).

Многоуважаемая Марья Альфредовна, благодарю Вас за подробный ответ на мои вопросы[1] и спешу выслать Вам два стихотворения для «Адаманта»: «Материнство» и «Пещера», которые, надеюсь, подойдут по духу и по смыслу для Вашего сборника.[2] Глубоко сочувствую идее «Общества В<озрождения> Ч<истого> З<нания>», но сомневаюсь, чтобы Вам удалось избегнуть сектантства. Оно ведь возникает не от замысла и не от руководителей, а от свойств человеческого рвения. Мне до сих пор, увы, не случалось встретить общества, которому удалось бы избегнуть этих подводных камней. Во всяком случае я вполне сочувствую Вам. Очень меня радует Ваше намерение дать переводы французских классиков оккультизма. Известно ли Вам, между прочим, что готовится новое издание Ст. де-Гюаита, в которое войдут материалы третьего (ненаписанного) тома?[3] Я в прошлом году имел в руках все его посмертные бумаги. Правда, там подготовлено не очень много, но все же весь план третьего тома намечен и он будет обработан для печати его постоянным сотрудником Освальдом Виртом. Это необходимо иметь в виду для предполагаемого Вами издания.[4]

Не могла ли бы Вас заинтересовать переведенная мною трагедия Поля Клоделя «Отдых Седьмого Дня», построен-

ная на данных китайского эзотеризма, рассматриваемого с точки зрения христианской идеи?[5] Если она может подойти для издательства или журнала, то я вам вышлю рукопись, если хотите. Если бы Вас мог заинтересовать такой писатель, как Леон Блуа, то я бы предложил Вам себя, как переводчика.[6]

[1] Письмо Волошина, содержавшее эти вопросы, неизвестно. Оно было отправлено по получении письма от 18 июля 1917 г. на бланке основанного в 1916 г. петроградского «Общества Возрождения чистого знания в принципе Христа» за подписью члена Президиума М.А. Нестеровой (см. о ней: Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923–1941 гг. / Публ., вступ. статьи, коммент., указатель А.Л. Никитина. М.: Минувшее, 2005. С. 138; также – по ук.; *Никитин А.Л.* Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России: Исследования и материалы. М.: Интерграф Сервис, 1998. С. 28–29): «Владимир Алексеевич Пестовский <Вл. Пяст. – *Ред.*> посоветовал мне обратиться к Вам с просьбой дать литературный материал для предполагаемого к изданию Альманаха “Адамант”. Издает его книгоиздательство “Китеж” Общества “Возрождения Чистого Знания в Принципе Христа”. Чтобы Вам стали ясны идеи Общества, прилагаю его Устав. Будем очень благодарны за всякий художественный материал, стихи и прозу, носящий на себе печать мистических и оккультных исканий. Владимир Алексеевич (кстати, член Редакционной Комиссии О<бщест>ва) высказал мысль, что и живущие вместе с Вами Ваши товарищи писатели, быть может, дадут кое-что для Альманаха».

На вопросы Волошина, безусловно, вызванные желанием получить более отчетливое представление о задачах и устремлениях Общества, Нестерова подробно ответила 5 августа 1917 г.: «Общество стоит совершенно самостоятельно, не имея гласной связи в физическом плане ни с одним Оккультным Обществом или Кружком, но разделяя Светлые Принципы каждого из них, поскольку они не расходятся с Принципом Христа. Так, разделяя светлые принципы Теософского и Антропософского Обществ, нельзя не признать, что они выливаются в большее или меньшее сектантство, благодаря тем рамкам, которыми члены местных отделов сузили основную идею. Открывая широко двери членам любого Общества или Кружка, так же как и отдельным лицам, если они не удовлетворены, ищут, страдают, безразлично к какой религии, секте или толку они принадлежат, раз они признают или стремятся признать Принцип

Христа, — Общество “Возрождения Чистого Знания в Принципе Христа” является объединяющим центром, являя собой не какое-либо разветвление Единого Светлого Пути, а Принцип, Идею этого Пути во всей его всеобъемлющей безграничности. Общество призвано разбить китайские стены, которыми окружили себя отдельные Кружки и благодаря которым явилась масса заблуждений и отчуждение, почти неприязненность по отношению к работающим за другой стеной братьям. Общество призвано дать всем течениям возможность познать друг друга и слиться в Синтезе Любви. Если бы Общество основывалось любителями, то его духовных руководителей можно было бы назвать даже в письме, но имена истинных оккультных Учителей неизвестны массам и никогда не произносятся всуе. Могу сказать одно, — что основателям Общества близки Мальтийские, Розенкрейцерские, Египетские и Индусские Эзотерические Центры, так же как и некоторые другие, которые я не могу назвать. Главой и вождем Общество признает только Христа, — Главу и Вождя Единого Светлого Пути со всеми его разветвлениями. Об эзотерическом направлении Общества не могу больше прибавить ни слова, предоставляя остальное Вашей интуиции. В числе учредителей, помимо меня, были: Н.Г. Гессе, К.А. Поливанов, Е.Д. Григорьева, А.И. Юрковский, Н.П. Чернявский, П.С. Шандаровский, В.А. Пестовский и др. Что касается альманаха, то в нем примут участие: Г.О. М. (Мебес), Персефона (Эмеш), Елачич, В.А. Пяст, Н.А. Клюев, Вячеслав Иванов, Л.Д. Тяжелов, Вакар, О.Д. Форш, В.Н. Волошинов, П.С. Шандаровский и др. Некоторые из названных Вам наверное известны. Альманах должен быть выпущен в октябре, а с ноября, если не встретится особых препятствий, начнет выходить ежемесячник. К изданию намечены, кроме того, сочинения следующих авторов: Элифас Леви, Ст. де-Гуайт, Сен-Мартен, Фабр д’Оливе, Парацельс и др. Часть из них в настоящее время переводится и, после проверки сведующими <так!> в соответствующих областях лицами, будет напечатана» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 879).

[2] См. примеч. 5 к п. 261. Стихотворение «Пещера» («Сперва мы спим в пурпуровой Пещере...») датировано 31 августа 1915 г. (Т. 1 наст. изд. С. 150). В письме от 29 августа 1917 г. Нестерова сообщала, что оба присланных стихотворения «приняты для напечатания в альманахе» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 879), однако издание альманаха не состоялось.

[3] Подразумевается ранее осуществленное издание: *Guaita Stanislas de*. Essais de sciences maudites. I. Au seuile du mystère; II. Le Serpent de la Genèse, première septaine: le Temple de Satan; III. Le Serpent de la Genèse, deuxième septaine: la Clef de la magie noire.

Paris, 1890–1897. Новое издание «Essais de sciences-maudits» — Paris: H. Durwille, 1920. 847 p.

[4] Нестерова ответила 29 августа: «Всех нас обрадовало Ваше сообщение о предпринятой Освальдом Виртом работе по изданию доныне не опубликованных произведений Станислава де Гуайта, и мы были бы Вам весьма признательны, если бы Вы дали об этом более подробные сведения и указали возможность войти с Ос. Виртом в контакт».

[5] См.: Т. 4 наст. изд. С. 234–311, 933–934. В письме от 29 августа Нестерова ответила неопределенно: «Что же касается <...> перевода трагедии Поля Клоделя <...>, то самый факт перевода его Вами является нам гарантией ценности и интересности этого произведения».

[6] «О писателе Леон Блуа, — отвечала Нестерова в том же письме, — нам ничего не известно, и раньше, чем говорить об его переводе, хотелось бы узнать, что он из себя представляет».

270. К.Ф. БОГАЕВСКОМУ

12 августа 1917 г. Коктебель

12 августа 1917 г. Коктебель.

Дорогой Константин Феодорович, только что я получил от Марины письмо, в котором она просит меня постараться устроить Сережу в тяжелую или крепостную артиллерию на юг, лучше всего в Севастополь.[1] Я сейчас же написал об этом Н.А. Марксу,[2] но мне пришло в голову, что ты, быть может, тоже можешь чем-нибудь помочь в этом. Сам Сережа приписывает: «Прошу об артиллерии (легкая ли, тяжелая ли — безразлично), потому, что пехота не по моим силам. Уже сейчас — сравнительно в хороших условиях, — от одного обучения солдат — устаю до тошноты, до головокружения. По моим сведениям, в окрестностях Феодосии должна быть артиллерия, а если нельзя туда, то куда-нибудь в Крым — ближе к Богаевскому и Муратову».[3]

Можешь ли ты что-нибудь сделать в этом отношении для Сережи?

Напиши мне, что я могу еще сделать и как? Потому что ведь я могу еще в крайнем случае написать еще и Савинкову, пока он во главе военного министерства.[4]

Я сам жду нового решения моей судьбы 25 августа, т<ак> к<ак> меня вызывают на пересмотр.[5] Рагозинский при пересмотре признан годным и призван, но на особом основании, как инженер. Сейчас ждет себе назначения и тоже хотел писать тебе запрос: нет ли нужды в Севастополе в гражданском инженере?

Посылаю тебе несколько новых стихотворений. Как ты живешь? Привет Жозефине Густавовне.[6]

[1] Волошин получил от М.И. Цветаевой из Москвы два письма (от 7 августа и от 9 августа 1917 г.); в первом заключалась просьба устроить С.Я. Эфрона, отбывавшего военную службу в Москве в 56-м пехотном запасном полку, «в артиллерию, на юг. (Через генерала Маркса?)», во втором уточнялось: «Сереже очень хочется в Феодосию, он говорит, что там есть тяжелая артиллерия» (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6. С. 59, 60).

[2] Генерал-лейтенант Н.А. Маркс с лета 1917 г. исполнял должность начальника штаба Одесского военного округа.

[3] Неточно цитируется приписка Эфрона к письму Цветаевой от 9 августа (*Там же.* С. 61). К.Ф. Богаевский и П.П. Муратов в это время отбывали военную службу в Севастополе (Муратов весной 1915 г. был переведен в Севастополь в артиллерию крепости, с апреля 1917 до февраля 1918 г. — помощник начальника воздушной борьбы).

[4] См. примеч. 3 к п. 264а.

[5] Имеется в виду переосвидетельствование на предмет готовности к военной службе.

[6] Ж.Г. Богаевская.

271. М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

13 августа 1917 года. Коктебель

13 августа 1917 года. Коктебель.

Дорогая Марина, получив твое письмо, я тотчас же написал Марксу, так что второе твое письмо с поправками запоздало.[1] Но, по-моему, это не беда, т<ак> к<ак> я написал и о крепостной, и о тяжелой артиллерии. Кроме того, я написал на всякий случай и Богаевскому и, кроме того, просил у него указаний, как это сделать, потому что ведь я

могу еще обратиться непосредственно к Савинкову,[2] с которым я гораздо более близок, чем с Марксом. Но, конечно, это последнее надо отложить на крайний случай окончательного склонения чашки весов, т<ак> к<ак> нельзя тревожить военного министра каждым переводом из одной части в другую. Пусть Сережа сам справится и узнает, как можно использовать эту мою дружбу.

Мне очень хотелось бы, чтобы ты познакомилась с Маргаритой. Где встретил ее Сережа?[3] Очень рад узнать, что Эренбург в Москве. Что от Вашей первой встречи произошел скандал, это совершенно естественно, т<ак> к<ак> вы оба капризники и задиры, но надеюсь, что, в конце концов, вы подружитесь таки.[4]

Крепко обнимаю Сережу и надеюсь, что его удастся устроить на юге. До свиданья. Посылаю одно новое стихотворение.

МАКС.

[1] См. п. 270, примеч. 1.

[2] См. примеч. 3 к п. 264а.

[3] М.В. Сабашникова. 9 августа 1917 г. Цветаева сообщала Волошину: «Недавно Сережа познакомился с Маргаритой Васильевной <...> Сереже Маргарита Васильевна очень понравилась, мне увидеться с ней пока не довелось» (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6. С. 60).

[4] Сообщив в том же письме о своем знакомстве с И.Г. Эренбургом, Цветаева добавляла: «У нас с ним сразу был скандал, у него отвратительный тон сибиллы. Потом это уладилось» (*Там же*).

272. И.Г. ЭРЕНБУРГУ

13 августа 1917 г. Коктебель

13 августа 1917 года. Коктебель. (Крым).

Дорогой Илья Григорьевич, долгое время я ничего и ни от кого не мог о тебе узнать, и вот сразу стали приходить о тебе вести с разных сторон: художник Ракитский сообщил,

что ты вернулся через Германию, молодой Проппер,[1] — что ты назначаешься правительственным комиссаром в какую-то армию, Марина Цветаева, что она с тобой познакомилась и сейчас же поругалась.[2] Изо всего этого я убедился, что ты действительно в России и все обстоит нормально.[3] Но, т<ак> к<ак> изо всего мне сообщенного я все же не поверил ни одному слову, кроме того, что ты приехал и существуешь, то очень прошу тебя, откликнись и напиши мне о себе.[4]

Не сердись на меня, что я не ответил на твое письмо прошлым летом:[5] у меня был паралич письмописания и больше это ничего не значило. Очень хотелось бы посмотреть, на что ты похож вне Монпарнаса. Хотя теперь в сущности вся Россия перенасыщена той же влагой безумия и исступления, так что тебе где угодно можно «пасти стада угрюмых привидений».[6] Российский Бэдлам безусловно нуждается в опытном дирижере и церемониймейстере. Не знаю, когда еще доведется увидать тебя лично, потому что меня на днях призывают опять на военную службу, а если и не забреют, то все же едва ли этой зимой удастся куда-нибудь выбраться из Коктебеля, как по здоровью моей матери, так, может быть, и по невозможности железнодорожных передвижений.

Что с Маревной, где она? Я не могу ни от кого добиться сведений о ее судьбе.[7] Но попадешь ли ты осенью в Крым? Очень хочется повидаться с тобой.

До свиданья, крепко целую тебя. Привет Изабелле Григорьевне.[8]

Не удивляйся, что пишу тебе на машинке: правая рука отказывается служить и очень утомляется от писанья.

MAX.

[1] Журналист Максимилиан Станиславович Проппер, сын редактора «Биржевых Ведомостей» С.М. Проппера. Летом 1917 г. Волошин встречался с ним в Коктебеле.

[2] См. п. 271, примеч. 4.

[3] И.Г. Эренбург выехал из Парижа 22 июня / 5 июля 1917 г. и через Англию, Норвегию, Швецию прибыл в Россию: 12/25 июля — в Петроград, 16/29 июля — в Москву (*Попов Вячеслав, Фрезин-*

ский Борис. Илья Эренбург. Хроника жизни и творчества (в документах, письмах, высказываниях и сообщениях прессы, свидетельствах современников). СПб.: Лина, 1993. Т. 1. С. 126–130).

[4] Эренбург ответил в недатированном письме: «...из трех сведений, дошедших до тебя, одно, безусловно, неверно – приехал я через Англию, разумеется, а не через Германию. Борис<ом> Виктор<овичем> <Савинковым. – *Ред.*> я, б<ыть> м<ожет>, буду назначен в скором времени помощн<иком> комиссара либо на фронт, либо в Финляндию, либо в Сибирь. Хотелось бы первое. Марина Цветаева относительно меня несколько раз обругала, но безответно – чтобы отвечать, я вышел из возраста» (*Эренбург Илья.* Дай оглянуться... Письма 1908 – 1930 / Изд. подгот. Б.Я. Фрезинским. М.: Аграф, 2004. С. 86).

[5] Известны два адресованных Волошину (из Эза в Коктебель) письма Эренбурга – от 7 июня и от 6 июля (н.ст.) 1916 г. (*Там же.* С. 79–81).

[6] Ср. строку из стихотворения Волошина «Аполлион» (1915): «Пасли стада прожорливых чудовищ» (Т. 2 наст. изд. С. 609). Образ «угрюмых привидений» – в позднейшем его стихотворении «Бунтовщик»: «Железный хлам угрюмых привидений» (*Там же.* С. 38).

[7] Эренбург отвечал в цитированном выше письме: «Она (Маревна) в Париже, по-прежнему голодает, сидит в Ротонде и злится. От нее, Риверы и от всех “парижан” тебе приветы» (*Эренбург Илья.* Дай оглянуться... С. 87).

[8] И.Г. Эренбург, сестра Эренбурга.

273. М.О. ЦЕТЛИНУ

14 августа 1917 г. Коктебель

14 августа 1917 года. Коктебель.

Дорогой Миша, только что получил твою закрытку от 8/8.[1] Твое первое письмо действительно я не получил: очень жалею, потому что хотелось знать, что ты о моей статье думаешь.[2] Мне очень часто этим летом не хватало бесед с тобою о текущем: в твоем голосе для меня всегда есть верный камертон скептицизма и безнадежности, а его сейчас среди всей фальшивой разноголосицы идеологий и паники особенно не достает. Читая газеты, я невольно думаю: с каким бы

удовольствием я прочел бы все это через пятьдесят лет, но жить всеми этими нелепостями... какой абсурд! В человеке есть только две творческих силы: вера и скептицизм. Первая творит будущее, вторая упорядочивает настоящее. Если они сочетаются в одном лице, то происходит взрыв, молния, общественный сплав на много веков. А политические деятели хотят вместо взрыва приготовить безопасный химический препарат — политическую программу: целлулоид из нитроглицерина! Не является ли «политическая программа» патентом на творческое бессилие? А она служит критерием доверия... Мне все вспоминается рассказ Фабра (энтомолога) про Пастера,[3] как тот приехал в Лион по поручению правительства исследовать какую-то болезнь шелковичного червя, которая грозила гибелью Лионскому шелководству. Фабр с изумлением убедился из первого разговора с Пастером, что тот не знает даже того, что внутри шелковичного кокона находится червь. И это не помешало ему через два месяца найти причину эпидемии, ускользавшую от исследования опытных шелководов. Фабр заключает свой рассказ соображением, что Пастер намеренно не ознакомлялся заранее с литературой вопроса, чтобы не повторить тех ошибок, которые сбивали специалистов, чтобы сохранить простодушие подхода. Конечно, это возможно при полном владении методом научного исследования. Именно этот подход необходимее, чем где-либо, в политическом строительстве. А прибегают к нему только в виде крайнего средства: в случае диктатуры, между тем, как он должен быть положен в основу нормальной жизни государства.

У меня глубокая ненависть к политическим теориям... и я сам только и делаю, что строю все новые и новые. Но мое оправдание в том, что я не только не проповедую их, но даже не пишу об них иначе, чем в письмах.

Я чувствую себя вправе говорить теперь только в стихотворной форме. Я много писал и переводил в начале лета и думаю продолжать это осенью, если у меня все будет обстоять благополучно с военным пересмотром, т<ак> к<ак> мне предстоит снова являться 25 августа.[4]

Это лето складывается в Коктебеле странно и непохоже, отсутствие обормотов все меняет.[5] Потом оно было полно похорон и смертей,[6] о чем ты, вероятно, знаешь из писем Елисаветы Ивановны,[7] которая вместе с Ходасевичем были в этом году зауряд-обормотами. Мы ее все очень полюбили и она, очевидно, привилась к Коктебелю, собирается сюда и на будущий год. Твоя шляпа, которую ты мне подарил когда-то (соломенная), сделала блестящую карьеру: ее носит Горький, приехавший в Коктебель на днях.[8]

Пра[9] не чувствует себя лучше: к ее обычному уже задыханию присоединились еще боли в плече и очень большая слабость. Но психологическая атмосфера в общем лучше, чем в прошлые годы. Наши зимние планы смутны: едва ли нам удастся куда-нибудь выбраться из Крыма зимой. В Москву нам некуда ехать: Рагозинские[9] остаются в Феодосии, а он призван и ждет места назначения. Да маме и невозможно будет, вероятно, проехать при нынешних железнодорожных условиях. Так что мы думаем о зимовке в Коктебеле. Если же здесь среди зимы не хватит провизии и топлива, то придется переехать в город, и тогда я, м<ожет> б<ыть> приеду на короткое время в Москву, оставив маму в Феодосии, если она решительно не воспротивится моему отъезду без нее.

До свиданья. Посылаю одно новое стихотворение.[10]

[1] Эта «закрытка» (закрытое письмо, секретка) М.О. Цетлина не обнаружена.

[2] Возможно речь идет о статье «Судьба Верхарна», написанной для подготавливавшейся Волошиным книги о Верхарне. См. примеч. 5 к п. 247.

[3] Жан Анри Фабр (Fabre) (1823—1915) — французский ученый-энтомолог и писатель. Луи Пастер (Louis Pasteur) (1822—1895) — французский микробиолог и химик. Фабр и Пастер познакомились в 1865 году по рекомендации химика и академика Жана-Батиста Дюма. Об этом Фабр рассказывал в своих знаменитых «Энтомологических воспоминаниях» («Souvenirs entomologiques». Т. 1—10. Paris, 1879—1907); в русском переводе книги («Инстинкт и нравы насекомых». Т. 1—2. СПб., 1906—1914) этот эпизод не отражен.

[4] См. примеч. 13 к п. 263.

[5] См. примеч. 9 к п. 21.

[6] См. п. 263, примеч. 1 к п. 265.

[7] Возможно, Е.И. Старинкевич.

[8] М. Горький с 12 августа по 12 сентября жил на даче Н.И. Манасеиной в Коктебеле. См.: *Купченко В.* М. Горький и М. Волошин // Русская литература. 1976. № 2. С. 144–151.

[9] В.А. Рогозинский принимал Волошина и Е.О. Кириенко-Волошину зимой 1916–1917 гг. в своем доме по адресу: Б<ольшой> Ржевский пер., д. 7, кв. 3.

[10] Возможно, речь идет о стихотворении «Материнство».

274. А.М. ПЕТРОВОЙ

15 августа 1917 года. Коктебель

Дорогая Александра Михайловна, узнал, что вы вернулись из деревни и недели через две едете на операцию снова.[1] Мне хотелось бы, конечно, увидать Вас раньше. Застану ли я Вас, если приеду 23-го в среду? Мне надо являться на переосвидетельствование 25-го и мне, конечно, хотелось бы соединить это вместе. Как Вы себя теперь чувствуете? С кем поедете на операцию?[2] Получили ли мое большое письмо?[3]

До свиданья, напишите.

MAX.
15 /VIII 1917.
Коктебель.

[1] 10 августа А.М. Петрова писала Волошину: «Очень жалею, что Вы будете 25-го, а мне, вероятно, раньше придется уехать» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954). Петрова уехала на операцию в Симферополь 19 августа 1917 г.

[2] В Симферополь Петрову сопровождала ее феодосийская знакомая Камилла.

[3] Речь идет о п. 265.

275. А.М. ПЕТРОВОЙ

16–17 августа 1917 г. Коктебель

16 августа 1917 г.
Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна, только что Гауфлер передал мне Ваше письмо,[1] и я не знаю, успею ли написать с ним же ответ, потому что сегодня день мой переполнен: я принялся это время за рисованье фигур, и у меня сегодня позируют две девицы одна за другой.

Вчера получил телеграмму от Савинкова:[2] «спасибо за письмо, обнимаю». Между тем уже успела совершит<ь>ся его отставка,[3] но я в нее не очень верю: это на краткий срок, прежде чем вернуться к власти с большими полномочиями. Он слишком нужен в настоящий момент, и потом такая отставка за превышение власти неизбежно обещает возвращение: у него с Керенским[4] был уже недавно такой же инцидент по поводу опубликования письма о введении смертной казни.[5] Здесь же, по словам Горького, только что приехавшего в Коктебель,[6] стал вопрос о введении смертной казни в тылу со стороны Савинкова, а со стороны Керенского желание отменить казнь снова.

Но т<ак> к<ак> введение казни есть в сущности отмена самосуда (т.е. смертной же казни за ничтожные, в сущности, проступки), то, конечно, она будет введена рано или поздно; самое страшное в революциях – это чувствительность: она приносит всегда в итоге самые кровавые плоды. Когда отменялась смертная казнь, я говорил: прекрасно, это, конечно, первый жест, который нужно было сделать, но, увы, он означает, что русская революция будет очень кровава. Я говорил это, когда все кичились «бескровностью» рус<ской> рев<олюции>. Наименее жестоки бывают те, которые убивают из необходимости и для пользы, без всякой мысли о справедливости к возмездии.[7] Я думаю, что у Керенского из двух творящих сил есть только вера, но нет достаточно глубокого презрения, и что он подходит уже к концу того, что он мог...

17-го авг<уста>

Меня перебили, и я не мог окончить письма. Вы спрашиваете, кто Авксентьев?[8] Это человек строгой логики, холодной логики. Но опытный и последовательный организатор. Я знаю его очень близко: он мой товарищ по университету, потом мы с ним много дружили, когда я был в Берлине,[9] и изредка, но всегда дружественно встречались в Париже, когда он был эмигрантом. К словам он скуп, несколько доктринер, но весьма умеет распределять людей и мысли, и силы. У него все данные для настоящего, хорошего министра мирного времени, но т<ак> к<ак> он не из тех, что теряют голову во время катастроф, то он и теперь справится, во всяком случае, лучше всякого другого.

Напишите, когда Вы едете в Симферополь.[10] Сейчас мне не кончить этого письма: надо его опустить, чтобы сегодня же оно ушло. Очень хочется застать Вас до отъезда: я могу приехать во вторник... в среду и дождаться уже в городе призыва.[11] Напишите.

Слухи о смерти Бориса Петрова неверны.[12] Они, верно, возникли оттого, что в то время, как Гр<игорий> Сп<иридонович>[13] уезжал, он не имел целый месяц вестей от Бориса, и был в смертельной тревоге, но с тех пор письм<а> приходят, и все обстоит б<л>агополучно.

Положение Натальи Ивановны признается уже безнадежным,[14] хотя она еще может протянуть и несколько месяцев.

До свиданья, и всего лучшего, если мы не увидимся до Вашего отъезда.

MAX.

[1] Речь идет о письме А.М. Петровой от 28 июля 1917 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954).

[2] Б.В. Савинков, благодарил Волошина за его письмо (см. п. 264) телеграммой, полученной 15 августа 1917 г.

[3] Савинков подал в отставку 9 августа 1917 г., однако после принятия Керенским корниловской программы мероприятий на фронте и в тылу 17 августа взял обратно заявление об отставке.

[4] А.Ф. Керенский – министр-председатель Временного коалиционного правительства с 8 июля 1917 г.

[5] Смертная казнь была отменена Временным правительством 12 марта 1917 г., но 12 июля была восстановлена на фронте, а 16 июля – и в тылу.

[6] См. п. 273, примеч. 9.

[7] См. развитие этих умозаключений в статьях Волошина 1919 г. «На весах поэзии» и «Самогон крови» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 54–56, 421–430, 781, 880).

[8] См. п. 265, примеч. 15.

[9] Вероятно, речь идет о пребывании Волошина в Берлине осенью 1899 г., где он посещал как вольнослушатель лекции в Берлинском университете.

[10] 19 августа 1917 г. Петрова сообщила Волошину: «...с большим охом и ахом сегодня уеду, наконец, (19-го) – еле билеты и во II кл<асс> достали» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954).

[11] 25 августа Волошин должен был явиться на переосвидетельствование в Воинское присутствие.

[12] Речь идет о сыне Г.С. Петрова – Борисе Григорьевиче Петрове, который в это время служил в армии. О предполагаемой гибели Б.Г. Петрова Петрова писала Е.О. Кириенко-Волошиной 14 августа 1917 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 13).

[13] Г.С. Петров.

[14] Н.И. Манасеина. 21 августа 1917 г. Горький писал Е.П. Пешковой: «Живу на даче Манасеина, – хозяин ее только что умер, а хозяйка, вероятно, умрет сегодня вечером» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2006. Т. 12. С. 166). Однако Манасеина поправилась и прожила еще 13 лет.

276. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

18 августа 1917 г. Коктебель

18-го августа 1917 г. Коктебель.

Дорогая Марья Самойловна,

Твоя названная дочь не приехала в Коктебель,[1] а проехала прямо в Евпаторию, о чем очень сожалею. А письмо и японские картины она переслала по почте.[2] Очень-очень благодарю за них. Воспроизведение великолепно, и сами

вещи прекрасны, и мне очень нужны. А неделю тому назад был на несколько минут проездом в Судак Берлинраут[3] и передал другой твой подарок уральские камни. Спасибо: все это — и камни, и эстампы — разбеги для мечты. Телеграмму от М.О. о приезде твоего брата с товарищем[4] получил и ответил тотчас же,[5] что комнаты будут: вообще с конца августа в Коктебеле обычно публика редеет, и комнаты освобождаются, хотя время наступает самое лучшее. Мне удалось ответить сейчас же телеграммой благодаря оказии, но имей в виду при сношениях с Коктебелем, что телеграммы сюда доходят по почте (из Феодосии), но отсюда телеграммы послать нельзя: за этим надо ехать в город или ждать оказии.

Сегодня вечером я читаю здесь лекцию о Сурикове (извлечение из моей монографии),[6] и мне досадно, что ты еще не знаешь моей работы о нем, и нет возможности послать тебе дубликат, потому что его нет: если бы у меня в прошлом году уже была машинка,[7] то я бы оттиснул тогда же лишний экземпляр для тебя, как буду делать теперь со всеми новыми статьями (получила ли ты мою статью и переводы Верхарна?)[8] Но пока я статей не писал все лето и, верно, вернусь к ним осенью, если не захватят снова стихи, как я очень надеюсь. Через неделю решается моя судьба в смысле воинской повинности.[9] Надеюсь, что меня снова признают совсем негодным. С моим 40-летним возрастом и моей исковерканной правой рукой,[10] я могу быть зачислен только в государственное ополчение для нестроевой службы. Но я не могу быть даже писарем, т<ак> к<ак> моя рука так болит от письма, что я теперь стараюсь писать только на машинке. Следовательно, могу только где-нибудь в нестроевой команде подметать казармы, а это даже при теперешних обстоятельствах не может удовлетворить меня как посильная помощь родине. Но надеюсь, что все обойдется благополучно, потому что в прошлом году, из боязни нареканий в пристрастии меня посылали на осмотр в Керчь, и там меня целая комиссия осматривала и признала негодным совершенно.[11] Надеюсь, что теперешний осмотр не окажется еще более придирчивым.

Мне бы очень хотелось узнать о парижских друзьях. Что Эренбург сейчас в Москве – я это знаю и уже написал ему туда.[12] Не знаешь ли ты где Марья Флоровна?[13] Что сталось с Маревной?[14]

У меня большая к тебе просьба: издатель моих «Избранных стихов» С.А. Абрамов («Творчество»)[15] пишет мне, что боится посылать мне окончательную корректуру из-за задержек почты, я же не вполне уверен в правильности текста посланной рукописи, т<ак> к<ак> я, переписывая эти стихи, учился еще писать на машинке, а я, как ты видишь, еще продолжаю делать массу ошибок (не принимай их за Мануйловское правописание).[16] Поэтому я просил его телефонировать тебе, т<ак> к<ак> у тебя полный и проверенный текст всех моих стихов. Пожалуйста, просмотри сама последнюю корректуру, если это тебя не очень затруднит, и потребуй исправлений, если что в издании окажется нехудожественным слишком. Его большие альманахи[17] были изданы тщательно с любовью, но без достаточного вкуса.

Очень жду от тебя письма и от Миши[18] тоже. Кто из твоих братьев должен приехать, и когда он приедет? [19]

До свиданья.

МАХ.

[1] Сохранилась датированная 6 августа 1917 г. записка М.С. Цетлиной к ее письму от 26 июля 1917 г.: «Это письмо передаст тебе моя дочь Евгения Виньяминовна Вишняк, к<о>т<о>рая приезжает в Коктебель с своей больной матерью <...>. Прими мои сердечные приветы и гравюры. Напиши, нравятся ли они тебе» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 48).

[2] Цетлина писала Волошину 26 июля 1917 г.: «...как я обрадовалась получивши здесь по приезде твое письмо со стихами <...> Я прямо счастлива, что ты опять пишешь стихи, и я могу их получать и читать. Это такое исключительное наслаждение. Стихи “Нет, не склоненной к дверной раме...” — это подарок, лучше которого нету на свете. <...> От путешествия так много впечатлений, страшных от Америки, чарующих от Японии, очень тяжелых от того, что мне лично это путешествие было не по физическим силам <...>; особенно хочется рассказать тебе об Японии, в которую влюбилась и

из которой привезла даже книги, что ты тоже влюбишься; 7 томов японского искусства и 5 томов китайского. И какое издание! Хочется тебе подарить, только уже подарила их Мише <М.О. Цетлин. – *Ред.*> в день его рождения. Но, может, он согласится, и это будет наших всех троих! В России мы с Мишей прежде всего оба глубоко счастливы, что мы в России, у себя, на родине, ну а дальше переживания очень сложные. Миша тебе сам напишет. Он на распутье, не знает, чему себя отдать. Я то же самое, в сущности, но так как мне предстоит в сентябре-октябре родить девочку, и так как я сейчас физически абсолютно ни к чему не способна, то моя внутренняя неразбериха мне не так болезненна. <...> В Екатеринбурге я купила тебе коллекцию камней, которую давно обещала. Если Бальмонт поедет к тебе из Москвы, и я его увижу, я попрошу его взять с собой» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 45–46).

[3] Л.С. Берлинраут проезжал через Коктебель предположительно 15 августа (Труды и дни-2. С. 25–26).

[4] Эта телеграмма до нас не дошла. Речь идет о приезде Р.С. Тумаркина.

[5] Телеграмма Волошина также не обнаружена.

[6] Информации об этой лекции нет.

[7] См. примеч. 1 к п. 246. Цетлина так отреагировала на это приобретение: «Очень рада, что у тебя есть пишущая машинка, которая мне посылает твои вещи, рада, что она облегчает твою больную руку, но должна сознаться, что очень огорчалась первое время, получая твои письма без твоего почерка, как будто кто-то чужой мне от тебя пишет, ну а теперь, раз у тебя рука болит, так совсем иначе это принимаешь» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 50).

[8] Речь идет о статье «Судьба Верхарна» и переводах, сделанных Волошиным к приготовляемой книге о Верхарне. См. примеч. 5 к п. 247. 5 сентября 1917 г. Цетлина благодарила Волошина: «...очень была рада твоему письму с переводом Верхарна и статьей о Верхарне» (*Там же*, л. 50).

[9] 25 августа Волошин должен был явиться на очередное переосвидетельствование в связи с призывом на военную службу. 5 сентября Цетлина поздравила Волошина с благополучным исходом дела: «Получила твою открыточку о твоем освобождении от военной службы. Я в этом не сомневалась. Спасибо за эту весточку» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 53 об.).

[10] 16/29 мая 1917 г. Волошину исполнилось 40 лет. См. также примеч. 6 к п. 158.

[11] См. примеч. 3 к п. 224, п. 226.

[12] См. п. 272.

[13] М.Ф. Селюк.

[14] М.Б. Воробьева-Стебельская.

[15] См. примеч. 5 к п. 247. 5 сентября 1917 г. Цетлина отвечала Волошину: «С.А. Абрамов нам не звонил. К сожалению, я все твои манускрипты оставила в Париже, боялась, чтобы они не потонули с нами, да и границ было слишком много, могли взять для просмотра. Все же если Абрамов обратится, то Миша это, наверное, сделает, так как он помнит наизусть почти все твои стихи» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 50 об.). 30 мая 1918 г. С.А. Абрамов, извещая о выходе «Иверней» в начале 1918 г., сообщал Волошину: «...корректировали мы Иверни по выраженному Вами желанию с Михаилом Осиповичем <Цетлиным. – *Ред.*> и ошибок, кажется, не заметно. Расположением ведал я сам и, насколько позволял формат, разместил стихи не очень плохо» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 157, л. 3).

[16] Реформа русской орфографии была проведена в 1917–1918 г. и состояла в изменении ряда правил русского правописания. Официально реформа объявлена 11/24 мая 1917 г. в виде «Постановлений совещания по вопросу об упрощении русского правописания», а 17/30 мая Министерство народного просвещения Временного правительства предписало попечителям округов немедленно провести реформу русского правописания. Название свое реформа получила по имени профессора, министра просвещения Александра Аполлоновича Мануйлова (1861–1929), который был ее инициатором.

[17] Речь идет об альманахах «Творчество», издаваемых С.А. Абрамовым. О них см.: *Рац М.В.* С.А. Абрамов и его издательство «Творчество» // Открытки издательств «Рассвет» и «Творчество». История. Издатель. Каталог. СПб.: «Сад Искусств», 2004. С. 30–47; *Ишунина Л.С.* Воспоминания об отце // *Там же.* С. 48–60. Во втором выпуске альманаха «Творчество» (М., Пг., 1918), вышедшем в свет в первой половине января 1918 г., был опубликован цикл из шести стихотворений Волошина «Облики»: «В янтарном забытьи полуденных минут...», «Двойной соблазн – любви и любопытства...», «Не успокоена в покое...», «Пламенный истлел закат...», «То в виде девочки, то в образе старушки...», «Безумья и огня венец...» (С. 102–104). 30 мая 1918 г. Абрамов писал Волошину: «Мне было все время больно вспомнить, что не могу Вас поставить хотя бы в известность, что и в альманахе все Ваше напечатано <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 157, л. 3).

[18] М.О. Цетлин.

[19] Речь идет о Р.С. Тумаркине, который приехал в Коктебель в конце августа 1917 г. (Труды и дни-2. С. 27).

277. И.Г. ЭРЕНБУРГУ

26 августа 1917 г. Коктебель[1]

...очень обрадовался получить весть о тебе и тому, что ты будешь в Крыму.[2] Только выезжать для встречи в Бахчисарай не имеет никакого смысла: ты должен приехать ко мне погостить: мне очень хочется, чтобы ты повидал Коктебель и побыл у меня, а то нас подарят Турции, и ты его так и не увидишь. Это вопрос одних суток, а я выеду тебя встретить в Феодосию.

Когда думаешь ты приехать в Крым? Мне очень хочется все же знать раньше о твоих общих планах, о настроении, о литературных замыслах, об отношении к текущему. Моя военная судьба решилась вчера: я снова признан совершенно не годным к военной службе из-за правой руки.[3] Таким образом, я остаюсь в Коктебеле на всю зиму, вероятно, и, быть может, только в январе приеду на краткий срок в Москву.

Я не очень себе ясно представляю тебя в роли комиссара... но, может быть, я себе и роль комиссара не представляю себе?[4]

Кого ты видел и видаешь из литературного мира и к кому почувствовал симпатию? Мне хотелось бы, чтобы ты познакомился с Ходасевичем, которого я очень полюбил за эти годы. Вообще, если тебе нужно в Москве знакомств и людей, то напиши, и я поставлю тебя в отношения с теми из моих друзей, кого ты выберешь. А их у меня в Москве очень много...

Но все же прежде всего хочу видать тебя в Коктебеле. Тогда ты все расскажешь подробно.

До скорого свидания. Крепко обнимаю.

МАХ.

[1] Печатается по второму листу машинописного текста, первый лист не сохранился. На листе — приписка карандашом: «25 августа. Эренбургу». (Датировка неточна; см. ниже, примеч. 3).

[2] В недатированном письме к Волошину, отправленном из Москвы не позднее 20 августа 1917 г. (день отъезда в Петроград), Эренбург сообщал: «Возможно, что до отбытия на службу я поеду на неделю в Ялту к матери, тогда попытаюсь встретиться с тобой.

Напиши, не мог ли бы ты собраться на денек в Бахчисарай или Симферополь или еще куда» (*Эренбург Илья.* Дай оглянуться... Письма 1908–1930. М., 2004. С. 87).

[3] 25 августа на медицинском освидетельствовании в Воинском присутствии Феодосии Волошин был признан «неспособным к военной службе <...> без зачисления в ополчение». Свидетельство было выдано 7 октября 1917 г. (ДМВ".

[4] См. сообщение в цитированном выше письме Эренбурга (примеч. 4 к п. 272).

278. Я.А. ГЛОТОВУ

26 августа 1917 г. Коктебель

26-го августа. Коктебель.

Милый Яша, мы, значит, одновременно написали друг другу открытки с совершенно одинаковыми вопросами...[1] Это трогательно и напоминает мне тот фурункул, который одновременно вскочил у нас обоих в Париже на одной и той же ноге.[2] Из моего письма ты уже знаешь, что я, по всей вероятности, останусь с мамой всю зиму в Коктебеле и только в том случае, если мама на зимние месяцы (янв<арь>, февр<аль>) переедет к Александре Михайловне,[3] я попробую съездить в Москву. Вчера я снова являлся на пересмотр в воинское присутствие и признан снова окончательно негодным для воинской службы (из-за правой руки).[4]

Мама год от году чувствует себя все хуже: у нее расширение легких – она все время задыхается и чувствует большую слабость, очень постарела за эти годы. А так как у нее не было привычки к болезни, то переносит свою старость туго и непокорно. Оставлять ее теперь одной – жестоко, и мое отсутствие в первую половину войны она переносила очень трудно. Так что я теперь связан в своих передвижениях, но это не противоречит и моим планам и желаниям, т<ак> к<ак> я готов сидеть в Коктебеле хоть круглый год и в полном одиночестве, т<ак> к<ак> все время занят. Теперь живопись заняла в моей жизни равносильное с литературой место. Я с прошлой

зимы стал выставлять в «Мире Искусства»[5] и начал продавать, что меня сразу освободило от газетных обязательств, и очень вовремя, т<ак> к<ак> со времени революции ни одна моя газетная статья не могла быть напечатана... по цензурным условиям. Конечно, тут все дело в том, что никогда не мыслю в категориях текущего момента, и это еще допустимо в мирные времена, но является цивическим[6] преступлением в острые моменты истории.

Я не печалюсь: мне же лучше — все это сосредоточится с течением времени в стихи, и не расплещется по мимолетным статьям. И теперь такое время, когда молчание является определенной услугой родине.

Но мне очень хочется знать, что с тобой и что ты теперь делаешь? Конечно, погружен с головой в общественные дела? Почему ты остался в Тифлисе?

Где Екатерина Владимировна?[7] До меня дошли слухи, что она уехала окончательно из Москвы. Где Марья Флоровна?[8] Что с Ю.Ф. Семеновым? Не случится ли тебе этой осенью попасть в наши края? (Хотя я теперь не представляю себе, как это делается). Очень хотелось бы тебя повидать в Коктебеле.

Крепко тебя обнимаю.

[1] Упомянутая открытка Волошина в подборке его писем к Глотову не сохранилась.

[2] Подразумевается время проживания Волошина и Глотова в Париже в конце 1911 г.

[3] А.М. Петрова.

[4] См. п. 277, примеч. 3.

[5] Речь идет о выставке «Мир Искусства» в Петрограде в Художественном бюро Н.Е. Добычиной (19 февраля — 26 марта 1917 г.; см.: *Лапшин В.П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М.: Сов. художник, 1983. С. 324—325), на которой демонстрировались работы Волошина. 22 февраля 1917 г. Е.С. Кругликова сообщила Волошину, что развесила на выставке его пейзажи с помощью М.В. Добужинского (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 717).

[6] От *фр.* civique — гражданский.

[7] Е.В. Глотова.

[8] М.Ф. Селюк.

279. А.М. ПЕТРОВОЙ

26 августа 1917 г. Коктебель

26-го августа 1917 г.
Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна,

это письмо Вы получите в больнице и прочтете уже после операции,[1] мне хотелось бы, чтобы оно было приветствием Вашего возвращения в жизнь. Сейчас уходят слишком многие, но, наблюдая, кто уходит, я думаю, что уходят те, кто не готов перенести все то, что еще будет, что предстоит всем нам живущим. Но Ваше понимание, хотя и молчаливое, слишком необходимо совершающейся жизни: история познает самое себя, отражаясь в таких глубоких темных и страстных зеркалах, как Ваша душа. Вы слишком нужны жизни, чтобы она вас отпустила.

Третьего дня я был в Вашем пустом доме,[2] посидел молча в Вашей комнате, взял письмо, оставленное мне[3] и ключ от шкатулки (он теперь у меня в Коктебеле). Вчера я снова являлся на пересмотр и снова отпущен совершенно, так что с этим ликвидировано.[4]

На Ваши последние письма, такие полные и трепещущие, я не ответил как следует, т<ак> к<ак> был уверен, что еще застану Вас в Феодосии. Мне теперь только хочется сказать, что со всем, что Вы писали о Корнилове,[5] я очень согласен, хотя раньше не думал так. Чувствую (и согласен) и то, что Вы пишете о Розанове.[6] Но сейчас не время говорить об этом подробно.

Мне вспоминаются предсмертные слова Сократа: «Я выздоровел»...[7] и то, что в русских сказках убитого сперва впрыскивают смертной водой, и его раны заживают, а потом водой живой, и он открывает глаза. Прикосновение к смерти целит от всех болезней жизни.

Здравствуйте, Александра Михайловна!

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 18 к п. 247.

[2] Волошин приехал в Феодосию 24 августа 1917 г. (Труды и дни-2. С. 26).

[3] Вероятно, речь идет о недатированном письме А.М. Петровой, которое было написано перед ее отъездом в Симферополь на операцию 19 августа 1917 г. и носило характер завещания. См. примеч. 10 к п. 255.

[4] См. примеч. 3 к п. 277.

[5] Петрова поддерживала идею военной диктатуры и положительно отзывалась о генерале Корнилове в своих письмах к Волошину лета 1917 г.; 10 августа 1917 г. она писала: «Когда раздается голос Корнилова, то душа дрожит от отзвуков. <....> И слышен именно *голос*. Посмотрите, как он все просто и как гениально точно выражает. Он “Милостью Божией” знает звук слов и место их. Это-то меня изумляет и приковывает больше всего, как “знак”. В словах же Савинкова (очень следила тоже) — не слыхала и не видала, но в нем тоже очень ощутимый волевой импульс. Согласна, что он “один из”; Корнилов же — единственный. Керенский что-то “сдает”, сгорает уже, священная жертва наша. Больно. Корнилов сгореть *не может.* Его могут убить. Поэтому лучше не запечатлевать его, не говорить, не называть, чтобы — не “сглазить”. Даже хорошо, что Ваша формула сковала Савинкова, ему не повредит. Ваши формулы ведь, как поэта-провидца, опасны: особенно данная; изрядно “обязали” Вы Савинкова. Но ему-то по плечу? (Верю Вам). — А основной и тут убережен, ускользнул» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954).

[6] См. примеч. 17 к п. 254. В письме, датируемом предположительно 19 августа 1917 г., Петрова «завещала»: «Не оставьте Розанова».

[7] Предсмертные беседы Сократа с учениками описаны Платоном в диалоге «Федон»; в нем приводятся последние слова Сократа, обращенные к ученику Критону (118): «Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте» (*Платон.* Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1970. Т. 2. С. 93. Пер. С.П. Маркиша).

280. М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

29 августа 1917 г. Коктебель

29/8 — 1917 г. Коктебель.

Дорогая Марина, получил твои обе открытки.[1] А ответа от Маркса еще не получал.[2] Я справлялся, как можно обратиться к Савинкову с просьбой о переводе в артиллерию, так, чтобы это не имело характера протекции и не ставило бы его в неловкое положение, т<ак> к<ак> ему неловко будет

мне в чем-нибудь отказать, а в то же время нельзя его заставлять поступать по традициям старого режима. Мне сказали, что если Сережа[3] возьмет свидетельство от своего полкового врача о том, что служба в пехоте для его состояния здоровья слишком изнурительна (что будет вполне истинно), то если я пошлю это свидетельство вместе с прошением Сережи Савинкову и тогда попрошу его, то это не будет никаким нарушением законных путей и он сможет, ничем не кривя перед самим собой, дать этому прошению ход, и все будет сделано сейчас же.[4] Именно об этом просил я в прошлом письме Сережу, чтобы он навел справки и сам написал мне, как надо это сделать, потому что ему легче узнать, «как это делается», чем мне. И не было бы потери времени, потому что при теперешних переворотах неизвестно, сколько времени Савинков останется во главе министерства.

Очень, очень рад буду видеть тебя и Сережу в скором времени.[5] Конечно, ему необходимо в Коктебель отдохнуть, я ему пишу об этом одновременно[6] и мама тоже написала. Этот год в Коктебеле прошел до странности без близких людей.

До скорого свиданья.

[1] Письма от 24 и 25 августа 1917 г. (*Цветаева М.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6. С. 61–62).

[2] Речь идет об ожидаемом ответе Н.А. Маркса на ходатайство Волошина о переводе С.Я. Эфрона на военную службу в Крым. См. примеч. 1, 2 к п. 270.

[3] С.Я. Эфрон.

[4] См. примеч. 3 к п. 264а. 24 августа 1917 г. Цветаева писала Волошину: «Макс, необходимо употребить твой последний ход, п<отому> ч<то> в Москве переход из одной части в другую воспрещен. Но с твоим ходом это *вполне* возможно. Причина: здоровье. Сережа – блестящее подтверждение» (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. С. 61). Под «последним ходом» подразумевается обращение к Б.В. Савинкову.

[5] В письме от 24 августа Цветаева сообщала о своем скором приезде в Феодосию: «В Москве голод и – скоро – холод, все уговаривают ехать. Значит, скоро увидимся» (*Там же*).

[6] См. п. 281.

281. С.Я. ЭФРОНУ

29 августа 1917 г. Коктебель

29/8 1917 г. Коктебель.

Милый Сережа, конечно и непременно бери отпуск и приезжай в Коктебель на срок как можно дольший. Это необходимо для тебя: нужно же тебе отдохнуть и встряхнуться.[1] Я пишу в этом же письме Марине,[2] что ты должен сделать: то есть взять у полкового врача свидетельство, что тебе по состоянию здоровья служба в пехоте слишком тяжела, и вместе с прошением о переводе в артиллерию привезти его мне — и притом лично — в Коктебель, и остаться здесь до окончательного выяснения своей судьбы, пока я его пошлю Савинкову.

До скорого свиданья. Очень жду тебя. Отсюда все это будет легче и проще устроить, чем в Москве.

[1] См. фрагмент из письма С.Я. Эфрона к Волошину от 9 августа 1917 г., процитированный последним в письме к К.Ф. Богаевскому (п. 270). В том же письме к Волошину Эфрон сообщал: «Жизнь у меня сейчас странная — и не без некоторой приятности: никаких мыслей, никаких чувств, кроме чувства усталости — опростился и оздоровился. Целыми днями обучаю солдат — “маршам, военным артикулам” и пр.» (*Цветаева М.*. Неизданное: Семья. История в письмах / Сост. и коммент. Е.Б. Коркиной. М.: Эллис Лак, 1999. С. 247).

[2] См. п. 280.

282. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

30 августа 1917 г. Коктебель[1]

30/8 1917 г. Коктебель.

Дорогая Юлия Леонидовна, мои военные дела окончились благополучно: я часов пять протолкался, с час переживал сто голых тел как «плоть едину» в тесном предбаннике и затем был снова признан совершенно негодным к воинской службе.[2] Володя[3] в это время приходил меня навещать и раз-

влекать. Сам он ждет...[4] и в предсмертные часы накинулся на живопись, не отрываясь пишет натюр-морты акварелью, и выходит очень хорошо и явно вашей школы, вероятно с тех пор, как Вы ему нат<юр>-морт сами поставили. Уезжая, я ему соорудил тоже — сложнейший из драпировок. С тех пор не имею о нем сведений.

Суламифь[5] была... сперва она попросила стихов. Когда я прочел: «...коснись единый раз на миг единый — устами уст...»,[6] она задумчиво сказала: «Я не люблю, чтобы меня целовали... в губы. Но я люблю, чтобы меня ласкали...». На следующий день она исчезла: уехала в Кизильташ[7] и там провалилась в колодец, довольно глубокий, но благополучно: ее монахи вытягивали в ведре с водой, потом она переодевалась в келье у схимника, и вернулась ошеломленная и радостная, но с ужасом, не окрестили ли ее монахи, воспользовавшись ее трудным положением, пока она сидела внизу в воде. После я ее приспособил для позирования, и она, страдая нарциссизмом, проделывала это очень добросовестно. Я сделал с нее ряд набросков: у нее фигура прекрасная. Вообще она оказалась очень милой девушкой, но очень козой. Теперь она уехала. Роза Волга тоже приходит рисоваться: словом, я использовал весь «гарем» Владислава Фелициановича.[8]

Все разъезжаются, но на их место являются какие-то новые и чуждые люди, в стиле тех трех подозрительных жильцов рядом. Вчера пришел ко мне франтовато-наглый прапорщик:

«Па-азвольте мне Вас побеспокоить... я собственно не к Вам... я Максима Горького ищу... он не у Вас?.. Максим... как его по батюшке-то? Алексей Максимович!! да еще Пешков!.. что же это он такой фортель выкинул? Это, значит, он по отцу только себя Максимом зовет? Я думал, это только актеры так. А еще писатель... Мы, видите, хотим поставить в Феодосии его «Дно»... очень я этот роман его люблю. Мой отец тоже актер был... Но я и с Вами, собственно, побеседовать хотел... Я, видите ли, кокаинист. Так Вы, может быть, уговорите меня того... что это вредно... очень нуждаюсь в

совете. Внушите, что ли? Вы знаете, ведь Вы наверное после про меня напишете. Впрочем, вы-то не знаю, а Максим — тот напишет. Ему только на меня посмотреть... А это ваша матушка меня внизу встретила?.. здорово, знаете... и ведь совсем почтенная особа к тому же...».

Горький живет здесь, не помню, при Вас ли он приехал?[9] О политике не разговаривает, а всё больше о зверях: где какие бывают. «Вот в Южной Америке тапиры живут... Осминога раз мы на Капри с Шаляпиным вином напоили. Охмелел... помер после... В Нижнем старая собака была — Никитич, так она во время солнечного затмения так тосковала... так тосковала... А у нашего хроникера сестра — сиамской королевой стала.[10] Курсисткой она в Петербурге с принцем Сиамским познакомилась, так в пятнадцатом поколении... а в Сиаме там трон за это время пятнадцать раз перевернулся, он и стал королем, а она тем временем за него замуж вышла... Теперь вон Германии войну объявила...».

Нормальные дачники возмущаются Горьким: надо сделать постановление, чтобы всех этих большевиков из Коктебеля изгнать и запретить им здесь жить. Дейша определенно называет трех местных коктебельских главарей: Александр Стамов,[11] Максим Горький и Волошин... Вообще у нее снова подымается волна против меня. Она говорит, что «готовит против меня молот — как он только полезет ко мне дачу грабить, так я его и пристукну». Вот она, моя гибель от руки женщины...

Все понемногу сходят с ума. Очень беспокойно. Корниловская история[12] дошла к нам только в феодосийских телеграммах, а сегодня нет газет и не будет... Может, мы уже живем под новым правительством...

Обнимаю Константина Васильевича, привет Екатерине Ивановне и Парису.[13]

Максимилиан Волошин.

[1] Почтовые штемпели на конверте: Коктебель. 30.8.17; Москва. 3.9.17.

[2] См. п. 277, примеч. 3.

[3] В.А. Рогозинский.

[4] Подразумевается: ждет призыва на военную службу. См. п. 270.

[5] Одна из девиц, позировавших Волошину. См. п. 275.

[6] Заключительные строки стихотворения Волошина «Теперь я мертв. Я стал строками книги...» (1910). См.: Т. 1 наст. изд. С. 129.

[7] Кизильташский монастырь (основан в 1853 г.) в 17 верстах от Судака.

[8] В.Ф. Ходасевич.

[9] См. п. 273, примеч. 9. Оболенская уехала из Феодосии в Москву 9 августа – до приезда Горького в Коктебель.

[10] Имеется в виду Екатерина Ивановна Десницкая (1888–1960), жена (с 1906 г.) сиамского принца Чакрабона Пуваната (1883–1920), второго сына короля Сиама (Таиланда) Рамы V Чулалонгкорна, выпускника Пажеского корпуса в Петербурге.

[11] Вероятна ошибка в имени (мог подразумеваться Василий Дмитриевич или Гаврила Дмитриевич Стамов).

[12] Подразумевается так называемый «корниловский мятеж» – вооруженное выступление 25–31 августа 1917 г. под руководством верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова с целью установления в России твердого государственного управления.

[13] К.В. Кандауров, Е.И. Оболенская, Ф.К. Радецкий (Парис – его прозвище).

283. Я.А. ГЛОТОВУ

4 сентября 1917 г. Коктебель

4/9 – 1917* г. Коктебель.

Милый Яша,

очень благодарю тебя за предложение, но я не приму его.[1] Во-первых, по тем причинам, что писал в прошлом письме[2] (состояние маминого здоровья), во-вторых, потому, что не чувствую в себе способности к административной деятельности (наверное, только напутаю), в-третьих, потому, что сейчас очень много литературной и живописной работы, а осень для меня в этом отношении самое драгоценное время года: а у меня сейчас намечен целый ряд стихотворных планов, связанных с современностью.

Но Эрзрум[3] и те края вообще для меня, конечно, глубоко заманчивы, и я, если будет возможность, и если ты

* *В авторской машинописи – опечатка:* 1919.

останешься там еще к весне, постараюсь туда попасть. Быть может, ты найдешь к тому времени нечто более подходящее, чтобы использовать меня, как писателя и художника.

Очень радуюсь за тебя (и за Армению, отданную в твое распоряжение), т<ак> к<ак> думаю, что это вполне твоя область и ты будешь как нельзя более на своем месте. Словом, твоя карьера меня вполне удовлетворяет (и я больше не настаиваю на министерстве).

Я, конечно, переживаю все совершающееся глубоко и интенсивно, но мне нужен известный исторический разбег, чтобы иметь возможность реагировать художественно. Это мне дает Коктебель. Он дает взгляд из пустыни. Какое страшное время и какое счастье, что мы до него дожили. Сейчас мне Азия интереснее запада — разрешение всего придет оттуда.

Крепко обнимаю тебя и желаю тебе всяческого успеха. Если у тебя будет капля времени, пиши мне: мне не хочется тебя сейчас терять из поля зрения.

[1] В неизвестном нам письме (см.: Т. 8 наст. изд. С. 236) Глотов, после Февральской революции ставший одним из комиссаров Временного правительства в Закавказье, предлагал Волошину занять какую-то служебную должность.

[2] См. п. 278.

[3] Эрзурум (Эрзерум) — город в восточной части Османской империи (ныне — Турции). Во время Первой мировой войны в ходе Эрзурумской операции в феврале 1916 г. был занят российской Кавказской армией под командованием генерала Н.Н. Юденича.

284. В.Я. БРЮСОВУ

7 сентября 1917 г. Коктебель[1]

Коктебель (Феодосия). 7 сентября 1917.

Дорогой Валерий,

из слов А.Н. Тихонова, жившего это лето у нас на даче,[2] я понял, что Вы несколько изменили сами свои взгляд на необходимость исключительно рифмованных переводов

Верхарна и склоняетесь отчасти к моему методу переводов: свободным стихом без рифм. Если это так, то те препятствия, что были весною к моему деятельному участию в работе над собранием стихотворений Верхарна,[3] отпадают, и я с большим удовольствием взялся бы за эту работу именно теперь: сейчас у меня есть и время и охота.

Моя книжка Верхарна выйдет в скором времени в изд<ательстве> «Творчество». Туда, кроме всех Вам известных переводов, войдут: «Микельанджело», «Толпа», «Города», «Св. Георгий», «Гости (Декабрь)».[4] Когда она выйдет, я Вам пришлю тотчас же. Если мое прямое участие Вам теперь желательно, то напишите немедля, и я примусь теперь же за работу. Не смогли ли Вы бы мне одолжить на время в этом случае книгу: «Властительные ритмы»? и «Герои» из «Всей Фландрии»:[5] я их не мог достать, а меня привлекают переводы стихов именно этой эпохи Верхарна. Все остальные книги Верхарна у меня есть.

Приветствую.

[1] Текст – машинопись без подписи. Почтовые штемпели: Коктебель. 8.<9.17>; Москва. 11.9.17. В архиве Волошина имеется машинописная копия письма, снятая под копировальную бумагу (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 12).

[2] А.Н. Тихонов организовал в 1915 г. совместно с М. Горьким и И.П. Ладыжниковым петроградское издательство «Парус», с которым деятельно сотрудничал Брюсов. Тихонов приехал в Коктебель в середине июля 1917 г. М. Горький писал из Коктебеля Е.П. Пешковой 21 августа: «Кроме меня, здесь Тихоновы, они уезжают 25-го <...>» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2006. Т. 12. С. 167).

[3] Подразумевается проект собрания сочинений Верхарна в русских стихотворных переводах в шести или восьми томах. Его подготовку по предложению издательства «Парус» взял на себя Брюсов, писавший в марте 1917 г. М. Горькому о намерении дать Верхарна «полным, с поэмами социалистическими, и революционными, и богохульными, и предельно чувственными, что́ все у него есть рядом с философскими строгими раздумьями, – дать его во весь рост!» (М. Горький. Материалы и исследования. Т. 1. Л., 1934. С. 189. Публ. Е. Михайловой). Этот замысел не был реализован. См.: ЛН. Т. 27/28. М., 1937. С. 653–654; ЛН. Т. 85. Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976.

С. 556. Переговоры об участии Волошина в собрании сочинений Верхарна велись в Москве в марте 1917 г. В своем стихотворном «Дневнике поэта» Брюсов писал под датой «23 марта, четверг»:

В Кружок я ехать был готов,
Но, мудр, настойчив и непрошен,
Меня в дверях поймал Волошин
(Я, впрочем, сам и звал его...)
С «Верхарнами»... Не до того
Мне было. Выслушал поспешно
И убежал <...>

(ЛН. Т. 85. С. 30). 26 марта 1917 г. Брюсов сообщал А.Н. Тихонову: «...собрал уже довольно много переводов Верхарна – М. Волошина, С. Шервинского и др.» (*Там же*. С. 34. Примечания В.С. Дронова).

[4] Все перечисленные стихотворения вошли в книгу Волошина «Верхарн. Судьба. Творчество. Переводы» (М.: Творчество, 1919).

[5] Имеются в виду книга Верхарна «Властительные ритмы» («Les Rythmes souverains», 1910) и его книга «Герои» («Les Héros», 1908) из серии под общим заглавием «Вся Фландрия» («Toute la Flandre»).

285. В.А. АМФИТЕАТРОВУ-КАДАШЕВУ

7 сентября 1917 г. Коктебель[1]

7/9 1917 г. Коктебель (Крым).

Многоуважаемый Владимир Александрович,

очень рад был получить «Красное Знамя» с моими переводами Верхарна.[2] Я буду очень благодарен, если Вы распорядитесь выслать мне причитающийся гонорар (50 к. за стих – 320 стихов – 160 рублей) теперь же, и по адресу: Коктебель (Крым). Я здесь остаюсь на всю зиму.

Привет Александру Валентиновичу и Илларии Владимировне.[3]

[1] Печатается по машинописной копии в архиве Волошина.

[2] См. п. 251, примеч. 2.

[3] Отец и мачеха В.А. Амфитеатрова-Кадашева – А.В. и И.В. Амфитеатровы.

286. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

9–10 сентября 1917 г. Коктебель

9 сентября 1917 г. Коктебель.

Дорогая Марья Самойловна,

сегодня получилось твое письмо[1], и я спешу тотчас же на него ответить, чтобы его передал тебе Роман Самойлович,[2] который, кажется, едет завтра: он со дня на день откладывает свой отъезд к моему большому удовольствию, т<ак> к<ак> он пленен Коктебелем и не может с ним расстаться. Кроме того, он так напоминает тебя лицом, а Михаила Осиповича[3] лбом, волосами и часто голосом, что часто дает мне иллюзию присутствия вас обоих. Сверх всего, и сам он мне очень нравится. Он пришел в такой восторг от Коктебеля, что решил, что вам необходимо жить здесь и сделаться здешними помещиками, и присмотрел подходящую землю. Он будет об этом говорить сейчас же по приезде, так что я писать об этом не буду, но я всецело присоединяюсь к его планам и, конечно, всеми силами буду вопить, чтобы ты купила этот кусок земли и связала себя с Коктебелем.[4]

Посылаю тебе несколько коктебельских акварелей, чтобы прельстить тебя. Кроме того, я посылаю с Романом Самойловичем и мои акварели для выставок: пусть они будут пока у тебя, а я напишу Юлии Леонидовне Оболенской (она мой большой друг и очень талантливая художница – я говорил тебе о ней еще в Париже), чтобы она зашла за ними, и это даст Вам случай познакомиться. Мне очень хочется, чтобы ты узнала ее и ее искусство. У нее совершенно необычайные по глубине и по чувству иллюстрации к русским сказкам.

Кроме того, мама с приветом тебе посылает образцы коктебельских камушков,[5] чтобы ты заранее оценила Коктебель и почувствовала к нему влечение. Роман Самойлович через час уже выезжает. Я вчера не успел окончить это письмо и не успею дописать его сегодня. Посылаю его так, как оно есть, и буду сейчас же продолжать его после его отъ-

езда для того, чтобы подробнее и художественно описать тебе ту землю, что мы выбрали для тебя. Этот кусок действительно очень живописен и великолепен для хорошего дома, защищенного от ветров, вдали от моря и с великолепным видом на него, и без неуютных и неудобных соседей. Я напишу тебе о нем подробнее и нарисую его тебе, чтобы дать о нем полное представление. Не могу тебе сказать, как я был бы счастлив, если бы наши планы тобой были бы одобрены и осуществились. Иметь Мишу и тебя постоянными соседями в Коктебеле и географически связать жизнь, это было бы прекрасно: не говоря уже о том, что мне страстно хотелось бы, чтобы ты полюбила Коктебель, и для меня Коктебель еще обогатился, если бы ты его избрала опорной точкой летней жизни в России. Р.С. опишет тебе под своим первым впечатлением какой он, хотя он за это время, конечно, успел увидать только малую часть его красоты: я двадцать пять лет уже живу здесь и не могу ни пресытиться, ни узнать его до конца.

Я думаю, что мой приезд в Москву состоится в январе месяце, когда мама переедет в Феодосию, а я смогу на месяц, на полтора приехать в Москву.

До свиданья. Крепко обнимаю Мишу.

МАХ.

[1] Речь идет о письме М.С. Цетлиной от 5 сентября 1917 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262).

[2] Р.С. Тумаркин, брат Цетлиной, гостил в Коктебеле с конца августа по 10 сентября 1917 г. (Труды и дни-2. С. 27—28).

[3] М.О. Цетлин.

[4] О планах покупки земли Цетлиными в Коктебеле, которые так и не осуществились, см. ниже (п. 299, 318, 322, 323, 344).

[5] Цетлина отблагодарила Е.О. Кириенко-Волошину в письме к Волошину от 23 октября 1917 г.: «Очень кланяюсь твоей маме, я так тронута ее подарком — камешками, что всегда снова хочется ее поблагодарить» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 55 об.).

287. А.М. ПЕТРОВОЙ

12 сентября 1917 г. Коктебель[1]

Дорогая Александра Михайловна, приветствую ваше воскресение и возвращение домой.[2] Напишите мне после вашего приезда, и когда Вы немного поправитесь, чтобы я мог прийти к Вам на несколько дней.

МАХ.

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: Коктебель. 12.9.17.

[2] Ответ на открытку А.М. Петровой из Симферополя от 3 сентября, в которой она сообщила Волошину, что операция прошла отлично и что в конце недели она намеревается вернуться домой (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954).

288. С.Я. ЭФРОНУ

13 сентября 1917 г. Коктебель

13 сентября 1917 г.
Коктебель.

Дорогой Сережа, сегодня получил одновременно ответы на оба мои запроса о переводе твоем в артиллерию: и от ген<ерала> Маркса и от Богаевского.[1] Маркс пишет, что уже послал прямо тебе справку о том, как надо поступить и что сделать. Так что ты, вероятно, уже получил ее.[2] Богаевский же пишет: «Говорил по поводу перевода Сергея Яковлевича с командиром Севастопольского артиллерийского полка Шеншиным (это муж кузины Александры Михайловны[3]). Препятствий с его стороны против перевода С<ергея> Я<ковлевича> в артиллерийский полк не встретится. Поэтому пусть С<ергей> Я<ковлевич> подаст прошение о переводе в Севастопольский крепостной артиллерийский полк на имя командира полка полковника Шеншина».[4]

Таким образом, очевидно, что твой перевод в артиллерию может устроиться быстро и просто. Только напиши соответственные прошения сейчас же, не медля. И жду тебя с Мариной в Феодосию. Кстати и Маркс мне пишет, что будет в скором времени в Феодосии и в Отузах. Ты все это сделаешь, приехав сюда, и взяв отпуск в Москве гораздо скорее и проще.

Коктебель опустел, то есть остаются какие-то люди, но уже совсем незнакомые. С нами в доме, кажется, будет зимовать семья Кедровых.

Давно ничего не знаю о Вере и Лиле.[5] Где они?

Крепко целую тебя и Марину[6] и хочу увидаться поскорее. Асю не видал давным-давно: за все это время был в городе только раз, когда являлся на переосвидетельствование, и не успел к ней зайти, так был измучен.[7]

МАХ.

[1] См. п. 270. 7 сентября 1917 г. Н.А. Маркс сообщал Волошину: «Я послал С.Я. Эфрону справку – как ему быть в деле перевода в артиллерию» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 823, л. 3).

[2] 15 сентября 1917 г. Эфрон писал Волошину из Москвы: «Милый Макс, спасибо нежное за горячее отношение к моему переводу в Крым. Маркс мне уже ответил очень любезным письмом и дал нужную справку. – Но в Москве мне чинят препятствия, и верно с переводом ничего не выйдет. Может быть, так и нужно. Я сейчас так болен Россией, так оскорблен за нее, что боюсь – Крым будет невыносим. Только теперь почувствовал, до чего Россия крепка во мне» (*Цветаева М*. Неизданное: Семья. История в письмах. М., 1999. С. 250).

[3] А.М. Петрова.

[4] Неточно цитируется письмо К.Ф. Богаевского из Севастополя от 10 сентября 1917 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 267, л. 18–18 об.).

[5] В.Я. и Е.Я. Эфрон.

[6] М.И. Цветаева.

[7] А.И. Цветаева переселилась из Коктебеля в Феодосию, видимо, во второй половине июля 1917 г.

289. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

13 сентября 1917 г. Коктебель[1]

13 сентября 1917 г. Коктебель.

Дорогая Юлия Леонидовна,

У меня к Вам просьба: с представившейся оказией я послал вчера в Москву ряд моих акварелей для выставок. Они будут переданы Марье Самойловне Цетлин — Кречетниковский переулок 8/11. Тел<ефон> 1-51-88. Пожалуйста, возьмите их у нее и передайте в распоряжение Константина Васильевича.[2] Но непременно зайдите сами, потому что мне хочется, чтобы Вы познакомились. И там Вас уже будут ждать. Это в тех местах, где жили мы, в квартире Ф.Д. Высоцкого. Цетлины — молодые мои очень большие друзья по Парижу. Но раньше позвоните по телефону: Мар<ия> Сам<ойловна> ожидает в скором времени рождения ребенка. Вы же ее наверное знаете по серовскому портрету[3] — в дверях на фоне моря. Кстати, расскажите ей подробнее о Коктебеле: она его не знает, а сейчас идет вопрос о том, чтобы уговорить их купить землю в Коктебеле. Это идея ее брата,[4] который только что был в Коктебеле (он и привезет мои акварели).

Я посылаю три из больших, написанных еще при Вас, которые я закончил и исправил. Лирический цикл из 10 акварелей со стихами, который я предназначаю для «Мира Искусства».[5] И еще ряд отдельных акварелей и темпер, которые я предполагал для Вашей выставки. Впрочем, конечно, распределение и выбор предоставляю всецело Вам и Константину Васильевичу. Мне только не хотелось бы разразнивать Лирический цикл. Заглавия их для каталога прилагаю к письму. Очень прошу Константина Васильевича дать их окантовать (кроме самых больших) или обрамить, как он найдет нужным, в пределах расходов до ста рублей, которые вышлю по первому требованию, когда будет нужно. Цены я думаю так: по 100 за малые, по 200 за три больших. Но это — приблизительно, с правом изменять в обе стороны цены.

Посылаемые акварели мы выбирали с Леонидом Весниным, который сейчас здесь. Но я думаю прислать впоследствии еще: эти я послал, чтобы воспользоваться оказией. Получили ли Вы мое письмо?[6] Что Вы делаете и что у Вас делается? Что Кон<стантин> Вас<ильевич>? Его работа?

Привет всем.

MAX.

[1] Почтовые штемпели на конверте: Коктебель. 14.9.17; Москва. 17.9.17.

[2] К.В. Кандауров. Оболенская отвечала 18 сентября 1917 г.: «Очень рада, что могу исполнить какую бы то ни было Вашу просьбу. Итак, работы Ваши заберу и постараюсь со всем усердием повысить ценность Коктебеля» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 18). Впрочем, Р.С. Тумаркин, привезший акварели в Москву, оповестил Волошина 26 сентября: «До сих пор ни Оболенская, ни Кандауров не являются за рисунками» (*Там же*, ед. хр. 1199).

[3] См. примеч. 7 к п. 151.

[4] Брат М.С. Цетлиной – Р.С. Тумаркин.

[5] К письму приложена машинописная копия (подпись — автограф) перечня заглавий цикла акварелей «Десять лирических пауз одной прогулки» (см.: Т. 2 наст. изд. С. 573–574). На московской выставке «Мир Искусства» (27 декабря 1917 г. – 2 февраля 1918 г.) экспонировалась серия из 14 пейзажей Волошина «Города в пустыне».

[6] Имеется в виду п. 282.

290. В.А. РОГОЗИНСКОМУ

13 сентября 1917 г. Коктебель

13 сентября 1917 г. Коктебель.

Дорогой Володя, только что получил от Километра[1] такую справку: «Говорил с одним из инженеров о Рагозинском. Он может похлопотать через местного Воинского Начальника, чтобы его командировали на службу в Севастополь. В силу каких-то новых законов, как мне сказал инженер, он имеет право на то, чтобы его как специалиста прикомандировали к специальным войскам. Здесь, то есть

в Севастопольском инженерном Управлении, если Рагозинский запросит полковника Гулишамбарова, против его перевода ничего не будут иметь против».[2] Нарочно выписываю тебе подлинные Километровы слова и очень советую поступить по его указанию. Напрасно ты сам поленился ему написать. Пишет он еще, что, может быть, вскоре приедет на три дня в Феодосию. Надеюсь, что ты еще не получил никакого назначения и все это не запоздало. Как ты справился с моим натюр-мортом? Я еще наторговал акварелями на 200 рублей и выписал себе поэтому уйму книг. Крепко обнимаю, привет Ольге Артуровне.[3] Написал и послал в Москву для Мира Иск<усства> 10 акв<арелей> под именем «Десять лирических пауз одной прогулки» со стихами.[4]

[1] Прозвище К.Ф. Богаевского. В комментариях В.П. Купченко сообщается: «Богаевского — отмечая его возраст и дарование — Волошин и Рогозинский величали в шутку “кило-мэтром”, а себя “санти-мэтрами”» (Образ поэта: Максимилиан Волошин в стихах и портретах современников. Феодосия; М.: Изд. дом «Коктебель», 1997. С. 130).

[2] Неточная цитата из письма Богаевского к Волошину от 10 сентября 1917 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 267, л. 18 об. — 19). Речь идет о прохождении Рогозинским военной службы по его специальности инженера.

[3] Жена Рогозинского О.А. Рогозинская (урожд. Лаоссон; 1888—1971).

[4] См. п. 289, примеч. 5.

291. М.С. ПРОППЕРУ

13 сентября 1917 г. Коктебель

Многоуважаемый Максимилиан Станиславович,

сейчас же после Вашего отъезда я начал получать газету, за что очень благодарю Вас.[1]

Пользуясь Вашим собственным предложением, прошу Вас выяснить мое гонорарное недоразумение с «Биржевыми Ведомостями».

Моя заметка о Верхарне и перевод «Город-Спрут» были напечатаны 6-го января в номере 16022.[2] По моим условиям я должен был получать по 20 к. за строку и по 50 за стих. Там 96 строк прозы (19 р. 20 <к.>) и 114 стихов (57 р.). Итого я должен был получить 76 р. 20 к., а мне было выслано 35 р. 40 к. Следовательно, «Б<иржевые>В<едомости>» мне должны еще 40 р. 80 к.

Я буду Вам весьма благодарен, если Вы дадите в контору соответствующее распоряжение.

Коктебель пустеет, но погода стоит прекрасная. Вчера уехал Горький. Не завидую тем, кому надо быть сейчас в Петербурге. Привет Варваре Степановне.[3]

[1] Имеются в виду «Биржевые Ведомости». Вероятно, Проппер обещал распорядиться о присылке Волошину газеты во время их встречи в Крыму летом 1917 г.

[2] См. п. 251, п. 244, примеч. 2.

[3] Вероятно, жена Проппера.

292. Е.П. ОРЛОВОЙ

13 сентября 1917 г. Коктебель

13 сентября 1917 года.
Коктебель.

Дорогая Екатерина Павловна,

получил сто рублей. И зачем по телеграфу?

А потом Ваше письмо.[1]

Нет, все-таки, не следует создавать себе людей целиком.[2] Хорошо видеть людей лучше (это и их лучше делает), но величайшая добродетель — точность. Такое понимание больше всего помогает людям. А идеализация, до которой они сами дотянуться не могут, может быть так же гибельна, как и принижение их. Нужно *все* знать о человеке, так, чтобы он не мог ни солгать, ни разочаровать, и, зная, все помнить, что в каждом скрыт ангел, на которого наросла дьявольская маска, и надо ему помочь ее преодолеть, вспомнить самого

себя. И не надо экспансивности: гораздо лучше ее сдержать и сделать благословением изнутри, молчаливым. Молча благословить человека во время беседы, это гораздо больше всяких слов и даже действий.

И никогда не надо ничего ни ждать, ни требовать от людей. Но всему прекрасному в них радоваться, как личному дару. Я это все Вам уже говорил, но мне хочется Вам повторить это еще раз письменно.

До свиданья. Пишите мне, когда Вам захочется, и не очень огорчайтесь, когда я буду не очень аккуратен в ответах. Присылайте мне все Ваши новые стихи.

[1] В этом письме, отправленном из Москвы 6 сентября 1917 г., Орлова сообщала Волошину о переводе денег по телеграфу: «...еще раз сердечное спасибо Вам за то, что выручили меня в трудную минуту» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 915).

[2] Отклик на признания Орловой в том же письме: «Вы говорите, что нужно все явления жизни принимать с радостью, но разве это возможно? Разве можно быть спокойной, когда видишь, что люди, которых ты сама создала себе и вдохнула в них часть своей души, когда эти люди при встрече смотрят на тебя как на пустое место и спрашивают: “что Вам угодно?” <...> Почему всякую искренность люди привыкли считать слабостью души? Да потому что они опутаны ложью, как ползучим растением, и боятся освободиться от нее».

293. М.О. ЦЕТЛИНУ

14 сентября 1917 г. Коктебель

1917. 14/9. Коктебель (Крым).

Дорогой Миша, твое письмо меня очень обрадовало,[1] потому что, не слыша твоего голоса, трудно было с тобой разговаривать, а очень хотелось тебе писать о многом и о многом спрашивать, потому что все же мы увидимся не скоро: раньше января мне никак не уехать в Москву. Правда от Романа Самойловича [2] я получил представление о строе вашей жизни в Москве и о твоем расположении духа. О том, как ты не мог огорчиться Россией, и вполне естественно

теперь огорчился и надолго, и о том, что, как и следует, не находишь себе места в мироздании. В настоящий исторический момент это естественно и неизбежно. Я думаю, что в настоящее время мы переживаем процесс простой, как разложение трупа. Его органичность подчеркнута еще тем автоматизмом мышления, который требуется от всех, кто хочет принимать в нем участие, и это первое условие. Посмотри, как Бориса Викторовича[3] вышвырнуло немедленно из игры, несмотря на его очевидную полезность, даже необходимость для России. Революционеры-эмигранты в общем, как они были, так и остаются микробами разложения прежде всего, и должны исполнить свое дело до конца. И они его исполняют, многие даже против своей воли и против здравого смысла: в силу роковой и органической неизбежности. Построить они ничего не могут, несмотря на всю свою добрую волю, просто потому, что сила строительства не в них. Керенский — образец пламенеющей воли к строительству, а между тем все, что он делает и будет делать, явно тот же процесс государственного разложения, который, конечно, является исторической необходимостью и должен быть доведен до конца во что бы то ни стало, иначе нам и не воскреснуть ни в каком виде. Те, кто не чувствует сейчас политического энтузиазма, который является психологическим выявлением этого же процесса, те и не должны сейчас принимать участия в политической жизни. Их дело в тишине отстаивать и вынашивать ту мысль, что потом станет строящей волей. Я, например, настолько считаю необязательным для каждого принимать участие в текущем в качестве политической личности, что решил не подавать голоса в Учредительное Собрание,[4] именно потому, что голоса будут подаваться только в партийных категориях, то есть в том же порядке разложения, а не синтеза. Строительство начнется гораздо позже и, конечно, не из кругов зачинателей революции, а из тех, кто очнутся уже во время нее.

То, что ты теперь не находишь себе места и приложения сил, кажется мне очень хорошим признаком. Мне кажется, что твое определенное дело — это литература и издательство. Сейчас невозможно начинать последнее, и это тоже

хорошо: но надо готовиться и готовить материал, чтобы двинуть его сразу, когда придет время, хотя оно наступит, быть может, еще далеко не скоро. Ведь окончательное выяснение наших внутренних дел может начаться только после окончания войны. И, когда другие уже начнут зализывать раны, мы только начнем государственно самоопределяться, хотя бы уже потому, что только тогда мы узнаем пределы своего государственного организма. У разложения и строительства есть определенные и простые симптомы: пока вопрос идет о правах – это разложение, когда речь заходит о долге, жертве, самоотказе – это созидание. Трагедия всех революционеров всегда в том, что они жертвенные зиждительные силы несут на службу разложения; и вот теперь они потрясены тем, что дело их рук обращается против них самих. Не принимай мои слова о праве как о симптоме разложения за парадокс. *Право* – это склероз. Это кристаллизация борьбы эгоизмов, признак, что народ пожил широкой, избыточной жизнью, результатом которой явилось обильное отложение солей в суставах и подагра. Издание свода Законов – будь это кодекс Юстиниана,[5] или Наполеона[6] является верным признаком омертвения национальных сил и симптомом распада. Неписанность закона Англии – это тот же иод, который каждый англичанин начинает принимать после 40 лет от возможного склероза. Способы борьбы и психология социализма приспособлены для борьбы внутри очень крепкого и незыблемого государственного строя: они предполагают черепную коробку, а у нас остался мозг, не защищенный никаким костным покровом. Не находя никакого механического упора во вне, они становятся анархически взрывчатыми. Наш социализм – это взрыв заряда вне ружейного дула. Хотя заряд сам по себе вовсе недурно приготовлен. Но он не бьет в цель, а разрушает все вокруг.

До свиданья. Крепко обнимаю. Привет Марье Самойловне.[7] Я ей буду писать завтра.[8] Мне бы очень хотелось, чтобы идея Ром<ана> Сам<ойловича> о покупке земли в Коктебеле нашла в тебе сочувствие.[9] Нравятся ли тебе мои последние акварели?[10]

МАХ.

[1] Имеется в виду письмо М.О. Цетлина от 6 сентября 1917 г. из Москвы, в котором он признавался: «Здесь мне многое чуждо, и я пока всему чужой. Сначала я так был рад возвращению, что никак не мог как следует огорчиться от всего, что происходит, а теперь расстроен так, что тщетно стараюсь обрести <...> душевную бодрость <...>. Пока еще стою в стороне от всего. С<оциалистам>-р<еволюционер>ам я сочувствую, если хочешь, эстетически, и не политически, и помогать им не могу. С тем что ты пишешь о Б.В. <Савинкове. – *Ред.*>, я согласен. Личные отношения у меня с ним стали очень плохие. И с Эренбургом у него был большой холод. <...> Жаль, что не успели выйти в свет твои “Облики Парижа” и “Салон Поэтов”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261, л. 47–48). В последних строках говорится о замыслах издания книги статей Волошина и антологии современных поэтов (см. письмо Цетлина к Волошину от 28 декабря (н.ст.) 1916 г. // ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261, л. 35–40). В издательстве «Зерна» вышло два сборника: «Салон поэтов весенний первый» (М., 1917) – в нем опубликованы стихотворения Волошина «Усталость», «Реймская Богоматерь»; «Весенний салон поэтов» (М., 1918) – в нем опубликованы стихотворения «Теперь я мертв. Я стал строками книги...», «Демоны глухонемые»).

[2] Р.С. Тумаркин. См. примеч. 2 к п. 286.

[3] Б.В. Савинков.

[4] Датой выборов в Учредительное собрание было объявлено 17 сентября, а созыв его назначен на 30 сентября. В действительности выборы в Учредительное собрание проходили с 12 по 14 ноября 1917 г.

[5] Имеется в виду Кодификация Юстиниана (Свод цивильного права, *лат.* Corpus juris civilis), систематическое изложение византийского права (VI в.), предпринятое по приказу императора Юстиниана.

[6] Речь идет о Французском гражданском кодексе 1804 г. (*фр.* Code Civil des Français), разработанном группой юристов во время правления первого консула Французской республики (затем императора) Наполеона Бонапарта.

[7] М.С. Цетлина.

[8] Следующее известное нам письмо к Цетлиной датируется 21 сентября (см. п. 299).

[9] Об этом см. примеч. 4 к п. 286.

[10] С Р.С. Тумаркиным были высланы акварели Волошина. См. п. 286.

294. Р.С. ТУМАРКИНУ

15 сентября 1917 г. Коктебель

15/9 – 1917. Коктебель.

Дорогой Роман Самойлович,

посылаю Вам текст телеграммы, только что пришедшей на Ваше имя.[1]

До сих пор еще не был на тех участках, что Вы просили меня посмотреть, ни на 14-м с Феод<ором> Эдуард<овичем>.[2] Но сегодня мы, кажется, пойдем и туда и туда, так как и Ф<едор> Э<дуардович> и Ро[3] будут более свободны. Очень меня интересует и волнует исход нашего предприятия и очень хочется, чтобы оно удалось и Мар<ья> Сам<ойловна> соблазнилась.[4]

Несколько дополнений к книжным поручениям, если Вы позволите:

Щеголев. «Дуэль и смерть Пушкина» Изд. Пирожкова. 10 р.

(Но то же самое в издании «Пушкин и его современники», только 2 р. 50 к. Так что я предпочитаю, конечно, это издание, если оно имеется еще).[5]

Кроме этого присоедините, пожалуйста, к списку еще:

Полный перевод *Дон-Кихота* (пер<евод> Ватсон).[6]

И тот том Достоевского, куда входят письма, отрывки из записной книжки и материалы для биографии, что продается отдельно от полного собр<ания> сочинений, в последнем его издании.[7]

Очень хорошо, что Вы были в Коктебеле и что мы познакомились. Извинения Ваши Павловым[8] передал: они совсем потрясены Вашей любезностью, т<ак> к<ак> я был, кажется, уже десятым, их им передавшим.

Получил письмо от Мих<аила> Осип<овича> и вчера же ему ответил.[9] Напишите мне, если Вам не трудно, какое впечатление произвели мои акварели?[10]

До свиданья.

[1] Содержание телеграммы неизвестно.

[2] Ф.Э. Юнге – сын и наследник Э.А. Юнге (1833–1898), которому принадлежала почти вся земля Коктебельской долины.

[3] Феодосиец Артур Эдуардович Ро (1853–1918).

[4] М.С. Цетлина. Речь идет о намерении Тумаркина приобрести для себя и для Цетлиных земельный участок в Коктебеле.

[5] Первое издание книги П.Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы» – в серии «Пушкин и его современники» (Вып. XXV–XXVII. Пг., 1916). Второе, исправленное издание – Пг., 1917.

[6] М.В. Ватсон осуществила единственный к тому времени полный перевод романа Сервантеса – «Остроумно-изобретательный идальго Дон-Кихот Ламанчский» (СПб., 1907; с примечаниями и биографическим очерком; имел несколько переизданий).

[7] Последним к тому времени было Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского в 23 томах (СПб.: Просвещение, 1911–1918). 26 сентября 1917 г. Тумаркин писал Волошину: «Книги Вам заказаны у Вольфа, который уже завтра начнет их высылать. Некоторых книг совсем достать нельзя, другие сильно повышены в цене, в подписных изданиях нет некоторых выпусков и т. д.» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1199).

[8] Коктебельские дачевладельцы, соседи Волошина.

[9] М.О. Цетлин. См. п. 293.

[10] Тумаркин отвечал в цитированном письме: «Ваши акварели очень понравились и Марии Самойл<овне> и Михаилу Осип<овичу> – замечательно – мои маленькие четыре вида чрезвычайно нравятся всем без исключения».

295. Ю.Ф. ЛЬВОВОЙ

18 сентября 1917 г. Коктебель

Коктебель. 18/9 – 1917.

Дорогая Юлия Феодоровна,

как Вы живете и что с Вами? Дайте весть о себе.

Получили ли Вы в свое время мое стихотворение «Материнство»?[1] Как устроились Ваши семейные и материальные дела? Как сложилась Ваша жизнь в Петербурге?

С отъездом Лютика прекратились всякие вести о Вас.[2] Коктебель опустел близкими, но, увы, не пустеет людьми. Очевидно, будут и зимующие. Да! Вот одно важное дело: на Ваши комнаты уже являлось несколько претендентов на будущее лето: пока я их отстаивал, но мама хочет знать, хотите ли Вы их оставить за собой на будущее лето? Это очень важно: напишите ей, пожалуйста.[3]

Наша жизнь идет тихо, если не считать того, что скамеечками против дома по ночам овладевает «влюбленная демократия», играет на гармонике, поет свои куплеты к «Крокодиле»:[4]

«Буржуи подавлятся,
Коктебель провалится...»

и кидает в проходящих камнями. Последнее, впрочем, без политического значения, просто героический жест, чтобы понравиться дамам. Все остальные волнения подступают только издали, да жизнь постепенно дорожает.

Операция Александры Михайловны[5] прошла благополучно, но совершена она была в самый последний момент: позже было бы уже поздно, т<ак> к<ак> положение было гораздо серьезнее, чем предполагали. Я не видал ее еще, но поеду на этих днях в Феодосию для того, чтобы повидаться подробно.[6] Не знаете ли Вы, что такое представляет из себя Общество Возрождения Чистого Знания в принципе Христа? И его секретарь Мария Альфредовна Нестерова? Она мне писала и просила стихов для издаваемого ими альманаха, я им дал «Пещеру» и «Материнство».[7] Программа их и издательские планы мне нравятся, но мне хотелось бы знать подробнее, кто они?

Все это время я занимался исключительно живописью: отправил в Москву ряд картин для выставок,[8] довольно много продал здесь маленьких акварелей. (Какова судьба тех, что Вы захватили с собой?)

Как поживает Георгий Владимирович? Ничего, что его браунинг так и задержался у нас?[9] Сейчас он в распоряжении Пра, т<ак> к<ак> можно всегда опасаться вторжения — не очень серьезного, но такого, когда надо оказать устра-

шающее сопротивление, а ее комнаты находятся в большей опасности, чем мои.

Весь конец лета жил в Коктебеле Горький.[10] Я его узнал впервые. Он производит очень хорошее впечатление человека очень усталого, больного, очень внимательно и любовно радующегося всем проявлениям жизни. О политике он почти не говорил, а больше о зверях, о собаках. Вообще «совсем не похож» на того Горького, о котором сейчас пишут в газетах. Коктебель он полюбил и хочет приехать с ранней весны будущего года.

Нормальные дачники очень волновались его присутствием и говорили, что надо составить постановление, чтобы запретить жить этим большевикам в Коктебеле.

Дейша очень определенно называла «этих большевиков» по именам: Александр Стамов — болгарин, Максим Горький и Максимилиан Волошин: «я знаю, что они каждый день ходят на минный завод[11] рабочих пропагандировать». Так тихо и мирно под сенью исторических катастроф течет наша жизнь.

Видали ли Вы Лилю?[12] Как идет ее жизнь?

Обнимаю Кусявку.[13] Целую Лютика. Откликнитесь.

Максимилиан Волошин.

Одна просьба, если она Вас не затруднит: позвонить по телефону в книжный склад Академии Наук и попросить, чтобы они выслали мне полный каталог академических изданий по разряду словесности наложенным платежом. В частности, меня интересует издание «Пушкин и его современники»,[14] и мне хотелось бы узнать, возможно ли приобрести его все с самого начала и подробное содержание всех его выпусков. Я уже запрашивал об этом письменно, но боюсь, что они не ответят, и потому был бы очень благодарен, если бы Вы позвонили туда.

[1] См. п. 261, примеч. 5.

[2] Лютик — прозвище Ольги Александровны Ваксель (1903—1932), дочери Львовой, впоследствии киноактрисы. См. о ней: *Ласкин А. С.* Ангел, летящий на велосипеде. Документальная повесть

об О. Ваксель и О. Мандельштаме; Я недолго жила на земле...: Избранные стихи О.А. Ваксель / Сост., подгот. текста А.С. Ласкина. СПб.: Стройиздат, 2002. После отъезда Львовой в Петроград Ваксель в июле и августе 1917 г. жила в Коктебеле.

[3] Львова отвечала Волошину 2 октября 1917 г.: «Прошу Пра задержать наши 4 комнаты, а также обормотскую, где жила Верле. Нельзя ли было бы их купить у Вас? И за сколько? Нельзя ли купить весь дом, кроме Вашего верха??? И за сколько?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 799, л. 7).

[4] См. примеч. 6 к п. 257.

[5] А.М. Петрова.

[6] Волошин отправился пешком в Феодосию 27 сентября; возвратился в Коктебель, также пешком, на следующий день (Труды и дни-2. С. 30).

[7] См. п. 269, примеч. 1, 2. Львова отвечала в цитированном выше письме: «Насчет О<бщест>ва <в> принципе Христа знаю, что оно под протекторатом антропософов. Успеха не имеет, — бесталанно, претенциозно и пресно».

[8] См. п. 289, примеч. 5.

[9] Г.В. Кусов. В письме от 2 октября Львова отвечала: «...задержите браунинг у себя совсем».

[10] См. п. 273, примеч. 9.

[11] Минная станция в Двуякорной бухте (открыта в 1912 г.).

[12] Е.И. Васильева.

[13] Прозвище Г.В. Кусова.

[14] Академическая серия сборников «Пушкин и его современники» была начата изданием в Петербурге в 1903 г., ко времени написания письма вышли в свет вып. I–XXVIII.

296. Р.С. ТУМАРКИНУ

18 сентября 1917 г. Коктебель

Коктебель. 18/9 — 1917.

Дорогой Роман Самойлович,

наконец удалось поймать вытащить А.Э. Ро пойти посмотреть интересовавшие Вас участки (54, 55, 48, 49).[1]

Они вполне удовлетворительны и удобны. Вы представляете себе, конечно, что они лежат по долине, которая

тянется в глубину, как раз по линии нашего дома, и отстоят от шоссе еще на 330 сажен в глубь страны. (То есть на 140 саженей еще дальше от моря, чем участок 14).

Так как они находятся в низменной части долины, то широкого вида на море нет: оно виднеется вдали узкой полосой между крышами и садами, по обе стороны голые холмы, которые я люблю, и из-за них верхушки Сюрю-Кая,[2] и дальние горы в глубине. Самые участки никаких особенных неудобств не представляют: речка, их перерезающая, не страшна и не требует никаких особых мер предосторожности: ее можно урегулировать простой канавой.

Но можно быть почти уверенным, что легко вырыть колодец и устроить маленькую запруду, и земля прекрасная для всякой растительности и виноградника (щебень).

Там свободны пять маленьких участков, но пятый (56) прикупать не имеет смысла, а те четыре наоборот имеет смысл купить только все вместе, т<ак> к<ак> они все образуют квадрат, величиной в 700 сажен (считая по 3 р. 75 <к.> — 2600 р.) Так что если Вас не смущает удаленность от моря и сравнительное «отсутствие вида», то советую купить.

Что касается до участка 14, то Феодора Эдуардовича[3] еще не удалось вытащить на место, но, по-видимому, он ничего не имеет против того, чтобы прирезать туда необходимый кусок. Жду с нетерпением ответа и решения Марьи Самойловны.[4]

До свиданья. Всем привет.

Максимилиан Волошин.

[1] См. п. 294, примеч. 4.

[2] Сююрю-Кая — одна из гор (507 м), окружающих Коктебельскую долину.

[3] Ф.Э. Юнге.

[4] М.С. Цетлина.

297. А.М. ПЕТРОВОЙ

19 сентября 1917 г. Коктебель

Коктебель. 19/9 1917.

Дорогая Александра Михайловна,

собирался было сегодня ехать в Феодосию к Вам, но в последний момент перерешил: я до сих пор не имею от Вас ни строчки со времени возвращения Вашего из Симферополя. На Ваше письмо из больницы я ответил в Феодосию,[1] что приеду сейчас же, когда Вы позовете. Что Вы уже дома, знаю от Наташи Щелковой,[2] которая на днях приезжала с Юнге,[3] но не знаю, достаточно ли Вы окрепли для разговоров, потому что хочу приехать на несколько дней. Поэтому лучше дождусь письма от Вас. Кстати, у меня сегодня с утра и насморк.

Очень надо поговорить обо многом, о чем и писать не хочется, а это будет для Вас утомительно, и я не знаю, достаточно ли Вы оправились и окрепли уже.

Кажется, никогда так политически смутно и безвыходно не было, как сейчас. Как все и всё, несмотря на добрую волю к строительству, становятся бациллами разложения государства. Я продолжаю верить в жертвенный порыв Керенского,[4] но у него нет практического ясновидения и свободы духа – и отсюда ряд непростительных исторических ошибок. Его воля – воля революционной эмоциональности, она вся из астрала, а не из манаса.[5] И поэтому он только один из факторов распада. Ведь распад пользуется для своей работы силами положительными, если они только страстного происхождения, а не исходят и не регулируются разумным духом. Керенский считает себя ответственным перед органами астрального тела революции – перед его чувствилищами: С<оциалистами>-Р<еволюционерами> и С<оциал>-Д<емократами>. А поскольку манас не очищен от астральных влияний, он ведет организм к самоуничтожению.

Это столкновение трех людей, начинающихся на *К*,[6] в высшей степени знаменательно. Знак К (по Фабру д'Оливе)[7] –

это знак в высшей степени сжимающий, вяжущий и режущий. В нем есть образ секущего орудия. Он есть материальное существование, дающее среднюю форму. В двух именах звук К характеризуется звуком Р, который есть знак всякого самостоятельного движения — дурного или хорошего; а в третьем имени — звуком Л, который есть знак тоже движения, но движения распространяющегося, растущего, и относится ко всем идеям распространения, возвышения, занятия, овладения. В нем есть образ власти, истекающей из возвышения. Эта оккультная филология имен, как видите, вовсе не находится в противоречии с исторической действительностью и с ее вероятными путями.

Вот любопытная и отнюдь не неразрешимая задача для филолога: определить априори имя Русского Наполеона.

Пока до свиданья. Напишите, когда хотите меня увидать, и я сейчас же приеду или прибегу.

MAX.

[1] См. п. 287, примеч. 2.

[2] Наталья Владимировна Щелкова, феодосийка.

[3] Речь идет о представителе семейства Юнге, коктебельских помещиков: Александре Эдуардовиче Юнге, ботанике, или Федоре Эдуардовиче Юнге, инженере-механике. Юнге имели своих лошадей, их поездки в Феодосию часто служили оказией для Волошина.

[4] Отклик на рассуждения А.М. Петровой о «священной жертве» А.Ф. Керенского в письме от 10 августа 1917 г. См. примеч. 5 к п. 279.

[5] Теософские термины: астрал (астральная сфера) — в оккультной терминологии невидимая глазу часть человеческого существа, управляющая его желаниями, чувствами, душевной жизнью вообще; манас — сфера сознания, мыслительных способностей человека.

[6] Петрова писала Волошину 10 августа 1917 г.: «Обратили ли Вы внимание, кстати, на букву К? — "Керенский, Корнилов, Колчак, Кузьмин, Каледин, казаки" (хочется и "Китеж" свой сюда!). Через эту букву как будто намечается какая-то наша "линия". Остальные отметаются, а все вокруг нее крутится. Чудно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954).

[7] Антуан Фабр д'Оливе (1767—1835) — французский драматург, ученый, философ-мистик. Волошин опирается на его труд «Langue Hébraïque» (1816).

298. Р.С. ТУМАРКИНУ

20 сентября 1917 г. Коктебель

20 сентября 1917 г. Коктебель.

Дорогой Роман Самойлович,

посоветовавшись с Феодором Эдуардовичем,[1] отвечаю не телеграммой, а письмом, потому что теперь он все равно никому продавать уже этих участков не будет, а телеграмма едва ли отсюда раньше письма дойдет (ежели не срочная).

Итак вот:

Адрес для перевода денег: «На текущий счет Управления имениями А. и Ф. Юнге в Феодосийский городской Общественный Банк».[2]

Доверенность на имя жены инженера-механика Ольги Андреевны Юнге — с правом передоверия[3] (последнее не забудьте, т<ак> к<ак> это необходимо для передоверия старшему нотариусу в Симферополе для занесения в книги).

Если хотите, конечно, можно доверенность и на мое имя, но первое будет проще, и я могу ручаться перед Марьей Самойловной,[4] что никакого недоразумения произойти не может. Все пойдет автоматичнее и быстрее.

Теперь очень важно как можно скорее решить вопрос о прирезке земли, и я буду торопить Ф<еодора> Э<дуардовича> пойти туда смотреть на место, хотя его очень трудно вытащить из дома с его ногами.

Спешу кончить, чтобы письмо успело уйти с сегодняшней же почтой.

Бесконечно рад, что наше предприятие разрешилось в положительном смысле. Как здоровье Марьи Сам<ойловны>? Третьего дня послал Вам письмо о намеченных Вами участках,[5] т<ак> к<ак> мой отзыв в общем благоприятный, то Ф<еодор> Э<дуардович> задерживает эти

четыре участка для Вас, хотя на них, кажется, уже есть претенденты. Так что отвечайте прямо ему (Коктебель. Юнге).

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

[1] Ф.Э. Юнге. См. п. 294, примеч. 2, 4.

[2] Ответ на телеграммы Тумаркина, тексты которых сам он приводит в письме к Волошину от 26 сентября 1917 г.: «...я послал Вам две *срочные* депеши: первую о том, что “Цетлины подтверждают покупку двух участков 9 и 14 телеграфируйте кому выслать доверенность и чье имя отправить задаток”, и вторую: “Покупаю четыре участка площадью 700 кв. саженей стоимостью 2600 рублей” — на обе срочные депеши нет никакого до сих ответа, причем первая депеша была послана 18-го сент<ября> в 11 час. утра, т<ак> ч<то> до 22-го (срока, данного Фед<ором> Эдуард<овичем>) *должна была дойти обязательно*» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1199).

[3] В том же письме Тумаркин сообщал: «...записку с адресом для перевода денег и имя жены Фед<ора> Эдуард<овича> я утерял в дороге, т<ак> что до сего времени мы не имеем возможности перевести деньги и выслать доверенность».

[4] М.С. Цетлина.

[5] См. п. 296.

299. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

21 сентября 1917 г. Коктебель

Коктебель. 21/9 —1917 г.

Дорогая Марья Самойловна,

с радостью получил телеграмму от Романа Самойловича о том, что вы решили купить землю в Коктебеле.[1]

Я сейчас же послал ему обе справки, которые на всякий случай повторяю еще раз. Адрес для перевода денег: на текущий счет Управления имениями А. и Ф. Юнге[2] в Феодосийский городской Общественный Банк.

Доверенность удобнее всего дать, как мы и говорили Р.С., на имя жены инженера-механика Ольги Андреевны

Юнге. Но если хочешь, просто на мое имя. Это вполне удобно. Только первое будет автоматичнее и быстрее. Не забыть, что доверенность будет необходима с правом передоверия (важно для занесения вторичного в книги старшего нотариуса в Симферополе).

Вот практические дела.

Не могу выразить своей радости, что ты будешь иметь свой угол в Коктебеле. Много лет назад я ходил на это место и думал, как хорошо и интересно можно построить здесь дом и распланировать сады, создать в малом и скромном нечто вроде поместья Арнгейм Эдгара По.[3] Я очень прошу тебя позволить мне рекомендовать тебе архитектора для твоего будущего дома. Это друг мой и Богаевского, очень талантливый архитектор из компании Весниных[4] (ты, вероятно, слыхала об этом кружке архитекторов, которые теперь являются самыми талантливыми в Москве). Его зовут Владимир Александрович Рагозинский. Он один из старых киммерийцев и глубоко любит Коктебель; он один сумеет создать такой дом и так расположить все, что это органически свяжется с местностью. А место очень ответственное. Ты, вероятно, уже знаешь по рассказам Ром<ана> Сам<ойловича>, что это длинная полоса земли, примыкающая вплотную к двухвершинному холму, замыкающему приморскую равнину Коктебеля. По-татарски этот холм называется Экимчек (что значит – женская грудь). С Востока он, когда один холм заслоняет другой, напоминает на закате две пирамиды. Ты, может быть, помнишь его по одной из картин Богаевского, где как раз над Экимчеком висит расплесканное и колючее солнце.

Для того, чтобы в таком патетическом месте поставить дом, необходимо очень любить и понимать Коктебель, иначе одно не будет вязаться с другим. Если ты примешь мою рекомендацию, то мы будем с ним строить и проектировать вместе, и я постараюсь создать для тебя такое жилище, которое тебе не хотелось бы покидать. А почему тебе не принять моей рекомендации, я не вижу резонов: все равно ты обра-

тишься к какому-нибудь архитектору. А я ручаюсь, что ты не найдешь человека ни добросовестнее в смысле денежном (я могу за него ручаться, как за самого себя), ни более знающего и чувствующего местность, который возьмется за это с любовью и с радостью. Это человек, которому можно довериться.

Вчера мы с ним ходили по твоей земле и мечтали, что и как можно здесь построить. Он сейчас призван на военную службу в качестве инженера и ждет своего назначения, но пока еще остается в Феодосии до начала октября. Но ведь все равно никакие постройки до конца войны будут невозможны благодаря цене материалов и рабочих рук. Но вот, что он советует сделать сейчас же: это снять подробный план местности в горизонталях, т<ак> к<ак> проэктировать на таком куске земли можно только видя перед собой разницу уровней, все равно кто бы ни проэктировал — этот план во всяком случае необходим. Поэтому позволь мне от твоего имени заказать такой план, это тем более удобно сейчас, что здесь на зиму остаются несколько инженеров и землемеров. Прилагаю к письму маленькие рисунки местности, чтобы дать тебе представление о характере места.[5]

Пока до свиданья. Жду от тебя писем. Обнимаю Мишу.[6]

[1] Речь идет о телеграмме Р.С. Тумаркина от 18 сентября 1917 г. (См. примеч. 2 к п. 298).

[2] См. примеч. 3 к п. 297.

[3] Имеется в виду рассказ Эдгара По «Поместье Арнгейм» («The Domain of Arnheim», 1842).

[4] См. примеч. 6 к п. 79.

[5] Эти рисунки при письме отсутствуют.

[6] М.О. Цетлин.

300. И.Г. ЭРЕНБУРГУ

21 сентября 1917 г. Коктебель

Коктебель. 21/9 – 1917.

Дорогой Илья Григорьевич, только что получил твое письмо из Ялты.[1] Видно, ты не получил моего письма,[2] в котором я очень прошу тебя приехать ко мне погостить в Коктебель не на два дня, а недели на две. Что еще раз очень прошу тебя сделать. Это сделать будет просто, так как время от времени в Феодосию из Ялты ходят транспорты. Так что это будет стоить пустяки, что-то около 3 рублей, и займет одну ночь переезда. Сложнее и дороже – это добраться от Феодосии до Коктебеля, т<ак> к<ак> извозчики теперь берут за это 25 рублей. Тебе надо будет зайти в кофейню «Алушта» (недалеко от фонтана Айвазовского[3] вверх по улице, ведущей перпендикулярно к морю). Это постоялый двор, в котором останавливаются всегда коктебельские подводы и линейки и с оказией тебя довезут рубля за три. В Коктебеле к твоим услугам будет моя мастерская. К сожалению, не смогу тебе только предложить обеда, т<ак> к<ак> мы готовим сами, то есть больше мама, которая этого занятия терпеть не может. Но тут еще функционирует несколько столовых. Вот тебе все практические сведения. И чем на более долгий срок ты приедешь, тем для меня будет приятнее, так как очень хочется с тобой повидаться и поподробнее.

В самом же Коктебеле ты найдешь меня сразу, т<ак> к<ак> на берегу только несколько дач и мой дом ты сейчас узнаешь по высоким окнам мастерской, по площадке наверху и потому, что он стоит к морю боком.

Ежели, приехавши, тебе случится провести в Феодосии несколько часов, то зайди от моего имени к Александре Михайловне Петровой (Дурантевская ул., соб<ственный> дом, очень близко от пристани Русского общества). Это один из самых старых и близких моих друзей, и, если ты с ней поговоришь об Апокалипсисе и Страшном Суде, то будешь доволен.

А затем жду тебя и поскорее и на подольше.

[1] 18 сентября 1917 г. Эренбург писал Волошину из Ялты: «Пробуду здесь до начала октября. <...> Военное министерство назначило меня помощником комиссара на Кавказ, но Совет С<олдатских> и Р<абочих> Д<епутатов> отменил сие назначение. Пока что жду. Хочу заглянуть к тебе дня на два, на три. М<ожет> б<ыть>, морем до Феодосии или сушей. Есть ли где у тебя переночевать? Далеко ли до Феодосии? Как удобнее ехать? Опиши, пожалуйста» (*Эренбург Илья*. Дай оглянуться... Письма 1908–1930. М., 2004. С. 87).

[2] Имеется в виду п. 277.

[3] Фонтан, сооруженный по проекту и на средства И.К. Айвазовского в 1888 г.

301. Е.П. ОРЛОВОЙ

23 сентября 1917 г. Коктебель

Коктебель. 23/9 – 1917.

Дорогая Екатерина Павловна,

я должен исправить несколько Ваших заблуждений относительно меня. Мир для моей воли вовсе не арена для упражнений, т<ак> к<ак> я гораздо больше понимаю и принимаю, чем волю и меняю. И люди для меня вовсе не проба моей нравственной силы. Мне вовсе не хочется оставить на человеке моего отпечатка: мне всегда хочется освободить человека от него самого. Не больше. И для меня люди не книги, которые, прочтя, я занавешиваю.[1] «Я покидаю всех и никого не забываю».[2] Напротив, человек единственно важное в мире и притом такой, как он есть. Вовсе неважно кого-нибудь убедить – это значит заставить его поглупеть еще на одну истину, – ценны только те истины, что вырастают из нас самих.

«Если бы по-божественному соизволению мы смогли бы увидать человеческую душу такой, как она есть, то мы бы погибли в то же мгновение, как если бы были брошены в пылающий горн Вулкана. Да! Первая попавшаяся душа – душа дворника, душа судебного пристава испепелила бы нас. Чудовищно подумать, что вот несчастный писарь, лет восемнадцати, который до самой своей смерти

будет царапать глупейшие канцелярские отношения, беспросветно тупея год от года, и что душа его куплена всею жизнью Сына Божьего. А какое скорбное, какое непостижимое племя Божье! Вечная и всемирная вереница, поток факелов, более раскаленных, чем звезды, и не сознающих самих себя! Сириус, Альдебаран, Алтаир и та ужасающая звезда созвездья Геркулеса, на которую падает наше Солнце со скоростью многих тысяч миль в секунду... такие же точно звезды, но покрытые мраком, невидимые, но несомненные, потому что они стоили всей крови Иисуса Христа. Пылающие горны, огромные, как миры, но невидимые и не сознающие себя горнами».

Это слова одного великого писателя, ушедшего из мира несколько месяцев тому назад, в старости, нищете и неизвестности, — Леона Блуа.[3] Посылаю их Вам в благодарность за слова Тагора, которых я не знал и которые прекрасны.[4]

[1] 19 сентября 1917 г. Орлова писала Волошину в ответ на его письмо от 13 сентября (п. 292): «Ваше письмо краткословно и выдержанно, как и Вы сами. Вы иначе не могли бы написать. Для Вас мир — это арена для упражнения Вашей воли; люди — для Вас только проба Вашей нравственной силы. <...> Вы слишком логичны, слишком ясны в Ваших суждениях, п<отому> ч<то> Вы почти постигли жизнь <...> я часто чувствую Ваше присутствие в моей душе. Вероятно потому, что я еще не достигла той ступени, на которой все люди не более, как интересные книги, по прочтении отправляемые на верхнюю полку и задергиваемые занавеской, чтобы больше не возвращаться к ним. Я еще верю, наивно верю в то, что есть книги, писанные кровью сердца, книги, с которыми не расстаешься всю жизнь и, вчитываясь в которые, открываешь всё новые глубины» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 915).

[2] Строка из стихотворения Волошина «Отроком строгим бродил я ...» (1911). См.: Т. 1 наст. изд. С. 153.

[3] Передаваемое Волошиным известие о смерти Леона Блуа «несколько месяцев тому назад» недостоверно: писатель скончался 3 ноября 1917 г. Цитируется в переводе Волошина фрагмент из «Избранных страниц» Блуа (1903, Décembre. «Le Peuple de Dieux au vingtième siècle»): *Bloy Léon.* Pages choisies. 1884—1905. Deuxième édition. Paris: Mercure de France, 1906. P. 374. В сохранившемся в библиотеке Волошина в Коктебеле экземпляре этого издания цитируемые фразы отчеркнуты на полях.

[4] 19 сентября Орлова писала Волошину: «Мне невольно приходят на память стихи Рабиндраната Тагора: “Вопрошающие глаза твои грустны. Они хотят проникнуть в мою мысль, как месяц хочет измерить глубины моря. Я обнажил мою жизнь перед тобою от края до края, и ничто не скрыто, не утаено. Потому-то ты меня и не знаешь”».

302. К.В. КАНДАУРОВУ

Не позднее 24 сентября 1917 г. Коктебель[1]

Дорогой Константин Васильевич,

пользуюсь оказией, чтобы послать тебе еще цикл темпера: «Вечерние Возношения».[2] Их 8. Прилагаю на отдельном листке стихи, кот<орые> служат им заглавием. Кроме того, все эти стихи написаны на самих акварелях.

Другую партию я послал раньше и просил Юлию Леонидовну взять ее у Цетлиных (Кречетниковский 8/11. Мар<ия> Самойл<овна> Цетлин).[3] В нее входят акварели: «Десять лирических пауз одной прогулки» (с отдельными стихотворными заглавиями), маленький цикл «Киммерийские Сумерки» и три больших декоративных темпера, что нравились Юл<ии> Леон<идовне>.

Я писал ей, как я думал распределить их по выставкам, но это только условно: окончательное решение и выбор предоставляю тебе и ей. То же и относительно цен. Я думаю, что три большие по 200, а остальные по 100, но тоже с правом тебе перерешить в обе стороны.

Прости, что пишу только деловое: надо спешить: та дама, что взялась их отвезти, едет сейчас, и надо их сдать. Крепко обнимаю. Да на обрамление темпер и застекление акварелей жертвую до ста рублей, которые вышлю по первому требованию.

[1] Датируется по соотнесению с п. 303.

[2] См. стихотворные надписи Волошина к серии пейзажей «Вечерние возношения (Цикл темпер)» (Т. 2 наст. изд. С. 571–572).

[3] См. п. 289, примеч. 5.

303. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

24 сентября 1917 г. Коктебель[1]

Коктебель. 24/9 1917 г.

Дорогая Юлия Леонидовна,

в Вашем письме даже в почерке и в цвете чернил чувствуется упадок духа. Какие новые способы отравлять вам жизнь придумала А<нна> В<ладимировна>?[2] Или это просто новая и бодрая волна старого отчаяния?

Вы знаете мое отношение к Ан<тропософскому> Обществу, я во многом с Вами согласен, но мне хотелось, чтобы Вы почувствовали ту напряженную атмосферу, что вокруг Маргариты.[3] Жаль, что Вы не пишете своего впечатления от нее лично. Мне очень хочется знать его, увидать, как вы встретились, говорили. Напишите мне тоже подробнее Ваше впечатление от Марьи Самойловны Цетлин.[4] После тех акварелей, что я послал с ее братом, я послал еще серию, с одной дамой, ехавшей в Москву, которая передаст их прямо Константину Васильевичу.[5] Я думаю, что этот второй цикл «Вечерние Возношения»[6] Вам понравится больше, чем «Десять пауз...». Как Вы увидите, я, кажется, нашел способ применить мой блок-нот черной бумаги.

Видали ли Вы хоть раз Ходасевича? Что с ним?[7] От него ни слуха, ни духа.

Операция Александры Михайловны[8] прошла благополучно, но она продолжает чувствовать сильн<ую> слабость. Я собираюсь к ней на несколько дней, чтобы повидаться подробнее, но очень нелепо простудился и жду, когда кончит болеть горло. Володя еще никуда не назначен и время от времени появляется в Коктебеле.[9] Вчера уехал Леонид Веснин, прожив здесь недели две.

Уехали и мои натурщицы,[10] уехал и Горький.[11] В конце концов я почувствовал к нему большую симпатию. Он очень усталый, и в нем большая любовь и внимательность ко всем проявлениям жизни, бережность. В конце концов он и о политике заговорил как-то:

«Вот тут у Вас хорошо работать можно. Я к Вам с весны приеду. А в Петроград приедешь — колокола звонят, пулеметы стреляют... — Извозчик, на Кронверкский! — Шестьдесят три рублика, барин, пожалуйте... А потом звонки каждую минуту. Приходят... взволнованные, взъерошенные... кричат... Про лучшего своего друга кричит: Это изменник! Эх...».

Очень забавно после таких разговоров читать: «Газета Горького требует...».[12]

Жду теперь приезда Эренбурга, который сейчас в Ялте и обещает приехать.[13]

Я думаю, что зимой все-таки на некоторое время <приеду> в Москву, когда мама поедет в Феодосию к Александре Михайловне. Меня очень зовут остановиться у них Цетлины. Для меня там и комната готова. Так что буду жить почти в том же самом месте, как и в прошлом году. Покупка Цетлиными земли в Коктебеле уже решена, и у меня еще иной план, чтобы они поручили постройку дома Володе. Мы уже с ним ходили на участок (он прилегает вплотную <к> Экимчеку — Седлу горе[14]), и Володя был в восторге от того, что там можно сделать и как обработать все место в соответствии с домом. Я уже об этом Марье Самойловне писал.[15] Так что, если придется к разговору, Вы, пожалуйста, помогите в этом направлении. Пока до свиданья. Напишите-ка мне все-таки поподробнее о себе и всех друзьях, и о том, как Вам мои акварели нравятся.

[1] Почтовые штемпели на конверте: Коктебель. 25.9.17; Москва. 30.IX.1917.

[2] А.В. Кандаурова. 18 сентября 1917 г. Оболенская признавалась Волошину в очередном осложнении отношений с ней: «Так все тошно стало: А.В. окончательно сжила со свету. Как я и предчувствовала, истерика в Ваших объятьях была недаром» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 18).

[3] М.В. Сабашникова. В том же письме Оболенская сообщала о встрече с ней и о коллизиях, возникших в связи со своим удалением от антропософских кругов: «На днях была у меня Маргарита Васильевна. Я думаю, наши работы ей чужды, за исключением моих иллюстраций, не тех, что Вам нравились, а наиболее сложных с Китежем

и путешествием вокруг центральной фигуры. <...> Ее беспокоит мое изгнание из Общества, думает, что это недоразумение. Но не все ли мне равно. К чему мне Общество, откуда можно удалить — ведь это внешне, не так ли? <...> мне кажется это театральным или бессмысленным жестом, от которого внутри ничего не меняется. <...> Марг<арита> Вас<*ильевна*> говорит: не смешивайте дела с людьми. Но ведь люди же и есть самое интересное?».

[4] Оболенская отвечала в недатированном письме (около 15 октября 1917 г.): «Первое впечатление то, что она в сто раз красивее своего портрета: по нему немыслимо было представить себе такие лучистые глаза и такую улыбку. Вообще она очень мила, больше с первого раза ничего не могу сказать» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 26 об. — 27).

[5] К.В. Кандауров. См. п. 289, примеч. 2, 5.

[6] См. п. 302, примеч. 2.

[7] Оболенская отвечала в цитированном выше письме: «Ходасевичи недавно были у меня и с Валентиной Мих<айловной> <Ходасевич. — *Ред.*> В.Ф. был в ударе, довел маму до слез рассказами о своем председательстве в домовом комитете, представлял жильцов: акушерку с уязвленным миросозерцанием, чиновника по-по-поющего в це-це-церковном хо-хоре, большевика и т.п. Удивительно он рассказывает, когда хочет. Служит он секретарем в “Народоправстве”, о службе этой рассказывает не менее талантливо. “Нюра” <А.И. Ходасевич. — *Ред.*> тоже служит. Вал<ентина> Мих<айловна> пишет отца». (Отец В.М. Ходасевич — брат В.Ф. Ходасевича Михаил Фелицианович Ходасевич (1865—1925), московский адвокат. «Народоправство» — общественно-политический еженедельный журнал, редактор Г.И. Чулков. С июня 1917 по февраль 1918 г. вышло 24 номера).

[8] А.М. Петрова.

[9] В.А. Рогозинский. Речь идет о его назначении на военную службу.

[10] Суламифь (фамилия не установлена) и Роза Самойловна Волга.

[11] См. п. 273, примеч. 9.

[12] Имеется в виду «Новая Жизнь» — ежедневная общественно-литературная социал-демократическая газета, выходившая в Петрограде с 18 апреля 1917 г. по 16 июля 1918 г. Учреждена М. Горьким, редакторы — Горький, Б.В. Авилов, Н.Н. Суханов, В.А. Десницкий, официальный издатель — А.Н. Тихонов (А. Серебров).

[13] См. п. 300, примеч. 1. И.Г. Эренбург находился в Коктебеле с 22 по 25 октября 1917 г. (Труды и дни-2. С. 31—32).

[14] Гора Седло, или Экимчек («двойной курган»), также — Верблюд, или Эгер-Оба («седловидный холм, курган-седло») или Эгиз-Оба («двойной курган / холм») (*Жарков Евгений.* Страна Коктебель: Культурные очаги. Середина XIX – середина XX веков. Киев: Болеро, 2008. С. 547).

[15] См. п. 299.

304. Ан. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

25 сентября 1917 г. Коктебель[1]

Дорогая Анастасия Николаевна, очень, очень буду рад, если Вы соберетесь в Коктебель.[2] Он обычно осенью пустынен, хотя это лучшее время. Комнат теперь много. Если хотите, найдете их и на нашей даче, что, конечно, будет особенно приятно. В октябре будут еще функционировать 2 столовых (пансионов здесь нет). Так что вопрос питания будет удовлетворителен. Цены здесь повышенные, но не до безумия, а только сравнительно с тем, что было до войны.

Мы же цену комнат и совсем не повышали. Обед — около 3—4-х рублей.

Очень буду ждать Вашего приезда.[3]

Привет Феодору Кузмичу.[4]

Максимилиан Волошин.

P.S. Имейте в виду, что здесь климат суровее, чем на Южн<ом> Берегу. Но октябрь обычно хорош.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни-2. С. 30.

[2] Ответ на запрос Ан. Н. Чеботаревской: «...где Вы находитесь и думаете быть зимой? Сколько раз Ф.К. и я вспоминали Вас, читая Ваши статьи в “Речи”, стоят близко нам по содержанию. Сейчас мы в Костроме и думали <на> месяц в Крым — но говорят, что это неосуществимо. Черкните мне, есть ли возможность что-нибудь в Кокт<ебеле>. На 1 мес<яц> 2 комнаты с обедом? Также и о себе, и своих литературных намерениях» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1269, л. 11).

[3] Приезд. Ан. Н. Чеботаревской и Ф. Сологуба в Коктебель осенью 1917 г. не состоялся. Об этом Чеботаревская сожалела в письме

Волошину, отправленном из Петрограда 21 октября 1917 г.: «...против своего желания, мы попали в Петроград, а не в Крым, и не Коктебель. Здесь тяжкая атмосфера – все хитрят, говорят неправду, разъединяются и злые. Так что не знаю, выдержим ли мы долго. Но во всяком случае думаем попасть в Коктебель ранней весною. Если случайно в тех краях будет продаваться маленький домик, непременно с хорошим видом и садиком, не откажите в любезности сообщить. Где будете проводить зиму? Мы часть зимы, вероятно, в Костроме <...>, немного в Москве» (*Там же*, л. 12).

[4] Ф. Сологуб.

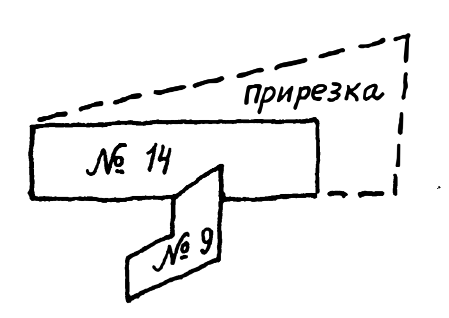
305. Р.С. ТУМАРКИНУ

30 сентября 1917 г. Коктебель

Коктебель. 30/9 – 1917.

Дорогой Роман Самойлович,

сегодня утром наконец я вытащил Феодора Эдуардовича на осмотр участка номер четырнадцатый.[1] Осмотрели все подробно с вешками, и он пришел к выводу, что прирезку сделать вполне возможно, и мы приблизительно наметили. Картина получается приблизительно такая:



Эта прирезка дает всю площадку, намеченную нами для дома, целиком и продвигает границу к самому Экимчеку,[2] оставляя между обрывом холма и границей только место для пятисаженной дороги. В общем этой прирезки будет

около 2-х десятин, причем одна десятина (та, что идет вдоль Экимчека) пойдет по той же цене, что весь 14 участок, а та, что получится от прирезки холма, будет цениться несколько дороже за сажень, т<ак> к<ак> в нее войдут почти все удобные безбуерачные земли.

Таким образом участок становится весьма обширным и достигающим своих естественных границ.

При этом положении прикупка участка ном<ер> 9, по-моему, является совершенно излишней и ничего куч<астку> ном<ер> 14 не прибавляющей. Я об этом сказал Ф<еодору> Э<дуардовичу>, и он вполне согласился со мной и ничего не имеет, если Цетлины совсем откажутся от участ<ка> 9.

Так что решите это и телеграфируйте. Есть еще возможность, что Вы предпочтете взять 9-ый для себя вместо тех 4-х, что вы задержали (Ваша телеграмма получена и передана Ф<еодору> Э<дуардовичу>), то и против этого Ф<еодор> Э<дуардович> ничего не имеет. Правда, те четыре маленьких гораздо удобнее, но девятый несравненно живописнее и почти вдвое ближе к морю. Так что мы условились, что и Вы имеете право перерешить. Но телеграфируйте решение сейчас же.

А на 14-ый купчую можно будет сделать прямо с прирезкой, как только будет снят его новый план,

У Цетлиных получится таким образом очень хороший цельный и естественно замкнутый участок, величиной почти в четыре десятины. В новой разбивке там будет место для всего — и для сада, и для служб, и вдали от возможных соседей, и девятого участка им совсем не будет нужно, тем более, что к верхушке холма 9-ый ничего не прибавляет,

До свиданья. Как здоровье Марьи Самойловны?[3]

Сделали ли Вы уже распоряжение о высылке мне книг Вольфу?[4] Если цены на книги повышены, все же прошу их выслать. Если тех 110 рублей, что у Вас на них остаются, не хватит, то я Вам вышлю по первому требованию.

[1] Ф.Э. Юнге. См. п. 294, примеч. 2, 4, п. 298, примеч. 2.
[2] См. примеч. 14 к п. 303.
[3] М.С. Цетлина.
[4] См. п. 294, примеч. 7.

306. Р.С. ТУМАРКИНУ

2 октября 1917 г. Коктебель

Коктебель. 2/10 – 1917.

Дорогой Роман Самойлович, получил Ваше письмо от 26 сентября. Обе Ваши телеграммы были своевременно получены и я, по соглашению, с Феодором Эдуардовичем, ответил Вам не телеграммой, а письмом.[1] Теперь-то Вы, вероятно, получили все три мои письма.[2] Повторяю на всякий случай важнейшее: Доверенность на имя жены инженера-механика Ольги Андреевны Юнге (с правом передоверия – не забыть!). Адрес для задатка: Феодосийский Городской Общественный Банк, на текущий счет Управ<ления> Имен<ием> А. и Ф. Юнге.

Третьего же дня я писал Вам после осмотра уч<астка> ном<ер> 14 вместе с Феод<ором> Эд<уардовичем>. Он соглашается прирезать площадку для дома и земли к холму, прирезать широко, так, что прибавится около 2-х десятин еще (земли, что образуют площадку для дома, он оценит несколько дороже). Мы просмотрели границы участков с вешками и оба пришли к убеждению, что приобретение участка ном<ер> 9 для Цетлиных совершенно излишне, особенно при той прирезке, которая теперь получается и дает участок почти в 4 десятины. Кроме того, 9-ый участок весьма мало что может прибавить к верхушке холма, т<ак> к<ак> туда приходится 13-ый, а девятый гораздо дальше, чем мы с Вами считали. Так что мой совет его не брать совсем, тем более, что он действительно очень и очень неудобен. Ф<еодор> Э<дуардович> ничего не имеет против этого, тем более, что в тот же вечер, не успел я написать Вам письмо,

явились уже на него претенденты, и он почти запродал его. Я думаю, что Вы ничего не будете иметь против такого нашего самовольного решения. Лучше захватить в прирезке побольше земли, если только Мар<ья> Сам<ойловна>[3] хочет сразу купить больше земли. Лучше округлить участок с той стороны.

Очень благодарю Вас за хлопоты о книгах. Цена 120 р. за Венгеровского Пушкина меня ужаснула,[4] и я прошу не высылать его мне, равно как и те издания, цена которых повышена больше чем в полтора раза, т<ак> к<ак> это выйдет за пределы моих возможностей. Я рассчитывал, что эти книги будут стоить рублей 130 и не хотел бы превысить 200 руб<лей>. Заранее благодарю за чай и за кофе. Получили ли мои письма Мар<ья> Сам<ойловна> и Михаил Осипович?[5] Привет им.

Максимилиан Волошин.

Да, относительно купчей Цетлиным теперь не надо торопиться, т<ак> к<ак> надо раньше составить новый план нового уч<астка> 14, а Ваша может быть теперь же.

[1] Ф.Э. Юнге. См. п. 298, примеч. 2.

[2] Имеются в виду п. 296, 298, 305.

[3] М.С. Цетлина.

[4] Имеется в виду издание в серии «Библиотека великих писателей» под редакцией С.А. Венгерова: *Пушкин*. Т. I–VI. СПб.; Пг.: Брокгауз – Ефрон, 1907–1915. Волошин указал его в числе других книг, которые хотел приобрести в Москве. В письме от 26 сентября 1917 г. Тумаркин сообщал: «...6 томов Венгеровск<ого> издан<ия> Пушкина – стоят 120 рублей <...> – считаете ли Вы возможным приобрести это издание по такой цене?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1199).

[5] М.С. и М.О. Цетлины. См. п. 293, 299.

307. А.М. ПЕТРОВОЙ

4 октября 1917 г. Коктебель

Коктебель. 4/9 1917.[1]

Дорогая Александра Михайловна, оттяпал себе хлебным ножом конец пальца и потому не мог писать и на машинке эти дни. Вашу открытку получил.[2] Да, астма индивидуальна и очень неуловима. Акация, между прочим, у меня была с собой на всякий случай, но где же было ее применить ночью в управлении порта, когда даже электричество не г<орело>, и свеч не было. Не заставлять же в три часа ночи самовар ставить и будить народ для этого. Вот в этом-то неудобство акации: астма случается всегда ночью, когда ночуешь в незнакомом месте и только после того, как ляжешь спать. Где же тут заваривать акацию? А дома она ведь не бывает. Поэтому я до сих пор еще не имел ни разу случая проверить действие акации. А я ее этой весной нарочно набрал и насушил. Курево Ваше здесь ни при чем: оно тоже вызывает астму, но в гораздо более накуренных помещениях: тут дело, увы!, в чем-то гораздо более тонком — в собственной атмосфере отдельных комнат: если бы я ушел от Вас в другое место, то все бы сейчас миновало, но беда оказалась в том, что Управление Порта, в котором комнаты громадные, новые, проветренные, тоже оказалось астмоносным: это я почувствовал сразу, придя туда, и пришлось всю ночь сидеть на балконе.[3]

Но довольно об этом: мне просто необходимо найти себе в Феодосии новое место ночлега, потому что теперь мне закрыты ночевки и у Вас, и у Новинского.[4]

У меня образовалось как-то вдруг притупление впечатлительности по отношению к текущим событиям, коалиционный кабинет совсем перестал интересовать. Скучная и никому не нужная канитель... Типичное политическое настроение старого режима: дошли. Нельзя безнаказанно жить только текущим.

Мне хочется перевести Вам кусочек из Леона Блуа:

«Если по божественному соизволению мы смогли <бы> увидать человеческую душу такой, как она есть, то мы погибли бы в то же мгновение, какес<л>и бы были брошены в

пылающий го<р>н вулкана... Да! первая попавшаяся душа — душа швейцара, душа судебного пристава испепелила бы нас. Чудовищно подумать, но вот несчастный писарь лет восемнадцати, который до самой своей смерти будет царапать глупейшие канцелярские отношения, беспросветно тупея год от года, и что душа его куплена жизнью Сына Божьего! А! какое непостижимое, какое скорбное племя божье! Вечная и всемирная вереница, поток факелов более раскаленных, чем звезды, и не сознающих самих себя! Сириус, Альтаир, Альдебаран и та ужасающая звезда Геркулеса, на которую падает наше солнце со скоростью многих тысяч миль в секунду... такие же звезды, только покрытые мраком, но несомненные, потому что они стоили всей крови Иисуса Христа! Пылающие горны, огромные, как миры, но невидимые и не сознающие себя горнами...».[5]

Самая мысль издавна близкая... но как она почувствована. Так Блуа всегда: дышит пламенем как дракон... принявший католичество.

До свиданья.

MAX.

[1] У Волошина в автографе описка в дате. Надо: «4/10»

[2] Речь идет об открытке А.М. Петровой от 29 сентября 1917 г., в которой она сокрушалась, что Волошин внезапно ушел из Феодосии, где был накануне (Труды и дни-2. С. 30): «Я вчера была целый день под грустным впечатлением Вашего насильственного внезапного ухода <...>. Но Вам нужно же лечиться! Ведь есть же средства для облегчения этих ужасных приступов. Чувствую горько и свою вину. Мы безбожно подкуривали <...> весь вечер своим табачищем... Простите! Даю Вам слово, что всегда буду курить в камин или в другой комнате. Почему Вы акации не пьете? Берите ее с собою, когда будете сюда. <...> Астма индивидуальна! Нужно пробовать и найти средство по себе» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954).

[3] 27 сентября 1917 г. Волошин встречался в Феодосии с Петровой, К.Ф. Богаевским и А.А. Новинским (Труды и дни-2. С. 30).

[4] А.А. Новинский. В его доме Волошин часто останавливался во время своих визитов в Феодосию.

[5] См. п. 301, примеч. 3.

308. А.М. ПЕТРОВОЙ

15 октября 1917 г. Коктебель[1]

Дорогая Александра Михайловна,

у нас кризис прислуги. Не можете ли Вы рекомендовать нам какую-нибудь женщину или мужчину, или чету?[2] (но занят будет только один). Мама забастовала и говорит, что я должен искать прислугу. Помогите.

Я еле отдышался после последнего визита в Феодосию.[3] Читать-то я благополучно прочел,[4] но после и вторую ночь заснуть не мог, а утром взял извозчика и уехал, и еще в Коктебеле несколько дней был совсем болен.

До свиданья. Напишите.

МАХ.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни-2. С. 31.

[2] А.М. Петрова откликнулась на запрос Волошина только 21 октября 1917 г.: «О прислуге вот что: прежде всего, ровно никого, ни я, ни мои окружающие не знаем, чтобы рекомендовать. А второе: ведь первое о чем спросят, — это условия. Я же вовсе не знаю Ваших. <...> Как Вы выкрутились. Нашли ли кого?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954, л. 75).

[3] Речь идет о визите Волошина в Феодосию 6 и 7 октября 1917 г. (См.: Труды и дни-2. С. 31).

[4] В Феодосии Волошин выступал с чтением своих стихотворений на вечере, организованном А.А. Новинским.

309. В ФЕОДОСИЙСКИЙ ГОРОДСКОЙ БАНК

19 октября 1917 г. Коктебель

19 октября 1917 Коктебель.

Г-ну КАССИРУ
Феодосийского Городского Банка:

М.Г.,

в субботу седьмого октября, внося полтораста рублей на книжку моей матери Елены Оттобальдовны Кириенко-Волошиной, я по ошибке вместо двух 25-рублевых билетов

внес в кассу два билета 50-рубл<евых>. На следующий день я написал Вам об этом и одновременно запросил по телефону из Коктебеля, причем Вы мне подтвердили, что действительно в кассе оказалось 50 рублей лишних. Я просил тогда Вас зачислить их на книжку моей матери. Между тем она до сих пор еще не получила от Банка обычного извещения, что деньги эти внесены. Поэтому покорнейше прошу Вас известить нас, сделано ли это?

Максимилиан Волошин.

Из дубликата моего письма я вижу, что я извещал Вас, что 50-руб<левые> билеты были нового образца.[1] Это неверно, и вся ошибка произошла оттого, что я никогда не видал русских пятидесятирублевых билетов.

[1] Подразумеваются так называемые керенки — казначейские знаки достоинством в 20 и 40 руб., выпущенные в августе 1917 г. Временным правительством (которое тогда возглавлял А.Ф. Керенский).

310. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

20 октября 1917 г. Коктебель[1]

20 октября 1917 г. Коктебель.

Дорогая Юлия Леонидовна, спасибо за то, что так хорошо и полно написали о своей встрече с Маргаритой и о последовательных впечатлениях, именно это мне и хотелось знать о Вашем знакомстве.[2] Есть творческие встречи, и мне кажется, что таким должно стать Ваше знакомство с Маргаритой. Очень ясно я вижу, что Вы ей можете дать ей необходимого и что она Вам даст.

Я со многим согласен из того, что Вы пишете об моих акварелях, и об их нежности, и об их сладости, хотя это намеренно — такая полоса была, но Вы с неверного угла посмотрели на стихи: они вовсе не заглавия акварелей.[3] Представьте себе, что Вы идете с раннего утра и до поздней ночи по тропинкам, погруженная в свои мысли и в созерца-

ние, и иногда в вас возникает стих или строфа: она не вполне соответствует тому, на что Вы смотрите, но она связана с общим настроением пейзажа. Их сочетание не параллельно, а иррационально. Возникающий стих вовсе не описывает видимый пейзаж, но загорается от него. Я думал, что эта сторона достаточно ясно подчеркнута заглавием цикла: «Десять лирических пауз одной прогулки»,[4] а также призрачностью и прозрачностью пейзажей, видимых сквозь успокоенную лирическую влагу мыслей. Здесь главное стих, акварель служит только музыкальным аккомпанементом. Попробуйте просмотреть их с этой точки зрения, и не все сразу, а по очереди, одну прикрывая другой. Я не знаю, удалось ли мне это, но хотелось сделать так. Мне кажется, что это одна из возможностей сочетания слова с рисунком. Я очень против параллелизма искусств. Так же я думаю и об иллюстрации: она должна не повторять текст иллюстрируемого рассказа, а продолжать, дополнять его. Надо искать симфонического, а не унисонного сочетания. Здесь, конечно, есть масса разных возможных сочетаний, и исходная точка их должна лежать уже не в лике, а в психологическом моменте зрителя, который должен быть достаточно ясно направлен общим заглавием цикла. В данном случае я определенно рассчитываю на дурную привычку выставочного зрителя, который раньше смотрит в каталог, чем на картину. А слова, возникающие от пейзажа, естественно гораздо шире самого пейзажа. Так всегда бывает при возникновении стихов.

Наши зимние планы всё еще в неопределенном положении, благодаря Кедровым, которые собрались зимовать с нами, но всё еще не могут до конца выявить своего положения. Мне, конечно, очень хотелось бы, чтобы они остались, т<ак> к<ак> я люблю и их, и их детей.[5] Но если они останутся, то мама не поедет в Феодосию к Александре Михайловне[6] на январь—февраль и, следовательно, не пустит меня в Москву. Вообще ей очень не хочется, чтобы я уезжал от нее. Но все идет к тому, что Кедровы не останутся и я, вероятно, приеду. Мама чувствует себя с наступлением осени хорошо, но вместе с тем в ней проснулся темперамент, и она стала

безумно раздражительна из-за каждого пустяка. Так что психологически опять приходится туго.

В Феодосии погромы, пьянство, разбивают погреба... До нас еще пока не дошло, хотя рано или поздно, конечно, дойдет. Ведь в Коктебеле тоже есть винные погреба. Но к этим возможностям мы относимся спокойно: от судьбы не уйдешь. Хотя я вполне готов и к разрушению дома и к сожжению библиотеки.

Тогда уже поневоле придется ехать в Москву.

До свиданья, напишите побольше о себе.

Обнимаю Константина Васильевича, привет Екат<е-рине> Иван<овне> и Феодору Константиновичу.[7]

Знаете ли Вы, что Володя[8] отправлен в Екатеринослав, и не инженером, а рядовым и, кажется, пока устроился там писарем?

MAX.

[1] Почтовые штемпели на конверте: Коктебель. 20.10.17; Москва. 23.10.17.

[2] О своих встречах с М.В. Сабашниковой Оболенская сообщала Волошину в недатированном письме (около 15 октября 1917 г.): «Мое первое впечатление <...> было от совершенно необычайного ее лица, совсем сказочное и вне времени (усиливалась сказочность еще тем, что ведь это было лицо как бы со страниц много раз читанной книги). Сейчас же она его погубила, надев pince-nez, появилось что-то суховатое и бесцветное, и вернуть первое я не смогла. <...> Потом встречались у меня и у нее. Почти всегда для меня мучительно начало — выступают всякие детали, вот вроде ее нерусского выговора — и всего дороже увидеть человека в жизни. Так и увидела я ее на одном довольно нескладном собрании (касавшемся издания лубков для армии). Она привлекла к этому делу меня, К.В. <Кандаурова. — *Ред.*>, еще несколько художников. Один из них говорил ей о деловой стороне этого предприятия, а она смотрела большими-большими глазами, немножко растерянными, розовая от внимания, и такая нежная девическая была линия щеки и шеи. В этот момент пришло то, с чего у меня начинается отношение к человеку. Вы говорите о напряженной атмосфере вокруг нее. Нет, так назвать этого я никак не могу, т<ак> к<ак> напряженность я понимаю как волю, усилие, мускул, состояние, готовое прорваться в другое, вообще близость

действия. Здесь же равновесие, ясность девическая, рафаэлевская. Вокруг нее есть тот розовый круг, в котором пишут обыкновенно Будду и который гипнотизирует меня абсолютной тишиной. Я подумала бы, что мало знаю ее, но был разговор о цвете по поводу ее эскиза Херувимской» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 24–25 об.).

[3] Отклик на слова Оболенской из того же письма: «Ваши акварели давно у меня. Можно ругаться? В них появилась излишняя, по-моему, нежность – до сладости местами. Кроме того, для своих стихотворных названий мне кажутся они недостаточно индивидуальными, есть однообразие. Оттого ли, что я не могу не помнить стихов – зрительное воплощение кажется слишком беглым, много поверхностнее соответствующего слова. И обратно: "Горы призраки на фоне вечеров" почти не отличаются от гор "твой влажный свет и матовые тени". Таким образом слова подсказывают не то, что могла бы самостоятельно сказать краска, и они взаимно обедняются».

[4] См. примеч. 5 к п. 289.

[5] Имеются в виду братья Н.Н. и К.Н. Кедровы и их семьи.

[6] А.М. Петрова.

[7] К.В. Кандауров, Е.И. Оболенская, Ф.К. Радецкий.

[8] В.А. Рогозинский.

311. В.Я. ЭФРОН

23 октября 1917 г. Коктебель

Коктебель. 23 октября. 1917 г.

Дорогая Вера, получил твое маленькое и такое ужасное письмецо.[1] Если ты это написала, то во сколько же раз больше то, о чем ты замолчала внутри себя. Слова твои звучат таким отчаянием, что хотелось бы сейчас же броситься к тебе, если б мы не были отделены пространством непереходимым... А я до сих пор еще не знаю, удастся ли мне зимой хотя бы на месяц попасть в Москву.

Милая, милая Вера, тебе необходимо заняться очень серьезно собой и не внешним устройством своей судьбы, а внутренним. Я это думал и в прошлом году, когда дело шло о твоем устройстве в театр.[2] Мне и тогда казалось, что не в этом дело, не во внешнем. У тебя внутри омертвение, по

твоим словам. Когда-то ты говорила мне, что у тебя внутри есть такие области, которых тебе невозможно коснуться. Мне казалось раньше, что именно драматическое творчество поможет тебе постепенно, переживая чужую жизнь, растворить и рассосать эти омертвения душевной жизни, но, очевидно, судьба требует от тебя, чтобы ты сама сознательно и прямо пошла в глубину себя и не побоялась распутать весь застаревший узел твоей жизни. Такое состояние духа, о котором ты пишешь, всегда бывает признаком очень больших душевных сил, которые не находят себе никакого творческого исхода. Они могут задушить, если не дать им выхода. Но этот выход может быть раскрыт только изнутри, а не извне. Нужно внутри себя пойти прямо навстречу самому больному, самому нестерпимому. Только внутренней сосредоточенностью, напряжением своей воли в молитве можно найти выход из самого себя. Как бы мне хотелось с тобой быть теперь и говорить об этом.

Милая Вера, я перебирал мысленно всех людей, сейчас находящихся в Москве: кто бы мог быть тебе сейчас нужен. И мне кажется, что тебе могло бы очень хорошо ближе познакомиться с Маргаритой:[3] в ней есть та сосредоточенная душевная борьба, и одновременно та тишина, которая тебе нужна. Милая Вера, повидайся подробнее с Маргаритой, постарайся ближе ее узнать и полюбить. Мне кажется, я уверен, что это очень много тебе даст именно теперь.

И пиши мне чаще, Вера, о себе. Летом мне так часто тебя не хватало. Это ведь было первое лето без обормотов. Это было так грустно. Хочешь, если мне удастся приехать в январе в Москву, уехать очень рано весною в Коктебель? Мне так хотелось бы повидать тебя подробнее и подольше, и в тишине. Крепко, крепко тебя целую. Встреться поскорее с Маргаритой и постарайся полюбить ее и поверить ей. Юлия,[4] кажется, теперь часто ее видит: пусть она устроит Вам встречу. Хорошо?

Напиши о своей жизни внешней. Поцелуй Лилю.[5]

MAX.

[1] Имеется в виду следующее недатированное письмо В. Эфрон:

«Милый Макс, бывают дни, недели, месяцы, когда от тоски плохо помнишь людей, верней, живут они все для тебя в другой плоскости. И в такой момент, если скажут, что ты мертва, а они еще живы, на земле, то не удивишься. Так я все время старалась приблизиться к людям, совсем потеряла то, на чем держатся отношения. Верно так люди восемь часов после своей смерти слышат все земное. Говорят, они слышат. Теперь же осознала свое такое отношение. К чему приду с этим, не знаю. Но недавно так обрадовалась, почувствовала тебя, Пра, жизнь коктебельскую во плоти. И странно стало. Ведь была же жизнь.

Хотела написать такое, чтоб что-то объяснить тебе, но не могу. К тому же вечер, а из чьей-то квартиры доносится шум, похожий на барабанный бой с трубой. И очень мешает. А о вечере пишу, так как глаза медленно слипаются. Приветствую тебя, Макс, от всего своего рассохшегося сердца.

Вера.

Понимаешь ли, вся фактическая жизнь не важна. А что важно?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1345, л. 21—21 об.).

[2] В труппе Московского Камерного театра В. Эфрон проработала сезоны 1915—1916 г. и 1916—1917 г., была занята в постановках «Сакунтала» Калидасы, «Сирано де Бержерак» Эдмона Ростана, «Фамира-кифарэд» И.Ф. Анненского.

[3] М.В. Сабашникова.

[4] Ю.Л. Оболенская.

[5] Е.Я. Эфрон.

312. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

23 октября 1917 г. Коктебель

23 октября 1917 г. Коктебель.

Дорогая Марья Самойловна, посылаю привет твоей дочери и поздравляю ее с рождением на свет[1] в такое буйное и полное ростков время. Я думаю, что очень приятно воплотиться в такой момент и стать ровесницей целого нового мира, сейчас рождающегося, в котором мы-то, во всяком случае, будем чужестранцами, когда он распустится. Целый

ряд девочек родился у моих друзей со времени Русской Революции[2] (вопреки тому правилу, что во время войны должны рождаться мальчики), точно женщины заторопились и теснятся в дверях будущего русского мира. Может быть, это подтверждение моей давнишней мысли, что спасение и будущий строй России будет в матриархате.

Поздравляю тебя, радуюсь, что такое трудное прошло благополучно и окончилось. Не получая от тебя давно никаких вестей, я так и думал, что это происходит сейчас и глубоко обрадовался, получив от Миши открытку.[3]

Одновременно с этой открыткой приехал ко мне из Ялты Эренбург на три дня,[4] и я сейчас живу парижскими разговорами и воспоминаниями, и его рассказами.

До свиданья. Буду ждать теперь вестей от тебя лично.[5]

[1] 14 октября 1917 г. у М.С. и М.О. Цетлиных родилась дочь, Ангелина Михайловна Цетлина (1917—1996, в 1-м браке Кривицкая, во 2-м Доминик).

[2] Возможно, имеется в виду рождение 13 апреля 1917 г. Ирины, второй дочери М.И. Цветаевой.

[3] Речь идет об открытке М.О.Цетлина от 15 октября 1917 г. См. п. 313, примеч. 4.

[4] И.Г. Эренбург приехал в Коктебель из Ялты 22 октября 1917 г. (Труды и дни-2. С. 31).

[5] Цетлина отвечала Волошину 21 ноября 1917 г.: «Милый и дорогой Максимилиан Александрович, очень была я тронута твоим поздравлением по поводу рождения моей дочери Ангелины и приношу тебе за него мою искреннюю благодарность» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 54).

313. М.О. ЦЕТЛИНУ

23 октября 1917 г. Коктебель

Дорогой Миша, поздравляю тебя с рождением Ангелины — Елены — Екатерины.[1] Очень обрадовался получить эту весть от тебя, т<ак> к<ак> думал, что все это происходит именно теперь и волновался, не имея никаких вестей так дав-

но ни от тебя, ни от Марьи Самойловны,[2] ни от Романа Самойловича.[3]

Крепко тебя обнимаю. Спасибо за сведения о моей книжке.[4]

О делах напишу позже.

[1] См. примеч. 1 к п. 312.

[2] М.С. Цетлина.

[3] Р.С. Тумаркин.

[4] В открытке от 16 октября 1917 г. М.О. Цетлин писал Волошину: «...все не могу ответить о земле. Целую неделю у нас было "военное положение", долгие и трудные роды. Вчера утром у Марии Самойловны родилась девочка Ангелина-Елена-Екатерина. Завтра дам телеграмму и напишу о покупке <...> земли. Мне звонил Сол<омон> Абрам<ович> <Абрамов. — *Ред.*> и сказал, что книга твоя скоро выйдет» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1261). Речь идет о книге избранных стихотворений Волошина «Иверни». См. также примеч. 3, 4 к п. 247.

314. А.М. ПЕТРОВОЙ

27 октября 1917 г. Коктебель

27 октября 1917. Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна, все эти дни был у меня Эренбург,[1] и Вы не можете себе представить, как мне досадно, что Вы лишили меня возможности познакомить его с Вами. Досадно, конечно, за Вас, потому что этим Вы лишились не только знакомства с прекрасным и талантливым человеком, но и беседы с очевидцем Корниловского выступления,[2] который Вам мог бы дать из первых рук сведения и впечатления о разных лицах, которые остаются для нас здесь туманными и мало выясненными. Глубоко обидно за Вас, потому что именно для Вас было особенно ценно и важно слышать все, что он рассказывал.[3] Теории и расовые антипатии — это вещь преходящая и изменчивая, а человек есть ценность вечная и существующая сама в себе.

Мне хочется все же рассказать Вам кое-что о Савинкове[6] (Эренбург с ним очень дружен).[4] Савинков относится к Кор-

нилову с большим уважением и любовью, но считает его человеком политически неумным, которым воспользовались как силой скрытые контррев<о>люционные течения. Сперва они друг друга долго осматривали и пытали. Когда еще Савинков был комиссаром, а Корнилов командующим 7-й арм<ией>,[5] Корнилов сказал ему однажды неожиданно: «Борис Викторович, а что если я Вас повешу?» — «Я постараюсь Вас предупредить, Лавр Георгиевич». На следующий день Корнилов сказал ему: «Знаете, Борис Викторович, я со вчерашнего дня начал уважать Вас». Потом между ними возникла настоящая дружба. Но Савинков, человек, обладающий высшей степенью холодного мужества, говорил, что ему иногда в присутствии Корнилова бывало жутко. И ставши во главе министерства, он имел всегда около Корнилова человека, который должен был его убить в случае измены.

Керенский Савинкова боялся, но цеплялся за него. После того как С<авинков> и К<орнилов> вырвали у Керенского согласие на восстановление смертной казни[6], и проект закона был на следующий день составлен С<авинковым>, Кер<енский> стал прятаться от него, как ребенок. Наконец, через неделю С<авинков> поймал его в пустой комнате, запер двери на ключ и сказал: «Александр Федорович, если бы на вашем месте был другой, я бы его застрелил, но вас я умоляю подписать этот закон». И не отпустил его, пока закон не был подписан. Отставку он получил от Кер<енского> по телефону в таких выражениях: «Б<орис> В<икторович>, я назначил военным министром Верховского,[7] что вы об этом думаете?» — «Что даже при старом режиме отставка министра не совершалась подобным образом...» — и повесил трубку. На следующий день они встретились, и Б<орис> В<икторович> сказал Кер<енскому>: «А<лександр> Ф<едорович>, я вас раньше любил и уважал, а теперь не люблю и не уважаю». Кер<енский> в ответ закрыл лицо руками и расплакался. Керенский производит впечатление человека, сошедшего с ума. Свои силы он поддерживает только морфием, который принимает в громадном количестве. Для него подписать смертный приговор является актом действительно немыслимым.

Он глубоко искренен, но у него слишком много того, что Савинков называет с пренебрежением «очередным и неотложным празднословием».

Благодаря морфию, безумию и власти у него начинаются Павловские замашки,[8] вроде разных прозвищ, которые он дает окружающим. Так он вдруг вздумал почему-то звать Сав<инкова> «Тимошей», так что тот должен был оборвать его. А другого старого террориста, так же мало располагающего к шуткам и фамильярности. – Моисеенко[9] – называл «Белокрысенко». Вместе с тем трагизм его положения в том, что он не может уйти и никто не отпустит его. При Эр<енбурге> он кричал в корниловские дни по телефону: – Уберите от меня этих юнкеров (стоявших на часах), чего они на меня так смотрят? Я их боюсь...».

Спасибо, Александра Михайловна, за указания средств от астмы,[10] только я сейчас еще не соберусь в Феодосию, хотя очень хотел бы видеть Костеньку.[11] Может, он найдет возможность приехать в Коктебель? Покажите ему это письмо: ему, наверное, будет интересно. Манасеины[12] уехали: Вы, вероятно, уже видали Пол<иксену> Сер<геевну>?[13] С прислугой у нас пока наладилось с грехом пополам,[14] но лишь временно (теперь мама ищет сторожа с женой). До свиданья. Пишите мне по крайней мере чаще, если мы не можем видеться

МАХ.

[1] И.Г. Эренбург был в Коктебеле у Волошина с 22 по 25 октября 1917 г.

[2] Речь идет о попытке установления военной диктатуры Верховным главнокомандующим Русской Армией генералом от инфантерии Л.Г. Корниловым (27–31 августа 1917 г.).

[3] Намек на пристрастное отношение А.М. Петровой к фигуре генерала Корнилова. См. примеч. 14 к п. 265, примеч. 5 к п. 279.

[4] Эренбурга и Б.В. Савинкова в 1916 г. познакомил в Париже Волошин. См.: *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: В 3 т. М.: Сов. писатель, 1990. Т. 1. С. 193–195.

[5] Неточность. В апреле 1917 г. Савинков был комиссаром Временного правительства 8-й армии, а с 28 июня – комиссаром Юго-западного фронта, которым командовал Л.Г. Корнилов (после-

довательно с начала мая и 7 июля). 29 августа Савинков осудил выступление Корнилова.

[6] См. примеч. 5 к п. 275.

[7] Александр Иванович Верховский (1886—1938) — генерал-майор, был назначен военным министром 30 августа. Савинков в тот же день подал в отставку.

[8] Имеется в виду поведение царя Павла I (1754—1801) — его разнообразные чудачества и самодурство.

[9] Борис Николаевич Моисеенко (1880—1918) — эсер-террорист, член Учредительного собрания от Юго-западного фронта и Совета крестьянских депутатов. Знакомый Д.С. Мережковского и — по ссылке в Вологде — А.В. Луначарского и А.М. Ремизова. См. о нем: *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 347.

[10] 21 октября Петрова писала Волошину: «Меня безгранично огорчает обострение Вашей астмы. На днях была у меня София Пелопид<овна> <сестра М.П. Латри, в замужестве Микеладзе. — *Ред.*> и *очень советовала Вам* нюхать иод <...>. Это единственное, что настолько помогло ее матери, что астма у нее *совсем прошла*. При этом следует недели 2 попринимать внутрь аспирин <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954, л. 75).

[11] К.Ф. Богаевский.

[12] Имеются в виду Н.И. Манасеина и Е.М. Манасеина.

[13] П.С. Соловьева.

[14] О кризисе с прислугой в доме Волошиных см. п. 308.

315. В.А. РОГОЗИНСКОМУ

28 октября 1917 г. Коктебель

28 октября 1917 г. Коктебель.

Дорогой Володя, дважды обрадован: получить от тебя вести и тому, что дело с Фоняковым устроилось. Я получил твое письмо сегодня и успел до вечера сделать на месте рисунки по указанным тобою направлениям, завтра утром их раскрашу, так что надеюсь, что письмо завтра же уйдет и поспеет вовремя.[1]

Место, где будет стоять дом — это сейчас же за Павловыми.[2] Ты ведь помнишь этот холм? На всякий случай даю

тебе его вид издали. От павловского участка он отделен пятисаженною дорогой. А павловский дом, как ты, вероятно, помнишь, делает в холме выемку и примыкает к холму вплотную. Сам холм продолговатый пологий, правильной овальной формы. Ось его перпендикулярна побережью. Он доминирует надо всей окрестностью и достаточно просторен для большого дома. Участок Фоняков покупает с пляжем, так что может пододвинуть дом к самому морю, но это невыгодно в смысле вида. Дом должен быть непременно на самой вершине холма, то есть чуть ближе павловского (сзади холм понижается сейчас же за широтой павловского дома). Твое расположение считаю самым лучшим. Оно как раз соединяет все лучшие виды. Но возможно и прямо перпендикулярное расположение к морю с главным фасадом, обращенным на Карадаг, но это не самое выгодное. Не знаю, говорил ли тебе Ант<онин> Петр<ович> о том, что он хочет обнести весь участок солидным каменным забором так, чтобы изнутри он был засыпан в уровень, т.е. при условии данной местности террасируя холм. Причем он говорил еще, что хорошо бы сделать каменный забор сводчатым. Пишу тебе это, т<ак> к<ак> нахожу, что и то, и другое необыкновенно выгодно для твоего проекта, тебе это надо использовать и связать террасу с домом.

Все наброски я делал с самой вершины холма, занимая указанные тобою положения, потому что делать их со стороны невозможно: сам холм заслоняет задний фон, будучи довольно высок. Хотя берег и будет принадлежать Фонякову, он не будет загораживать его, но оставит дорогу для п<р>оезда. Твой план и особенно проект вида на Св<ятую> Гору[3] с супанда мне очень нравится. Но как ты его разочтешь, не будучи на месте? Окно должно быть значительно выше супанда и опускаться немногим ниже, и в то же время оно должно быть в ширину, а не в длину. Так что оно должно оставаться только верхним светом, не доходя до низу. Так ты себе его представляешь? Очень мне нравится и ванна во втором этаже, и полувнутренний дворик с галереей. Все очень хорошо, только надо еще немного притереть весь план, может быть, соединить прямым ходом комнаты для

гостей с большой комнатой. Хотя на твоем наброске не обозначены двери, и я не могу судить, конечно. Надо не забыть несколько отапливающихся комнат для осени, и северные ветра при расположении внешних дверей в кухню. Хорошо одну из южных террас сделать застекленной для собиранья зимнего солнца, это ведь долго осенью отапливает комнаты (интересно найти хороший узор для оконных переплетов такой террасы: может, небольшие квадраты, как моя галерея?). Мне нравится комната на вышке. Лестница туда идет с супанда? Хорошо бы ее окружить балкончиком со всех сторон, если хватит места.[4] До свиданья. Привет Викентию Цезаревичу.[5] Напиши мне подробнее о себе. Вообще хорошо бы нам поддерживать переписку. Крепко обнимаю тебя, всего лучшего.

MAX.

[1] В письме от 25 октября 1917 г. Рогозинский (отбывавший военную службу в Екатеринославе) сообщал Волошину о достигнутой с горным инженером Антонином Петровичем Фоняковым договоренности о проектировании и строительстве для него дома в Коктебеле: «Я готовлю ему эскизы. Посылаю тебе набросок плана и фасада со стороны моря. Напиши твое мнение и указания. Помоги, пожалуйста, мне описанием места. <...> Пожалуйста, сообрази, как это будет на месте, и сделай мне небольшие наброски пейзажа, на который будет проектироваться дом <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1026).

[2] Павловы — одни из наиболее крупных землевладельцев в Коктебеле, владельцы имения площадью более 5 десятин (ныне на территории их имения — туристская база «Приморье»). См.: *Жарков Евгений*. Страна Коктебель: Культурные очаги. Середина XIX — середина XX веков. Киев: Болеро, 2008. С. 57—63.

[3] Святая гора — самая высокая точка горной группы Карадаг.

[4] Всем этим планам не суждено было реализоваться: 26 октября, после захвата власти большевиками, Фоняков сообщил, что готов уступить купленные им в Коктебеле участки по 25 р. за квадратную сажень (Труды и дни-2. С. 32).

[5] В.-Л.Ц. Томашевич, бывший тогда старшим врачом губернской земской больницы в Екатеринославе. В цитированном выше письме Рогозинский сообщал: «Служу писарем, раб<отаю> 6 ч<асов>, живу у Томашевича».

316. Р.С. ТУМАРКИНУ

29 октября 1917 г. Коктебель

29 октября 1917. Коктебель.

Дорогой Роман Самойлович,

посылаю Вам по просьбе Феодора Эдуардовича Юнге письмо его относительно того большого приморского участка, которым Вы были отчасти заинтересованы, имея в виду стариков Цетлиных,[1] кажется.

От Михаила Осиповича наконец получил открытку о рождении дочки у Марьи Самойловны[2] и телеграмму о земле. До сих пор еще не получил ни одной из книг, высланных Вами. Это меня начинает беспокоить. Были ли они высланы Вольфом?[3] Не приходил тоже и пакет с чаем, сахаром, кофе, и мама очень просит Вас не забыть своего обещания, т<ак> к<ак> через несколько дней мы останемся совсем без чая.

Отдал ли Вам тот юноша — Ваш знакомый — Вам деньги за мои картины?

Коктебеля пока никакие беспорядки[4] еще не коснулись, но мы находимся в глубоком беспокойстве, не получая газет с севера и не зная, что происходит сейчас с Петербургом и Москвой.

Из книг я жду главным образом с нетерпением Истории Живописи А. Бенуа и Дон Кихота (пер<евод> Ватсон).[5] Вообще очень прошу все же выслать мне через Вольфа книги по тому списку с расходами в пределах 200 руб. Юнге беспокоились тоже, почему нет еще от Вас доверенности на заключение Вашей купчей.

Глубоко обрадовался, что все прошло для Марии Самойловны благополучно. Как теперь ее здоровье?

До свиданья. Всего лучшего.

Максимилиан Волошин.

[1] Имеются ввиду родители М.О. Цетлина См. примеч. 13 к п. 179.

[2] См. примеч. 1 к п. 312.

[3] Подразумевается книжный магазин издательского товарищества «М.О. Вольф» (в Москве – Кузнецкий мост, д. 12 и Тверская ул., д. 22).

[4] Имеется в виду большевистский переворот в Петрограде 25 октября.

[5] См. п. 294, примеч. 6, 7. Имеется в виду книга А.Н. Бенуа «История живописи всех времен и народов» (Т. 1–4. СПб., 1912–1917). Тумаркин сообщал Волошину 26 сентября 1917 г.: «В "Истории Живописи" Бенуа – не было сначала 5-ти выпусков – теперь отыскали 4-й и 5-й, но первых 3-х все еще нет» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1199).

317. А.М. ПЕТРОВОЙ

3–6 ноября 1917 г. Коктебель

3 ноября 1917 г. Коктебель.[1]

Дорогая Александра Михайловна,

какие смутные и тревожные дни... Хочется знать, что делается в России и под каким правительством мы живем, и всякие источники сведений иссякли. Положим, и Вы едва ли знаете больше: вчера я видел номер «Южны<х> ведомостей».[2] Там ничего нет – сведения, очевидно, не доходят до юга. Это только начало разложения: дальше это станет нормальным состоянием.

Одновременно с этим наша домашняя жизнь снова превратилась в кошмар. Пока летом мама чувствовала себя плохо, она не раздражалась так, как теперь, когда ее летнее удушье прошло, и одновременно вернулся прилив темперамента. Очень тяжело. Александра Михайловна, все время живешь под окриком, и день начинается с горьких, долгих и бурных упреков, после которых чувствуешь себя совершенно разбитым и ни на что не способным. Опять ни о каком писании стихов, что я рассчитывал на осень, не может быть и речи. Я совершенно не понимаю, что от меня требуется: то чтобы я готовил обед, то чтобы я чинил себе

белье, то упреки в том, что я ничего не делаю, а только «картиночки пишу».[3] Когда же я возражаю, что этими картиночками я заработал за этот год больше тысячи рублей, то мне говорят, что это так мало, что и работать не стоит, что все теперь зарабатывают гораздо больше, почему я не пишу статьи в газеты и т.д. и т.д. По поводу каждого нового лица, будь то Эренбург[4] или маленькие дети Кедровых,[5] мама начинает завидовать, почему я не такой хороший, и снова целый бесконечный ряд попреков и упреков. Между нами нет никакого иного разговора, как этот или хозяйственные жалобы. И снова передо мной стоит тот же вопрос, что стоял перед отъездом в Базель:[6] мое присутствие превращает нашу жизнь в сплошной кошмар и служит источником бесконечного раздражения для мамы, а для меня сопровождается творческим параличом, и нервы настолько выматываются и напрягаются после такого разговора, что я убегаю в свою комнату, чтобы дать пройти нервному припадку со слезами и спазмами, который у меня делается. Конечно, я могу уехать в Москву: мне этого очень хочется, меня зовут и ждут. Но мама не хочет и того, чтобы я уезжал, т<ак> к<ак> боится быть опять разделенной прекращением железнодорожного сообщения, как во время войны. Конечно, я понимаю маму, до какой степени ей надоело хозяйство и все неприятности, с ним связанные, что ей стало это нестерпимо, но благодаря тому, как требуется от меня помощь: «Нет, вот ты сам потерпи и помучься, как я», — конечно, помощь становится невозможной. Есть одна только возможность: все взять в свои руки так, чтобы мама совсем не вмешивалась. Но Вы помните, что вышло из этого, когда я это предложил в лето пер<е>д войной? А взяться помогать — это значит стать в положение всех девчонок, на которых орут весь день за глупость и бестолковость, а ведь это именно так и бывает без всякой разницы, как только мне что приказывается. А при этом я все равно не могу работать. И удивительно то, что пока я действительно не работаю серьезно и систематиче-

ски, все идет сравнительно мирно и благополучно, но как только начинаешь собираться для большой работы, как все точно с цепи срывается. Я сейчас чувствую себя идиотом и неспособным написать двух стихов.

Недавно я советовался об астме моей с одним хорошим врачом, здесь оставшимся зимовать.[7] Он подробно осмотрел и выслушал меня и нашел, что у меня нет ни сердечной, ни бронхиальной астмы, а только нервная. И соответственно этому прописал мне успокоительное полоскание горла бромистым и салициловым натром.

Очень жду писем от Вас. Напишите, что делается в России.

МАХ.

P.S. Дописано 6 ноября.[8]
Что Костенька?[9] Как Ваше здоровье?

[1] В автографе Волошин ошибочно указал: «3 октября».

[2] «Южные Ведомости» – симферопольская газета, из которой Волошин, видимо, и узнал о совершившемся 25 октября 1917 г. большевистском перевороте.

[3] См. также п. 310.

[4] См. примеч. 2 к п. 314.

[5] Семейства братьев Кедровых остались зимовать в 1917 г. Коктебеле. См. примеч. 7 к п. 329. О них см.: *Купченко В.* Их знала Марина Цветаева // Русская мысль. 1993. № 3992. 12–25 августа.

[6] В Базель Волошин уехал летом 1914 г. О сложных отношениях, возникших у него в этот период с Е.О. Кириенко-Волошиной, см. примеч. 6 к п. 95.

[7] Возможно, речь идет о В.-Л.Ц. Томашевиче.

[8] В автографе ошибочно: «6 октября».

[9] Петрова сообщила Волошину в ответном письме от 9 ноября, что К.Ф. Богаевский «пробыл лишь дней 5». Она писала: «Может быть, он освободится совсем, как художник. Хочет теперь» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954).

318. М.О. ЦЕТЛИНУ

6 ноября 1917 г. Коктебель

6 ноября[1] 1917 г. Коктебель.

Дорогой Миша, все это время мы жили без всяких сведений о том, что происходит на севере. Газеты не приходили. И только вчера из номера «Южного Края»[2] я узнал первые вести о московских ужасах.[3] Они еще носят характер слухов и говорят о разрушенном Кремле, о 9 тысячах убитых... Не хочу верить всему в полном объеме, но самое отсутствие телеграмм из Москвы говорит о смуте и ужасе. Писем давно не приходит никаких, и подымается глубокая тревога за друзей и близких.

Я так ничего и не знаю о здоровье Марьи Самойловны после рождения?..[4] Коснулись ли вас смутные дни прямо или косвенно? Живы ли Вы? Если это письмо дойдет до тебя — напиши мне хотя бы несколько слов на открытке.

Кроме того, деловые сведения о твоем участке земли.[5] Мы делали при<р>езку земли вдвоем с Ф.Э. Юнге, руководствуясь твоим указанием: прирезать строго необходимое. Удалось прирезать как раз тот кусок, который необходим для дома и хозяйственных построек, и кусок очень важной для сада долины. Первоначальный участок (от него откинут небольшой ненужный кусок) 4206 кв. саж. (считая по 2 руб. 25 коп. — 9463 руб.) и новая прирезка 2991 саж. (по 4 руб. саж<ень> — 11 964 руб.). Всего-нáвсего 3 десятины без очень малого за 21 427 руб. Прирезка дороже потому, что туда входят все удобные и не требующие специальной обработки и террасирования земли. В общем по современным ценам на землю в Коктебеле это очень дешево, и участок с прирезкой становится очень удобен для уединенной и удобной усадьбы. (Без прирезки он не имеет никакого смысла, как я говорил Роману Самойловичу).[6] Во всяком случае, если ты даже почему-либо и раздумаешь строиться, то через год его сможешь перепродать за двойную цену, потому что сейчас здесь каждый клочок земли берут на расхват, и прирезку удалось сделать только потому, что случайно, примыкающая земля не разделена еще на участки. Это большое счастье.

Кроме того, Ф.Э. Юнге просит тебя и Романа Самойловича не медлить с высылкой доверенности на заключение купчей, т<ак> к<ак> Учредительное Собрание[7] может приостановить все земельные сделки, и тогда приобретение земли станет совершенно невозможным. Купчую надо заключать немедленно. Так что, если возможно, поезжай сейчас же к нотариусу. Доверенность, как я писал, удобнее всего дать на имя «жены инженера механика Федора Эдуардовича Юнге – Ольги Андреевны Юнге», и с правом передоверия (что необходимо для внесения в книгу главного Симферопольского нот<ариуса>). Для совершения купчих нотариус приезжает каждое воскресенье в Коктебель.

План твоего участка пришлю тебе в следующем письме, т<ак> к<ак> боюсь , что это не дойдет совсем.

Обнимаю, приветствую.

МАХ.

[1] В тексте ошибка в дате: «6 октября».

[2] «Южный Край» – газета, которая издавалась в Харькове с 1880 по 1918 г. В 1912–1917 гг. выходила дважды в день – утренним и вечерним выпусками.

[3] Речь идет о событиях, происходивших в Москве с 25 октября по 3 ноября 1917 г., когда был бомбардирован Кремль и тысячи людей погибли в ходе уличных боев.

[4] См. п. 312, примеч. 1.

[5] См. примеч. 2 к п. 298.

[6] Р.С. Тумаркин.

[7] См. примеч. 4 к п. 293.

319. А.А. НОВИНСКОМУ

8 ноября 1917 г. Коктебель

8 ноября* 1917 г. Коктебель.

Дорогой Александр Александрович,

очень жалею, что так давно Вас не видал,[1] но боюсь теперь приезжать в Феодосию из-за астмы, не говоря о том, что так дорог и труден переезд.

* *В авторской машинописи ошибка*: окт<ября>.

Глубокое уныние от русских дел, усугубляемое еще тревогой благодаря полному отсутствию известий: ни газет, ни писем. Впрочем, и Вы, вероятно, знаете не больше. Одновременно идут и разные домашние тревоги и заботы. Если возможно, пожалуйста, пришлите с первой же оказией остающиеся еще за Вами два пуда керосина.

До нас дошли слухи, что в Феодосию ожидается большой транспорт угля. Пожалуйста, не забудьте нас: нам надо 100 пудов, в крайнем случае, 50, иначе мы замерзнем. Если кроме тех 2-х пудов можно будет достать еще керосину, то очень прошу.

Привет Николаю Николаевичу.[2] Очень жалею, что не смогу приехать на концерт.[3] До свиданья.

Максимилиан Волошин.

[1] Ранее, в письме из Феодосии от 13 октября 1917 г., Новинский оповещал Волошина об отъезде О.Э. Мандельштама 11 октября в Петроград, а также рекомендовал ему певицу Н.Г. Тарасову: «Позвольте Вас познакомить с “несравненной Ниной Григорьевной Тарасовой”. Ее концерт доставил мне и всей публике редкое и неожиданное удовольствие, я с ней познакомился и позволяю себе просить Вас приютить Нину Георгиевну <так!> и дать ей возможность отдохнуть в Вашем обществе и насладиться Коктебелем, хотя бы один день. В воскресенье ее второй концерт» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 891. Воскресенье – 15 октября).

[2] Н.Н. Кедров.

[3] Концерт Н.Н. Кедрова в Феодосии 9 ноября. Сам Кедров приглашал Волошина и Е.О. Кириенко-Волошину на этот концерт в письме от 7 ноября (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 638).

320. А.М. ПЕТРОВОЙ

12 ноября 1917 г. Коктебель

Коктебель. 12 ноября 1917 г.

Дорогая Александра Михайловна, п<о>лучил Ваше письмо от 9-го вчера.[1] Очень благодарю за него. Все, что Вы пишете обо мне, я это сам думал и по мере сил стара-

юсь исполнять. Но это так трудно. О своей работе, конечно, нечего и думать. (Я так ждал осени, чтобы начать писать стихи в тишине!) Я стараюсь делать все. Но странно, что гнев и раздражение мамины только растут: я не могу шевельнуться, все служит предлогом раздражения и самых горьких упреков. Теперь на меня кричат, что я всячески отлыниваю от работы. Вообще у меня такое впечатление, что меня на старости лет отдали в кухонные мальчики, и кажется, что так даже на прислугу не кричат, как на меня. У меня часто ощущение, что это все кошмар и во сне.

Третьего дня неожиданно приехала Марина с Сережей[2] и массой рассказов об московских днях. Об этом расскажу при встрече, и когда они будут в городе, сами расскажут: все уже в общих чертах точно рассказано в газетах — интересны детали. Их присутствие психологически принесло мне облегчение, но фактически остается тот же уютный домашний ад, тем более что у нас нет до сих пор прислуги. Это, конечно, служит отчасти перво<п>ричиной всех зол. Я понимаю, Александра Михайловна, что все надо делать главное всем сердцем, не против сердца. Но это-то и есть самое трудное. Все, что мне приходится делать, — это я делал сам добровольно в другие моменты моей жизни и делал охотно и радостно и сам не замечал. Но здесь трудно потому, что за все, что ни делаешь, получаешь только упрек в том, что отлыниваешь от работы, и каждое движение твое раздражает. Это постоянное раздражение делает любовный подход и самоотдачу бесконечно трудной и сложной. Но я буду стараться преодолеть.

Даже Марина на днях сама удивилась (мы с ней до этого и не говорили об этом): «Я удивляюсь, с каким терпением ты все это выносишь».

Сегодня выборы: я был в деревенском управлении: мы не занесены в списки и не получили права голоса.[3]

До свиданья, Ал<ександра> Мих<айловна>. Пишу коротенькое письмо, чт<о>бы известить Вас, что Ваше получено — большое спасибо за него.

MAX.

[1] Речь идет о письме А.М. Петровой от 9 ноября 1917 г., в котором она благодарила Волошина за п. 314: «Большое спасибо за все, что описали со слов Эренбурга. Крайне интересно; читала и Костеньке <К.Ф. Богаевскому. – *Ред.*>, и многим Ваше письмо. Жуковский переписал его для своих. <...> Видела портрет Ленина и К°. Милый мой, да ведь это дегенераты?! Казалось, “Сахалин” Дорошевича перед глазами <...>. Вы не представляете, как мне горько, что Ваша жизнь так жестоко и так трагично ломается, – своим же, родным, *любимым* и *любящим* же человеком. Это только от болезни и от старости. Из двух зол лучше изберите второе: оставьте уж даже мысль о работе, и сколько можно уделяйте ласки и внимания. Выберется время – начнете работу. Убедите маму скорее переехать ко мне, а сами в Москву, передохнуть, теперь, я думаю, туда можно будет, грабежи шли ужасные. Цераские получили письмо от Кандауровых: Малый театр разрушен, “Метрополь” погиб; 7 ночей не спали, поминутно обыски с пропажами вещей, понятно. В Петербурге не так уж было, тише. <...> Так мне и во всем теперь представляется, и лично, и для России: искупаем. Но не дай Бог соблазниться – отчаянием ли (тоже своего рода успокоение) или благами мира сего» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954, л. 26–27 об.). В тексте упоминается книга очерков В.М. Дорошевича «Сахалин» (Ч. 1–2. М., 1903).

[2] М.И. Цветаева и С.Я. Эфрон приехали в Коктебель 10 ноября 1917 г. (вместе с однополчанином Эфрона С.И. Гольцевым), рассказывали о боях большевиков с юнкерами в Москве 1 и 2 ноября 1917 г. 25 ноября М.И. Цветаева уехала в Москву за детьми, Эфрон остался ее ждать (Труды и дни-2. С. 33–34).

[3] Речь идет о выборах во Всероссийское учредительное собрание. Возможно также, что параллельно проходили выборы в органы местного самоуправления.

321. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

15 ноября 1917 г. Коктебель

15 ноября 1917 г. Коктебель

Дорогая Юлия Леонидовна, сегодня пришло Ваше письмо: первое письмо из Москвы;[1] но сведения о событиях и о том, что все знакомые живы, я получил от Марины и Сережи, которые приехали дня четыре назад.[2] До этого мы были в полной неизвестности о том, что происходит, т<ак>

к<ак> газет не было три недели, а вести и слухи были так смутны, что понять ничего нельзя было. Теперь стали приходить и газеты.

Марина как раз в дни московского боя была у нас и, ничего не подозревая, уехала в Москву и, пробыв там день, немедленно вернулась с Сережей.[3] Ничего не знаю только о Маргарите.[4] Видали ли Вы ее после беспорядков? Я направил к Вам моего друга поэта Эренбурга, который уехал в Москву тоже перед самым переворотом;[5] вероятно, он был у Вас?

Для меня эта осень проходит бесплодно и очень тяжело не из-за внешних событий, а из-за внутренних состояний. Пра забастовала в хозяйстве и поставила меня готовить и прибирать комнаты. Это все было бы ничего, если б это не сопровождалось постоянным и непрерывным гневом на меня из-за всего и из-за ничего, и не усложнялось уже месячным отсутствием прислуги. Чувствую себя совершенно разбитым душевно и не имею сил смотреть на себя иначе, как на самого ленивого и глупого из кухонных мужиков. Не могу ни писать, ни рисовать, ни сосредоточиться на совершающемся в России, как следует.

Впрочем, читаю Тэна.[6] Если у Вас есть, раскройте последние главы «Якобинского Захвата», где идет речь об августе 1792 года. Это как раз тот же момент, что переживаем мы сейчас: захват силою оружия власти крайними партиями. Аналогии потрясающие, несмотря на то, что л<о>зунги диаметрально противуположны: там идет дело об войне, а не о мире, и об единстве, а не о расчленении государства. Но психология действующих лиц, характер событий, — всё совершенно тождественно. Эти исторические параллели говорят, что нет никаких данных, чтобы большевизм, как принято теперь утешаться, изжил сам себя в очень короткий срок. Если он не будет сметен внешними: военными событиями, то у него все данные укрепиться посредством террора на долгое время. Вообще теперь дело за террором, которому, вероятно, будет предшествовать большой, организованный правительственными кругами, погром (Сентябрьские дни).[7]

То, что Вы пишете о вашем костромском этюде и о стихах Кузмина, поразительно.[8] Я думаю, что именно так и

должно быть. Но если такое случается, то, разумеется, это не надо ни п<о>дчеркивать, ни выявлять. Ведь мое задание было гораздо более поверхностно: оно было японского характера (как 36 видов горы Фузи),[9] не больше. И моя ошибка, я вижу, главным образом в непроп<о>рциональности. Охотно соглашаюсь, что мне это не удалось.[10]

Видала ли Маргарита мои рисунки? Мне очень хотелось бы, чтобы Вы ей их показали и написали, как она отнесется. Она мне давно уже ничего не пишет.

Относительно теософии, вы знаете, что я с Вами совершенно согласен,[11] но <?> это «досадное малокровие», это «парение в пространстве на одном месте», которое не переходит в полет, как Вы очень верно говорите, — это лежит не в самой теософии, а в том, как она воспринимается: теософское поучение дает отвлеченный остов понятий, а его надо принять в душу как зерно, вырастить в себе, собою его одеть. Сделать его кинетическим. Полет в самом человеке. А его, наоборот, с<т>араются задержать таким, как оно есть, и боятся что-нибудь прибавить от себя.

Это вина организации «Общества».[12] Вообще самое понятное и весь распорядок «общества» чужд русскому складу души, и вся их наставительная литература приспособлена к иному пониманию. Религия дает живой творческий символ, немедленно распускающийся в душе: теософия же — отвлеченную истину, лишенную плоти. Это имеет громадное значение, т<ак> к<ак> заставляет душу совершить дело ее воплощения внутри самой себя.

Относительно участка земли для Феодора Константиновича:[13] за нами нет участка, но сейчас есть участки в продаже близко от моря, ценою по 25 руб. кв. саж<ень>, величиною от 700 до 800 саж<еней>, сейчас же за Павловыми. Этот громадный участок купил у Юнге инженер Антонин Петрович Фоняков и теперь распродает спешно участками.[14] Если Ф.К. хочет, пусть немедленно напишет ему по адр<есу>: С.П.Б. Петербургская сторона. Бол<ьшой> проспект 106. Для телеграмм: ИНЖФО Петроград. Он мне на днях прислал список участков. Они идут от моря до шоссе,

так что лучшие, т.е. ближние к морю, будут обозначены низшими цифрами, не заняты 3, 5, 6, 7, 8. С 6, 8, 10-го хороший вид <на> цепь Карадага. Только пусть Ф.К. не медлит, т<ак> к<ак> они раскупаются быстро, и в письме Фонякову упомянет, что он от меня, т<ак> к<ак> тот продает только знакомым или по рекомендации.

До свиданья. Привет К<онстантину> В<асильевичу>, Ек<атерине> Ив<ановне>,[15] Ф<еодору> К<онстантиновичу>.

Что, по-Вашему, будет теперь с Россией?

Максимилиан Волошин.

[1] Имеется в виду недатированное письмо Оболенской (видимо, от 1 ноября 1917 г.), в котором говорится о захвате большевиками власти и об ожесточенных боях в Москве между революционными частями и юнкерами, оборонявшими Кремль (27 октября – 3 ноября): «Шестой день сидим взаперти, слушаем канонаду и стрельбу, и так странно, что до Вас еще ничего не дошло. Каково в Коктебеле? Телефоны, почта не действуют – я каждый день начинала писать Вам и откладывала. <...> Вчера приходили солдаты от нового правительства отбирать, у кого имелись, револьверы, а жильцы на лестнице подняли такой шум, точно их режут. Я все время не прекращала работать над декорациями к “Снегурочке” для Народного театра, хотя и не знаю, понадобятся ли они теперь. <...> Когда все началось, прислуга говорила: “Французы стреляют в фабрикантов”, так никто еще ничего не понимал. Я и сейчас не знаю, отчего еще продолжается день и ночь канонада, когда переворот уже состоялся» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 20–20 об.).

[2] См. примеч. 2 к п. 320. Ср. запись Цветаевой в дневниковом очерке «Октябрь в вагоне (Записи тех дней)»: «Приезд в бешеную снеговую бурю в Коктебель. Седое море. Огромная, почти физически жгущая радость Макса В<олошина> при виде живого Сережи» (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 4. С. 423).

[3] М. Цветаева выехала из Феодосии в Москву около 31 октября, выехала обратно в Крым вместе с мужем и С. Гольцевым 4 ноября. См. об этом в ее записях «Октябрь в вагоне» (*Там же.* С. 418–423).

[4] М.В. Сабашникова.

[5] И.Г. Эренбург выехал из Феодосии в Москву 25 октября (Труды и дни-2. С. 32).

[6] Имеется в виду 3-й том («Якобинское завоевание») труда Ипполита Адольфа Тэна (Taine) «Происхождение современной

Франции» («Origines de la France contemporaine», vol. 1–5, 1875–1895), в котором подробно воссоздана история Великой французской революции. См.: *Тэн И.* Происхождение современной Франции / Пер. с фр. под ред. А.В. Швырова. Т. 1–5. СПб., 1907.

[7] Подразумевается резня в Париже (2–6 сентября 1792 г.) – истребление вооруженными народными массами заключенных в тюрьмах (по разным подсчетам, от 1400 до 1800 человек, в основном представителей аристократии и духовенства). Цветаева в записях «Октябрь в вагоне» свидетельствует: «Видение Макса В<олошина> на приступочке башни, с Тэном на коленях <...> чтение вслух, С<ереже> и мне завтрашних и послезавтрашних судеб России.

– А теперь, Сережа, будет то-то... Запомни.

И вкрадчиво, почти радуясь, как добрый колдун детям, картинку за картинкой – всю русскую Революцию на пять лет вперед: террор, гражданская война, расстрелы, заставы, Вандея, озверение, потеря лика, раскрепощенные духи стихий, кровь, кровь, кровь ...» (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. С. 423).

[8] В цитированном выше письме Оболенская сообщала:

«У меня был очень странный случай, я в Костромской губ<ернии> писала (давно) этюд и при этом все думала об одних стихах Кузмина, одно место повторяя:

Память зорь в широком небе,
Память дальнего пути,
Память сердца, где смешались все дороги, все пути...

На этюде не было ни сердца, ни зорь, ни дальнего пути, а городок Варнавин на красногоре над рекой. И когда осенью я привезла этюды в Петербург, первое, что сказала мне Магда Максимилиановна <Нахман. – *Ред.*>, – очень смущенно: я не знаю, отчего мне этот этюд напоминает один отрывок из Кузмина:

Память зорь в широком небе,
Память дальнего пути..?

До того иррационально, что даже жутко. Поэтому мне кажется слишком рациональным <...>». Цитата – из стихотворения М. Кузмина «Мы проехали деревню, отвели нам отвода...» (1907), входящего в его первую книгу стихов «Сети»; см.: *Кузмин М.*. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 1996. С. 78 (Новая б-ка поэта).

[9] «Тридцать шесть видов Фудзи» (1823–1829) – серия из 46 (36 и 10 дополнительных) цветных гравюр по дереву японского художника Кацусики Хокусая.

[10] В цитированном письме Оболенская отзывалась о волошинских акварельных циклах «Десять лирических пауз одной прогулки», «Вечерние возношения» («второй цикл») и о надписях на них, которые Волошин истолковывал в п. 309: «Ваши работы сейчас все у меня. Второй цикл мне нравится гораздо больше. Очень красивые вещи. Везде первый план слабее остального, везде хорошо небо с далью. Относительно стихов говорите Вы очень убедительно, а все-таки я не согласна. Конечно, и я против параллелизма искусств, но Вы не совсем правильно меня поняли или я от головной боли написала плохо. Вещи могут не быть тождественны, но равносильны должны быть. А стихи технически серьезнее акварелей и потому связываются с более глубокими зрительными представлениями. То же, что Вы даете, является навязанным стиху. <...> Мне кажется слишком рациональным и потому противоречащим Вашей же теории сознательное сопоставление, да еще предписанное зрителю. Ведь Вы этим к тому же отнимаете у зрителя творчество. Ну все-таки трудновато писать под канонаду, никакого параллелизма с моими мыслями».

[11] Тему теософии Оболенская затронула в том же письме, откликаясь на призыв Волошина к более интенсивному ее общению с М.В. Сабашниковой: «Мне интересно, как Вы себе представляете, что мы с М.В. можем дать друг другу. Мне это не кажется, мы совсем разной стихии. Конечно, тем более она могла бы дать мне своим существованием, как явление, как цветок, сама по себе — не будь в ней теософии. Теософия как строчка стихов лишает меня творчества, мешает видеть ее цвет, ее собственное развитие. Когда она говорит о Смоленской губернии — мне гораздо легче видеть ее, чем в разговоре о сознании на Солнце. Ей я этого не скажу, потому что всякая чужая религия для меня священна, но Вас одного я чувствую не поглощенным, не обезличенным этой — самой беспочвенной из всех. В ней, конечно (в теософии), много подлинно вытекающего из человеческой сущности, но громадные пространства произвола, досадного малокровия. Она лишена движения, подвига, какое-то парение в пространстве на одном месте, а не полет. Временное правительство вместо Бога. Приспособление к существующим условиям. Не отрицаю и пользы, но душно. Что-то чуждое нам в этом парении, какой-то ветер с востока.

У меня будет мучительное усилие отделить в Маргарите Васильевне органическую ее "синюю эмаль", девическое детское, голубиное от совпадающего парения ее религии. Пальба идет, стол трясется».

[12] Подразумевается Антропософское общество.

[13] В цитированном выше письме Оболенская передавала просьбу Ф.К. Радецкого: «Ф.К. <...> поручал узнать цену свободного участка за Вашей дачей, если продается».

[14] См. примеч. 4 к п. 315.

[15] К.В. Кандауров, Е.И. Оболенская.

322. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

17 ноября 1917 г. Коктебель

Коктебель. 17 ноября 1917.

Дорогая Марья Самойловна,

только сегодня из письма Маргариты я узнал, что Вы все живы и здоровы.[1] Я уже бог знает сколько писем написал за этот месяц и тебе, и М.О., Р.С.[2], и ни от кого никакого ответа. Последнее, что я имел: это известие от М.О. о появлении на свет твоей дочки.[3] Но это было так давно. Я уж и не помню, когда я получил последнее письмо от тебя. Хочется знать, как ты пережила эти страшные дни. Из письма Маргариты вижу, что она, наконец, познакомилась с тобой[4] и тобою очарована (я был бы глубоко оскорблен, если бы этого не случилось)... Но мне хочется знать и подробно, какое впечатление она произвела на тебя, и как тебе понравилась Оболенская?[5]

Мне нужно сейчас еще поговорить о твоем участке в Коктебеле[6]: я писал дней десять тому назад Мих<аилу> Ос<иповичу>, но ответа нет, между тем продавцы земли Юнге – меня торопят. Дело в том, что все земельные операции должны быть закончены до созыва Учредительного Собрания,[7] которое может прекратить все земельные сделки тотчас же. Между тем на этот участок земли есть много претендентов, и он задерживается для тебя только по моей просьбе и настоянию. Прирезку, о которой я говорил с самого начала, удалось сделать прекрасно, так что участок получился очень удобный: изолированный и сравнительно очень дешевый, т<ак> к<ак> теперь здесь цена уже дошла до 25 руб. за кв. саж<ень>, т<ак> ч<то> за те же

20 000 немного ближе к морю продавались уже участки в 800 кв. саж<ень>, а в твоем за эту же сумму целых три десятины, и это единственный участок по местоположению. Если ты даже почему бы то ни было и не воспользуешься им, то всегда сможешь перепродать с выгодой. Пишу это все для того, чтобы ты не упускала его, а сейчас же телеграфически закрепила его за собой. Так как Ф.Э. Юнге завтра собирается телеграфировать М.О. и ставить ультиматумный срок для решения, т<ак> к<ак> больше ждать не может, так как купчая должна быть заключена до созыва Уч<редительного> Соб<рания>. Поэтому пусть Миша немедля вышлет доверенность на заключение купчей на имя Ольги Андреевны Юнге,[7] жены инженера-механика, с правом передоверия (так было условлено с Ром<аном> Сам<ойловичем>) и переведет деньги в Феодосийский Городской Общественный Банк на текущий счет управления имением А. и Ф. Юнге. Участок теперь величиной три десятины без малого и цена его, как я писал М.О. 21 427 р. (Перв<оначально>: 4206 саж., по 2 р. 25 к. – 9463 р.; Прирез<ка> 2991 саж., по 4 р. – 11 964 р.).

Очень скучно писать обо всем этом не знаю уж в который раз, но я не знаю, доходили ли те три письма, что я писал раньше Ром<ану> Сам<ойловичу>.

У нас в Крыму сравнительно спокойно и тихо, и объявлено автономное Крымское Ханство[8] с преобладанием татар, которые гарантируют права всем народностям, населяющим Крым. Если только нас ненароком не завоюет Турция, то, сравнительно с прочей Россией, у нас будет полная идиллия. Пока до свидания. Обнимаю Мишу. Жду писем.

MAX.

[1] Имеется в виду письмо М.В. Сабашниковой от 9 ноября 1917 г. из Москвы, в котором сообщалось: «Мы все благополучны пока, хотя все были под обстрелом и артиллерийск<им> и ружейным 6 дней. В окна влетали пули. Но душевное состояние было покойное. Только теперь болит сердце оттого, что люди так друг на друга озлоблены; срывают сердце на симптомах, видят в следствии – причину. Века крепостничества, темноты могли ли принести иной плод? Пережи-

вем ли мы это время? Разве чудом и милостью. Весь наш круг цел. Оболенскую еще не видала. Цетлины целы. Они очень милы!......» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1065).

[2] М.О. Цетлин, Р.С. Тумаркин.

[3] См. примеч. 1 к п. 312.

[4] О заочном знакомстве с Сабашниковой М.С. Цетлина писала Волошину еще 5 сентября 1917 г.: «Я телеграфировала Маргарите Васильевне, и она со мной говорила, но это был день ее отъезда куда-то под Москву. Она говорила, что когда вернется, то будет у нас. Я очень хочу ее видеть, недавно прочла ее книгу о Серафиме Саровском, она очень симпатична и оригинальна своей страстной верой, как в первые века христианства» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 52 об. – 53). Упомянута брошюра М.В. Сабашниковой «Святой Серафим Саровский» (М., 1913).

[5] Ю.Л. Оболенская должна была забрать у Цетлиных акварели Волошина, переданные им в Москву с Р.С. Тумаркиным. См. п. 286.

[6] Осенью 1917 г. Цетлины и Р.С. Тумаркин решили приобрести землю в Коктебеле для постройки. См. п. 286, 299, 318.

[7] Об этом см. примеч. 4 к п. 293.

[8] 13 ноября 1917 г. в Бахчисарае в Ханском дворце состоялся Первый Курултай крымско-татарского народа, 1 декабря 1917 г. официально создана Крымская Республика, 5 декабря 1917 г. – в Симферополе объявлен состав крымско-татарского национального правительства.

323. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

22 ноября 1917 г. Коктебель

22 ноября 1917 г. Коктебель.

Дорогая Марья Самойловна, только что получил телеграмму с вопросом о Коктебеле (она отправлена была 15-го),[1] потому отвечаю срочной, которая поехала в город сегодня. Удобства Коктебеля в том, что пока здесь тихо и аграрных ужасов не предвидится. Для жизни здесь на зиму – сурово и много неудобств. У нас в доме, к сожалению, все зимние помещения заполнены и переполнены с осени, а большинство комнат для зимы необитаемо. Поэтому я в телеграмме советую переговорить сейчас же с Алексеем Петровичем

Новицким – библиотекарем Школы Живописи и Ваяния (он живет в здании же школы на Мясницкой).[2] Его дача в Коктебеле приспособлена для зимы и могла бы подойти Вам. В ней пять комнат. Это, конечно, минимум, но другого в Коктебеле не найдешь для зимы. Кстати, он очень милый человек и сможет рассказать тебе про здешние условия жизни. Не знаю, приемлемы ли они будут для тебя. Главное – не знаю, лучше ли они московских. Здесь есть мука, но хлеб надо печь дома или привозить из города. Карточки только на сахар, но дают только ¾ ф. Керосин этой зимой можно доставать (прошлой не было). Дрова дороги, но есть. Каменный уголь, может будет, т<ак> к<ак> собираются переводить гл<авные> угольн<ые> склады из Бердянска в Феодосию, как в незамерзающий порт. Но зима обещает быть теплой: мы еще до сих пор не топили. Трудно с молоком, но я думаю, что если дать хорошую цену – болгары будут давать (теперь цена 60 к. бут<ылка>). Мясо здесь редко, овощи надо делать запасы. Вообще, как мне ни хотелось бы видеть тебя в Коктебеле, должен предупредить, что здесь условия жизни зимой очень суровы, и я не вижу, как ты справишься. Другое дело, когда у тебя будет соб<ственный> дом... Во всяком случае, надо вести с собою прислугу и кухарку. Зимой изводят здесь свирепые северные ветра (те, от которых защищен твой будущий участок). Но в антрактах бывает прекрасная и теплая погода. Но ни советовать, ни не советовать не могу, т<ак> к<ак> совсем не знаю, до какой степени плохо сейчас в Москве и в других местах. Это письмо передаст тебе Марина Ивановна Эфрон (Марина Цветаева – поэтесса).[3] Она тоже тебе расскажет про условия коктебельской жизни, т<ак> к<ак> сейчас едет в Москву за детьми: перевозить их в Коктебель.

Совсем нет здесь чаю, и если есть возможность достать через тебя, пришли нам, пожалуйста, с нею.

Я на этой неделе отправил 2 письма: тебе и Мише,[4] где, главным образом, писал о земле и торопил с ответом, т<ак> к<ак> Юнге[5] меня спрашивает, покупаете ли Вы участок или нет, т<ак> к<ак> на него много охотников, и надо заключить

купчую до начала Учред<ительного> Собр<ания>,[6] которое может приостановить все сделки, а Миша еще до сих пор не прислал ни задатка, ни доверенности на заключение купчей.

Я не знаю, дошли ли мои письма, и потому еще раз повторяю все нужное.

Доверенность на имя жены инженера-механика Ольги Андреевны Юнге с правом передоверия.

Деньги в Феодосийский городской Общественный Банк на текущий счет Управления имениями Ф. и А. Юнге.

Размер участка с прирезкой три десятины без малого и общая цена его 21 427 р. Пожалуйста, пусть Миша ответит сейчас же независимо от Вашего приезда в Коктебель, т<ак> к<ак> я все время в очень неловком положении относительно Юнге и прошу его не распоряжаться еще участком.

Посылаю тебе новые стихи, написанные это время.[7]

До скорого свидания? Обнимаю Мишу.

[1] Телеграмма, о которой идет речь, не обнаружена. 21 ноября 1917 г. М.С. Цетлина писала Волошину: «Миша послал тебе телеграмму с запросом о том, можно ли устроиться в Коктебеле, но это было послано на всякий случай. Никаких реальных планов отъезда из Москвы у нас нет, и я почти уверена, что мы никуда не поедем. Я надеюсь, что ты приедешь к нам, и очень жду тебя» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 54 об.).

[2] Речь идет о Московском училище живописи, ваяния и зодчества, располагавшемся на Мясницкой улице, в бывшем доме И.И. Юшкова.

[3] М.И. Цветаева (по мужу Эфрон) выехала из Коктебеля в Москву 25 ноября 1917 г.

[4] См. п. 318, 322.

[5] Ф.Э. Юнге.

[6] См. примеч. 4 к п. 293.

[7] Возможно, Цетлиной были высланы стихотворения «Святая Русь» (19 ноября 1917 г.) и «Март» (окончательное заглавие «Москва») (20 ноября 1917 г.). См.: Т. 1 наст. изд. С. 254, 257.

324. А.М. ПЕТРОВОЙ

26 ноября 1917 г. Коктебель[1]

Дорогая Александра Михайловна,

посылаю Вам еще одно стихотворение — «Мир».[2] Другие Вам, верно, передала уже Ольга Артуровна?[3] Не буду писать о том, что чувствую и думаю. В стихах — все.

Дома с мамой огненно и тяжко. Взрывы на каждом шагу. Особенно теперь — я не могу не писать, а когда пишу, сам становлюсь раздражителен...

Она раздумала ехать куда бы то ни было. Ваше письмо к ней[4] я читал ей вслух — она выслушала и не сказала ничего.

Стихи ей нравятся, но на меня она кричит с презрением и говорит, что поэзия развращает поэтов, которые о себе Бог знает что думают.

Вообще мне кажется, что я никогда не видал ее такой раздраженной. Нас теперь кормят Кедровы[5] — плохо (для мамы), но хозяйство отошло, поэтому она и остается. Присутствие Ефронов[6] и Рагозинского все же ставит между нами людей, и это дает возможность урывками работать.

МАХ.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни-2. С. 34.

[2] Толчком к созданию стихотворения «Мир» (авторский вариант заглавия — «Брестский мир») (Т. 1 наст. изд. С. 259), написанного 23 ноября 1917 г., послужили переговоры о сепаратном мире с Германией, начатые советским правительством 20 ноября 1917 г. в Брест-Литовске.

[3] О.А. Рогозинская. С ней могли быть посланы стихотворения «Святая Русь» и «Март» («Москва»). См. примеч. 8 к п. 323. Откликаясь на новые стихотворения Волошина, А.М. Петрова писала 6 декабря 1917 г.: «В полном восторге я от Ваших стихотворений, впрочем, как и все, кому читала. Совершенно новый голос у Вас. Много о них же хочу писать <...> “Мир” будто другой поэт писал. Он вразрез с позицией в “Св<ятой > Руси”. Оно прекрасно, но — прощаю Вам, как гнев. Все их хочется на площадях читать. В “Святой Руси” две предпоследние строфы слабы: из них не вытекает логически последняя, разработайте. Об эти строфы все как-то спотыкаются, обидно,

но по духу – животворящая вещь. Нельзя так оставить, даже давняя форма не подкупает. Очень прошу – пересмотрите! Вероятно, и Вас укачал ритм, и Вы не заметили, что не исчерпали в них необходимой предпосылки. Прощаете, что лезу со своими замечаниями? Но дело в том, что это не только Ваша, но и моя (?!) вещь, – мы страшно совпали в настроениях. <...> Из наших поэтов провидцев, Вы, кажется, первый зашевелились в этом смысле. Подай Бог! *Священный ритм спасет наш народ*» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954). В этом же письме Петрова указывала на круг лиц, заинтересовавшихся стихотворениями Волошина: «Адел<аиде> Каз<имировне>, Жуковскому (были 2 дня у меня) <...>. Послала <...> Костеньке с Финой. Жду Поликсену Серг<еевну>; “Миром” она потрясена; переписала тоже, другие еще <...> Лидия Петр<овна> тоже возьмет для Цераских. Эти стихи крайне нужны всем. Исполать Вам». Упомянуты А.К. Герцык, Д.Е. Жуковский, К.Ф. и Ж.Г. Богаевские, П.С. Соловьева, Л.П. Цераская.

[4] Речь идет о письме Петровой к Е.О. Кириенко-Волошиной, в котором она приглашала ее провести зиму в Феодосии (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 13).

[5] См. примеч. 5 к п. 317.

[6] М.И. Цветаева и С.Я. Эфрон. См. примеч. 2 к п. 320.

325. Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ

27 ноября 1917 г. Коктебель

27 ноября 1917. Коктебель.

Дорогая Юлия Леонидовна,

посылаю Вам ряд новых стихотворений, написанных за последнее время под впечатлением всего происходящего. Только «Март» был написан еще в Москве и лишь закончен теперь.[1] Хотя Ваш ответ на мое письмо[2] и не мог бы еще прийти, но жду его с нетерпением: так теперь беспокойно обо всех живущих вдали.

Едва ли мой приезд в Москву состоится: от Цетлиных получил телеграмму с вопросом, возможно ли приехать им с семьей зимовать в К<октебе>ль? Я думаю, что это будет им очень неудобно, тем более, что у нас в доме все зимние помещения заняты. Но значит в Москве так плохо, что они бегут...

Как Вы живете? Как Конст<анти>н Вас<ильеви>ч справляется?[3] А по газетам вижу, что открываются выставки... «Бубновый Валет»... Будет ли «Мир Искусства», а ваша?[4]

Мама очень раздражительна и плохо настроена, в полном отчаянии от меня, и эти внутренние кризисы так длительны и напряженны, что часто покрывают собою ужас внешних событий и не дают на них сосредоточиться, ни уйти в свою работу.

У нас гостит Володя[5] и работает над домом, который будет строить в Коктебеле. (Дом инженеру Фонякову — вот тому самому, у которого, как я писал, для Феод<ора> Кон<стантиновича> можно купить участок[6]). Володя получил отпуск на два месяца в Екатеринославе и по теперешним обстоятельствам едва ли уже туда вернется. Ему предстоит, кажется, большая работа в Коктебеле, т<ак> к<ак> все фоняковские сопокупщики тоже собираются поручать Володе свои постройки... если только постройки вообще будут... Вероятнее всего, что анархисты, которые к новому году свергнут слишком буржуазных большевиков, проведут последовательно программу голого человека на голой земле.[7]

Правда, у нас пока все эти смелые социальные опыты еще ничем не отражаются, но, конечно, очередь дойдет и до нас. Судя по «Русскому Слову», у нас теперь самостоятельное ханство и даже хан выбран, но мы еще ничего не знаем об этом.[8]

Видаете ли Вы Маргариту Васильевну?[9] Прочтите ей мои стихи. Я ей не посылаю, потому что она всегда недовольна ими и спрашивает: зачем ты это пишешь? Вообще покажите их всем друзьям, кого увидите.

До свиданья. Целую Кон<стантина> Вас<ильевича>.

Привет Екат<ерине> Иван<овне> и Ф<еодору> К<онстантиновичу>.[10]

MAX.

[1] Судя по ответному письму Оболенской, Волошин отправил ей, помимо стихотворения «Москва (Март 1917 г.)» («В Москве на Красной площади...», 20 ноября 1917), стихотворения «Взятие Тюильри (10 августа 1792 г.)» («Париж в огне. Король низложен с

трона...», первоначальное заглавие – «Бонапарт», 21 ноября 1917), «Святая Русь» («Суздаль да Москва не для тебя ли...», 19 ноября 1917), «Мир» («С Россией кончено... На последях...», 23 ноября 1917). См.: Т. 1 наст. изд. С. 247, 254, 257–259. 6 декабря 1917 г. Оболенская писала Волошину: «...о стихах, они великолепны. Я совсем не узнала бы Вас – Вы знаете? Только Бонапарт чрезвычайно Ваш. Прекрасна особенно вторая половина его по сжатости и ударности. В "Россиях" необычная для Вас ширина (Ваши стихи ведь изысканно тесные) – напр<имер> – "Не тебе ли на речных истоках плотник царь построил дом широко". Еще лучше "Март". Совсем новые слова опять появились у Вас и ритмы неожиданные и хорошо, что именно для России. Только у Блока я так слышу музыку страны <...>. А Конст<антину> В<асильевичу> <Кандаурову. – *Ред.*> стихи не понравились, огорчился, расстроился. Говорит, что "безнадежно". Я совсем забыла, что можно воспринять непосредственно и так сильно. Чуть не плачет, – и еще говорит – не нравится!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 901, л. 29–30 об.).

[2] Имеется в виду п. 321.

[3] Оболенская сообщила о К.В. Кандаурове в цитированном выше письме: «Он вообще – молодцом. Не знаю, из жалости ли ко мне от догадки, что крушение его работы меня зачеркнет. Или лавина живописи, прямо обрушившаяся в нем, так нечеловечески сильна – только вижу его всегда радостным и ровным и веселым. <...> Он выставил сейчас три этюда в Салоне, в газетах хвалили».

[4] Оболенская отвечала в том же письме: «Мир Иск<усства> предполагается на Рождестве. Валетызакрылись. <...> А для выставки ничего у меня нет – работа идет нынче вяло, сил не хватает – желанье есть». Выставка картин художников общества «Бубновый валет» демонстрировалась в Москве в Салоне К.И. Михайловой с 21 ноября по 3 декабря 1917 г., «Мир Искусства» – в Художественном салоне (Большая Дмитровка, д. 11) (см. примеч. 5 к п. 289).

[5] В.А. Рогозинский.

[6] См. п. 315, п. 321, примеч. 13.

[7] Обыгрываются слова главного героя драмы «Савва (Ignis sanat)» (1906) Л.Н. Андреева (действие 1-е): «Нужно, чтобы теперешний человек голый остался, на голой земле. Тогда он устроит новую жизнь» (*Андреев Леонид*. Собр. соч.: В 6 т. М.: Худож. литература, 1990. Т. 2. С. 385).

[8] Волошин имеет в виду следующие информационные сообщения:

«*Севастополь,* 9, XI. В Бахчисарае по случаю перехода ханского дворца в распоряжение татар состоялось национальное торжество.

На организованном митинге выступил представитель центральной украинской рады и, между прочим, от имени Украины приветствовал татар, заявив, что, по признанию киевского съезда народностей, *отныне татары — законные хозяева Крымского полуострова.*

Одесса, 9, XI. Сейчас штабом получено сообщение, что съезд татар в Бахчисарае объявил торжественно автономное ханство в Крыму» (Русское Слово. 1917. № 248. 12 нояб. С. 4).

[9] М.В. Сабашникова.

[10] Е.И. Оболенская и Ф.К. Радецкий.

326. Е.П. ОРЛОВОЙ

27 ноября 1917 г. Коктебель

27 ноября 1917. Коктебель.

Дорогая Екатерина Павловна,

между вашим последним письмом и моим ответом[1] прошел государственный переворот и один месяц времени.

Что с Вами? Живы ли Вы? Посылаю Вам несколько новых моих стихотворений.[2] Когда Вы их прочтете, то передайте их поэту Илье Григорьевичу Эренбургу, который живет в том же доме, что и Вы, кв. 87.[3] Но если там его нет (это кв<артира> его родителей), то спросите его адрес и пошлите ему стихи, а адрес сообщите мне, а лучше сами сходите к нему, если он не на другом конце города, и передайте ему их лично и познакомьтесь с ним. Он об Вас слыхал от меня уже. Вам его будет ценно узнать.

В тех стихах, что Вы мне посылали,[4] есть хорошие строки, отдельные ритмические переходы, но они потоплены массой слов не плохих, а никаких. Вам надо учиться выбрасывать из стихов все лишнее и сжимать, сжимать до последней краткости. Ваши стихи — это только черновики. Надо приучаться критически их обрабатывать и переплавлять. Избегать красивого и лощеного, а искать верного и четкого, говорить только необходимое. Работайте над переводами французов — это лучше всего формирует стих. Сознание своего бессилия — это хороший признак, — это

признак таланта (бездарность самоуверенна). Творчество – это всегда прохождение верблюда сквозь игольное ушко. Но когда наступает это творческое отчаяние от сознания невозможности пройти сквозь игольное ушко, надо стараться не предаваться отчаянию, а переводить это чувство посредством молитвы в волю, в новое напряжение. Помните, что не Вы говорите, а говорится через Вас, и надо быть совершенным, верно настроенным инструментом. Тот, кто будет играть на нем – Вы же сами, то Ваше Я, которое Вы не сознаете, к пониманию которого можете приблизиться, когда освободитесь от самое себя, то есть от своей душевной индивидуальности, и овладеете духовной.

В Коктебеле снег, метель, буря. Человеческий мир спокоен. Кажется, выбирают Крымского Хана.[5]

[1] См. п. 301.

[2] Судя по ответному письму, Волошин выслал Орловой машинописные копии тех же стихотворений, что и Ю.Л. Оболенской. См. примеч. 1 к п. 325. В ответном письме Орловой от 15 декабря 1917 г. впечатления от стихов сочетаются с переживаниями, вызванными большевистским переворотом в Москве:

«Ваше стихотворение "Мир" как раз то самое, что думает и чувствует теперь каждый мыслящий русский человек, и я удивляюсь, как Вы, живя вдали от всего, так верно схватили настроение. Впрочем, может быть, потому Вы и пишете обо всем этом, что знаете это только из газет. Если бы Вы увидели сами всю эту гадость, эту прогнившую серую массу "толстокожих товарищей", которым нет оправдания в их преступлении перед родиной, – Вы постарались бы, верно, закрыть глаза, чтобы не думать ни о чем, не видеть этого разрушения всего святого, этого втаптывания в грязь всех светлых надежд. – "Святая Русь" – это звучит сейчас, как ирония. Нет ее больше, нет России. Есть озлобленные изголодавшиеся люди, со страхом ожидающие всего ужасного и не видящие конца грубости и произволу, люди жалкие и потерянные, как осиротевшие дети, беспомощно цепляющиеся за каждый новый слух, за каждую возможность избавления от непосильных страданий; есть самодовольная разнузданная чернь, жадно выискивающая, нельзя ли где пограбить побольше. Но стихотворение все же мне нравится.

А вот "Март", по-моему, не отвечает действительности. Насколько я помню – настроение было радостное, возбужденное, во что-то верилось, ждали новой эры... На улицах было всеобщее лико-

вание, незнакомые люди обменивались приветствиями; помню, на Страстном бульваре студент угощал прохожих какими-то скверными конфетами, и это было так трогательно...

Совсем не то было на улицах 5-го ноября после прекращения бойни в Москве. Настроение подавленное. Люди, напуганные 7-дневным ужасом, пугливо и молча выходят из своих квартир и тоже безмолвно спешат купить газетные листки. В трамваях, в последующие дни, царит гробовое молчание, никто не обменивается мнениями по поводу происшедшего, но у всех на лицах какое-то боязливо-напряженное ожидание, словно не верится в то, что произошло, словно должно что-то случиться еще. Настроение такое, как бывает, когда схоронишь кого-нибудь дорогого и придешь с похорон в осиротевшую квартиру. Всё как будто по-прежнему, жизнь вступила в обычную колею и с внешней стороны мало изменилась, но на душе пусто: давит сознание непоправимого несчастья.

Сонет "Бонапарт" мне нравится. Я благодарю Вас за стихи» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 915).

[3] Ко времени получения письма Орлова сменила место жительства (Арбат, д. 51, кв. 105). Свой новый адрес (Зубовская пл., Большой Божениновский пер., д. 5, кв. 18) она сообщила Волошину в письме от 3 декабря 1917 г. (*Там же*).

[4] При письмах Орловой к Волошину от 1 октября и от 5 октября 1917 г. имеются тексты четырех ее стихотворений (*Там же*, л. 5, 7–8 об.).

[5] См. примеч. 8 к п. 325.

327. А.Н. ТОЛСТОМУ

27 ноября 1917 г. Коктебель

27 ноября 1917 Коктебель.

Милый Алехан,

мне хочется напомнить тебе, как ты сердился на меня, когда в марте месяце во время торжества Революции я говорил тебе, что Красная площадь мне представлялась вся залитой кровью.[1] Видишь теперь, что я был не совсем неправ. Не неправ был я и тогда, когда я бил тревогу в предчувствии теперешнего большевистского мира.[2]

Тот, кто видит слишком ясно вперед, не должен заниматься политикой: он будет только раздражать. Его дело

писать стихи.[3] Посылаю тебе несколько моих последних. Мне бы хотелось, чтобы ты, если это будет удобно, прочел их на заседании «Клуба Писателей»:[4] это было бы моим вкладом, так как я не знаю, попаду ли я в Москву. Для Пра, конечно, нечего и думать о поездке, а меня она отпускать очевидно очень не хочет, не зная, можно ли будет вернуться. Она отчасти права, так как я думаю, что у нас идет дело к войне между севером и югом.

Как ты поживаешь? Привет Нат<алье> Вас<ильевне>.[5]

MAX.

[1] Ср. впечатления Волошина от «революционной идиллии» 12 марта 1917 г., отраженные в статье «На весах поэзии» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 424–426).

[2] 8 ноября 1917 г. была опубликована нота Совета Народных Комиссаров послам стран Антанты с предложением о заключении перемирия с Германией и ее союзниками, 20 ноября были начаты переговоры в Бресте между Советской Россией и центральными державами.

[3] Вероятно, Волошин выслал Толстому ту же подборку своих стихотворений, что и Ю.Л. Оболенской и Е.П. Орловой (см. примеч. 1 к п. 325, примеч. 2 к п. 326).

[4] Клуб московских писателей — писательское объединение, возникшее в Москве весной 1917 г. Собрания проходили сначала в частных квартирах членов (в том числе у А.Р. Крандиевской и А.Н. Толстого), затем в комнате правления Московского Художественного театра. См.: <*Шруба Манфред*>. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 72.

[5] Н.В. Крандиевская.

328. И.Г. ЭРЕНБУРГУ

27 ноября 1917 г. Коктебель

27 ноября. Коктебель.

Дорогой Илья Григорьевич,

Я, конечно, так и знал, что твой въезд в одну из столиц без очередного припадка сумасшествия не обойдется

и потому, прочитав через неделю о московских делах, не удивился нисколько.[1] Твое присутствие невидимо сказалось. К новому году будет, конечно, захват власти красногвардейцами и анархистами, так ты, пожалуйста, уж не уезжай ни в какой большой центр.

Да, мы в аду – ты прав. С тою лишь разницей, что в настоящем – церковном аду гораздо больше порядка, логики и системы. Наш страшнее.

В Коктебеле пока тихо, но уж в Симферополе выбирают Хана,[3] собираются присоединяться к Турции... так что я, может быть, скорее тебя окажусь за границей...

Похоже на то, что пред этим еще будет война между севером и югом.

Я написал за это время несколько стихотворений, которые тебе посылаю.[4] Мне кажется, что некоторые тебе должны понравиться, хотя в такое время, когда подобает только каяться и молиться, писанье стихов не больше, чем дурная привычка. Я это сознавал, пишучи их.

Мне хочется знать подробнее о тебе.[5] Нашел ли ты какую-нибудь работу? Видал ли кого из моих друзей, с которыми должен был познакомиться?

Т<ак> к<ак> теперь никаких земских и городских союзов, очевидно, не будет, то я и не писал о тебе ни Жуковскому, ни Глотову.[6] Но если все же тебе нужно это, то напиши мне. Был ли ты у Оболенской? У Гольдовских?

Мама о тебе вспоминает с нежностью и восторгом и тебя все мне в пример ставит. Но хотя я ее и привожу в отчаянье, я думаю, что все же она не обрадовалась бы, имея сыном тебя. Обнимаю тебя.

МАХ.

[1] В недатированном письме к Волошину (видимо, середина ноября 1917 г.) Эренбург сообщал о своем приезде из Крыма в Москву в конце октября: «В вечер, когда я приехал, шел уже бой. <...> Самое ужасное началось после их победы. Безысходно как-то. Москва покалеченная, замученная, пустая. Больш<евики> неистовствуют. Я усиленно помышляю о загранице, как только будет

возможность, уеду. Делаю это, чтобы спасти для себя Россию, возможность внутреннюю в ней жить» (*Эренбург Илья*. Дай оглянуться... Письма 1908–1930. М., 2004. С. 88).

[2] Отклик на сценку, обрисованную Эренбургом в том же письме: «Вчера стоял в хвосте, выборы в Учр<едительное> собр<ание>. Рядом агитировали: “Кто против жидов за № 5 (больш<евики>)?”, “Кто за мировую революцию за № 5?”. Проехал патриарх, кропил св<ятой> водой. Все сняли шапки. Навстречу ему шла рота солдат и орали “Интернационал”. Где это? Или действительно в аду?» (*Там же*).

[3] См. примеч. 8 к п. 325.

[4] Вероятно, это та же подборка, которую Волошин отправил Ю.Л. Оболенской (см. примеч. 1 к п. 325) и другим своим корреспондентам (см. п. 326, 327). Краткая их оценка – в ответном письме Эренбурга от 13 декабря 1917 г.: «Твое стих<отворение> “Мир” меня сильно обозлило, приемлемей других – о Руси» (*Эренбург Илья*. Дай оглянуться... С. 89).

[5] 13 декабря 1917 г. Эренбург писал Волошину: «...не отвечаю – очень тошно от всего. С горя хожу в литературные общества, салоны, клубы и пр. <...> Пока ничего не делаю, живу как птичка Божия» (*Там же*).

[6] Подразумевается возможная служебная должность для Эренбурга, о которой Волошин готов был хлопотать до Октябрьского переворота.

329. Ю.Ф. ЛЬВОВОЙ

28 ноября 1917 г. Коктебель

28 ноября 1917. Коктебель.

Дорогая Юлия Феодоровна,

Я так давно не имел от Вас никаких вестей – с тех пор, как Н.Н. Кедров передал от Вас устные поручения.[1] Как пережили Вы это время? Как Ваши личные и материальные дела? Как чувствует себя Георгий Владимирович? Лютик? Варвара Матвеевна?[2] Видали ли Вы это время Лилю?[3] Я не вижу сейчас петербургской и душевной атмосферы, так он отошел куда-то вдаль.

Посылаю Вам ряд новых моих стихотворений: они скажут лучше, чем письмо, про внутреннее состояние духа.[4] В Коктебеле тихо – никакие волны анархии еще пока не заплеснули сюда.

Но это, конечно, только пока: в Симферополе выбирают Хана,[5] татары хотят присоединяться к Турции. Во флоте идет Великорусское самоопределение и Украинизация. Пожалуй, татарский план самый благоразумный и безопасный... Я думаю, что неизбежна война между севером и югом, и что мы скоро будем совершенно отрезаны от Москвы и Петербурга. Мы повторяем якобинский захват и идем к «2-му июня», то есть к изъятию вооруженной силой «Жирондистов» из Учредительного Собрания,[6] а затем к свержению большевиков более левой партией, то есть анархистами (красногвардейцами, матросами, уголовными).

Коктебель заметен снегом и забыт людьми. Но в доме нет тишины. Пра все время нервна и крайне раздражена, на меня, конечно, главным образом. Это очень, очень тяжело: не дает возможности сосредоточиться в себе, что так нужно теперь, и не дает возможности работать систематически: каждый день творческое напряжение срывается новым взрывом негодования на меня. Иногда это кажется совершенно безвыходным и безнадежным.

У нас живут кедровские дети, вместе с семьей брата Н.Н. и женой брата С.Н.[7] Но в этом мало радости, т<ак> к<ак> Ник<олай> Н<иколаевич> живет в Феодосии у Ал<ександра> Ал<ександровича>,[8] а Соф<ья> Ник<олаевна>[9] в Ростове-на-Дону.

До свиданья. Привет всем. Напишите хоть несколько строчек. Еще раз большое спасибо за переданное с Ник<олаем> Ник<олаевичем>.[10]

Максимилиан Волошин.

[1] Н.Н. Кедров приехал из Петрограда в Крым в октябре 1917 г.

[2] Г.В. Кусов, О.А. Ваксель, В.М. Баруздина.

[3] Е.И. Васильева.

[4] Волошин выслал Львовой ту же подборку стихотворений, что и Ю.Л. Оболенской (см. примеч. 1 к п. 325) и другим своим корреспондентам (см. п. 326–328). Перечисляя в письме к Волошину от 12 декабря 1917 г. полученные стихотворения («Св. Русь, Наполеон, Март, Мир»), Львова добавляла: «Да, все так. Вы сказали формулу этих 10 месяцев. Формулу периода унаваживания почвы для новых всходов, для нового виноградника» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 799).

[5] См. примеч. 8 к п. 325.

[6] 2 июня 1793 г. во Франции в результате вооруженного восстания была установлена якобинская диктатура; партия жирондистов, противостоявшая якобинцам, была изгнана из Конвента (высший законодательный и исполнительный орган революционной Франции), депутаты-жирондисты арестованы, впоследствии, 9 брюмера (29 октября) 1793 г., 22 из них были приговорены к смерти. Французскому Конвенту Волошин уподобляет здесь российское Учредительное собрание, создававшееся на основе всеобщего избирательного права для установления формы правления и выработки конституции; выборы делегатов проходили с 12 ноября 1917 г. до начала 1918 г.

[7] Дети Н.Н. Кедрова – Ирина Николаевна Кедрова (1903–1989), впоследствии танцовщица, Колюн (Николай Николаевич младший) Кедров (1906–1981), впоследствии певец и композитор, и Лиля (Елизавета Николаевна) Кедрова (ок. 1910 – ок. 1990). Семья брата Н.Н. Кедрова – Константин Николаевич Кедров (1876–1932), певец и декламатор, его жена Евгения Дмитриевна Кедрова (урожд. Успенская; 1886–1967) и их дочери Наталья Константиновна Кедрова (в замужестве Малинина; 1907–1987), впоследствии певица, и Ляля (Ольга Константиновна) Кедрова (в замужестве Леруа; 1912–1978), впоследствии танцовщица. «Жена брата С.Н.» – певица Валентина Андреевна Гладкая (сценич. псевдоним – Павловская), жена Сергея Николаевича Гладкого (1873–1927), полковника Павловского полка и брата Софьи Николаевны Гладкой (в замужестве Кедровой) – жены Н.Н. Кедрова.

[8] А.А. Новинский.

[9] С.Н. Кедрова.

[10] Подразумевается вырученная от продажи акварелей Волошина в Петрограде денежная сумма.

330. Р.М. ГОЛЬДОВСКОЙ

28 ноября 1917 г. Коктебель

28 ноября 1917. Коктебель.

Дорогая Рашель Мироновна,

я так давно не имел от Вас вестей. Знаю только от Сережи Э<фрона>, что вы живы и благополучно пережили страшные дни.[1] Но как пережили, что у Вас делается, не знаю. У нас пока все тихо в Коктебеле, но что будет — кто может сказать? На севере у вас ясно, что дело идет к 2 июня, то есть к изъятию вооруженной силой из Учредительного Собрания «Жирондистов»,[2] а затем к новому году свержению большевиков и захвату власти анархистами (т.е. красногвардейцами, матросами и солдатчиной). А затем к гражданской войне между Югом и Севером... Это классически простой путь.

А у нас татары выбирают (и верно уже выбрали) Хана[3] и собираются присоединять Крым к Турции, Рада[4] украинизирует Черноморский флот, идет в войсках великорусское самоопределение... Из этих зол, пожалуй, самое страшное последнее, и самое безобидное — первое: Турция, к счастью, некультурная и не социалистическая страна. Но как все это отразится на Крыме...

Единственное, что есть утешительного в настоящее время, это то, что все равно спастись некуда: везде одинаково на всем земном шаре, и если у нас пока хуже всего, то за то, что будет завтра там, где пока тихо, поручиться нельзя.

Я позволил себе направить к Вам моего друга Поэта — Эренбурга. Он очень интересный и талантливый человек (хотя исступленный и нетерпимый). Он Вам многое может рассказать о русских солдатах во Франции и об английском фронте, как очевидец.[5] Впрочем, он верно уже был у Вас.

Посылаю Вам несколько новых моих стихотворений, касающихся текущего. Мне очень интересно, как Вы отнесетесь к ним.[6]

О моих планах — ничего не знаю: очень хочется приехать, хотя бы ненадолго, в Москву (Цетлины меня зовут

остановиться у них), но сейчас выехать-то выедешь, а сможешь ли вернуться — это неизвестно. Это очень беспокоит маму, и ей весьма не хочется отпускать меня, что я вполне понимаю и предвижу возможность полного прекращения сообщений между Крымом и Москвой ввиду борьбы Севера с Югом, которая мне кажется сейчас исторически неизбежной, особенно на почве аграрной реформы.

Привет Еве, Мише, Надежде Ивановне (как ее здоровье) и Онисиму Борисовичу.[7]

Максимилиан Волошин.

[1] Подразумеваются события, вызванные захватом власти в Москве большевиками в конце октября — начале ноября 1917 г.

[2] См. примеч. 6 к п. 329.

[3] См. примеч. 8 к п. 325.

[4] Центральная Рада, орган государственной власти на Украине, была образована в Киеве 4 марта 1917 г. (председатель — М.С. Грушевский), после Октябрьского переворота провозгласила Украинскую народную республику.

[5] В мае 1917 г. И.Г. Эренбург по приглашению английского командования ездил в расположение частей из Австралии и Новой Зеландии. См.: *Эренбург Илья*. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: В 3 т. М.: Сов. писатель, 1990. Т. 1. С. 219–220.

[6] Вероятно, Волошин выслал Гольдовской ту же подборку стихотворений, что и Ю.Л. Оболенской (см. примеч. 1 к п. 325) и другим своим корреспондентам (см. п. 326–329).

[7] Е.А. Фельдштейн, М.С. Фельдштейн, Н.И. Ивановская, О.Б. Гольдовский.

331. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

28 ноября 1917 г. Коктебель

28 ноября 1917. Коктебель.

Дорогая Марья Самойловна, очень обрадовался получить от тебя письмо[1] — это ведь первое за последние три месяца. Я тебе и Мише это время писал много раз и не знаю, получали ли Вы мои письма. Последнее[2] я послал тебе

с Мариной Цветаевой,[3] которую обязал передать лично, надеюсь, что она уже передала его и была у тебя. Там были вложены новые стихи.[4] Посылаю тебе еще одно, написанное после. На телеграмму Миши, возможно ли приехать с семьей в Коктебель, я ответил срочной телеграммой и кроме того, просил Марину, рассказать обо всех неудобствах жизни коктебельской: она в таком же положении, как ты — у нее недавно родилась дочь. Но раз вы думаете оставаться в Москве, то это все уже не важно. Я бы не советовал ехать вам на зиму в Коктебель: очень сурово. Здесь можно хорошо зимовать, только имея свой дом и лошадей (или автомобиль).

И еще раз повторяю просьбу, которую писал <в> каждом письме и тебе, и Мише, и Ром<ану> Сам<ойловичу>: скорее телеграфировать Юнге о земле, выслать доверенность на заключение купчей и т.д. Я об этом так надоедаю потому, что, с одной стороны, являюсь ответственным перед Юнге, т<ак> к<ак> он задерживает этот участок без задатка только, как для моих знакомых, а с другой стороны, боюсь, что Вы, в конце концов упустите его, что будет очень и очень жаль.

Очень благодарю тебя за предложение денег:[5] спасибо, мне теперь не надо — я ведь продавал картинки — и у меня сейчас скоплено целых 2000, чего никогда в жизни у меня не бывало. Но если бы ты могла прислать нам чаю фунта 3—4, то мы были бы очень благодарны, т<ак> к<ак> здесь чаю нет совсем. Ром<ан> Сам<ойлович>, уезжая, обещал в Москве достать и чая, и сахара, и кофе, но не исполнил, т<ак> к<ак>, вероятно, это невозможно.[6] Но если бы можно было бы прислать хотя бы чаю — это было бы очень хорошо.

Относительно моего приезда в Москву я, к сожалению, до сих пор ничего не знаю: все это зависит от обстоятельств: можно ли оставить безопасно маму и, раз уехавши, возможно ли будет вернуться обратно, так как явно, что мы накануне военных действий между югом и севером России, и ближайший месяц, я думаю, выяснит — будет ли прервано сообщение между Москвой и Крымом. Мне очень интересно, какое впечатление произвела на тебя и на Мишу Маргарита?[7]

Жду от тебя подробного письма.

[1] Речь идет о письме М.С. Цетлиной из Москвы от 21 ноября 1917 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262).

[2] См. п. 323.

[3] См. примеч. 2 к п. 320.

[4] См. примеч. 7 к п. 323.

[5] Отклик на предложение Цетлиной в письме от 21 ноября 1917 г.: «Как твои материальные дела? Нужно ли тебе чего-нибудь, не хочешь ли ты, чтобы я тебе что-нибудь послала? Сделаю это с радостью. Если тебе нужны деньги, *пожалуйста, напиши,* ведь теперь все очень дорого и так трудно всем» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 55–55 об.).

[6] Р.С. Тумаркин. Об этой просьбе идет речь в письмах Тумаркина из Москвы от 26 сентября 1917 г.: «Чай, кофе и пр. вышлю на этих днях»; от 19 января 1918 г.: «Я послал Вам <...> 3 ф. чая и 2 ф. кофе и <...> ни звука!» ((ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед, хр. 1199, л. 2 об., 3).

[7] См. п. 322, примеч. 1, 4.

332. Е.И. ВАСИЛЬЕВОЙ

29 ноября 1917 г. Коктебель

29 ноября 1917. Коктебель.

Милая Лиля,

откликнись. Хочется знать, как ты живешь и как переживаешь все происходящее.

Посылаю тебе всё, что написал за этот год.

Стихи тебе скажут о моей внутренней жизни.

Из Москвы я вернулся в Коктебель и безвыходно здесь.[1] Внешней жизни у меня мало.

Живу с мамой. Она стареет, болеет, раздражается на меня.

Едва ли удастся выехать из Коктебеля в этом году. Здесь пока политически тихо. Но я внутренне готов ко всему. Еще в марте я знал, что будет террор, теперь знаю, что будет еще гораздо хуже, и в глубине тихая радость о неизбежном.

Где Всеволод Николаевич? Борис Алекс<еевич>?[2]

Не удивляйся, что пишу на машине: теперь всегда так пишу — сломанная рука болит.

[1] Волошин жил в Коктебеле с 17 апреля 1917 г., совершая лишь непродолжительные поездки в Феодосию.

[2] В.Н. Васильев, Б.А. Леман.

333. В.О. КАН

29 ноября 1917 г. Коктебель

29 ноября 1917. Коктебель.

Вера Осиповна, получил Ваше письмо от 19-го.[1] Да, у меня есть новые стихи, посылаю их Вам.[2] Коктебель занесен снегом. Но все же не достаточно одиночества. Теперь надо быть или в самой кипени событий, или в пустыне, чтобы или жить ими, или чувствовать их во всем объеме. К сожалению, не совсем один во всем доме. Хотя в выпавшем снеге достаточно бесприютности, и она дала возможность написать те стихи о современности, что я Вам посылаю.

Из тех книг, что Вы читаете, конечно, важнее всего Апокалипсис[3] — он самая современная из всех возможных книг, и от современных событий многие образы его выявляются. С самого начала войны я его читаю каждый день. Его и пророков. Наверно, Вы плохо знаете пророков. Прочтите Исайю, начиная с 40 главы, особенно 42-ую. С этими обетованьями можно не страшась пройти все ужасы современности... Достоевский тоже во многом русский Апокалипсис. Перечтите внимательно страницу за страницей, останавливаясь и медитируя, «Бесы».

Там уже все, что происходит теперь.

В Феодосии я совсем не бываю: преследует меня там астма. Поэтому Ал<ександра> Алекс<андровича>[4] почти не вижу. Удалось с ним повидаться только после его возвращения.

Пол<иксена> Сер<геевна>[5] вместе с Н<аталией> И<вановной> Манасеиной живет в Феодосии.

Мне было бы очень интересно узнать Вашу музыку на «Если сердце...».[6] Может, вы можете мне прислать ее? Мне кто-нибудь споет ее: у нас живут родственники Кедровых — тоже певицы.

До свиданья. Напишите, какое впечатление на вас произведут мои новые стихотворения?

[1] Письмо В.О. Кан, отправленное из Кисловодска, датировано: «Вторник 19-го» — неверно (вторник — 21 ноября 1917 г.). В нем она признавалась: «Сегодня в сумерки читала Ваши стихи, Макс Александрович, и захотелось написать Вам. <...> Читая их, я с таким счастьем перенеслась мыслью и чувствами в Коктебель» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 614).

[2] Видимо, Волошин отправил Кан ту же подборку, что и Ю.Л. Оболенской (см. примеч. 1 к п. 325) и другим своим корреспондентам (см. п. 326—330). Об этом можно судить по ответному письму Кан от 1 января 1918 г.: «Очень интересно мне было прочитать ваши стихи; из них “Бонапарт” безусловно лучше других, и мне понравился очень. “Святая Русь” тоже. Вы чувствуете, Макс<имилиан> Ал<ександрович>, что в *этих* стихотворениях Вы вложили частицу того *непосредственного* вдохновения, которое Вы всегда считали нужным обуздывать железной долгой работой. <...> Вы помните, как часто мы говорили об этом с Вами? Вы утверждали, что искусство — это труд, а я всегда говорила, что искусство — божественное начало, за которым труд не должен быть ощутимым. И несмотря на Ваше желание, чтобы было иначе, *все-таки* в Ваших стихотворениях прекрасным является всегда Ваше вдохновение, а не Ваша работа» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 614).

[3] В письме, на которое отвечает Волошин, Кан сообщала: «Читаю зараз Достоевского, Психологию Введенского и даже... Апокалипсис! Что из всего этого воздействует на меня — не знаю». (Упомянута книга А.И. Введенского «Психология без всякой метафизики» — 3-е изд.: Пг., 1917.)

[4] А.А. Новинский.

[5] П.С. Соловьева.

[6] В письме, на которое отвечает Волошин, Кан сообщала: «Положила на музыку для пения Ваше стихотворение “Если сердце горит и трепещет”». См.: Т. 1 наст. изд. С. 60.

334. С.Я. ПАРНОК

30 ноября 1917 г. Коктебель

30 ноября 1917. Коктебель.

Простите меня, Софья Яковлевна, что только теперь я отвечаю Вам и благодарю за стихи, что Вы мне прислали еще два месяца тому назад.[1] У меня бывают периоды, когда я не могу писать писем совершенно, и теперь был такой. Все Ваши стихотворения мне очень близки и милы, и я много и многим их читал. Но ближе всех «...долюби за меня, моя милая...»[2].

За это время в Коктебеле перебывали Мандельштам, Эренбург[3] и дважды приезжала из Москвы Марина и должна снова вернуться.[4]

Совершающееся в мире внешнем держит душу в непрерывном напряжении и созерцании и только последнее время начали приходить какие-то слова для приблизительного и частичного отражения переживаемого. Посылаю Вам несколько стихотворений, написанных последнее время.

Как устроилась Ваша жизнь? Как здоровье Вашей спутницы?[5] Часто ли видаете Жуковских?

Есть ли у Вас какие-нибудь планы на будущее лето? Писали ли Вы это время стихи?

Не считайте небрежностью такой поздний мой ответ и пришлите мне еще стихов, если есть.

[1] Парнок отправила Волошину «несколько стихотворений» 16 сентября 1917 г., сообщив свой адрес: «Судак, дача К. Попандопуло» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 931; см. также: *Купченко В.П.* С.Я. Парнок и М.А. Волошин. К истории взаимоотношений // Лица. Биографический альманах. Вып. 1. М.; СПб.: Феникс — Atheneum, 1992. С. 410).

[2] Строка из стихотворения «Никнет цветик на тонком стебле...», впервые опубликованного в журнале «Камена» (1919. № 2) и вошедшего в сборник Парнок «Музыка» (М.: Узел, 1926). См.: *Парнок София.* Собрание стихотворений / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. С. Поляковой. Анн Арбор: Ардис, 1979. С. 188.

[3] См. примеч. 13 к п. 303. О.Э. Мандельштам провел в Коктебеле около месяца — с конца июня до конца июля 1917 г. (Труды и дни-2. С. 22, 24).

[4] См. примеч. 2 к п. 321. 16 ноября М. Цветаева писала В.Я. Эфрон из Коктебеля: «Если есть возможность выехать из

Москвы – выезжайте с Алей, Ириной и Любой <А.С. Эфрон, И.С. Эфрон и их няня. – *Ред.*> в Коктебель. Пра предлагает Вам бесплатно комнату и стол» (*Цветаева М.*. Неизданное: Семья. История в письмах. М., 1999. С. 256). В мемуарном очерке «Живое о живом (Волошин)» она описывает:

«25 ноября 1917 года я выехала в Москву за детьми, с которыми должна была тотчас же вернуться в Коктебель, где решила – жить или умереть, там видно будет, но с Максом и Пра, вблизи от Сережи, который на днях должен был из Коктебеля выехать на Дон. <...>

– Марина! – Максина нога на подножке рыдвана. – Только очень торопись, помни, что теперь будет две страны: Север и Юг.

Это были его последние слова. Ни Макса, ни Пра я уже больше не видала» (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 4. С. 215).

[5] Имеется в виду близкая подруга Парнок – актриса Людмила Владимировна Эрарская (ок. 1890–1964).

335. Ю.Ф. ЛЬВОВОЙ

4 декабря 1917 г. Коктебель

4 декабря 1917. Коктебель.

Дорогая Юлия Феодоровна,

сегодня совершенно неожиданно получил Ваше письмо – то самое, которое Вы передали Никол<аю> Ник<олаевичу>: от 2-го октября.[1] Ник<олай> Ник<олаевич> положил его, конечно, в багаж, а багаж, разумеется, пришел через два месяца. А Н.Н. благоразумно умолчал, что там и письмо, порученное для немедленной передачи, обрадовал им только сегодня... А в свое время он сказал лишь, что вот Юл<ия> Фед<оровна> просила Вам передать на словах... и еще сто руб. за картины (еще раз очень, очень благодарю Вас).[2] Сегодня же я получил и письмо, и книги. Спасибо.

Я так и не вижу по Вашим письмам, получили ли Вы мое стих<отворение> «Материнство»?[3] Поэтому посылаю Вам его еще раз на всякий случай, а дней пять назад я послал Вам письмо с рядом новых стихов, касающихся переживаемого.[4] Мне очень интересно, как Вы примете их. Книжка моя «Иверни» перед октябрьским переворотом была совсем уже

готова к выходу, как меня извещали, но с тех пор ничего об ней не знаю.[5]

Я живу очень уединенно и молчаливо, внутри себя, не бываю даже в Феодосии. К сожалению, как внутренней работе, так и работе над стихами очень мешает раздражение Пра против меня, которое все растет и растет, и я чувствую себя перед ним совершенно беспомощным и теряюсь. То, о чем я говорю в «Материнстве», не только не расходится, но все сгущается и увеличивается, притом в те моменты, когда все внутри напряжено в одну сторону, наши отношения срываются непременно в каком-нибудь истерическом кризисе. Сейчас Пра со мной почти не разговаривает... Я знаю, что этому могла бы помочь разлука, но куда ж теперь ехать, и как ее оставить... Все это глубоко безвыходно. Почти целый месяц я старался исправить это иначе: работал по хозяйству, прибирал комнаты, готовил, бросив все остальное, но это вело только к постоянному крику на меня за то, что я делаю не то, или не так, и еще большему раздражению, потому что я был все время перед глазами и, действительно, становился самым глупым из всех кухонных мужиков. Я знаю, что таких отношений не должно быть и что *я должен* их преобразить, и я ежедневно и думаю, и молюсь об этом, и чувствую себя совершенно бессильным и потерянным. Научите меня, Юлия Феодоровна. Каким путем разрешить эту кармическую связь?[6] Как выправить этот нестерпимый вывих любви? Как прорвать эту невидимую и тончайшую плеву, разделяющую *две любви* и в то же время абсолютно непроницаемую и настолько искажающую отношения, что Пра совершенно искренно смотрит на меня как на *преступника* по отношению к ней. И требует от меня только того, чего во мне нет, и с искренним презрением отталкивает то, что есть во мне...

Я знаю, что в этой загадке самая главная моя задача, быть может... потому, что она встает предо мною с особенной неизбежностью именно в те минуты, когда вся душа напряжена в другом направлении, как теперь. И это *последнее* космическое она заслоняет собою и говорит: прежде разреши меня.

Вот я написал «Материнство», ощупью наметил какую-то очень важную разгадку, но меня это нисколько не подвинуло в разрешении своего узла...

Теперь о делах: комнаты Вам оставлены четыре нижних и домик для плавунцов. Комната, где жила Верле, уже перехвачена Кедровыми.[7] Вообще все комнаты уже заняты с осени сплошь. В нашем доме, кроме Вас, Кедровых и нас, не будет никого. Что же касается продажи комнат, то об этом надо говорить с Пра. Но думаю, что это неудобно. Это может внести слишком много осложнений не между нами, конечно, но в смысле дальнейшего распоряжения такой раздельно-нераздельной собственностью. А ведь комнаты эти уже традиционно остаются за Вами...

Очень благодарю Кусявку за револьвер:[8] я его передал Пра, которой он необходимее, чем мне. И должен сказать, что, несмотря на то, что я считаю очень разумным его иметь в такое время около, но, отдав его, я почувствовал гораздо большую безопасность и уверенность в себе.

Привет Лютику, Варв<аре>, Матв<еевне>[9] и Кусявке.

До свидания, напишите о себе.

[1] Н.Н. Кедров. Письмо Львовой: ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 799, л. 7–7 об.

[2] См. примеч. 9 к п. 329.

[3] См. примеч. 5 к п. 261.

[4] См. п. 329, примеч. 4.

[5] См. п. 247, примеч. 1, 2. 17/ 30 мая 1918 г. С.А. Абрамов сообщил Волошину, что его книга «Иверни» вышла из печати в начале года. Авторские экземпляры книги дошли до Волошина лишь в июле 1918 г. (Труды и дни-2. С. 47, 51).

[6] Карма — древнеиндийское этико-религиозное понятие, воспринятое теософией: совокупность всех добрых и дурных деяний, совершенных индивидуумом в прежних существованиях и определяющих его судьбу в последующих; «метафизически — *Закон Воздаяния* — Закон причины и следствия, или Нравственная Причинность. <...> Карма ни наказывает, ни награждает, она есть просто *Единый* Всеобщий *Закон*, безошибочно и <...> слепо направляющий все другие законы <...>» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М.: Сфера, 1994. С. 215–216). Львова на вопрос Волошина относительно «кармической связи» ответила 12 декабря 1917 г., прибегая к тому же кругу теософских терминов и представлений о внутреннем мире человека: «...не думаете ли Вы, что сейчас Вы держите обычный экзамен перед переходом центра сознания на следующий план? Я глубоко чувст-

вую, через Ваши последние творения, — эту все интенсивнее звучащую ноту — ноту, *открывающую* врата Buddhi: — плана единства. <...> Вам кажется, что карм<ическая> связь настойчиво требует, чтобы ее разрешили в первую голову. В этом кроется очень тонкий соблазн низшего разума, по той простой причине, что *разрешать*-то в конце концов ничего. Елена Петр<овна> Блав<атская> со своим образным языком называла это “иллюзорная бородавка”. <...> То, что Вам кажется *вопросом*, с которым надо покончить, *в действительности* есть высокая эмоция любви, кармически, в продолжение многих жизней, одетая в нескончаемое количество одежд всех оттенков эгоизма, как всякая любовь *для себя*. Ее теперь немедленно, *властной* рукой знающего необходимо претворить в нечто прекрасное <...> Мне было больно читать слово: вывих любви. Это не то. Это затянувшаяся, могущая в конце концов стать непростительной, — слабость, дряблость там, где нужна кроткая мощь. Прежде всего нужно помнить, что человек, создающий вокруг себя такую перманентную астральную, зыбкую атмосферу, в кот<орой> каждый пустяк вырастает до небывалых размеров — несомненно болен астрально. Следовательно, другой человек, которому столько дано знания и возможности распознавания, обязан его лечить. Но для этого доктор не должен в угоду пациенту становиться кухонным мужиком. Это только может привести к обратному результату, ибо кухонный мужик обыкновенно авторитетом не пользуется. А врачу необходим авторитет. Вы скажете: врачу, исцелися сам. — Да, все это нелегко, но как прекрасна может быть победа всего этого долгого кошмара» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 799, л. 9—10 об.).

[7] См. п. 295, примеч. 3.

[8] Г.С. Кусов. См. п. 295, примеч. 9.

[9] О.А. Ваксель, В.М. Баруздина.

336. А.М. ПЕТРОВОЙ

9 декабря 1917 г. Коктебель

Коктебель. 9 декабря 1917.

Дорогая Александра Михайловна,

спасибо за письмо и за слова о стихах.[1] Я не нахожу, чтобы между «МИРОМ» и «СВ<ЯТОЙ> РУСЬЮ»[2] было противоречие: одно обращено к душе России, к духу расы, а другое к государств<у>, к империи: одно к Руси, другое к России. Оба

стих<отворения> получают смысл поставленные рядом. У меня есть вера в Русь, но есть и отношение Европейца к Российскому государству, и от него я не хочу и не могу отказываться, как и от первого. Относительно двух предпоследних строф в «СВ<ЯТОЙ> РУСИ»: они мне необходимы и в них есть то. что именно я и хотел сказать. Правда, есть и сознательный прорыв в переходе к последней строфе, но именно для того, чтобы читатель его сам восполнил своим личным чувством: никогда не следует договаривать всего — надо оставлять место для непосредственного чувства читателя так, чтобы он сам договорил и удивился бы, что этого вовсе нет в стихотворении. Может, мне это не удалось — не знаю, т<ак> к<ак> не могу еще прочесть со стороны, но сделано это намеренно. Посылаю Вам новые стихи «ПЕТРОГРАД»[3] (именно это опозоренное имя, в отличие от Петербурга). Со всем, что вы пишете об России, я, конечно, очень согласен. Связь между Грецией и Россией в смысле Дионисического духа совершенно ясная: у них одно сердце.[4] Дионисический оргизм пришел в Грецию с севера — из южной России, из Скифии, а Скифы и Русь — одно и то же (см. Забелин, Самоквасов[5] и другие историки Московской школы). Весь Дионисизм из Славии — здесь его закваска, и Греция его приняла отсюда. В античной Греции та же невозможность создать крепкий государственный строй, т<ак> к<ак> он ежеминутно разбивается напором внутренней лавы. Чтобы дать Эллинизму государственную крепость, надобен сплав с более грубыми и косными человеческими породами. Сперва совершается этот сплав с полуславянской и варварской Македонией, и отсюда осеменение всего Азиатского мира семенами эллинизма. Македонское племя слишком быстро перегорает в этом горне, ассимилируется и теряет необходимую твердость. Только в тупом и косном Риме Греция находит для себя породу, достаточно неплавкую, чтобы создать себе государственную скорлупу. Пропорция сплава, наконец, найдена, и в то время, как западный Рим не выдерживает сирийско-иудейской лавы, Рим Восточный — Византия образует тысячелетнее царство, которое, рассыпаясь в

свою очередь, зажигает Ренессанс на западе и Московское царство на востоке. Вот схема исторического движения Дионисического огня, зажженного Грецией о Скифские костры. Дионисов факел возвращается на родину очищенный, не как факел, а как православная лампада (Православие = ПРАВО СЛАВИИ). Но у Славян та же неспособность к государственному строительству, что и у эллинов, и та же необходимость в посторонней, более устойчивой и косной человеческой природе. Этой примесью до сих пор являлась и, вероятно, будет теперь еще в большей степени Германия: в ней соединены все потребные для этого качества, и она находится к Риму западному в таком же отношении, как Россам к восточному.

Знаменательно имя «славяне». Для запада оно звучит как имя рабов (ESCLAVI).* Раб и славянин по-латыни — синонимы, и для Германии Россия — «Славянский навоз». Но внутренний смысл Славянства, то, что оно тайно несет в себе, — это Слава. Слово: Право Славии. Мне представляется вполне возможным повторение судьбы Греции и Рима, то есть полное государственное поглощение России Германией и новый государственный сплав, который даст России, славянству впоследствии пережить на тысячелетие Германию. Быть может, это и будет обетованным тысячелетним царством снятых и Христа во «славе» его.

Что касается того, отчего Россия состоит сплошь из «грешников», «блудниц» и «мытарей» и внутри, и извне, то думаю, что это естественное следствие усиленной христианской работы. Христианство по преимуществу «грехогонное» средство, и притом очень сильно действующее. А т<ак> к<ак> личная чистота и праведность только задерживают процесс общего очищения — то есть крещения огнем, то, естественно, представляют малую ценность. Таковые идут уже после тех, кто перекипел первый, как говорится в удивительном тексте Матфея, Вами приводимом.[6] Грех не есть «зло», но лишь момент органического претворения зла в

* Раб *(фр.)*.

добро. Тот же, кто имеет силы отнестись к злу как <к> добру, тот совершает то же претворение сознательно.

Грешный — это не злой, а находящийся в чистилище. Все ветхозаветные заповеди начинаются на «не» — они устраивают общежитие. Христовы — повелительны: «люби» — как запал, они зажигают фитиль взрыва, они разрушительны для общежития, наложенного извне. Для христианства всякая государственность — «царство зверя», но «кесарево кесарю». Вот еще две несовместимости, которые соединяются только порывом экстаза, т.е. Дионисовым огнем. Разделение церкви и государства — это отказ от экстаза и от преодоления, что и совершилось на Западе.

Ну вот: довольны ли Вы своим «чемоданом премудрости»?[7] Я думаю, что все эти обоснования как раз Вам подойдут. Пока до свиданья. Постараюсь приехать к 15-му,[8] а Вы мне пишите чаще и больше.

MAX.

[1] Речь идет о письме А.М. Петровой от 6 декабря 1917 г. См. также примеч. 3 к п. 324.

[2] См. примеч. 8 к п. 323.

[3] Над стихотворением «Петроград» Волошин работал 8 и 9 декабря 1917 г. См.: Т. 1 наст. изд. С. 255. Волошин отвергал переименование столицы в 1914 г. (см. п. 120, примеч. 8). В ответном письме Петрова откликалась на это стихотворение: «Стихотворение “Петроград” — дивно! Ради Бога, пишите и пишите еще <...> Так или иначе, но “Петроград” звучит всею полнотою. Брависсимо» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954, л. 33).

[4] 6 декабря 1917 г. Петрова писала Волошину: «Я ничего за Россию не боюсь. Нужно же признаться, наконец, со всеми последствиями она вся — конгломерат из евангельских символов, типов, тех, из-за пристрастия к которым Учителя так брезгливо изумлялись не только “книжники и фарисеи”, но и ближайшие — ученики. Христос, однако, ни тех, ни эту Русь не покидал и не покинет, несмотря на всю унизительность, историческую уже, ее роли среди буквально всех остальных народов. Мы, верующие русские, это знаем, знаем, что должны ждать и принимать, нести, терпеть, судьбою преобразовывая “мытаря”, “грешников”, “блудницу Магдалину”, вплоть до

приведения последнего “разбойника” к его словам на кресте перед самой его смертью, до умиротворенного, умилительного, полного успокоения у Его ног. <...> Мы (к сожалению) во всем не “нищие духом”, а слишком переполненные им, до потребности эстетического расплескивания периодически. Народ духа дианисианского, а не аполлонического. <...> разработайте хоть схематично, и напишите мне: о связи и преемственности между Грецией и Русью; православии там и там (только в этих двух странах) <...> с этой стороны ровно ничего не знаю; что такое, что у их было дионисианство, а у нас хлыстовство? По сю пору. Побалуйте меня, мой “чемодан с ученостью”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954).

[5] Иван Егорович Забелин (1829—1909) — историк, археолог, автор многих трудов по истории Москвы. Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843—1911) — археолог и историк права. Волошин слушал его лекции в Московском университете. Вопрос о скифстве поднимается в трудах «История русской жизни с древнейших времен» И.Е. Забелина (Ч. 1. М., 1908) и «История русского права» Д.Я. Самоквасова (Вып. II. Варшава, 1884).

[6] В своем письме Петрова неточно цитировала Евангелие от Матфея: «Истинно говорю Вам, что грешники и блудницы вперед вас идут в Царствие Божие». См.: Мф. XXI, 31.

[7] Цитата из упомянутого письма Петровой. См. примеч. 4.

[8] Волошин собирался приехать в Феодосию, и Петрова корректировала его планы в ответном письме от 11 декабря 1917 г.: «Приезжайте 16-го, т<ак> к<ак> Конст<антин> Феод<орович> <Богаевский. — *Ред.*> будет 17-го, а м<ожет> быть, и днем раньше. Боюсь, что Вам будет опять мучителен каждый лишний день из-за астмы» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954, л. 33).

337. Г.А. ШЕНГЕЛИ

11 декабря 1917 г. Коктебель

11 декабря 1917. Коктебель.

Дорогой Георгий Аркадьевич,

простите, что отвечаю Вам так после такого громадного промежутка.[1] Все это время я совсем не мог писать писем. Прежде всего о том, в чем я больше всего чувствую свою вину: о Ваших переводах Эредиа.

Вы совершили очень почтенный и важный труд. Но, к сожалению, на мой взгляд, совершили его только наполовину. Пока вы утвердили сонетные рифмы, общее течение — оболванил<о> сонеты: теперь надо их отчеканить и отшлифовать: именно этого не хватает в Ваших переводах, а Эредиа весь в шлифовке. Я смотрю на Ваши переводы как на очень солидные черновики будущих прекрасных переводов. Но в этом виде, по-моему, печатать их не следует. Закончить перевод это требует гораздо больше времени и терпения, чем работа над собственным стихотворением.

Я позволил себе отметить тоненьким карандашиком те места и слова, которые меня особенно не удовлетворяли, Вы сможете судить по ним о моих придирках.

В общем *я* нахожу в Ваших переводах многие брюсовские недостатки. У Вас, как у него, большое мастерство стиха, но у Вас обоих волчьи негнущиеся шеи и поэтому нет гибкости, необходимой для полного перевоплощения. Часто перевод у Вас точен до буквальности и совсем нет впечатления подлинника, т<ак> к<ак>, несмотря на буквальность, все валеры[2] и пропорции нарушены. Брюсов этого часто тоже не чувствует, что буквальность вредит, а все дело в соотношениях. Кое-где я отметил тоже и не вполне точное понимание подлинника. Но это всё детали в сравнении с той работой, которая уже сделана. Но ее необходимо довести до конца.[3] И она стоит того, не говоря уже о той педагогической пользе, которую приносит такая работа, доведенная до последнего совершенства.

Я последнее время написал ряд новых стихов, касающихся современности. Я посылаю их Вам. Одно из них я дал в «Иппокрену» («Бонапарт»).[4] Другие послал с оказией в Петербург, чтобы напечатать их поскорей, но не знаю, где это возможно будет. Мне бы хотелось дать им более широкое распространение, как стихотворениям политическим. Буду рад, если Вы распространите их в харьковских литературных кругах.

Как слагается Ваша жизнь в Харькове? Над чем работаете?[5] Привет Юлии Владимировне.[6]

[1] В письме из Феодосии от 11 сентября 1917 г. Шенгели сообщал, что возвращает Волошину принадлежащий ему экземпляр книги Жозе-Мариа де Эредиа «Трофеи» («Les trophées»), а также: «Я перевел оттуда два десятка сонетов, и, по отделке, они выйдут, наверное, небольшой книжечкой, которую позвольте посвятить Вам»; в следующем письме, от 3 октября, Шенгели, известив Волошина о своем отъезде из Феодосии в Харьков, сообщал: «Одновременно шлю Вам рукопись переводов из Эредиа и надеюсь, что Вы не откажете мне в тех или других указаниях» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1290).

[2] От *фр.* valeur – ценность.

[3] 40 сонетов Эредиа в переводе Шенгели составили книгу: *Эредиа.* Избранные сонеты / Перевел Георгий Шенгели. Одесса: Омфалос, 1920. Книге предпослано посвящение: «Максимилиану Волошину с любовью и преданностью этот малый труд посвящаю. *Г. Ш.*». Ныне она переиздана в составе сборника: *Эредиа Жозе-Мариа де.* Сонеты в переводах русских поэтов / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Бориса Романова. М.: Прогресс–Плеяда, 2005. С. 389–432.

[4] См.: Ипокрена. 1918. № 2/3. С. 15. Еще до выхода в свет этого журнала стихотворение «Бонапарт» (позднейшее заглавие – «Взятие Тюильри») было опубликовано в московской газете «Слову – свобода!» 10 декабря 1917 г.

[5] Шенгели отвечал 1 января 1918 г.: «Я приглашен руководителем студии стихотворства при мастерских Союза <харьковский “Союз искусств”. – *Ред.*>, – кажется, единственное в России начинание. Работаю над “Трактатом о стихе”, разрастающимся в 500-страничный том, перевожу Леконт-де-Лиля (два перевода: “Слоны” и “Сердце Гиальмара” во втором № “Иппокрены” я посвятил Вам). Пишу поэму на извечный сюжет борьбы Ормузда и Аримана, лирика же – в загоне» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1290).

[6] Ю.В. Шенгели (урожд. Дыбская, во 2-м браке Барсукова; 1896–1972) – жена Г.А. Шенгели и его двоюродная сестра.

338. Е.П. ОРЛОВОЙ

11 декабря 1917 г. Коктебель

11 декабря 1917. Коктебель.

Дорогая Екатерина Павловна,

я не вижу из Вашего письма (от 3 дек<абря>), получили ли Вы мое письмо (от 27 нояб<ря>).[1] Досадно, если оно пропало,

т<ак> к<ак> я в нем послал Вам ряд моих последних стихотворений. Оно послано по старому адресу на Остоженку.[2] К этому письму прилагаю еще два последних.[3]

Я прочел Ваше письмо с радостью и с грустью.[4] С радостью за Вас, потому что это большое счастье нести в душе одну звучащую ноту, которая покрывает и проникает все сменяющиеся впечатления дня, с грустью потому, что Вы напрасно приписываете мне то, что является Вашим огнем, Вашим достоянием. Вы зажглись об меня, но пламя, которое горит теперь, это Вы, а не я. Все, что Вы пишете, думая, что говорите обо мне, — это Вы сами, это Ваша сущность. Помните, я как-то говорил Вам, что когда кто-нибудь дурно и осуждая говорит и сплетничает о других, это всегда исповедь бессознательная и потому очень страшная в своей откровенности. В данном случае это диаметрально противоположное, но в сущности то же самое: все ясное и радостное, что Вы говорите обо мне, — это Вы сами, то, что сейчас загорелось в Вас, потому Вам и неловко писать об этом, как неловко признаваться в большой радости очень своей, очень внутренней. Я говорю это к тому, чтобы предостеречь Вас от частой и горестной ошибки: человек, видя себя самого преображенным и очищенным, и как бы отделенным от себя, проецирует этот образ на другого (не смея его принять в своем смирении за самого себя), и это ведет к самым сложным и безвыходным ошибкам, т<ак> к<ак> самое ценное в отношении к людям — это точное видение, верный вес, правильная оценка. Пока Вы ведь знаете только малую часть меня, а остальное проецируете по собственному образу, пробудившемуся в связи с нашими беседами. Не забывайте это для того, чтобы, встретившись летом снова в Коктебеле, на что я очень надеюсь, встретиться живыми и реальными людьми, а не призраками.

Увы, во мне вовсе нет той ясности, которую Вы приписываете, и я напрасно молюсь о ней в эту «темную ночь души», которая теперь нависла надо всем миром. А ее больше, чем когда-либо, следует поддерживать в себе именно теперь.

[1] Имеется в виду п. 326.

[2] Остоженка не значится ни в старом, ни в новом адресе Орловой (см. примеч. 3 к п. 326).

[3] Вероятно, к письму были приложены тексты стихотворений «Петроград (1917)» («Как злой шаман, гася сознанье...», 9 декабря 1917) и «Трихины» («Исполнилось пророчество: трихины...», 10 декабря 1917). См.: Т. 1 наст. изд. С. 255–256.

[4] В письме от 3 декабря 1917 г. Орлова признавалась: «...я чувствую, что Вы, Ваше внутреннее “я” для меня необходимо, мне близко, что оно придает какую-то особую окраску всем моим переживаниям. И еще — когда я встречаюсь с новыми людьми, нередко интересными — я всегда думаю, как бы Вы поступили, или что бы Вы сказали, будучи на их месте, и все их слова и поступки кажутся мне надуманными, ненастоящими. У меня над столом висит Ваша картина, написанная в светлых прозрачных тонах. <...> Я часто подолгу смотрю на нее и думаю о Вас, о той глубокой и прозрачной ясности, которой пронизана Ваша душа. <...> Я сознаю, совершенно определенно, что Вы мне необходимы, как сильнейший меня, что я не могу себе представить, что эти несколько летних встреч у Вас в мастерской для Вас также незначительны и привычны, как переменчивость моря, которую Вы наблюдаете ежедневно из Вашего окна» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 915).

339. А.М. ПЕТРОВОЙ

13 декабря 1917 г. Коктебель

13 декабря 1917. Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна,

получил Вашу открытку.[1] Я так и собирался приехать в субботу 16-го. В этот день едут Юнге.[2] А я вернусь с ними же в четверг, если снова не схватит астма и придется бежать тот час же. Все это время я не переставая работаю над стихами. У меня задуман целый цикл из Французской революции.[3] Сегодня закончил еще одно в параллель к «Бонапарту» — «14 июля» (Взятие Бастилии). Посылаю Вам его. Вам, верно, передал Ник<олай> Вас<ильевич> Павлов[4] стихи «Появились новые трихины»[5] и окончательный вариант «Петрограда»?[6] Поправьте, кстати, в «Трихинах» слова «Грядущей Славии» на «Страстных глубин».[7] Так точнее и скромнее.

Я продолжаю усиленно и производительно работать, но во внутренней нашей жизни продолжается Бог знает что. Я ничего не понимаю, чего от меня хотят, и мне кажется, что я схожу с ума или у меня начинается истерия.

Меня пилят и упрекают целыми часами, и каждое слово выворачивает всю душу, а мама только удивляется моему бесчувствию и не знает, что делать, чтобы меня хоть чем-нибудь пронять.

Увы, Александра Михайловна, когда я приеду, я буду Вам долго надоедать рассказами о моих несчастиях, но мне необходимо говорить об этом с Вами.

Вам, верно, говорил обо всем Рагозинский. Я его просил об этом, чтобы Вы имели не одностороннее освещение только с моей стороны.

Если будет жел<езно>дор<ожное> сообщение, я все же уеду в Москву в январе, потому что я думаю, что разлука все же единственное средство... Я раздражаю маму не только поступками, всею сущностью своей. А сущности ведь никак не переделаешь и не скроешь...

Ну, до скорого свиданья.

МАХ.

[1] Речь идет об открытке А.М. Петровой от 11 декабря 1917 г. См. примеч. 8 к п. 336.

[2] См. примеч. 3 к п. 297.

[3] Замысел создания многосоставного цикла на укзанную тему не был реализован. Упомянутые стихотворения составили цикл-диптих из двух стихотворений «Две ступени» — «14 июля» («Взятие Бастилии»), «Бонапарт» («Взятие Тюильри») (Т. 1 наст. изд. С. 246, 247).

[4] Николай Васильевич Павлов (1893 – ок. 1942) – артист петроградских театров (псевдоним – Ардавдин, от древнего названия Феодосии «Ардавда»). Его родители имели в Коктебеле дачу неподалеку от Волошиных.

[5] Речь идет о стихотворении «Трихины» (10 декабря 1917 г.), насыщенном реминисценциями из Ф.М. Достоевского (Т. 1 наст. изд. С. 256).

[6] См. примеч. 3 к п. 336.

[7] Имеются в виду строки из «Трихин», характеризующие Достоевского: «Ваятель души, воззвавший к жизни племя / Страстных глубин, провидел наше время...» (*Там же*).

340. А.М. ПЕТРОВОЙ

18 декабря 1917 г. Коктебель

18 дек<абря> 1917. Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна,

к сожалению, Юнге не поехали в субботу,[1] и вот моя поездка откладывается до среды или четверга[2] – других путей сообщения нет.

Надеюсь, что Костенька[3] не уедет до тех пор, и я увижу его. Обнимаю его.

Зато кончил за это время еще цикл «Робеспьер».[4] Прочту по приезде.

До свиданья.

МАХ.

[1] См. п. 339.

[2] Волошин не поехал в Феодосию ни в среду (20 декабря), ни в четверг (21 декабря).

[3] К.Ф. Богаевский должен был приехать в Феодосию, и Волошин хотел с ним повидаться. См. примеч. 8 к п. 336.

[4] Цикл из четырех стихотворений «Робеспьер» (позже озаглавлен «Термидор»). См.: Т. 1 наст. изд. С. 248–250.

341. А.М. ПЕТРОВОЙ

19 декабря 1917 г. Коктебель

19 декабря 1917. Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна,

простите, что я Вас еще раз обманываю: я опять не приеду.[1] На этот раз не за невозможностью: Юнге едут завтра, и я с ними пошлю это письмо. Нет – у меня очень наладилась и пошла эти дни работа. Я пишу много стихов. В доказательство чего, посылаю Вам два новых больших: «Робеспьер» и «Дмитрий-император».[2] Я боюсь прервать работу (как раз и

внутренние дела смягчились последние дни) и что мне будет хотеться вернуться сейчас же, чтобы писать, а это будет невозможно. Пусть Кон<стантин> Феод<орович>[3] меня простит и поймет. Мне надо много написать и сказать стихами теперь же, а время такое, что ничего откладывать нельзя. Но Вы ведь понимаете меня и не сердитесь: как только у меня будет антракт – я приеду сам, потому что мне очень хочется повидаться с Вами, наконец, – мы ведь уже три месяца не видались.

Мы живем это время, совершенно не зная, что делается, т<ак> к<ак> газеты не приходят, но и Вы едва ли знаете больше.

Не чувствую почти этого за непрерывной работой.

Мне очень интересно, какое впечатление произведет на Вас мой ДМИТРИЙ. Я его закончил вчера и, вероятно, буду еще менять отдельные строки и тогда пришлю Вам варианты.

Новинский мне предлагает издать мои последние стихи о революции здесь в Феодосии.[4] Это мне очень улыбается, т<ак> к<ак> это единственная возможность издать их сейчас – на севере это невозможно. Но я, конечно, к имеющимся прибавлю еще новых и включу «Ангел мщения» и «Голову Ламбаль»,[5] чтобы была маленькая книжка в стихотворений 20, размер<ом> моей книжки о 1915 годе.[6] Ее можно будет разослать отсюда почтой и на север. Одобряете ли Вы это?

Напишите подробнее о Костеньке,[7] в каком он расположении духа и оставляет ли, наконец, службу? Ведь, кажется, это теперь вполне возможно? Как ему мои последние стихи?

До свиданья. Привет ему и Жоз<ефине> Густ<авовне>.[8]

Спешу запечатать письмо, чтобы его отнесли к Юнге.

МАХ.

Получили ли Вы стихи «15 июля»[9] и «Трихины»?[10]

Пишите. Письмо вскрывалось мною же, чтобы внести поправки в «ДМИТРІѦ».

[1] См. примеч. 8 к п. 336, п. 340, примеч. 2.

[2] См. примеч. 4 к п. 340. Стихотворение «Дмитрий-император» (позднее озаглавлено «Dmetrius Imperator») закончено 18 декабря. См.: Т. 1 наст. изд. С. 273–275.

[3] К.Ф. Богаевский. См. примеч. 8 к п. 336.

[4] А.А. Новинский. Издание стихотворений Волошина в Феодосии не состоялось.

[5] Стихотворения «Ангел мщения» и «Голова madame de Lamballe» (1906).

[6] Имеется в виду книга стихов Волошина «Anno mundi ardentis» (М.: Зерна, 1916).

[7] К.Ф. Богаевский в Феодосию тогда не приехал.

[8] Ж.Г. Богаевская.

[9] Здесь описка Волошина: речь идет о стихотворении «14 июля», высланном Петровой. См. п. 339, примеч. 3.

[10] См. п. 339, примеч. 5.

342. А.К. ГЕРЦЫК

23 декабря 1917 г. Коктебель

23 декабря 1917. Коктебель.

Дорогая Аделаида Казимировна, большое спасибо за письмо.[1] Очень было радостно его получить и узнать Ваше мнение и впечатление о стихах очень ценно. Я все это время пишу усердно и много. Посылаю Вам три новых больших стихотворения: я попытался сделать три революционные фигуры в рост: Робеспьера, Лже-Дмитрия[2] и Стеньку Разина.[3]

Не знаю, насколько удалось сказать ими, что хотелось — еще не вижу своих стихов со стороны. Хочется увидать их чужими глазами. Мне очень важно Ваше впечатление подробнее. Вы не написали, какие две строчки в Св<ятой> Руси [4] Вам неприемлемы,и я напрасно ломаю себе над этим голову.

Я живу очень уединенно и очень в работе: только так можно целиком противопоставлять себя совершающемуся во внешнем мире. Нельзя ничего видеть и понимать, нахо-

дясь в кипении событий. А действительность можно заклинать только пониманием. Вы спрашиваете, что я читаю? Конечно, Достоевского и Библию. И, представьте — было тоже, как у Вас, желание вернуться к Диккенсу: вероятно, потребность уравновешения мысли в устойчивости английских форм жизни. А теперь все больше по русской истории и по французской революции (в Тэновском освещении): да это видно по стихам. Летом очень много жил с Леоном Блуа: он единственный из современников запада чувствует ритм и смысл хаоса и божественного искуса. Внутренняя — своя мысль все время сосредоточена только на одном: на алхимии зла. Какой комбинацией понимания и чувства зло можно превратить в чистое золото? Но об этом не могу говорить, это чувство, это состояние, а не мысль.

Как прекрасны две строфы из перевода Вячеслава, что Вы приводите![5] Мне бы очень хотелось повидаться с Вами и я, конечно, приехал бы к Вам с удовольствием, если бы случилась оказия. Но только не в ближайшее время: сейчас мне хочется и надо быть одному и писать — я даже к Алек<сандре> Мих<айловне>[6] не мог собраться, несмотря на ее просьбы. А вот, когда почувствуется поворот к весне: я приеду.

Мне хочется написать о революции такую же небольшую книжку стихов, как моя о войне,[7] и издать ее теперь же в Феодосии (это возможно).[8] А сейчас — я чувствую — могу написать ее сразу всю. Она будет маленькая: стихотворений 20. Думаю назвать ее *«Демоны Глухонемые»* с соответствующим эпиграфом из Тютчева: «Как демоны глухонемые — / Ведут беседу меж собой».[9] Как Вы находите такое заглавие? Оно еще не фиксировано. Я не знаю «Ааронова Жезла»[10], к сожалению, и потому не понимаю смысла девятой строки.

До свиданья. Привет Евг<ении> А<нтоновне>, Ев<гении> Каз<имировне>, Соф<ье> Як<овлевне>.[11]

[1] Речь идет о письме А.К. Герцык от 19 декабря 1917 г. из Судака с отзывами о стихотворениях Волошина: «“Святая Русь” нас всех взволновала и восхитила, и я многим разослала ее в письмах — знаю, что каждому будет утешно от этого образа, кот<орым> на миг успо-

каивается и оправдывается хаос и безумие наших дней. Прекрасно начало, и лучшее место: “Поддалась лихому наговору, / Отдалась разбойнику и вору”. <...> Из других оч<ень> хороши, по-парнасски: “Бонапарт” (совсем Hérédia) и “Людовик на охоте в Марли”, а “Петроград” и “Трихины”, и “Мир”, хотя безумно *близки* и волнующи для нас всех, но... именно *слишком* близки, без перспективы и потому почти как некоторые строки газеты. Нас с сестрой очень интересует Ваш взгляд, Ваше отношение к оргии, творящейся на Руси, ко всему, о чем больно думать и говорить.... Если не трудно, напишите, хотя немного. Ведь из этих стихов ясно, что Вы чувствуете совсем иначе, чем когда были в Париже и писали мне оттуда, у Вас появилось *чувство родины*, и это так дорого и делает Вас бесконечно нужным и близким всем нам» (*Сестры Герцык*. Письма / Сост. и коммент. Т.Н. Жуковской. СПб.; М., 2002. С. 165–166).

[2] См. примеч. 4 к п. 340, примеч. 2 к п. 341.

[3] Стихотворение «Стенькин Суд» закончено 22 декабря 1917 г. (см.: Т. 1 наст. изд. С. 276–278, 532). На эту же тему Волошин написал заметку «Как Стенька Разин придет Русскую землю судить» (1917) См.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 665–666, 977.

[4] См. примеч. 6 к п. 321.

[5] Речь идет о лирической поэме Ованеса Туманяна «Ануш» в переводе Вяч. Иванова (Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней в переводе русских потов / Под ред., со вступ. очерком и примеч. Валерия Брюсова. М.: Изд. Московского Армянского Комитета, 1916. С. 334 – 359). В своем письме А.К. Герцык цитировала строки перевода:

«В ночь Вознесенья есть мгновенье
Неизреченной тишины
Безмолвно дольнее творенье,
Врата небес отворены,
И дышит благостью Господней,
Вселенная до преисподней.
Душ разлученные четы
Любившие без утомленья
В тот миг блаженной полноты,
Покинув звездные селенья,
Целуют, духа дух, в уста –
И замыкаются врата».

[6] А.М. Петрова. См. п. 341.

[7] Имеется в виду книга стихов Волошина «Anno mundi ardentis» (М., 1916).

[8] См. также п. 341, примеч. 4.

[9] Строка из стихотворения Тютчева «Ночное небо так угрюмо...» (1865).

[10] Речь идет о статье Андрея Белого «Жезл Аарона. (О слове в поэзии)» (1917), которая была опубликована в первом сборнике «Скифы» (Пг., 1917. С. 155–212). Под таким же названием Андрей Белый прочел 24 января 1917 г. лекцию в Москве в Малом зале Консерватории.

[11] Е.А. Герцык, Е.К. Герцык, С.Я. Парнок.

343. А.М. ПЕТРОВОЙ

25 декабря 1917 г. Коктебель

25 декабря 1917.

Дорогая Александра Михайловна, поздравляю Вас с праздником.[1] Сейчас почему-то особенно приходят в голову строки Верхарна: «...Того, кто уж тысячи лет не может родиться...»[2] Только теперь дошли до нас слухи о севастопольских убийствах...[3] Какое счастье, что Костеньк<а> уже в Феодосии.[4] До нас уже давно не доходят никакие сведения – ни писем, ни газет. Я все это время думаю и живу только стихами. Получили ли Вы моего «Дмитрия-императора»?[5] И письмо,[6] где я пишу, почему не могу приехать теперь на праздники: как невозможно прервать работу, которая, наконец, наладилась. Посылаю Вам новое стихотворение о Стеньке Разине?[7] Тема ультрасовременная. Мне хотелось Св<ятой> Руси противопоставить Русь, грешную и окаянную.[8]

Сейчас начинается настоящий Стенькин Суд.

Самозванчество, разбойничество... вот основные элементы всякой русской смуты. Не думайте, что слова Стеньки в стихах об равенстве – это натяжка на современность; это точные его слова из «Прелестных писем».[9]

Хочется к этим двумя фигурам приписать еще третью — экстаз упорства — Аввакума. Если только смогу осилить...[10] У меня мысль назвать ту книжку, что уже образуется из р<анее> написанных стихов «ДЕМОНЫ ГЛУХОНЕМЫЕ»![11] с эпиграфом из Тютчева:

И лишь зарницы огн<е>вые.
перекликаясь чередой,
как демоны глухонемые
ведут беседу меж собой.[12]

Мне кажется, что это подойдет к стихам, в которых будут революционные отсветы разных веков и широт.

Очень жду от вас писем, так хочется знать Ваше впечатление о Самозванце и Робеспьере и теперь о Стеньке.[13] Вчера послал все эти стихи Аделаиде Казимировне.[14] До свиданья.

МАХ.

[1] Рождество.

[2] Источник цитаты не установлен.

[3] 16 декабря 1917 г. Военно-революционный комитет объявил о переходе власти в Севастополе в руки большевиков. Этому предшествовал (в ночь с 15 на 16 декабря на Малаховом кургане) бессудный расстрел матросами 32 офицеров и одного священника (по другим данным, расстрелянных было 42 человека). См.: Варфоломеевские ночи в Севастополе. Декабрь 1917 — февраль 1918 гг.: Документы и материалы / Сост. В.В. Крестьянников, Н.М. Терещук. Севастополь: ЧП Арефьев, 2009.

[4] К.Ф. Богаевский должен был приехать в Феодосию 17 декабря (см. примеч. 8 к п. 336). Приезд не состоялся, но об этом Волошин узнал позже. См. примеч. 2 к п. 347.

[5] См. п. 341, примеч. 2.

[6] См. п. 341.

[7] См. примеч. 3 к п. 342.

[8] Подразумевается образ, воссоздаваемый в стихотворении Волошина «Святая Русь».

[9] «Прелестные» листы выпускались Разиным и его атаманами для склонения населения на свою сторону. На местах с них снимали копии — и в Москву, куда правительством было приказано их отправлять, они поступали чуть ли не мешками. Известен текст только

одной подобной грамоты о намерении «учинить то, чтоб всяк всякому был равен».

[10] Речь идет о замысле поэмы «Протопоп Аввакум» (закончена 19 мая 1918 г.). См.: Т. 2 наст. изд. С. 295–317.

[11] Впервые это название фигурирует в п. 341. Петрова его не одобрила, отметив: «“Демоны глухонемые” – ни к черту. Какие-такие “глухонемые”?! Не сбивает ли Вас цикл французский, что идет параллельно? Оставили бы пока это “мастерство”, а прожигайтесь русским огнем. Вы нам страшно *нужны*. Не щадите себя, – вынашивайте и претворяйте всю нашу скверну. Служитель Архангела Михаила, дорогой наш!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954, л. 34).

[12] См. примеч. 11 к п. 341. Искаженная цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Ночное небо так угрюмо...» (1865). Точный тютчевский текст предпослан эпиграфом к книге стихотворений Волошина «Демоны Глухонемые» (Харьков: Камена, 1919):

Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.

[13] Свое мнение Петрова высказала Волошину в письме от 28 декабря 1917 г.: «Нет слов восторга перед “Dmetrius-imperator”. Да и все прекрасно. “Стенькин Суд” совсем не удовлетворил. Написал бы заново, выносив. Вот краткие NB: 1) все время срывы после правильно взятого тону, до слов: “Погулять по Святой Руси”. 2) Отсюда и <...> стихи извиваются, а Стенька проще, прямолинейнее. 3) Из-за этого нет линии, нет пафоса, именно Стенькиной “мести”, его <...> волевого импульса, который *был*. 4) Ядовитый его личный смешок разбивает общую картину – мести “гения голытьбы”. 5) С языком тоже что-то неладно. Смерть хочется заново все увидеть. Вам по плечу, попыхтите-ка еще над ним. “Аввакума” буду ждать, затаив дыхание» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954, л. 34). В открытке от 29 декабря Петрова продолжала критиковать «Стенькин Суд»: «Из-за Стеньки все больше свирепею. Просто знать его не хочу... И не переубедите. <...> “Стенька” – форменный недоносок, да еще “ублюдок”. Не сердитесь, милый, добрый, но могучий! – от *Вас* имеешь право *требовать*» (*Там же*, л. 35).

[14] См. п. 341.

344. М.С. ЦЕТЛИНОЙ

29 декабря 1917 г. Коктебель

29 декабря 1917. Коктебель.

Дорогая Марья Самойловна,

поздравляю тебя и Мишу с новым годом. Посылаю это письмо с оказией, т<ак> к<ак> почта на юг больше не приходит, и когда это письмо доберется до тебя, не знаю тоже. Пользуюсь случаем, чтобы послать тебе ряд новых стихотворений, написанных за это время.[1] Очень хочется знать о тебе и о твоих планах. Телеграмму от Миши,[2] в которой он просит отказаться от земли, я получил с большим огорчением и передал ее Феод<ору> Эдуард<овичу> Юнге. Он сам ответит Вам. Что – не знаю, так как положение сложное: как я предупреждал – купчие на землю в декабре перестали утверждаться. До этого он мог продать участок многим, а теперь не может уже больше ни другим, ни вам. Все произошло именно из-за того, что решение ваше было так замедлено. Роман Самойлович[3] был в свое время тоже осведомлен о необходимости совершить все формальности до декабря, но тоже не совершил их.

Мы сидим отрезанные от севера и часто недели по две не имеем газет. В Коктебеле до сих пор все тихо, хотя кругом всюду ужасы.[4] Я живу сосредоточенно и замкнуто – все время в работе. При почти полной изолированности ото всех центров, иначе было бы и невозможно. Стихи скажут тебе, о чем я живу. Меня беспокоит мысль о ваших с Мишей планах. Из отказа от покупки участка в Коктебеле я делаю заключение, что Вы, вероятно, хотите снова уехать из России. Когда? Куда? Неужели мы так и не увидимся? При теперешних условиях я не могу покинуть маму, и она не может, конечно, рисковать никаким путешествием. А вместе с тем можно предвидеть, что север и юг будут отрезаны друг от друга окончательно. От тебя я имел только одно письмо за всю зиму.[5] Писала ли ты еще, и они не дошли? Хочется знать, как ты чувствуешь все происходящее, как смотришь на будущее?

Если будет оказия послать письмо с кем-нибудь, пожалуйста, напиши подробнее.

Крепко обнимаю тебя и Мишу[6] и желаю всего лучшего. Вкладываю тоже маленькое деловое письмо для Ром<ана> Сам<ойловича>.[7]

[1] Вероятно, речь идет о стихотворениях, составлявших, по определению Волошина, французский цикл: «Взятие Бастилии», «Взятие Тюильри», «Робеспьер» («Термидор»), а также «Петроград», «Святая Русь», «Dmetrius-Imperator», «Стенькин Суд». Кто стал посредником в передаче этого письма, неизвестно.

[2] Телеграмма, о которой идет речь, не обнаружена.

[3] Р.С. Тумаркин.

[4] См. примеч. 3 к п. 343.

[5] Речь идет о письме М.С. Цетлиной от 21 ноября 1917 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262).

[6] М.О. Цетлин.

[7] См. п. 346.

345. П.Б. КРАСНОВУ

29 декабря 1917 г. Коктебель

29 декабря 1917. Коктебель.

Многоуважаемый Петр Борисович,

к моему большому сожалению, я не могу дать Вам статьи о Черубине. Не могу Вам объяснить всех причин, но поверьте, что они вполне уважительны. Вашу мысль посвятить ей очерк я очень приветствую, так как мне кажется, что она до известной степени дала тон современной женской поэзии, но *мне* о ней писать неудобно.[1]

Взамен статьи посылаю Вам еще одно стихотворение в параллель к *Бонапарту* — «14 июля». Их бы надо было поместить вместе, но, к сожалению, я его написал после.[2]

Из Вашей открытки мне неясно, получили Вы мое второе письмо, где я Вам сообщал, что книги о Париже я не издавал, хотя таковая и предполагалась мною одно время.[3] Сейчас нет ни одной моей книги — все разошлись, а об судьбе

книги моих избранных стихов под назв<анием> «Иверни», кот<орая> должна была выйти в Москве перед последним переворотом, я ничего не знаю.[4]

Кроме того, я в этом письме просил Вас об одном одолжении, если оно не затруднит Вас: подписаться для меня на 2 месяца на «Южный Край», т<ак> к<ак> теперь столичные газеты не доходят до нас. А я не знаю ни адреса, ни цены этой харьковской, кажется, наиболее осведомленной из провинциальных газет.[5]

Привет Шенгели. Буду с большим интересом ждать его статьи обо мне — это для меня неожиданность.[6]

[1] «Небольшую статью о забытой поэтессе — Черубине-де-Габриак» Краснов просил Волошина написать для харьковского журнала «Ипокрена» в письме от 20 декабря 1917 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 708). Отказ Волошина, безусловно, объясняется тесными (в прошлом) личными отношениями с «забытой поэтессой» — Е.И. Дмитриевой (Васильевой) и его непосредственной причастностью к созданию образа-маски Черубины де Габриак.

[2] «Я не знаю, как благодарить Вас за прекрасное отношение к Ипокрене, — писал в ответ Краснов 21 января 1918 г. — Второе ст<ихотворен>ие “14 июля“ пойдет рядом с “Бонапартом“» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 708). Стихотворение Волошина «14 июля (1789)» («Бурлит Сент-Антуан. Гудит Пале-Рояль...», 12 декабря 1917 г.; позднейшее заглавие — «Взятие Бастилии (14 июля)») было напечатано в журнале «Ипокрена» на одной странице со стихотворением «Бонапарт» («Взятие Тюильри»). См. примеч. 4 к п. 337. Впоследствии эти стихотворения были объединены Волошиным в цикл-диптих под заглавием «Две ступени» (Т. 1 наст. изд. С. 246—247).

[3] 1 декабря 1917 г. Краснов писал Волошину: «...если есть у Вас лишний экз<емпляр> Вашей книги о Париже, не откажите — просто — подарить. Ее нигде достать нельзя» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 708). Ответное письмо Волошина, вероятно, не сохранилось. До Краснова, видимо, дошли в искаженной форме известия о намерении Волошина опубликовать сборник своих статей о Париже; 1917-м, по всей вероятности, годом датируется авторский план содержания сборника «Лики Парижа (до и во время войны)» (Т. 5 наст. изд. С. 649—650).

[4] См. п. 247, примеч. 1, 2, п. 335, примеч. 5.

[5] Ежедневная газета «Южный Край» выходила в Харькове в 1880–1917 гг. (с декабря 1911 г. в двух выпусках – утреннем и вечернем). 21 января 1918 г. Краснов отвечал: «Исполнить В<ашу> просьбу и подписаться на «Южный Край» – не могу: газета закрыта большевиками, – на другие местные газеты не имеет смысла подписаться...».

[6] В письме от 20 декабря Краснов сообщал Волошину: «Во втором №-ре Ипокрены будет статья Г. Шенгели о Вас». Имеется в виду статья Г. Шенгели «О стихах Максимилиана Волошина» (Ипокрена. 1918. № 2/3. С. 47–48).

346. Р.С. ТУМАРКИНУ

29 декабря 1917 г. Коктебель

29 декабря 1917. Коктебель.

Дорогой Роман Самойлович,

месяца два подряд после Вашего отъезда я писал Вам письма и по поводу участков, что Вы хотели купить у Юнге, и по поводу тех книг, что я просил Вас выслать мне через Вольфа.[1] Я от Вас имел только одно письмо за все время, в котором Вы мне сообщали, что многих изданий нет в продаже и что цена других очень повысилась.[2]

Не зная, несколько повысилась их цена, я просил Вас не высылать мне те, что стали дороже больше, чем в полтора раза. Но после, не получая от Вас ни писем, ни книг, я решил, что Вы мне ничего не выслали. И на этом успокоился. Но вот сегодня я вдруг получил от Вольфа *наложенным платежом* первый выпуск Истории Искусства Ал. Бенуа.[3] Это меня привело в полное недоумение, и потому я еще раз решаюсь надоедать Вам этим неудачным поручением. Будьте добры, известите меня, были ли уже мне высланы Вольфом какие-нибудь книги и было ли Вами Вольфу уже что-нибудь уплачено за них? В Вашем распоряжении было 110 р<ублей> моих денег (считая те 60 руб., что должен был передать Вам Э. Маркович за взятые у меня акварели – не знаю, сделал ли он это?).[4] Если Вольф уже высылал мне какие-нибудь книги,

то будьте добры заявить ему, что я до сих пор, кроме одного выпуска Бенуа, наложенным платежом ничего не получил. Я не могу сам написать Вольфу, так как не знаю, что именно Вами было для меня заказано и уплачено ли что в счет заказа. Кроме того, меня смущает то, что если в октябре почта еще функционировала исправно, то теперь она приходит на юг раз в две недели, и, если он начнет теперь выполнять заказ, данный в сентябре, то едва ли я что-нибудь получу, и потому лучше прошу теперь уже ничего не высылать до восстановления правильного почтового сообщения, что будет неизвестно когда.[5] Кроме того, должен еще сообщить Вам, что Юнге тоже в полном недоумении относительно удержанных Вами участков.[6] Простите, что всем этим надоедаю Вам в стольких письмах, но не имею понятия, доходят ли они до Вас. До свиданья.

[1] См. п. 294, 296, 298, 305, 306, 316.

[2] См. примеч. 7 к п. 294.

[3] См. п. 316, примеч. 5.

[4] С Эстрой Шамолианом Марковичем Волошин отправил Тумаркину указанную сумму, видимо, во вторую декаду октября 1917 г. (Труды и дни-2. С. 31).

[5] Тумаркин отвечал 19 января 1918 г. из Москвы: «...одно из самых основных завоеваний мировой культуры — почта — гибнет! Я написал и послал Вам 3 письма — Вы пишете, что получили одно; Вольф послал Вам *шесть* посылок с книгами — Вы получили одну. Я послал Вам (вернее, Вашей матушке) посылкой 3 ф<унта> чая и 2 ф<унта> кофе, и о ней ни звука! — Но должен сознаться, что все это — сущий пустяк в сравнении с тем, что мы здесь пережили и переживаем. Ваши слова о наступающем терроре оправдались с ужасающей верностью. Ведь подумать только, что в течение нескольких месяцев мы перешли от самодержавия с отсталым неразвитым экономическим неустройством к социалистическому строю, проводимому огнем и мечом под давлением осуществляемой ("немедленно") диктатуры пролетариата. Надеюсь при личной встрече много рассказать Вам об этом хотя и тяжелом, но очень интересном времени. <...> При сем прилагаю список книг, посланных Вам Вольфом в 6-ти посылках» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1199).

[6] В том же письме Тумаркин сообщал: «В октябре я ожидал успокоения, чтобы выслать доверенность и деньги, тем более, что хотел увеличить еще одним большим участком мою покупку. Но в

конце октября разразилась социальная революция, и я очутился по “эту сторону” баррикад. Надеясь, что эта “фантастика“ кончится через 2–3 недели (кстати сказать, это было мнение самих Ленина и Троцкого), все дела были отложены до — Учредительного собрания, в ожидании чего вся жизнь медленно замирала. В числе других учреждений банки были захвачены — мы забастовали и только теперь в ближайшие дни мы, может быть, начнем работать. *Если* Юнге *не* отказываются и мой задаток не пропал, я переведу остальную сумму, а формальности купчей я бы хотел отложить до более удобного времени. Я говорю о 4-х мал<ых> участках (я перевел 600 рубл<ей> и должен перевести еще 2000 рублей)».

347. А.М. ПЕТРОВОЙ

30 декабря 1917 г. – 1 января 1918 г. Коктебель

30 декабря 1917. Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна,

спасибо за открытку.[1] Она меня успокоила за Костеньку, потому что у меня оставалось все-таки сомнение — правильное — а что если он не в Феодосии?[2] Значит, в январе он освобождается совершенно? Каким образом? Окончательно? Это бесконечно радостно.

Все, что Вы пишете о Стеньке, кажется верно,[3] я им не очень доволен. И еще он как-то по стиху слишком гладок вышел. Вообще у меня последние дни с писанием что-то застопорило. Но надеюсь теперь же преодолеть. Вероятно, одновременно с этим письмом к Вам приедет мама,[4] она хочет приехать в Феод<о>сию на несколько дней. А я соберусь уже после ее возвращения. Она последний месяц гораздо менее стала раздражительна и по отношению ко мне успокоилась. Но только постоянно гол<о>дает, т<ак> к<ак> нас очень плохо кормят наши жильцы.[5]

Посылаю Вам только одно маленькое стихотворение, законченное <в> эти дни: о ДЕМОНАХ-ГЛУХОНЕМЫХ.[6] Может, оно Вас примирит с этим именем[7] и объяснит его. Ведь Демон, Вы знаете, не непременно бес — это среднее между богом и человеком: в этом смысле ангелы-демоны и

Олимпийские боги тоже демоны. В земной манифестации демон может быть как человеком, так и явлением. И в той, и в другой форме глухонемота является неизбежным признаком посланничества, как вы видите по эпиграфу из Исайи.[8] Они ведь только уста, через которые вещает Св<ятой> Дух. Они только знак, который сам себя прочесть не может, хотя иногда сознает, что он – знак. Это маленькое стихотворение я сделаю фронтисписом к книжке, если она сохранит это имя.[9] Аввакум у меня пока застрял.[10] Он так громаден, что я боюсь с ним не справиться. Досадую, что нет под руками его полной автобиографии, изданной Тихонравовым,[11] а только отрывки из нее. А я хотя ее и читал когда-то, но нужно было бы ее иметь. Когда-то у Вас была, помню, его биография в Павленковском издании.[12] Помните? если она сохранилась, – пришлите пожалуйста.

Очень тяжело, что мы перестали получать совершенно газеты. С начала декабря имеем только случайно привезенные кем-нибудь из города. Я знаю, что и в Феодосию они доходят неаккуратно, но все же Вы, верно, имеете их чаще и больше. Если Вам нетрудно, пожалуйста, пересылайте мне *газеты*, Вами прочитанные:[13] пока длится такое положение вещей. Хотя нет пока ему и причин кончаться. Вероятно, поэтому я не понял Ваших слов о новом курсе.[14]

Пока до свиданья. Я внутренне ликую при мысли, что скоро увижу Костеньку в штатском и снова хозяином своей мастерской. Привет Мих<аилу> Мих<айловичу>.[15] Он с Вами, как я понял?

MAX.

С Новым годом!

1 янв<аря>, 2 ч<аса>.

Сейчас идет невообразимая путаница с отъездом в город – Кедровы... Княжевичи...[16] все дети...

Кажется, мама совсем не поедет. Но если поедет, то сама передаст это письмо.[17] Привет.

[1] Речь идет об открытке А.М. Петровой от 29 декабря 1917 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954, л. 35).

[2] К.Ф. Богаевский. Петрова сообщила Волошину: «Костеньки не было здесь, но он вполне благополучен. Скоро, в январе, совсем

вернется домой, слава Богу. Вернулся и мой Миша, вырвавшись буквально из пекла, миловал Бог!» (*Там же*). Упоминается брат Петровой М.М. Петров.

[3] См. п. 343, примеч. 13.

[4] Е.О. Кириенко-Волошина в Феодосию не поехала.

[5] Речь идет о семействе Кедровых.

[6] Стихотворение «Демоны глухонемые» написано 29 декабря. (См.: Т. 1 наст. изд. С. 261).

[7] См. примеч. 11 к п. 343.

[8] Стихотворение имело эпиграф из Книги пророка Исайи (XLII, 19): «Кто так слеп, как раб Мой, И глух как вестник Мой, Мною посланный».

[9] Книга стихов Волошина «Демоны глухонемые» вышла в 1919 г. в издательстве «Камена» (Харьков).

[10] Речь идет о работе над поэмой «Протопоп Аввакум». См. п. 343, примеч. 10.

[11] «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», под ред. Н.С. Тихонравова, вышло в свет в 1862 г. (СПБ.; переиздано в 1904 г.).

[12] Речь идет о книге В.А. Мякотина «Протопоп Аввакум, его жизнь и деятельность. Биографический очерк», выпущенной Ф.Ф. Павленковым в серии «Жизнь замечательных людей» (СПб., 1894; переиздания – 1906, 1913, 1917 г.).

[13] По этому поводу Петрова писала Волошину 10 января 1918 г.: «Беда мне с газетами: и рада бы послать Вам, но и сама почти не имею, пользуясь большей частью чужими, от тех кто умудряется доставать. Возвращаю. Лепечет в них, в сущности, беспомощная растерянная мысль» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 955).

[14] В письме от 28 декабря 1917 г. Петрова признавалась Волошину: «От политики у меня, кажется, “заворот мозгов” сделается: новый курс вижу: если немцы дураками не окажутся, вздумав держать нас в своем кулачке, <...> соки человечества пойдут по другим руслам» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 954).

[15] М.М. Петров.

[16] Речь идет о Владимире Антониновиче Княжевиче и его жене Александре Александровне Княжевич.

[17] На конверте этого письма сделаны две приписки: 1. «Очень прошу Елену Павловну <Паскину. – *Ред.*> переслать это письмо с кем-нибудь из детей по адресу» (зачеркнута); 2. «д. Вещицких, кв. Гауфлер. Очень прошу Вениамина передать это письмо Алекс<андре> Мих<айловне>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 97, л. 43).

ДОПОЛНЕНИЕ

348. РЕНЕ ГИЛЮ

Октябрь (?) 1913 г. Коктебель[1]

Ami et Maître,

Ce sont les plaies honteuses de mon orthographe qui m'empêchent d'écrire. Vous comprendrez.

Mais maintenant il m'arrive une chose extraordinaire. Il m'arrive de couver une poétesse française. Ses poésies me paraissent dignes d'attention. Mais pour les vers français je ne connais qu'admiratifs, pas de critiques. Pour cela je m'adresse à vous pour connaître votre opinion.

Quelques mots sur l'auteur: mi-russe, mi-française (père — russe, mère — fr<ançaise>);[2] âge 18 ans (moralité et conduite de 13 ans). Elle est née à Pétersbourg, passé son enfance en Champagne, fait son éducation au couvent français à Moscou, vient de finir un lycée russe.[3] Orthodoxe de naissance, convertie au couvent, reconvertie en orthodoxie par ordre de police, elle porte comme le petit nom le nom d'illusion universelle — Maya, et comme nom de famille nom d'un troubadour et d'un académicien — Cuvillier.[4] Voilà pour passport. Pour talent voyez les vers et communiquez-moi votre opinion.[5]

Que dire pour moi? Les journaux russes sont décidément dégoûtés de ma littérature.[6] Je jouis d'une impopularité remarquable. Ce printemps le plus influent des quotidients de Moscou me fait l'honneur d'ouvrir sur ses colonnes une liste des souscriptions pour les personnes indignés de mes conférences d'art (pensez — que je ne suis pas futuriste du tout). Afin que je puisse avoir un plaisir rare de lire les noms de tous mes ennemis dans l'ordre alphabétique. Ce registre était plus grand que j'espérais <...> de noms illustres.

Maintenant c'est loin de tout cela. J'habite chez moi au fond du «pays triste des Cymmeriens».[7] J'ai bâti cette année un atelier

au bord de Πόντος Εὔξενος[8] me rappelant mes ateliers de Paris. J'y habite entouré des livres (beaucoup de livres français). Je fuis la peinture. Je fuis les poèmes.

Je paasserai ici tout l'hiver, car j'ai un livre a faire sur l'art gothique.[9] Je ne sais quand pourrai-je revenir a Paris, car on m'a banni de tous les journaux.

O, que je regrette parfois de ne pouvoir venir un des mardis Rue Lauriston.[10]

П е р е в о д:*

Высокочтимый друг,

Писать мне мешают постыдные изъяны моей орфографии. Вы это поймете.

Но сейчас меня побуждает к этому нечто чрезвычайное. Случилось так, что я произвел на свет французскую поэтессу. Стихотворения ее мне кажутся достойными внимания. Но я знаю лишь поклонников французской поэзии, а не критиков. Вот почему я обращаюсь к вам, дабы узнать ваше мнение.

Несколько слов об авторе: наполовину русская, наполовину француженка (отец – русский, мать – француженка);[2] 18 лет (нравственность и поведение 13-летней). Она родилась в Петербурге, детство провела в Шампани, воспитывалась во французском монастыре в Москве, окончила русский лицей.[3] От рождения православная, в монастыре была обращена в католичество, вновь приняла православие по распоряжению полиции. Ее уменьшительное имя – то же, что и у богини, олицетворяющей всеобщее заблуждение, – Майя, фамилия – та же, что у одного трубадура и одного академика – Кювилье.[4] Это что касается паспорта. А что касается таланта, то прочтите стихи и сообщите мне ваше мнение.[5]

Что сказать о себе? Русские газеты решительно питают отвращение к моему творчеству.[6] Моя непопулярность поразительна. Этой весной две из наиболее влиятельных московских ежедневных газет оказали мне честь, открыв

* Выполнен П.Р. Заборовым.

на своих страницах подписной лист для лиц, возмущенных моими лекциями об искусстве (и это притом, что я совсем не футурист). Сделано это для того, чтобы я испытал редкое удовольствие прочесть имена всех моих врагов в алфавитном порядке. Этот список – длиннее, чем я рассчитывал, <...> известных имен.

Теперь я от всего этого далеко. Я живу в своем доме, в глубине «печальной страны Киммерийцев».[7] В этом году я построил мастерскую на берегу Πόντος Εὔξενος,[8] которая напоминает мне мои парижские мастерские. Живу в окружении книг (множество французских книг). Избегаю живописи, избегаю стихов.

Проведу здесь всю зиму, ибо должен написать книгу о готическом искусстве.[9] Не знаю, когда смогу вновь приехать в Париж, ибо меня изгнали из всех газет.

О, как я иногда сожалею, что не смог побывать на одном из вторников на улице Лористон.[10]

[1] Черновой текст письма. Датируется по соотнесению с письмом М. Кювилье к Волошину от 1 октября 1913 г., в котором она просила послать ее французские стихи Рене Гилю. См.: Труды и дни. С. 333. В письме к Волошину от 1–4 сентября 1913 г. она сообщала, что закончила переписывать свои стихи для Гиля (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1033, л. 76 об.).

[2] Отец М. Кювилье – Евгений Яковлевич Максимов (1849–1904), офицер, участник туркестанских походов генерала М.Д. Скобелева, русско-турецкой, англо-бурской (фехтгенерал бурских войск), итало-эфиопской войн; погиб на Русско-японской войне. Мать – Адель Кювилье (Cuvillier) (ум. в 1935? г.) – француженка-гувернантка в театральном семействе К.Н. Незлобина. См.: *Обатнин Г.В.* Кювилье, Иванов и Беттина фон Арним // Россия и Запад. Сб. статей в честь 70-летия К.М. Азадовского. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 346–349.

[3] М. Кювилье окончила частную гимназию М.Г. Брюхоненко.

[4] Среди имен действительно существовавших трубадуров здесь могут соответствовать Альбертет Кайлья, Бонифачи Кальво или Элиас Кайрель. См.: Жизнеописания трубадуров; *Жан де Нострдам.* Жизнеописания древнейших и наиславнейших провансальских

пиитов, во времена графов Прованских процветших / Изд. подгот. М.Б. Мейлах. М.: Наука, 1993. С. 632, 647, 616. Член Французской Академии – публицист, сотрудник «Journal des Débats» Альфред-Огюст Кювилье-Флери (Cuvillier-Fleury; 1802–1887).

[5] Ответное письмо Р. Гиля в архиве Волошина не сохранилось, но о его содержании можно судить по письму М. Кювилье к Вяч. Иванову от 13 сентября 1915 г., в котором приводятся цитаты из неизвестного письма Волошина к ней, излагающего суждения Гиля о ее стихах: «Он о них высокого мнения. Находит в тебе большое чувство ритма <...>. Ему очень нравится твой "vers libre" <...> – "гораздо лучше, чем у Гюстава Кана"» (РГБ, ф. 109, карт. 28, ед. хр. 21, л. 5 об. Упомянут французский поэт Гюстав Кан (Kahn; 1859–1936), признанный мастер «свободного стиха»). Цитируется по статье Г.В. Обатнина «К истории литературной биографии Майи Кювилье (М. Кудашевой)» (в печати).

[6] Подразумевается прежде всего реакция прессы на печатные выступления Волошина, вызванные «репинской историей» (см. п. 1, примеч. 5, 6; п. 4, примеч. 3). См. подборку сведений об этой полемике в феврале–марте 1913 г. в кн.: Труды и дни. С. 313–317.

[7] Образ из «Одиссеи» Гомера (XI, 14). В переводе В.А. Жуковского: «Киммериян печальная область».

[8] Понт Эвксинский (букв. – гостеприимное море) – древнегреческое название Черного моря.

[9] См. п. 9, примеч. 2.

[10] 16 bis, rue Lauriston – парижский адрес Р. Гиля (см.: Французские писатели – корреспонденты М.А. Волошина / Публ. П.Р. Заборова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л.: Наука, 1981. С. 238–246).

АДРЕСАТЫ И ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Абрамов Соломон Абрамович (1884–1957), руководитель московского акционерного издательства «Творчество» (1917–1924). – ДМВ.

Амфитеатров-Кадашев Владимир Александрович (1888–1942), публицист, прозаик, поэт, критик, переводчик; сын А.В. Амфитеатрова. – ИРЛИ, ф.562, оп. 3, ед. хр. 1.

Аргутинский-Долгоруков Владимир Николаевич, князь (1874–1941), дипломат, коллекционер живописи и предметов искусства; участвовал в устройстве Русских сезонов в Париже. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 4.

Бакст Лев Самойлович (наст. фам. Розенберг; 1866–1924), театральный художник, график, живописец; один из основателей «Мира Искусства». – ГТГ, ф. 111, ед. хр. 919.

Белый Андрей (наст. имя Борис Николаевич Бугаев; 1880–1934), прозаик, поэт, критик, теоретик символизма, литературовед. – РГБ, ф. 25, карт. 13, ед. хр. 12.

Бенуа Александр Николаевич (1870–1960), живописец, график, художественный критик, искусствовед, мемуарист; один из основателей «Мира Искусства». – ГРМ, ф. 137, ед. хр. 812.

«Биржевые Ведомости», редакция газеты. – РГАЛИ, ф. 95 (Волынский), оп. 1, ед. хр. 408 (п. 244); ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 103 (п. 251).

Богаевский Константин Федорович (1872–1943), живописец, график. – ДМВ. – Лики Марины Цветаевой: XIII Международная научно-тематическая конференция (9–12 октября 2005 года). Сб. докладов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. С. 564–565. Публ. И.В. Левичева.

Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924), поэт, прозаик, драматург, критик, литературовед, переводчик, литературно-общественный деятель. – РГБ, ф. 386, карт. 80, ед. хр. 34. – ЛН. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. М.: Наука, 1994. Кн. 2. С. 384. Публ. К.М. Азадовского и А.В. Лаврова.

Брянчанинов Александр Николаевич (1874–1918?), общественный деятель, редактор-издатель петербургского журнала «Новое Звено». –

РГАЛИ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 10. – Музыкальная жизнь. 1989. № 24. С. 26–27. Публ. В.П. Купченко.

Васильева Елизавета Ивановна (урожд. Дмитриева, псевдоним Черубина де Габриак; 1887–1928), поэтесса, переводчица; деятель антропософского движения. – ДМВ. – *Черубина де Габриак.* Из мира уйти неразгаданной: Жизнеописание. Письма 1908–1928 годов. Письма Б.А. Лемана к М.А. Волошину / Сост., подгот. текстов, примеч. Вл. Купченко и Р. Хрулевой. Феодосия; М.: Изд. дом «Коктебель», 2009. С. 83–84.

Гаккебуш Михаил Михайлович (1874–1929), публицист, редактор газеты «Биржевые Ведомости». – ИРЛИ, ф. 649 (Фидлер), оп. 4, ед. хр. 83 (п. 123, 140, 143); ИРЛИ, ф. 549 (Гаккебуш), ед. хр. 82 (п. 166, 178).

Герцык Аделаида Казимировна (Лубны-Герцык, в замужестве Жуковская; 1874–1925), поэтесса, критик. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 26. – Письма М. Волошина к А. Герцык 1917–1919 годов из фондов Дома-музея М. Волошина в Коктебеле / Публ., подг. текста и примеч. И.В. Левичева // «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия. Материалы Пятых Герцыковских чтений в г. Судаке 11–15 июня 2007 года. М.; Симферополь, Судак, 2009. С. 337–338 (п. 266), С. 338–339 (п. 342).

Гессен Иосиф Владимирович (1866–1943), журналист, политический деятель, один из основателей Конституционно-демократической партии (с 1906 г. член ЦК); редактор газеты «Речь» (во время Первой мировой войны). – РГАЛИ, ф. 1666 («Речь»), оп. 1, ед. хр. 191.

Гиль Рене (Ghil, наст. фам. Гильбер; 1862–1925), французский поэт, критик. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 17.

Глотов Яков Александрович (1878–1938, 10 июля – расстрелян), двоюродный брат Волошина (племянник Е.О. Кириенко-Волошиной); участник революционного движения, переводчик. – ДМВ. – Время и мы (Тель-Авив). 1978. № 27. С. 187–188 (п. 278 – без указания адресата, по авторизованной копии); Там же. 1978. № 28. С. 196 (п. 283 – без указания адресата, с неверным обозначением года написания: 1919, по неавторизованной копии).

Гольдовская Рашель Мироновна (урожд. Хин, в первом браке Фельдштейн; 1863–1928), прозаик, драматург. – ИМЛИ, ф. 79, ед. хр. 7 (п. 39); ед. хр. 30 (п. 70); ДМВ (п. 267, 330). – Время и мы (Тель-Авив). 1978. № 28. С. 189–190 (п. 330 – без указания фамилии адресата, по неавторизованной копии).

Гольштейн Александра Васильевна (урожд. Баулер, в первом браке Вебер; 1850–1937), переводчица, прозаик, критик; участница народнических кружков, эмигрировавшая ок. 1874 г. – Бахметьевский

архив (Колумбийский университет. Нью-Йорк). – Звезда. 1998. № 4. С. 143–178. Публ. М. Ланды, А. Тюрина и Ж. Шерона. Письма печатаются по ксерокопии с автографов.

Гончарова Наталья Сергеевна (1881–1962), живописец, график, театральный художник; одна из лидеров авангарда в России. – ГТГ, ф. 180, ед. хр. 5956.

Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960), живописец, график, искусствовед. – ГТГ, ф. 106, ед. хр. 3526–3532.

Григорович Елена Юстиниановна (Рыбачкова-Григорович; 1872–1953), художница, переводчица (см. о ней: *Гаретто Э.* Елена Григорович – художница, антропософка, бывшая террористка // «Персонажи в поисках автора»: Жизнь русских в Италии XX века. М.: Русский путь, 2011. С. 59–71). – Архив Е.Ю. Григорович (в составе Римского архива Вяч. Иванова). – Переписка М.А. Волошина и Е.Ю. Григорович / Подгот. текста и предисл. А.Б. Шишкина, примеч. В.П. Купченко // Русско-итальянский архив VII / Сост. Кристиано Дидди и Андрей Шишкин. Салерно, 2011. С. 189–206. Текст писем в наст. изд. исправлен по автографам.

Гуревич Любовь Яковлевна (1866–1940), литературный и театральный критик, прозаик, переводчица – ИРЛИ, № 19857.

Ивановская Надежда Ивановна (1867–1956), компаньонка Р.М. Гольдовской. – Фотокопия из архива Л.В. Горнунга.

Кан Вера Осиповна, музыкант. – ДМВ. – Время и мы (Тель-Авив). 1978. № 28. С. 191 (п. 333 – без указания фамилии адресата, в сокращении, по неавторизованной копии).

Кандауров Константин Васильевич (1865–1930), театральный художник, осветитель Малого театра в Москве, организатор художественных выставок. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 52 (п. 221, 234, 302); РГАЛИ, ф. 769, оп. 1, ед. хр. 41 (остальные письма).

Кандауровы Константин Васильевич и Анна Владимировна (урожд. Попова; 1877–1962), его жена. – РГАЛИ, ф. 769, оп. 1, ед. хр. 290.

Кассир Феодосийского банка. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 152.

Кириенко-Волошина Елена Оттобальдовна (урожд. Глазер; домашнее прозвище Пра; 1850–1923), мать М.А. Волошина. – РГАЛИ, ф. 2962 (Эфрон), оп. 1, ед. хр. 190 (п. 81, 82); копия в собрании В.П. Купченко (п. 40). Остальные письма – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 61 (1913), 62 (1914), 63 (1915), 64 (1916). – Из лит. наследия-3. С. 417–470. Публ. В.П. Купченко и А.В. Лаврова (письма 1913–1914 гг.).

Краснов Петр Борисович (1895–1962), журналист, поэт (псевдоним Петроний) – ДМВ.

Ларионов Михаил Федорович (1881–1964), живописец, график, театральный художник, теоретик авангарда. – ГТГ, ф. 180, ед. хр. 5956.

Лукомский Георгий Крескентьевич (1884–1952), график, акварелист, художественный критик, историк архитектуры. – ГРМ, ф. 109, ед. хр. 52.

Львова Юлия Федоровна (в замужестве Ваксель; 1873–1950), композитор и пианистка, теософка. – РНБ, ф. 1000, оп. 3, ед. хр. 1540 (п. 185); РГАЛИ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 8 (п. 261); ДМВ (остальные письма).

Маковский Сергей Константинович (1877–1962), художественный критик, искусствовед, поэт, мемуарист; редактор журнала «Аполлон». – ГРМ, ф. 97, ед. хр. 49. – Максимилиан Волошин в журнале «Аполлон»: Переписка с С.К. Маковским, Е.А. Зноско-Боровским, В.А. Чудовским, М.Л. Лозинским / Публ. А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 463–465, 472–476, 478–485.

Нестерова Мария Альфредовна (в первом браке Чернявская (?), во втором (?) за Г.О. Мебесом; 1878 – после 1932), последовательница эзотерических учений, секретарь «Общества возрождения чистого знания в принципе Христа». – ДМВ.

Новинский Александр Александрович (1878–1960), морской офицер, начальник феодосийского торгового порта в 1916–1920 гг., капитан 2-го ранга (см.: *Купченко Вл.* Вокруг М.А. Волошина // Новое литературное обозрение. 1996. № 17. С. 270). – ДМВ.

Оболенская Юлия Леонидовна (1889–1945), художница; ученица К.С. Петрова-Водкина, Л.С. Бакста и М.В. Добужинского. – ДМВ (п. 321, 325). Остальные письма – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 82 (1913–1914), 83 (1915), 84 (1916–1917). – Время и мы (Тель-Авив). 1978. № 27. С. 189–191, 198–199, 202–204 (п. 282, 310, 321 – по неавторизованным копиям).

Орлова Екатерина Павловна, художница, поэтесса. – ДМВ. – Время и мы (Тель-Авив). 1978. № 28. С. 187 (п. 326 – без указания фамилии адресата, по неавторизованной копии).

Парнок София Яковлевна (наст. фам. Парнох; 1885–1932), поэтесса, литературный критик. – ДМВ. – Лики Марины Цветаевой: XIII Международная научно-тематическая конференция (9–12 октября 2005 года). Сб. докладов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. С. 565–566. Публ. И.В. Левичева.

Петрова Александра Михайловна (1871–1921), близкий друг Волошина, феодосийский педагог (см. очерк Волошина «Киммерийская сивилла (Памяти А.М. Петровой)» – Т. 7 кн. 2 наст. изд. С. 340–344; предисл. В.П. Купченко к публ. писем М.А. Волошина к А.М. Петровой. – Из лит. наследия-1. С. 5–11). – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 96 (письма за 1913–1916 гг.), ед. хр. 97 (письма за 1917 г.). – Из лит. на-

следия-2. С. 117–187. Публ. В.П. Купченко. – Время и мы (Тель-Авив). 1978. № 28. С. 191–192 (п. 307 – с ошибкой в датировке) – Эренбург, Савинков, Волошин в годы смуты (1915–1918) / Публ., подгот. текста, вступ. заметка, заключение и примеч. Б. Фрезинского и Д. Зубарева // Звезда. 1996. № 2. С. 194–195 (п. 314 – в сокращении).

Пешковский Александр Матвеевич (1878–1933), друг Волошина с ранних юношеских лет, лингвист. – ИМЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 26.

Проппер Максимилиан Станиславович, журналист, сотрудник «Биржевых Ведомостей» и сын издателя этой газеты С.М. Проппера. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 103.

«Речь», контора газеты. – РГАЛИ, ф. 1666, оп. 1, ед. хр. 191.

Рогозинский Владимир Александрович (1882–1951), инженер, архитектор. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 104.

«Русская Мысль», контора журнала. – ДМВ.

Сабашников Михаил Васильевич (1871–1943), книгоиздатель, глава московского Издательства М. и С. Сабашниковых. – РГБ, ф. 261, карт. 3, ед. хр. 29. – Из переписки М.В. и С.В. Сабашниковых с авторами / Публ. С.В. Белова // Книга. Исследования и материалы. Сб. XXXVIII. М.: Книга, 1979. С. 145 (п. 9).

Савинков Борис Викторович (псевдоним В. Ропшин; 1879–1925), прозаик, публицист, мемуарист, политический деятель, член Боевой организации партии эсеров. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 114 (п. 264а); ДМВ (п. 264б). Остальные письма – ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, ед. хр. 44. – Накануне. 1995. № 4 (апрель). С. 32. Публ. А.В. Лаврова; *Лавров А.В.* Русские символисты: Этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. С. 332–333 (п. 264а). – Эренбург, Савинков, Волошин в годы смуты (1915–1918) / Публ., подгот. текста, вступ. заметка, заключение и примеч. Б. Фрезинского и Д. Зубарева // Звезда. 1996. № 2. С. 191 (п. 264б – в сокращении). Остальные письма – в составе той же публикации (большинство – в сокращении или извлечениях) // *Там же*. С. 161–164, 166, 173–176, 180.

«Смис-Премьер», контора фирмы. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 140.

Сологуб Федор (наст. имя Федор Кузьмич Тетерников; 1863—1927), поэт, прозаик, драматург, публицист, переводчик. – ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 148. – Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л.: Наука, 1976. С. 163–164. Публ. В.П. Купченко.

Струве Петр Бернгардович (1870–1944), экономист, публицист, историк, философ, политический и общественный деятель, член ЦК Конституционно-демократической партии. – ИРЛИ, ф. 264, ед. хр. 91 (п. 239); РГБ, ф. 77, карт. 21, ед. хр. 10 (п. 245).

Толстой Алексей Николаевич, граф (1882–1945) – ГЛМ, новые поступления. – Время и мы (Тель-Авив). 1978. № 28. С. 188 (п. 327 – по неавторизованной копии).

Тумаркин Роман Самойлович (1888–1977), брат М.С. Цетлиной. – ДМВ.

Фельдштейн Ева Адольфовна (урожд. Леви; 1886–1964), художница. – РГАЛИ, ф. 2962 (Эфрон), оп. 1, ед. хр. 435 (п. 43); ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 126 (остальные письма).

Феодосийский городской банк – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 152.

Цветаева Марина Ивановна (в замужестве Эфрон; 1892–1941), поэт, прозаик. – ДМВ.

Цетлин Михаил Осипович (1882–1945), эсер, совладелец чаеторговой фирмы, поэт (псевдоним Амари), издатель. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 131 (п. 138, 242); ДМВ (п. 250, 273, 293, 313, 318); Собрание А.Ф. Маркова, Москва (п. 215, 242). – Вопросы литературы. 1990. № 9. С. 274–283. Публ. А. Маркова (п. 215); Эренбург, Савинков, Волошин в годы смуты (1915–1918) / Публ., подгот. текста, вступ. заметка, заключение и примеч. Б. Фрезинского и Д. Зубарева // Звезда. 1996. № 2. С. 160 (п. 138, 293 – с сокращениями); Письма М.А. Волошина к М.С. и М.О. Цетлиным // *Марков Анатолий.* Магия старой книги. Записки библиофила. М., 2004. С. 576–577 (п. 215, 242 – с купюрами, восстановленными по копиям из собрания В.П. Купченко); Время и мы (Тель-Авив). 1978. № 27. С. 185–187 (п. 273 – без указания адресата, по неавторизованной копии).

Цетлина Мария Самойловна (урожденная Тумаркина, в первом браке Авксентьева, 1882–1976), жена М.О. Цетлина, доктор философии. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 130 (п. 165, 241); ДМВ (п. 276, 312, 322, 331, 344); Собрание А.Ф. Маркова, Москва (п. 164, 168, 206, 210, 214, 226, 229, 249, 286, 299, 323); Собрание М.С. Лесмана, Санкт-Петербург (п. 161, 193); копия в собрании В.П. Купченко (п. 179). – Письма М.А. Волошина М.С. Цетлиной / Публ. В.П. Купченко // Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана. Аннотированный каталог. Публикации. М.: Книга, 1989. С. 362–365 (п. 161, 193); Вопросы литературы. 1990. № 9. С. 274–283. Публ. А. Маркова (п. 164, 168, 206, 210, 214, 226, 229 – все, кроме п. 168, с купюрами, восстановленными по копиям из собрания В.П. Купченко); Письма М.А. Волошина к М.С. и М.О. Цетлиным // *Марков Анатолий.* Магия старой книги. Записки библиофила. М., 2004. С. 568–580 (п. 164, 168, 206, 210, 214, 226, 229, 249, 286, 299, 323 – все, кроме п. 168, с купюрами, восстановленными по копиям из собрания В.П. Купченко); Эренбург, Савинков, Волошин в годы смуты (1915–1918) / Публ., подгот. текста, вступ. заметка, заключение и примеч. Б. Фрезинского и Д. Зубаре-

ва // Звезда. 1996. № 2. С. 167, 169, 173, 185, 187, 189 (п. 164, 165, 168, 206, 214, 226, 229, 241 – с сокращениями); Время и мы (Тель-Авив). 1978. № 27. С. 184–185, 192–195 (п. 249 – с сокращениями, п. 286, 299); *Там же*. № 28. С. 185–186 (п. 323).

Чеботаревская Анастасия Николаевна (1877–1921), переводчица, критик, литературно-общественный деятель; жена Ф. Сологуба и соавтор ряда его произведений. – ИРЛИ, ф. 289 (Сологуб), оп. 5, ед. хр. 68.

Чуковский Корней Иванович (наст. имя Николай Васильевич Корнейчуков; 1882–1969), критик, литературовед, переводчик, поэт, прозаик. – РГБ, ф. 620, карт. 62, ед. хр. 56.

Шемшурин Андрей Акимович (1872–1939), московский купец; литературовед, искусствовед, прозаик. – РГБ, ф. 339, карт. 2, ед. хр. 11.

Шенгели Георгий Аркадьевич (1894–1956), поэт, переводчик, критик, стиховед. – ДМВ.

Шуваев Дмитрий Савельевич (1854–1937), генерал от инфантерии, военный министр (март 1916 – апрель 1917). – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 151. – Ново-Басманная, 19. М.: Худож. литература, 1990. С. 221–222. Публ. Б.А. Гаврилова.

Эрберг Конст. (наст. имя Константин Александрович Сюннерберг; 1871–1942), теоретик искусства, художественный критик, поэт, переводчик. – ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 100.

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967), поэт, прозаик, переводчик, критик, публицист, литературно-общественный деятель. – ДМВ. – Время и мы (Тель-Авив). 1978. № 28. С. 188–189 (п. 328 – по неавторизованной копии). – Эренбург, Савинков, Волошин в годы смуты (1915–1918) / Публ., подгот. текста, вступ. заметка, заключение и примеч. Б. Фрезинского и Д. Зубарева // Звезда. 1996. № 2. С. 191–194, 196 (с сокращениями); Почта Ильи Эренбурга. Я слышу всё... 1916–1967 / Изд. подгот. Б.Я. Фрезинский. М.: Аграф, 2006. С. 34–39.

Эфрон Вера Яковлевна (1888–1945), актриса, впоследствии режиссер художественной самодеятельности. – РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 383.

Эфрон Елизавета Яковлевна (1885–1976), педагог, режиссер, актриса. – РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 43.

Эфрон Сергей Яковлевич (1893–1941), журналист; муж М.И. Цветаевой. – ДМВ.

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

** Аннотируются только имена, упоминаемые в основном корпусе публикуемых писем. Адресаты писем отмечены астериском (*). Страницы, на которых содержатся дополнительные сведения о данном лице, выделены курсивом.*

СОДЕРЖАНИЕ

1914

1915

1916

1917

Дополнение

В оформлении суперобложки
использована акварель
М. Волошина «Пейзаж». 1918 г.

Волошин, Максимилиан Александрович

В68 **Собрание сочинений.** Т. 10. Письма 1913–1917. Максимилиан Волошин; сост. А.В. Лаврова, подгот. текста и коммент. К.М. Азадовского, В.П. Купченко и др. – М.: Эллис Лак 2010, 2011. – 832 с.

ISBN 978-5-902152-84-2 (т. 10)
ISBN 978-5-902152-05-4

В настоящем томе продолжается публикация эпистолярного наследия Максимилиана Александровича Волошина (1877–1932). В том включены письма поэта за 1913–1917 гг., дающие разностороннее представление о его личных и литературных взаимосвязях. Значительная часть писем публикуется впервые по рукописным источникам. Все тексты писем, публиковавшихся ранее, сверены и исправлены по автографам.

ББК 84(2Рос=Рус)-4
УДК 821.161.1-95

Максимилиан Александрович Волошин

Собрание сочинений
под общей редакцией
В.П. Купченко и А.В. Лаврова
при участии Р.П. Хрулевой

Том десятый

Письма 1913–1917

Художественный редактор
В.Н. Сергутин

Корректор
Е.И. Коротаева

Верстка
А.Б. Метелкин

Подписано в печать 26.12.2011
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная.
Печ. л. 26. Тираж 2500 экз.
Заказ № 1218

ЛР № 01716 от 05.05.2000

Издательство «Эллис Лак 2000»
123242, Москва, Красная Пресня, д. 6/2, к. 16
Тел. (495) 605-37-97. Факс (495) 605-89-47
http://www.ellisluck.ru
e-mail: ellisluck@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в ГУП РМ «Республиканская типография «Красный Октябрь»
430000, Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а
e-mail tko-saransk@mail ru